Л. Дюшенъ.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ.

1914.

Л. ДЮШЕНЪ.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЕЙ ЦЕРКВИ.

Томъ II.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПЯТАГО ФРАНЦУЗСКАГО ИЗДАНІЯ

подъ редакціей проф. И. В. ПОПОВА и проф. А. П. ОРЛОВА.

МОСКВА.
1914.

погибъ императоръ Каръ (284 г.), оставивъ двухъ сыновей. Изъ нихъ первый, Каринъ, на котораго было возложено управленіе западной частью имперіи, оставался въ Италіи, другой, Нумеріанъ, сопровождалъ отца въ его походѣ за Евфратъ. Онъ велъ назадъ войско и находился уже вблизи Византіи, когда неожиданно былъ найденъ мертвымъ въ своемъ шатрѣ. Военачальники, нисколько не считаясь съ Кариномъ, выбрали на его мѣсто человѣка изъ своей среды, и, такимъ образомъ, начальникъ гвардіи, Діоклетіанъ, *(comes domesticorum)* достигъ императорской власти (17 сентября 284 г.). Каринъ выступилъ противъ узурпатора, иастигъ его въ Мизіи и нанесъ ему нѣсколько легкихъ пораженій, но, въ концѣ-концовъ, былъ оставленъ своими войсками, которыя перешли на сторону Діоклетіана.

Діоклетіанъ уже съ давнихъ поръ мечталъ о верховной власти. Вышколенный Авреліаномъ и его помощниками, онъ былъ дѣльнымъ воиномъ, и, что еще важнѣе, искуснымъ организаторомъ. Получивъ власть, онъ помышлялъ не о наслажденіи ею, а лишь о возстановленіи имперіи.

Прежде всего надо было создать ей устойчивое положеніе. Діоклетіанъ понялъ, что причины революцій и захватовъ власти кроются въ невозможности одному человѣку управлять столь обширной территоріей, и, главное, руководить столь отдаленными другъ отъ друга арміями. Чтобы предупредить появленіе соперниковъ, онъ самъ назначилъ себѣ соправителей. Уже въ 285 г. онъ усыновилъ одного изъ своихъ товарищей по оружію, Максиміана, облекъ его именемъ кесаря и послалъ въ Галлію усмирять возстаніе багавдъ [1]). На слѣдующій годъ онъ провозгласилъ его августомъ и поручилъ управленіе западной частью имперіи. Въ 293 г. система получила дальнѣйшее развитіе. Какъ къ тому, такъ и къ другому августу, былъ назначенъ вице-императоръ съ титуломъ кесаря и съ опредѣленными полномочіями: такъ, Констанцій Блѣдный (Хлоръ) состоялъ при Максиміанѣ правителемъ Галліи и Британіи; Галерій освободилъ Діоклетіана отъ заботъ по охранѣ Дунайской границы.

Всѣ эти правители были иллирійскими уроженцами и довольно низкаго происхожденія. Максиміанъ и Галерій остались подъ пур-

---

[1]) Крестьяне и колоны, мелкіе арендаторы, выведенные изъ терпѣнія гнетомъ знати и жрецовъ, а также налогами, поднялись и, поддержанные рабами, поденщиками и бродячимъ людомъ, соединились въ багавды, т. е. шайки, и вели опустошительную войну.—*Примѣч. перев.*

пуромъ такими же, какъ были раньше: грубыми солдатами, при случаѣ жестокими, необразованными и невоспитанными. Констанцій, повидимому, былъ болѣе просвѣщенъ. Діоклетіанъ не гнался за особою знатностью своихъ соправителей. Онъ далъ Максиміану титулъ *Herculius* (Геркулесовъ), а себѣ присвоилъ титулъ *Jovius* (Юпитеровъ), опредѣливъ такимъ образомъ свою роль въ императорскомъ Олимпѣ и услуги, которыхъ онъ требовалъ отъ своихъ сотрудниковъ. Безъ сомнѣнія, именно отъ него исходила вся политика діарховъ и тетрарховъ, особенно въ области преобразовательнаго законодательства, посредствомъ котораго онъ пытался возстановить порядокъ въ финансахъ, арміи и администраціи.

Основная идея системы заключалась въ полной централизаціи, въ упраздненіи всякой мѣстной политической жизни, малѣйшаго слѣда старинныхъ вольностей, однимъ словомъ—въ самодержавіи. Діолектіанъ былъ основателемъ византійской системы управленія. Перемѣна, конечно, не была очень значительна: преобразователь лишь закрѣпилъ соотвѣтствующими учрежденіями уже обнаружившіяся тенденціи и вошедшіе въ силу обычаи. Этотъ порядокъ породилъ то, что онъ всегда порождаетъ: центральный органъ развился за счетъ тѣла, которое онъ долженъ былъ приводить въ движеніе, казна—за счетъ общаго благосостоянія, правительство—за счетъ общественной энергіи. Имперія вскорѣ ощутила недугъ своего управленія, таившій въ себѣ залогъ ея смерти.

Чтобы выдвинуться надъ громадной іерархіей должностныхъ лицъ, облеченныхъ самыми пышными титулами, верховному вождю оставалось только выйти изъ рамокъ всего человѣческаго. Личность императора стала священной, божественной, вѣчной; его дворъ сталъ также божественнымъ *(domus divina)*. Въ немъ воцарилась пышность, достойная Сузъ и Вавилона. Никомидійскій *Jovius* былъ такъ же мало доступенъ, какъ и его небесный покровитель. Простота жизни и свобода обращенія, которыхъ придерживался Августъ въ своемъ домѣ на Палатинѣ, отошли въ далекое прошлое.

Да и не въ Римѣ расцвѣла вся эта азіатская пышность. Прежній владыка міра утратилъ все свое значеніе. Его сенатъ, который держали въ сторонѣ отъ политики, и куда со временъ Галліена былъ закрытъ доступъ заслуженнымъ воинамъ, представлялъ собою не что иное, какъ большую муниципальную курію. Толпѣ, тѣснившейся еще въ стѣнахъ Авреліана, продолжали устраивать игры, открывать бани, но императоровъ ей больше не показывали. Діоклетіанъ царствовалъ въ Никомидіи, его намѣстники имѣли оффиціаль-

ныя резиденціи въ Миланѣ, Трирѣ, Сирміи. Конечно, императорамъ хорошо было не слишкомъ удаляться отъ границъ, но къ тому были и иныя побудительныя причины. Эти воины, баловни судьбы, родившіеся въ самыхъ глухихъ провинціяхъ, получившіе воспитаніе въ дунайскихъ лагеряхъ, нисколько не дорожили Римомъ. Традиціи его были стѣснительны, а населеніе склонно къ крамольнымъ рѣчамъ; сенатъ могъ вспомнить, что онъ былъ нѣкогда всѣмъ, и могъ захотѣть стать хоть чѣмъ нибудь. Во дни смерти Авреліана онъ пробудился на малое время и попытался сыграть роль. Лучше было держаться подальше отъ этого непокладистаго Рима, и, разъ имперія превратилась въ восточную монархію, водворить свою столицу на Востокѣ. Діоклетіанъ понялъ это, а за нимъ и Константинъ.

Между реформами, проведенными въ то время, здѣсь слѣдуетъ отмѣтить новое распредѣленіе провинцій. Діоклетіанъ увеличилъ ихъ число. До него ихъ было уже около 60, послѣ него стало 96. Это дробленіе уравновѣшивалось однако образованіемъ діэцезовъ (епархій), болѣе обширныхъ округовъ, обнимавшихъ по нѣскольку провинцій. Каждый діэцезъ управлялся викаріемъ, т.-е. представителемъ префекта императорской преторіи. Эта организація во многихъ мѣстахъ была использована для нуждъ церкви. На Востокѣ, со времени Никейскаго собора, группировка епископовъ почти всюду совпадала съ новыми провинціальными округами: епископъ того города, гдѣ пребывалъ правитель, называвшагося тогда митрополіей, былъ главою всѣхъ епископовъ провинціи. Когда гдѣ нибудь освобождалась каѳедра, онъ руководилъ выборами, собиралъ своихъ собратьевъ на соборъ и предсѣдательствовалъ на ихъ собраніяхъ. Позднѣе этотъ порядокъ привился по большей части и на Западѣ. Діэцезы также до извѣстной степени послужили для обозначенія предѣловъ церковныхъ областей. Такимъ образомъ Діоклетіанъ косвенно содѣйствовалъ организаціи церкви, но иныя, болѣе серьезныя, причины даютъ ему право занять мѣсто въ ея исторіи.

2. Эдикты о гоненіяхъ.

Во время продолжительнаго мира, наступившаго вслѣдъ за гоненіемъ Валеріана, распространеніе христіанства сдѣлало огромные успѣхи. Не говоря объ Эдессѣ и армянскомъ царствѣ, гдѣ христіанство являлось уже господствующей религіей, въ имперіи были области, въ которыхъ христіане составляли почти половину или

даже большинство населенія; такъ было, напримѣръ, въ Малой Азіи[1]). Въ сѣверной Сиріи, въ Египтѣ, въ Африкѣ христіане были также очень многочисленны. На соборахъ временъ св. Кипріана насчитывалось до 90 епископовъ, что заставляетъ предполагать уже въ то время существованіе гораздо большаго количества церквей; въ теченіе слѣдующихъ затѣмъ сорока-пятидесяти лѣтъ ихъ число должно было еще возрасти. Шестьдесятъ итальянскихъ епископовъ, собранныхъ папою Корнеліемъ въ 251 г., приводятъ къ подобному же заключенію относительно италійскаго полуострова. На югѣ Испаніи и Галліи, въ Греціи, въ Македоніи проповѣдь евангелія, хотя, можетъ быть, шла медленнѣе, должна была все-таки достигнуть весьма значительныхъ результатовъ. Въ другихъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ центральной и южной Сиріи, въ сѣверной Италіи, въ сѣверной, центральной и западной Галліи, въ Британіи, въ Альпійскихъ, Пиринейскихъ, Балканскихъ горахъ,—положеніе было совершенно другое. Древніе культы были здѣсь еще въ почетѣ, а группы христіанъ встрѣчались лишь въ видѣ исключенія.

Мы рисуемъ положеніе въ общихъ чертахъ, но въ каждой странѣ оно видоизмѣнялось сообразно съ мѣстными условіями. Недалеко отъ христіанской Эдессы, Харранъ упорствовалъ въ своемъ древнемъ семитическомъ культѣ, который продержался здѣсь до ислама. Нѣкоторые города Ливана, какъ, напримѣръ, Иліополь, или сирійскаго побережья, какъ Газа, насчитывали ничтожное количество вѣрующихъ или даже вовсе ихъ не имѣли. Во Фригіи были небольшіе города, гдѣ всѣ поголовно, не исключая должностныхъ лицъ, исповѣдывали христіанство. Нерѣдко дуумвирами и кураторами были христіане; встрѣчались христіане даже между фламинами[2]). Епископы находились въ частыхъ сношеніяхъ съ правителями областей и чиновниками фиска; съ ними обходились почтительно и относились къ нимъ благосклонно. Вслѣдствіе этого они, не стѣсняясь, возстановляли старыя церкви, сооружали новыя, а по праздникамъ собирали многолюдныя собранія.

Но что всего знаменательнѣе съ точки зрѣнія распространенія христіанства и дѣйствительной свободы, которой оно пользовалось, такъ это то, что не только городскія должности, но и управленіе цѣлыми провинціями часто довѣрялось христіанамъ. Са-

---

[1]) Harnack, *Die Mission*, S. 539 et sq. (2 Aufl. B. II, S. 276 et sq.) даетъ болѣе точный подсчетъ, частью основанный на предположеніяхъ, но правдоподобныхъ.

[2]) T. I, стр. 349.

мый дворецъ, божественное жилище Юпитера, былъ полонъ христіанъ: они занимали въ немъ высокія должности по центральному управленію. Нѣкоторые изъ нихъ—Петръ, Дороѳей, Горгоній—находились въ числѣ лицъ, пользовавшихся высшими милостями императора. Должности въ канцеляріяхъ и при особѣ императора замѣщались въ значительной части христіанами. Сама императрица, Приска, и ея дочь, Валерія, имѣли, повидимому, весьма тѣсную связь съ христіанами.

Съ Діоклетіаномъ дѣло обстояло иначе. Какъ ни велика была его терпимость по отношенію къ подданнымъ, служащимъ и собственной семьѣ, самъ онъ хранилъ привязанность къ древнимъ обычаямъ римскаго культа. Онъ часто посѣщалъ храмы, совершалъ жертвоприношенія безъ мистическаго настроенія, но и не на показъ, а съ глубокимъ чувствомъ, полагая, очевидно, что онъ исполняетъ такимъ образомъ свой долгъ, какъ человѣкъ, а главное, какъ государь. Такое душевное настроеніе не могло внушить ему расположенія къ другимъ религіямъ, оспаривавшимъ первенство у римской. „Безсмертные боги, говоритъ онъ въ своемъ эдиктѣ противъ манихеевъ, соблаговолили въ своемъ провидѣніи довѣрить проницательности людей честныхъ и мудрыхъ рѣшеніе вопросовъ о томъ, что добро и что истинно. Недозволительно противиться ихъ авторитету: древняя религія не должна подвергаться критикѣ со стороны новой. Отреченіе отъ того, что было установлено предками, и что является нашимъ достояніемъ и обычаемъ, есть тяжкое преступленіе“.

Было, сравнительно, легко примѣнить эти принципы къ манихейству, только что явившемуся изъ чужихъ краевъ. Но о христіанскихъ вѣрованіяхъ уже можно было сказать то же, что и о римскомъ культѣ: *statum et cursum tenent et possident* (занимаютъ свое мѣсто и идутъ своимъ путемъ). Къ тому же они были слишкомъ распространены, чтобы можно было надѣяться на ихъ уничтоженіе. Декій и Валеріанъ сдѣлали попытку въ этомъ направленіи, и извѣстно, насколько она была успѣшна. Съ тѣхъ поръ положеніе христіанъ поднялось и укрѣпилось; новая попытка могла встрѣтить лишь еще большія препятствія.

Здравый смыслъ императора долгое время удерживалъ его отъ всякаго гоненія, но съ теченіемъ времени онъ измѣнилъ свой взглядъ. Очень можетъ быть, что, подобно многимъ реформаторамъ, онъ прельстился химерой религіознаго единства, роковой, но живучей химерой, которой и понынѣ еще приносятся жертвы. Однако

дошедшія до насъ подробности его образа дѣйствій не указываютъ, чтобы онъ преслѣдовалъ такую цѣль. Кажется, какъ будто Діоклетіанъ въ извѣстный моментъ призналъ, что въ его свитѣ и арміи слишкомъ много христіанъ. Но для устраненія этого неудобства не было надобности объявлять христіанству истребительную войну. Нѣсколько личныхъ мѣропріятій и увольненій въ отставку уладили бы все дѣло. Даже среди христіанъ эти мѣры встрѣтили бы одобреніе. Въ ихъ средѣ было не мало вѣрующихъ, которые осуждали военную службу [1]) и неодобрительно относились къ единовѣрцамъ, бравшимся за общественныя должности. Можно было бы этимъ и ограничиться. Но Діоклетіанъ постарѣлъ, сила сопротивленія въ немъ ослабѣла, а вокругъ него могущественная партія требовала рѣшительныхъ мѣръ. Глава ея, свирѣпый кесарь Иллирика, нашелъ средство заставить престарѣлаго августа поступить по своему желанію и совершить то чудовищное дѣло, которое осталось связано съ его именемъ.

Лактанцій [2]) приписываетъ начало гоненія случаю, происшедшему въ восточныхъ провинціяхъ. Въ то время, какъ Діоклетіанъ готовился приступить къ жертвоприношенію и гаданію по внутренностямъ животныхъ, сопровождавшіе его христіане осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ. Гадатель, который въ этотъ день тщетно добивался какихъ-нибудь результатовъ, замѣтилъ движеніе христіанъ и доложилъ о томъ императору, жалуясь, что безбожники нарушаютъ священнодѣйствіе. Разгнѣванный Діоклетіанъ приказалъ принудить къ жертвоприношенію не только провинившихся, но и всѣхъ должностныхъ лицъ при его дворѣ, а въ случаѣ отказа бить ихъ розгами. Вслѣдъ за тѣмъ военачальникамъ были разосланы приказы, требовавшіе жертвоприношеній отъ всѣхъ воиновъ подъ страхомъ исключенія изъ арміи.

Трудно сказать, какое вліяніе разсказанный случай имѣлъ на императора, но достовѣрно извѣстно, что были приняты мѣры къ

---

[1]) Съ этимъ отношеніемъ нѣкоторыхъ христіанъ къ военной службѣ связана судьба нѣсколькихъ африканскихъ мучениковъ того времени, относительно которыхъ имѣются подлинные документы. Сюда относится новобранецъ Максимиліанъ, казненный за отказъ отъ военной службы въ Тевестѣ 12 марта 295 г. Проконсулъ Діонъ тщетно указывалъ ему на христіанъ, служившихъ въ императорскомъ войскѣ. „Они знаютъ, какъ имъ должно поступать,—отвѣчалъ Максимиліанъ,—но я христіанинъ и не долженъ дѣлать зла". Далѣе въ Танжерѣ были казнены: сотникъ Маркеллъ, отказавшійся отъ службы, и секретарь Кассіанъ, не пожелавшій записать приговоръ, вынесенный противъ Маркелла (30 октября и 3 декабря неизвѣстнаго года).

[2]) *De mort. pers.*, 10.

удаленію изъ арміи находившихся въ ней христіанскихъ элементовъ [1]). Одинъ *magister militum*, Ветурій, былъ специально назначенъ для приведенія ихъ въ исполненіе. Очень много христіанъ было вынуждено тогда отказаться отъ военной службы, и они покорились этому. Но на дальнѣйшія принудительныя мѣры не было дано разрѣшенія. Евсевій упоминаетъ объ одномъ или двухъ случаяхъ смертной казни, безъ сомнѣнія вызванныхъ исключительными обстоятельствами. Все это происходило въ 302 году.

По возвращеніи съ востока, Діоклетіанъ провелъ всю зиму въ Никомидіи. Галерій прибылъ къ нему туда и старался всѣми силами добиться отъ него болѣе суровыхъ мѣръ. Говорятъ, что его подстрекала къ этому мать, старая, очень набожная язычница, ярая противница христіанъ [2]). Діоклетіанъ противился. „Къ чему, говорилъ онъ, вносить всюду смуту и проливать потоки крови? Христіане не боятся смерти. Достаточно запретить солдатамъ и придворнымъ исполнять предписанія ихъ вѣры“.

Галерій упорно добивался своего и постоянно возобновлялъ свои настоянія. Императоръ рѣшился созвать совѣтъ друзей изъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Мнѣнія раздѣлились. Какъ всегда, наиболѣе рѣшительные, за которыми чувствовалось вліяніе Галерія, сегодня кесаря, а завтра, можетъ быть, августа, увлекли колебавшихся. Однако мудрость старца не сдавалась. Положили вопросить Милетскій оракулъ, Аполлона Дидимійскаго. Конечно гадалка [3]) не приминула присоединить свой вдохновенный голосъ къ голосамъ Галерія и его приспѣшниковъ. Война была рѣшена.

Если бы послушались Галерія, начали бы съ самыхъ крутыхъ мѣръ, и всюду запылали бы костры. Діоклетіанъ не хотѣлъ крови. На одинъ моментъ его желаніе восторжествовало. Изготовили эдиктъ въ его духѣ. Уже наканунѣ его объявленія (23 февраля 303 г.) начальники стражи на разсвѣтѣ отправились въ никомидійскую церковь, обширное зданіе, находившееся въ виду императорскаго дворца. Священныя книги были захвачены и брошены въ огонь, утварь предана разграбленію, сама церковь разрушена до основанія.

---

[1]) *De mort. pers.*, *10*; Eusebius, *H. E.*, VIII, 1, 4; *Chron.* ad ann. 2317.

[2]) Лактанцій этого не говоритъ, но можно подозрѣвать, что здѣсь имѣло мѣсто столкновеніе женскихъ вліяній. Никомидійскія принцессы были сами христіанки или расположены къ христіанамъ; этого было достаточно, чтобы въ женскомъ теремѣ соперницъ желали христіанамъ смерти.

[3]) Къ этому моменту относятся, по моему мнѣнію, воспоминанія Константина въ томъ видѣ, въ какомъ передаетъ ихъ Евсевій. Eusebius. *Vita Const*, II, 50. 51.

На слѣдующій день (24 февраля) эдиктъ былъ прибитъ къ стѣнамъ общественныхъ зданій. Въ немъ повелѣвалось [1]), чтобы по всей имперіи церкви были разрушены, священныя книги сожжены: христіане, находившіеся на службѣ, облеченные высокимъ саномъ и пользовавшіеся привиллегіями, лишались всего этого; они теряли отнынѣ право преслѣдованія по суду за оскорбленіе, прелюбодѣяніе и кражу; рабы-христіане не могли быть отпускаемы на волю [2]).

Едва эдиктъ этотъ былъ опубликованъ, какъ одинъ христіанинъ, имя котораго не дошло до насъ, сорвалъ его, но поплатился за свою смѣлость смертью на кострѣ. Вскорѣ послѣ этого во дворцѣ случился пожаръ. Галерій обвинилъ христіанъ въ поджогѣ, а они въ свою очередь обвиняли его въ томъ же, утверждая, что онъ хотѣлъ такимъ образомъ возбудить противъ нихъ гнѣвъ Діоклетіана. Пока Діоклетіанъ производилъ дознаніе, чтобы выяснить дѣло, вспыхнулъ новый пожаръ. Несмотря на зимнее время, кесарь поспѣшилъ выѣхать изъ Никомидіи, заявивъ, что онъ не желаетъ заживо сгорѣть здѣсь.

Сдавшись, наконецъ, на убѣжденія, Діоклетіанъ рѣшился пойти по стопамъ Нерона. Весь дворецъ подвергся испытанію. Его жена и дочь принуждены были совершить жертвоприношеніе; Адавктъ, министръ финансовъ того времени, любимые евнухи—Петръ, Дороѳей и Горгоній, — епископъ никомидійскій Анѳимъ, пресвитеры, діаконы, вѣрующіе всѣхъ возрастовъ, даже женщины были сожжены или утоплены цѣлыми массами. Такая расправа была учинена за очевидно мнимое преступленіе поджога священнаго дворца и покушенія на жизнь двухъ императоровъ.

Но дѣло не ограничилось этой мѣстной репрессіей. Попытка къ возстанію близъ Мелитины и въ Сиріи была, повидимому, приписана христіанамъ. Другіе общіе эдикты послѣдовали за первымъ [3]); они предписывали, во-первыхъ, взять подъ стражу всѣхъ предстоятелей церкви: епископовъ, пресвитеровъ и прочихъ клириковъ, и затѣмъ всѣми средствами принудить ихъ къ жертвоприношенію.

17 сентября 303 г. наступилъ двадцатый годъ царствованія Діоклетіана; по этому случаю осужденнымъ была объявлена амнистія [4]). Ничто не даетъ намъ права предполагать, что она распространялась

---

[1]) Lactantius, *De mort.*, 13; Eusebius, *H. E.*, VIII, 2; *Martyr. Pal.* предисловіе.
[2]) Этотъ первый эдиктъ былъ полученъ въ Палестинѣ въ концѣ марта, во время празднованія пасхи. (Eusebius *H. E.* VIII, 2).
[3]) Eusebius, *Martyr. Pal.*, предисловіе.
[4]) Eusebius, *Martyr. Pal*, 2.

и на заключенныхъ исповѣдниковъ, которые съ точки зрѣнія закона не были ни подсудимыми, ни осужденными, но считались мятежниками. Престарѣлый императоръ рѣшилъ отпраздновать въ Римѣ свой двадцатилѣтній юбилей *(vicennalia)*. Празднество состоялось 20 ноября. Постройка его знаменитыхъ бань не настолько подвинулась, чтобы можно было къ этому дню пріурочить ихъ открытіе: оно было отложено. Діоклетіану, впрочемъ, не понравилась жизнь на берегахъ Тибра. Его восточная роскошь и угрюмая, сухая важность не внушали особаго уваженія черни, склонной къ критикѣ. Она такъ досадила ему непринужденностью своего поведенія и своими шутками, что, не дождавшись 1 января, дня своего вступленія въ 9-е консульство, онъ среди зимы отбылъ въ Равенну. Вслѣдствіе этого несвоевременнаго путешествія онъ занемогъ, и болѣзнь, затянувшись, еще ухудшилась по его прибытіи въ Никомидію. Въ такомъ положеніи онъ самъ, весь Востокъ и въ извѣстномъ смыслѣ вся имперія очутились въ рукахъ у Галерія. Преслѣдованіе христіанъ сдѣлалось строже. Появился 4-й эдиктъ. На этотъ разъ дѣло шло не только объ извѣстной категоріи лицъ; всѣ христіане, безъ различія, обязывались приносить жертвы. Начавъ Нерономъ, пришлось перейти къ политикѣ Валеріана, а теперь вступить на путь Декія.

3. Паденіе тетрархіи.

Насталъ страшный годъ не только для христіанъ, но и для императора. Здоровье его все ухудшалось. Въ срединѣ декабря пронесся слухъ, что онъ умеръ. Онъ былъ живъ, но, когда онъ появился вновь предъ народомъ (1 марта 305 г.), его съ трудомъ можно было узнать. Ослабѣвъ тѣломъ и духомъ, онъ внялъ убѣжденіямъ Галерія, что для него настало время отречься отъ престола. Галерій внушилъ ту же мысль Максиміану Геркулію, угрожая ему гражданской войной. Это двойное отреченіе влекло за собой возвышеніе Констанція и Галерія въ достоинство августовъ. Галерій поставилъ двухъ новыхъ кесарей: Севера, пьянаго солдата, и Даю, неотесаннаго варвара, котораго назвали Максиминомъ, чтобъ придать ему подобіе римлянина. Съ такими соправителями новый августъ восточной половины имперіи надѣялся удержать почти всю имперію въ своей власти. Констанцій находился далеко, былъ миролюбиво настроенъ и къ тому же слабъ здоровьемъ: онъ не могъ служить помѣхой. Максиминъ Дая былъ поставленъ надъ

восточнымъ діэцезомъ, т. е. надъ Сиріей и Египтомъ. Галерій присоединилъ къ своему Иллирику діэцезы Ѳракіи, Асіи и Понта. Испанія вошла въ черту владѣній Констанція. Италія и Африка составили удѣлъ Севера.

Этотъ прекрасный порядокъ былъ нарушенъ распрей изъ-за наслѣдства. Діоклетіанъ и Галерій не имѣли дѣтей мужескаго пола, но у Констанція и Максиміана дѣло обстояло иначе, и ихъ прямымъ наслѣдникамъ не по вкусу пришелся новый порядокъ престолонаслѣдія. Сынъ Констанція, Константинъ, во время этихъ перемѣнъ находился въ Никомидіи, гдѣ проживалъ въ качествѣ заложника Констанція [1]). Сдѣлавшись августомъ, Констанцій потребовалъ его къ себѣ, и Галерію пришлось, хотя и весьма неохотно, съ нимъ разстаться. Случилось дѣйствительно то, чего онъ опасался. Императоръ Констанцій вскорѣ умеръ въ Іоркѣ. Въ послѣднія минуты жизни онъ ввѣрилъ судьбу своего сына окружавшимъ его воинамъ, и какъ только отецъ испустилъ послѣдній вздохъ, они провозгласили юнаго принца императоромъ (25 іюля 306 г.). Это была серьезная непріятность для Галерія; но такъ какъ отъ Іорка до Никомидіи было далеко, а Константинъ не былъ лишенъ поддержки, то его пришлось признать. Однако въ титулѣ августа ему было отказано: Галерій провозгласилъ Севера августомъ на мѣсто Констанція Хлора, а Константина кесаремъ на мѣсто Севера. Тетрархія была возстановлена въ лицѣ двухъ августовъ—Галерія и Севера, и двухъ кесарей—Максимина и Константина. Одновременно съ Константиномъ Максенцій, сынъ Максиміана, пользуясь тѣмъ, что древній Римъ былъ такъ заброшенъ, захватилъ тамъ власть, нисколько не считаясь съ существованіемъ тетрархіи. Несмотря на свою нравственную распущенность, напоминавшую времена Коммода, молодой человѣкъ сумѣлъ понравиться римлянамъ. Какъ бы въ видѣ протеста противъ новыхъ столицъ, онъ возстановилъ почитаніе древнихъ культовъ, старыхъ легендъ, реставрировалъ форумъ и священную дорогу и невдалекѣ отъ послѣдней соорудилъ внушительную базилику. Северъ сдѣлалъ тщетную попытку вырвать у него власть, такъ какъ его солдаты ему измѣнили. То были солдаты стараго Максиміана; они тѣмъ охотнѣе пошли за его сыномъ, что самъ Максиміанъ покинулъ свое уединеніе и снова облекся въ пурпуръ, принявъ титулъ „дважды августа“ *(bis Augustus)*.

---

[1]) Евсевій *(Vita Const., I, 19)* видѣлъ его при проѣздѣ черезъ Палестину въ свитѣ имп. Діоклетіана.

Его новое появленіе привело все въ окончательное разстройство. Северъ былъ вынужденъ покончить съ собой. Галерій устремился было съ цѣлью отомстить за него, но подъ стѣнами Рима настроеніе его солдатъ заставило его вернуться восвояси. Максенцій, чувствуя, что у него развязаны руки, самъ провозгласилъ себя августомъ (27 октября 307 г.). Тѣмъ временемъ престарѣлый Максиміанъ, разссорившись съ сыномъ, перебрался въ Галлію къ Константину и пытался еще, опираясь на него, сыграть какую-то роль: то онъ покидалъ своего покровителя, то снова возвращался къ нему, измѣнялъ ему, и наконецъ съ нимъ покончили, или онъ самъ наложилъ на себя руки, повинуясь совѣту Константина (310 г.).

Галерій въ поискахъ за другимъ августомъ надумалъ облечь этимъ званіемъ Ликинія (11 ноября 308 г.), одного изъ прежнихъ своихъ товарищей по оружію. Максиминъ не замедлилъ заявить по этому поводу протестъ. Изъ глубины своего Востока онъ съ завистью смотрѣлъ, какъ этотъ новичокъ сразу достигъ высшихъ почестей. Константинъ могъ заявить такую же претензію. Чтобы удовлетворить ихъ, Галерій далъ имъ обоимъ новый титулъ— „сыновей августовъ“ и спустя нѣсколько мѣсяцевъ довершилъ дѣло, объявивъ ихъ августами. Такимъ образомъ получилось четыре императора, равныхъ по степени достоинства.

Когда Галерій умеръ, въ маѣ 311 г., Ликиній и Максиминъ устремились, чтобы захватить его наслѣдіе; они заключили однако договоръ, по которому Босфоръ являлся границей между ихъ владѣніями. Такимъ образомъ имперія Максимина включала въ себя Малую Азію съ Сиріей и Египтомъ; имперія Ликинія тянулась отъ Босфора до Альпъ; теоретически она простиралась также на Италію и Африку, на дѣлѣ же эти страны были подвластны Максенцію, императору незаконному съ точки зрѣнія права тетрархіи, но фактически крѣпко утвердившему тамъ свою власть.

Константинъ держался въ Галліи, искусно лавируя среди всѣхъ этихъ столкновеній и, безъ сомнѣнія, обдумывая планъ, вскорѣ приведенный имъ въ исполненіе,—планъ, какъ уничтожить всѣхъ своихъ соперниковъ, пользуясь одними противъ другихъ.

Дѣло объединенія власти началось съ Максенція. Заручившись нравственной поддержкой Ликинія, котораго Максенцій весьма кстати тревожилъ, Константинъ двинулся въ Италію. Въ нѣсколькихъ стычкахъ онъ разбилъ сторонниковъ „тирана“ и наконецъ далъ ему близъ Мильвійскаго моста достопамятную битву 28 октября 312 г. Максенцій погибъ въ волнахъ Тибра, а Константинъ

вступилъ въ Римъ и тотчасъ былъ признанъ во всей Италіи и Африкѣ. На слѣдующій годъ онъ предоставилъ Ликинію свободу дѣйствій противъ Максимина. Разбитый на голову 30 апрѣля, во Ѳракіи, ненавистный Дая перешелъ Босфоръ, затѣмъ Тавръ и наконецъ отравился въ Тарсѣ. Оставалось лишь два императора: Константинъ и Ликиній, одинъ въ Римѣ, другой въ Никомидіи.

4. Гоненіе до эдикта Галерія.

Вернемся теперь къ законамъ противъ христіанъ.

Первый эдиктъ, кромѣ лишенія званія и юридической правоспособности, падавшаго на извѣстныя категоріи христіанъ, предписывалъ разрушеніе церквей и сожженіе священныхъ книгъ. Таковы по крайней мѣрѣ предписанія, извѣстныя намъ по прямымъ источникамъ; но мы знаемъ также, что недвижимыя имущества христіанскихъ общинъ были конфискованы, и что прежде, чѣмъ разрушать церковныя зданія, захватывали ихъ движимость. Эти операціи производились по установленнымъ формамъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ составлялись настоящія инвентарныя описи. Часть ихъ сохранялась долгое время. Такъ донатисты въ 411 г. могли сослаться на протоколы, составленные при конфискаціи церквей въ Римѣ [1]). Потомъ протоколы эти погибли. Однако и теперь еще можно читать протоколы, составленные въ Циртѣ, въ Нумидіи. Болѣе краткія свѣдѣнія имѣются относительно примѣненія эдикта въ другихъ мѣстностяхъ—въ Африкѣ и другихъ областяхъ. Было очень трудно сопротивляться конфискаціи недвижимыхъ имуществъ, но дѣлали по крайней мѣрѣ все возможное, чтобы спасти движимость и главное священныя книги. Изъ Ѳессалоники женщины бѣжали въ горы съ большимъ количествомъ книгъ и бумагъ [2]). Епископу карѳагенскому Менсурію удалось спрятать священныя книги; на ихъ мѣсто онъ положилъ въ одной изъ своихъ церквей собраніе еретическихъ книгъ, которыя были захвачены и уничтожены невнимательной полиціей. Въ дѣйствительности чиновники иногда сквозь пальцы смотрѣли на то, что дѣлалось. Карѳагенскіе деку-

---

[1]) Augustinus. *Brev. Coll.*, 34—36. При этомъ были упомянуты нѣкоторые члены клира и между прочимъ діаконъ Стратонъ, какъ лица, сдававшія чиновникамъ церковную движимость; префектъ называетъ ихъ *hortatores vanissimae superstitionis* (вдохновителями пустѣйшаго суевѣрія).

[2]) Мученическіе акты св. Агапіи, Хіоніи и Ирины (1 апрѣля). Документы заслуживаютъ вниманія.

ріоны, провѣдавъ объ обманѣ Менсурія, донесли на него проконсулу, но онъ не обратилъ вниманія на эти разоблаченія. Если дѣло обстояло такъ въ большихъ городахъ, можно себѣ представить, что происходило въ небольшихъ мѣстечкахъ. Были мѣстности, гдѣ косо смотрѣли на христіанъ, гдѣ городское управленіе находилось въ рукахъ ихъ враговъ, но въ другихъ—гонимые имѣли дѣло съ должностными лицами, которые сами были христіанами, или, по крайней мѣрѣ, сочувствовали христіанству. Устраивались сдѣлки. Какъ въ Карѳагенѣ, въ церквахъ забирали не библейскія, а другія книги [1]), а если обыскъ простирался до жилища епископа, то и здѣсь находились лазейки. Вмѣсто того, чтобъ разрушать церкви, иногда довольствовались тѣмъ, что сжигали ихъ двери. Впрочемъ епископы и клирики часто бывали уступчивы и выдавали свои священныя книги, очевидно разсчитывая, что позднѣе можно будетъ легко раздобыть новые экземпляры. Но такая податливость въ глазахъ общественнаго мнѣнія считалась предосудительной, особенно, разумѣется, по окончаніи гоненія, когда можно было безопасно высказывать строгія сужденія. Тогда вспомнили о геройствѣ нѣкоторыхъ епископовъ, какъ, напримѣръ, епископа Тибіуки, Феликса, который поплатился головой за свой отказъ выдать книги Св. Писанія [2]). Разсказывали также о чудесахъ. Такъ въ городѣ Абитинѣ, гдѣ священныя книги, выданныя епископомъ Фунданомъ, были брошены въ огонь, разразилась страшная гроза, которая залила костеръ и затопила всю окрестность.

Въ странахъ, находившихся подъ властью кесаря Констанція, примѣненіе указа не шло дальше церковныхъ зданій. Церкви были отобраны и разрушены, но на священныя книги это требованіе не простиралось.

Если разрушали церкви, гдѣ христіане собирались на глазахъ властей, то было гораздо болѣе основаній запретить тайныя собранія. Это неизбѣжно вытекало изъ перваго эдикта, и есть основаніе думать, что это и было въ немъ категорически предписано. Впрочемъ, это видно изъ одного африканскаго документа, гдѣ упоминается до 50 человѣкъ христіанъ небольшого городка Абитины, обвинявшихся за молитвенное собраніе *(collecta)* подъ руко-

---

[1]) Въ Аптунгахъ (объ орѳографіи этого названія города см. собраніе текстовъ въ латинскомъ *Thesaurus*) такимъ образомъ были взяты *epistolae salutatoriae* (?), въ *Calama*—медицинскія книги, въ *Aquae Tibilitanae*—какія то бумаги.

[2]) Разсказъ о мученической кончинѣ этого святого, достовѣрный въ общемъ, былъ снабженъ впослѣдствіи добавленіями, переносящими конецъ его въ Италію. См. *Anall. Bol.* T. XVI p. 25.

водствомъ пресвитера Сатурнина. Второй эдиктъ, предписывавшій заточеніе клириковъ, косвенно касался религіозныхъ собраній, которыя были невозможны безъ пастырей.

До сихъ поръ извѣстной безопасностью пользовались тѣ, которые подчинялись эдиктамъ, мирились со своей юридической неправоспособностью, не противились сожженію Св. Писанія и конфискаціи церквей, воздерживались отъ участія въ отнынѣ запрещенныхъ религіозныхъ собраніяхъ. Правда, въ Никомидіи тотчасъ приступили къ самымъ крайнимъ мѣрамъ, но это дѣлалось подъ вліяніемъ исключительныхъ обстоятельствъ. Кровавое гоненіе не распространялось еще на самый фактъ принадлежности къ христіанству. Дѣло приняло иной оборотъ, когда сперва клирикамъ, а потомъ вѣрующимъ вновь было предъявлено требованіе участвовать въ отправленіи государственнаго культа, и когда, не ограничиваясь болѣе искорененіемъ христіанства, задались цѣлью добиваться обращенія въ язычество.

Тогда повторился опытъ прошлыхъ гоненій. Горячія головы шли навстрѣчу мученичеству, предавали самихъ себя, производили скандалы въ присутствіи суда, оскорбляли полицію. Мудрые и твердые люди ждали, когда ихъ арестуютъ, и тогда оказывали требованіямъ властей стойкое и спокойное сопротивленіе, которое во многихъ случаяхъ торжествовало надъ тюрьмой и пыткой и не покидало ихъ до самой смерти. Нашлось также не мало отступниковъ, которые, большею частью во избѣжаніе опасности, спѣшили исполнить, что отъ нихъ требовалось, но были и такіе, которые сначала оказывали сопротивленіе, а потомъ падали духомъ, побѣжденные ужасами темницы и муками пытокъ.

Многіе бѣжали или попрятались, жертвуя своимъ имуществомъ. Способовъ уклоненія было много. Ихъ можно изучать по посланію о принятіи падшихъ епископа Петра александрійскаго отъ 306 г., по правиламъ Анкирскаго собора (314 г.), по разсказамъ Евсевія и по нѣкоторымъ произведеніямъ агіографическаго характера. Многіе обманывали полицію, посылая вмѣсто себя приносить жертвы своихъ рабовъ или друзей язычниковъ, и получали такимъ образомъ нужное удостовѣреніе. Другіе шли къ цѣли прямѣе и покупали удостовѣреніе, если власти были не прочь продать его. Были смѣльчаки, которые никакъ не могли добиться, чтобы ихъ исповѣдничество было принято. Нѣкоторые судьи желали не столько казней, сколько отступничества. Между ними встрѣчались такіе, которые въ концѣ своей магистратуры хвалились, что не загубили ни одного

христіанина [1]). Въ дѣлѣ заявленія о признаніи язычества они довольствовались малымъ; иногда противъ воли преслѣдуемыхъ они вносили ихъ имена въ списокъ лицъ, исполнившихъ требованіе закона. Случалось также, что черезъ-чуръ усердные друзья—христіане или язычники, — желая непремѣнно спасти отъ смерти вѣрующаго, рѣшимость котораго была имъ хорошо извѣстна, тащили его къ алтарямъ со связанными руками и ногами, затыкали ему ротъ, чтобы онъ не кричалъ, и принуждали его, иногда обжигая ему при этомъ руки, бросить нѣсколько зеренъ ѳиміама на священный огонь.

Лактанцій не безъ основанія жалуется [2]) на тѣхъ страшныхъ по своей мнимой мягкости судей, которые не хотѣли убивать, но измышляли утонченныя пытки, чтобы сломить упорство самыхъ безстрашныхъ людей. Онъ предпочиталъ имъ тѣхъ, которые свирѣпствовали открыто по прирожденной жестокости, или желая отличиться въ глазахъ высшаго начальства. Встрѣчались такіе, которые не колеблясь шли дальше предписаннаго. Такъ судья маленькаго фригійскаго города, жители котораго всѣ были христіанами, поджегъ церковь, куда собралось все населеніе, и сжегъ его со всей куріей и должностными лицами [3]).

Смѣна императоровъ, вызванная отреченіемъ Діоклетіана и Максиміана, имѣла послѣдствіемъ расширеніе на западѣ сферы дѣятельности Констанція Хлора. Испанія, присоединенная къ непосредственно подчиненной ему области, получила съ того времени то относительное спокойствіе, какимъ до тѣхъ поръ пользовались Галлія и Британія. Повидимому и его намѣстникъ, Северъ, не проявлялъ въ Италіи и Африкѣ особаго рвенія въ исполненіи эдиктовъ о гоненіи. Послѣ смерти Констанція, Константинъ обнаружилъ еще болѣе благосклонности къ христіанамъ, чѣмъ его отецъ [4]). Максенцій тоже былъ вѣротерпимъ. Такимъ образомъ можно сказать, что суровое гоненіе длилось въ западныхъ провинціяхъ не болѣе 2-хъ лѣтъ (303—305 г.). Дѣло обстояло иначе

---

1) Lactantius, *Inst.*, V, II.

2) L. c.

3) Lactantius., *L. c.*; ср. Eusebius, *H. E.* VIII, 11.—Евсевій говоритъ, что самый городокъ (*πολίχνην*) былъ сожженъ съ кураторомъ, дуумвиромъ и прочими служащими; Лактанцій упоминаетъ лишь о церкви, но онъ тоже сообщаетъ, что все населеніе погибло: *universum populum cum ipso pariter conventiculo concremavit.* (Сжегъ весь народъ вмѣстѣ съ самымъ домомъ собранія).

4) *Suscepto imperio Constantinus aug. nihil egit prius quam chistianos cultui ac Deo suo redderet.* (Получивъ власть, Константинъ августъ прежде всего возвратилъ христіанъ религіи и ихъ Богу.) Lactantius, *De mort. pers.*, 24.

въ Иллирикѣ, Ѳракіи[1]), Малой Азіи и на Востокѣ, гдѣ ничто не противилось волѣ Галерія и Максимина, его креатуры. Ихъ врожденная жестокость служила своего рода религіозному убѣжденію. Галерій былъ ханжа, Максиминъ—фанатикъ. Онъ соединялъ необузданное, грубое, деспотическое распутство съ необычайнымъ рвеніемъ къ культу боговъ. Съ первыхъ шаговъ царствованія ему показалось, что гоненіе утихаетъ, и онъ приложилъ стараніе оживить его, предъявивъ снова требованіе совершать жертвоприношенія [2]).

Полицейскіе, снабженные именными списками, ходили изъ одной улицы въ другую, вызывая поименно всѣхъ, не исключая женщинъ и дѣтей, и принуждая итти въ храмы для выполненія предписанныхъ церемоній. Однако по прошествіи нѣкотораго времени, начиная съ 307 г., было введено нѣкоторое смягченіе. Смертная казнь въ обыкновенныхъ случаяхъ была замѣнена каторжными работами въ рудникахъ, съ тѣмъ отягченіемъ наказанія, что исповѣдникамъ предварительно выкалывали правый глазъ и изувѣчивали лѣвую ногу посредствомъ прижиганія сухожилій. Немного позднѣе, въ 308 г., послѣ краткой передышки, провинціальныя и городскія власти опять были подняты на ноги. Кесарь издалъ по-

[1]) О жертвахъ гоненія въ области, подчиненной Галерію, сохранилось нѣсколько серьезныхъ и достовѣрныхъ преданій въ документахъ, по времени довольно близкихъ къ событіямъ. Они позволяютъ судить объ обычномъ примѣненіи эдиктовъ, но не могутъ служить характеристикой личнаго воздѣйствія императора, который руководилъ здѣсь этимъ дѣломъ. Я подразумѣваю тутъ документы, относящіеся: къ св. Филиппу ираклійскому съ пресвитеромъ Северомъ и діакономъ Ерміемъ (22 октября); къ тремъ святымъ женщинамъ изъ (Ѳессалоники: Агапіи, Хіоніи и Иринѣ (1 апрѣля); къ доросторскимъ мученикамъ — Пасикрату, Валентіону (25 мая). Маркіану, Никандру (17 іюня), Юлію (27 мая), Исихію (15 іюня); къ пресвитеру Монтану сингидунскому (26 марта); къ епископу сирмійскому Иринею (6 апрѣля), отшельнику Синеру изъ того же города (22 февраля); къ Полліону, главному чтецу въ Цибалѣ (28 апрѣля); къ спискому зисційскому Квирину (5 іюня; ср. Hieronymus, *Chron.*, *a. Abr.* 2324); къ епископу петавіопскому Викторину (2 ноября; ср. Hieronymus, *De viris*, 74); къ св. Флоріану изъ Лавріака въ Норикѣ (4 мая) и т. д. Не слѣдуетъ думать, что этотъ перечень исчерпываетъ всѣ имена; я упомянулъ лишь нѣсколько мучениковъ этихъ областей, которыхъ осторожнѣе отнести къ гоненію Діоклетіана, чѣмъ къ какому-либо другому. Мартирологъ Іеронима приводитъ гораздо больше именъ въ перечнѣ дунайской области, особенно по нижнему Дунаю, начиная отъ Сирмія; весьма вѣроятно, что они большею частью относятся къ жертвамъ послѣдняго, а не предшествовавшихъ гоненій. (Дни памяти мучениковъ обозначены по западному календарю, не совпадающему съ календаремъ восточной церкви. Переводъ точно воспроизводитъ подлинникъ, такъ какъ указанные въ послѣднемъ мѣсяцы и числа имѣютъ значеніе ссылки на историческіе документы, напечатанные подъ соотвѣтствующими числами въ извѣстномъ собраніи болландистовъ *Acta Sanctorum*. Прим. ред.).

[2]) Eusebius, *Martyr. Pal.* IV, 8. Если вѣрить самому Максимину (Eusebius, *H. E.*, IX, 9, § 13), онъ никогда не занимался преслѣдованіемъ.

велѣніе возстановить всюду разрушенные храмы и принудить всѣхъ, до малыхъ дѣтей включительно, принять участіе въ жертвоприношеніяхъ. Всѣ съѣстные припасы на рынкѣ было приказано окроплять виномъ жертвенныхъ возліяній; у входа въ общественныя бани воздвигались алтари, на которые всѣ входящіе должны были бросать ѳиміамъ. Пришлось опять переживать тяжелые дни.

Однако первый виновникъ гоненія находился уже на одрѣ страшной болѣзни, которой суждено было сломить его жестокость. Болѣзнь началась почти съ самаго начала 310 г. Въ продолженіе приблизительно 18 мѣсяцевъ несчастный Галерій боролся съ недугомъ, утомляя врачей своими жалобами, а боговъ тщетными мольбами. Наконецъ ему пришла въ голову очень странная мысль— заинтересовать своимъ здоровьемъ христіанъ, которыхъ онъ преслѣдовалъ уже нѣсколько лѣтъ, и Бога, культъ котораго онъ клялся искоренить. Вѣроятно изъ Сардики, гдѣ онъ жилъ съ Ликиніемъ, было отправлено во всѣ провинціи воззваніе отъ имени четырехъ властителей [1]). Въ немъ объявлялось, что императоры, въ виду своего намѣренія произвести общую реформу, желали вернуть христіанъ къ алтарямъ предковъ [2]), но что это имъ не удалось, такъ какъ христіане, несмотря на направленныя противъ нихъ жестокія мѣры, продолжали слѣдовать законамъ, которые они сами себѣ предписали. При такихъ условіяхъ, разъ они не хотятъ почитать боговъ имперіи и не могутъ исполнять требованій собственнаго культа, приходится снизойти къ ихъ положенію. Вслѣдствіе этого имъ разрѣшается вновь существовать и возобновить свои собранія, съ условіемъ, однако, не дѣлать ничего противозаконнаго [3]). При этомъ городскія власти предупреждались, что другое императорское посланіе объяснитъ, какъ имъ слѣдуетъ держаться. „За таковое наше снисхожденіе,—значилось въ заключеніи эдикта,—они должны молить своего Бога за наше здравіе, за государство и за самихъ себя, дабы республика поль-

[1]) Лактанцій (*De mort. persec.* 34) сохранилъ намъ подлинный текстъ, но безъ надписанія; послѣднее извѣстно намъ лишь въ передачѣ Евсевія (*H. E.* VIII,17). Оно упоминаетъ только о Галеріи, Константинѣ и Ликиніи; имя Максимина опущено или потому, что память о немъ была оффиціально упразднена, или же по винѣ переписчиковъ.

[2]) Эти соображенія страннымъ образомъ напоминаютъ тѣ, которыя были выставлены въ указѣ противъ манихеевъ.

[3]) *Ut denuo sint christiani et conventicula sua componant, ita ut ne quid contra disciplinam agant.* Нужно замѣтить, что слово *conventiculum*, какъ и слово *ecclesia* означаетъ одновременно и само собраніе и помѣщеніе, гдѣ оно происходитъ.

зовалась полнымъ благоденствіемъ, а они могли жить у себя въ безопасности". Какая перемѣна! Императоръ и имперія поручали себя молитвамъ христіанъ, и это исходило отъ того самаго человѣка, который былъ виновникомъ всѣхъ бѣдствій, постигшихъ ихъ за истекшія восемь лѣтъ.

5. Гоненіе Максимина.

Эдиктъ былъ опубликованъ въ Никомидіи [1]) и во всѣхъ областяхъ, подвластныхъ Галерію, Ликинію и Константину. Въ имперіи Константина онъ послужилъ только оффиціальнымъ признаніемъ свободы, уже возстановленной на дѣлѣ. Максенцій вернулъ епископамъ церковныя зданія, остававшіяся дотолѣ въ рукахъ казны. Максиминъ же не спѣшилъ. Онъ не огласилъ эдикта во всеобщее свѣдѣніе, но по его приказанію префектъ его преторіи, Сабинъ, сообщилъ о немъ правителямъ провинцій, поручивъ имъ оповѣстить городскія власти, что императоры отказываются отъ обращенія христіанъ къ государственной религіи, и что послѣдніе не должны больше подвергаться гоненіямъ за свое сопротивленіе. Этого было достаточно какъ для восточныхъ провинцій такъ и для Малой Азіи: тюрьмы открылись, осужденные покинули свои рудники, христіане, скрывавшіе свои убѣжденія, пріободрились и стали ихъ обнаруживать. Исповѣдниковъ чествовали, кающихся отступниковъ принимали въ лоно церкви. Большія дороги огласились духовными пѣснопѣніями освобожденныхъ узниковъ и изгнанниковъ, возвращавшихся къ своимъ очагамъ. Религіозныя собранія послѣ восьмилѣтняго перерыва возобновились, какъ встарь. Особеннымъ многолюдствомъ отличались тѣ, которыя происходили на кладбищахъ, на могилахъ мучениковъ.

Но радости религіознаго мира были не продолжительны. Едва умеръ Галерій, какъ Максиминъ вмѣстѣ съ резиденціей своей тиранніи и соблазномъ своей безпутной жизни перенесъ въ Никомидію и свое фанатическое рвеніе къ культу боговъ. Въ предшествовавшіе годы онъ приказалъ возстановить всѣ храмы на Востокѣ, теперь онъ задумалъ преобразовать жречество. Вдохновляясь примѣромъ христіанской іерархіи, онъ поставилъ въ каждомъ городѣ главнаго жреца, а въ каждой провинціи—первосвященника, давъ имъ власть надъ другими жрецами и осыпавъ ихъ

[1]) Въ Никомидіи онъ былъ прибитъ на стѣнахъ общественныхъ зданій 30 апрѣля 311 г.

почестями и знаками отличій. Эти языческіе епископы и архіепископы [1]) обязаны были, конечно, смотрѣть за тѣмъ, чтобы ихъ боги не терпѣли ущерба отъ дарованной христіанамъ свободы. Были составлены подложные Акты Пилата, преисполненные хулы на Христа. Одно должностное лицо неблаговидными способами раздобыло мнимыя разоблаченія о христіанскихъ нравахъ и о мерзостяхъ, будто бы совершавшихся на ихъ собраніяхъ. Всѣмъ этимъ документамъ дана была самая широкая огласка: ихъ расклеивали по городамъ и селамъ, ихъ заставляли читать въ начальныхъ школахъ [2]).

Кураторъ города Антіохіи, нѣкто Ѳеотекнъ, задумалъ воспользоваться противъ христіанъ оракуломъ Зевса, покровителя дружбы (Φίλιος), культъ котораго онъ возстановилъ. Богъ потребовалъ, чтобы безбожники были изгнаны изъ города и съ его территоріи. Это требованіе, доведенное до свѣдѣнія Максимина, пришлось ему очень по душѣ. Съ подобной же просьбой къ нему обратились власти города Никомидіи. Жители Тира не захотѣли отъ нихъ отстать. На поданное ими прошеніе императоръ отвѣтилъ письмомъ, преисполненнымъ умиленія и благодарности. До насъ дошло это письмо, благодаря Евсевію, который раздобылъ себѣ одинъ экземпляръ и включилъ его греческій текстъ въ свою исторію [3]). Движеніе это разрослось: городскія куріи и провинціальныя собранія спѣшили подражать столь громко поощряемымъ примѣрамъ. Впрочемъ и представители власти старались возбуждать ихъ рвеніе [4]). Въ видѣ надписи еще уцѣлѣла, по крайней мѣрѣ отчасти, петиція, адресованная Максимину провинціальнымъ собраніемъ Ликіи и Памфиліи, а также и отвѣтъ императора. Изъ него, какъ и изъ письма къ тирянамъ, видно, что просителей весьма одобряли и сулили имъ величайшія награды.

Опираясь на одобреніе императора, городскія власти могли

---

1) Эта организація не имѣетъ никакого отношенія къ организаціи культа Рима и Августа. Городской жрецъ алтаря Рима и Августа не имѣлъ никакой власти надъ жрецами другихъ культовъ и, въ свою очередь, не былъ подчиненъ жрецу провинціи. Здѣсь же рѣчь идетъ объ объединеніи всего жречества; подобной попытки еще никогда не было сдѣлано.

2) Eusebius, *H. E.*, IX, 5.

3) Ibid. IX, 7.

4) *Corp. inscript. lat.*, T. III, надпись № 12132, найденная въ Арикандѣ въ Ликіи. Петиція, согласно протоколу, была адресована тремъ законнымъ императорамъ: Максимину, Константину и Ликинію. Однако имя Константина не было воспроизведено на мраморѣ, но для него было оставлено пустое мѣсто.

въ волю охотиться на христіанъ. Вскорѣ по дорогамъ стали бродить толпы несчастныхъ въ поискахъ убѣжища. Однако эдиктъ о вѣротерпимости не былъ оффиціально отмѣненъ. Довольствовались тѣмъ, что запрещали собранія на кладбищахъ и возстановленіе церквей [1]. Правительство не требовало, чтобы кто-либо подвергался преслѣдованію за самый фактъ принадлежности къ христіанству. Къ тому же Константинъ вступался за христіанъ въ своихъ письмахъ и старался обуздать неистовства своего восточнаго соправителя. Но само собой понятно, что въ томъ настроеніи, въ какомъ находился послѣдній, легко было отыскивать предлоги, чтобы отдѣлываться отъ неудобныхъ христіанъ. Такъ погибъ епископъ емесскій, Сильванъ, брошенный на растерзаніе дикимъ звѣрямъ съ двумя своими сподвижниками; Петръ, еп. александрійскій, былъ обезглавленъ безъ всякаго суда; нѣсколько египетскихъ епископовъ потерпѣли ту же участь. Знаменитый антіохійскій пресвитеръ Лукіанъ, удалившійся въ Никомидію, былъ схваченъ тамъ и, несмотря на сказанную имъ блестящую защитительную рѣчь, казненъ въ тюрьмѣ.

Въ такомъ положеніи находились церкви Малой Азіи, Востока и Египта въ теченіе тѣхъ двухъ лѣтъ, когда надъ ними тяготѣла тираннія Максимина. Къ этимъ невзгодамъ присоединились бѣдствія голода и эпидемій. Такъ было по крайней мѣрѣ въ Сиріи. Евсевій сообщаетъ [2] на этотъ счетъ потрясающія подробности. Окружавшіе его христіане отличались въ то время своей благотворительностью въ отношеніи къ голодающимъ и больнымъ, безъ различія ихъ вѣроисповѣданія, а также своимъ усердіемъ въ погребеніи умершихъ. Они обезоруживали такимъ образомъ своихъ враговъ. Въ это самое время Максиминъ вздумалъ вмѣшаться въ религіозныя дѣла армянъ, друзей и союзниковъ имперіи [3], и принудить ихъ „приносить жертвы идоламъ“. Они подняли возстаніе, и война еще разъ обагрила кровью восточныя окраины.

Но дни Максимина были сочтены. Въ началѣ 312 года онъ

---

[1] Въ этомъ пунктѣ инструкція Максимина префекту преторіи Сабину суживала эдиктъ, такъ какъ послѣдній дозволялъ христіанамъ *componere conventicula sua* (составлять свои собранія).

[2] Eusebius, *H. E.*, IV, 8.

[3] Въ этихъ армянахъ (Eusebius, *H. E*, IX, 8) слѣдуетъ, мнѣ кажется, видѣть жителей пяти за-тигрскихъ сатрапій, присоединенныхъ къ имперіи трактатомъ 297 г. (Mommsen, *Röm. Geschichte*, B. V, S. 445). Онѣ не были превращены въ провинціи и находились подъ управленіемъ своихъ національныхъ властителей. Эти послѣдніе исповѣдывали христіанство вслѣдствіе религіознаго переворота, который незадолго предъ тѣмъ произошелъ въ армянскомъ царствѣ.

узналъ, что война между Константиномъ и Максенціемъ, которую можно было предвидѣть и ожидать со времени смерти Максиміана [1]), наконецъ вспыхнула, что Константинъ находился въ Италіи и шелъ отъ побѣды къ побѣдѣ, что онъ просваталъ свою сестру за Ликинія и заключилъ съ нимъ союзъ. Никомидійскій императоръ понялъ тогда угрожавшую ему опасность. Онъ, законный повелитель, избранный Галеріемъ и облеченный знаками императорскаго достоинства Діоклетіаномъ, тайно вступилъ въ союзъ съ „тираномъ", противъ котораго уже шесть лѣтъ гремѣли всѣ громы тетрархіи. Когда до него дошло извѣстіе о битвѣ при Мильвійскомъ мостѣ, онъ почувствовалъ себя въ положеніи обвиняемаго. Константинъ нашелъ въ Римѣ статуи Максимина рядомъ со статуями Максенція, и, что еще важнѣе, письма, свидѣтельствовавшія объ ихъ союзѣ и измѣнѣ Максимина. Онъ, однако, не принялъ враждебнаго положенія по отношенію къ послѣднему, но принудилъ сенатъ или позволилъ ему предоставить себѣ первое мѣсто въ императорскомъ тріумвиратѣ, до сихъ поръ признававшееся за Максиминомъ. Это было для послѣдняго дурнымъ предзнаменованіемъ. Ему дали знать оффиціально о пораженіи Максенція, приглашая его въ томъ же сообщеніи оставить христіанъ въ покоѣ. Онъ притворился, что подчиняется этому. Въ новомъ рескриптѣ къ своему префекту преторіи Сабину [2]) онъ напоминалъ ему, что, получивъ власть въ 305 г., онъ счелъ нужнымъ въ подвластныхъ ему восточныхъ провинціяхъ смягчить суровыя мѣры, узаконенныя Діоклетіаномъ и Максиміаномъ противъ послѣдователей христіанской религіи. Правда, сдѣлавшись императоромъ въ Никомидіи (311 г.), онъ благосклонно отнесся къ просьбамъ жителей этого города и многихъ другихъ, направленнымъ противъ христіанъ, но тѣмъ не менѣе онъ не допускалъ, чтобы дурно обращались съ кѣмъ бы то ни было изъ-за религіозныхъ побужденій; въ этомъ смыслѣ онъ и приказывалъ написать мѣстнымъ властямъ.

Этотъ документъ страдалъ отсутствіемъ опредѣленности. Христіане недовѣрчиво отнеслись къ нему; они воздерживались отъ открытыхъ собраній и возстановленія церквей. Новый эдиктъ не упоминалъ о разрѣшеніи этого. Въ сущности онъ являлся не бо-

---

[1]) Константинъ объявилъ противъ Максиміана *damnatio memoriae* (осужденіе памяти), а Максенцій, наоборотъ, провозгласилъ его божественнымъ (*divus*).
[2]) Eusebius, *H. E.*, IX, 9.

лѣе, какъ чисто формальнымъ удовлетвореніемъ требованій Константина [1]. По существу положеніе оставалось въ томъ видѣ, въ какомъ находилось за послѣдніе два года правленія Максимина.

6. Конецъ тяжелыхъ дней.

Таково было положеніе дѣлъ весной 313 г., когда Максиминъ предпринялъ походъ противъ Ликинія. Потерпѣвъ пораженіе 30 апрѣля близъ Адріанополя, онъ переправился черезъ Босфоръ, скрываясь подъ чужимъ одѣяніемъ, проскакалъ черезъ Никомидію и остановился только у Тавра. Здѣсь, въ Киликіи, онъ очутился въ предѣлахъ своей прежней области. Но Ликиній гнался за нимъ по пятамъ, и, когда онъ прорвался черезъ горные проходы, Максиминъ въ отчаяніи отравился въ Тарсѣ. Онъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Раньше чѣмъ покончить съ собой, онъ вообразилъ на одну минуту, что сопротивленіе еще возможно, и чтобъ привлечь на свою сторону столь гонимыхъ имъ христіанъ, рѣшилъ даровать имъ особымъ эдиктомъ полную и совершенную свободу вѣроисповѣданія [2]. Но жестокость никогда не покидала его. Въ то самое время, когда онъ давалъ христіанамъ свободу, онъ отдалъ приказъ умертвить многихъ языческихъ жрецовъ и гадателей, предсказанія которыхъ вовлекли его въ эту роковую войну.

Въ практическомъ отношеніи его эдиктъ вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, который Ликиній поспѣшилъ объявить въ Никомидіи [3]. Вотъ текстъ послѣдняго:

„Принимая во вниманіе, что никому не можетъ быть отказано въ религіозной свободѣ, и что каждому нужно дать возможность руководствоваться собственнымъ убѣжденіемъ и желаніемъ въ исполненіи религіозныхъ обязанностей, мы уже давно повелѣли, чтобы всѣ, въ томъ числѣ и христіане [4], оставались вѣрными

---

[1]) Для Константина Максиминъ не переставалъ быть законнымъ императоромъ. 15 апрѣля 313 г., за пятнадцать дней до битвы при Адріанополѣ, письмо проконсула Африки къ Константину еще носитъ въ своемъ надписаніи имена трехъ императоровъ. (Aug., *ep.* 88).

[2]) Eusebius, *H. E.*, IX, 10.

[3]) Латинскій текстъ приводится у Лактанція (*De mort. pers.*, 48), но безъ вступленія; полностью въ греческомъ переводѣ его можно читать у Евсевія, *H. E.*, X, 5.

[4]) По гречески: *ἕκαστον κεκελεύκειμεν, τοῖς τε χριστιανοῖς, τῆς αἱρέσεως καὶ τῆς θρησκείας τῆς ἑαυτῶν τὴν πίστιν φυλάττειν.* (Повелѣли всѣмъ, а также и христіанамъ, чтобы всякій сохранялъ вѣрность своему религіозному ученію и обряду). Если только не выпало здѣсь нѣсколькихъ словъ, латинскій подлинникъ гласилъ приблизительно такъ: *unumquemque iusseramus, non exceptis christianis, sententiae et religionis propriae fiduciam servare.*

своимъ религіознымъ правиламъ [1]). Но такъ какъ къ эдикту, дававшему это разрѣшеніе, были добавлены различныя распоряженія [2]), то вскорѣ, повидимому, произошло, что нѣкоторые изъ христіанъ не могли имъ воспользоваться.

„Во время нашего совмѣстнаго и счастливаго пребыванія въ Миланѣ [3]) мы, Константинъ Августъ и Ликиній Августъ, подвергли нашему обсужденію все, что касается общаго блага и безопасности. Между вопросами, которые, намъ казалось, затрогиваютъ интересы большинства, мы сочли нужнымъ отвести первое мѣсто вопросу о поклоненіи божеству, даровавъ христіанамъ и всѣмъ прочимъ людямъ свободу исповѣдывать какую угодно религію, дабы всѣ небожители, до единаго, были благосклонно и благопріятно [4]) расположены къ намъ и ко всѣмъ нашимъ подданнымъ. Итакъ, по здравомъ и справедливомъ разсужденіи, мы рѣшили никому не отказывать въ свободѣ, слѣдуетъ ли кто по своему желанію христіанскимъ обычаямъ или предписаніямъ какой-либо другой религіи, дабы высшее божество, которому мы свободно служимъ, могло во всемъ явить намъ свою милость и благорасположеніе. Итакъ, пусть твоя преданность [5]) приметъ къ свѣдѣнію, что мы сочли за благо безусловно устранить всѣ ограниченія противъ христіанъ, какія заключались въ грамотахъ, раньше адресованныхъ въ твою канцелярію. Эти жестокія ограниченія не соотвѣтствуютъ нашему милосердію. Намъ угодно даровать каждому, желающему исповѣдывать христіанскую религію, полную и совершенную свободу слѣдовать ей, въ чемъ никому не должно чинить ни безпокойства, ни препятствій. Мы сочли нужнымъ и нарочито довести до свѣдѣнія твоей заботливости, что мы даруемъ христіанамъ полную и совершенную свободу исполнять предписанія ихъ вѣроученія.

„Дозволяя имъ это, мы желаемъ,—и твоя преданность пусть приметъ это къ свѣдѣнію,—чтобы и всѣ прочіе люди пользовались такой же полной свободой въ ихъ религіи и обрядахъ, какъ этого требуетъ сохраненіе мира въ наши дни; и пусть каждый пользуется правомъ поклоняться чему хочетъ. Мы постановили это, дабы ничье достоинство и религія не были умалены".

„Что же касается христіанъ, то мы кромѣ того рѣшили, чтобы

---

1) Апрѣльскій эдиктъ 311.
2) Добавочныя и ограничительныя распоряженія Максимина.
3) Отсюда начинается текстъ Лактанція.
4) *Placatum ac propitium.*
5) Эдиктъ обращается къ должностному лицу.

помѣщенія, въ которыхъ они имѣли обыкновеніе собираться, и относительно которыхъ въ твою канцелярію были отправлены инструкціи, купленныя казной или кѣмъ другимъ, были возвращены христіанамъ безвозмездно, безъ предъявленія къ нимъ какихъ бы то ни было требованій, безъ всякихъ придирокъ и двусмысленныхъ толкованій: тѣ, кому они были отданы, пусть возвратятъ ихъ, въ свою очередь, христіанамъ въ возможно скоромъ времени. Однако, купившіе или получившіе въ даръ эти имущества пусть обратятся къ нашей благосклонности для полученія нѣкотораго вознагражденія, о чемъ позаботится наша милость. А такъ какъ христіане владѣли не только помѣщеніями для собраній, но и другой недвижимостью, принадлежавшей ихъ корпораціямъ, т.е. ихъ церквамъ, а не частнымь лицамъ, то и эти имущества позаботься возвратить сполна этимъ самымъ христіанамъ, т. е. ихъ корпораціямъ и собраніямъ, соблюдая вышеупомянутыя условія, не допуская двусмысленныхъ толкованій и споровъ и принявъ во вниманіе указанную оговорку, что отдающіе ихъ безвозмездно должны разсчитывать на вознагражденіе отъ нашей благосклонности. Во всемъ этомъ ты долженъ оказывать вышеупомянутой христіанской общинѣ самую дѣятельную поддержку, дабы наши приказанія были выполнены въ самый короткій срокъ, и благодаря нашей милости были приняты мѣры къ обезпеченію общественнаго спокойствія. Такимъ образомъ, какъ уже сказано, божественное благоволеніе, испытанное уже нами при столь серьезныхъ обстоятельствахъ, будетъ и впредь споспѣшествовать намъ къ общему благополучію. Дабы содержаніе настоящаго рѣшенія нашей милости стало общеизвѣстнымъ, ты позаботишься опубликовать настоящую грамоту въ воззваніяхъ, выставленныхъ повсюду, и обратить на нее общее вниманіе, чтобы никто не могъ отговориться незнаніемъ ея“.

Этотъ эдиктъ, изданный отъ имени двухъ императоровъ—Константина и Ликинія, но исходившій непосредственно отъ Ликинія, былъ безъ сомнѣнія обращенъ къ префекту преторіи Востока, которому поручалось обнародовать его и сообщить правителямъ провинцій и другимъ должностнымъ лицамъ, уполномоченнымъ привести его въ исполненіе. Онъ заключалъ въ себѣ, во-первыхъ, уничтоженіе по приказанію Ликинія всѣхъ ограниченій, которыми уже 18 мѣсяцевъ Максиминъ старался задержать примѣненіе указа о вѣротерпимости, во-вторыхъ, дополнительное соглашеніе въ Миланѣ между Константиномъ и Ликиніемъ, состоявшее въ свою очередь изъ двухъ пунктовъ; оно касалось: 1) общей религіозной

свободы, которая объявлялась полной, совершенной и безусловной, какъ для христіанъ, такъ и для всѣхъ прочихъ подданныхъ; 2) не только зданій, предназначенныхъ для богослуженія, но и вообще церковныхъ имуществъ: эдиктъ предписывалъ немедленное возвращеніе ихъ церкви, будутъ ли они находиться въ обладаніи казны, или принадлежать въ силу продажи или пожалованія частнымъ лицамъ.

Вслѣдъ за миланскимъ свиданіемъ, въ западной имперіи и Иллирикѣ былъ обнародованъ указъ болѣе ранняго происхожденія, чѣмъ послѣдній, извѣщавшій населеніе о настоящихъ либеральныхъ постановленіяхъ; содержаніе его намъ неизвѣстно, и мы можемъ о немъ судить лишь на основаніи примѣненій его на Востокѣ [1]). Въ общемъ, благодаря этимъ добавленіямъ къ указу Галерія, христіане, какъ каждый въ отдѣльности, такъ и въ своей общинѣ, были возвращены чрезъ своего рода *restitutio in integrum* къ положенію, въ какомъ они находились до гоненія. Но раньше они пользовались этимъ положеніемъ лишь въ силу молчаливой терпимости, новыя же предписанія давали ему законное основаніе.

7. Послѣдствія гоненій.

Итакъ, наконецъ наступилъ религіозный миръ; онъ былъ полный, безъ ограниченій, и распространялся на всю имперію. Христіане вздохнули свободно; церковныя общины открыто организовались заново, священныя зданія воздвигались изъ развалинъ, и въ нихъ возобновлялись прерванныя собранія. Въ этомъ пробужденіи жизни память о тяжелыхъ дняхъ стала сначала сглаживаться, потомъ совсѣмъ исчезать. Она была бы почти утрачена для исторіи, еслибъ неутомимый Евсевій не позаботился тотчасъ записать нѣсколько событій. Но и онъ не счелъ нужнымъ дать общую картину гоненія. Предоставляя другимъ [2]) разсказать о томъ, что они видѣли у себя, онъ ограничился спеціальнымъ изслѣдованіемъ своей палестинской провинціи, довольствуясь для прочихъ областей ссылками на нѣкоторыя имена и указаніемъ на нѣкоторыя общія черты. Къ несчастію, тѣ „другіе“, на которыхъ

---

[1]) Евсевій сохранилъ намъ письмо, адресованное императорами африканскому проконсулу Анулину, гдѣ рѣчь идетъ о возвращеніи конфискованныхъ церковныхъ имуществахъ (*Н. Е.*, X, 5: *ἔστιν ὁ τρόπος*).

[2]) *Н. Е.*, VIII, 13.

онъ разсчитывалъ, нигдѣ не взяли пера въ руки, и мы имѣемъ точныя свѣдѣнія лишь о провинціи Евсевія.

Его книга „Палестинскіе мученики“ была составлена въ 313 г. [1]), въ то самое время, когда гоненіе стало стихать. Евсевій насчитываетъ 43 человѣка, приговоренныхъ къ смерти и казненныхъ по приказанію палестинскихъ властей въ теченіе десятилѣтія 303—313 г. Слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что въ числѣ ихъ не видно ни одного епископа, хотя въ этой провинціи было не менѣе двадцати епископскихъ каѳедръ [2]). Самый извѣстный изъ этихъ духовныхъ сановниковъ, епископъ кесарійскій Агапій, невредимо пережилъ всѣ вспышки гоненій. Евсевій восхваляетъ его за благотворительность и административныя способности, но и только [3]). Ермонъ, епископъ Эліи, также остался невредимъ. Единственный палестинскій епископъ, поплатившійся жизнію, былъ маркіонитскій епископъ, Асклипій, замученный въ 309 г. Изъ пресвитеровъ пострадали лишь знаменитый и ученый ученикъ Оригена, Памфилъ, и Сильванъ, пресвитеръ города Газы. Но послѣдній былъ сосланъ въ рудники, и если погибъ тамъ, то не по приговору правителя Палестины. Въ лицѣ нѣсколькихъ діаконовъ, заклинателей и чтецовъ [4]), низшій клиръ былъ нѣсколько шире представленъ среди мучениковъ.

Однако не слѣдуетъ думать, что тѣ, имена которыхъ не названы въ спискѣ жертвъ въ собственномъ смыслѣ, совсѣмъ не пострадали. Евсевій, весьма недоброжелательно относившійся къ епископамъ своей страны, говоритъ [5]), что ихъ сдѣлали погонщиками верблюдовъ или заставляли ходить за почтовыми лошадьми, потому что они не умѣли пасти овецъ Господнихъ. Эти остроты

---

[1]) Она сохранилась въ двухъ редакціяхъ: изъ нихъ краткая въ большей части рукописей присоединяется къ VIII кн. Церковной исторіи; другая—болѣе пространная; греческій текстъ ея дошелъ до насъ лишь въ отрывочномъ или сокращенномъ видѣ. Имѣется еще совершенно полный сирійскій переводъ ея въ рукописи 411 г. (W. Cureton, *History of the martyrs in Palestine*, *1861*).—Bruno Violet (*Die Palästinischen Märtyrer des Eusebius*, въ *Texte und Untersuch.*, B. XIV, 4, 1896) издалъ нѣмецкій переводъ съ него, воспользовавшись предшествовавшими текстами и изслѣдованіями, которые должны быть пополнены греческими фрагментами, опубликованными въ *Anal. Boll.*, T. XVI, p. 113.

[2]) Восемнадцать палестинскихъ епископовъ присутствовали на Никейскомъ соборѣ въ 325 г.

[3]) *H. E.*, VII, 32, § 24.

[4]) Романъ, сельскій діаконъ кесарійской церкви, замученный въ Антіохіи, Валентъ, діаконъ Эліи, Закхей, діаконъ Гадары, Ромулъ, иподіаконъ діоспольскій, Алфей, кесарійскій чтецъ, Прокопій, чтецъ въ Скиѳополѣ.

[5]) *Martyr. Pal.*, 12.

очевидно направлены противъ лицъ, оставшихся въ живыхъ, объ исторіи которыхъ неудобно было распространяться. Онъ добавляетъ, что имъ пришлось претерпѣть много непріятностей отъ представителей казны изъ-за драгоцѣнныхъ церковныхъ сосудовъ.

На основаніи повѣствованій Евсевія можно вывести и другое заключеніе: во многихъ случаяхъ христіанъ казнили не вслѣдствіе простого отказа принести жертву, а потому, что они осложняли этотъ отказъ словами и дѣйствіями, отягчавшими вину, напр., манифестаціями въ пользу осужденныхъ или черезъ-чуръ ревностной поддержкой исповѣдниковъ. Горячія головы, какъ это всегда бываетъ, не упускали случая заявить о себѣ. Прокопій, скиѳопольскій чтецъ, находилъ дурнымъ, что царствуютъ четыре императора, и въ присутствіи суда сослался на стихъ Гомера, гдѣ рекомендуется единодерж віе. Другіе по этому поводу стали говорить о Христѣ, какъ о единомъ и истинномъ царѣ [1]). Однажды правитель области, Урбанъ, направлялся въ амфитеатръ, гдѣ, по слухамъ, одного христіанина должны были бросить дикимъ звѣрямъ на растерзаніе. Онъ встрѣтилъ кучку изъ шести юношей, которые со связанными руками подошли къ нему, заявляя, что они также христіане, и что ихъ нужно вывести на арену [2]). Евсевій и Памфилъ приняли къ себѣ молодого ликійца, Апфіана, получившаго образованіе въ беритскихъ школахъ и столь ревностнаго христіанина, что онъ не могъ вынести жизни со своими родителями, которые были еще язычниками. Памфилъ обучалъ его Св. Писанію. Однажды Апфіанъ услышалъ крикъ на улицѣ. Это вызывали христіанъ, чтобы заставить ихъ присутствовать на языческомъ торжествѣ. Онъ не утерпѣлъ и, не предупредивъ своихъ хозяевъ, ринулся вонъ, побѣжалъ въ храмъ, гдѣ находился префектъ, бросился на него, схватилъ его за руку и хотѣлъ помѣшать ему принести жертву идоламъ [3]).

У Апфіана былъ братъ, Эдесій, тоже христіанинъ и ученикъ Памфила; онъ отличался образованіемъ и страстнымъ аскетизмомъ. Неоднократно задержанный, Эдесій былъ, наконецъ, присужденъ къ ссылкѣ въ палестинскіе рудники; онъ покинулъ ихъ и бѣжалъ въ Александрію, гдѣ тотчасъ началъ посѣщать судебныя засѣданія префекта. Префектомъ былъ нѣкто Іероклъ, ненасытный гонитель

---

[1]) *Martyr. Palest.*, 1.
[2]) Ibid., 3.
[3]) Ibid., 4.

христіанъ [1]). Назначенный управлять Нижнимъ Египтомъ, онъ проводилъ свои убѣжденія съ самой крайней суровостью. Эдесій услыхалъ однажды, что онъ приговорилъ христіанскихъ дѣвственницъ къ испытанію, худшему для нихъ, чѣмъ самыя жестокія пытки, и къ тому же незаконному. Этого было для него достаточно: съ крикомъ негодованія онъ вскочилъ на судейское мѣсто, далъ судьѣ двѣ звонкихъ пощечины и, бросивъ его на землю, сталъ топтать ногами [2]).

Одна дѣвственница изъ г. Газы, которой угрожали публичнымъ домомъ, протестовала противъ тирана, довѣрившаго власть такимъ ужаснымъ правителямъ, и ее тотчасъ подвергли пыткѣ. Возмущенная этимъ, одна бѣдная женщина изъ Кесаріи, Валентина, подняла шумъ и опрокинула алтарь. Ихъ сожгли вмѣстѣ на одномъ кострѣ [3]). Три христіанина—Антонинъ, Зевина и Германъ—повторили выходку Апфіана и бросились на правителя во время идолослуженія; ихъ обезглавили [4]).

Изъ этихъ разсказовъ слѣдуетъ, кажется, заключить, что палестинскихъ правителей, которыхъ Евсевій изображаетъ однако въ самыхъ темныхъ цвѣтахъ, нельзя обвинить въ особой жестокости. Они показали строгій примѣръ, наказавъ суровымъ образомъ нѣсколько человѣкъ христіанъ, слишкомъ стремившихся заявить о своихъ убѣжденіяхъ или провинившихся въ нарушеніи особыхъ запрещеній. Но здѣсь не упоминается ни о случаяхъ массовыхъ казней, ни о тѣхъ утонченныхъ, возмутительныхъ пыткахъ, которыя примѣнялись въ другихъ провинціяхъ [5]).

Начиная съ 307 г., смертная казнь обыкновенно замѣнялась работой въ рудникахъ, и зато это наказаніе широко примѣнялось къ многочисленнымъ группамъ лицъ; напр., ему подверглось цѣлое собраніе христіанъ, застигнутыхъ бдительной полиціей г. Газы. Исповѣдниковъ ссылали въ мѣдные рудники Фэно [6]), къ югу отъ Мертваго моря. Это было крайне безотрадное мѣсто. Туда же направляли большими партіями въ 100—130 человѣкъ египетскихъ христіанъ, для которыхъ не хватало больше мѣста въ рудникахъ

---

[1]) Lactantius, *Inst.*, V, 2; *De mort. pers.*, 16.

[2]) *Martyr. Palest.*, 5.

[3]) Ibid., 8.

[4]) Ibid., 9.

[5]) Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ число 43-хъ мучениковъ, упоминаемыхъ Евсевіемъ, включено человѣкъ десять египтянъ, которые были случайно схвачены въ Аскалонѣ или Кесаріи.

[6]) Фунонъ въ шести километрахъ отъ селенія Θана. См. Lagrange, *Revue biblique*, 1898, p. 114.

ихъ страны. Кончилось тѣмъ, что Фэно превратилось въ христіанскую колонію. По окончаніи работъ осужденные пользовались тамъ извѣстной свободой; они собирались въ особыхъ помѣщеніяхъ, превращенныхъ въ церкви. Среди нихъ были пресвитеры и епископы, руководившіе богослужебными собраніями. Изъ нихъ выдѣлялись: Нилъ, Пилей, Мелитій, затѣмъ Сильванъ, престарѣлый воинъ, перешедшій на службу церкви. Когда вспыхнуло гоненіе, онъ исполнялъ пресвитерскія обязанности въ окрестностяхъ Газы; это былъ заслуженный исповѣдникъ. Его рукоположили въ епископы въ Фэно [1]). Здѣсь же участвовалъ въ богослуженіи чтецъ Іоаннъ, давно уже ослѣпшій, но знавшій всю библію наизусть и безъ книги читавшій ее на собраніяхъ исповѣдниковъ. Но собранія эти не всегда мирно протекали: даже на каторгѣ находились предлоги для ссоръ. Такая свобода не понравилась префекту Фирмиліану. Послѣ поѣздки по этимъ краямъ, онъ доложилъ обо всемъ Максимину, и, по приказанію послѣдняго, колонія Фэно была разсѣяна по другимъ рудникамъ. Въ то же время было совершено нѣсколько казней. Нилъ и Пилей были сожжены вмѣстѣ съ однимъ пресвитеромъ и исповѣдникомъ, Патермуѳіемъ, который былъ извѣстенъ своей ревностью. Эта казнь совершилась по приказанію военачальника. Оставалось 39 человѣкъ калѣкъ, неспособныхъ къ серьезному труду; въ этой группѣ находились епископъ Сильванъ и чтецъ Іоаннъ; отъ нихъ избавились, отрубивъ имъ голову.

Въ Египтѣ гоненіе было гораздо суровѣе, особенно въ верхней части страны, въ Ѳиваидѣ. Евсевій посѣтилъ эти края въ то время, когда гоненіе еще продолжалось. Ему разсказывали здѣсь про ежедневныя массовыя казни по 30, 60 и до 100 человѣкъ, которыхъ обезглавливали или сжигали, и объ отвратительныхъ пыткахъ: обнаженныхъ женщинъ вѣшали за одну ногу, исповѣдниковъ привязывали за ноги къ вѣтвямъ двухъ рядомъ стоявшихъ деревьевъ, силой сведенныхъ вмѣстѣ; когда перерѣзали веревку, вѣтви выпрямлялись и разрывали несчастныхъ. Но, что ни дѣлали, пытка не страшила этихъ суровыхъ къ себѣ египтянъ, возбужденныхъ энтузіазмомъ и борьбой. Чѣмъ болѣе ихъ казнили, тѣмъ болѣе напрашивалось жертвъ.

Въ Нижнемъ Египтѣ Петръ, епископъ александрійскій, скрывался отъ гонителей, но зорко слѣдилъ за своей паствой. Нѣсколько

---

[1]) Это вѣроятно одно изъ неправильныхъ рукоположеній, совершенныхъ Мелитіемъ.

человѣкъ изъ его пресвитеровъ — Фавстъ, Дій, Аммоній — пали жертвами гоненія. Первому еще за полвѣка до того времени, въ бытность его діакономъ при епископѣ Діонисіи [1]), пришлось уже постоять за вѣру; онъ достигъ глубокой старости. Нѣкоторые епископы тоже были схвачены и, послѣ долгаго томленія въ тюрьмѣ, казнены. Называютъ Исихія, Пахимія, Θеодора и особенно Филея, ученаго епископа тмуискаго. Прежде, чѣмъ сдѣлаться епископомъ, онъ занималъ высокія должности, былъ очень богатъ и окруженъ многочисленной семьей. Его родственники и друзья, даже самъ префектъ, Кулькіанъ [2]), употребляли всѣ усилія, чтобы спасти его отъ смерти. Онъ остался непреклоненъ. Съ нимъ погибъ Филоромъ, главно-управляющій финансами Египта. Филей послалъ изъ тюрьмы своей паствѣ въ Тмуисъ письмо съ описаніемъ пытокъ, перенесенныхъ александрійскими мучениками. Евсевій сохранилъ отрывокъ этого письма [3]). Здѣсь, какъ и въ Θиваидѣ, также бывали массовыя казни. Кромѣ мучениковъ, о которыхъ упоминаетъ Филей, мы имѣемъ свѣдѣнія еще о 37-ми исповѣдникахъ, которые, будучи раздѣлены на четыре группы, погибли въ одинъ и тотъ же день, претерпѣвъ различные виды казни: они были обезглавлены, утоплены, сожжены или распяты [4]). Между ними было много клириковъ разнаго сана.

Египтяне постояли за вѣру не только въ предѣлахъ своей страны. Евсевій упоминаетъ о многихъ изъ нихъ, обрѣтшихъ мученическій вѣнецъ въ Палестинѣ и другихъ странахъ. Онъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ тирскомъ амфитеатрѣ нѣсколько египтянъ было брошено хищнымъ звѣрямъ, но звѣри не тронули ихъ. Когда непослушныхъ христіанъ рѣшено было ссылать въ рудники, θиваидскихъ исповѣдниковъ стали направлять въ порфировыя каменоломни близъ Краснаго моря. Но на этой каторгѣ не

---

[1]) Eusebius, *H. E.*, VII, 11; VIII, 13.

[2]) Этотъ Кулькіанъ былъ префектомъ съ 303 г., какъ это видно изъ папируса, изданнаго въ 1898 г. (Grenfell et Hunt, *Oxyrynchus papyri*, part. I, p. 132). Іероклъ, о которомъ упомянуто выше, былъ, вѣроятно, его преемникомъ.

[3]) Eusebius, *H. E.*, VIII, 9, 10. Мученическіе акты Филея и Филорома, изданные Рюинаромъ, были, быть можетъ, кое-гдѣ переработаны по Руфину, но есть въ нихъ и нетронутыя части.

[4]) Срав. бесѣду, изданную болландистами (18 января) и Рюинаромъ подъ заглавіемъ *Passio ss XXXVII martyrum Aegyptiorum* съ текстомъ мартиролога Іеронима подъ 9 и 14 февраля и 18 мая. Достовѣрность прекрасной повѣсти о Дидимѣ и Θеодорѣ (Boll., 28 апр., и Рюинаръ) весьма сомнительна. Св. Амвросій, слышавшій ее (*De virginibus*, II, 4), относитъ мѣсто дѣйствія къ Антіохіи. См. *Bibliotheca hagiog. latina*, p. 1169, 1304.

хватало мѣстъ; цѣлыя вереницы христіанъ, приговоренныхъ къ работамъ въ рудникахъ, непрерывно направлялись въ Палестину, Идумею, на островъ Кипръ и въ Киликію.

Въ числѣ странъ, гдѣ христіанамъ пришлось наиболѣе пострадать, Евсевій называетъ, кромѣ Египта и Θиваиды съ ихъ продолжительнымъ гоненіемъ, африканскія и мавританскія провинціи [1]), гдѣ оно было кратковременно. Комментарій къ его словамъ мы находимъ въ длинныхъ спискахъ египетскихъ и африканскихъ мучениковъ, сохранившихся въ такъ называемомъ мартирологѣ Іеронима. Отъ начала до конца календаря весьма часто попадаются списки именъ въ 30, 50, 100 человѣкъ африканскихъ мучениковъ. Эти гекатомбы скорѣе всего можно отнести къ гоненію Діоклетіана [2]), а не къ предшествующимъ. То же впечатлѣніе отъ мартиролога получается и по отношенію къ Никомидіи, гдѣ гоненіе свирѣпствовало съ большою жестокостью.

Для остальныхъ странъ Востока свѣдѣнія наши крайне скудны. Мы знаемъ по Евсевію, что епископъ емесскій, Сильванъ, погибъ при Максиминѣ въ амфитеатрѣ города, гдѣ занималъ епископскую каѳедру, что епископъ тирскій, Тиранніонъ, и сидонскій пресвитеръ, Зиновій, исповѣдывали вѣру въ Антіохіи, что первый былъ брошенъ въ море, а Зиновій умеръ подъ пыткой [3]). Епископъ лаодикійскій, Стефанъ, постыдно отрекся отъ вѣры. Подобно своему предшественнику, Анатолію, онъ отличался широкимъ образованіемъ, обладалъ большими познаніями въ области литературы и философіи, но, какъ показываетъ его паденіе, былъ человѣкъ слабохарактерный или неискренній [4]).

Въ самомъ началѣ гоненія, въ 303 г., въ Антіохіи погибъ нѣкто

---

[1]) *H. E.*, VIII, 6.

[2]) Изъ повѣствовательныхъ памятниковъ только одно мученичество Криспины тагурской (Тевеста, 5 декабря 304 г.) принадлежитъ перу современника. Прочія же повѣсти — о трехъ мученицахъ: Максимѣ, Секундѣ и Донатиллѣ (Tuburbo Lucernaria, 30 іюля; упоминаются также въ *Passio Crispinae*; см. *Anal. Boll.*, T. IX, p. 110), о св. Маммаріи и его товарищахъ (*Vagenses*, 10 іюня; ср. Mabillon, *Anal.*, IV, 93; этотъ разсказъ о мученичествѣ принадлежитъ тому же автору, что и предыдущій), о св. Мартіанѣ кесарійской (11 іюля), о св. Фабіи картенскомъ (31 іюля; *Anall. Boll.* T. IX p. 123), о св. Типасіи тигавскомъ (11 янв. ibid. p. 116) — относятся также къ гоненію Діоклетіана, но написаны позднѣе, въ IV в.

[3]) Тиранніонъ и Зиновій были задержаны внѣ мѣста ихъ жительства, потому что они подлежали суду не сирійскаго, а финикійскаго правителя. Впрочемъ, страннымъ представляется свидѣтельство Евсевія о томъ, что тирскій епископъ былъ брошенъ въ море (θαλαττίοις παραδοθεὶς βυθοῖς) въ Антіохіи, которая не была приморскимъ городомъ.

[4]) Eusebius, *H. E.*, VII, 32, § 22.

Романъ, сельскій діаконъ Кесаріи Палестинской, который находился проѣздомъ въ сирійской столицѣ и выдалъ себя своимъ горячимъ протестомъ противъ вѣроотступниковъ. Что касается клира и вѣрующихъ въ Антіохіи, судьба ихъ намъ неизвѣстна. Епископа не тронули [1]), но гоненіе было жестокое. Евсевій [2]) повѣствуетъ о кострахъ, на которыхъ сжигали медленно, на слабомъ огнѣ, объ алтаряхъ, на которыхъ мученики, принуждаемые бросить въ огонь ѳиміамъ, предпочитали терпѣть сожженіе своихъ рукъ съ мясомъ и костями. Не называя именъ, онъ повѣствуетъ читателямъ объ очевидно памятныхъ имъ дѣвушкахъ, двухъ сестрахъ, извѣстныхъ какъ по своему происхожденію и богатству, такъ и по добродѣтелямъ, брошенныхъ въ море. Онъ разсказываетъ также исторію одной благородной матроны, которая въ первую минуту бѣжала съ дочерьми, безъ сомнѣнія, за Евфратъ. Когда же ихъ убѣжище было открыто, и ихъ везли обратно въ Антіохію, при переправѣ черезъ рѣку, внѣ себя отъ мысли, что ихъ ожидаетъ по возвращеніи нѣчто худшее, чѣмъ сама смерть, онѣ вырвались изъ рукъ сопровождавшей ихъ стражи и бросились въ воду [3]).

Что касается другихъ странъ, Евсевій сохранилъ здѣсь воспоминаніе лишь о необычайныхъ казняхъ: такъ въ Аравіи христіанъ

---

1) Евсевій въ своей Хроникѣ относитъ смерть епископа Кирилла къ 301—302 г., т. е. ко времени до начала гоненія, а въ Церковной Исторіи, VII, 32, § 1, говоритъ, что гоненіе вспыхнуло (ἤκμασεν) при его преемникѣ, Тираннѣ. Невозможно допустить съ его стороны той грубой ошибки, которая предполагалась бы признаніемъ на основаніи мало достовѣрнаго документа, что Кириллъ былъ присужденъ къ рудникамъ въ 303 г. и сосланъ въ Паннонію на мраморныя каменоломни. Мученичество „Четырехъ увѣнчанныхъ“ (8 окт.) дѣйствительно называетъ одного епископа „по имени Кирилла, содержавшагося подъ стражей, приведеннаго изъ Антіохіи, узника за имя Христово, который былъ уже изнуренъ многократнымъ бичеваніемъ въ теченіе трехъ лѣтъ (*in custodia religatum, nomine Cyrillum, de Antiochia adductum, pro nomine Christi vinctum, qui iam multis verberibus fuerat maceratus per annos tres*) и умеръ въ темницѣ на той же каторгѣ“. Такой важный фактъ, какъ исповѣданіе вѣры и ссылка перваго на востокѣ епископа, не могъ бы ускользнуть отъ Евсевія, а скрывать это ему не было причинъ. Указываютъ на его недоброжелательство, обусловленное богословскими тенденціями. Но въ то время, когда онъ писалъ объ этомъ, у него не было еще никакихъ основаній проявлять ихъ въ настоящемъ случаѣ. Петръ Александрійскій безъ сомнѣнія не былъ его сторонникомъ. Но умолчалъ ли онъ объ его добродѣтеляхъ, образованіи и мученичествѣ?

2) *H. E.*, VIII, 12.

3) Дозволительность самоубійства въ подобныхъ случаяхъ признавалась церковью. Сохранилась бесѣда свят. Іоанна Златоуста въ честь этихъ святыхъ. (*Hom.* 51; ср. Augustinus. *De civit. Dei*, I, 26). Изъ нея мы узнаемъ, что мать называлась Домниной, а дочери—Вереникой и Просдокіей. Св. Амвросій, (*De virginibus*, III, 7 и *ep.* 37), тоже говоритъ объ этой исторіи, но вноситъ въ нее имя св. Пелагіи.

рубили топорами, въ Каппадокіи имъ раздробляли ноги, въ Месопотаміи ихъ коптили, подвѣшивая за ноги надъ горящими углями, въ Понтѣ имъ загоняли подъ ногти заостренныя палочки тростника или заливали горячимъ оловомъ самыя сокровенныя части тѣла. Нѣкоторые судьи отличались изобрѣтательностью, съ которой они изощрялись соединять пытки съ непристойностями.

Если бы эти ужасы дошли до насъ въ легендарныхъ сказаніяхъ, мы отнеслись бы съ крайнимъ недовѣріемъ къ такимъ преувеличеннымъ описаніямъ, но передъ нами разсказчикъ, который находился въ благопріятныхъ условіяхъ, чтобы быть хорошо освѣдомленнымъ, и мало склонный искажать смыслъ дошедшихъ до него документовъ. Въ то время, когда онъ писалъ, костры едва лишь погасли, и зола ихъ еще не остыла. Слѣдовательно онъ заслуживаетъ довѣрія. Да, впрочемъ, менѣе древнія и столь же хорошо удостовѣренныя событія не убѣждаютъ ли насъ въ томъ, что въ этой области все, все возможно?

Что же касается отдѣльныхъ случаевъ, память о которыхъ въ каждой странѣ освящалась культомъ и закрѣплялась мѣстной агіографіей, то перечислять ихъ здѣсь невозможно. Между относящимися сюда документами мало такихъ, на которые можно положиться во всѣхъ подробностяхъ. Черты, имѣющія въ нихъ общій интересъ, извѣстны уже намъ по Евсевію и Лактанцію, другія же имѣютъ значеніе лишь для мѣстной исторіи.

8. Борьба въ литературѣ.

Къ борьбѣ, которая велась полиціей на почвѣ закона, присоединялись еще литературные споры. Правда, они никогда и не прекращались. Послѣ Тертулліана, Минуцій Феликсъ и св. Кипріанъ вновь излагали и защищали передъ судомъ общественнаго мнѣнія христіанское ученіе. За греческими апологіями II вѣка послѣдовали разныя произведенія, текстъ которыхъ сохранился до нашихъ дней, а авторы остаются неизвѣстными [1]).

Когда появилась книга Порфирія противъ христіанъ, Мееодій и Евсевій не замедлили на нее отвѣтить. Гоненіе, какъ бываетъ во всѣ времена, возбудило рвеніе людей, любящихъ добивать побѣжденныхъ. Африканскій риторъ Арнобій, занимавшій оффиціальную преподавательскую каѳедру въ Сиккѣ Венеріи, давно уже

[1]) См. Т. I, стр. 141.

выступалъ противъ христіанъ, но благодать посѣтила его, и онъ самъ перешелъ въ христіанство. Мѣстный епископъ, усомнившійся въ искренности его обращенія, потребовалъ отъ него доказательствъ, и Арнобій далъ ему очень сильное доказательство, обнародовавъ свое основательное обличеніе язычества [1]). Опровергая самого себя, онъ какъ-будто имѣлъ въ виду нѣкоего Корнелія Лабеона, автора враждебныхъ христіанству сочиненій. На трудѣ Арнобія неблагопріятно отозвалась поспѣшность, съ которой онъ былъ составленъ; стиль его очень небреженъ. Относительно души, ея происхожденія и безсмертія языкъ автора изобличаетъ въ немъ неофита, еще не вполнѣ освѣдомленнаго.

Между учениками Арнобія въ Сиккѣ Веперіи находился другой африканецъ, который долженъ былъ занять въ христіанской апологетикѣ гораздо болѣе видное положеніе [2]). Лактанцій (*L. Caecilius Firmianus Lactantius*) пріобрѣлъ, какъ риторъ, такую славу, что императоръ Діоклетіанъ призвалъ его въ Никомидію и поручилъ ему оффиціальную каѳедру латинскаго краснорѣчія. Онъ былъ сперва язычникомъ и, по всѣмъ видимостямъ, еще оставался имъ, когда получилъ это назначеніе. Обращеніе его совершилось въ Никомидіи. Гоненіе лишило его мѣста. Ему пришлось ограничиться частными лекціями, вовсе недоходными для преподавателя латинскаго языка въ этомъ греческомъ городѣ и для христіанина въ такія времена. Свой невольный досугъ онъ посвящалъ составленію сочиненій въ защиту своей вѣры. Это былъ талантливый человѣкъ. Къ счастію для своей литературной славы, онъ не принялъ за образецъ Арнобія, а старался подражать Цицерону. Изъ его произведеній до насъ дошли два небольшихъ трактата: одинъ о природѣ человѣка (*De opificio Dei*), другой о нѣкоторыхъ антроморфизмахъ (*De ira Dei*), и въ особенности его крупный апологетическій трудъ *Божественныя наставленія* въ семи книгахъ, изъ которыхъ онъ самъ составилъ извлеченіе (*Epitome*). Нападки противниковъ заставили его взяться за перо. Въ то время, какъ палачи орудовали противъ христіанъ, одинъ софистъ, имя котораго не дошло до насъ, сталъ нападать на нихъ въ своихъ публичныхъ лекціяхъ. Краснорѣчивый проповѣдникъ бѣдности на словахъ, онъ ходилъ въ короткомъ плащѣ и съ цѣлой гривой не-

---

1) *De errore profanarum religionum*. См. объ этой апологіи Monceaux *Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne*, t. III, p. 241 et sqq.; cp. Martin Schanz, *Geschichte der röm. Litteratur*, № 611, 749 et sq.

2) Monceaux, *loc. cit.* p. 286; Schanz, *loc. cit.* S. 445.

чесанныхъ волосъ, но было хорошо извѣстно, что его владѣнія безпрестанно округляются по милости высокопоставленныхъ лицъ, что у него ѣдятъ лучше, чѣмъ въ императорскомъ дворцѣ, и къ тому же не налагаютъ на себя суроваго воздержанія и въ другихъ отношеніяхъ. Онъ поучалъ слушателей, что роль философовъ заключается въ исправленіи человѣческихъ заблужденій и указаніи людямъ истиннаго пути, превозносилъ императоровъ за то, что они взялись за защиту древней религіи, и рѣзко нападалъ на новую, которой вовсе не зналъ. Это было замѣчено. Къ тому же общественное мнѣніе нашло, что моментъ для подобнаго рода выступленій былъ выбранъ неудачно, и что стыдно такъ топтать людей, лишенныхъ покровительства законовъ. Софиста освистали.

Послѣ него на поле брани выступилъ другой противникъ христіанства, Іероклъ, сначала бывшій правителемъ Финикіи, потомъ викаріемъ и, наконецъ, правителемъ Виѳиніи. Это была весьма важная особа, совѣтникъ императора: онъ принималъ участіе въ томъ знаменитомъ совѣщаніи, на которомъ было рѣшено гоненіе. Онъ издалъ трудъ подъ заглавіемъ: *Другъ истины къ христіанамъ* [1]. Лактанцій считаетъ его весьма освѣдомленнымъ и въ частности знакомымъ съ затрудненіями, какія представляетъ св. писаніе. Это неудивительно: Іероклъ широко использовалъ Порфирія; однако въ нѣкоторыхъ пунктахъ онъ шелъ своимъ собственнымъ путемъ. Я не знаю, откуда онъ взялъ, что Христосъ, изгнанный іудеями, сталъ во главѣ разбойничьей шайки въ 900 человѣкъ. Романъ Филострата подалъ ему мысль сдѣлать многочисленныя сопоставленія между Христомъ и Аполлоніемъ Тіанскимъ. Въ этомъ онъ подвергся критикѣ Евсевія, который посвятилъ спеціально ему особую книгу. Сдѣлавшись впослѣдствіи правителемъ Египта, онъ имѣлъ дѣло съ апологетомъ другого рода [2].

Что же касается Лактанція, печальнаго свидѣтеля этихъ низкихъ нападокъ, то онъ пришелъ къ мысли не состязаться съ обидчиками,—по его мнѣнію, они этого не заслуживали,—а предпринять противъ всѣхъ противниковъ христіанства и вынести на судъ образованныхъ людей трудъ, который ранѣе него брали на себя Тертулліанъ и Кипріанъ. Первый, по его мнѣнію, писалъ съ слишкомъ большимъ полемическимъ жаромъ, второй ссылался на

---

1) Φιλαλήθης.

2) Рѣчь идетъ о томъ самомъ Іероклѣ, о которомъ упоминалось выше. См. стр. 29.

доказательства, убѣдительныя болѣе для христіанъ, чѣмъ для язычниковъ. Спокойное, хорошо написанное сочиненіе, гдѣ можно было остаться на философской и литературной почвѣ, общей для всѣхъ образованныхъ людей,—такова была задуманная и выполненная Лактанціемъ задача. Онъ сдѣлался Цицерономъ христіанства.

Сходство дошло до того, что онъ, въ свою очередь, написалъ филиппику. Теперь уже не оспариваютъ, что онъ былъ авторомъ горячаго памфлета *О смерти гонителей*, изданнаго въ 313 г., въ тотъ моментъ, когда Ликиній обнародовалъ въ Никомидіи эдиктъ о вѣротерпимости. Лактанцій, который въ тяжелые дни былъ свидѣтелемъ избіенія и пытокъ своихъ друзей и самъ вынужденъ былъ покинуть Никомидію, вернулся теперь туда наслаждаться благами религіознаго мира. Но онъ все еще находился въ нищетѣ, и только по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ судьба ему улыбнулась: Константинъ пригласилъ его на Западъ и довѣрилъ ему воспитаніе своего сына Криспа (окт. 317). Лактанцій былъ тогда уже въ преклонныхъ годахъ.

ГЛАВА II.

Константинъ, христіанскій императоръ.

Обращеніе Константина.—Мѣропріятія касательно религіи на Западѣ.—Терпимость по отношенію къ язычникамъ и покровительство христіанамъ.—Ликиній и его отношеніе къ христіанамъ.—Война 323 г.: Константинъ единодержавный императоръ.—Развитіе его религіозной политики.—Мѣры, направленныя противъ языческихъ храмовъ и жертвоприношеній.—Построеніе церквей: святыя мѣста въ Палестинѣ.—Основаніе Константинополя.—Смерть Константина.

1. Константинъ, императоръ западной имперіи.

Побѣда Константина надъ Максенціемъ разсматривалась всѣми какъ событіе чрезвычайной важности, въ которомъ несомнѣнно проявилось участіе воли Божіей. Впечатлѣніе это нашло себѣ выраженіе въ надписи, которую сенатъ приказалъ вырѣзать на аркѣ въ память событія съ знаменитыми словами: *Instinctu Divinitatis* (по внушенію божества). Язычники, которыхъ не мало насчитывалось подъ знаменами побѣдителя и при его дворѣ, приписывали побѣду отвлеченной божественной силѣ, которой поклонялись въ своихъ богахъ, или даже вмѣшательству божественныхъ легіоновъ подъ предводительствомъ обоготвореннаго императора Констанція Хлора [1]. Но общее впечатлѣніе сводилось къ тому, что катастрофа, въ которой погибъ Максенцій съ своей блестящей арміей, была дѣломъ христіанскаго Бога. Передъ битвой „тиранъ“ прибѣгнулъ ко всѣмъ рессурсамъ языческой религіи: прорицанія, гаданія, жертвоприношенія, волхвованія, — все было пущено въ ходъ съ необычайной торжественностью. Выступая противъ него, воины Константина написали на своихъ щитахъ знакъ ☧, слагавшійся изъ двухъ начальныхъ буквъ имени Христа. Приказъ о начертаніи этой необыч-

---

1) *Paneg.*, IX, 2; X, 14. Буасье не безъ основанія сближаетъ это разнообразіе въ истолкованіи факта съ тѣми различными голосами, какіе раздавались по поводу молніеноснаго легіона. (*La fin du paganisme*, T. I, p. 44). См. т. I, стр. 167 настоящаго сочиненія.

ной эмблемы на вооруженіи былъ отданъ Константиномъ вслѣдствіе видѣннаго имъ сна [1]). Максенцій разсчитывалъ на помощь старыхъ боговъ, Константинъ вручилъ себя и свое войско покровительству христіанскаго Бога.

Битва у Мильвійскаго моста укрѣпила его вѣру и склонила къ окончательному принятію христіанства. Но вѣра эта коренилась въ прошломъ. Весьма вѣроятно, что христіанство уже имѣло нѣкоторое отношеніе къ семьѣ Констанція Хлора, какъ и къ семьѣ Діоклетіана: одна изъ сестеръ Константина носила христіанское имя Анастасіи. Несмотря на то, что подъ эдиктами гоненія стояла подпись Констанція вмѣстѣ съ подписью его царственныхъ коллегъ, онъ, въ предѣлахъ своихъ владѣній, сумѣлъ помѣшать пролитію христіанской крови [2]). Евсевій рисуетъ его самого, какъ христіанина въ душѣ. Однако, нельзя допустить его формальнаго присоединенія, которому соотвѣтствовало бы его вступленіе въ ряды оглашенныхъ, и въ особенности совершеніе надъ нимъ таинства крещенія. Воспитанный въ семьѣ, гдѣ христіанство, если не соблюдалось, то по крайней мѣрѣ уважалось, Константинъ во время своего пребыванія въ Никомидіи могъ видѣть, какъ тамъ обращались съ вѣрующими. Вдохновитель гоненія, Галерій, былъ врагомъ его отца и его собственнымъ. Когда въ западныхъ провинціяхъ власть перешла къ нему, онъ тотчасъ сталъ благосклонно относиться къ тѣмъ, кого преслѣдовали въ другихъ владѣніяхъ. Однако, отъ расположенія къ терпимости до личнаго обращенія было еще далеко, и оно нисколько не подсказывалось политическими обстоятельствами. Христіанъ на Западѣ было гораздо меньше, чѣмъ на Востокѣ и въ Малой Азіи. Если бы императору галловъ вздумалось сообразоваться съ религіознымъ настроеніемъ своихъ подданныхъ, то ему не зачѣмъ было бы отрекаться отъ старыхъ боговъ, у него не было бы ни малѣйшаго политическаго интереса объявить себя христіаниномъ. Тѣмъ не менѣе Константинъ сдѣлалъ это. Въ то время, когда онъ готовился къ походу противъ Максенція и былъ озабоченъ не только принятіемъ всевозможныхъ военныхъ мѣръ предосторожности, но и обезпеченіемъ за собой помощи свыше, у него возникла мысль, что поведеніе его отца и его собственное должно было расположить въ его пользу христіанскаго Бога; онъ находилъ подтвержде-

---

[1]) Lactantius, *De mort. pers.*, 44.
[2]) Eusebius, *Vita Const.*, I, 17.

ніе этому въ успѣхѣ, который сопутствовалъ доселѣ, какъ его отцу такъ и ему, въ противоположность другимъ враждебнымъ христіанству государямъ: Максиміану, Северу, Галерію, которыхъ постигъ самый печальный конецъ. Эти размышленія были, повидимому, весьма обычны ему, потому что онъ часто возвращается къ нимъ въ своихъ письмахъ. Впослѣдствіи онъ сообщилъ о нихъ Евсевію, прибавивъ къ этому, что для укрѣпленія себя въ принятомъ рѣшеніи онъ просилъ Бога вразумить его какимъ-нибудь знаменіемъ свыше. Вскорѣ послѣ этого онъ увидѣлъ на небѣ, и все его войско было свидѣтелемъ явленія, огненный крестъ со словами „Симъ побѣди“ [1]). Наконецъ Христосъ явился ему во снѣ, держа въ рукѣ тотъ же знакъ, какой онъ видѣлъ на небѣ, приказалъ воспроизвести его и пользоваться имъ для защиты отъ врага. Константинъ послалъ за христіанскими священниками и спросилъ у нихъ, кто былъ явившійся ему Богъ, и что означаетъ этотъ знакъ. Тогда только онъ получилъ наставленіе въ христіанской вѣрѣ и открыто сталъ исповѣдывать ее.

Трудно допустить, чтобы до этого дня Константинъ былъ столь невѣжественъ въ христіанскомъ вѣроученіи. Разсказъ, по крайней мѣрѣ въ этой своей части, является, повидимому, нѣсколько изукрашеннымъ. Что же касается ночныхъ и дневныхъ видѣній, то нѣтъ никакихъ основаній оспаривать Евсевія, утверждающаго, что онъ слышалъ о нихъ отъ Константина; но историку трудно дать надлежащую оцѣнку такому свидѣтельству и вообще извлечь какую-либо пользу отъ изслѣдованія столь интимныхъ вопросовъ. Итакъ, предоставляя тайнѣ то, что принадлежитъ ей, мы ограничимся здѣсь засвидѣтельствованными фактами, а именно, что Константинъ, приступая къ борьбѣ съ Максенціемъ, и особенно въ битвѣ у Мильвійскаго моста заявилъ во всеуслышаніе, что онъ вручаетъ себя покровительству христіанскаго Бога, и что съ этого времени въ отношеніи къ религіознымъ вопросамъ онъ словомъ и дѣломъ заявлялъ себя убѣжденнымъ христіаниномъ. Монограмма Христа, написанная на щитахъ воиновъ, водруженная на древкѣ знаменъ (*labarum*), выбитая на монетахъ и воспроизведенная на тысячи ладовъ, являлась яркимъ показателемъ чувствъ, воодушевлявшихъ императора [2]). Но они проявлялись и во многомъ другомъ. Уже

---

1) Τούτῳ νίκα.

2) См. объ этомъ вопросѣ главнымъ образомъ Boissier, *La fin du paganisme*, T. I, p. 11 et sqq.

нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ битвы у Мильвійскаго моста, мы встрѣчаемъ среди его приближенныхъ Осія, епископа кордубскаго, въ качествѣ своего рода совѣтника по церковнымъ дѣламъ. Письма, исходившія отъ имени императора съ 313 г., свидѣтельствуютъ о живомъ чувствѣ христіанскаго благочестія [1]).

Въ концѣ-концовъ получилось то, что Тертулліанъ объявилъ невозможнымъ: императоръ сталъ христіаниномъ [2]). Константинъ уже могъ бы расписываться, какъ его византійскіе преемники: πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων, „христіанскій царь и императоръ римскій". И дѣло касалось не просто интимныхъ личныхъ убѣжденій, послѣдствія которыхъ не переступаютъ тѣснаго семейнаго круга и домашней церкви. Перемѣна, происшедшая въ Константинѣ, какова бы ни была ея искренность, имѣла связь съ событіями чрезвычайной важности: съ полной неудачей гоненія и гибелью Максенція. Немыслимо, чтобы послѣдствія этихъ событій не отразились на управленіи имперіей, и чтобы римскій императоръ не вдохновлялся „христіанскимъ царемъ"; это тотчасъ же почувствовали всѣ. Язычники увидѣли въ этомъ угрозу для себя: ихъ нужно было успокоить, и мы видимъ слѣды этой заботы въ эдиктѣ, появившемся послѣ миланскаго свиданія [3]): въ немъ ясно было заявлено, что свобода вѣроисповѣданія дана не только христіанамъ, но и всѣмъ.

Это, впрочемъ, было обезпечено тѣмъ, что изъ двухъ императоровъ одинъ былъ христіанинъ, другой оставался язычникомъ. Правда, передъ Адріанопольской битвой Ликиній тоже имѣлъ небесное видѣніе, а передъ самымъ вступленіемъ въ бой приказалъ солдатамъ обратиться съ молитвой къ „Богу всевышнему" (*summus Deus*) [4]). Правда и то, что тотчасъ послѣ битвы онъ поспѣшилъ провозгласить свободу вѣроисповѣданія. Но съ 314 г.

---

[1]) Нельзя достаточно надивиться наивности нѣкоторыхъ критиковъ, приступающихъ къ этимъ произведеніямъ императорской литературы съ предвзятой мыслію, что императоръ не могъ имѣть религіозныхъ убѣжденій, что такіе люди, какъ Константинъ, Константъ, Юліанъ, были въ сущности свободомыслящими, провозглашавшими тѣ или иныя мнѣнія по политическимъ соображеніямъ. Если въ IV в. и встрѣчались вольнодумцы, то они были рѣдкими птицами, существованіе которыхъ нельзя столь легко предполагать и допускать.

[2]) „Sed et caesares credidissent super Christo, si aut caesares non essent saeculo necessarii aut si et christiani potuissent esse caesares" (Но и императоры увѣровали бы во Христа, если бы императоры не были необходимы міру или если бы христіане могли быть императорами). *Apol.* 21.

[3]) См. выше, стр. 23—25.

[4]) Лактанцій (*De mort. pers*, 46) приводитъ самый текстъ молитвы, которую, по его словамъ, ангелъ (*angelus Dei*) открылъ Ликинію во снѣ.

онъ находился въ войнѣ съ Константиномъ, и на его благочестивыхъ чувствахъ въ отношеніи къ *summus Deus* не замедлило отразиться его дурное расположеніе къ христіанскому коллегѣ.

Не слѣдуетъ представлять себѣ имперій Константина и Ликинія въ видѣ двухъ различныхъ, совершенно независимыхъ другъ отъ друга государствъ; въ дѣйствительности они являлись двумя частями единой римской имперіи, подъ коллегіальнымъ управленіемъ двухъ императоровъ. При такихъ условіяхъ, если и могла быть разница, и даже очень большая, въ характерѣ административнаго управленія и распредѣленіи милостей, то это нисколько не отражалось на общемъ законодательствѣ и учрежденіяхъ.

Константинъ допустилъ существованіе всѣхъ доселѣ бывшихъ религіозныхъ учрежденій: храмовъ, жрецовъ, жреческихъ коллегій, квиндецемвировъ, весталокъ; онъ сохранилъ за собой титулъ верховнаго жреца *(pontifex maximus)* и даже атрибуты этой должности, поскольку они не обязывали его къ личному участію въ языческихъ церемоніяхъ. Нѣкоторое время въ общественныхъ мастерскихъ еще продолжали выбивать монету съ изображеніемъ солнца или иного божества рядомъ съ фигурой императора. Все это можетъ показаться страннымъ и трудно согласимымъ съ серьезными убѣжденіями. Но не слѣдуетъ забывать, что уже при предшествовавшихъ императорахъ можно было занимать должность по городскому управленію, быть правителемъ провинціи, состоять при особѣ императора, быть начальникомъ центральнаго управленія, даже городскимъ или провинціальнымъ фламиномъ, оставаясь въ то же время христіаниномъ, и что легко можно было освободиться отъ религіозныхъ церемоній, несовмѣстимыхъ съ исповѣданіемъ христіанской вѣры. Верховное управленіе, по слухамъ, находилось уже въ рукахъ христіанина, Филиппа. Все это улаживалось сдѣлками, которыя могли не нравиться и дѣйствительно не нравились ригористамъ, но тѣмъ не менѣе практиковались. Константинъ, какъ повелитель, могъ безъ труда согласовать свои вѣрованія съ занимаемымъ положеніемъ. Изъ послѣдняго онъ поспѣшилъ извлечь выгоду въ пользу своихъ единовѣрцевъ.

Мы видѣли уже, что мѣры, принятыя въ Миланѣ по обоюдному согласію императоровъ, обезпечили христіанамъ самую полную религіозную свободу и вернули церкви конфискованныя имущества. Константинъ на этомъ не остановился. Прекрасно сознавая, что возвращеніе недвижимыхъ имуществъ далеко не можетъ вознаградить за убытки, понесенные во время гоненій, онъ старался ши-

рокими пожертвованіями притти на помощь въ первой нуждѣ недостаточнымъ общинамъ; онъ пожелалъ также, чтобы потерпѣвшимъ отъ гоненій были выданы вознагражденія. Епископу Осію было поручено вникнуть въ подробности и распредѣлить денежныя субсидіи [1]).

Клиръ былъ освобожденъ отъ обременительныхъ общественныхъ обязанностей, т. е. въ особенности отъ службы въ куріи и отъ повинностей [2]). Такому освобожденію съ давнихъ поръ подлежали врачи, преподаватели и лица, несшія жреческую службу, сопряженную съ крупными расходами. Константинъ рѣшилъ, что служеніе христіанскаго клира достойно такого же вознагражденія.

Безъ сомнѣнія, уже съ этихъ поръ благочестіе его проявлялось въ сооруженіи церквей. Въ Римѣ старинное жилище Латерановъ на Целіѣ, уже нѣсколько разъ конфискованное, принадлежало въ то время Фаустинѣ, сестрѣ Максенція и женѣ Константина. Туда была перенесена резиденція епископа; съ осени 313 г. папа Мильтіадъ открылъ тамъ соборъ. Очевидно вскорѣ послѣ этого было приступлено къ постройкѣ базилики, примыкавшей къ епископскому дому *(domus Ecclesiae)* и въ настоящее время извѣстной подъ именемъ Латеранской. Другія церкви были воздвигнуты раченіемъ императора на гробницахъ апп. Петра и Павла и св. Лаврентія [3]). Женщины изъ царскаго рода Константина, охотно поселявшіяся въ Римѣ, въ свою очередь занимались построеніемъ церквей. Елена, мать императора, жила то въ *domus Sessoriana* за Латераномъ, совсѣмъ въ концѣ города, то на виллѣ *Ad duos lauros*, на Лабиканской дорогѣ. Недалеко отсюда было расположено христіанское кладбище, гдѣ покоились мученики Петръ и Маркеллинъ, жертвы послѣдняго гоненія; она воздвигла въ честь ихъ небольшую базилику. Когда, позднѣе, она посѣтила Палестину и обрѣла тамъ реликвіи Страстей Господнихъ, то часть ихъ она сохранила для *Sessorium*, который сталъ вскорѣ какъ бы малымъ Іерусалимомъ и даже получилъ это названіе. Константина, дочь императора,

---

[1]) Eusebius, *H. E*, X, 6, письмо Константина къ Цециліану, еп. кареагенскому: Ἐπειδήπερ ἤρεσε; ср. *Vita Const.* I, 41, 43.

[2]) *H. E.*, X, 7, письмо Константина къ проконсулу Анулину: Ἐπειδὴ ἐκ πλειόνων. Это многихъ побудило къ вступленію въ клиръ; пришлось запретить вступленіе въ духовное званіе членамъ курій и лицамъ, которыя могли сдѣлаться такими членами.

[3]) Базилики ап. Павла и св. Лаврентія, сооруженныя Константиномъ, были очень не велики, гораздо меньше размѣрами, чѣмъ церкви Латеранская и св. Петра.

любила другую императорскую виллу, расположенную на Номентанской дорогѣ, близъ кладбища, гдѣ находилась могила св. Агнессы; она построила тамъ базилику съ баптистеріемъ [1]), который существуетъ еще понынѣ. Наконецъ возможно, что церковь Анастасіи, у подошвы Палатинскаго холма, названа такъ въ честь одной изъ сестеръ Константина.

Послѣдняя едва не стала императрицей. Она была замужемъ за знатнымъ человѣкомъ, Вассіаномъ, котораго Константинъ хотѣлъ сдѣлать кесаремъ. Онъ предназначалъ ему въ обладаніе Италію; Анастасія воцарилась бы госпожей на Палатинѣ. На ея бѣду во время замѣтили, что Вассіанъ и его братъ, Сенеціонъ, были въ слишкомъ близкихъ отношеніяхъ съ Ликиніемъ. Вассіанъ былъ устраненъ [2]), а Сенеціонъ бѣжалъ къ Ликинію, который отказался его выдать, почему между императорами возгорѣлась война. Потерпѣвъ пораженіе въ Цибалѣ, въ Панноніи, а затѣмъ во Ѳракіи, Ликиній купилъ миръ цѣною Иллирика (конецъ 314 г.).

То было лишь перемиріе. Оно длилось 8 лѣтъ (315—323 г.). Отъ этого времени до насъ дошло нѣсколько законовъ Константина, свидѣтельствующихъ объ его добромъ расположеніи къ христіанамъ. Онъ запретилъ іудеямъ, подъ угрозой сожженія на кострѣ, побивать каменьями тѣхъ изъ своихъ единовѣрцевъ, которые обратятся въ христіанство [3]); разрѣшилъ праздновать освобожденіе отъ рабства въ церкви въ присутствіи епископа и клира [4]); предписалъ для суда, конторъ и городскихъ рабочихъ воскресный отдыхъ [5]) и объявилъ право составлять завѣщанія въ пользу церквей [6]). Что же касается язычества, то онъ сохранилъ за нимъ свободу, ограничившись запрещеніемъ производить гаданія въ частныхъ домахъ; въ храмахъ онъ ихъ допускалъ и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ предписывалъ [7]).

Но доброе расположеніе императора вскорѣ подверглось тяж-

---

[1]) Въ этомъ баптистеріи были погребены Константинъ и его сестра Елена, жена Юліана, въ огромномъ порфировомъ саркофагѣ, находящемся теперь въ Ватиканскомъ музеѣ. Въ другомъ саркофагѣ, совершенно одинаковомъ съ первымъ, были положены останки Елены, императрицы матери. Онъ тоже былъ перенесенъ въ Ватиканъ. Можно видѣть еще и теперь близъ Tor Pignattara, на Лабиканской дорогѣ, внушительныя развалины мавзолея Елены.

[2]) *Convictus et stratus est* (былъ уличенъ и поверженъ) гласитъ *Origo Constantini* (Anon. de Valois, ed. Mommsen, *Chronica minora*: I, p. 8).

[3]) *Cod. Theod.*, XVI, 8, 1.

[4]) *Cod, Just.*, I, 13, 2; ср. *Cod. Theod.*, IV, 7, 1.

[5]) *Cod. Just.*, III, 12, 2.

[6]) *Cod. Theod.* XVI, 2, 4.

[7]) *Cod. Theod.*, IX, 16, 1, 2. 3; XVI, 10, 1.

кому испытанію вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ среди тѣхъ, кому онъ оказывалъ покровительство. Африканская церковь причинила ему много хлопотъ, и это съ самыхъ первыхъ дней. Тамъ образовались двѣ религіозныхъ партіи, и каждая изъ нихъ выдавала себя за истинную каѳолическую церковь. Цари гонители не полагали различія между христіанами: еретики и православные одинаково подвергались гоненію, и не одинъ еретикъ отдалъ свою жизнь за общую вѣру. Константинъ же хотѣлъ, чтобы его сочувствіемъ и милостями пользовалась исключительно лишь истинная церковь; онъ не желалъ покровительствовать всѣмъ безъ различія. Уже въ этомъ для него было достаточно побудительныхъ прпчинъ заинтересоваться африканской распрей. „Христіанскій царь“ желалъ знать, гдѣ въ Африкѣ находились его собратья по вѣрѣ. Что же касается „римскаго императора“, то онъ имѣлъ другіе поводы для вмѣшательства: борьба партій приняла такіе размѣры, что общественное спокойствіе было нарушено. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы положить конецъ этой распрѣ. Онъ созывалъ епископскіе соборы, назначалъ оффиціальныя разслѣдованія, самъ засѣдалъ въ качествѣ третейскаго судьи и, наконецъ, путемъ кротости и мѣрами строгости добивался исполненія постановленныхъ рѣшеній. Служебный персо́налъ былъ поставленъ на ноги, и почтовыя колесницы перевозили епископовъ на мѣста, назначенныя для соборовъ. Въ этомъ не слѣдуетъ усматривать проявленія милостиваго отношенія къ епископату. Не для своего же удовольствія епископы, по его приглашенію, ѣхали въ Римъ, Арль и Миланъ; это дѣлалось, чтобы помочь императору возстановить порядокъ. Предоставляя въ распоряженіе епископовъ общественныя колесницы, Константинъ подчинялся государственнымъ соображеніямъ, точно такъ же, какъ въ свое время ими руководствовался и Діоклетіанъ, сажая епископовъ въ тюрьмы.

2. Востокъ подъ управленіемъ Ликинія.

У Ликинія также происходили епископскія собранія. Избавившись, наконецъ, отъ Максимина, христіане вздохнули свободно, возобновили свои собранія, возстановляли церкви изъ развалинъ, матеріальныхъ и нравственныхъ. Праздники въ честь освященія церквей, подобные торжеству по поводу освященія большой церкви въ Тирѣ, на которомъ присутствовалъ историкъ Евсевій, въ то время уже епископъ кесарійскій, должно быть бывали часто.

Евсевій произнесъ здѣсь большую торжественную рѣчь и, чтобы она не пропала для потомства, включилъ ее въ послѣднее изданіе своей Церковной исторіи [1]). Отъ двухъ соборовъ, имѣвшихъ мѣсто во времена Ликинія въ Анкирѣ и въ Неокесаріи, до насъ дошли правила и подписи. Въ общемъ эти правила движутся въ обычныхъ рамкахъ церковнаго законодательства: они касаются покаянной дисциплины, порядка посвященія въ іерархическія степени и другихъ вопросовъ подобнаго рода. Тѣмъ не менѣе больше половины анкирскихъ правилъ вытекаетъ изъ положенія, создавшагося во время послѣдняго гоненія. Воспоминанія о немъ были еще очень свѣжи, поэтому съ большимъ вѣроятіемъ можно отнести этотъ соборъ къ 313 г. Въ неокесарійскихъ правилахъ уже нѣтъ никакихъ слѣдовъ гоненія. Оба эти собора были составлены изъ малоазійскихъ, киликійскихъ и сирійскихъ епископовъ; на томъ и другомъ соборѣ присутствовали епископы Антіохіи и Кесаріи Каппадокійской—Виталій и Леонтій.

Спокойствіе, о которомъ заставляютъ предполагать подобныя собранія, было непродолжительно. Вліяніе, которое Константинъ могъ оказывать на Ликинія непосредственно или черезъ свою сестру, Констанцію, было подорвано завистью и интригами. Наступила минута, когда престарѣлый товарищъ по оружію Галерія счелъ своимъ долгомъ отомстить за кампанію 314 г. Константинъ сталъ для него врагомъ. Въ такомъ настроеніи онъ не могъ относиться съ довѣріемъ къ христіанамъ, для которыхъ его соперникъ являлся благодѣтелемъ на Западѣ и надеждой на Востокѣ. Подобно Діоклетіану, сначала онъ удалилъ христіанъ отъ своей особы и отъ службы во дворцѣ. Затѣмъ наступила очередь арміи: приходилось отказываться или отъ военной службы или отъ христіанства [2]). Было издано запрещеніе посѣщать узниковъ и помогать имъ, что, особенно въ такую минуту, было серьезнымъ стѣсненіемъ для дѣла христіанскаго милосердія. Придерживаясь самъ далеко не строгихъ нравовъ, Ликиній вдругъ сталъ находить неприличнымъ, что женщины принимаютъ участіе въ религіозныхъ собраніяхъ и получаютъ наставленіе въ вѣрѣ отъ мужчинъ. Даже въ составѣ однихъ мужчинъ собранія вѣрующихъ казались ему слишкомъ многочисленными, чтобы можно было допускать ихъ въ городахъ:

---

[1]) *H. E.*, X, 4.

[2]) О гоненіи Ликинія см. особен. Eusebius *H. E.*, X, 8 и *Vita Const.*, I, 49—56; прав. 11—14 Никейскаго собора; Константинъ въ эдиктѣ о вознагражденіи за понесенные убытки у Euseb., *Vita Const.*, II, 24—35.

богослуженіе должно было совершаться внѣ городскихъ стѣнъ. Въ особенности онъ не довѣрялъ епископскимъ собраніямъ, состоявшимъ изъ лицъ, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ слишкомъ большой благожелательности къ своему западному соправителю. Соборы были запрещены, и многіе епископы подверглись личному преслѣдованію подъ разными предлогами.

Подобныя предписанія и такое отношеніе къ христіанамъ нельзя еще признать за открытое гоненіе. Исповѣданіе христіанства и участіе въ богослуженіи допускались для частныхъ лицъ. Что же касается солдатъ, чиновниковъ, служащихъ и лицъ, дорожившихъ милостями императора, то съ ними дѣло обстояло иначе. Этого было достаточно, чтобы многихъ побудить къ отступничеству: Никейскому собору послѣ Ликинія, какъ Анкирскому послѣ Максимина, пришлось заняться изданіемъ правилъ по этому поводу. Но были не одни отступники; нашлись также исповѣдники и мученики. Нѣсколько епископовъ погибло и въ томъ числѣ Василій амасійскій [1]). Особенно пострадала Понтійская область; во многихъ мѣстахъ закрыли церкви, и дѣло дошло даже до полнаго ихъ разрушенія. Въ Севастіи, въ Малой Арменіи, произошла извѣстная драма сорока мучениковъ, потерпѣвшихъ кончину въ ледяной водѣ. До насъ дошелъ трогательный документъ—завѣщаніе этихъ христіанскихъ воиновъ [2]): они прощаются съ своими друзьями и оставляютъ распоряженіе относительно одного только предмета, которымъ могли располагать, о своихъ останкахъ. И другіе эпизоды сохранены и разработаны агіографической традиціей. Но вѣрнѣе будетъ придерживаться общихъ данныхъ въ томъ видѣ, въ какомъ они перечисляются Евсевіемъ, свидѣтелемъ-очевидцемъ, и Константиномъ въ указѣ о вознагражденіяхъ [3]). Многіе христіане утратили свое положеніе и чины въ арміи или въ различныхъ административныхъ вѣдомствахъ, лишились своего имущества, неправильно были назначены въ куріи, сосланы, отправлены на острова, присуждены къ работамъ въ рудникахъ, въ общественныхъ мастерскихъ и государственныхъ предпріятіяхъ; иныхъ обращали въ рабовъ казны и даже продавали частнымъ лицамъ; многіе, противъ которыхъ было возбуждено преслѣдованіе подъ

---

1) Амасія была митрополіей провинціи, извѣстной въ то время подъ именемъ *Diospontus*, а позднѣе носившей названіе *Helenopontus*.

2) Gebhardt, *Acta martyrum selecta*, p. 166.

3) *Vita Const.*, I, 30—35.

тѣмъ или инымъ предлогомъ, поплатились жизнію за свою преданность христіанской вѣрѣ.

Всѣ эти страданія находили откликъ на Западѣ. Говоря словами Евсевія, часть имперіи, погруженная въ мракъ, обращала взоры въ сторону, гдѣ широко пользовались свѣтомъ. Отношенія между двумя императорами становились все болѣе натянутыми. И не одни только христіане жаловались. Ликиній, грубый и жестокій солдатъ, мало-по-малу превращался въ азіатскаго деспота. Константинъ сдѣлалъ ему замѣчаніе, которое было дурно принято. При такой затаенной враждѣ миръ былъ очень не проченъ. Произошелъ инцидентъ. Обязанный охранять границу Нижняго Дуная, Ликиній плохо исполнялъ это. Варвары переправились черезъ рѣку и наводнили собой всю Ѳракію. Константинъ находился тогда въ Ѳессалоникѣ; онъ двинулся противъ нихъ, оттѣснилъ ихъ и покорилъ. Но эти военныя операціи привели его на территорію Ликинія, отъ котораго зависѣла область Ѳракіи. Тотъ былъ раздосадованъ этимъ, и такимъ образомъ вспыхнула война. Потерпѣвъ пораженіе при Адріанополѣ (3 іюля 323 г.) и осажденный въ Византіи, восточный императоръ былъ настигнутъ тамъ уже побѣдоноснымъ флотомъ, подъ командою Криспа, сына Константина. Онъ перешелъ Босфоръ и далъ другую неудачную битву въ Хрисополѣ (Скутари), 18 сентября 323 г. Благодаря мольбамъ его жены, жизнь ему была дарована. Но его сослали въ Ѳессалонику, гдѣ по всей вѣроятности онъ не пересталъ заниматься интригами, потому что солдаты потребовали отъ Константина его головы, и Константинъ уважилъ ихъ просьбу [1]).

Западный императоръ вступилъ въ Никомидію: можно вообразить себѣ, какъ восторженно онъ былъ встрѣченъ христіанами.

3. Константинъ, единодержавный императоръ.

Не теряя времени, Константинъ поспѣшилъ обнародовать два эдикта. Первый [2]) отвѣчалъ потребностямъ положенія: возвращалъ изгнанныхъ, отворялъ двери работныхъ домовъ и темницъ,

---

[1]) *Origo Constantini* (Anon. de Valois), *M. G., Auct. Ant.*, T. IX, p. 9; ср. p. 232. О годѣ см. Mommsen, *Hermes*, T. XXXII, p. 545 и E. Schwartz, *Nachrichten*, S. 540 et sqq. Можетъ быть слѣдуетъ принять 324 г. См. Jouguet въ *Compte-rendus de l'Ac. des inscr.*, 1906, p. 231 и O. Seeck въ *Rhein. Mus.*, t. LXII (1907), S. 517.

[2]) Евсевій приводитъ его съ экземпляра, адресованнаго къ жителямъ Палестинской провинціи, ἐπαρχιώταις Παλαιστίνης. (*Vita Const.*, II, 24 et sqq.)

возвращалъ исповѣдникамъ свободу, имущество, званіе и утраченное положеніе; воины-христіане могли по желанію вернуться въ армію или остаться внѣ ея съ *honesta missio*; наслѣдства мучениковъ и исповѣдниковъ передавались ихъ родственникамъ, а за неимѣніемъ таковыхъ, жертвовались на нужды церкви; послѣдней возвращались конфискованныя имущества, но безъ процентовъ, — словомъ, каждому по возможности было предоставлено то положеніе, въ какомъ онъ находился до гоненія.

Во второмъ эдиктѣ [1]) Константинъ открыто заявлялъ себя христіаниномъ, напоминалъ о побѣдахъ, одержанныхъ имъ надъ императорами-гонителями, приписывая ихъ помощи свыше; онъ выражалъ желаніе, чтобы всѣ его подданные обратились въ христіанскую вѣру, но объявлялъ, что никого не будетъ къ этому принуждать, и что люди другихъ убѣжденій должны остаться свободными поступать согласно съ ними и исполнять требованія ихъ культа въ храмахъ, которые останутся открытыми.

Въ то же время онъ поощрялъ епископовъ [2]) возстановлять разрушенныя церкви и на ихъ развалинахъ строить болѣе обширныя, приказывая чиновникамъ, завѣдывавшимъ денежной казной, выдавать на это крупныя субсидіи. Съ этого времени государственныя должности замѣщались преимущественно христіанами; чиновникамъ изъ язычниковъ воспрещалось принимать оффиціальное участіе въ церемоніяхъ ихъ культа [3]).

Таковы были мѣры, принятыя на первое время. Константинъ прожилъ еще около 14 лѣтъ. Отъ тетрархіи не осталось и слѣда. Онъ былъ отнынѣ единымъ властелиномъ надъ всей имперіей. Это отразилось на его религіозной политикѣ. Часто ему приписываютъ стремленіе занять устойчивое положеніе между двухъ религій; говорятъ, что онъ поддерживалъ ту и другую, держа ихъ въ извѣстныхъ границахъ черезъ взаимный страхъ и сохраняя надъ ними господствующее положеніе. Будучи верховнымъ жрецомъ язычества въ силу своего императорскаго достоинства, онъ распространилъ свою компетенцію и на христіанство и такимъ образомъ стоялъ во главѣ всѣхъ религіозныхъ отправленій своей имперіи. Такая точка зрѣнія намъ кажется необоснованной. Императоръ не имѣлъ пря-

---

[1]) Евсевій (*Vita Const.*, II, 48—59.) перевелъ его съ латинскаго экземпляра, обращеннаго къ „Восточнымъ".

[2]) Письмо къ Евсевію, *Vita Const.* II, 46. Это былъ лишь первый опытъ. Евсевій утверждаетъ, что онъ первый получилъ такое письмо.

[3]) Eusebius, *Vita Const.*, II, 44.

мой власти даже надъ языческими культами: его званіе *pontifex maximus* соотвѣтствовало опредѣленному и въ общемъ довольно ограниченному кругу обязанностей, во всякомъ случаѣ не носящихъ въ себѣ возможности распространенія и на управленіе церковью. Но помимо своего жреческаго сана и религіозной компетенціи, императоръ былъ для христіанъ, какъ и для язычниковъ, верховымъ законодателемъ, защитникомъ общественнаго спокойствія и распредѣлителемъ милостей. Было небезразлично, склонялось ли это громадное могущество въ ту или другую сторону или оставалось въ равновѣсіи.

Вначалѣ равновѣсіе было возможно. Для христіанъ было много уже и того, что они могли возвратиться къ положенію, какое занимали до гоненія, что за ними была обезпечена свобода, и что имъ дано было даже вознагражденіе за понесенныя потери. Въ данную минуту имъ и въ голову не приходило требовать большаго. Уже въ этомъ была гарантія для язычниковъ. Другая же заключалась для нихъ въ ихъ количествѣ, которое во многихъ западныхъ провинціяхъ значительно превышало число христіанъ. Наконецъ Ликиній, который ни въ чемъ не проявлялъ сочувствія къ христіанству, представлялъ въ императорской коллегіи сторонниковъ старой религіозной традиціи. Отсюда извѣстная равноправность религій, независимая отъ какихъ-либо политическихъ видовъ и даже отъ внутреннихъ симпатій обоихъ императоровъ.

Мы не знаемъ, каковы были въ сущности убѣжденія Ликинія. Мы не имѣемъ ни одного письменнаго документа, который проливалъ бы свѣтъ на его внутреннее религіозное настроеніе. Другое дѣло его соправитель: Константинъ былъ убѣжденный христіанинъ, хотя, мнѣ кажется, христіански невоспитанный и поверхностный богословъ. Верховное существо, *summus Deus,* царь небесный, антитеза языческаго пантеона,—идея сложная и неясная,—гораздо болѣе занималъ его, чѣмъ богословское ученіе о воплощенномъ Словѣ. Но его монотеизмъ не былъ просто дѣломъ философіи; это былъ чисто религіозный монотеизмъ и религіозный въ христіанскомъ смыслѣ, монотеизмъ, данный въ откровеніи и явленный во Христѣ Іисусѣ, монотеизмъ спасающій, блага котораго сохраняются и распространяются церковью въ ея ученіи, дисциплинѣ и богослуженіи. Проникнутый этой вѣрой, Константинъ не имѣлъ никакого основанія думать, чтобы она была не всѣмъ доступна и не для всѣхъ пріемлема. Подобно Діоклетіану и многимъ другимъ, онъ мечталъ о религіозномъ единствѣ, но разница между нимъ и его

предшественниками заключалась въ томъ, что онъ больше не считалъ его достижимымъ при помощи язычества, а, наоборотъ, полагалъ, что его можно осуществить, опираясь на религію Христа. Отсюда это рѣшительное и громко заявленное расположеніе къ христіанству, которое проявилось съ перваго дня и постоянно возрастало, склоняя многихъ къ обращенію и видоизмѣняя такимъ образомъ численное соотношеніе боровшихся сторонъ. Этимъ до извѣстной степени объясняется языческая реакція Ликинія въ восточныхъ провинціяхъ, гдѣ однако все, казалось, указывало на то, что слѣдуетъ щадить христіанъ.

Оставшись побѣдителемъ въ заключительной борьбѣ, Константинъ не имѣлъ болѣе соперника, котораго могъ бы страшиться. Въ Никомидіи онъ чувствовалъ для себя поддержку въ общественномъ мнѣніи христіанъ, которое было здѣсь несравненно могущественнѣе, чѣмъ въ латинскихъ странахъ, и это общественное мнѣніе, подогрѣтое воспоминаніями о Галеріи и Максиминѣ, возмущенное недавними жестокостями Ликинія, было готово слѣдовать за императоромъ по пути репрессалій. Многіе должны были въ то время думать и говорить, что слѣдуетъ покончить съ этими жертвоприношеніями, къ которымъ такъ часто принуждали силою, съ этими алтарями, свидѣтелями столькихъ вынужденныхъ отреченій отъ вѣры, съ этими храмами, наполненными идолами, къ которымъ никто больше не относился серьезно, и посѣщаемыми только для сомнительныхъ совѣщаній или для разврата, освященнаго культомъ. *Cesset superstitio!* (Надо положить конецъ суевѣрію).

Правда, Константинъ обѣщалъ язычникамъ свободу, но въ какихъ выраженіяхъ! „Что же касается держащихся въ сторонѣ, то пусть сохраняютъ для себя, если это имъ угодно, храмы лжи“... „По слухамъ нѣкоторые утверждаютъ, что запрещено пользоваться храмами... Таково было бы и мое мнѣніе, но, къ ущербу для общаго благополучія, печальное заблужденіе коренится въ нѣкоторыхъ людяхъ еще слишкомъ крѣпко“ [1]). Дарованная такимъ образомъ свобода была, очевидно, по замыслу Константина, мѣрой временной, предварительной. Въ послѣдующіе годы противъ язычества были предприняты частичныя мѣропріятія. Нѣкоторые храмы, прославившіеся безнравственностью своихъ культовъ, были закрыты или разрушены; таковы храмы: въ Афакѣ, на Ливанѣ, Эгахъ въ Киликіи, Иліопольскій въ Финикіи (Ваалбекъ). Изъ другихъ храмовъ

---

[1]) *Eusebius. Vita Const.* II, 56. 60.

мовъ, напр., изъ Дельфійскаго, взяли прекрасныя бронзовыя и мраморныя статуи и другія художественныя сокровища, и все это перевезли въ Константинополь для украшенія новой столицы [1]).

Но, повидимому, пошли и дальше этого. Евсевій [2]) упоминаетъ о законѣ, которымъ воспрещалось ставить идоловъ, гадать и, наконецъ, приносить жертвы [3]). Въ 341 рескриптъ императора Константа [4]), адресованный италійскому викарію, ссылается на законъ Константина противъ тѣхъ, кто осмѣлится совершать жертвоприношенія. За неимѣніемъ текста этого константиновскаго закона, трудно сказать, запрещались ли имъ всякія жертвоприношенія безъ различія и исключенія. Можетъ быть рѣчь шла въ немъ, какъ и въ вопросѣ о гаданіяхъ, лишь о церемоніяхъ, воспрещавшихся въ частныхъ домахъ и допускавшихся только въ храмахъ.

Впрочемъ, во многихъ мѣстахъ правительству не приходилось въ это вмѣшиваться; населеніе, массами переходившее въ христіанство, само разбивало своихъ идоловъ и разрушало ихъ храмы. Такъ поступили жители Антарада (Тортозы) на финикійскомъ побережьѣ; Константинъ вполнѣ одобрилъ такое разрушеніе и заново отстроилъ городъ, давъ ему свое имя [5]). Портъ города Газы (Маюма) поступилъ такимъ же образомъ; Константинъ назвалъ его по имени своей сестры, Констанціи, и возвелъ на степень города [6]). Отречься отъ старыхъ боговъ было вѣрнѣйшемъ средствомъ снискать расположеніе монарха [7]). Можно легко себѣ представить, сколько частныхъ и коллективныхъ обращеній совершилось по такимъ соображеніямъ. Впрочемъ были и случаи сопротивленія. Несмотря на примѣръ Маюмы, Газа сохранила свои храмы и осталась въ язычествѣ. Разрушивъ храмъ Венеры въ Иліополѣ, императоръ попытался обратить населеніе. Онъ распространялъ въ большомъ количествѣ свои посланія съ увѣщаніемъ къ обращенію, построилъ огромный храмъ, послалъ туда цѣлый клиръ, организовалъ

---

1) Eusebius, *Vita Const.*, III, 54—58, ср. Хронику бл. Іеронима, a. Abr. 2346 (332) *Dedicatur Constantinopolis omnium paene urbium nuditate*. (Освящается Константинополь по обнаженіи почти всѣхъ городовъ).

2) *Vita Const.*, I, 45; ср. IV, 23, 25.

3) *μήτε μὴν θύειν καθόλου μηδένα.*

4) *Cod. Theod.* XVI, 10, 1.—Ср. Hieronym. *Chron.*, a. Abr. 2347 (333): *Edicto Constantini templa eversa sunt.* (По приказанію Константина были разрушены храмы).

5) Eusebius, *Vita Const.*, IV, 39; ср. Theophanus, p. 38 (de Boor).

6) *Vita Const.*, IV, 38.

7) Какъ разъ такое же положеніе имѣло мѣсто въ послѣдніе дни царствованія Максимина, съ той только разницей, что теперь милости императора были обращены на христіанъ, а не на язычниковъ.

раздачу милостыни, но все было тщетно: онъ никого не привлекъ къ христіанству.

Между проявленіями благосклонности императора къ христіанству самымъ яркимъ примѣромъ является оффиціальное прославленіе святыхъ мѣстъ, упоминаемыхъ въ Евангеліи и Ветхомъ Завѣтѣ.

Уже давно благочестивая любознательность обращалась къ мѣстамъ, отмѣченнымъ въ свящ. писаніи. Смуты, войны, всевозможные перевороты не могли стереть воспоминаній объ Израильскомъ храмѣ; несмотря на всѣ превращенія, испытанныя Іерусалимомъ, христіане знали еще, гдѣ Христосъ былъ распятъ и погребенъ. Церковь Эліи, въ которой епископы Наркиссъ, Александръ и ихъ преемники собирали вѣрующихъ, находилась, какъ предполагали, на мѣстѣ того дома, гдѣ Христосъ совершилъ послѣднюю вечерю, и гдѣ ученики Его сходились въ первые дни христіанства. Другія преданія размѣщались вокругъ города и по всей Палестинѣ. Во второмъ вѣкѣ епископъ Мелитонъ приходилъ изъ Азіи въ страну Евангелія [1]); позднѣе Александръ каппадокійскій и его преемникъ, Фирмиліанъ, также съ благочестивой цѣлью посѣтили св. мѣста [2]). Юлій Африканъ, родомъ изъ Эліи [3]), проявилъ необычайную ревность въ изысканіи библейскихъ воспоминаній въ Палестинѣ и другихъ странахъ [4]). То же было и съ Оригеномъ; между прочими евангельскими памятниками онъ упоминаетъ о Виѳлеемской пещерѣ, гдѣ родился Христосъ [5]). Поощряемый своимъ другомъ, Павлиномъ тирскимъ, Евсевій посвятилъ цѣлую серію работъ библейской географіи: онъ далъ переводъ на греческій языкъ названій народовъ, упоминаемыхъ въ еврейской библіи, описаніе древней Палестины, съ ея подраздѣленіемъ на колѣна, планъ Іерусалима и храма, объясненіе названій мѣстъ, отмѣченныхъ въ св. писаніи [6]).

Появленіе такихъ работъ свидѣтельствуетъ уже объ интересѣ,

---

1) Его письмо, приводимое у Евсевія, *H. E.*, IV. 26.

2) Eusebius, *H. E.*, VI, 11; Hieronymus, *De Viris illustr.*, 54.

3) Grenfell et Hunt, *Oxyrynchus pap.*, № 412.

4) Т. I, стр. 309.

5) *In Ioh.*, VI, 24; *Contr. Cels.*, I. 51.

6) Уцѣлѣла только эта послѣдняя часть какъ въ греческомъ текстѣ, такъ и въ латинской переработкѣ бл. Іеронима (см. изд. Клостермана въ т. III сочиненій Евсевія, издан. берлинск. академіей наукъ). Труды Евсевія послужили основой для любопытной карты Палестины съ планомъ Іерусалима, найденной въ мозаичномъ полу въ Медабѣ за Іорданомъ. (Stevenson, *Nuovo Bull.*, 1897, p. 45; Schulten, *Die Mosaikkarte von Madaba*, въ *Abhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen*. Philolog.-histor. Klasse. Neue Folge, B. IV (1900).

какой возбуждали св. мѣста. Паломничества, начавшіяся, по всей вѣроятности, еще до великаго гоненія [1]), возобновились тотчасъ, какъ только водворился миръ. Въ 333 г. одинъ паломникъ, пришедшій изъ далекой Галліи, составилъ по своимъ путевымъ замѣткамъ путеводитель отъ Бордо до Іерусалима и обратно; это—одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ источниковъ для римской географіи. Находясь въ Палестинѣ, онъ отмѣчалъ священныя воспоминанія, на которыя ему указывали въ разныхъ мѣстностяхъ. Это—самый ранній свидѣтель о тѣхъ великолѣпныхъ зданіяхъ, которыми благочестіе Константина и его семьи украсило въ то время св. мѣста.

Колонія Элія Капитолина, основанная Адріаномъ на мѣстѣ стараго Іерусалима, состояла изъ двухъ частей, раздѣленныхъ долиной [2]). Въ восточной части, опираясь на колоссальныя арки, простиралась длинная прямоугольная площадь, окруженная портиками; она покрывала собою мѣсто древняго храма, гдѣ теперь возвышался капитолій (τρικάμαρον), посвященный, какъ всѣ провинціальные капитоліи, тремъ римскимъ божествамъ: Юпитеру, Юнонѣ и Минервѣ. На противоположной сторонѣ долины, на западномъ холмѣ развертывался самый городъ, почти параллельно зданіямъ храма. По обыкновенію большая улица, окаймленная по обѣимъ сторонамъ колоннами, пересѣкала его изъ конца въ конецъ; на обоихъ противоположныхъ концахъ ея находились общественныя зданія. Около середины, съ западной стороны, колоннада прерывалась, чтобъ дать мѣсто площади, на которой возвышался храмъ Венеры. По преданію эта площадь была устроена надъ мѣстомъ, освященнымъ распятіемъ и погребеніемъ Спасителя. Макарій, епископъ элійскій, присутствовавшій на Никейскомъ соборѣ, добился отъ императора разрѣшенія, необходимаго для производства раскопокъ. Зданія храма были разрушены вмѣстѣ съ платформой, на которую они опирались; затѣмъ сняли землю, насыпанную для нивеллировки почвы, и въ концѣ-концовъ дорылись до гробницы, высѣченной въ скалѣ; ее признали за ту, которую искали [3]). Установили также точное мѣсто распятія и

---

[1]) Нужно замѣтить, что Евсевій въ своемъ *Доказательствѣ евангельскомъ*, написанномъ до прибытія Константина на Востокъ, разсказываетъ о христіанскихъ паломникахъ, которые со всѣхъ концовъ свѣта стекались молиться въ пещеру Елеонской горы, близъ которой Христосъ вознесся на небо.

[2]) Относительно топографіи Іерусалима заимствуемъ свѣдѣнія изъ превосходной статьи P. Germer-Durand въ *Echos d'Orient* 1903 и 1904 г.

[3]) Во времена Христа Голгоѳа и гробница находились внѣ города; вскорѣ послѣ этого стѣны, перестроенныя Иродомъ Агриппой, включили ихъ въ себя;

нахожденія самого креста Спасителя [1]). Императоръ, увѣдомленный объ этихъ открытіяхъ, приказалъ воздвигнуть въ этомъ мѣстѣ зданіе, достойное такихъ воспоминаній. Мѣсто, гдѣ раньше находился храмъ Венеры, было увеличено, и здѣсь была построена, во-первыхъ, огромная базилика, въ которую велъ портикъ; фасадъ ея былъ обращенъ на востокъ [2]). Позади находился большой четырехугольный дворъ, украшенный портиками, гдѣ въ особомъ сооруженіи хранилось древо Господне; за этимъ дворомъ на западъ находился гробъ Господень, заключенный въ зданіе круглой формы (*Anastasis*).

Несмотря на свой преклонный возрастъ, императрица Елена, движимая благочестивой любознательностью, совершила паломничество въ Палестину. Можно себѣ представить, какъ она интересовалась постройками своего сына. Въ свою очередь она предприняла розыски новыхъ святыхъ мѣстъ. Виѳлеемская пещера и другая пещера, на горѣ Елеонской, гдѣ по преданію Христосъ часто бесѣдовалъ съ учениками [3]) и простился съ ними передъ своимъ вознесеніемъ, также были застроены великолѣпными базиликами.

Послѣ матери императора, его теща [4]), Евтропія, вдова Макси-

---

онѣ находились также внутри новыхъ стѣнъ Эліи, которыя съ этой стороны видимо совпадали со стѣнами Агриппы. Относительно топографическихъ и историческихъ вопросовъ, связанныхъ съ св. мѣстами, см. между прочимъ трудъ генералъ-маіора Вильсона *Golgotha and the holy Sepulchre*, London, 1906 г. Я менѣе склоненъ сомнѣваться, чѣмъ онъ, въ цѣнности преданія.

[1]) Евсевій, который въ своей *Жизни Константина* тщательно описываетъ раскопки Макарія, ни слова не говоритъ о древѣ Господнемъ. Однако часовня креста существовала уже тогда; онъ самъ упоминаетъ о ней въ своей рѣчи по случаю тридцатилѣтія царствованія Константина (*De laud. Constantini*, c. 9, p. 221, ed. Schwartz) вмѣстѣ съ двумя другими частями памятника: *οἶκον εὐκτήριον παμμεγέθη* (огромный молитвенный домъ—базилика), *νεών τε ἅγιον τῷ σωτηρίῳ σημείῳ* (святой храмъ въ честь спасительнаго знаменія — часовня креста), *μνῆμά τε* (святой гробъ). Замѣтьте, что даже здѣсь онъ говоритъ о крестѣ, какъ о знакѣ, а не какъ о священномъ предметѣ—*σημείῳ*, а не *ξύλῳ*. Можетъ быть у него были нѣкоторыя сомнѣнія относительно подлинности его. Но каковы бы ни были эти сомнѣнія, древо Креста вскорѣ стало предметомъ общаго почитанія въ Іерусалимѣ, и отъ него отдѣляли кусочки, разносимые набожными людьми по всему свѣту. Это засвидѣтельствовано около 347 г., 20 лѣтъ спустя послѣ открытія креста, въ *Катихизическихъ бесѣдахъ*, произнесенныхъ св. Кирилломъ на самомъ мѣстѣ нахожденія его (IV, 10; X, 19; XIII, 4); надпись отъ 359 г., найденная въ Тикстерѣ, въ окрестностяхъ Сетифа въ Мавританіи, упоминаетъ въ спискѣ свящ. предметовъ частичку *de ligno crucis* (*Mélanges de l'école de Rome*, T. X, p. 441). Съ этого времени свидѣтельства умножаются.

[2]) Объ этомъ см. Clermont-Ganneau въ *Compte-rendus de l'Acad. des inscr.*, 1897, p. 552.

[3]) См. выше стр. 54, примѣч. 1.

[4]) Евтропія приходилась тещей и Констанцію Хлору и Константину.

міана Геркуліева, мать Максенція и Фаусты, тоже проявила благочестивое рвеніе къ св. мѣстамъ. Она заинтересовалась памятниками Хеврона. Здѣсь находились таинственныя гробницы патріарховъ—Авраама, Исаака и Іакова,—и женъ ихъ—Сарры, Ревекки и Ліи. На нѣкоторомъ разстояніи отъ города, по дорогѣ къ Іерусалиму, показывали священный колодецъ, вырытый отцомъ вѣрующихъ, и, главное, громадное терпентинное дерево, до того старое, что, по преданію, оно стояло съ сотворенія міра [1]). Говорили, что это—знаменитый Мамврійскій дубъ, подъ которымъ Авраамъ принималъ трехъ небесныхъ посланниковъ, изъ которыхъ одинъ былъ никто иной, какъ само Божественное Слово. Старое дерево было предметомъ всеобщаго почитанія. Всякое лѣто здѣсь происходили праздники и была большая ярмарка: евреи, христіане, а также и язычники приходили сюда толпами. На этой-то ярмаркѣ, во времена Адріана, было продано въ рабство большинство плѣнниковъ іудейскаго возстанія [2]), но это горькое воспоминаніе не затмевало память о великомъ патріархѣ. Узнавъ, что вблизи священнаго дерева находятся идолы и жертвенникъ, Евтропія увѣдомила о томъ Константина, а тотъ уполномочилъ палестинскихъ и финикійскихъ епископовъ замѣнить эти языческія сооруженія церковью [3]).

Также въ Антіохіи, Никомидіи и во многихъ другихъ городахъ выросли новыя церкви, внушительные памятники царскаго благоволенія. Въ Антіохіи главное христіанское зданіе находилось въ старой части города [4]); всѣ были увѣрены, что эта древняя церковь восходитъ къ апостольскимъ временамъ [5]). Константинъ выстроилъ другую церковь восьмиугольной формы, высокій куполъ которой господствовалъ надъ огромнѣйшимъ дворомъ, окруженнымъ портиками [6]).

Но самымъ важнымъ по существу и по своимъ послѣдствіямъ изъ всего, созданнаго Константиномъ, является основаніе Констан-

---

За перваго она выдала Θеодору, свою дочь отъ перваго брака, а за второго Фаусту, дочь Максиміана.

[1]) Iosephus, *Bell. iud.*, IV, 9, 7; *Chron. Pasch.*, Olymp., 224, 3.

[2]) Hieronymus, *in Ierem.*, XXXI, 15, *in Zachar.*, XI, 5.

[3]) Eusebius. *Vita Const.*, III, 51—53.

[4]) *Τὴν ἀποστολικὴν ἐκκλησίαν τὴν ἐν τῇ καλουμένῃ Παλαιᾷ διακειμένην* (Theodoret, *H. E.*, II, 27). (Апостольскую церковь, находящуюся въ такъ называемой Старой).

[5]) Послѣ сооруженія константиновской базилики названіе *παλαιά* было перенесено съ квартала на самое зданіе древней церкви. (*Athan.*, *Tom. ad Ant.*, c. 3).

[6]) Eusebius, *Vita Const.*, III, 50. Церковь была освящена лишь въ 341 г.

тинополя. За тысячу лѣтъ до этого греческіе колонисты, какъ говорятъ, выходцы изъ Мегары, открыли при устьѣ Босфора, въ Пропонтидѣ, глубокій и узкій заливъ, называемый съ тѣхъ поръ Золотымъ Рогомъ. На стрѣлкѣ, занятой въ настоящее время Сералемъ, они выбрали мѣсто для факторіи, которую назвали Византіей въ честь ѳракійскаго героя, почитавшагося, безъ сомнѣнія, въ этой мѣстности. Это—дивное мѣсто, на отлогой возвышенности, которую легко было укрѣпить, окруженное со всѣхъ сторонъ глубокимъ моремъ, при выходѣ изъ Понта Евскинскаго, на важнѣйшемъ торговомъ пути древняго міра [1]! Съ этого времени открывается длинная исторія торговыхъ предпріятій и войнъ, эпизоды которыхъ, относясь къ временамъ независимости, къ временамъ македонскихъ царей и римскаго владычества, вплетаются въ общую жизнь греческаго міра. Северъ, во время войны съ Нигеромъ, держалъ Византію въ осадѣ въ теченіе трехъ лѣтъ; затѣмъ онъ подвергъ ее наказанію и наконецъ вновь отстроилъ ее и расширилъ. Свою роль она играла даже до послѣдней войны, во время которой пришлось выбивать изъ нея Ликинія. Константинъ рѣшилъ [2]) перенести сюда столицу восточной имперіи, сдѣлать изъ Византіи свой городъ, заново основавъ ее и давъ ей свое имя, и въ то же время сдѣлать изъ нея городъ, не имѣющій себѣ равнаго, второе святилище римскаго могущества, новый Римъ. Тетрархія имѣла лишь второразрядныя столицы: Никомидію, Миланъ, Сирмій и Триръ. Совсѣмъ не то представлялъ собою Константинополь, и этотъ царственный городъ долженъ былъ сдѣлаться христіанской столицей. Императоръ видѣлъ Римъ въ 312 г.; онъ возвращался туда въ 315 г. для празднованія десятилѣтія своего царствованія и въ 326 по случаю своего двадцатилѣтія. Онъ долженъ былъ убѣдиться, что старые культы здѣсь были еще слишкомъ живучи, чтобы можно было ихъ легко искоренить или устранить. На Босфорѣ у него руки были развязаны.

Византія съ давнихъ временъ имѣла христіанскую колонію. Въ концѣ второго вѣка отсюда явился въ Римъ извѣстный ересеархъ Ѳеодотъ [3]). Согласно довольно неяснымъ преданіямъ, христіане

---

[1]) За нѣсколько лѣтъ до основанія Византіи на противоположномъ берегу Босфора былъ основанъ г. Халкидонъ, но въ гораздо менѣе выгодномъ положеніи. За то, что основатели не предпочли мѣстоположеніе Византіи, они подвергались насмѣшкамъ всего древняго міра.

[2]) По разсказамъ, записаннымъ Зосимой (II, 30) и Созоменомъ (II, 3), онъ сперва думалъ о мѣстѣ, гдѣ стояла Троя. Это весьма неправдоподобно.

[3]) Т. I, стр. 200.

расположились сначала въ предмѣстьяхъ на восточномъ берегу Золотого Рога [1]). Переселеніе въ городъ совершилось позднѣе; въ началѣ IV вѣка здѣсь находилась церковь, называвшаяся церковью Мира [2]) (Ирина, св. Ирина), гдѣ по всей вѣроятности стояли каѳедры первыхъ епископовъ—Митрофана и Александра [3]).

Церковь Ирины была расположена вблизи византійскаго рынка (*agora*); невдалекѣ возвышались двѣ значительныя постройки Севера: термы Зевксиппа и ипподромъ; послѣдній остался недостроеннымъ. Константинъ отнесъ рынокъ гораздо дальше къ западу [4]), достроилъ ипподромъ, поправилъ термы и приступилъ къ постройкѣ между этими сооруженіями императорскаго дворца и другого дворца для новаго сената. Сначала была поновлена и увеличена церковь св. Ирины, но вскорѣ оказалось, что она недостаточно велика, и на нѣкоторомъ разстояніи отъ нея заложили другую церковь во имя Премудрости (Σοφία, Святая Софія). Св. Софія, сенатъ, дворецъ, ипподромъ окружали обширную площадь, Августовскій форумъ, на которомъ, какъ въ Римѣ, возвышался золотой столбъ. Длинная колоннада, также временъ Севера, вела къ новому рынку, форуму Константина, близъ главныхъ воротъ северовой стѣны. За ними простирались новые кварталы, пересѣкавшіеся двумя широкими дорогами, изъ коихъ одна, параллельная морю, шла на западъ, по слѣдамъ древней *via Egnatia*, и заканчивалась внутри стѣнъ, построенныхъ Константиномъ, у Золотыхъ воротъ; другая же лежала болѣе на сѣверъ и направлялась къ Адріанопольскимъ воротамъ. Внутри, возлѣ нихъ, императоръ приказалъ построить большую церковь въ честь Апостоловъ [5]); она имѣла форму креста и возвышалась посреди двора, окруженнаго колоннадами. Евсевій, который видѣлъ ее только что отстроенной, былъ пораженъ отблескомъ солнца на ея бронзовомъ куполѣ. Внутри двора находился императорскій мавзолей. Константинъ велѣлъ поставить

---

1) Socratus, VII, 25, 26, Cp. Pseudo-Dorotheus y Lequien, *Oriens christ.*, T. I, p. 198; церкви въ Аргирополѣ (Фундукли), въ Элеѣ (Пера), въ Сикахъ (Галата).

2) Socratus I, 16; II, 16. Церковь въ Иппонѣ также носила названіе церкви Мира: Иппонскій соборъ 393 г. собрался *in secretario basilicae Pacis*.

3) Они стоятъ во главѣ древнѣйшихъ епископскихъ списковъ; другіе перечни не внушаютъ довѣрія, особенно списокъ Псевдо-Дороѳея, по которому Митрофанъ имѣлъ 21 предшественника. Повидимому, до Митрофана жители Византіи были связаны съ церковью Перинѳа-Иракліи. Сосредоточеніе двухъ городовъ подъ главенствомъ одного епископа долго продержалось въ этой области. Т. I. стр. 352—353.

4) Форумъ Константина; его статуя стояла на верху громадной колонны, остатки которой существуютъ еще нынѣ (Сожженная колонна).

5) Въ настоящее время здѣсь возвышается мечеть Мохаммедіэ.

тамъ изображенія двѣнадцати гробницъ, представлявшихъ гробницы Апостоловъ; его собственный саркофагъ помѣщался посрединѣ [1]).

Помимо этихъ сооруженій, Евсевій [2]) упоминаетъ еще о другихъ церквахъ, какъ внутри, такъ и внѣ города; послѣднія были построены въ честь мучениковъ. Онъ говоритъ также, что Константинъ не потерпѣлъ, чтобы въ городѣ, которому онъ далъ свое имя, были идолы въ храмахъ и жертвы на алтаряхъ [3]). Но въ „идолахъ“ не было недостатка въ общественныхъ и другихъ мѣстахъ. Большое количество выдающихся произведеній искусства и знаменитыхъ статуй, составлявшихъ украшеніе храмовъ и городовъ, было тогда перенесено въ Константинополь и послужило его украшеніемъ [4]). До сихъ поръ сохранились ихъ остатки; послѣ столькихъ вѣковъ и переворотовъ еще можно видѣть на мѣстѣ прежняго ипподрома подножіе знаменитаго треножника, принесеннаго въ даръ Дельфамъ греческими городами въ благодарность за побѣду при Платеѣ.

11 мая 330 г. торжественно отпраздновали освященіе новаго города. Торопились исполнить приказаніе императора, можно даже сказать, что слишкомъ поторопились: воздвигнутыя наспѣхъ постройки не долго просуществовали. Онѣ были замѣнены другими, ибо „богохранимый“ [5]) городъ предназначался не для скоропреходящаго существованія. Энергичныя мѣры, привиллегіи, обязательства, вынуждавшія къ жительству въ городѣ, казенные склады запасовъ, даровыя раздачи,—все это было предпринято съ самой первой минуты, чтобы привлечь сюда населеніе. Однако, потребовалось не мало времени, чтобы новый Римъ доросъ до стараго [6]). Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ вещахъ, Константинъ проложилъ дорогу, предоставивъ своимъ преемникамъ продолжать начатое дѣло. Они его закончили. Пространство, обнесенное стѣнами Константиномъ, застроилось, пришлось построить другую стѣну,

---

1) *Vita Const.*, IV, 58—60. Въ греческой церкви Константинъ признается святымъ; онъ носитъ наименованіе *ἰσαπόστολος*, равноапостольный.

2) *Vita Const.*, III, 48.

3) Это можетъ быть преувеличено, или скорѣе приложимо лишь къ новому городу, тогда какъ въ старомъ языческій культъ, вѣроятно, былъ допущенъ.

4) См. объ этомъ Allard, *L'art païen sous les empereurs chretiens*, Paris, 1879., p. 173. *Scriptores originum Constantinopolitanarum* собраны Прегеромъ въ малой коллекціи Тейбнера, 1901 г. (1 вып.).

5) Θεοφύλακτος.

6) По словамъ Юліана, *Orat.*, I, 8, Константинополь во столько разъ превосходилъ другіе города, во сколько Римъ превосходилъ его, *τοσούτῳ τῶν ἄλλων ἁπασῶν μείζονα ὅσῳ τῆς Ῥώμης ἐλαττοῦσθαι δοκεῖ*.

болѣе обширную. Новый Римъ развивался на глазахъ у стараго, въ ущербъ ему, и на его счетъ. Римское могущество, которому былъ нанесенъ ударъ на Западѣ, нашло себѣ здѣсь великолѣпный тронъ и неприступную крѣпость. За его стѣнами династіи среднихъ вѣковъ сохраняли преемство, ведущее начало отъ Цезаря, и поддерживали противъ славянскаго варварства и арабскаго фанатизма традицію бывшаго владыки міра, традицію ослабленную и на сколько угодно затемненную примѣсями, но все же традицію. Въ религіозномъ отношеніи онъ восемь вѣковъ выдерживалъ натискъ ислама и распространялъ Евангеліе между ордами нашествія, надвигавшагося съ Урала и Дуная. Къ несчастію, благодаря этому самому своему значенію, онъ сталъ, и притомъ съ раннихъ поръ, серьезной угрозой для христіанскаго единства. Эллинизированный Римъ Босфора никогда не могъ придти къ соглашенію со старымъ Римомъ, который остался или вновь сталъ латинскимъ. Столкновенія ихъ заполняютъ исторію, а ихъ раздѣленіе, которое, повидимому, непоправимо, является однимъ изъ важнѣйшимъ бѣдствій, постигшихъ религію Евангелія.

Съ самаго торжества освященія императоръ установилъ свою резиденцію въ Константинополѣ и болѣе не двигался оттуда. Послѣ праздника пасхи въ 337 г., онъ почувствовалъ нѣкоторое недомоганіе, противъ котораго попробовалъ лѣчиться теплыми водами; затѣмъ онъ переѣхалъ въ Еленополь, гдѣ была жива память его матери вмѣстѣ съ культомъ мученика Лукіана. Здѣсь болѣзнь приняла дурной оборотъ и заставила его опасаться скораго конца. Переѣхавъ на императорскую виллу Ахирона, близъ Никомидіи, до сихъ поръ еще не получившій крещенія, онъ обратился къ епископомъ съ просьбой окрестить его. Во главѣ церемоніи находился мѣстный епископъ, Евсевій [1]), личность, какъ увидимъ вскорѣ, заслужившая себѣ печальную извѣстность. Смерть наступила 22 мая. Всѣ три сына, пережившіе Константина, отсутствовали. Констанцій, который оказался ближе всѣхъ, явился, чтобъ присутствовать при погребеніи, и перенесъ тѣло отца въ церковь Апостоловъ въ Константинополѣ. Порядокъ наслѣдованія былъ установленъ не безъ затрудненія. Дѣла продолжали вершить именемъ усопшаго императора до 9 сентября, когда всѣ три сына были провозглашены августами. Константину давали и понынѣ еще даютъ разную оцѣнку. Главное дѣло его царствованія—обращеніе

---

1) Eusebius, *Vita Const.*, IV, 60—64. Ср. Hieronym. *Chron.*, a. Abr. 2353.

императора и имперіи въ христіанство, заслужило ему восторженное поклоненіе однихъ и строгое осужденіе другихъ, ибо человѣческая природа такова, что страсти данной минуты отражаются на сужденіяхъ о давнихъ временахъ. Къ его несчастію было слишкомъ много крови въ его исторіи. Ему можно простить смерть Максиміана и Ликинія, которые являлись безпокойными и неудобными претендентами, но его сынъ Криспъ, но сынъ Ликинія, но его жена Фауста! Мы очень плохо освѣдомлены объ этихъ ужасахъ. Константинъ не желалъ, чтобы подробности стали извѣстны; быть можетъ, вынуждая къ такому молчанію, онъ не далъ мѣста свидѣтельствамъ о смягчающихъ обстоятельствахъ. Но каковы бы ни были его семейныя трагедіи, не одна только церковь превозносила перваго христіанскаго императора. Имперія также оцѣнила его царствованіе: пока онъ былъ живъ, онъ обезпечивалъ ей религіозный миръ, мудрое управленіе, безопасность границъ, уваженіе сосѣднихъ народовъ. Это чего нибудь да стоитъ.

ГЛАВА III.

Расколы, происшедшіе вслѣдствіе гоненія.

Папа Маркеллинъ и воспоминанія о немъ. — Волненія въ Римѣ по поводу отступниковъ: Маркеллъ, Евсевій.—Египетскія распри: разрывъ между епископами Петромъ и Мелитіемъ.—Мелитіанскій расколъ. — Происхожденіе донатистскаго раскола.—Циртскій соборъ.—Кароагенскіе епископы: Менсурій и Цециліанъ.—Расколъ, направленный противъ Цециліана: Майоринъ.—Вмѣшательство императора.—Соборы въ Римѣ и Арлѣ.—Третейскій судъ императора.—Сопротивленіе донатистовъ, организація раскола.

1. Римскій расколъ.

Въ то время, когда вспыхнуло гоненіе, во главѣ римской церкви уже около семи лѣтъ стоялъ епископъ Маркеллинъ [1]). Эдиктъ о конфискаціи движимыхъ и недвижимыхъ церковныхъ имуществъ былъ примѣненъ въ Римѣ безъ всякихъ затрудненій. Христіанская община здѣсь была настолько значительна и извѣстна, что всякое укрывательство было бы не только опасно, но и невозможно. Протоколы, составленные при отобраніи имуществъ, хранились довольно долго благодаря тому, что донатисты думали въ нихъ найти оружіе противъ своихъ противниковъ. Нѣкоторые клирики были вызваны для сдачи конфискованныхъ предметовъ (о священномъ писаніи не упоминается), и когда это стало вопросомъ совѣсти въ Африкѣ, тамъ придали большое значеніе ихъ участію. Послѣдовало предписаніе арестовать членовъ клира, но, повидимому, имъ удалось избѣгнуть слишкомъ широкаго примѣненія этого указа. Упоминается лишь о пресвитерѣ Маркеллинѣ и о заклинателѣ Петрѣ, которые погибли по этому случаю. Епископъ избѣгъ первыхъ репрессивныхъ мѣръ, какъ избѣгли ихъ епископы кароагенскій, александрійскій и антіохійскій, но онъ умеръ 24 октября 304 года, въ то самое время, когда Діоклетіанъ прибылъ въ Римъ и гоненіе свирѣпствовало во всей силѣ.

---

[1]) Его имя упоминается на одной надписи въ катакомбахъ Каллиста, сдѣланной до гоненія (De Rossi, *Inscr. christ.*, T. I, p. CXV).

Для столь важнаго лица было довольно предосудительно умереть въ такую минуту въ своей постели. Память Маркеллина въ теченіе IV вѣка весьма попиралась донатистами. Не приводя ясныхъ доказательствъ, они причисляли его къ „предателямъ". Другіе [1]) шли дальше и обвиняли его въ болѣе тяжкомъ преступленіи, — въ куреніи ѳиміама на языческихъ жертвенникахъ. Послѣднее обвиненіе, повидимому, раздавалось и въ Римѣ къ концу V вѣка, по крайней мѣрѣ въ простонародьѣ. Мы не имѣемъ о томъ другихъ документовъ кромѣ двухъ апокрифическихъ произведеній: подложныхъ актовъ Синуесскаго собора (составленныхъ немного позднѣе 501 г.) и жизни Маркеллина въ *Liber Pontificalis*. Оба эти документа согласно свидѣтельствуютъ, что Маркеллинъ оправдался отъ взводимыхъ на него обвиненій. Согласно соборнымъ документамъ, большое собраніе епископовъ, установивъ его вину и раскаяніе, отказалось осудить высшаго епископа; по легендѣ *Liber Pontificalis*, виновный папа, будучи вновь арестованъ гонителями, проявилъ больше мужества и пролилъ кровь за вѣру.

Взятыя сами по себѣ и оцѣненныя по достоинству, свидѣтельства эти были бы не слишкомъ компрометтирующаго свойства. Въ IV вѣкѣ въ Римѣ существовала колонія донатистовъ, которые могли пустить въ народъ слухъ о папѣ, оказавшемся не на высотѣ своего долга во время гоненія, молва же оформилась позднѣе въ рукахъ составителей легендъ и подложныхъ соборныхъ актовъ, проявившихъ большую дѣятельность въ началѣ VI вѣка. Но слѣдуетъ принять во вниманіе фактъ гораздо бо́льшаго значенія, ибо онъ проливаетъ свѣтъ не на народныя росказни, а на настроеніе высшихъ представителей римскаго клира и притомъ въ ближайшее послѣ гоненія время. Во времена Константина римская церковь имѣла календарь, гдѣ были отмѣчены дни кончины папъ и главнѣйшихъ мучениковъ. Начиная съ Фабіана (250 г.) до Марка (335 г.) тамъ переименованы всѣ папы, за исключеніемъ только одного,—Маркеллина. Такое опущеніе [2]), которое невозможно объяснить оплошностью переписчика или инымъ подобнымъ образомъ, не могло быть безпричиннымъ. Въ своей Церковной исторіи Евсевій ограничивается сообщеніемъ, что гоненіе застало Маркеллина на епископской каѳедрѣ: это—не болѣе какъ хронологическое указаніе. Впрочемъ онъ былъ

---

[1]) Aug., *Contra litt. Petiliani*, II, 202; *De unico baptismo*, 27.

[2]) Имя Маркеллина пропущено только въ календарѣ; филокалійный сборникъ, который сохранилъ намъ самый календарь, заключаетъ въ себѣ списокъ папъ, гдѣ онъ находится на своемъ мѣстѣ.

мало освѣдомленъ о томъ, что въ его время происходило въ Римѣ. Въ концѣ-концовъ, несомнѣнно, здѣсь имѣло мѣсто какое-то печальное обстоятельство; но въ чемъ именно оно заключалось, намъ въ точности неизвѣстно.

Дезорганизованная гоненіемъ и опечаленная смертью своего епископа, римская церковь пережила весьма опасный кризисъ, и не столько, можетъ-быть, вслѣдствіе гоненія, сколько по причинѣ внутреннихъ раздоровъ, которые за нимъ послѣдовали. Жестокое гоненіе, повидимому, очень ослабѣло въ силѣ послѣ отреченія Діоклетіана; когда Максенцій провозгласилъ себя императоромъ, оно, вѣроятно, совсѣмъ стихло [1]). Тѣмъ не менѣе римскіе христіане не спѣшили съ избраніемъ новаго епископа. Максенцій былъ узурпаторъ и бунтовщикъ. Его расположеніе не обезпечивало расположенія Галерія, который находился въ открытой враждѣ съ нимъ и съ минуты на минуту могъ вернуться къ власти. Однако когда, послѣ Севера, Галерій былъ оттѣсненъ отъ Рима, и Максенцій, находившійся тогда въ довольно хорошихъ отношеніяхъ съ Константиномъ, казалось, упрочилъ свое положеніе, христіане рискнули приступить къ выборамъ. Къ концу іюня 308 г. на римскую каѳедру былъ возведенъ Маркеллъ, послѣ того какъ она четыре года оставалась незамѣщенной.

Вопросъ объ отступникахъ былъ поставленъ и возбуждалъ волненіе еще до его избранія [2]). По минованіи опасности отступники возвращались къ церкви и хотѣли быть приняты безъ всякихъ условій, тогда какъ ихъ пастыри и во главѣ ихъ новый папа, вѣрные традиціоннымъ принципамъ, требовали отъ нихъ, чтобы они загладили свой проступокъ покаяніемъ. Отступниковъ былъ легіонъ; поднятый ими споръ превратился въ настоящее возмущеніе. Изъ временныхъ помѣщеній, гдѣ происходили собранія христіанъ, такъ какъ церковныя зданія еще не были возвращены, распря скоро перешла на улицу, и общественное спокойствіе было нарушено. Дѣло дошло до вмѣшательства правительства Максенція.

---

1) Eusebius, *H. E.* VIII, 14, увѣряетъ даже, что вначалѣ онъ выдавалъ себя за христіанина, „чтобы понравиться римскому населенію“, и присовокупляетъ, что онъ приказалъ ослабить гоненіе, что болѣе вѣроятно (*τὸν κατὰ Χριστιανῶν ἀνεῖναι προστάττει διωγμόν*).

2) О томъ, что слѣдуетъ ниже, мы не имѣемъ другихъ документовъ, кромѣ надгробныхъ надписей въ честь папъ Маркелла и Евсевія, составленныхъ гораздо позднѣе ихъ преемникомъ Дамасомъ. То, что онѣ сообщаютъ о положеніи дѣлъ въ Римѣ, вполнѣ сходится съ тѣмъ, что намъ извѣстно о событіяхъ въ Карѳагенѣ и Александріи.

По оговору одного отступника [1]) отвѣтственность за безпорядки пала на Маркелла, который былъ вслѣдствіе этого удаленъ изъ Рима и умеръ въ изгнаніи.

Вмѣсто него, въ этомъ ли самомъ году (309) или въ слѣдующемъ (310 г.), былъ избранъ Евсевій. На этотъ разъ выборы не были единодушны. Другой кандидатъ, Ираклій, былъ провозглашенъ партіей, противившейся покаянію. Расколъ былъ полный; снова началась смута. По прошествіи четырехъ мѣсяцевъ полиція опять вмѣшалась въ дѣло, арестовала обоихъ главарей и изгнала ихъ изъ Рима. Евсевій, сосланный въ Сицилію, умеръ тамъ въ скоромъ времени.

Эдиктъ Галерія сталъ извѣстенъ въ Римѣ, по всей вѣроятности, въ маѣ 311 года. Хотя Максенцій не заявлялъ своего нерасположенія къ христіанамъ, но не отмѣнялъ и конфискаціи, наложенной въ 303 году. Въ отношеніи вѣротерпимости онъ не хотѣлъ, повидимому, отставать отъ Галерія и подчеркивалъ свое доброе расположеніе. Послѣ одного года или двухъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ каѳедра оставалась незамѣщенной, римская церковь избрала себѣ новаго епископа въ лицѣ Мильтіада (2 іюля 311 года), и послѣдній добился отъ Максенція возвращенія конфискованныхъ имуществъ. „Тиранъ" и его префектъ преторіи выдали грамоты, съ которыми діаконы Мильтіада явились къ римскому префекту: зданія были имъ оффиціально возвращены, и объ этомъ былъ составленъ протоколъ [2]). На этотъ разъ гоненіе совершенно прекратилось; римская церковь пользовалась внѣшнимъ миромъ. Повидимому, удалось возстановить и внутренній миръ, такъ какъ съ этихъ поръ болѣе не слышно уже стало о расколѣ изъ-за покаянія.

Въ другихъ церквахъ волненія были продолжительнѣе.

2. Мелитіанскій расколъ [3]).

Въ Египтѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, вопросъ объ отступникахъ порождалъ различныя мнѣнія и, слѣдовательно, въ силу

---

[1]) Дамасъ его не называетъ, но говоритъ, что онъ отрекся отъ Христа въ совершенно мирное время, *in pace*, т. е. до гоненія. Это былъ отступникъ „накапунѣ".

[2]) Этотъ протоколъ, равно какъ и протоколъ, составленный при отобраніи имуществъ, былъ предъявленъ донатистами на конференціи 411 г. *(Collatio Carthageniensis)* (*Coll.*, 499—514; Aug., *Brev.*, III, 34—36; *Ad. Don.*, 17).

[3]) О мелитіанскомъ расколѣ см.: 1) Каноническое посланіе Петра александ-

тогдашнихъ церковныхъ нравовъ, распри. Было еще очень далеко до религіознаго мира, когда весной 306 г. епископъ александрійскій издалъ правила по этому вопросу, руководствуясь чувствами милосердія. Онъ далекъ былъ отъ мысли принимать отступниковъ безъ покаянія, но въ оцѣнкѣ случаевъ и въ размѣрѣ опредѣляемаго наказанія онъ проявлялъ нѣкоторое снисхожденіе къ грѣшникамъ и въ то же время извѣстное стремленіе восполнить ряды своей церкви, удивительно порѣдѣвшіе вслѣдствіе стольких отпаденій. Протестъ, который онъ предчувствовалъ [1]) при обнародованіи своего покаяннаго расцѣнка, не замедлилъ обнаружиться. Одинъ епископъ изъ Верхняго Египта, Мелитій ликопольскій, извѣстный своимъ непримиримымъ ригоризмомъ, протестовалъ при нѣкоторомъ сочувствіи другихъ, заявляя, что эти правила несвоевременны, что нужно было сначала дождаться конца гоненія и только уже потомъ протянуть руку отступникамъ и предъявить имъ строгія условія. Онъ не заходилъ такъ далеко, какъ Новаціанъ за полвѣка передъ тѣмъ, который отказывалъ отпавшимъ въ какой-либо надеждѣ на примиреніе съ церковью. Между нимъ и епископомъ Петромъ была лишь разница оттѣнковъ и степеней, но и этого было достаточно, чтобы довести дѣло до крайняго обостренія.

Послѣ кратковременной передышки, которая ошибочно была принята епископомъ александрійскимъ за зарю серьезнаго мира, гоненіе вновь возгорѣлось на Востокѣ. Петръ снова скрылся, и его представители въ большомъ городѣ поступили такъ же. Мелитій странствовалъ по Египту, переходя отъ церкви къ церкви, возбуждая волненіе по вопросу о покаяніи и вмѣшиваясь въ дѣла посвященія помимо пастырей, которыхъ гоненіе держало вдали отъ ихъ паствы, и помимо избранныхъ ими замѣстителей. Онъ посвящалъ даже епископовъ, не считаясь съ правами митрополита Петра, единственно компетентнаго въ дѣлахъ этого рода. Такое поведеніе

рійскаго, вмѣстѣ съ сирійскими добавленіями, изданными Лагардомъ въ *Reliquiae iuris ecclesiastici antiquissimae* и обратно переведенными на греческій языкъ Шварцомъ (E. Schwartz, *Zur Geschichte des Athanasius*, въ геттингенскихъ *Nachrichten*, 1905, s. 166 et sqq.); 2) нѣсколько документовъ, слѣдующихъ за *Historia acephala* св. Аѳанасія, находящейся въ такъ-называемомъ собраніи діакона Ѳеодосія (Веронск. манускр., № LX; P. Batiffol, *Byzantinische Zeitschrift*, 1901 г., тщательно ихъ переиздалъ и показалъ ихъ связь съ *Historia acephala*); 3) Epiphanius, *haer.* 68, гдѣ происхожденіе уже немного разукрашено легендами; 4) Athanasius, *Apol. contra Arianos*, 11, 59; *Ad episcopos Aegypti et Libyae*, 22, 23.

[1]) *Nachrichten*, 1905., s. 168.

вызвало суровое письмо къ нему со стороны четырехъ его собратій: Исихія, Пахомія, Ѳеодора и Филея, которые въ то время находились вмѣстѣ въ одной александрійской темницѣ [1]). Епископъ тмуискій и его трое товарищей вскорѣ погибли. Несмотря на это неугомонный ликопольскій епископъ не унимался. Онъ явился въ Александрію, гдѣ вошелъ въ соглашеніе съ двумя честолюбивыми учителями,—Исидоромъ и Аріемъ [2]); первый былъ аскетъ, второй болѣе легкихъ нравовъ [3]); они открыли ему убѣжище, гдѣ скрывались замѣстители епископа. Мелитій имѣлъ дерзость замѣнить ихъ другими лицами; для этого онъ выбралъ двухъ исповѣдниковъ, изъ коихъ одинъ находился въ темницѣ, а другой въ рудникахъ; обстоятельства эти могли внушить къ нимъ уваженіе, но не облегчали имъ отправленія ихъ обязанностей.

Вскорѣ увѣдомленный объ этомъ, Петръ произнесъ отлученіе противъ ликопольскаго епископа, которое должно было оставаться въ силѣ до болѣе тщательнаго разслѣдованія. Тѣмъ временемъ Мелитія арестовали и отправили на рудники въ Фэно, гдѣ онъ встрѣтилъ единомышленниковъ и между ними другого египетскаго епископа, по имени Пелея. Они стали сѣять несогласія среди вѣрующихъ изъ своихъ земляковъ, которые работали на тѣхъ же рудникахъ. Несчастные послѣ тяжелой дневной работы проводили ночи въ томъ, что предавали другъ-друга анаѳемѣ. Когда ихъ выпустили на свободу, ихъ споры не утихли. Они вернулись въ Египетъ съ горечью въ сердцѣ и не столько противъ своихъ гонителей, сколько противъ братьевъ, которые не раздѣляли ихъ взглядовъ. Мученическая кончина епископа Петра не смягчила ихъ гнѣва [4]). Преемникамъ его были возвращены церкви. Ихъ соперники устраивали отдѣльныя собранія, величая себя „церковью мучениковъ“. Странное наименованіе, такъ какъ въ концѣ-концовъ Филей, его сотоварищи и самъ епископъ Петръ, считавшіеся покровителями отступниковъ, положили жизнь за вѣру, тогда какъ Мелитій, вернувшись съ каторги, скончался въ своей постели.

Расколъ продолжалъ существовать; онъ привелъ къ учрежденію

[1]) *Migne*, *P. G.*, T. X, p. 1565.

[2]) Быть-можетъ, знаменитый еретикъ.

[3]) *Moribus turbulentus* по латинскому переводу.

[4]) Аѳанасій, *Apol. adv. Ar.*, 59, говоритъ, что Мелитій былъ осужденъ Петромъ александрійскимъ на соборѣ за разные проступки и за жертвоприношеніе, ἐπὶ θυσίᾳ. Послѣднее обвиненіе весьма неправдоподобно. Оно не было предъявлено или по крайней мѣрѣ не было установлено на Никейскомъ соборѣ, который въ противномъ случаѣ не отнесся бы къ Мелитію столь мягко.

оппозиціонной іерархіи, которая распространилась по всему Египту и сыграла извѣстную роль для одного или даже для двухъ поколѣній. Мы скоро вновь встрѣтимся съ нею.

3. Донатистскій расколъ.

Африка тоже пострадала отъ раскола; дѣло тамъ дошло даже до гораздо большаго обостренія, чѣмъ въ Египтѣ [1]).

Вслѣдствіе отреченія Максиміана, въ 305 году, африканскія провинціи вошли въ императорскую область кесаря Севера. Максенцію не безъ труда удалось заставить себя тамъ признать. Африканскій викарій, Александръ, лавировалъ между римскимъ „тираномъ“ и другими законными, но отдаленными императорами. Въ концѣ-концовъ онъ разссорился съ Максенціемъ и, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, провозгласилъ себя самого императоромъ (308 г.). Это африканское царствованіе продолжалось три года; Максенцій положилъ ему конецъ въ 311 году, передъ тѣмъ какъ начать войну съ Константиномъ. Его префектъ преторіи, Руфій Волюзіанъ, явился съ флотомъ изъ Италіи и побѣдилъ Александра, который былъ схваченъ и казненъ.

Гоненіе въ Африкѣ ослабѣло, повидимому, очень рано. Послѣ того какъ церкви были разрушены, а книги свящ. писанія сожжены (*dies traditionis*, 303), послѣ того какъ въ теченіе года слишкомъ преслѣдовали христіанъ, заставляя ихъ курить ѳиміамъ (*dies thurificationis*), ихъ сравнительно стали оставлять въ покоѣ. Явилась возможность собираться тайно, не подвергая себя большой опасности, и даже принимать мѣры къ замѣщенію выбывшихъ епископовъ, что и имѣло мѣсто въ Циртѣ весной 305 года. Около десяти епископовъ собрались здѣсь въ частномъ домѣ [2]), чтобы назначить преемника епископу Павлу. Послѣдній, какъ видно изъ протокола, составленнаго въ 303 г. по поводу конфискаціи его церкви, не былъ героемъ. То же можно сказать и о большинствѣ здѣсь присутствовавшихъ. Предсѣдатель собранія, Секундъ тигизискій, старшій изъ нумидійскихъ епископовъ, возымѣлъ похвальную

---

1) Относительно документовъ по этому дѣлу см. мою памятную записку, *Le dossier du Donatisme* въ *Mélanges de l'Ecole de Rome*, T. X, 1890 г.

2) Циртскій соборъ, протоколъ читанный на конференціи 411 г. (III, 351—355, 387—400, 408—432, 452—470; August. *Brev.* III, 27, 31—33). Бл. Августинъ приводитъ оттуда длинную выдержку (*Adv. Cresc.*, III, 30); ср. *Ep.* 43, 3; *Contra litt. Petiliani*, I, 23; *De unico bapt.*, 31; *Ad Donatistas*, 18; *Contra Gaud.*, I, 47, и т. д. Optat., *De schism.*, I, 14.

мысль учинить разслѣдованіе о поведеніи своихъ собратьевъ. Одинъ изъ нихъ отказался курить ѳиміамъ, но за годъ передъ тѣмъ былъ „предателемъ“, другой бросилъ въ огонь четыре Евангелія, еще другіе передали книги полицейскимъ чинамъ, но то не были книги свящ. писанія. Насчетъ Пурпурія, епископа лиматскаго, ходили недобрые слухи: его обвиняли въ убійствѣ двухъ дѣтей его сестры. Это была, очевидно, мало почтенная личность и весьма буйнаго нрава. Онъ вспылилъ противъ старшаго епископа; тотъ испугался, сократилъ свое разслѣдованіе и отказался отъ осужденія своихъ сослуживцевъ.

Самъ онъ не былъ вполнѣ чистъ отъ подозрѣній. Было извѣстно, что кураторъ и городское управленіе предъявили ему требованіе выдать священныя книги; менѣе ясно было, какъ онъ вышелъ изъ этого затрудненія. Рѣзкій въ рѣчахъ, Пурпурій, не стѣсняясь, высказалъ ему это въ лицо. Самъ Секундъ по-своему разсказывалъ объ этомъ дѣлѣ [1]): посланнымъ отъ куратора онъ будто бы величественно отвѣтилъ: „Я христіанинъ и епископъ, а не предатель“. Сколько ни заставляли его выдать по крайней мѣрѣ хоть что-нибудь, хотя бы какую-нибудь бездѣлицу, онъ и отъ этого одинаково отказался.

Эти объясненія онъ давалъ Менсурію карѳагенскому незадолго до Циртскаго собора [2]). Неизвѣстно, по какому поводу Менсурій писалъ къ нему, быть-можетъ для того, чтобы посовѣтоваться насчетъ мѣръ, какія слѣдовало принять послѣ гоненія. Карѳагенскій епископъ разсказывалъ въ своемъ письмѣ, какими хитростями ему удалось отвертѣться отъ обыска и подсунуть вмѣсто священнаго писанія еретическія книги [3]). Онъ говорилъ также о нѣкоторыхъ экзальтированныхъ личностяхъ, у которыхъ никто не спрашивалъ писаній, а они сами шли въ полицію, хвастаясь, что у нихъ имѣются свящ. книги, и крича, что они ихъ не отдадутъ. Непріятности, которыя они такимъ образомъ на себя навлекали, не одобрялись епископомъ, и онъ запрещалъ оказывать имъ знаки почтенія. Не менѣе онъ былъ строгъ по отношенію къ нѣкоторымъ христіанамъ съ плохой репутаціей, явнымъ преступникамъ и должникамъ казны, которые находили въ гоненіи благовидный способъ свести

---

1) August., *Brev. Coll.* III, 25.

2) Письма Менсурія и Секунда, читанныя на конференціи 411 г. (III, 334—343; *Brev.* III, 25, 27), приводятся также бл. Августиномъ *Ad. Don.*, 18; *De un. bapt.*, 29; *Contra Gaud.*, I, 47.

3) См. выше стр. 13—14.

свои счета, возстановить свою репутацію и даже жить съ удобствами въ тюрьмѣ, гдѣ щедрость вѣрующихъ позволяла имъ скопить себѣ небольшой капиталецъ.

Изъ другихъ документовъ видно, что Менсурій, изворотливость котораго едва ли могла быть извѣстна народу, слылъ въ Карѳагенѣ за „предателя“, и если несерьезные христіане спускали ему такое поведеніе, то его очень строго осуждали въ темницахъ, гдѣ исповѣдники терпѣли всякія скорби и лишенія въ ожиданіи смертной казни. Онъ считалъ нужнымъ пользоваться мѣрами матеріальнаго воздѣйствія, чтобы сдерживать рвеніе вѣрующихъ. Его діаконъ Цециліанъ, которому онъ поручилъ это дѣло, необходимое, быть-можетъ, по мнѣнію епископа, но во всякомъ случаѣ само по себѣ одіозное, окликалъ людей возлѣ тюремъ и перехватывалъ пищу, которую туда несли. На эти жестокіе поступки мученики отвѣчали отлученіемъ: „Кто въ общеніи съ предателями, тотъ не будетъ имѣть части вмѣстѣ съ нами въ царствіи небесномъ“ [1]).

Итакъ, въ Карѳагенѣ создалась извѣстная напряженность настроенія. Опять, какъ во времена Декія, исповѣдники были въ неладахъ съ епископомъ, а Менсурій не былъ Кипріаномъ. Старшій нумидійскій епископъ, хорошо освѣдомленный объ истинномъ положеніи дѣла, отвѣчалъ своему товарищу, выставляя на видъ прекрасные примѣры, явленные въ его провинціи, суровость гоненія, отпоръ, который былъ ему данъ, мужество мучениковъ, отказавшихся выдать священное писаніе и по этой причинѣ претерпѣвшихъ смерть. Они вполнѣ заслужили, чтобы имъ оказывали почтеніе. Онъ разсказывалъ также и о своемъ личномъ поведеніи въ вышеприведенныхъ выраженіяхъ. Письмо это весьма напоминаетъ посланіе, полученное Кипріаномъ отъ римскаго клира послѣ первыхъ дней гоненія [2]). Отсюда можно заключить, что съ очень раннихъ поръ между нумидійскимъ епископатомъ и наиболѣе ревностными карѳагенскими вѣрующими установилась извѣстная общность взглядовъ, особенно въ оцѣнкѣ епископа Менсурія и его поведенія. Послѣдствія этого не замедлили сказаться.

Въ числѣ лицъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ „узурпаціи“ Александра,

---

[1]) Мученическіе акты свв. Сатурнина, Датива и др. (Migne, T. VIII, p. 700, 701). Это—донатистское произведеніе, относящееся ко времени послѣ начала раскола. Возможно, что нѣкоторыя черты тамъ преувеличены. Мы не все оттуда черпаемъ.

[2]) T. I, стр. 269.

которыхъ строго разыскивали во время реакціи, наступившей при Максенціи, находился одинъ діаконъ, Феликсъ, обвинявшійся въ составленіи памфлета противъ Максенція. Онъ искалъ убѣжища у епископа. Несмотря на требованіе выдать его, Менсурій на это не соглашался [1]). Должно-быть, онъ занималъ видное положеніе въ Карѳагенѣ, ибо проконсулъ не счелъ себя въ правѣ идти наперекоръ. Онъ послалъ докладъ императору, который приказалъ въ случаѣ, если Менсурій будетъ упорствовать, прислать его къ нему въ Римъ. Епископа дѣйствительно снарядили въ плаваніе, но онъ сумѣлъ отстоять и выиграть свое дѣло. Получивъ разрѣшеніе вернуться домой, онъ умеръ, не доѣхавъ до Карѳагена.

Какъ только извѣстіе о смерти Менсурія было получено, поспѣшили приступить къ выборамъ ему преемника. Избранъ былъ діаконъ Цециліанъ. Три сосѣднихъ Карѳагену епископа [2]),—Феликсъ аптунгскій и двое другихъ,—совершили рукоположеніе. Правильнѣе нельзя было поступить. Къ несчастью, въ глазахъ ревнителей Цециліанъ былъ весьма скомпрометтированъ. Подобно покойному епископу, онъ былъ въ ихъ глазахъ „традиторомъ“, врагомъ святыхъ, гонителемъ въ духовномъ санѣ. Тотчасъ образовалась оппозиціонная партія. Два пресвитера, Ботръ и Целестій, стояли внѣшнимъ образомъ во главѣ партіи. Впослѣдствіи стали разсказывать, что предъ своимъ отъѣздомъ въ Италію Менсурій, опасаясь за сокровища своей церкви, ввѣрилъ двумъ этимъ старцамъ на сохраненіе много драгоцѣнныхъ предметовъ и, не предупредивъ ихъ, передалъ одной старушкѣ листъ съ упоминаніемъ объ этомъ вкладѣ и съ его описью. Въ случаѣ несчастья съ епископомъ она должна была дождаться водворенія его преемника и вручить ему документъ. Она такъ и сдѣлала. Это крайне раздосадовало хранителей вклада, такъ какъ они вовсе не разсчитывали поступить честно, и обратило ихъ во враговъ Цециліана. Но самымъ опаснымъ его противникомъ была Люцилла, знатная, очень набожная, богатая и

[1]) Черта эта дѣлаетъ честь Менсурію и доказываетъ, что онъ былъ не лишенъ характера.

[2]) Таковъ былъ обычай уже во времена Кипріана: *Quod apud nos quoque et per provincias universas tenetur ut ad ordinationes rite celebrandas ad eam plebem cui praepositus ordinatur episcopi eiusdem provinciae proximi quique conveniant* (*Ep.* LXVII, 5). (Что у насъ, какъ и во всѣхъ провинціяхъ, сохраняется обычай, въ силу котораго для совершенія правильнаго посвященія нѣсколько ближайшихъ епископовъ той же провинціи съѣзжаются къ народу, для котораго поставляется предстоятель). Въ Римѣ также рукоположеніе папы совершалъ епископъ остійскій совмѣстно съ нѣсколькими сосѣдними епископами.

вліятельная дама, весьма воинственнаго нрава [1]); она была давно въ ссорѣ съ архидіакономъ, который еще до гоненія вызвалъ ея недовольство, стѣснивъ ее въ проявленіяхъ ея благочестивыхъ порывовъ [2]). Теперь она воспользовалась случаемъ затѣять противъ него дѣло. Извѣстно, на что способны подобныя особы.

Оппозиція сорганизовалась, отказалась признать Цециліана и прибѣгла къ поддержкѣ нумидійскихъ епископовъ, съ которыми съ давнихъ поръ находилась въ сношеніяхъ. Одинъ изъ этихъ духовныхъ сановниковъ, Донатъ изъ *Casae Nigrae*, съ нѣкоторыхъ поръ находился въ Карѳагенѣ. Еще до рукоположенія Цециліана онъ проявилъ большое нерасположеніе къ нему и уже держался особнякомъ. Въ эти первые дни ему выпала видная роль. Что же касается старшаго епископа, Секунда, то онъ собралъ своихъ сторонниковъ и поспѣшилъ въ Карѳагенъ, чтобы впутаться въ то, что совсѣмъ его не касалось. Такимъ образомъ для борьбы съ Цециліаномъ собралось семьдесятъ епископовъ. Хотя онъ былъ посвященъ согласно правиламъ, но они рѣшили не признавать его законнымъ пастыремъ и собирались внѣ церковныхъ зданій, которыя сначала Максенцій, а затѣмъ Константинъ предоставили въ его распоряженіе. Люцилла и ея приспѣшники со всѣми находившимися въ Карѳагенѣ фанатиками и врагами существующаго клира присоединились къ нимъ. Цециліану послали требованіе явиться передъ ними. Онъ, понятно, отказался [3]), считая себя ни въ какомъ случаѣ неподсуднымъ незаконному собранію, первымъ долгомъ котораго было бы признать его своимъ главой. Его дѣло было разсмотрѣно заочно. Рѣшили, что Феликсъ аптунгскій, посвятившій его, былъ традиторъ и что вслѣдствіе этого посвященіе его было ничтожно и не имѣло никакого значенія; ему поставили также въ вину поведеніе по отношенію къ заключеннымъ исповѣдникамъ въ бытность его діакономъ Менсурія. Какъ на соборѣ 256 года, каждый изъ присутствовавшихъ епископовъ подалъ мо-

---

[1]) *Potens et factiosa femina.*

[2]) Она имѣла обыкновеніе, прежде чѣмъ приступить къ чашѣ, цѣловать кость, по ея словамъ, принадлежавшую мученику, который во всякомъ случаѣ не былъ признанъ (*vindicatus*) карѳагенской церковью.

[3]) Оптатъ (*De Schism.*, I, 19) разсказываетъ, что Цециліанъ, видя, что оспариваютъ за посвятившими его епископами право совершать рукоположеніе, сказалъ: „Такъ пусть они сами меня посвятятъ, если считаютъ, что я не епископъ“. Тогда Пурпурій предложилъ позволить ему придти и возложить на него руки, но не какъ на епископа, а какъ на кающагося грѣшника, что обозначало бы исключеніе его изъ клира. Такія рѣчи, по крайней мѣрѣ изъ устъ Пурпурія, довольно правдоподобны.

тивированный голосъ. Вмѣстѣ съ Цециліаномъ подверглись осужденію, какъ виновные въ выдачѣ книгъ, нѣсколько епископовъ изъ окрестностей Карѳагена и прежде всего Феликсъ аптунгскій. Не расходясь, тутъ же избрали и посвятили на мѣсто Цециліана одного чтеца, по имени Майорина, который числился между домашними Люциллы. Послѣдняя, отмстивъ, наконецъ, своему епископу, не преминула вознаградить своихъ помощниковъ и послала въ Нумидію значительныя суммы [1]).

Для всякаго освѣдомленнаго въ этомъ дѣлѣ, соборъ этотъ представляетъ странное зрѣлище. Изъ вполнѣ достовѣрныхъ документовъ извѣстно, что между членами его многіе, и притомъ самые вліятельные, были завзятыми традиторами, что надъ другими и надъ самимъ Секундомъ тяготѣли въ этомъ отношеніи серьезныя подозрѣнія. Это не мѣшало имъ выставлять себя защитниками святыхъ и возмущаться общественнымъ положеніемъ лица, посвятившаго Цециліана. Но грѣхи ихъ не были извѣстны въ Карѳагенѣ, и десять лѣтъ должно было пройти прежде, чѣмъ объ этомъ узнали въ народѣ. Въ глазахъ многихъ лицъ они являлись безпристрастными и ревностными судьями; вокругъ Майорина вскорѣ образовалась могущественная партія.

Однако церкви оставались въ распоряженіи Цециліана, и правительство обращалось къ нему по всѣмъ вопросамъ, касавшимся ликвидаціи послѣдняго гоненія [2]). Въ письмѣ, адресованномъ къ нему императоромъ [3]), Константинъ, уже освѣдомленный о раздѣленіяхъ въ африканской церкви, приглашаетъ его прибѣгнуть къ помощи проконсула Анулина и викарія Патриція противъ виновниковъ смуты.

Наступилъ апрѣль 313 года. Въ одинъ прекрасный день проконсулъ былъ остановленъ на улицѣ большимъ скопленіемъ народа, вожаки котораго вручили ему двѣ бумаги: одну запечатанную, другую открытую. Первая была озаглавлена: „Жалобы каѳолической церкви противъ Цециліана, предъявленныя партіей Майорина“. Другая заключала въ себѣ краткое прошеніе, составленное въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Мы обращаемся съ просьбой къ тебѣ, добрый императоръ Константинъ, потому что ты происходишь изъ справедливаго рода; твой отецъ одинъ изъ всѣхъ импе-

---

[1]) Четыреста *folles*; это составляетъ приблизительно 60,000 франковъ (22,000 рублей).

[2]) Письма у Евсевія, *H. E.*, X, 5, 6, 7.

[3]) Euseb., *H. E.*, X, 6.

раторовъ не былъ гонителемъ, и Галлія осталась непричастна этому преступленію. Въ Африкѣ между нами и другими епископами возникли распри. Пусть милость твоя дастъ намъ судей изъ Галліи.— Прошеніе это подано Лукіаномъ, Дигномъ, Назутіемъ, Капитономъ, Фиденціемъ и другими епископами, сторонниками Майорина" [1]). Проконсулъ принялъ документы и переслалъ ихъ по назначенію. Константинъ очутился такимъ образомъ въ положеніи, въ какое сорокъ лѣтъ назадъ былъ поставленъ Авреліанъ въ Антіохіи: ему былъ предъявленъ споръ между двумя партіями христіанъ, и, заботясь объ общественномъ порядкѣ, онъ былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы этотъ споръ былъ разрѣшенъ самымъ дѣйствительнымъ образомъ. Но онъ вносилъ въ это дѣло личное отношеніе, совершенно отличное отъ того расположенія, съ какимъ отнесся къ нему Авреліанъ. Съ другой стороны, ему не предлагали самому быть судьей въ этомъ дѣлѣ, но просили подвергнуть возникшее несогласіе разсмотрѣнію епископовъ опредѣленной страны. Африканскіе диссиденты получили тѣхъ судей, какихъ просили. Выборъ императора палъ на епископовъ Ретеція отенскаго, Матерна кельнскаго и Марина арльскаго. Однако онъ счелъ нужнымъ отправить ихъ въ Римъ и поручить дѣло предсѣдательства и руководства преніями папѣ Мильтіаду. Съ этой цѣлью [2]) онъ сообщилъ ему обвинительный актъ, полученный Анулиномъ, и просилъ принять мѣры, чтобы Цециліанъ явился въ Римъ съ десятью африканскими епископами своей партіи и десятью епископами противной.

Судъ собрался въ домѣ Фаусты, на Латеранѣ [3]), 2 октября 313 года; было всего три засѣданія [4]). Съ согласія императора папа присоединилъ къ епископамъ, прибывшимъ изъ Галліи, человѣкъ пятнадцать италійскихъ предстоятелей [5]); всего было такимъ образомъ девятнадцать епископовъ.

---

[1]) ....*et caeteris episcopis partis Donati*, какъ значится въ воспроизведеніи этого документа у Оптата, I, 22. Но здѣсь конецъ измѣненъ.

[2]) Письмо Константина къ папѣ Мильтіаду *Euseb.*, *H. E.*, X, 5.

[3]) Здѣсь впервые въ церковныхъ документахъ упоминается о Латеранѣ. Быть-можетъ, домъ Фаусты былъ уже уступленъ римской церкви или въ видѣ пожертвованія, или въ качествѣ вознагражденія за какую-нибудь конфискованную недвижимость.

[4]) Протоколъ перваго засѣданія былъ прочитанъ на конференціи 411 г. (III, 320—336, 403, 540; *Brev*. III. 24, 31). Большой отрывокъ у Оптата, *De schism.*, I, 23, 24; Ср. August., *Contra ep. Parmen.*, I, 10; *ep.* 43, 5, 14; *Ad Donat.*, 56, и др.

[5]) Епископы городовъ: Милана, Пизы, Флоренціи, Сіены, Римини, Фэнцы, Капуи, Беневента, *Quintiana (Labicum)*, Пренеста, *Tres Tabernae*, Остіи,

Донатъ изъ *Casae Nigrae* управлялъ хоромъ оппозиціи. На требованіе высказать обвиненія противъ Цециліана представители ея заявили, что его лично они не обвиняютъ, и отложили до слѣдующаго засѣданія изложеніе и доказательство возраженій, которыя они возбуждали противъ его посвященія [1]). Донатъ однако формулировалъ нѣсколько жалобъ, которыхъ онъ не могъ обосновать. Это повело къ его собственному обвиненію. Было удостовѣрено, что еще раньше посвященія Цециліана онъ былъ виновникомъ раскола въ Карѳагенѣ; онъ сознался, что совершалъ перекрещиваніе, разумѣется, надъ отступниками [2]), и что возлагалъ руки на падшихъ епископовъ (*lapsi*), что было противно церковнымъ правиламъ. На этомъ въ первый день и остановились. На второе засѣданіе противники Цециліана не явились; третье засѣданіе было посвящено подачѣ голосовъ, приносившихся судьями по очереди другъ за другомъ сперва противъ Доната, а потомъ въ пользу Цециліана. До насъ дошло мнѣніе Мильтіада, который говорилъ послѣднимъ: „Въ виду того, что Цециліанъ не былъ обвиненъ тѣми, которые пришли съ Донатомъ, какъ то было возвѣщено ими раньше [3]), и что онъ ни въ одномъ пунктѣ не былъ уличенъ Донатомъ, я полагаю, что слѣдуетъ всецѣло удержать его въ церковномъ общеніи“ [4]).

Итакъ, схизматики были осуждены и при этомъ тѣми самыми судьями, которыхъ они себѣ потребовали. Они отправились обратно въ Африку, но не сочли себя побѣжденными и вскорѣ вновь стали осаждать императора своими просьбами. Дѣло, говорили они, не было разсмотрѣно, какъ слѣдовало и въ подробностяхъ. Константинъ съ тѣхъ поръ сталъ мало питать уваженія къ этимъ смуть-

---

Forum Claudii, Террацины, *Ursinum* (?). Въ послѣднемъ имени слѣдуетъ, быть-можетъ, признать Вульсины (Vulsinii) или, быть-можетъ, Урвинъ (Urvinium).

[1]) Такимъ образомъ можно установить согласіе между двумя вкратцѣ изложенными Августиномъ пунктами: *ubi accusatores Caeciliani qui missi fuerant negaverunt se habere quod in eum dicerent... ubi etiam promiserunt iidem adversarii Caeciliani alio die se repraesentaturos quos causae necessarios subtraxisse arguebantur.* (Когда присланные для обвиненія Цециліана заявили, что они ничего не имѣютъ сказать противъ него... когда тѣ же противники Цециліана обѣщали на другой день представить необходимыхъ для дѣла лицъ, въ устраненіи которыхъ ихъ обвиняли). Вѣроятно, они намѣревались перенести споръ на посвятившаго его Феликса аптунгскаго.

[2]) Перекрещиваніе еретиковъ еще всѣми практиковалось въ Африкѣ. Нельзя было бы поставить это въ вину Донату. Что же касается возложенія рукъ на епископовъ, то неясно, идетъ ли рѣчь о новомъ рукоположеніи, или о возложеніи рукъ на кающихся; то и другое было недопустимо по принятымъ обычаямъ.

[3]) *Iuxta professionem suam:* слова эти не вполнѣ ясны.

[4]) Т. е. въ отношеніяхъ общенія, существовавшихъ для него до раскола.

янамъ. Онъ охотно положился бы на приговоръ римскаго собора, но свѣдѣнія, которыя передавались ему должностными лицами изъ Африки, были мало успокоительны. Изъ малой искры разгорѣлся большой пожаръ. Раздѣленіе царило всюду. Одни епископы признавали Майорина, другіе Цециліана; часто въ одномъ и томъ же городѣ партіи сорганизовывались другъ противъ друга. Въ Карѳагенѣ было два епископа; такое положеніе встрѣчалось и въ другихъ мѣстахъ. Возбужденіе умовъ достигло крайнихъ предѣловъ: сторонники Майорина называли себя „церковью мучениковъ“, точь въ точь какъ мелитіане въ Египтѣ, а другихъ—партіей „предателей“. Въ такой разгоряченной средѣ, какъ здѣсь, церковныя распри сейчасъ же переходили въ насилія и уличныя побоища. Правительство, такимъ образомъ, имѣло основанія обратить вниманіе на это злополучное дѣло, какъ ни было оно ничтожно, и употребить стараніе къ его разрѣшенію.

Константинъ рѣшился вновь подвергнуть дѣло суду. Съ этой цѣлью онъ созвалъ большой соборъ въ Галліи, въ Арлѣ, къ 1 августа 314 г. [1]). Соборъ дѣйствительно состоялся [2]). Схизматики защищали свое дѣло съ обычной для нихъ наглостью, что произвело самое невыгодное впечатлѣніе. Епископы съ трудомъ узнавали христіанъ въ этихъ яростныхъ фанатикахъ [3]). Они не только отвергли ихъ обвиненія, но осудили ихъ самихъ. Они установили также принципы, которыми надлежало руководиться въ этихъ вопросахъ: „Всякій, выдавшій св. писанія, или св. сосуды, или

---

1) Сохранилось еще посланіе о созывѣ собора, адресованное Хресту, епископу сиракузскому (Eusebius, *H. E.*, X, 5), и приказъ, отданный африканскому викарію Елафію объ отправкѣ въ Арль извѣстнаго числа африканскихъ епископовъ той и другой партіи.

2) Мы имѣемъ отъ этого собора посланіе, адресованное папѣ Сильвестру, существующее въ нѣсколькихъ редакціяхъ. Редакція, находящаяся въ *Sylloge Optatiana* (*Corpus scriptorum eccl. latinorum*. T. XXVI, p. 206), приводитъ полностью препроводительное письмо и вкратцѣ соборные каноны; обратное находимъ въ редакціи каноническихъ сборниковъ, которая кромѣ того содержитъ подписи членовъ собора.—Приводимъ перечень церквей, представленныхъ на Арльскомъ соборѣ или ихъ епископами, или другими клириками. *Италія*: Римъ, Порто, Центумцелли, Остія, Капуя, Арпи, Сиракузы, Кагліари, Миланъ, Аквилея; *Далмація*: епископъ, имя котораго утрачено; *Галлія*: Арль, Віенна, Марсель, Вэзонъ, Оранжъ, Аптъ, Ницца, Бордо, Габала, Озъ, Ліонъ, Отенъ, Руанъ, Реймсъ, Триръ, Кёльнъ; *Британія*: Лондонъ, Іоркъ, Линкольнъ, быть-можетъ, четвертая церковь; *Испанія*: Эмерита, Таррагона, Сарагосса, Басти, Урсона и другая церковь Бетики; *Африка*: Карѳагенъ, Мавританская Цезарея, Утина, Утика, Тубурбо, Беневентъ (?), Покофелтъ (?), Легисволумины (?), Вера (8).

3) *Graves ac perniciosos legi nostrae atque traditioni effrenataeque mentis homines pertulimus*. (Мы до конца вытерпѣли людей жестокихъ, гибельныхъ для нашего закона и преданія, изступленныхъ умомъ). Письмо къ Сильвестру.

имена своихъ братьевъ, долженъ быть удаленъ изъ среды клира, при условіи однако, чтобы факты были удостовѣрены оффиціальными документами (*actis publicis*), а не основаны на простомъ слухѣ. Если кто-нибудь изъ этихъ лицъ совершалъ рукоположеніе, и поведеніе посвященныхъ имъ безупречно, то такое рукоположеніе не можетъ послужить ко вреду получившаго его. И такъ какъ есть люди, которые, въ противность церковнымъ правиламъ, опираясь на подкупленныхъ ими свидѣтелей, добиваются того, чтобы ихъ допустили къ обвиненію, то таковыхъ не слѣдуетъ допускать, развѣ только, какъ было сказано, они предъявятъ оффиціальные документы“ [1]).

Трудно было вынести болѣе благоразумное рѣшеніе. Надо было покончить съ этими обвиненіями, которыя всюду понемногу угрожали клиру со стороны недовольныхъ; слѣдовало наказать доказанную виновность, обезпечить миръ невиновнымъ и освободить отъ осужденія въ сомнительныхъ случаяхъ.

Арльскій соборъ воспользовался случаемъ, чтобы выработать правила по нѣкоторымъ вопросамъ дисциплины. Слѣдуетъ отмѣтить соглашеніе, установившееся тогда по вопросу о крещеніи еретиковъ между заморской церковью и африканцами или по крайней мѣрѣ послѣдователями Цециліана. Послѣдніе отказались отъ обычая, за который шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ ратовалъ съ такой горячностью Кипріанъ, и обѣщали сообразоваться съ правиломъ, соблюдавшимся въ Римѣ и другихъ западныхъ церквахъ [2]).

Постановленія Арльскаго собора не прошли безслѣдно; извѣстное число схизматиковъ возсоединились съ Цециліаномъ [3]), но вожаки остались непреклонны. Столь же мало удовлетворенные Арльскимъ соборомъ, какъ и Римскимъ, они поспѣшили подать апелляцію императору, который доставилъ имъ двойной случай оправдать свое поведеніе. Константинъ былъ очень раздраженъ ихъ упорствомъ. Однако онъ хотѣлъ истощить всѣ мѣры примиренія и принялъ апелляцію [4]).

До или послѣ Арльскаго собора [5]) съ той и другой стороны

---

[1]) Прав. 13.
[2]) Прав. 8.
[3]) Aug. *Brev. Coll.*, III, 37.
[4]) Письмо Константина къ отцамъ Арльскаго собора, *Aeterna, religiosa* (Migne, P. L., T. VIII, p. 487).
[5]) Хронологія не отличается желательной точностью. Намъ извѣстно, что Арльскій соборъ былъ созванъ на 1-е августа 314 г.; но ничто не доказы-

созрѣла рѣшимость выяснить дѣло Феликса аптунгскаго и вопросъ объ его „предательствѣ“. Донатисты [1]) задумали обратиться къ источникамъ и добиться отъ городскихъ чиновниковъ въ Аптунгѣ удостовѣренія, подтверждающаго, что епископъ Феликсъ дѣйствительно выдалъ священное писаніе въ 303 г. Дуумвиръ, который тогда приводилъ въ исполненіе императорскій эдиктъ, Альфій Цециліанъ, былъ еще въ живыхъ. Къ нему отрядили нѣкоего Ингенція, которому было поручено выудить отъ него желаемую бумагу. Альфій былъ честный язычникъ и довольно хитрый человѣкъ; онъ тотчасъ догадался, что имъ желаютъ воспользоваться, и прервалъ разговоръ. Тогда прибѣгли къ посредничеству одного изъ его друзей, Авгенція, имѣвшаго на него вліяніе, и разсказали ему, что епископъ Феликсъ, получивъ на храненіе нѣсколько драгоцѣнныхъ книгъ, которыхъ ему не хочется отдавать, желаетъ получить удостовѣреніе въ томъ, что онѣ были сожжены во время гоненія. Честный Альфій былъ возмущенъ этимъ разоблаченіемъ: „Вотъ, сказалъ онъ, добросовѣстность христіанъ“. Онъ согласился однако написать Феликсу письмо, гдѣ напоминалъ ему о томъ, что произошло въ 303 г., какъ въ отсутствіе епископа онъ наложилъ арестъ на церковь, вынесъ каѳедру, сжегъ двери и переписку (*epistolas salutatorias*, привѣтственныя посланія). Донатистскій агентъ долженъ былъ удовлетвориться этимъ мало компрометтирующимъ документомъ. Вернувшись къ себѣ, онъ поспѣшилъ дополнить его припиской совершенно другого значенія.

Письмо это однако не представляло оффиціальной бумаги. Чтобы сообщить ей такой характеръ, придумали засвидѣтельствовать ее въ карѳагенской куріи. Воспользовавшись поѣздкой дуумвира Альфія въ главный городъ, его вызвали по просьбѣ другого донатистскаго агента, Максима, „къ Аврелію Дидиму Сперецію, предоброму и превеликому жрецу Юпитера, дуумвиру блистательной карѳагенской колоніи“, дабы удостовѣрить знаменитое письмо. Къ нему прибавлена была приписка. Оттого ли, что ему неполностью прочли письмо, или по какой иной причинѣ, но Альфій призналъ себя авторомъ документа. Эта явка къ дуумвиру состоялась 19 августа 314 г. [2]).

ваетъ, что онъ собрался именно къ этому времени, и намъ неизвѣстно, сколько времени епископы провели вмѣстѣ. Несомнѣнно только, что онъ происходилъ въ 314 г. (*Mélanges de l'Ecole de Rome*, T. X, p. 644).

[1]) Теперь можно употреблять этотъ терминъ, потому что знаменитый Донатъ, отъ котораго партія получила свое имя, въ это время былъ уже преемникомъ Майорина.

[2]) *Gesta purgationis Felicis*, (Migne, *P. L.*, T. VIII, p. 718 et sqq.; *Corpus ss. e. l.*, T. XXVI, p. 197 et sqq.).

Правительство съ своей стороны производило разслѣдованіе. По приказанію императора викарій Элій Павлинъ вытребовалъ къ себѣ изъ Аптунгъ бывшаго дуумвира Альфія и его секретаря. Имъ пришлось довольно долго ждать въ Карѳагенѣ [1]), потому что Элій Павлинъ былъ въ это время смѣщенъ, а его преемникъ, Веръ, былъ боленъ, такъ что проконсулъ Эліанъ принужденъ былъ взять на себя это дѣло. Онъ не только потребовалъ къ себѣ Альфія, но еще и центуріона Суперія, бывшаго куратора Сатурнина, куратора, находившагося въ должности, Калибія, и общественнаго раба Солона. Всѣ эти лица были тщательно допрошены на проконсульской аудіенціи 15 феврали 315 г. Альфію предъявили его письмо; послѣ болѣе тщательнаго съ нимъ ознакомленія онъ заявилъ, что компрометтирующія епископа Феликса фразы были прибавлены послѣ и не были продиктованы имъ. Вызвали также составителя подлога, Ингенція; его не подвергли пыткѣ, такъ какъ онъ оказался декуріономъ одного маленькаго городка; однако онъ и безъ пытки сознался, что сдѣлалъ приписку къ письму Альфія изъ мести къ епископу Феликсу, противъ котораго онъ питалъ нѣкоторую непріязнь.

Былъ отправленъ рапортъ императору, который вытребовалъ къ себѣ Ингенція [2]).

Константинъ былъ очень озабоченъ этимъ дѣломъ, ясно видя, что не было никакой возможности привести такихъ фанатиковъ къ добровольному подчиненію. Одно время онъ остановился на мысли послать нѣсколько внушающихъ довѣріе лицъ въ Африку, куда онъ отослалъ обратно [3]) донатистскихъ епископовъ, слѣдившихъ при немъ за дѣлами своей партіи. Но нѣсколько дней спустя онъ одумался, задержалъ ихъ [4]) и вызвалъ обѣ партіи въ Римъ, гдѣ проводилъ лѣто. Донатисты пріѣхали, а Цециліанъ, неизвѣстно по какой причинѣ, не явился. Императоръ былъ этимъ весьма раздраженъ и пригрозилъ, что самъ отправится въ Африку и покажетъ тѣмъ и другимъ, „какъ слѣдуетъ почитать божество“ [5]).

Прошелъ еще годъ. Константину удалось вытребовать обоихъ

---

[1]) Быть-можетъ, во время этого ожиданія Альфій Цециліанъ и являлся къ карѳагенскому дуумвиру.

[2]) Письмо Константина проконсулу Пробіану, преемнику Эліана. Migne *P. L.* T. VIII, p. 489.

[3]) Ранѣе 28 апрѣля 315 г., которымъ помѣченъ документъ *Quoniam Lucianum*, Migne, *P. L.* T. VIII, p. 749; *Corpus*, p. 202.

[4]) Письмо *Ante paucos*, ibid., p. 489; *Corpus*, p. 210.

[5]) Письмо *Perseverare Menalium*, ibid; *Corpus*, p. 211.

главарей — Цециліана и его противника, Доната, замѣнившаго Майорина во главѣ протестующей церкви. Произошли перекрестныя пренія, на основаніи которыхъ императоръ принялъ сторону Цециліана. Сообщеніе объ его приговорѣ было тотчасъ передано африканскому викарію Евмелію [1]).

Императоръ хотѣлъ все-таки убѣдиться, нельзя ли въ отсутствіе обоихъ епископовъ достигнуть соединенія церквей. Съ этой цѣлью онъ задержалъ въ Италіи Доната и Цециліана и отправилъ въ Карѳагенъ двухъ уполномоченныхъ, епископовъ Евномія и Олимпія [2]); они провели тамъ сорокъ дней, стараясь достигнуть соглашенія, но ихъ примирительная миссія столкнулась съ насиліемъ бунтовщиковъ. Въ концѣ-концовъ епископы заявили, что отнынѣ каѳоликами будутъ считаться только тѣ, которые будутъ въ согласіи съ церковью, распространенной по всему міру, и на этомъ основаніи вступили въ общеніе съ цециліанскимъ клиромъ. Наиболѣе разумные люди противной партіи также присоединились къ нимъ, но масса осталась непоколебимой. Донатъ ускользнулъ изъ подъ надзора и вернулся въ Карѳагенъ. Цециліанъ послѣдовалъ его примѣру, и религіозная борьба возобновилась съ новымъ жаромъ.

Константинъ попробовалъ примѣнить силу. Донатисты обладали въ Карѳагенѣ извѣстнымъ количествомъ церквей. Онъ отдалъ приказъ отобрать ихъ [3]) у схизматиковъ, а такъ какъ они сопротивлялись, то это было осуществлено *manu militari*. Этого только и желали горячія головы партіи: поборникамъ мучениковъ представился случай самимъ стать мучениками. О впечатлѣніи, произведенномъ примѣненіемъ закона, сохранился любопытный документъ объ отобраніи трехъ церквей въ Карѳагенѣ [4]). Въ первой не было пролитія крови, но въ ней расположились солдаты и учинили оргію; во второй донатисты были избиты палками, и одинъ изъ нихъ, епископъ Сицилибба, былъ раненъ; въ третьей произошло настоящее избіеніе; нѣсколько человѣкъ поплатились жизнью и между ними епископъ Авдокаты [5]). Подобныя экзекуціи, безъ сомнѣнія,

[1]) Письмо отъ 10 ноября 316 г., предъявленное на конференціи 411 г. (III, 456, 460, 494, 515—517, 520—530, 532, 535; *Brev.* III, 37, 38, 41. Ср. August., *Contra Cresc.* III, 16, 67, 82; IV, 9; *Ad. Don.*, 19, 33, 56; *De un. eccl.*, 46, *Ep.* 43, 20; 53, 5; 76, 2; 88, 3; 89, 3; 105, 8.

[2]) Объ этомъ порученіи см. Optat., I, 26.

[3]) Законъ, упоминаемый Августиномъ, *Ep.* 88, 3; 105, 2, 9; *Contra litt. Petiliani*, II, 205; ср. *Cod. Theod.*, XVI, 6, 2.

[4]) *Sermo de passione ss. Donati et Advocati*, *P. L.*, T. VIII, p. 752.

[5]) Строго говоря, все это могло произойти въ одной и той же церкви: раз-

были допущены во многихъ мѣстахъ; извѣстное количество лицъ подверглось изгнанію или изъ предосторожности, или за сопротивленіе при отобраніи имуществъ [1]).

Но все было тщетно. Расколъ распространялся изъ края въ край по римской Африкѣ, несмотря на всѣ постановленія и на ничтожность первоначальнаго повода. Мирились съ своей изолированностью, не обращали никакого вниманія на епископскіе и императорскіе приговоры и общенію съ заморской церковью не придавали никакой цѣны. Для нихъ церкви не было нигдѣ, за исключеніемъ Африки и партіи, во главѣ которой стоялъ Донатъ. Послѣдній былъ не какой-нибудь проходимецъ: умный, образованный [2]), строгихъ нравовъ, онъ очень выдавался среди страннаго персонала, во главѣ котораго находился, и въ средѣ котораго его не безъ удивленія встрѣчаешь. Но, подобно Тертулліану, Донатъ былъ очень гордый человѣкъ и среди своихъ приверженцевъ, каковы бы они ни были, онъ первенствовалъ. Его сторонники, весьма имъ гордившіеся, почитали его за существо высшаго порядка.

Если расколъ процвѣталъ въ Карѳагенѣ и проконсульской провинціи, то все-же успѣхъ его здѣсь былъ ничтоженъ по сравненію съ тѣмъ, что происходило въ Нумидіи. Тамъ почти всѣ поголовно были донатистами. Каѳоликамъ тамъ приходилось плохо. Имъ давали чувствовать тщету оффиціальнаго покровительства. Съ ними не желали имѣть никакого общенія не только въ религіозномъ отношеніи, но и въ обычной жизни. Съ ними не разговаривали, на письма ихъ не отвѣчали, пользовались всякимъ случаемъ надѣлать имъ непріятностей и даже при случаѣ избить. „Что общаго между сынами мучениковъ и послѣдователями предателей?“

Съ сынами мучениковъ случилась крупная непріятность въ 320 г. Въ этомъ году между епископомъ г. Цирты (переименованной тогда въ Константину) и однимъ изъ его діаконовъ возгорѣлась ссора. Епископомъ былъ Сильванъ, одинъ изъ основателей и корифеевъ донатизма. Хорошо неизвѣстно, по какой причинѣ

сказъ болѣе краснорѣчивъ, чѣмъ ясенъ. Догадки относительно имени Адвоката и убитаго епископа см. Gauckler, *Comptes rendus de l'Acad. des Inscr.*, 1898, p. 499, и Gsell, *Mélanges de l'Ecole de Rome*, 1899, p. 60.

[1]) Comes Леонтій и *dux* Урзакій, замѣшанные въ этихъ репрессіяхъ, оставили среди донатистовъ недобрую память о себѣ. Относительно этихъ личностей см. Pallu de Lessert, *Fastes des prov. africaines*, T. II, p. 174, 233.

[2]) Отъ него ничего не дошло до насъ. Бл. Іеронимъ (*De viris*, 93) зналъ *multa ad suam haeresim pertinentia* (много сочиненій Доната, относящихся къ его ереси), а также трактатъ о Духѣ Святомъ, согласный съ аріанскимъ ученіемъ.

діаконъ Нундинарій былъ отлученъ имъ и, какъ увѣрялъ, даже слегка побитъ каменьями. Обиженный отправился съ жалобой къ различнымъ епископамъ той области, грозя, что если ему не дадутъ удовлетворенія въ Константинѣ, онъ сдѣлаетъ ужасныя разоблаченія. Епископы, къ которымъ онъ обратился, попытались уладить дѣло: нѣкоторые изъ нихъ были заинтересованы въ молчаніи діакона. Но имъ не удалось принудить его къ молчанію, и ссора привела къ оффиціальному разслѣдованію, къ которому торжественно приступилъ нумидійскій консулярій Зинофилъ. Правительство было весьма не прочь уличить донатистскихъ главарей и подорвать къ нимъ уваженіе въ общественномъ мнѣніи. По просьбѣ Нундинарія дѣло было разсмотрѣно въ публичномъ засѣданіи 13 декабря 320 года.

Былъ предъявленъ протоколъ ареста, наложеннаго на циртскую церковь въ 303 г., и изъ него обнаружилось, что Сильванъ, который въ то время былъ иподіакономъ, содѣйствовалъ своему епископу въ выдачѣ должностнымъ лицамъ священныхъ сосудовъ изъ своей церкви. Этотъ врагъ „предателей“, столько лѣтъ поносившій ихъ, самъ оказался „предателемъ“. Было удостовѣрено свидѣтельскими показаніями, что Сильванъ и знаменитый неистовый епископъ лиматскій Пурпурій были воры, что они присвоили себѣ сосуды съ уксусомъ, принадлежавшіе казнѣ и сложенные въ храмѣ, причемъ одинъ воспользовался содержимымъ, а другой содержащимъ; что Люцилла, великая покровительница раскола, вознаградила нумидійскихъ епископовъ за ихъ услугу или, — гораздо важнѣе, — что нѣкоторые изъ нихъ присвоили себѣ милостыню, которую она поручила имъ раздать нищимъ; что Сильванъ получилъ деньги за посвященіе пресвитера. О выборахъ Сильвана Нундинарій также сдѣлалъ разоблаченія, установившія, съ какимъ отвращеніемъ новый епископъ былъ встрѣченъ со стороны извѣстной части населенія, и вдобавокъ къ этому представилъ странный протоколъ, въ которомъ лица, посвятившія Сильвана, сознавались въ выдачѣ различныхъ предметовъ [1]).

Обо всемъ этомъ былъ составленъ тщательный протоколъ, отъ котораго до насъ дошла лишь часть. Сильванъ былъ сосланъ, но съ достовѣрностью нельзя сказать, за что; проступки, въ которыхъ его обвинялъ Нундинарій, были преимущественно церковнаго порядка [2]) и не подпадали подъ дѣйствіе установленныхъ закономъ

---

[1]) Документъ использованный выше, см. стр. 68—69.

[2]) Хотя кража сосудовъ съ уксусомъ составляетъ вину противъ общаго права.

наказаній; надо полагать, что въ немъ усмотрѣли зачинщика смутъ, и что наравнѣ съ нѣкоторыми другими лицами онъ былъ удаленъ по соображеніямъ общественнаго порядка. Во времена бл. Августина донатисты утверждали, что Сильванъ былъ изгнанъ въ гоненіе Урзакія и Зинофила за то, что онъ не хотѣлъ вступить въ общеніе (*communicare*) [1].

Онъ не замедлилъ вновь вернуться, а съ нимъ и прочіе изгнанники. Такъ какъ Константину не удалось побороть ихъ мѣрами строгости, то вскорѣ, по ихъ просьбѣ, онъ вернулъ имъ свободу. Письмо отъ 5 мая 321 года, въ которомъ онъ сообщалъ объ этомъ рѣшеніи викарію Верину [2], крайне сурово по отношенію къ донатистамъ. То же можно сказать относительно другого письма, написаннаго имъ немного позднѣе къ каѳолическимъ епископамъ, чтобы убѣдить ихъ терпѣливо переносить оскорбленія отъ ихъ необузданныхъ противниковъ [3]. Императоръ любилъ утѣшать себя мыслью, что нарушителей спокойствія немного, и что ихъ можно побѣдить кротостью. То была иллюзія правителя. Онъ скоро узналъ, на какую благодарность могъ разсчитывать. Въ Константинѣ, въ епархіальномъ городѣ знаменитаго Сильвана, онъ выстроилъ на свой счетъ базилику для каѳоликовъ. Когда она была закончена, донатисты завладѣли ею и никакими приказаніями, приговорами судей, императорскими письмами нельзя было добиться, чтобы они оттуда вышли. Константинъ былъ вынужденъ построить другую церковь. Лучшимъ доказательствомъ всемогущества донатистовъ въ Нумидіи служитъ то, что имъ удалось добиться, чтобы каѳолическимъ клирикамъ было отказано въ тѣхъ куріальныхъ и другихъ льготахъ, которыя имъ были дарованы государствомъ. Въ этомъ случаѣ императору опять пришлось вступиться въ дѣло. Слѣдуетъ добавить, что, оставляя африканскихъ каѳоликовъ на произволъ ихъ судьбы, онъ старался имъ проповѣдывать въ весьма поучительныхъ выраженіяхъ о забвеніи обидъ [4]. То была слабая поддержка въ черезчуръ реальныхъ испытаніяхъ.

---

[1]) Aug., *Contra Cresc.*, III, 30. Ср. p. 120, not. 3.

[2]) Прошеніе донатистовъ и письмо къ викарію: *Coll.*, III, 541—552; *Brev.*, III, 39, 40, 42; Aug., *Ep.* 141, 9; *Ad Donat.*, 56.

[3]) Migne, *P. L.* t. VIII, 491: *Quod fides.*

[4]) Письмо *Cum summi Dei,* Сардика, 5 февраля 330 г. (*P. L.*, t. VIII, p. 531): законъ отъ того же числа, *Codex theod.*, XVI, II, 7.

ГЛАВА IV.

Арій и Никейскій соборъ.

Приходы въ Александріи.—Арій вавкалійскій и его ученіе.—Конфликтъ съ традиціоннымъ ученіемъ.—Низложеніе Арія и его послѣдователей.—Арій находитъ поддержку въ Сиріи и Никомидіи.—Его возвращеніе въ Александрію; его Θалія.—Вмѣшательство Константина.—Споры о пасхѣ.—Никейскій соборъ.—Засѣданія въ присутствіи императора. Арій вновь осужденъ.—Постановленія, относящіяся къ мелитіанскому расколу и вопросу о пасхѣ.—Составленіе символа.—Дисциплинарные каноны.—*Единосущный.*—Первыя попытки реакціи.

Послѣ мученика Петра († 312 г.) во главѣ александрійской церкви недолгое время находился одинъ изъ старыхъ учителей катехизической школы, Ахилла. Онъ занималъ каѳедру въ теченіе лишь немногихъ мѣсяцевъ. Его преемникомъ былъ Александръ. Тому и другому пришлось немало вынести отъ Мелитія и его раскола. Но болѣе затрудненій Александръ испыталъ съ однимъ изъ своихъ пресвитеровъ, Аріемъ, и это было крупнымъ событіемъ.

Въ городѣ Александріи уже въ ту пору имѣлось нѣсколько церквей, пользовавшихся извѣстной автономіей подъ управленіемъ особыхъ пресвитеровъ. Св. Епифаній [1]) называетъ нѣкоторыя изъ нихъ. Это—церкви: Діонисія, Θеоны, Піерія, Серапіона, Персеи, Дизія, Мендидія, Анніана, вавкалійская, изъ которыхъ, быть-можетъ, не всѣ существовали въ описываемое нами время. Верховная власть надъ личнымъ составомъ этихъ церквей, клиромъ и вѣрными, принадлежала епископу. Чтобы обезпечить дѣйствіе этой власти и сохранить единство паствы, вокругъ верховнаго главы происходили правильныя собранія пресвитеровъ и діаконовъ.

Существовали извѣстныя центробѣжныя тенденціи: александрійскіе пресвитеры помнили время, когда они сами посвящали себѣ епископа [2]). Во время управленія еп. Александра одинъ изъ нихъ,

---

1) *Haer.* LXIX, 3.

2) Т. I, стр. 62—63. Должно-быть, въ то время что-нибудь сохранялось отъ этого обычая, потому что о немъ упоминается еще въ V в. (*Apophthegmata P. P.*, II, 78; Migne, *P. G.* T. LXV, p. 341).

Коллуѳъ, потребовалъ себѣ возвращенія права рукоположенія и сталъ посвящать пресвитеровъ и діаконовъ, не обращаясь къ своему іерархическому главѣ. Но пришлось увидѣть и не такія дѣла.

Около 318 года вавкалійскій пресвитеръ [1]) Арій очень сильно занималъ собой общественное мнѣніе. О немъ шла рѣчь уже по поводу мелитіанскаго раскола, въ которомъ онъ, повидимому, былъ нѣкоторое время замѣшанъ. Послѣ небольшихъ колебаній изъ стороны въ сторону при епископахъ Петрѣ и Ахиллѣ, онъ въ концѣ-концовъ обрѣлъ равновѣсіе при Александрѣ. Это былъ человѣкъ преклоннаго возраста, высокій, худой, съ печальнымъ выраженіемъ лица и изможденнымъ видомъ. Онъ былъ извѣстенъ за аскета, и это видно было по его одѣянію, состоявшему изъ короткой туники безъ рукавовъ, поверхъ которой въ видѣ плаща было перекинуто нѣчто въ родѣ шарфа. Голосъ его былъ мягкій, рѣчи вкрадчивыя. Посвященныя дѣвственницы, очень многочисленныя въ Александріи, питали къ нему великое уваженіе; среди высшаго клира онъ имѣлъ рѣшительныхъ сторонниковъ [2]).

Дѣйствительно, онъ имѣлъ свою партію и свое ученіе. Въ Александріи было не въ диковину имѣть свое ученіе. Мы видѣли, что могло преподаваться въ тѣ времена, когда Климентъ и Оригенъ руководили катехизической школой. Школа эта еще существовала и не отступилась ни отъ метода, ни отъ мыслей своихъ старыхъ учителей. Но то была школа, ученіе же, которое распространялъ Арій, преподавалось отъ имени церкви. До ея свѣдѣнія было доведено, что Арій возбуждаетъ трудные вопросы. Впослѣдствіи мелитіане увѣряли, что они сыграли здѣсь извѣстную роль и что именно они пробудили вниманіе епископа. Болѣе вѣроятно, что оппозиціей противъ Арія вначалѣ руководилъ Коллуѳъ, одинъ изъ его сотоварищей, быть-можетъ, тотъ самый, о которомъ только-что упоминалось.

---

[1]) Это все, что можно сказать: хронологія начала событій весьма неточна. Такъ какъ нѣтъ возможности умѣстить всѣ событія между побѣдой Константина надъ Ликиніемъ и Никейскимъ соборомъ, то приходится восходить ко времени, предшествующему гоненію Ликинія.

[2]) О началѣ исторіи Арія, кромѣ оффиціальныхъ документовъ, указанныхъ ниже, почти нѣтъ свѣдѣній, которыми можно было бы пользоваться. Повѣствовательные тексты вообще запоздалы, опрометчивы, спутаны. Однако нѣсколько подробностей можно извлечь изъ сочиненій св. Епифанія (*Haer.*, LXIX) и особенно изъ Исторіи Созомена (I, 15), имѣвшаго подъ-руками документы, изъ которыхъ не всѣ сохранились до нашего времени. По свидѣтельству Созомена, Арій принадлежалъ сначала къ мелитіанской партіи; ставъ на сторону епископа Петра и будучи посвященъ въ діаконы, онъ опять поссорился со своимъ начальникомъ. При Ахиллѣ онъ получилъ возможность вновь вступить въ должность и даже былъ возведенъ въ санъ пресвитера. Ср. выше стр. 66—67.

Какъ бы то ни было, Арій былъ вынужденъ объясниться. Въ молодости онъ посѣщалъ въ Антіохіи школу знаменитаго Лукіана и оттуда принесъ свое ученіе, которое можно изложить въ немногихъ словахъ.

„Богъ единъ, вѣченъ, не рожденъ [1]). Другія существа—твари, и первая между ними—Логосъ. Подобно другимъ тварямъ, Онъ былъ вызванъ къ бытію изъ ничего (ἐξ οὐκ ὄντων), а не изъ божественной сущности; было время, когда Его не было (ἦν ὅτε οὐκ ἦν); Онъ былъ сотворенъ не въ силу необходимости, а добровольно. Будучи твореніемъ Божіимъ, Онъ самъ есть творецъ всѣхъ прочихъ существъ, и Его творческое отношеніе къ нимъ оправдываетъ наименованіе Бога, которое дается Ему не въ собственномъ смыслѣ. Богъ усыновилъ Его въ предвидѣніи Его заслугъ, потому что Онъ свободенъ, подверженъ измѣненію (τρεπτός), и по собственной волѣ опредѣлилъ себя къ добру. Изъ этого сыновства не вытекаетъ никакого реальнаго участія въ божествѣ, никакого истиннаго сходства съ нимъ. Богъ не можетъ имѣть Себѣ подобнаго. Духъ Святой—первое твореніе Логоса и является еще менѣе Богомъ, чѣмъ Онъ. Логосъ сталъ плотью въ томъ смыслѣ, что въ Іисусѣ Христѣ онъ исполняетъ функціи души".

Идея Логоса-твари, хотя и весьма далекая отъ преданія, имѣла однако точки соприкосновенія съ нѣкоторыми ранѣе преподававшимися богословскими системами. Отъ Филона до Оригена и Плотина, не говоря, разумѣется, о гносисѣ, всѣ религіозные мыслители использовали понятіе Слова въ цѣляхъ космологіи. Ихъ абстрактный Богъ, бытіе въ Себѣ, неизреченный, недосягаемый, настолько противополагался чувственному міру, что не было возможности перейти отъ одного къ другому, не прибѣгая къ понятію посредника, причастнаго тому и другому. Слово произошло отъ Бога, изъ божественной сущности, но такъ какъ кромѣ творческой силы Оно заключало въ себѣ идею и первообразъ всей твари, то въ извѣстныхъ отношеніяхъ Оно подпадало подъ категорію сотвореннаго. Сколь подобнымъ Отцу ни представляли Его, но все-же полагали между ними различіе въ свойствахъ. Этимъ путемъ проблема не разрѣшалась, а отодвигалась. Два понятія,—конечнаго и безконечнаго,—скрещивались и сталкивались въ лицѣ посредника. Связь между Словомъ и Богомъ устанавливалась

[1]) Въ то время еще не полагали различія между *γενητός* (ставшій, созданный) и *γεννητός* (рожденный), какъ и между противоположными имъ *ἀγένητος* и *ἀγέννητος*.

таинственнымъ исхожденіемъ, о которомъ много разсуждали, пользуясь по большей части образами, но которое не поддавалось уясненію. Оно трудно согласовалось или съ чистымъ монотеизмомъ, или съ представленіемъ объ отдѣльной личности,—двумя существенными положеніями, данными въ преданіи и имѣвшими опору въ Писаніи.

Замѣчательно, что въ данный моментъ всѣхъ объединяло желаніе выйти изъ этого безысходнаго положенія. Лукіанисты съ рѣшимостью пожертвовали неясной идеей въ пользу ясной: они отвергали происхожденіе отъ существа. Все божество сосредоточивается въ Отцѣ. Онъ одинъ истинный Богъ. Слово—первое изъ твореній, но все-же тварь. Оно не Богъ; оно существенно отлично отъ Бога. Такимъ путемъ они думали спасти монотеизмъ, а также личность предсуществующаго Христа. Философское затрудненіе было устранено, но вмѣстѣ съ нимъ исчезла и самая суть христіанства. Въ противоположность Арію, Александръ и Аѳанасій крѣпко держались за абсолютное божество Слова. Рискуя быть заподозрѣнными въ согласіи съ модалистами, они рѣзко порываютъ со всякимъ внѣшнимъ исхожденіемъ, пренебрегаютъ мнимыми потребностями космологіи, по мѣрѣ возможности подтверждаютъ различіе лицъ, но прежде всего спасаютъ тождество Слова съ Богомъ. Религіозный интересъ преобладаетъ надъ всѣмъ. Нужно, чтобы божественное существо, воплотившееся въ Іисусѣ Христѣ, было совершеннымъ Богомъ, а не приближающимся къ Богу и не Богомъ лишь по названію. Иначе Онъ не былъ бы Спасителемъ. Быть-можетъ, они и отдавали себѣ отчетъ, что эти идеи было трудно перевести на тогдашній философскій языкъ, но они объ этомъ нисколько не безпокоились; ихъ занимала религіозная, а не космологическая задача, согласіе съ преданіемъ [1], а не съ наукой. Къ тому же въ этихъ вопросахъ о Божествѣ, обязательно ли все объяснять? *Generationem eius quis enarrabit?* (Родъ Его кто изъяснитъ? Ис. LIII, 8).

Такое настроеніе ума не являлось особенностью александрійскаго епископа. Мы отмѣтили его уже давно и у другихъ лицъ. Рядомъ со школьными теоріями, даже среди очень образованныхъ людей, существовало мнѣніе, которое уважало эти тайны религіи,

---

[1]) Въ Александрѣ чувствовалась еще оригеновская школа. Слѣды этого видны въ его двухъ посланіяхъ. Подобно Евсевію кесарійскому, онъ былъ оригенистъ, пожертвовавшій половиной системы; но онъ удержалъ лучшую, согласную съ преданіемъ.

твердо держалось за существенные догматы и остерегалось людей, угрожавшихъ ихъ цѣлости подъ предлогомъ ихъ примиренія съ наукой или выясненія. Еще епископъ Петръ былъ представителемъ этого направленія на александрійской каѳедрѣ. Послѣ Александра оно нашло открытую поддержку у Аѳанасія, который уже тогда, въ моментъ возникновенія этого движенія, состоялъ діакономъ и совѣтникомъ своего епископа.

Доктрина Арія сначала подверглась обсужденію на собраніяхъ александрійскаго клира подъ предсѣдательствомъ Александра, который, повидимому, руководилъ преніями съ большой умѣренностью и благожеланіемъ. Здѣсь было обнаружено ученіе, преподававшееся въ нѣкоторыхъ городскихъ церквахъ, и установлено, что оно противно преданію. Обвиняемые пресвитеры, къ которымъ сначала предъявили просьбу, а потомъ требованіе отречься отъ новшествъ, упорно отъ этого отказались. Положеніе становилось серьезнымъ. Среди высшаго александрійскаго клира произошло раздѣленіе въ существенномъ пунктѣ: одни, вмѣстѣ съ епископомъ, проповѣдывали абсолютное божество Христа; другіе, вмѣстѣ съ Аріемъ, признавали за нимъ лишь относительную и второстепенную божественность.

Такое положеніе не могло существовать долго. Разъ Арій и его сторонники отказались принять ученіе своего епископа, они должны были сложить съ себя исполненіе своихъ обязанностей. Ничего подобнаго они не сдѣлали, воображая, очевидно, что въ силу автономіи александрійскихъ пресвитеровъ они были главами церкви на равныхъ правахъ съ епископомъ и могли не принимать его наставленій. Такъ какъ относительно они были довольно многочисленны, то Александръ счелъ нужнымъ подкрѣпить авторитетъ своего рѣшенія голосомъ всего египетскаго епископата. Въ послѣднемъ впрочемъ замѣчалось уже броженіе: Арій имѣлъ среди него сторонниковъ. Такимъ образомъ дѣло касалось не исключительно одной только Александріи; въ немъ была заинтересована вся область александрійской митрополіи.

Около ста епископовъ собрались вокругъ Александра. Двое изъ нихъ,— Секундъ птолемаидскій въ Киринаикѣ и Ѳеона мармарикскій,—отпали отъ него и перешли на сторону Арія. Они были низложены и вмѣстѣ съ ними шесть александрійскихъ пресвитеровъ и шесть діаконовъ: пресвитеры—Арій, Ахиллей, Аиѳалъ, Карпонъ, другой Арій, Сарматъ и діаконы—Евзоій, Лука, Юлій, Мина, Елладій, Гаій. Мареотъ, сельскій округъ, расположенный

по берегамъ Мареотскаго озера, также имѣлъ своихъ представителей въ спискѣ осужденныхъ. На соборѣ или вскорѣ послѣ него два пресвитера этой области,—Харій и Пистъ,—и четыре діакона,—Сарапіонъ, Параммонъ, Зосима иИриней,—заявили себя сторонниками Арія и были, подобно ему, низложены [1]).

Среди египетскаго епископата было немного отпаденій, но александрійскій клиръ былъ очень серьезно затронутъ. Арій и его сторонники, какъ нѣкогда Оригенъ, рѣшились покинуть Египетъ, перешли въ Палестину и остановились въ Кесаріи. Опять-таки, какъ и Оригенъ, они встрѣтили здѣсь хорошій пріемъ. Уже нѣсколько лѣтъ во главѣ этой церкви находился ученый Евсевій. У него была громадная извѣстность: его Исторія церкви и апологіи успѣли уже проложить себѣ дорогу. Въ области богословія его оригенизмъ не былъ непреклоннымъ. Онъ поступился главнымъ образомъ вѣчностью творенія, а вмѣстѣ съ этимъ для него утратили силу основанія, заставлявшія Оригена признать вѣчность Слова. Въ сущности онъ держался аріанскаго образа мыслей, но насколько Арій былъ откровененъ и ясенъ въ рѣчахъ, настолько кесарійскій епископъ обладалъ искусствомъ облекать свои мысли въ измѣнчивый и расплывающійся стиль, говорить много, чтобы не сказать ничего. Можно составить себѣ понятіе объ этомъ по его разсужденіямъ о рожденіи Слова, помѣщеннымъ въ началѣ его Церковной исторіи [2]). Другіе епископы въ Палестинѣ, въ Финикіи и въ Сиріи держались тѣхъ же идей [3]).

Епископъ кесарійскій не былъ еще тѣмъ, чѣмъ сталъ впослѣдствіи,—лицомъ съ виднымъ положеніемъ при дворѣ и съ обезпеченнымъ вліяніемъ. Эта роль принадлежала другому Евсевію, престарѣлому епископу и большому интригану. Ему удалось перемѣститься изъ Верита, гдѣ онъ сначала исполнялъ епископскія обязанности, на болѣе важную каѳедру, въ Никомидію. Тамъ, вблизи двора, въ

---

1) См. окружное посланіе Александра Ἑνὸς σώματος и приложенный документъ, Κατάθεσις Ἀρείου (Migne, *P. G.* T. XVIII, p. 573, 581). Окружное посланіе было подписано 17 пресвитерами и 24 діаконами изъ Александріи и 19 пресвитерами и 20 діаконами изъ Мареота. Во главѣ александрійскихъ пресвитеровъ расписывается какой-то Коллуѳъ, быть-можетъ, тотъ самый, о которомъ упоминалось выше.

2) I, 2.

3) Въ своемъ письмѣ къ Евсевію никомидійскому, кромѣ епископа кесарійскаго, Арій упоминаетъ объ епископахъ Лидды (Аэтіи), тирскомъ (Павлинѣ), веритскомъ (Григоріи), лаодикійскомъ (Ѳеодотѣ), аназарбскомъ (Аѳанасіи) „и о всѣхъ Восточныхъ“. Однако онъ самъ признается, что епископы антіохійскій (Филогоній), іерусалимскій (Макарій) и трипольскій (Елланикъ) были противъ него. Его противниками были еще и другіе.

большой милости у императрицы Констанціи, сестры Константина и жены Ликинія, онъ создалъ себѣ положеніе, сила котораго вскорѣ дала себя знать. Въ то же время онъ былъ богословъ и ученикъ Лукіана антіохійскаго. Онъ раздѣлялъ всѣ мысли Арія и съ давнихъ поръ былъ въ холодныхъ отношеніяхъ со своимъ александрійскимъ собратомъ. Трудно было мечтать о лучшемъ покровительствѣ. Арій написалъ ему изъ Палестины [1]) и не замедлилъ явиться къ нему.

Епископъ никомидійскій немедленно началъ хлопотать: онъ наводнилъ Востокъ и Малую Азію посланіями къ епископамъ [2]), чтобы убѣдить ихъ перейти на сторону Арія и поддержать его противъ александрійскаго епископа, требуя отъ послѣдняго, чтобы онъ отмѣнилъ свой приговоръ. Арій составилъ изложеніе своего ученія въ формѣ письма, адресованнаго еп. Александру [3]); его пустили въ обращеніе, чтобы собрать подписи сторонниковъ. Евсевій кесарійскій нѣсколько разъ ходатайствовалъ предъ епископомъ александрійскимъ [4]).

Послѣдній не оставался празднымъ. Онъ писалъ письма ко всѣмъ епископамъ, протестуя противъ вмѣшательства Евсевія никомидійскаго, который, „съ тѣхъ поръ какъ, покинувъ Веритъ, остановилъ свой выборъ на никомидійской церкви, и никто не посмѣлъ его за то наказать“, воображаетъ, что на него возложена забота о всей церкви и выставляетъ себя покровителемъ Арія и его сторонниковъ. Александръ приводилъ затѣмъ имена осужденныхъ и въ заключеніе излагалъ вкратцѣ главныя черты ихъ ученія, „болѣе зловреднаго, чѣмъ прошлыя ереси, и являющагося предтечей антихриста“. Къ письму были приложены подписи всего оставшагося вѣрнымъ клира какъ Александріи, такъ и Мареота [5]).

---

1) Epiph., LXIX, 6; Theodoret., I, 5. Въ этомъ самомъ письмѣ онъ называетъ Евсевія никомидійскаго *солукіанистомъ* (*συλλουκιανίστα*).

2) Одно изъ этихъ писемъ, адресованное Павлину тирскому, сохранилось у Θеодорита, *H. E.*, I, 5. Павлинъ, повидимому, колебался принять какое-нибудь рѣшеніе.

3) Athanasius, *De Synodis*, 16; Epiphanius, LXIX, 7, 8.

4) Письмо, упоминаемое Евсевіемъ никомидійскимъ въ вышеупомянутомъ документѣ, (примѣч. 1); другое письмо, отрывки изъ котораго приведены въ актахъ VII вселенскаго собора, см. Mansi, T. XIII, p. 317. Ср. Sozomen., I, 15, въ концѣ.

5) Это—то самое посланіе (Ἑνὸς σώματος), которое называется Томомъ Александра (*P. G.*, T. XVIII, p. 572). E. Schwartz (*Nachrichten*, 1905, S. 265) хочетъ присвоить это названіе документу, сохранившемуся въ одномъ сирійскомъ манускриптѣ Британскаго музея (*Add.*, 12.156, переписанномъ въ 562) и изданному Мартеномъ (Pitra, *Anal. sacra* T. IV, p. 196; Шварцъ даетъ его

Одинъ экземпляръ былъ посланъ папѣ Сильвестру [1]), прочіе—еп. антіохійскому [2]) Филогонію, еп. верійскому Евстаѳію и многимъ другимъ. Какъ Арій собиралъ подписи для своего изложенія вѣры, такъ и посланные Александра искали всюду подписей къ его протесту. Много изъявленій о присоединеніи онъ получилъ изъ Сиріи, Ликіи, Памфиліи, Асіи, Каппадокіи и сосѣднихъ странъ. Немного позднѣе онъ написалъ письмо другому Александру [3]), епископу византійскому, чтобы побудить его также оказать ему поддержку. Въ этомъ письмѣ онъ жалуется на козни, какія партія Арія строитъ противъ него въ Александріи. Въ дѣло впутались женщины. Я упоминалъ уже, что Арій былъ въ большомъ почетѣ у дѣвственницъ. Эти упрямыя и сутяжливыя особы возбуждали противъ епископа обвиненіе за обвиненіемъ. Происходили схизматическія собранія. Словомъ, безпорядокъ не только не уменьшился вмѣстѣ съ удаленіемъ осужденныхъ, но съ каждымъ днемъ все болѣе разрастался [4]).

Онъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ вслѣдствіе возвращенія Арія. Соборъ, созванный въ Виѳиніи стараніями Евсевія никомидійскаго, объявилъ, что отлученные должны быть допущены къ общенію, и постановилъ просить Александра о принятіи ихъ. Такъ какъ послѣдній отказалъ въ этомъ, то сторонники Арія въ Финикіи и Палестинѣ,—Евсевій кесарійскій, Павлинъ тирскій, Патрофилъ скиѳопольскій и нѣкоторые другіе,—въ свою очередь собрались на соборъ и уполномочили его и его сторонниковъ вернуться къ исполненію своихъ обязанностей, но пребывая въ то же время въ подчиненіи у своего епископа [5]).

Послѣднее условіе было трудно выполнимо. Арій и его друзья вернулись, разсчитывая, очевидно, на количество и энергію своихъ сторонниковъ, чтобы силой восторжествовать надъ своимъ церковнымъ главой. Они ничѣмъ не пренебрегали, чтобы воз-

---

греческій переводъ). Этотъ документъ, повидимому, своимъ источникомъ имѣетъ одинъ экземпляръ Тома, адресованный какому-то епископу Мелетію (трудно предположить, что тому самому, о которомъ говоритъ Евсевій, *H. E.* VII, 32; онъ упоминаетъ о немъ какъ объ умершемъ; см. скорѣе Аѳанасія *Ep. ad episcopos Aeg.*, 8); къ нему прибавлены довольно сомнительныя топографическія указанія, а также сомнительная подпись антіохійскаго епископа Филогонія.

[1]) Цитируется въ одномъ письмѣ Либерія отъ 354 г. (Jaffé, 212).

[2]) Theodoret, *H. E.*, I, 3.

[3]) *P. G.*, T. XVIII, p. 548.

[4]) Быть-можетъ, Арій уже возвратился, когда это письмо было написано.

[5]) Созоменъ, I, 15, излагаетъ здѣсь вкратцѣ недошедшіе до насъ документы собора.

будить народную массу и заинтересовать ее въ пользу протестующихъ. Были пущены въ ходъ памфлеты и даже пѣсни. Арій сочинилъ длинную рапсодію, въ которой воспѣвались красоты его метафизики. Это — такъ-называемая *Θαλία*. Отъ нея уцѣлѣло нѣсколько отрывковъ. Она начиналась такъ:

По вѣрѣ избранниковъ Божіихъ,
познающихъ Бога,
чадъ святыхъ,
православныхъ,
пріявшихъ отъ Бога Духа Свята,
вотъ что узналъ я,
отъ одаренныхъ мудростью,
людей благовоспитанныхъ,
Богомъ наученныхъ,
искусныхъ во всемъ.
По ихъ слѣдамъ иду я
иду, какъ они,
я тотъ, о которомъ столько говорятъ,
который столько претерпѣлъ
во славу Божію,
который отъ Бога получилъ
мудрость и знаніе, коими владѣю.

Портовые рабочіе, матросы, праздношатающіеся и уличная чернь заучили эти пѣсни и прожужжали ими уши послѣдователей Александра. Отсюда происходили безконечныя драки.

За предѣлами Александріи среди епископата было полное раздѣленіе. Каждая изъ двухъ партій хвасталась своими сторонниками. Изъ писемъ, благопріятствовавшихъ Арію, былъ составленъ сборникъ [1]); такъ же поступили и съ тѣми письмами, которыя поддерживали александрійскаго епископа [2]). Одинъ каппадокійскій риторъ, по имени Астерій, который не устоялъ во время гоненія и не могъ по этой причинѣ вступить въ клиръ, разъѣзжалъ по всему Востоку и всюду читалъ лекціи съ изложеніемъ и защитой новаго богословія. Публика интересовалась этими вопросами; интересова-

---

[1]) Athanasius, *De Synodis*, 17.

[2]) Я не могу признать дѣйствительнымъ Антіохійскаго собора 324 года, къ которому Е. Шварцъ (*Nachrichten*, 1905, S. 171 et sqq.) относитъ изданное имъ по парижской сирійской рукописи № 62 мнимое соборное посланіе, адресованное Александру византійскому (Νέας Ῥώμης). Ср. Harnack, Sitzungsber. d. Berl. Akad. d. Wiss. 1908, S. 305; 1909, p. 401.

лась ими даже языческая публика, которая, конечно, пользовалась этимъ случаемъ, чтобы позабавиться насчетъ христіанъ и ихъ вѣрованій. Распря Арія и Александра отразилась даже на сценѣ театровъ [1]).

Въ такомъ возбужденномъ состояніи Константинъ засталъ восточную церковь, когда побѣда надъ Ликиніемъ привела его въ соприкосновеніе съ нею.

Прибывъ въ Никомидію, онъ имѣлъ сначала намѣреніе тотчасъ же посѣтить „Востокъ“ [2]); между причинами, удержавшими его отъ этого, церковныя распри занимаютъ видное мѣсто. Свѣдѣнія, которыя ему сообщили объ александрійской смутѣ, удивили и огорчили его. Онъ разсчитывалъ, что греческій епископатъ поможетъ ему прекратить африканскій расколъ и разрѣшить эту жгучую задачу его религіозной политики, и вотъ самъ греческій епископатъ оказался въ раздѣленіи. И изъ-за чего? Изъ-за пустяка. Александръ имѣлъ неосторожность предложить своимъ пресвитерамъ праздные вопросы о значеніи одного библейскаго текста [3]) и о предметахъ, не имѣющихъ никакого религіознаго значенія; Арій вмѣсто того, чтобы хранить про себя свои чувства, высказалъ ихъ и упорно ихъ отстаивалъ. Своевременно ли было предаваться такимъ богословскимъ упражненіямъ? Не лучше ли было бы не поднимать эти возбуждающіе, неразрѣшимые вопросы и мирно жить въ христіанскомъ братствѣ?

Императоръ въ этомъ смыслѣ написалъ письмо, адресованное одновременно Александру и Арію. Оно имъ было доставлено его вѣрнымъ совѣтникомъ по церковнымъ дѣламъ, Осіемъ, епископомъ кордубскимъ, который послѣдовалъ за нимъ на Востокъ. Въ трогательныхъ выраженіяхъ императоръ настоятельно просилъ ихъ придти къ соглашенію и вернуть такимъ образомъ миръ Церкви и спокойствіе государю.

По тому, какъ Константинъ брался за дѣло, можно тотчасъ признать въ немъ государственнаго человѣка, благорасположеннаго къ христіанской религія, желавшаго даже, чтобы всѣ ее приняли и достигли такимъ образомъ нравственнаго единства (онъ ясно это высказалъ), но неспособнаго интересоваться метафизическими вопросами. Христіанство, въ которомъ правительство въ данное время нуждалось, было для императора религіей Верховнаго

---

[1]) Eusebius, *Vita Const.*, I. 61.
[2]) Надо разумѣть здѣсь Сирію и Египетъ.
[3]) Притч. Солом. VIII, 22.

Существа (*summa divinitas*), получившей для себя конкретное выраженіе въ вѣрѣ во Христа какъ носителя откровенія и Спасителя и въ соблюденіи религіозныхъ и нравственныхъ правилъ, внушаемыхъ церковью во имя Его. Что же касается до мудрствованій о *summa divinitas*, о таинственномъ отношеніи Верховнаго Божества ко Христу, то это могло бы служить предметомъ изслѣдованія для частныхъ лицъ; по этимъ вопросамъ можно было бы держаться различныхъ мнѣній, но зачѣмъ было высказывать ихъ публично и особенно съ той настойчивостью, которая возбуждаетъ протестъ и порождаетъ распри? [1]) Государство могло интересоваться подобными предметами, лишь поскольку они касались общественнаго порядка.

Осій, человѣкъ практичный, можетъ-быть, въ сущности раздѣлялъ мнѣніе императора. Однако, когда онъ прибылъ на мѣсто, то скоро убѣдился, что увѣщаніе императора будетъ не въ силахъ успокоить взволнованные умы. Можетъ-быть, оно имѣло бы успѣхъ на Западѣ, гдѣ интересъ къ богословію былъ очень ограниченъ. Но съ греками-мыслителями, говорунами и спорщиками, было совсѣмъ другое дѣло. Вопросъ уже нельзя было замять: его нужно было разрѣшить.

Однако пребываніемъ Осія воспользовались, чтобы покончить съ нѣкоторыми мѣстными дѣлами. Безъ сомнѣнія, въ это время состоялось осужденіе Коллуѳа, и его рукоположенія были объявлены недѣйствительными. Во всякомъ случаѣ таковымъ было признано посвященіе нѣкоего Исхира, который впослѣдствіи появляется снова и производитъ нѣкоторый шумъ [2]).

По возвращеніи въ Никомидію, Осій освѣдомилъ императора о положеніи дѣлъ, и послѣдній рѣшился созвать большой соборъ, который, по мнѣнію обоихъ, долженъ былъ внести умиротвореніе.

Не одно только дѣло Арія возбуждало смуты. Существовалъ еще египетскій расколъ Мелитія и разногласіе въ опредѣленіи времени празднованія пасхи. Оно заключалось въ слѣдующемъ [3]).

---

[1]) Замѣтьте въ посланіи императора слѣдующее любопытное сравненіе: „Сами философы (принадлежащіе къ одной школѣ) всѣ сходятся на опредѣленной точкѣ зрѣнія (δόγμα); если они расходятся въ рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ, то это разногласіе не мѣшаетъ ихъ согласію въ существенномъ“. (Eusebius, *Vita Const.*, II, 71).

[2]) Athanasius, *Apol. c. Ar.*, 74. По свидѣтельству Сократа, III, 7., съ Осіемъ обсуждали тогда вопросы о существѣ и ипостаси, по поводу савелліанъ и ихъ ученія.

[3]) См. мою статью *La question de la Pâque au concile de Nicée* въ *Revue des questions historiques*, T. XXVIII (1880), p. 1.

Споръ между римской и азійскими церквами, имѣвшій мѣсто во времена папы Виктора, разрѣшился въ пользу римскаго обычая. Всѣ были согласны, что воспоминаніе воскресенія Христова должно праздноваться въ первое воскресенье послѣ еврейской пасхи. Въ Антіохіи евреямъ предоставлялась забота опредѣлять срокъ 14 нисана, т. е. полнолунія, съ которымъ былъ связанъ праздникъ. Мѣсяцъ нисанъ былъ первымъ луннымъ мѣсяцемъ; онъ могъ падать на разное время, въ зависимости отъ того, состоялъ ли предшествующій годъ изъ 12 или 13 мѣсяцевъ. Послѣдній вопросъ рѣшался еврейскими властями, по ихъ методамъ. Въ Александріи не обращали никакого вниманія на евреевъ и разсчитывали время пасхи сами; неустойчивость перваго луннаго мѣсяца была устранена особымъ правиломъ, въ силу котораго праздникъ долженъ былъ имѣть мѣсто не только послѣ полнолунія, но и весенняго равноденствія, падавшаго на 21 марта. Такъ какъ евреи,—въ то время по крайней мѣрѣ,—не считались съ равноденствіемъ, то отсюда получалось, что ихъ 14 нисана могло оказаться на мѣсяцъ раньше александрійскаго, и что антіохійская церковь, которая его принимала, въ праздновaніи пасхи могла въ свою очередь оказаться на мѣсяцъ впередъ отъ великой египетской митрополіи. Оба соперничавшіе между собой разсчета имѣли сторонниковъ и,—какъ ни странно это можетъ показаться,—сторонниковъ страстныхъ.

Большіе соборы не были новостью для восточнаго епископата [1]).

---

[1]) Акты Никейскаго собора, если они и были составлены, не дошли до насъ. Только разсказъ Евсевія (*Vita Const.* III, 22) принадлежитъ очевидцу, присутствовавшему на соборѣ. Евстаѳій Антіохійскій (Theodoret., I, 7) и Аѳанасій (особенно *De decretis Nicaenis* и *Ep. ad Afros*), тоже присутствовавшіе на соборѣ, сообщаютъ лишь нѣсколько подробностей. Во времена императора Зинона (476—491) нѣкто Геласій, родомъ изъ Кизика, составилъ въ Виѳиніи исторію собора, въ которую внесъ извѣстное количество оффиціальныхъ документовъ. Повѣствовательная часть его сборника заимствована у Евсевія, у Руфина (изъ его греческаго перевода, сдѣланнаго другимъ Геласіемъ), у Сократа и у Ѳеодорита. Эти авторы (за исключеніемъ Руфина) доставили ему много документовъ; извѣстное количество ихъ онъ заимствовалъ также изъ ранѣе существовавшаго сборника, составленнаго однимъ пресвитеромъ, Іоанномъ, о которомъ другихъ свѣдѣній мы не имѣемъ. Кромѣ того въ его распоряженіи имѣлись извлеченія, сдѣланныя имъ самимъ во время пребыванія въ Кизикѣ, изъ книги, принадлежавшей Далматію, епископу этого города (члену Ефесскаго собора въ 431); книга эта была вымышленнымъ произведеніемъ, выдававшимъ себя за точное воспроизведеніе разговоровъ между различными философами и членами собора. См. объ этомъ предметѣ Gerhard Loeschcke, *Das Syntagma des Gelasius Cyzicenus*, трудъ, напечатанный въ *Reinisches Museum*, 1905, 1906; авторъ слишкомъ благосклоненъ къ Геласію и книгѣ Далматія. Сочиненіе Геласія раздѣлялось на три книги. Первыя двѣ находятся въ греческой патрологіи Миня (Migne, T. LXXXV, p. 1192—1344); за третьей книгой, изъ которой Mai (*Spic. Rom.*, T. VI, p. 603) приводитъ только оглавленіе и нѣсколько

Ихъ состоялось немало въ серединѣ III вѣка и послѣ въ Антіохіи и другихъ мѣстахъ, куда стекались епископы изъ восточной части Малой Азіи и сирійскихъ провинцій. Александрія въ свою очередь видала отъ времени до времени собранія египетскаго и ливійскаго епископата. Одинъ изъ этихъ мѣстныхъ соборовъ былъ созванъ какъ-разъ по дѣлу Арія. Однако эти двѣ группы никогда не сходились вмѣстѣ, никогда „Восточные" епископы не совѣщались съ египетскими. На этотъ разъ составъ собора былъ гораздо шире. Къ египетскимъ и восточнымъ епископамъ присоединились епископы со всей Малой Азіи, а также изъ прежней провинціи (а нынѣ діэцеза) Асіи, изъ Каппадокіи, Понта и Галатіи. Забосфорскія провинціи были также представлены, хотя въ меньшей пропорціи. Еще малочисленнѣе было представительство отъ латинскихъ странъ. На соборѣ присутствовали: одинъ епископъ изъ Паннонін, одинъ изъ Галліи,—дійскій, одинъ епископъ изъ Калабріи, епископъ карѳагенскій, наконецъ, Осій кордубскій, котораго можно разсматривать въ качествѣ представителя испанскаго епископата, и два римскихъ пресвитера, посланныхъ папой Сильвестромъ. Не было страны до самыхъ крайнихъ границъ по направленію къ Черному морю и Персіи, изъ которой не прибыло бы нѣсколькихъ епископовъ. Такимъ образомъ въ Никеѣ увидѣли епископа питіонтскаго съ Кавказа, епископа Босфорскаго царства [1]), двухъ епископовъ изъ Великой Арменіи; наконецъ, епископа изъ царства Персидскаго.

Точное число членовъ Никейскаго собора не было сначала установлено по оффиціальнымъ документамъ. Евсевій кесарійскій [2]), принимавшій участіе въ этомъ соборѣ, говоритъ, что ихъ было болѣе 250; другой членъ собора, Евстаѳій антіохійскій [3]), гово-

---

ничтожныхъ отрывковъ, слѣдуетъ обращаться къ Ceriani, *Monum. Sacra et profana*, T. I, p. 129. То, что даетъ Минь въ качествѣ третьей книги, состоитъ изъ трехъ писемъ Константина, изъ которыхъ первое дѣйствительно извлечено изъ этой книги, какъ показываетъ ея оглавленіе, приводимое Маи, и ея изданіе, выпущенное Ceriani. Повидимому, эта книга была полнѣе (ср. Photius *cod.* 88) и могла такимъ образомъ включать въ себя и два другихъ письма. Что же касается до никейскихъ подписей, имѣющихся въ неодинаковыхъ рецензіяхъ на разныхъ языкахъ (*Patrum Nicaenorum nomina* ed. Teubner [Gelzer, Hilgenfeld, Cuntz] 1908), то онѣ въ концѣ-концовъ извлечены не непосредственно изъ актовъ, но изъ какого-то сочиненія, гдѣ онѣ были расположены въ географическомъ порядкѣ. Работу эту, повидимому, слѣдуетъ отнести къ концу IV вѣка.

1) Это, безъ сомнѣнія, Скиѳія, о которой говоритъ Евсевій, *Vita Const.*, III, 7.

2) *Vita Const.*, III, 8.

3) *In Prov.*, VIII, 22 (Theodoret., I, 7).

ритъ о 270, Константинъ насчитываетъ свыше 300 [1]); та же цифра показана у Аѳанасія, у папы Юлія, у Люцифера кагліарійскаго. Современемъ ее немного увеличили, чтобы достигнуть символическаго числа 318, — числа слугъ Авраама, принимавшихъ участіе въ его борьбѣ съ союзными царями [2]); въ такомъ видѣ оно и установилось въ преданіи. Списки, дошедшіе до насъ, приводятъ лишь 220 именъ, изъ которыхъ четырнадцать принадлежатъ хореипископамъ. Возможно, что эти списки неполны, и что въ нихъ не сохранились главнымъ образомъ наименованія епископскихъ каѳедръ, замѣстители которыхъ прислали своими представителями пресвитеровъ или другихъ членовъ клира; исключеніе составляетъ римская церковь [3]).

Весной 325 года всѣ эти люди устремились кто на колесницахъ императорской почты, кто на верховыхъ животныхъ, предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе императоромъ, къ мѣсту собранія, въ городъ Никею, въ Виѳиніи, находившійся по сосѣдству съ императорской резиденціей, Никомидіей.

Эти духовные сановники обладали различной степенью образованія. Самымъ ученымъ былъ, конечно, Евсевій кесарійскій. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ Александръ, Евстаѳій антіохійскій, Маркеллъ анкирскій, извѣстны намъ по произведеніямъ, направленнымъ противъ аріанъ; вопросы эти, обсуждавшіеся уже въ теченіе нѣскольких лѣтъ, конечно, были хорошо знакомы большинству. Нѣкоторые, какъ Леонтій изъ Кесаріи Каппадокійской и Іаковъ нисивійскій, славились своими добродѣтелями. Но съ наибольшимъ интересомъ указывали другъ-другу на исповѣдниковъ великаго гоненія: Павла изъ Неокесаріи въ Сиріи съ его обгорѣвшими руками, на Амфіона епифанскаго, на египтянъ Пафнутія и Потамона, окривѣвшихъ и хромыхъ со времени пребыванія на рудникахъ. Если это многолюдное собраніе возбуждало любопытство вѣрующихъ и даже язычниковъ, то оно должно было производить неменьшее впечатлѣніе и на самихъ участниковъ его. Впервые

---

1) Посланіе къ александрійской церкви, Socrat., I, 9.

2) Бытіе. XIV, 14.

3) Великій авторитетъ перваго вселенскаго собора сдѣлалъ его предметомъ легендъ. Съ конца IV вѣка о немъ разсказывались болѣе или менѣе сомнительныя вещи, которыя уже въ слѣдующемъ столѣтіи заняли мѣсто въ историческихъ трудахъ. Частные законодатели, которымъ мы обязаны столькими апокрифическими книгами каноническаго характера, сначала прикрывалась мнимымъ авторитетомъ апостоловъ (См. Т. I, стр. 358—359), теперь же они стали ссылаться также и на авторитетъ 318 отцовъ.

церковь производила такой смотръ личному составу, стоявшему во главѣ ея управленія.

Хотя Евсевій былъ въ этомъ дѣлѣ очевидцемъ и дѣйствующимъ лицомъ, онъ почти не сообщаетъ намъ о немъ никакихъ подробностей. Что его особенно поразило, такъ это первое императорское засѣданіе и парадный обѣдъ, который былъ предложенъ Константиномъ членамъ собора.

Въ одной изъ большихъ залъ дворца по правой и лѣвой сторонѣ были разставлены скамьи; епископы размѣстились на нихъ и ожидали. Вскорѣ появилось нѣсколько христіанскихъ военачальниковъ, а за ними императоръ, облеченный въ пурпуръ и пышныя одежды, которыя въ то время носили. Это былъ торжественный моментъ встрѣчи между главой римскаго государства и представителями христіанскихъ общинъ, столь долго и столь жестоко гонимыхъ. Теперь черные дни миновали: Галерій, Максиминъ, Ликиній,—всѣ враги Христа сошли въ могилу. Память о нанесенныхъ ими ударахъ была еще жива, и между присутствовавшими не одинъ носилъ на себѣ слѣды ихъ. Теперешній императоръ, могущественный государь, въ теченіе двадцати лѣтъ защищавшій границу отъ варваровъ и только-что вернувшій единство имперіи и державшій всю ее въ своихъ рукахъ, былъ возстановителемъ религіозной свободы, болѣе того — покровителемъ и другомъ христіанъ.

Константинъ занялъ мѣсто въ верхнемъ концѣ залы. Ближайшій къ нему епископъ справа [1]), быть-можетъ Евсевій кесарійскій, или епископъ антіохійскій, имѣвшій болѣе высокое положеніе по занимаемой каѳедрѣ, произнесъ рѣчь и выразилъ чувства, одушевлявшія собраніе. Императоръ отвѣчалъ по латыни, и отвѣтъ его былъ тотчасъ же переведенъ на греческій языкъ [2]), послѣ чего начались пренія. Императоръ слѣдилъ за ними со вниманіемъ и иногда принималъ въ нихъ участіе.

---

[1]) Евсевій не называетъ его по имени. Составитель надписаній къ главамъ его Жизни Константина (III, 11) полагалъ, что рѣчь идетъ о самомъ епископѣ кесарійскомъ; Ѳеодоритъ (I, 6) называетъ Евстаѳія антіохійскаго. Осій, какъ принадлежавшій къ приближеннымъ императора, мало подходилъ для такого привѣтствія. Епископъ антіохійскій предсѣдательствовалъ на Анкирскомъ и Неокесарійскомъ соборахъ; естественно допустить, что онъ предсѣдательствовалъ и на Никейскомъ. Права первенства еще не были хорошо установлены: позднѣе на такихъ собраніяхъ Александрія занимала первое мѣсто, принадлежавшее прежде Антіохіи. Въ настоящій моментъ Антіохія была резиденціей комита Востока, игравшаго роль какъ бы вице-императора, отъ котораго зависѣлъ Египетъ какъ и Сирія.

[2]) Евсевій, *Vita Const.*, III, 12, сохранилъ намъ рѣчь императора.

Между засѣданіями соборъ былъ приглашенъ императоромъ къ участію въ торжествахъ по случаю двадцатилѣтія его царствованія. Евсевій кесарійскій произнесъ при этомъ краснорѣчивый панегирикъ. Императоръ устроилъ для епископовъ большой пиръ. По пути ихъ слѣдованія гвардія отдавала имъ честь оружіемъ; исповѣдники видѣли, какъ прежде, сверканіе стальныхъ мечей, но болѣе не страшились ихъ. Нѣкоторые спрашивали себя, не сонъ ли это, и не наступило ли уже царство Христово.

Внѣ этихъ торжествъ шла работа собора. Дѣло Арія было пущено въ первую очередь. Вопросъ шелъ о томъ, остается ли въ силѣ приговоръ, произнесенный противъ него александрійскимъ епископомъ. Вынужденные защищаться, Арій и его сторонники высказались очень откровенно, такъ что Александру было совсѣмъ нетрудно доказать обоснованность своего рѣшенія. Поддержка, оказанная александрійскому пресвитеру епископомъ никомидійскимъ и прочими его сторонниками, нисколько ему не помогла. Немногіе изъ собравшихся были расположены хладнокровно выслушивать рѣчи въ родѣ слѣдующихъ: „Было время, когда Сына Божія не было; Онъ созданъ изъ ничего; Онъ—тварь и существо, подверженное измѣненію. и т. д.“ Приговоръ Александра не только былъ оставленъ въ силѣ, но и подтвержденъ. Осужденные упорствовали, и не было возможности обратить кого-либо изъ нихъ.

Вслѣдъ за этимъ былъ разсмотрѣнъ другой вопросъ египетской церкви,—дѣло Мелитія и его раскола. Соборъ призналъ Мелитія виновнымъ въ самыхъ серьезныхъ проступкахъ; тѣмъ не менѣе, желая достигнуть умиротворенія, чему, очевидно, очень благопріятствовалъ императоръ, онъ остановился на соглашеніи, въ силу котораго мелитіанскій клиръ оставался при исполненіи своихъ обязанностей и сливался съ клиромъ Александра, но въ подчиненіи у послѣдняго. Однако въ случаѣ смерти епископа, рукоположеннаго Александромъ, его мѣсто могъ занять епископъ, поставленный Мелитіемъ, но при условіи законности выборовъ и одобренія александрійскаго митрополита. Что же касается Мелитія, то въ виду его личной виновности ему оставили лишь званіе епископа съ рѣшительнымъ запрещеніемъ всякой пастырской дѣятельности.

Къ Мелитію отнеслись такъ снисходительно не по внушенію Аѳанасія. Онъ хорошо зналъ этихъ людей и предвидѣлъ, что они будутъ вновь служить причиной жалобъ. События оправдали это мнѣніе.

Что же касается опредѣленія времени пасхи, то епископъ антіохійскій и его восточные отцы согласились сообразоваться съ александрійскимъ обычаемъ и праздновать пасху одновременно съ прочими церквами.

Постановленія эти были сообщены заинтересованнымъ церквамъ не только соборомъ, но и императоромъ [1]). Послѣдній принялъ на себя спеціальную задачу—добиваться отъ отколовшихся ихъ возвращенія къ каѳолическому единству.

Кромѣ этого въ виду раздѣленій, вызванныхъ дѣломъ Арія въ епископатѣ, было признано необходимымъ придти къ соглашенію относительно единой формулы, которая, всѣми признанная, послужила бы препятствіемъ къ возобновленію богословскихъ заявленій, возбудившихъ жалобы. Единственнымъ изложеніемъ вѣры, признававшимся въ то время церковью, служилъ крещальный символъ, возникшій въ Римѣ, но уже съ тѣхъ давнихъ временъ, когда онъ сталъ распространяться, подвергшійся тамъ и здѣсь различнымъ видоизмѣненіямъ. Евсевій кесарійскій рѣшилъ воспользоваться случаемъ, чтобы съ этой стороны вознаградить себя за пораженіе, понесенное покровительствуемыми имъ египтянами; онъ предложилъ собранію текстъ, употреблявшійся въ его церкви. По его словамъ, символъ этотъ въ принципѣ приняли, такъ какъ въ въ немъ не было ничего неправильнаго. Но такъ какъ въ тѣхъ особыхъ пунктахъ, которые оспаривались, онъ былъ безусловно неясенъ, то его измѣнили, внеся нѣкоторыя добавленія и вычеркнувъ нѣсколько ненужныхъ словъ. Знаменитый Никейскій символъ былъ формулированъ слѣдующимъ образомъ [2]):

„Вѣруемъ во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца всего видимаго и невидимаго. И во единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія, рожденнаго отъ Отца, единороднаго [3]), т. е. изъ сущности Отца, Бога отъ Бога, свѣта отъ свѣта, Бога истиннаго отъ Бога истиннаго, рожденнаго, несотвореннаго, единосущнаго Отцу, которымъ все создано; ради насъ, людей, и нашего ради спасенія

---

1) Посланіе собора къ александрійской церкви, Ἐπειδὴ τῆς τοῦ θεοῦ, Socrat., I, 9; Theodoret, I, 8; Gelasius, II, 34; посланіе Константина къ александрійской церкви, *Χαίρετε ἀγαπητοί*, Socrat, I, 9; Gelasius, II, 37; посланіе Константина къ Восточнымъ, Πεῖραν λαβών, Eusebius, *Vita Const.*, III, 17—20; Socrat. I, 9; Theodor., I, 9.

2) По разсказу св. Василія, *Ep.* 81 (ср. 244, 9), редакція его была поручена Гермогену, впослѣдствіи епископу Кесаріи Каппадокійской. То былъ, вѣроятно, пресвитеръ или діаконъ этой церкви, подобно Аѳанасію сопутствовавшій своему епископу на соборъ.

3) γεννηθέντα μονογενῆ.

сошедшаго, воплотившагося, вочеловѣчившагося, страдавшаго, воскресшаго въ третій день, восшедшаго на небеса и грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ. И въ Духа Святаго".

„Что же касается тѣхъ, которые говорятъ: Было время, когда Его не было; Его не было прежде, чѣмъ Онъ родился; Онъ былъ созданъ изъ ничего или изъ другой ипостаси или сущности [1]); Сынъ Божій — существо сотворенное, измѣняемое, преложимое,— то на нихъ каѳолическая церковь произноситъ анаѳему".

Кромѣ этого символа соборъ установилъ извѣстное число церковныхъ правилъ, формулированныхъ имъ въ двадцати канонахъ.

Внутреннія потрясенія предшествующаго столѣтія оставили на Востокѣ слѣды, которые соборъ постарался изгладить. Новаціане встрѣчались понемногу всюду въ Малой Азіи; въ Антіохіи а, бытьможетъ, и въ другихъ мѣстахъ, существовали павліанисты, приверженцы ученія Павла самосатскаго. По отношенію къ первымъ соборъ взялъ весьма примирительное направленіе (пр. 8). Онъ предписалъ допускать ихъ въ общеніе при условіи простого обязательства признавать каѳолическіе догматы и не порывать общенія съ двоеженцами [2]) и раскаявшимися отступниками. Ихъ клиръ былъ оставленъ при исполненіи своихъ обязанностей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отсутствовалъ каѳолическій клиръ; тамъ же, гдѣ онъ существовалъ, оба клира должны были слиться. Что же касается павліанистовъ (пр. 19), то ихъ крещеніе было объявлено недѣйствительнымъ, и по отношенію къ нимъ было введено перекрещиваніе. Также и клирики ихъ, чтобы продолжать исполненіе своихъ обязанностей (что соборъ призналъ возможнымъ), должны были получить новое рукоположеніе.

Гоненіе Ликинія было еще свѣжо въ памяти; нѣсколько правилъ (11—14) было посвящено различнымъ случаямъ примѣненія покаянной дисциплины, вызваннымъ этимъ гоненіемъ. По отношенію къ клиру соборъ воспретилъ посвящать добровольныхъ скопцовъ (пр. 1), новообращенныхъ (пр. 2), кающихся (пр. 9, 10); запретилъ пресвитерамъ и епископамъ переходить изъ одной церкви въ другую [3]) (пр. 15, 16), всѣмъ клирикамъ вообще заниматься ростовщиче-

---

[1]) *ἐξ ἑτέρας ὑποστάσεως ἢ οὐσίας.*

[2]) Здѣсь, разумѣется, рѣчь идетъ о послѣдовательномъ двоеженствѣ, о второмъ бракѣ, а не объ одновременномъ двоеженствѣ.

[3]) Это касалось епископовъ никомидійскаго и антіохійскаго, перемѣстившихся одинъ изъ Верита, другой изъ Веріи; но законъ не имѣлъ обратнаго дѣйствія.

ствомъ (пр. 17) и давать у себя пріютъ женщинамъ, которыя могли бы возбуждать подозрѣніе (пр. 3). Было узаконено, чтобы епископы въ каждой провинціи поставлялись всѣми ихъ сотоварищами, чтобы отсутствовавшіе вслѣдствіе какихъ-либо препятствій по крайней мѣрѣ изъявляли свое согласіе и чтобы поставленіе было утверждаемо епископомъ главнаго города,—митрополитомъ (пр. 4). Епископамъ запрещалось принимать и особенно повышать въ санѣ клириковъ, покинувшихъ свои церкви (пр. 16), а также возстановлять въ правахъ лицъ, отлученныхъ ихъ собратьями. Такъ какъ въ этомъ случаѣ возможны были жалобы на постановленія епископовъ, то епископы каждой провинціи приглашались собираться дважды въ годъ на соборъ для разсмотрѣнія апелляцій (пр. 5).

Издавая свои правила объ отношеніи между провинціальными епископами, соборъ не думалъ отступать отъ того, что уже было освящено обычаемъ. Онъ оставилъ безъ измѣненія положеніе, занимаемое александрійскимъ епископомъ [1]) по отношенію къ церквамъ всего Египта, Ливіи и Пентаполя, для которыхъ онъ былъ непосредственнымъ начальникомъ; кромѣ него здѣсь не было другого митрополита. Древніе обычаи Антіохіи и другихъ церквей были также сохранены; епископу элійскому въ свою очередь были оставлены его традиціонныя преимущества, не въ ущербъ однако правамъ кесарійскаго митрополита (пр. 6, 7).

Таково было законодательство Никейскаго собора [2]), — законодательство, не носившее синтетическаго характера и совершенно случайное, какъ вообще законодательство соборовъ, не дававшее общихъ правилъ для церковныхъ отношеній, а просто разрѣшавшее извѣстное число сомнительныхъ случаевъ, на которые было обращено вниманіе членовъ собранія. До сихъ поръ жили или по незаписанному преданію, или руководствуясь сборниками сомнительной подлинности, прикрывавшимися авторитетомъ апостоловъ или ихъ учениковъ. Эльвирскій и Арльскій соборы ни-

---

[1]) Здѣсь соборъ ссылается на римскій обычай: *ἐπειδὴ καὶ τῷ ἐν τῇ Ῥώμῃ ἐπισκόπῳ τοῦτο συνηθές ἐστιν* (такъ какъ это обычно и римскому епископу). Дѣйствительно, въ то время папа распространялъ свою митрополичью власть на всѣхъ италійскихъ епископовъ. Въ нѣкоторыхъ латинскихъ переводахъ это правило приведено съ большей точностью; оно ограничиваетъ юрисдикцію папы, какъ митрополита, *suburbicaria loca* (пригородными мѣстами), т. е. церквами, которыя не относились къ округамъ Милана и Аквилеи, учрежденнымъ послѣ Никейскаго собора.

[2]) Чтобы ничего не упустить, упомянемъ еще о двухъ правилахъ: противъ превышенія власти діаконовъ (пр. 18) и противъ обычая молиться на колѣняхъ въ воскресеніе и во время пятидесятницы (пр. 20).

когда не были приняты на Востокѣ; Анкирскій и Неокесарійскій довольно долго дожидались своего признанія на Западѣ; постановленія же Никейскаго собора были повсюду приняты съ первой минуты и повсюду поставлялись на первое мѣсто среди подлинныхъ документовъ церковнаго права.

Правила, касающіяся дисциплины, повидимому, не возбудили особо оживленныхъ преній. Иначе было съ символомъ. Точность отрицательныхъ положеній, которыми онъ заканчивался, и нѣкоторыя выраженія, какъ „рожденный изъ сущности Отца, истинный Богъ, рожденный и несотворенный, единосущный Отцу", всецѣло исключали аріанское ученіе. Сторонники Арія, вышедшіе изъ школы Лукіана, какъ Евсевій никомидійскій, или изъ числа присоединившихся оригенистовъ, какъ Евсевій кесарійскій, не могли подписаться подъ такимъ исповѣдываніемъ, не отступивъ отъ своихъ принциповъ. Они всячески придирались къ слову *единосущный*, выдвигая противъ него то, что оно не содержится въ священномъ писаніи и было отвергнуто Антіохійскимъ соборомъ во времена Павла самосатскаго. На это православные отвѣчали, что древніе и уважаемые авторы, какъ Ѳеогностъ, Оригенъ и въ особенности оба Діонисія,—александрійскій и римскій,—употребляли спорное слово, взятое правда, не изъ писанія, но хорошо выражающее мысль, которую желательно было провести. Послѣдній пунктъ допускалъ возраженія, потому что само по себѣ слово единосущный не отличалось ясностью и дѣйствительно не всегда употреблялось въ одномъ и томъ же смыслѣ [1]). Но въ символѣ этимъ словомъ хотѣли выразить, что Сынъ Божій отнюдь не принадлежитъ къ категоріи тварей и что, какова бы ни была тайна Его рожденія, существо Его воистину божественно. Это и обозначаетъ формула „рожденный изъ сущности Отца", ἐκ τῆς τοῦ Πατρὸς οὐσίας, которая исчезла въ нынѣ принятомъ текстѣ, потому что въ дѣйствительности составляетъ повтореніе даннаго въ терминѣ ὁμοούσιος. Аѳанасій, для котораго весьма обычна формула ἐκ τῆς τοῦ Πατρὸς οὐσίας, въ собственномъ изложеніи рѣдко употребляетъ слово единосущный. Безъ сомнѣнія, не онъ и не его епископъ подсказали его собору. Скорѣе оно было предложено римскими легатами. Въ Римѣ дѣйствительно слово это было въ обиходномъ и оффиціальномъ употребленіи; за шестьдесятъ лѣтъ

---

[1]) Когда, напримѣръ, говорятъ, что Христосъ, единосущный Отцу по божественной природѣ, единосущенъ намъ по человѣчеству.

до Никейскаго собора тамъ упрекали Діонисія александрійскаго за его колебаніе пользоваться имъ [1]). Начиная съ Зефирина и Каллиста, римская церковь всегда была болѣе озабочена сохраненіемъ абсолютнаго монотеизма и абсолютной божественности Христа, чѣмъ разработкой системъ для примиренія этихъ двухъ положеній. Эту главную заботу раздѣляли и модалисты; все, что было на соборѣ склоннаго къ савелліанству, уже заранѣе было обезпечено за нимъ, и въ томъ числѣ особенно слѣдуетъ отмѣтить Маркелла анкирскаго, о которомъ вскорѣ придется говорить. Такіе сторонники единосущія, надо откровенно признаться, мало способствовали тому, чтобы зарекомендовать это ученіе передъ людьми, которые со временъ Оригена непрестанно боролись противъ модализма.

Итакъ, ὁμοούσιος былъ принятъ не безъ колебаній; онъ, скорѣе былъ навязанъ, чѣмъ признанъ. Осій энергично его проводилъ; то же слѣдуетъ сказать объ епископахъ александрійскомъ и антіохійскомъ. Императоръ далъ понять, что онъ дорожитъ имъ. Для многихъ это явилось главнымъ аргументомъ. Противодѣйствіе ослабѣло; уступили даже Евсевій кесарійскій, даже епископы никомидійскій и никейскій, какъ и вся лукіанистская партія; всѣ подписались, кромѣ двухъ ливійцевъ, Ѳеоны и Секунда, не захотѣвшихъ отдѣлиться отъ своей партіи. Полиція приняла мѣры, чтобы водворить ихъ въ Иллирикъ вмѣстѣ съ Аріемъ и его александрійскими сторонниками [2]).

Составить себѣ понятіе о томъ, какъ ихъ вчерашніе покровители объясняли обществу свою внезапную перемѣну, можно, читая жалкое и мало искреннее посланіе, которое епископъ кесарійскій не замедлилъ написать къ своей церкви. Аѳанасій, по справедливости не питавшій къ нему ни малѣйшаго доброжелательства, позаботился передать этотъ документъ потомству, приложивъ его къ труду О постановленіяхъ Никейскаго собора, изданному имъ впослѣдствіи. Письмо должно было весьма тяготить совѣсть его автора. Однако Евсевій не посмѣлъ проявить возмущенія: онъ ждалъ подходящей минуты, чтобы отыграться.

Евсевій никомидійскій и Ѳеогній никейскій проявили меньше осторожности. На соборѣ они счастливо отдѣлались, хотя императоръ, принимая во вниманіе ихъ отвѣтственность въ смутѣ,

---

1) Т. I, стр. 326.
2) Philostorgius, *Supp.* (Migne. *P. G.*, T. LXV, p. 623).

хотѣлъ поступить съ ними какъ съ Аріемъ и прочими. Удовольствовались тѣмъ, что заставили ихъ дать подписи. Но чувства ихъ не измѣнились. Вскорѣ они это и обнаружили. Соборныя постановленія повлекли за собой въ Александріи репрессивныя мѣры, которыя вызвали много протестовъ. „Одни египтяне среди общаго мира, — пишетъ Евсевій, — продолжали разрывать другъ-друга“ [1]). Какъ донатисты послѣ Арльскаго собора, осужденные, аріане и мелитіане начали вновь безпокоить императора. Константинъ и на этотъ разъ взялъ на себя роль посредника, вызвалъ къ себѣ главарей партіи и приложилъ стараніе къ ихъ примиренію. Евсевій и Ѳеогній воспользовались случаемъ, приняли отлученныхъ, какъ нѣкогда Арія, и открыто встали на ихъ защиту. Но это было уже слишкомъ. Императоръ не могъ допустить, чтобы вновь разжигали смуту, съ такимъ трудомъ погашенную; къ тому же у него были свои счеты съ Евсевіемъ, о которомъ было извѣстно, что онъ не такъ давно проявлялъ слишкомъ большую привязанность къ Ликинію. Онъ велѣлъ схватить обоихъ епископовъ и отправилъ ихъ въ Галлію, а затѣмъ написалъ посланіе къ ихъ церквамъ, приглашая ихъ избрать для себя новыхъ предстоятелей [2]), что и было ими исполнено. Епископъ лаодикійскій, въ Сиріи, Ѳеодотъ, открытый аріанинъ, держалъ, повидимому, рѣчи, противныя никейскому исповѣданію. Императоръ написалъ письмо также и ему, съ цѣлью показать на примѣрѣ Евсевія и Ѳеогнія, каковы могли быть послѣдствія его поведенія.

Константинъ утвердился на томъ, чтобы не поступаться постановленіями собора. То былъ его собственный соборъ; онъ присутствовалъ на немъ и даже немного имъ руководилъ; онъ съ рѣшимостью за него держался.

Итакъ, казалось, что все было кончено, и что остается лишь незначительная кучка протестующихъ, противъ которыхъ были обращены око и рука императорской полиціи. Однако въ дѣйствительности это было не такъ: настоящая борьба только теперь

---

[1]) Евсевій имѣетъ въ виду это дѣло, *Vita Const.* III, 23; общія выраженія, какія онъ употребляетъ, не позволяютъ разобраться, идетъ ли рѣчь объ аріанахъ или о мелитіанахъ, или объ обѣихъ партіяхъ одновременно. Та же неопредѣленность имѣетъ мѣсто и въ упомянутомъ выше письмѣ Константина. Въ послѣднее время изъ этого факта дѣлали весьма преувеличенное заключеніе о вторичной сессіи Никейскаго собора. Евсевій совсѣмъ не говоритъ о новомъ созывѣ епископата, но лишь о приглашеніи, обращенномъ къ „Египтянамъ“.

[2]) Посланіе къ никомидійской церкви сохранено у Ѳеодорита, I, 20, и у Геласія Кизикскаго, I, 10.

начиналась. Во второмъ вѣкѣ, послѣ нѣкоторой тревоги, гностическій кризисъ въ концѣ-концовъ самъ собою разрѣшился. Христіанство устранило болѣзнетворное начало простымъ отпоромъ сильнаго организма. Позднѣе модалистическое движеніе, взволновавъ до нѣкоторой степени церкви повсюду,—въ Азіи, въ Римѣ, въ Африкѣ, въ Киринаикѣ и Аравіи, — мало-по-малу угасло и локализировалось. Не потребовалось ни собора, ни императора, ни символовъ, ни подписей. Распря между Оригеномъ и его епископомъ, довольно рѣзкая вначалѣ, въ концѣ-концовъ сама собою улеглась. Въ дѣлѣ же Арія были пущены въ ходъ чрезвычайныя мѣры. Отъ этого въ результатѣ получилось лишь довольно краткое затишье, вслѣдъ за которымъ началась ужасная и братоубійственная война, раздѣлившая весь христіанскій міръ отъ Аравіи до Испаніи и прекратившаяся лишь по прошествіи шестидесяти лѣтъ, исполненныхъ соблазна, оставляя въ наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ зачатки расколовъ, отзывающихся на церкви и понынѣ.

ГЛАВА V.

Евсевій и Аѳанасій.

Евсевій кесарійскій, его ученость, его отношенія къ Константину.—Ὁμοούσιος послѣ Никейскаго собора. — Низложеніе Евстаѳія антіохійскаго. — Движеніе противъ Никейскаго символа вѣры. — Аѳанасій александрійскій. — Первыя столкновенія со сторонниками Мелитія и Арія.—Подчиненіе Арія и его возвращеніе изъ ссылки.—Новыя козни противъ Аѳанасія.—Тирскій соборъ.—Низложеніе Аѳанасія.—Его первое изгнаніе.—Смерть Арія.—Маркеллъ анкирскій, его ученіе, его низложеніе.—Сочиненія Евсевія кесарійскаго Противъ Маркелла.

Завязавъ сношенія съ восточными епископами, Константинъ могъ убѣдиться въ ихъ разрозненности, въ ожесточенности, съ какой среди нихъ велись споры, но также и въ томъ уваженіи, какое питали они къ его особѣ и его власти. Онъ не замедлилъ воспользоваться этимъ уваженіемъ, чтобы умиротворить умы, отклонить неосновательныя жалобы и привести все къ миру и согласію. Епископы Никейскаго собора были отпущены по домамъ не безъ нравоученія, потому что Константинъ былъ первый резонеръ въ своемъ государствѣ. Онъ имъ очень настойчиво посовѣтовалъ не раздирать другъ-друга распрями, въ особенности не притѣснять тѣхъ товарищей, которые выдавались своимъ знаніемъ, и смотрѣть на этотъ даръ немногихъ какъ на благо для всѣхъ.

Евсевій недаромъ отмѣтилъ эту подробность [1]), касавшуюся его очень близко. Императоръ тотчасъ же отличилъ этого великаго ученаго и справедливо смотрѣлъ на него какъ на украшеніе христіанскаго міра и епископата. Отъ него не ускользнуло, что авторитетъ кесарійскаго епископа пострадалъ отъ его неудачи на соборѣ, и, вѣроятно, до императора дошли дешевыя остроты, которыя отпускались насчетъ Евсевія. Онъ рѣшительно поддержалъ его своимъ благоволеніемъ.

Евсевій былъ цѣннымъ человѣкомъ. Онъ зналъ все: исторію библейскую и общую, древнюю литературу, философію, географію.

---

[1]) *Vita Const.*, III, 21.

лѣтосчисленіе, экзегетику. Въ своихъ главныхъ трудахъ — *Приготовленіе Евангельское* и *Доказательство Евангельское* — онъ выяснилъ христіанство образованнымъ читателямъ; своей *Хроникой* и *Исторіей Церкви* онъ создалъ для него лѣтопись; онъ защищалъ его противъ Порфирія и Іерокла. И въ преклонномъ возрастѣ онъ продолжалъ писать. Онъ составилъ толкованія на Исаію, на псалтирь, на другія книги. Понадобилось разобраться въ трудномъ вопросѣ о пасхѣ, въ которомъ переплетались экзегетика, обрядъ и астрономія, онъ явился къ услугамъ со своими объясненіями. Святая Земля начинала привлекать вниманіе; Евсевій, знавшій основательно и Палестину, и библію, объяснялъ имена мѣстностей и народовъ, упоминаемыхъ въ св. писаніи, описывалъ Іудею, возстановлялъ древнее расположеніе святого города. Онъ былъ мастеръ по части торжественныхъ рѣчей; это былъ неизбѣжный ораторъ въ важныхъ случаяхъ — для торжественнаго освященія церквей, для произнесенія похвальныхъ словъ императору. Къ нему же обращался императоръ, когда ему нуженъ былъ хорошій, безошибочный списокъ библіи. Однажды онъ у него потребовалъ сразу пятьдесятъ экземпляровъ для всѣхъ церквей Константинополя [1]).

Пользуясь высокимъ уваженіемъ государя, онъ не оставался въ долгу передъ нимъ и не скрывалъ своего восхищенія его личностью. Ему досталось много упрековъ за это, но напрасно: это былъ искренній и безкорыстный энтузіазмъ. Евсевій создалъ себѣ положеніе ранѣе Константина, и послѣдній только подкрѣпилъ его своимъ личнымъ уваженіемъ. Императоръ никогда не бывалъ въ Палестинѣ. Незамѣтно, чтобы Евсевій видѣлся съ нимъ въ другихъ случаяхъ, кромѣ Никейскаго собора (325) и тридцатилѣтняго юбилея (335). Кесарія была отдалена отъ Никомидіи, а епископъ былъ уже немолодъ, чтобы пускаться по всякому поводу въ дальній путь.

Годы, слѣдовавшіе за Никейскимъ соборомъ, были довольно печальны для него. Его неудача не давала ему покоя, да, по правдѣ сказать, и не онъ одинъ былъ мало удовлетворенъ никейскимъ символомъ. Понятіе ὁμοούσιος, навязанное римлянами, почти не имѣло сторонниковъ на Востокѣ, за исключеніемъ савелліанъ или лицъ, заподозрѣнныхъ въ сочувствіи имъ. Въ Египтѣ этотъ терминъ имѣлъ вполнѣ опредѣленный смыслъ: онъ означалъ, что

---

[1]) *Vita Const.*, IV, 36.

аріане—еретики, но кромѣ этого пункта всѣ объясненія его не блистали ясностью. На Востокѣ въ собственномъ смыслѣ онъ имѣлъ еще спеціальное значеніе: изъ него вытекало, что семьдесятъ или восемьдесятъ епископовъ, осудившихъ въ 268 г. Павла самосатскаго, ошиблись въ важномъ вопросѣ. Вслѣдствіе этого споры вскорѣ возобновились, несмотря на обѣщаніе согласія и скромности, данное съ обѣихъ сторонъ императору. Евсевій кесарійскій и его собратъ Евстаѳій антіохійскій обмѣнялись колкими письмами [1]), которыя нисколько не выяснили спорнаго вопроса, а только обострили его. Евстаѳій былъ великій и воинствующій противникъ Оригена. Это не могло снискать ему симпатій въ Кесаріи [2]). Въ антіохійскомъ клирѣ царила рознь. Дотолѣ епископскую каѳедру здѣсь занимали противники аріанства, но Антіохія была его истинной родиной; здѣсь находилась школа Лукіана. Его духовные потомки не всѣ были разбросаны по инымъ епископіямъ; нѣкоторые оставались и на мѣстѣ. Это обнаружилось, когда епископъ Евстаѳій, довольно рѣзкій на слово [3]), сдѣлался предметомъ споровъ. Распря, обострясь, привела къ самому ожесточенному столкновенію между евстаѳіанами и ихъ противниками. Враги взводили другъ на друга обвиненія въ савелліанствѣ и въ многобожіи. Евстаѳій упрекалъ кесарійскаго епископа въ измѣнѣ никейскому символу; тотъ возражалъ, что ничего подобнаго нѣтъ, и что, если Евстаѳій говоритъ это, то лишь потому, что онъ савелліанинъ.

Дѣло дошло до того, что понадобился соборъ. Неизвѣстно, кѣмъ былъ онъ созванъ. Онъ засѣдалъ въ Антіохіи и, какъ во времена Павла самосатскаго, вынесъ рѣшеніе противъ епископа этого большого города. Акты его до насъ не дошли; церковные писатели говорятъ о немъ различно [4]). Если вѣрить противникамъ, которые нашлись тамъ у Евстаѳія, онъ былъ осужденъ за свое

---

1) Сократъ разсказываетъ (I, 23), что видѣлъ епископскія письма на эту тему: *Ὡς δὲ ἡμεῖς ἐκ διαφόρων ἐπιστολῶν εὑρήκαμεν, ἃς μετὰ τὴν σύνοδον οἱ ἐπίσκοποι πρὸς ἀλλήλλους ἔγραφον, ἡ τοῦ ὁμοουσίου λέξις τινὰς διετάραττε.* (Какъ мы узнали изъ различныхъ писемъ, которыя послѣ собора епископы писали другъ къ другу, нѣкоторыхъ смущало слово единосущный). Бл. Іеронимъ (*De viris illustr.*, 85) знаетъ тоже о большомъ количествѣ писемъ Евстаѳія (*infinitae epistolae*).

2) См. сочиненіе Евстаѳія О чревовѣщательницѣ и о толкованіи Оригена на эту исторію. Ср. *Bulletin Critique*, t. VIII, p. 5.

3) Кромѣ сочиненія О чревовѣщательницѣ, отрывокъ, касающійся Никейскаго собора, дошедшій до насъ чрезъ Ѳеодорита (I, 7), даетъ намъ понятіе объ его стилѣ.

4) Сократъ жалуется здѣсь на епископовъ, которые, говоритъ онъ, низлагаютъ людей, какъ нечестивыхъ, не объясняя, въ чемъ состоитъ ихъ нечестіе.

ученіе, такъ какъ Киръ, его преемникъ по епископіи въ Веріи, взвелъ на него обвиненіе въ савелліанствѣ [1]). Писавшій столѣтіемъ позже Θеодоритъ говоритъ о женщинѣ, будто бы ложно обвинившей епископа въ томъ, что онъ ее соблазнилъ [2]). Аθанасій приводитъ другую причину: по его словамъ, Евстаθія обвинили передъ императоромъ въ томъ, что онъ оскорбилъ его мать. Въ этомъ могла быть доля истины. Елена посѣтила Востокъ при Евстаθіи. Было извѣстно, что она очень чтила память св. Лукіана, знаменитаго антіохійскаго пресвитера, тѣло котораго, брошенное въ море около Никомидіи, было отнесено теченіемъ—дельфиномъ, по словамъ легенды — какъ-разъ къ берегу Дрепана, гдѣ императрица родилась и, очевидно, имѣла помѣстье. Это былъ ея излюбленный мученикъ; она велѣла возвести въ честь его пышную базилику. Послѣ Лукіана въ Антіохіи остались воспоминанія, питавшія рознь: аріане очень почитали его, ихъ противники проявляли меньше почтенія къ нему. Возможно, что Евстаθій позволилъ себѣ по этому поводу какое-нибудь неосторожное выраженіе. Позднѣе св. Амвросій не стѣснялся говорить, что Елена была служанкой въ гостиницѣ *(stabularia)*; подъ этимъ подразумѣвалось весьма многое въ тѣ времена своеобразнаго пониманія гостепріимства. Во времена Константина было неблагоразумно вспоминать о такомъ прошломъ.

Я не желалъ бы утверждать, что соборъ именно въ этомъ нашелъ поводъ къ низложенію Евстаθія, а скорѣе былъ бы склоненъ объяснить церковный приговоръ мотивомъ, указаннымъ Георгіемъ лаодикійскимъ,—обвиненіемъ въ савелліанствѣ. Но дѣйствія Константина заставляютъ думать, что для него дѣло здѣсь шло не только о богословскомъ вопросѣ, и что до него дошли слова насчетъ его матери. Елена была императрица, *(Augusta)*; значитъ, было на-лицо оскорбленіе величества. Евстаθій былъ арестованъ и приведенъ на судъ императора, который, выслушавъ его защитительную рѣчь [3]), сослалъ его вмѣстѣ съ извѣстнымъ числомъ

---

[1]) Сократъ (I, 24) взялъ это у Георгія лаодикійскаго, извѣстнаго своимъ аріанствующимъ образомъ мыслей. Георгій повидимому, говоритъ это со словъ Евсевія емесскаго. Киръ самъ былъ низложенъ подъ тѣмъ же предлогомъ допущенной имъ неправильности ученія.

[2]) Theodoret (I, 20, 21). Соборъ принялъ это обвиненіе безъ иной провѣрки, кромѣ присяги женщины, которая позднѣе призналась, что ребенокъ у нея дѣйствительно родился отъ Евстаθія, но не епископа, а кузнеца. Все это очень подозрительно и похоже на легенду.

[3]) *Vita Const.* III, 39.

пресвитеровъ и діаконовъ сначала въ Траянополь во Θракіи, затѣмъ въ Филиппы. Вскорѣ послѣ этого Евстаθій умеръ [1]).

Не легко было найти ему преемника [2]). У Евстаθія было много сторонниковъ; были у него и заклятые враги, потому что онъ высказалъ большую строгость ко всѣмъ болѣе или менѣе явнымъ противникамъ осужденія Арія. Антіохія заволновалась: курія, должностныя лица раздѣлились на партіи. Дѣло чуть не дошло до открытой схватки. Павлинъ, бывшій епископъ тирскій [3]), антіохіецъ родомъ, нѣкоторое время управлялъ тамъ церковью, можетъ-быть, по временному полномочію. Онъ скончался черезъ полгода; тогда нѣкій Евлалій былъ избранъ епископомъ, но и онъ прожилъ недолго, и волненіе возобновилось. Константинъ послалъ въ Антіохію одного изъ своихъ приближенныхъ. Относительное спокойствіе возстановилось; удалось объединить большое число голосовъ на имени Евсевія кесарійскаго. Но этотъ послѣдній вовсе не желалъ промѣнять своей спокойной епископіи и своей удобной библіотеки на антіохійскій водоворотъ. Онъ сослался на то, что правила Никейскаго собора, согласно установившемуся въ церкви доброму обычаю, запретили перемѣщенія епископовъ. Императоръ горячо похвалилъ его за скромность и уваженіе къ правиламъ собора и предложилъ сирійскимъ епископамъ выбрать другого кандидата [4]). Онъ самъ указалъ имъ двоихъ,—Евфронія,

---

1) Бл. Іеронимъ въ своемъ сочиненіи *De viris illustr.* разсказываетъ, что Евстаθій былъ сосланъ въ Траянополь, и что тамъ показывали еще его могилу. Однако мощи Евстаθія въ 482 г. были перенесены въ Антіохію изъ Филиппъ (см. хроники Виктора и Θеофана). Сократъ (IV, 14), а вслѣдъ за нимъ Созоменъ (VI, 13) утверждаютъ, что онъ дожилъ до царствованія Валента, но здѣсь очевидная ошибка. Имя Евстаθія уже не встрѣчается въ памятникахъ временъ Констанція и Константа, въ которыхъ говорится о столькихъ епископахъ, находившихся въ такомъ же положеніи; впрочемъ мы знаемъ отъ Θеодорита (III, 2), что Евстаθій былъ уже въ могилѣ, когда Мелетій былъ избранъ епископомъ антіохійскимъ (360 г.).

2) Объ этомъ см. въ особенности Eusebius, *Vita Const.*, III, 59—62.

3) Павлинъ былъ по неизвѣстной причинѣ удаленъ съ тирской каθедры: на Никейскомъ соборѣ въ качествѣ ея епископа подписался Зинонъ. Евсевій, кажется, вскорѣ послѣ этого посвятилъ ему свой *Ономастиконъ*. Въ своемъ сочиненіи Противъ Маркелла (I, 4) онъ говоритъ, что антіохійская церковь потребовала Павлина обратно, какъ свое собственное достояніе; списки антіохійскихъ епископовъ согласно помѣщаютъ раньше или позже Евстаθія нѣкоего Павла, или Павлина, на долю котораго отводятъ пять лѣтъ епископскаго служенія; бл. Іеронимъ въ своей Хроникѣ тоже упоминаетъ Павлина и ставитъ его раньше Евстаθія. Θеодоритъ (I, 21) не говоритъ о немъ. Филосторгій (III, 15) выражается очень точно; онъ помѣщаетъ Павлина непосредственно передъ Евлаліемъ и говоритъ, что онъ умеръ послѣ шестимѣсячнаго управленія епархіей.

4) Письма къ антіохійцамъ, къ Евсевію, къ епископамъ (Θеодоту, Θеодору, Наркиссу, Аэтію, Альфію и другимъ). *Vita Const.* III, 59—62.

пресвитера въ Кесаріи Каппадокійской, и Георгія, въ то время пресвитера въ Ареѳузѣ, но ранѣе рукоположеннаго и затѣмъ низложеннаго Александромъ александрійскимъ [1]). Выборъ палъ на Евфронія. Онъ былъ того же направленія, что Евлалій и Евсевій. Антіохійская каѳедра надолго перешла въ руки противниковъ Никейскаго собора, разумѣется, противниковъ скрытыхъ, потому что Константинъ не терпѣлъ прямыхъ нападокъ на него.

Руководителемъ этого глухого противодѣйствія былъ Евсевій никомидійскій. Его ссылка длилась всего три года [2]), и, несомнѣнно, онъ и его другъ, Ѳеогній, уже вернулись къ тому времени, когда Евстаѳій былъ низложенъ (ок. 330 г.). Нельзя точно выяснить причины этого возвращенія, имѣвшаго важныя послѣдствія [3]). Въ настроеніи Константина произошелъ полный переворотъ, и съ тѣхъ поръ Евсевій никомидійскій имѣлъ на него большое вліяніе [4]). Оба епископа не только были возвращены изъ ссылки, но ихъ возстановили на ихъ епископскихъ каѳедрахъ, устранивъ преемниковъ, посаженныхъ на ихъ мѣста.

Въ Египтѣ престарѣлый епископъ Александръ умеръ 18 апрѣля 328 г. [5]). Его діаконъ, Аѳанасій [6]), уже замѣтно выдвинувшійся

---

[1]) Тотъ самый, который сдѣлался потомъ епископомъ лаодикійскимъ.

[2]) Такой срокъ даетъ Филосторгій.

[3]) Я склоненъ думать, что разсказъ Руфина (I, 11, см. далѣе) о возвращеніи Арія на самомъ дѣлѣ относится къ Евсевію. Константинъ не имѣлъ особыхъ поводовъ интересоваться Аріемъ. Евсевій, епископъ императорской резиденціи, былъ ему знакомъ съ давнихъ поръ; онъ былъ даже въ отдаленномъ родствѣ съ императорскимъ домомъ. Вполнѣ понятно, что вдова Ликинія была огорчена изгнаніемъ Евсевія, своего духовнаго отца и друга.

[4]) Послѣ Тильмона и многихъ другихъ изслѣдователей я считаю себя вынужденнымъ устранить здѣсь письмо, которое Сократъ (I, 14) выдаетъ намъ за исходящее отъ Евсевія и Ѳеогнія, адресованное къ самымъ виднымъ епископамъ (*τοῖς κορυφαίοις τῶν ἐπισκόπων*), съ цѣлью побудить ихъ ходатайствовать о возвращеніи его авторовъ изъ ссылки. См. обсужденіе этого вопроса у Tillemont, t. VI, p. 810. Съ другой стороны, нелегко объяснить происхожденіе этого документа. Быть-можетъ, Сократъ ошибся въ поименованіи авторовъ письма. Оно довольно естественно для епископовъ Секунда и Ѳеоны; во всякомъ случаѣ оно подразумѣваетъ, что Арій уже вновь принятъ епископами въ общеніе, а это произошло лишь въ 335 г.

[5]) Противъ этой даты, отмѣченной въ пасхальныхъ письмахъ и ихъ хроникѣ, какъ-будто свидѣтельствуетъ одно мѣсто изъ сочиненій св. Аѳанасія (*Ap. c. Ar.*, 59), гдѣ говорится, что Александръ умеръ около пяти мѣсяцевъ спустя послѣ Никейскаго собора. Но разбирая тщательнѣе, мы убѣждаемся, что этотъ промежутокъ считается не отъ Никейскаго собора, а отъ возсоединенія мелитіанъ. Между рѣшеніемъ Никейскаго собора и окончаніемъ египетскаго раскола могло пройти нѣкоторое время; кажется (см. выше, стр.   ), послѣ собора происходило новое обсужденіе этого вопроса. Эти дѣла всегда очень трудно уладить. Я допускаю поэтому, что расколъ могъ длиться до конца 327 г. Ср. Eusebius, *V. C.*, III, 23. О возраженіяхъ противъ этой даты см. G. Loeschke, *Rheinisches Museum*, 1906, 45—49.

[6]) Относительно исторіи св. Аѳанасія, кромѣ его Апологій и Исторіи къ

какъ благодаря тому довѣрію, которымъ онъ пользовался у Александра, такъ и по той роли, какую онъ сыгралъ въ Никеѣ, былъ тотчасъ же провозглашенъ епископомъ и рукоположенъ 7 іюня [1]). „Это человѣкъ честный, добродѣтельный, добрый христіанинъ, аскетъ, настоящій епископъ!"—такъ возглашала толпа. Особенно надо отмѣтить черту аскетизма. Она доставила Аѳанасію, предназначенному къ столь бурной жизни, поддержку египетскихъ пустынниковъ, которые въ этой странѣ становились религіозной силой. Но прежде всего онъ могъ разсчитывать на свои собственные таланты. Кромѣ качествъ превосходнаго пастыря, Богъ далъ ему свѣтлый умъ, ясное пониманіе христіанскаго преданія, событій, людей, и вмѣстѣ съ этимъ въ высшей степени несокрушимый характеръ, смягченный добродушіемъ, но неспособный сгибаться ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ. Никейское православіе нашло въ немъ своего вождя. Уже въ эту минуту оно подвергалось опасности; въ будущемъ ему предстояло пережить бурные кризисы. Въ иныя минуты можно было думать, что у него нѣтъ иной поддержки, кромѣ Аѳанасія. Но этого было достаточно: пусть на Аѳанасія ополчалось государство и его полицейская власть, соборы, епи-

---

монахамъ, мы имѣемъ два очень важныхъ хронологическихъ памятника,— хронику праздничныхъ (пасхальныхъ) посланій и то, что называютъ *Historia acephala*. Сборникъ пасхальныхъ посланій Аѳанасія дошелъ до насъ въ неполномъ видѣ въ сирскомъ спискѣ. Съ этого текста было сдѣлано два перевода: одинъ—на латинскій языкъ (Mai, *Нova PP. bibl.*, t. VI, p. 1; Migne, *P. G.*, t. XXVI, p. 1351), другой—на нѣмецкій (Larsow, *Die Festbriefe des hl. Athanasius*, 1852), но они оставляютъ желать многаго. Въ заголовкѣ каждаго посланія содержатся вмѣстѣ съ числомъ пасхи разныя хронологическія отмѣтки; кромѣ того всѣ эти отмѣтки собраны въ другой редакціи и помѣщены въ началѣ сборника посланій. Въ послѣдней редакціи, дошедшей до насъ полностью, попадаются по мѣстамъ историческія сообщенія. *Historia acephala* была издана впервые Маффеи по латинскому каноническому сборнику, хранившемуся въ Веронѣ (*Veronensis*, 60), по такъ-наз. сборнику діакона Ѳеодосія (Migne, *P. G.* XXVI, p. 1443); гораздо лучше изданіе Батиффоля въ *Mélanges Cabrières*, t. I, 1899, p. 100). Очевидно,—и Батиффоль это твердо установилъ (*Byzantinische Zeitschr.*, t. X, 1901., p. 130 et sqq),—что другія части ѳеодосіева сборника имѣютъ связь съ отрывкомъ Маффеи и вмѣстѣ съ нимъ имѣютъ источникомъ своего рода собраніе документовъ апологетическаго характера, составленное подъ вліяніемъ Аѳанасія въ 367 г., а затѣмъ продолженное до его смерти. Батиффоль предложилъ (*Bys. Zeitschr.*, l. c.) отождествить это сочиненіе съ *Synodicon* Аѳанасія, упоминаемымъ у Сократа (I, 13), но это очень спорно. Объ этихъ двухъ памятникахъ см. E. Schwartz. *Zur Geschichte des Athanasius* въ гёттингенскихъ *Nachrichten*, 1905, 333 et sqq.

[1]) Его противники позволили себѣ впослѣдствіи высказывать различныя придирки по поводу его избранія. Но онѣ были отвергнуты египетскимъ соборомъ 340 г. (Athanasius *Apol. c. Ar.*, 6), который приводитъ письмо, посланное къ императорамъ противниками Аѳанасія, очевидно, то же, какое было въ рукахъ Созомена (II, 17). Само собою разумѣется, что Аѳанасій не получилъ голосовъ сторонниковъ Арія, Мелитія и иныхъ схизматиковъ.

скопы,—силы были все-таки равны, пока такой человѣкъ стоялъ на ногахъ.

Онъ не былъ ни записнымъ ученымъ, ни простецомъ. Къ тому времени, когда его выбрали епископомъ, онъ уже издалъ два апологетическихъ труда [1]), чрезвычайно искусно составленныхъ и въ особенности ясныхъ. Но онъ охотно предоставлялъ другимъ разбираться въ философскихъ загадкахъ и погружаться въ пучину учености. Ему достаточно было умѣть писать и подбирать документы, которые имѣли для него значеніе; его талантъ и тщательность въ этомъ отношеніи надѣлали хлопотъ его врагамъ.

Борьба скоро возгорѣлась. Уже въ началѣ 330 года онъ былъ удаленъ отъ своей паствы по недоброжелательству „еретиковъ". Онъ жалуется на это въ своемъ пасхальномъ посланіи, не указывая точно, отъ какихъ интригъ онъ пострадалъ. Небольшая мелитіанская церковь присоединилась къ еп. Александру на условіяхъ, установленныхъ Никейскимъ соборомъ. Послѣ смерти Александра [2]) она не поладила съ Аѳанасіемъ; возникли тренія. Главой мелитіанъ послѣ смерти Мелитія сталъ нѣкій Іоаннъ Архафъ, епископъ мемфисскій. Сторонники Арія въ Александріи съ своей стороны волновались. Въ началѣ 331 года, когда приспѣло время писать обычное пасхальное посланіе [3]), которымъ александрійскіе епископы возвѣщали о времени наступленія пасхи, Аѳанасій оказался опять оторваннымъ отъ паствы и на этотъ разъ снова по винѣ „еретиковъ" [4]). Аѳанасій ставилъ для ихъ возвращенію въ церковь условія, которыя имъ казались чрезмѣрно тяжелыми; Евсевій никомидійскій издали поддерживалъ ихъ и посылалъ молодому епископу письменныя увѣщанія и словесныя угрозы. Онъ добился того, что Константинъ приказалъ Аѳанасію принять въ общеніе всѣхъ, кто просился, угрожая въ противномъ случаѣ

---

1) Два трактата: *κατὰ Ἑλλήνων* и *περὶ ἐνανθρωπήσεως*. (Противъ эллиновъ и О вочеловѣченіи). Въ первомъ онъ доказываетъ тщету язычества, въ другомъ—истину христіанства; подлинность ихъ оспаривалась, но несостоятельными доводами.

2) По словамъ Аѳанасія (*Apol. c. Ar.*, 59), пять мѣсяцевъ спустя послѣ возсоединенія, которое такимъ образомъ произошло въ концѣ 327 г. Между Никейскимъ соборомъ и присоединеніемъ мелитіанъ прошло около двухъ лѣтъ.

3) Посланіе 3. Хронологическая замѣтка въ заголовкѣ посланія относитъ его ко времени путешествія Аѳанасія отъ императорскаго двора (*comitatus*) въ Александрію; но на этотъ счетъ здѣсь очевидное смѣшеніе между посланіями 331 и 332 гг.

4) *Τοὺς περὶ Ἄρειον* (сторонниковъ Арія), говоритъ св. Аѳанасій (тамъ же); здѣсь не можетъ быть рѣчи о самомъ Аріи и его товарищахъ по изгнанію.

удалить его самого изъ Александріи [1]). Были ли эти угрозы приведены въ исполненіе, или какое-нибудь волненіе побудило его временно скрыться, несомнѣнно одно—онъ вынужденъ былъ удалиться изъ своего епископскаго мѣстопребыванія. Аѳанасій написалъ императору, чтобы оправдать свое поведеніе, но мелитіане вступили съ нимъ въ тяжбу. Три ихъ епископа,—Исіонъ, Евдемонъ и Каллинникъ [2]),—отправились къ императору жаловаться на него; они обвиняли его въ томъ, что онъ обложилъ египтянъ оброкомъ въ видѣ льняныхъ стихарей. Двое изъ его пресвитеровъ, — Апій и Макарій,—случившіеся при дворѣ въ это время, опровергли обвиненіе, но императоръ вытребовалъ епископа къ себѣ. Тогда были выдвинуты два новыхъ обвиненія: пресвитеръ Макарій по приказанію своего епископа разбилъ во время пастырскаго объѣзда въ Мареотѣ чашу, самъ Аѳанасій послалъ большую сумму денегъ нѣкоему Филомену, заподозрѣнному въ злоумышленіяхъ противъ особы императора. Это послѣднее обвиненіе было въ особенности тяжко.

У Аѳанасія въ Никомидіи былъ одинъ могущественный и вѣрный другъ, префектъ преторія Авлавій. Аѳанасій оправдался: его обвинители были удалены отъ императорскаго двора, и самъ онъ, пострадавъ отъ зимнихъ холодовъ, могъ возвратиться въ Александрію къ пасхѣ 332 г. [3]). Онъ привезъ съ собой императорское посланіе, которое послѣ длинной проповѣди о согласіи заключало нѣсколько похвальныхъ словъ по адресу епископа, но никакого опредѣленнаго порицанія его обвинителямъ [4]). Аѳанасій вновь вступилъ въ управленіе своей церковью и возобновилъ пастырскіе объѣзды ея [5]).

---

[1]) Аѳанасій сохранилъ намъ (*Apol. c. Ar.*, 59) отрывокъ этого императорскаго посланія; онъ говоритъ, что оно было доставлено двумя „придворными", Синклитіемъ и Гавденціемъ. Если память не измѣнила здѣсь Аѳанасію, то придется допустить, что эти чиновники совершили свое путешествіе дважды, ибо впослѣдствіе, какъ мы увидимъ, они привозили еще другія распоряженія императора.

[2]) *Apol. c. Ar.*, 60; ср. 4-ое пасхальное посланіе; въ послѣднемъ къ тремъ другимъ обвинителямъ онъ присоединяетъ „смѣшного Іеракаммона, который, стыдясь своего имени, заставляетъ называть себя Евлогіемъ".

[3]) Хроника пасхальныхъ посланій, относящая это путешествіе къ предшествующему году, указываетъ очень странный поводъ его; враги Аѳанасія обвиняли его въ томъ, что онъ былъ рукоположенъ во епископа слишкомъ молодымъ. Это—все, что онъ будто бы знаетъ о своемъ обвиненіи. Лучше всего руководствоваться его Апологіей противъ аріанъ.

[4]) *Apol. c. Ar.*, 61, 62.

[5]) Онъ посѣтилъ Ѳиваиду въ 329—330 г., ливійскія области (Пентаполь, оазисъ Аммона)—въ 331—332, Нижній Египетъ въ 333—334 г. (согласно Хроникѣ пасхальныхъ посланій).

Константинъ продолжалъ еще не только быть вѣрнымъ Никейскому собору, но рѣшительно осуждать Арія, его сторонниковъ и покровителей. Ему нужно было на Востокѣ мирное и единообразное христіанство. Немного спустя послѣ низложенія Евстаѳія, онъ принялъ строгія мѣры [1]) противъ старыхъ отщепенцевъ церкви—новаціанъ, валентиніанъ, маркіонитовъ, павліанистовъ, монтанистовъ и вообще всѣхъ еретиковъ, запретивъ ихъ сборища и конфисковавъ мѣста ихъ богослужебныхъ собраній. Въ 332 или 333 году чиновники императорской канцеляріи *(magistriani)*, Синклитій и Гавденцій, привезли въ Александрію два письма императора, адресованныя одно къ епископамъ и вѣрнымъ [2]), другое къ Арію и аріанамъ [3]). Послѣднее, довольно длинное, было оффиціально прочтено во дворцѣ префекта, который назывался тогда Патеріемъ. Это—очень странный документъ; если бы его подлинность не подтверждалась такимъ количествомъ внѣшнихъ признаковъ, трудно было бы повѣрить, чтобы столь рѣзкіе нападки на несчастнаго изгнанника могли быть написаны государемъ или отъ имени монарха. Но сомнѣніе невозможно. Изъ этого слѣдуетъ, что въ то время Константинъ былъ еще очень дурно расположенъ къ тѣмъ, кто внесъ смуту въ александрійскую церковь и во всю восточную половину имперіи. Но въ концѣ концовъ, погрозивъ еретикамъ нѣкоторыми взысканіями финансоваго характера на случай, если бы они упорствовали въ поддержкѣ Арія, онъ обращался къ послѣднему и приглашалъ его явиться для объясненій съ „человѣкомъ Божіимъ“, какъ онъ самъ себя называлъ.

Арій сдался не сразу. Онъ имѣлъ поддержку при дворѣ. Бывшая императрица Констанція [4]), вдова Ликинія, не желала никакого зла тѣмъ, кому покровительствовалъ ея старый другъ, Евсевій никомидійскій. Она умерла около того времени, о которомъ идетъ рѣчь, но передъ смертью она представила своему царственному брату пресвитера, которому вполнѣ довѣряла [5]). Этотъ вскорѣ сумѣлъ внушить, что Арій вовсе не такъ далекъ, какъ думаютъ, отъ того, чтобы принять догматы Никейскаго собора. Императоръ далъ себя убѣдить и повторилъ свое приглашеніе въ менѣе вра-

---

1) *Vita Const.*, III, 64, 65.

2) Τοὺς πονηρούς...

3 Κακὸς ἑρμηνεύς...

4) Здѣсь мы восходимъ къ разсказу Руфина, (I, 11), воспроизведенному у Сократа (I, 25) и у Созомена (II, 27). Ср. выше, стр. 112, прим. 3

5) Геласій кизикскій (III, 12) сообщаетъ намъ его имя: его знали Евтокій

ждебныхъ выраженіяхъ. Арій прибылъ съ Евзоіемъ, однимъ изъ своихъ товарищей по изгнанію. Онъ имѣлъ бесѣду съ Константиномъ и въ концѣ-концовъ удовлетворилъ его, вручивъ ему исповѣданіе своей вѣры, довольно неопредѣленное, но относительно близкое къ православію и допускающее возможность примиренія съ никейскимъ символомъ вѣры [1]). Императоръ объявилъ, что удовлетворенъ. Онъ рѣшилъ, что всѣ пришли къ соглашенію, и что теперь остается лишь ввести Арія и его сторонниковъ въ общеніе съ епископомъ александрійскимъ. Однако послѣдній отказался отъ этого [2]), что не могло понравиться властителю.

Интриги возобновились. Вновь выплыла исторія съ разбитою чашей. Утверждали, что чаша эта принадлежала одному пресвитеру, Исхиру, имѣвшему церковь въ Мареотѣ. Дѣйствительно, въ тѣхъ краяхъ былъ нѣкій Исхиръ, посвященный когда-то Коллуѳомъ, но это посвященіе не было признано дѣйствительнымъ, такъ что жители Мареота воспрепятствовали ему отправлять богослуженіе, и онъ ограничился совершеніемъ его въ кругу своей семьи. Стали разсказывать, будто Аѳанасій опрокинулъ его алтарь и разбилъ его чашу. На самомъ дѣлѣ въ тотъ день, когда его представители прибыли къ Исхиру, тотъ былъ боленъ и лежалъ въ постели, такъ что никакому богослуженію нельзя было и мѣшать. Исхиръ, одумавшись, самъ письменно удостовѣрилъ, что ни слова не знаетъ обо всей этой исторіи. Аѳанасія обвиняли еще въ томъ, что онъ предалъ смерти одного мелитіанскаго епископа, Арсенія ипсельскаго, предварительно отрѣзавъ ему руку. Арсеній этотъ оказался живымъ и съ цѣлыми руками. Мелитіане спрятали его въ одномъ монастырѣ, но Аѳанасію удалось обнаружить его убѣжище. Арсеній также письменно просилъ прощенія,—и во-время, ибо Константинъ уже поручилъ своему сводному брату, цензору Далматію, произвести разслѣдованіе этого уголовнаго дѣла. Дѣло прекратили; соборъ, созванный по этому поводу и уже съѣхавшійся

---

[1]) Вотъ его начало: „Мы вѣруемъ во единаго Бога, Отца, Всемогущаго и въ Господа Іисуса Христа, Его Сына, рожденнаго (γεγεννημένον) отъ Него прежде всѣхъ вѣкъ, Бога Слово, которымъ все было создано“... Выраженіе ἐξ αὐτοῦ γεγεννημένον (происшедшаго отъ Него) могло считаться равнозначущимъ ἐκ τῆς τοῦ Πατρὸς οὐσίας (изъ сущности Отца) въ виду одинаковаго смысла, который тогда еще соединяли съ словами γενητός (происшедшій) и γεννητός (рожденный). Разумѣется, это исключаетъ твореніе ex nihilo. Никейское выраженіе ὁμοούσιος обойдено, но и аріанское ученіе устранено по существу.

[2]) *Apol. c. Ar.*, 59. Можно пожалѣть объ этомъ, когда подумаешь, какія это имѣло послѣдствія.

въ Кесаріи Палестинской, послѣ долгаго выжиданія былъ распущенъ, и епископъ александрійскій получилъ новое, на этотъ разъ болѣе опредѣленное письмо императора, направленное противъ интригановъ, которые чуть не погубили его. Это было въ 334 г. [1]). Мелитіанскій архіепископъ Іоаннъ Архафъ на-время примирился съ Аѳанасіемъ. За это онъ получилъ благодарность отъ императора и приглашеніе ко двору. Это была несчастная мысль: вождь мелитіанъ завязалъ вредныя знакомства при дворѣ. Въ слѣдующемъ году (335) все надо было начинать сызнова; мелитіане вновь были въ ссорѣ съ Аѳанасіемъ и сплотились противъ него, войдя въ соглашеніе съ аріанами и ихъ покровителями.

Приближалось время тридцатилѣтія царствованія Константина. Онъ рѣшилъ отпраздновать этотъ юбилей большимъ церковнымъ торжествомъ,—освященіемъ храма Гроба Господня, который, наконецъ, былъ оконченъ. При этомъ должны были присутствовать въ большомъ числѣ епископы. Константину подали мысль, что можно воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ для окончательнаго умиротворенія распрей, вѣчно вспыхивающихъ въ Египтѣ, и разрѣшенія споровъ путемъ епископскаго суда. Уже въ предшествующемъ году были близки къ тому; такъ какъ рѣшеніе, данное этому вопросу императоромъ, не привело къ умиротворенію, то было естественно вернуться къ мысли о церковномъ соборѣ. Развѣ не желательно было, чтобы служители Господа, прежде чѣмъ праздновать іерусалимское торжество, водворили сперва миръ и согласіе между собою? Императоръ согласился съ этой мыслью, и городъ Тиръ былъ назначенъ мѣстомъ собранія епископовъ. Всѣ враги, какихъ только имѣлъ въ имперіи Аѳанасій, собрались туда въ надеждѣ, что они наверстаютъ тамъ неудачу съ соборомъ въ Кесаріи и найдутъ средство отдѣлаться отъ непоклацистаго александрійскаго епископа. Императорское посланіе [2]) призывало соборъ выполнить свою примирительную задачу и завѣряло, что государственная власть заставитъ появиться на соборѣ всѣхъ, чье присутствіе будетъ сочтено полезнымъ. Эта послѣдняя ого-

---

[1]) Документы, касающіеся этого дѣла, въ *Apol. c. Ar.*: 1) Отказъ Исхира отъ своихъ показаній (гл. 64), переданный Аѳанасію въ присутствіи шести пресвитеровъ и семи діаконовъ; 2) письмо Пинна, пресвитера Птеменкиркскаго монастыря въ антеопольскомъ округѣ, къ Іоанну Архафу (гл. 67); 3) письмо Арсенія къ Аѳанасію (гл. 69); 4) письмо Константина къ Аѳанасію Τοῖς παρὰ τῆς σῆς.. (гл. 68); 5) письмо Александра ѳессалоникскаго къ Аѳанасію (гл. 66); 6) письмо Константина къ Іоанну Архафу (гл. 70).

[2]) Eusebius, *Vita Const.*, IV, 42.

ворка имѣла въ виду Аѳанасія. Его пригласили явиться и пригрозили принужденіемъ въ случаѣ отказа. Пресвитеръ Макарій былъ привезенъ въ Тиръ въ оковахъ. 'Высокій сановникъ, комитъ Діонисій, былъ посланъ на соборъ со спеціальной миссіей.

Аѳанасій подчинился [1]). Зная напередъ, что ему предстоитъ явиться передъ враждебно настроеннымъ собраніемъ, онъ привезъ съ собой человѣкъ пятьдесятъ египетскихъ епископовъ, но такъ какъ они не были приглашены на соборъ, то не вошли въ составъ судей [2]). Послѣднихъ тщательно подобрали, — ни одного врага Аѳанасія не позабыли. На соборѣ оказались даже два молодыхъ паннонскихъ епископа, Урсакій сингидунскій (Бѣлградъ) и Валентъ мурсійскій (Эчегъ), ученики самого Арія, который воспользовался изгнаніемъ, чтобы завербовать себѣ послѣдователей въ этихъ отдаленныхъ краяхъ. Присутствовали также антіохійскій епископъ Флакиллъ и Евсевій кесарійскій, очень раздраженный неудачей собора, собиравшагося въ предшествовавшемъ году. Пригласили также нѣсколько епископовъ, равнодушныхъ или даже довольно хорошо расположенныхъ къ Аѳанасію, какъ, напр., Александра ѳессалоникскаго, но большинство и общее руководство соборомъ принадлежало противникамъ александрійскаго епископа.

Соборъ не коснулся ни одного богословскаго вопроса [3]). Аріане и ихъ сторонники не выступали въ дѣлѣ въ качествѣ таковыхъ: весь споръ происходилъ между Аѳанасіемъ и мелитіанами. Послѣдніе представили на него жалобу, которая восходила къ моменту его избранія: принимавшіе участіе въ выборахъ епископы согласились не рукополагать никого, пока не будутъ устранены между ними разногласія [4]); такъ какъ рукоположеніе послѣдовало, не взирая на этотъ договоръ, то мелитіане отказались отъ общенія съ избраннымъ. Онъ принуждалъ ихъ вернуться къ общенію пу-

---

[1]) Онъ уѣхалъ въ Тиръ 10 іюля 335 г.

[2]) По словамъ Сократа, соборъ насчитывалъ до 60 членовъ, кромѣ египтянъ.

[3]) Созоменъ (I, 25) имѣлъ въ рукахъ акты этого собора и извлекъ изъ нихъ весьма важныя свѣдѣнія. Показанія Аѳанасія о тѣхъ же событіяхъ заключаются въ *Apol. contra Arianos*. Здѣсь, во-первыхъ, имѣется довольно пространный разсказъ объ этомъ въ посланіи Александрійскаго собора 340 г. (гл. 3—19), затѣмъ разсказъ самого Аѳанасія (гл. 71—87), куда включено нѣсколько документовъ той эпохи. Нельзя оставлять безъ вниманія и показаній противной стороны, съ которыми мы знакомы по посланію собора Восточныхъ въ Сардикѣ (Hilarius, *Frag. hist.*, III, 6, 7) въ 343 г.; оно согласуется довольно хорошо съ сжатымъ изложеніемъ актовъ собора у Созомена.

[4]) Въ моментъ избранія мелитіане были уже возсоединены съ церковью. Здѣсь можетъ идти рѣчь только о второстепенныхъ спорахъ, возникшихъ впрочемъ изъ предшествовавшаго раскола.

темъ насильственныхъ мѣръ, въ частности заключеніемъ въ темницѣ. Пять мелитіанскихъ епископовъ,—Евплъ, Пахомій, Ахиллей, Исаакъ и Ермеонъ, — обвиняли его въ томъ, что онъ подвергъ ихъ тѣлесному наказанію; Исхиръ, вновь переметнувшись, присоединился къ мелитіанамъ; онъ жаловался на то, что его чаша была разбита, а каѳедра опрокинута, что Аѳанасій нѣсколько разъ сажалъ его въ темницу и оклеветалъ его передъ префектомъ Игиномъ, разсказывая про него, будто онъ бросалъ камнями въ статую императора; когда Калинникъ, (мелитіанскій) епископъ Пелузы, отказался отъ общенія съ нимъ по случаю исторіи съ чашей Исхира, Аѳанасій низложилъ его и замѣнилъ другимъ. Опять заговорили объ Арсеніи. Наконецъ, прочли запротоколенные крики александрійскихъ жителей, которые изъ-за Аѳанасія не хотѣли посѣщать церквей. Въ общемъ его упрекали въ тѣхъ мѣрахъ принужденія, которыя онъ счелъ нужнымъ принять противъ вновь впавшихъ въ мелитіанскій расколъ.

Аѳанасію удалось оправдаться по нѣкоторымъ пунктамъ; по другимъ онъ просилъ отсрочки. Арсеній былъ живъ, и такимъ образомъ самое тяжкое обвиненіе отпало. Соборъ остановился на исторіи съ Исхиромъ, на прерванномъ богослуженіи и разбитой чашѣ. Рѣшили произвести разслѣдованіе. Аѳанасій не уклонялся, но потребовалъ отвода въ качествѣ слѣдователей своихъ самыхъ ярыхъ враговъ.

Они-то какъ-разъ и были выбраны, и не въ общемъ собраніи, а на частномъ совѣщаніи. Кромѣ того, такъ какъ Исхиръ выдавалъ себя за главу мелитіанской церкви въ Мареотѣ, а въ Мареотѣ, какъ всѣмъ было извѣстно, не было ни одного мелитіанина, то главари секты послали вербовщиковъ по всему Египту, чтобы набрать ему кучку прихожанъ. Эти пріемы возбудили протестъ не только египетскихъ епископовъ, тѣсно сплоченныхъ вокругъ своего папы [1]), но также и ѳессалоникскаго епископа, весьма уважаемаго старца, и самого комита Діонисія, который на соборѣ игралъ роль, подобную роли самого Константина на Никейскомъ соборѣ. Все было безполезно: на сановника оказали давленіе, и слѣдственная коммиссія отправилась въ Египетъ.

---

[1]) Это наименованіе употреблялось тогда и долго еще спустя вообще для обозначенія епископовъ. Впослѣдствіи оно было присвоено исключительно римскому епископу на западѣ и александрійскому на востокѣ. Этотъ послѣдній до сихъ поръ сохраняетъ наименованіе папы въ своемъ оффиціальномъ титулѣ.

Слѣдствіе дало односторонній матеріалъ. Не только пресвитеръ Макарій, къ которому прямо относилось обвиненіе, былъ задержанъ въ Тирѣ, но ни одинъ членъ клира, подчиненнаго Аѳанасію, ни въ Александріи, ни въ Мареотѣ не могъ присутствовать при слѣдствіи. Напротивъ, префектъ Египта Филагрій оказалъ поддержку уполномоченнымъ собора и такъ круто повелъ дѣло, что они добились нужныхъ показаній. Слѣдователи вернулись въ Тиръ съ подавляющими документами [1]).

Что касается дѣла Арсенія, которое сперва, казалось, повернулось противъ обвинителей, то эти послѣдніе нашли для себя выходъ, разсказывая, будто нѣкій Плусіанъ, подчиненный Аѳанасію епископъ, по приказанію послѣдняго сжегъ домъ Арсенія, привязалъ его самого къ колоннѣ и велѣлъ бичевать, а затѣмъ заперъ его въ тѣсномъ чуланѣ. Арсеній бѣжалъ оттуда чрезъ окно и скрывался, такъ что епископы, принадлежавшіе къ партіи Іоанна Архафа и сожалѣвшіе объ исчезновеніи столь выдающагося человѣка, бывшаго прежде исповѣдникомъ вѣры, сочли его мертвымъ и разыскивали чрезъ властей [2]). Поэтому имъ извинительно было ошибиться.

Судебное разбирательство принимало плохой оборотъ для Аѳанасія. Враги обзывали его колдуномъ, насильникомъ, объявляли его недостойнымъ епископскаго званія. Въ засѣданіи поднялся такой шумъ и вспыхнуло такое возбужденіе противъ обвиняемаго, что присутствовавшіе охранители порядка должны были вывести его тайкомъ. Самъ онъ понялъ, что отъ такихъ судей ему нечего ждать добра, сѣлъ на корабль и направился въ Константинополь. Соборъ въ его отсутствіе произнесъ приговоръ объ его низложеніи и запретилъ ему пребываніе въ Египтѣ. Напротивъ того, онъ допустилъ къ общенію съ собою Іоанна Архафа и его сотоварищей, считая ихъ жертвами несправедливыхъ притѣсненій, и возстановилъ ихъ въ церковныхъ должностяхъ. Эти постановленія собора были сообщены императору, александрійской церкви и всѣмъ еписко-

---

1) Однако протоколы этой слѣдственной коммиссіи дѣлали такъ мало чести ея членамъ, что враждебная Аѳанасію партія старалась какъ можно тщательнѣе скрывать ихъ; тѣмъ не менѣе было извѣстно, что ихъ составилъ нѣкій Руфъ, впослѣдствіе *speculator* въ императорской префектурѣ. Аѳанасій могъ ссылаться на его свидѣтельство. Впрочемъ папа Юлій, которому послали эти документы, самъ ознакомилъ съ ними Аѳанасія (*Apol. c. Arian.*, 83).

2) Въ упомянутомъ выше письмѣ Арсенія (стр. 118 прим. 1) епископъ Плусіанъ названъ, но ни слова не говорится объ исчезновеніи самого Арсенія. Если бы Аѳанасій (гл. 69) не сообщилъ этого совершенно точно, нельзя было бы подумать, что письмо написано послѣ этого приключенія.

намъ. Послѣднихъ просили не поддерживать болѣе общенія съ Аѳанасіемъ: онъ былъ обвиненъ по тѣмъ пунктамъ, которые были на сужденіи собора, что же касается прочихъ, то его бѣгство доказало, что онъ не чувствовалъ себя въ силахъ защищаться. Вѣдь уже въ прошломъ году онъ отказался предстать передъ соборомъ въ Кесаріи; на этотъ разъ онъ прибылъ, но окруженный многочисленной и шумной свитой; онъ то уклонялся отъ защиты, то поносилъ епископовъ оскорбленіями, отказывался появиться передъ ними, отвергалъ ихъ право суда. Его виновность въ мареотскомъ дѣлѣ была установлена.

Вынеся свое рѣшеніе, соборъ переѣхалъ въ Іерусалимъ, и освященіе храма Гроба Господня было отпраздновано 14 сентября пышными церковными торжествами и рѣчами. Кесарійскій митрополитъ въ особенности блисталъ ими, какъ и слѣдовало ожидать.

Въ самомъ Іерусалимѣ имѣло мѣсто еще засѣданіе по вопросу объ Аріи и его сторонникахъ. Исповѣданіе вѣры, представленное Аріемъ и Евзоіемъ императору и показавшееся Константину удовлетворительнымъ, было передано имъ на разсмотрѣніе собора. Тотъ тоже удовлетворился имъ. Аріане были допущены къ общенію; императору объ этомъ доложили, и сообщеніе объ этомъ было послано египетскимъ епископамъ и церкви александрійской [1]).

Однако Аѳанасій прибылъ въ Константинополь и добился аудіенціи. Подъ впечатлѣніемъ его жалобъ Константинъ вызвалъ къ себѣ членовъ Тирскаго собора [2]). Но на дѣлѣ явились лишь самые ярые противники Аѳанасія и между ними Евсевій кесарійскій, которому предстояло произнести по случаю тридцатилѣтняго юбилея торжественную рѣчь. Константинъ выслушалъ ихъ. Если вѣрить Аѳанасію, они остереглись перетряхивать старыя исторіи, обсуждавшіяся на соборѣ,—говорить о чашѣ или объ Арсеніи; они придумали гораздо лучшее средство. Аѳанасій,—заявили они,—рѣшилъ помѣшать подвозу хлѣба въ Константинополь. Обречь на голодовку его дѣтище, дорогой его сердцу новый Римъ! Императору не нужно было бы иныхъ обвиненій. Во всякомъ случаѣ остается тотъ фактъ, что Константинъ, не выслушавъ новой защиты, отправилъ епископа александрійскаго въ глубь Галліи. Его водворили въ Трирѣ [3]).

---

1) Отрывокъ соборнаго посланія въ *Apol. c. Arian.*, 84.

2) Письмо Константина Ἐγὼ μὲν ἀγνοῶ (*Apol. c. Ar.*, 86).

3) Такъ разсказываетъ объ этомъ поворотѣ въ своей судьбѣ самъ Аѳанасій (*Apol. c. Arian.*, 87; ср., 9), ссылаясь на свидѣтельство пяти египетскихъ епископовъ, слышавшихъ извѣтъ его враговъ.

Когда Аѳанасію вернули милость, то объяснили, что его послали въ изгнаніе единственно для того, чтобы оградить отъ ярости его враговъ. Мало вѣроятно, чтобы Константинъ принялъ безъ провѣрки обвиненіе, касавшееся подвоза хлѣба. Вѣрнѣе всего принять факты такъ, какъ ихъ приняли современники, и какъ самъ Константинъ изложилъ ихъ въ весьма серьезныхъ документахъ [1]). Епископъ александрійскій былъ судимъ и осужденъ въ большомъ собраніи своихъ собратьевъ. Тирскій соборъ его низложилъ и запретилъ ему пребываніе въ Египтѣ. Во исполненіе этого приговора правительство приняло мѣры въ предѣлахъ своей власти—удалило Аѳанасія.

Такъ кончилось первое дѣйствіе аѳанасіевой трагедіи. Намъ иногда думается, что дѣло приняло бы тогда и впослѣдствіи лучшій оборотъ, если бы молодой епископъ отнесся къ мелитіанамъ менѣе сурово и облегчилъ побѣжденнымъ на Никейскомъ соборѣ возсоединеніе съ церковью. Не жертвуя никакимъ существеннымъ принципомъ, онъ избѣжалъ бы ожесточенія противниковъ, его не такъ легко было бы представить императору человѣкомъ неуживчивымъ и сѣятелемъ смуты. На склонѣ лѣтъ Аѳанасій сталъ миролюбивымъ и миротворцемъ; въ то время, о которомъ теперь идетъ рѣчь, онъ былъ прежде всего воителемъ. Онъ былъ правъ, но вслѣдствіе этого слишкомъ многихъ приходилось признавать виноватыми.

Арій остался при дворѣ. Императорское благоволеніе вернуло его изъ изгнанія, постановленіе Тирскаго собора открыло ему врата церкви. Ему оставалось только открыто и торжественно возвратиться въ лоно ея. Если вѣрить позднѣйшимъ разсказамъ [2]), онъ вернулся въ Александрію, а затѣмъ былъ вновь отозванъ въ Константинополь въ виду смутъ, какія вызывало его присутствіе. Въ духѣ Константина было удалить временно изъ Александріи всѣхъ людей, могущихъ послужить поводомъ къ распрямъ: Арія какъ и Аѳанасія. Однако, считая объясненія Арія искренними и достаточными, онъ употребилъ свое вліяніе, чтобы побудить къ общенію съ нимъ константинопольскаго епископа [3]) Але-

---

1) См. ниже письма къ св. Антонію.

2) Rufinus, I, 11, 12; Socrat., I, 37; Sozomen., II, 29. Самъ Аѳанасій даже въ посланіи къ Серапіону о смерти Арія не говоритъ объ этомъ путешествіи.

3) Относящееся къ этому дѣлу письмо Константина къ Александру сохранилось въ сборникѣ Геласія кизикскаго (III, 15 у Ceriani, *Monum. sacra*, t. I p., 145), но не цѣликомъ, а въ выдержкахъ: Εἴπερ οὖν τῆς ἐν Νικαίᾳ ἐκτεθείσης

ксандра, который не благоволилъ къ нему. Но Арій внезапно умеръ; такимъ образомъ Александръ избавился отъ огорченія принять его въ лоно своей церкви. Аѳанасій уже отправился въ изгнаніе, но одинъ изъ его пресвитеровъ, Макарій, находился въ Константинополѣ. Съ его словъ повѣствовалъ Аѳанасій 25 лѣтъ спустя о печальномъ концѣ своего противника [1]).

Въ Александріи епископская каѳедра оставалась незамѣщенной. Въ это время даже не пытались найти замѣстителя изгнаннику, оттого ли, что императоръ этого не желалъ, или скорѣе потому, что христіанское населеніе Александріи не было расположено къ такой замѣнѣ.

Возникли смуты [2]). Вѣрные не переставали требовать своего епископа, производить открытыя манифестаціи въ пользу его на улицахъ и въ церквахъ. Выдвинули посредникомъ знаменитаго отшельника, Антонія, который нѣсколько разъ писалъ императору. Все было тщетно. Четыре пресвитера были арестованы и сосланы. Константинъ писалъ александрійцамъ и въ особенности клиру и дѣвственницамъ, приказывая держаться спокойно и завѣряя, что онъ не измѣнитъ своего рѣшенія и не вернетъ сѣятеля смуты, осужденнаго правильнымъ церковнымъ судомъ. Святому Антонію онъ объяснилъ, что, конечно, нѣкоторые судьи могли руководиться ненавистью или услужливостью, но что онъ отказывается допустить, чтобы столь многочисленное собраніе мудрыхъ и просвѣщенныхъ епископовъ могло ошибаться до такой степени, чтобы

ὀρθῆς καὶ εἰσαεὶ ζώσης ἀποστολικῆς πίστεως ἀντιποιουμένους αὐτοὺς εὕρητε — τοῦτο γὰρ καὶ ἐφ' ἡμῶν φρονεῖν διαβεβαιώσαντο — προνοήσατε πάντων παρακαλῶ. (Если найдете, что они стремятся къ изложенной въ Никеѣ, православной, вѣчно живой апостольской вѣрѣ — ибо и въ нашемъ присутствіи они обѣщались такъ мыслить — прошу, позаботьтесь обо всѣхъ). Въ заголовкѣ письмо обозначено какъ обращенное къ Александру, епископу александрійскому. Ceriani поэтому счелъ его подложнымъ; Loeschcke (*Reinisches Museum*, 1906, p. 44 et sqq) признаетъ его подлинность и стремится согласовать его съ событіями, извѣстными изъ времени епископства Александра. Но этого трудно достигнуть, особенно въ виду того, что письмо называетъ вмѣстѣ Арія и Евзоія, совершенно соотвѣтственно тому, какъ мы видимъ ихъ идущими рука объ руку въ ихъ хлопотахъ въ 333 г. Лучше всего, мнѣ кажется, откинуть геласіеву приписку или предположить, что въ своемъ первомъ спискѣ она заключала только слова *πρὸς Ἀλέξανδρον ἐπίσκοπον* безъ *Ἀλεξανδρείας*. Ни самые отрывки текста письма, ни мѣсто, на которомъ оно помѣщено въ сборникѣ Геласія, не позволяютъ заключать, чтобы оно было обращено къ предшественнику св. Аѳанасія.

1) Разсказывали, что Арій умеръ въ отхожемъ мѣстѣ. Объ этомъ см. *Ep. ad Serapionem de morte Arii* и *Ep. ad episcopos Aegyp. et Libyae*, c. 19.

2) Объ этомъ см. Sozomen, II, 31; ср. Athanas., *Apol. c. Ar.*, 87.

осудить невиновнаго; Аѳанасій былъ дерзкимъ, горделивымъ человѣкомъ, сѣятелемъ розни.

Мелитіане, оправданные Тирскимъ соборомъ, попытались извлечь пользу изъ своей побѣды, но очевидно, они принялись за дѣло, пренебрегая умѣренностью, потому что ихъ глава, Іоаннъ Аркафъ, былъ сосланъ въ свою очередь. Рѣшительно, египтяне, къ какой бы партіи ни принадлежали, были неподатливые люди. Одинъ только Исхиръ могъ похвастать успѣхомъ. Чтобы вознаградить его за перенесенныя испытанія, мелитіане поставили его епископомъ. Въ его селеніи [1]), столь маломъ, что оно никогда не имѣло пресвитера, ему построили на счетъ казны соборъ, гдѣ онъ могъ бы блистать своимъ епископскимъ саномъ.

За предѣлами Египта побѣдители продолжали свои подвиги, облегченные по мѣстамъ чрезмѣрнымъ усердіемъ и ошибками ихъ противниковъ. Анкирская церковь съ конца великаго гоненія имѣла епископомъ нѣкоего Маркелла, человѣка почтеннаго и знакомаго нѣсколько съ богословіемъ. На Никейскомъ соборѣ онъ выдавался своимъ рвеніемъ въ борьбѣ съ ученіемъ Арія, такъ что на римскихъ легатовъ онъ произвелъ самое лучшее впечатлѣніе. Въ послѣдующіе годы онъ продолжалъ точить языкъ насчетъ обоихъ Евсевіевъ, Павлина и прочихъ болѣе или менѣе явныхъ защитниковъ побѣжденной ереси. Въ тѣ времена не отваживались писать. Богословское ученіе аріанъ доходило до широкихъ круговъ читателей только чрезъ посредство бесѣдъ Астерія [2]), которыя въ концѣ-концовъ были изданы небольшой книжкой. За неимѣніемъ лучшаго, Маркеллъ принялся за ихъ автора и составилъ для его опроверженія довольно объемистый трудъ, въ которомъ сильно отдѣлалъ выдающихся людей противнаго лагеря какъ живыхъ такъ и мертвыхъ: Павлина, Наркисса, обоихъ Евсевіевъ и другихъ. Даже самъ Оригенъ не получилъ пощады. Маркеллъ присутствовалъ на соборѣ въ Тирѣ, но отказался присоединиться къ осужденію Аѳанасія и возстановленію Арія, не захотѣлъ даже принять участіе въ праздновaніи освященія базилики Гроба Господня [3]). Но зато, окончивъ книгу, онъ поднесъ ее императору съ посвященіемъ, переполненнымъ похвалъ ему. Быть-можетъ, Константинъ взглянулъ подозрительно на это подношеніе; какъ бы то ни было, онъ по-

---

[1]) Ἐν τόπῳ Εἰρήνης Σεκοντάρουρου. Письмо управляющаго финансами въ Египтѣ къ сборщику податей въ Марсотѣ (Athan. *Apol. c. arian.*, 85).
[2]) См. выше, стр. 92.
[3]) Socrat., I, 36; Sozomen, II, 33.

ручилъ собраннымъ въ Константинополѣ послѣ іерусалимскихъ празднествъ епископамъ разсмотрѣть книгу и дать ему свое заключеніе о ней. Это значило отдать Маркелла въ распоряженіе его враговъ. Они нашли въ его сочиненіи предосудительные слѣды савелліанской ереси и вынесли приговоръ о низложеніи его, о чемъ и сообщили императору, восточнымъ епископамъ, анкирской церкви, назначивъ Маркеллу, который уже 20 лѣтъ былъ епископомъ, преемника въ лицѣ нѣкоего Василія. Этому тоже суждено было впослѣдствіи сыграть извѣстную роль. Однако подъ вліяніемъ того, что многіе негодовали и выставляли Маркелла невинной жертвой, соборъ просилъ ученаго кесарійскаго епископа оправдать вынесенное рѣшеніе, изложивъ и опровергнувъ заблужденія осужденнаго. Это и составляетъ содержаніе двухъ книгъ Противъ Маркелла, появившихся немедленно затѣмъ. Нѣсколько позднѣе Евсевій принялся за ту же тему въ другомъ трудѣ, посвященномъ антіохійскому епископу Флакиллу и раздѣленномъ на три книги подъ заглавіемъ О церковномъ богословіи.

Судя по выдержкамъ изъ труда анкирскаго епископа, приводимымъ у Евсевія и достаточно пространнымъ, чтобы по нимъ можно было произвести оцѣнку, ученіе Маркелла дѣйствительно приближалось къ савелліанству, не доходя впрочемъ до тождества съ нимъ. Савелліане того времени [1]) представляли себѣ Бога какъ монаду, которая расширяется (πλατύνεται) въ Троицу. Имена Отца, Сына и Святаго Духа обозначаютъ три послѣдовательныхъ проявленія, три роли (πρόσωπα, *personae*). Какъ Отецъ, Богъ есть законодатель Ветхаго Завѣта; какъ Сынъ, Онъ проявляется въ воплощеніи; какъ Святой Духъ,—въ освященіи душъ. Эти расширенія временны, они вызываются потребностями тварей. Какъ только потребность прекращается, прекращается и расширеніе, и Божество сокращается. Это двойное движеніе (πλατυσμός, συστολή) подобно рукѣ, раскрывающейся и сжимающейся. Міръ, въ направленіи котораго происходятъ эти послѣдовательныя расширенія, является твореніемъ Бога, разсматриваемаго подъ аспектомъ Слова. Проявленіе Слова въ отличіе отъ прочихъ непрерывно: оно длится столько же, сколько міръ. Этого нельзя сказать про Сына Божія. Савелліане не были согласны относительно божественнаго сыновства: одни полагали его въ человѣческой природѣ Христа (τὸν ἄνθρωπον ὃν ἀνέλαβεν ὁ Σωτήρ,—въ человѣкѣ, котораго воспри-

---

[1]) Изложеніе сдѣлано по IV-й кн. сочиненія Аѳанасія „Противъ аріанъ“.

нялъ Спаситель) [1]), другіе—въ соединеніи Слова и человѣческаго начала, третьи, наконецъ, учили, что Слово становится Сыномъ Божіимъ въ моментъ воплощенія. Послѣднее было преходящимъ моментомъ: оно перестало существовать предъ сошествіемъ Святаго Духа [2]); проявленіе, именуемое Сыномъ Божіимъ, тогда закончилось, божественная длань опять закрылась. Что сталось съ человѣческой природой Христа, когда кончилось воплощеніе? Объ этомъ мы ничего не знаемъ.

Маркеллъ [3]) также училъ о своего рода расширеніи Божества (πλατυσμός). Какимъ образомъ монада могла бы вѣчно оставаться монадой и въ то же время произвести міръ? Вѣчный Разумъ Божества (λόγος) какъ бы выходитъ изъ Него (προέρχεται) силою дѣйственной энергіи (ἐνεργείᾳ δραστικῇ), не переставая однако оставаться въ Богѣ. Такъ объясняется твореніе и воплощеніе; послѣдующее излученіе Логоса производитъ откровеніе Святаго Духа [4]). Эти излученія не служатъ причиной возникновенія отдѣльныхъ ипостасей, лицъ; существуетъ лишь одна божественная ипостась. Въ концѣ міра, послѣ того, какъ минуетъ тысячелѣтнее царство, излученіе прекратится, и Логосъ вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, отъ него проистекшимъ, вернется въ лоно Божества. До воплощенія,—и Маркеллъ ссылался въ этомъ случаѣ на языкъ Св. Писанія,—существовало только Слово. Лишь вслѣдствіе воплощенія Слово становится Сыномъ Божіимъ [5]); но оно перестанетъ быть таковымъ, когда земное царствіе Сына закончится.

При помощи этой системы, въ которую входили очень древнія воззрѣнія, конечно, чуждыя и предшествующія оригеновскому богословію, Маркеллъ очень хорошо защищалъ принципъ божественнаго единства и единосущія; какъ полемистъ, онъ стоялъ въ этомъ случаѣ на той же почвѣ, на какой стояли римская церковь, Никейскій соборъ и св. Аѳанасій. Но въ лагерѣ противниковъ не всѣ

---

[1]) Однако въ этомъ объясненіи личность приписана Божественному началу; ее не желали связывать съ представленіемъ о Сынѣ.

[2]) Замѣтьте, какъ эта черта совпадаетъ съ тѣмъ фактомъ, что въ Киринаикѣ во времена св. Діонисія Александрійскаго уже не проповѣдывали Сына Божія (Athanasius, *De sent. Dionysii*, 5).

[3]) О Маркеллѣ см. Th. Zahn., *Marcellus von Ancyra*, Gotha, 1867, и въ особенности докладъ Лоофса въ Трудахъ Берлинской Академіи 1902 г., S. 764.

[4]) Такимъ образомъ до этого момента Троица Маркелла имѣетъ лишь два члена; это—еще „binitas“.

[5]) Это положеніе имѣло то преимущество, что пресѣкало всѣ аріанскія разсужденія о томъ, что рождающій необходимо долженъ предшествовать рожденному, но въ то же время оно устраняло и всякое божественное рожденіе.

стороны ученія были осуждены на погибель. Арій, Евсевій и прочіе шли противъ преданія, когда оспаривали вѣчность Слова и его безусловную божественность; напротивъ, они опирались на преданіе, когда отстаивали дѣйствительное обособленіе ипостасей. Въ этомъ пунктѣ ихъ усилія увѣнчались успѣхомъ, но послѣ долгой борьбы и пораженій, когда въ концѣ-концовъ всѣ устали отъ братоубійственной войны, когда рѣшились добросовѣстно отнестись другъ къ другу, выслушать одинъ другого, и, не говоря этого прямо, не провозглашая себя побѣдителями или не признавая себя побѣжденными, пошли на уступки и связали вмѣстѣ двѣ идеи: объ единомъ существѣ и о трехъ ипостасяхъ Божества.

Но до этого еще было далеко. Въ концѣ царствованія Константина, поскольку правительственное давленіе не сдерживало воинственнаго пыла, противники еще разсчитывали побѣдить одинъ другого и искоренить другъ-друга всѣми правдами и неправдами.

Евстаѳій, Аѳанасій и Маркеллъ, три главныхъ бойца за никейскій символъ, уже были выбиты изъ строя, и по крайней мѣрѣ послѣдній — за ересь, которая могла подорвать уваженіе къ ученію объ единомъ существѣ, обнаруживъ, что за этимъ столь одобреннымъ выраженіемъ могутъ скрываться предосудительныя доктрины. Другіе епископы пострадали отъ недоброжелательства побѣдителей [1]). Однако никейскій символъ еще держался. Въ Тирѣ ничего не предприняли прямо противъ него. Реабилитація Арія не могла быть истолкована какъ отказъ отъ знаменитаго догмата: исповѣданіе вѣры, представленное ересіархомъ императору, признано было за равноцѣнное тому, какое составили триста епископовъ на соборѣ. Нельзя однако отрицать, что, допуская замѣну одного исповѣданія другимъ, открывали путь многимъ уверткамъ.

Между тѣмъ Константинъ умеръ 22 мая 337 г., принявъ крещеніе на виллѣ поблизости Никомидіи. Престарѣлый Евсевій, мѣстный

---

[1]) Св. Аѳанасій (*Apol. de fuga*, 3, *Hist. Ar*, 5) называетъ нѣсколькихъ: Асклипу газскаго, который, судя по посланію Восточныхъ къ собору въ Сардикѣ (Hilar., *Fragm. histor.*, III, 11), былъ осужденъ за 17 лѣтъ до того, или въ 326 г. Елланика трипольскаго, Картерія антарадскаго, Киматія палтосскаго, Евфратіона валанейскаго, Кира верійскаго въ сѣверной Сиріи, Діодора (изъ Тенедоса) въ Азіи, Ѳеодула и Олимпія (изъ Эноса) во Ѳракіи съ двумя слѣдовавшими другъ за другомъ епископами Андріонополя, — Евтропіемъ и Лукіемъ: первый былъ открытымъ врагомъ Евсевія никомидійскаго, и невѣстка Константина, Василина, была къ нему очень враждебно настроена, — Домніона сирмійскаго; наконецъ, константинопольскаго епископа Павла, преемника Александра съ 336 г-

епископъ, неутомимый защитникъ Арія, руководилъ окончательнымъ присоединеніемъ къ Церкви перваго христіанскаго императора. Его собратъ и соименникъ въ Кесаріи началъ немедленно составлять надгробную рѣчь въ четырехъ книгахъ, извѣстную подъ именемъ „Жизни Константина", свидѣтельствующую объ его преклоненіи передъ тѣмъ, что онъ считалъ добрыми дѣлами покойнаго императора, и объ его искусствѣ затушевывать другія дѣла. Въ ней ни слова не упоминается объ убійствѣ Криспа и Фаусты; авторъ изловчился разсказать о Никейскомъ и Тирскомъ соборахъ со всѣми церковными событіями, которыя были съ ними связаны, не упоминая имени ни Аѳанасія, ни Арія. Это — верхъ совершенства въ дѣлѣ умолчанія и обиняковъ.

ГЛАВА VI.

Императоръ Константъ.

Наслѣдники Константина. — Возвращеніе Аѳанасія. — Козни евсевіанъ: соперникъ Аѳанасія Пистъ. — Обращеніе къ папѣ по александрійскому вопросу. — Вторженіе Григорія.—Аѳанасій въ Римѣ.—Восточные епископы и папа Юлій.— Римскій соборъ 340 г. — Отмѣна постановленій восточныхъ соборовъ противъ Аѳанасія и Маркелла.—Константъ — единый повелитель Запада.—Соборъ „на обновленіе (храма)“ въ Антіохіи въ 341 г.—Смерть Евсевія никомидійскаго.— Павелъ константинопольскій.—Соборъ въ Сардикѣ; расколъ на Востокѣ.—Переговоры.—Осужденіе Фотина.—Возвращеніе Аѳанасія въ Александрію.—Африканскія дѣла.—Циркумцелліоны.—Миссія Павла и Макарія.—Возстановленіе единства: соборъ при еп. Гратѣ.

У Константина было три брата, дѣти Констанція Хлора отъ Ѳеодоры: Далматій, Юлій Констанцій и Ганнибаліанъ. Несочувственно настроенные по отношенію къ императрицѣ Еленѣ, какъ это легко понять, они долго жили въ удаленіи отъ двора. Сперва они жили въ Тулузѣ, но въ концѣ-концовъ сблизились съ императоромъ и послѣ смерти Елены достигли высокихъ почестей. Дельмацій въ 333 г. былъ назначенъ консуломъ и даже облеченъ особымъ званіемъ цензора, въ силу котораго ему пришлось разбирать обвиненія, взведенныя на Аѳанасія. Юлій Констанцій въ свою очередь получилъ въ 335 г. почетное званіе консула. О третьемъ, Ганнибаліанѣ, ничего подобнаго неизвѣстно; можно думать, что онъ умеръ въ молодости, во всякомъ случаѣ ранѣе Константина. У Юлія Констанція было четверо дѣтей — два сына и дочь отъ перваго брака и сынъ отъ второго брака съ Василиной. Этотъ послѣдній сталъ впослѣдствіи императоромъ Юліаномъ; изъ другихъ двухъ одинъ, Галлъ, былъ кесаремъ въ царствованіе Констанція. Эти дѣти были еще слишкомъ малы въ моментъ смерти Константина, чтобы онъ могъ считаться съ ними въ своихъ распоряженіяхъ относительно государственныхъ должностей. Но два сына Далматія были старше. Одинъ, тоже Далматій по имени, былъ назначенъ кесаремъ въ 335 г.; другой, Ганнибаліанъ, былъ

облеченъ властью вассальнаго владѣтеля сосѣднихъ съ Арменіей провинцій подъ именемъ царя понтійскаго. На мѣсто объединенной имперіи Константина опять выдвигалась тетрархія. На Западѣ Константину II была поручена Галлія, Британія и Испанія; на Востокѣ Констанцій съ вассальнымъ владѣтелемъ Ганнибаліаномъ долженъ былъ управлять Малой Азіей, Сиріей и Египтомъ; Италія, Африка и области Верхняго Дуная были назначены Константу, третьему сыну Константина; все прочее до Босфора составило удѣлъ кесаря Далматія.

Таковы были распоряженія Константина, но они не были вполнѣ осуществлены. Послѣ его похоронъ въ Константинополѣ произошли событія, о которыхъ мы имѣемъ сбивчивыя свѣдѣнія: были придворныя интриги, военные заговоры, волненія въ войскѣ, смуты и убійства. Констанцій, единственный изъ трехъ братьевъ, который находился въ то время въ Константинополѣ, отнесся безучастно ко многому, чему могъ бы помѣшать. Братья императора были убиты, равно какъ кесарь Далматій и царь Ганнибаліанъ; старшій сынъ Юлія Констанція погибъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ; прочіе два, Галлъ и Юліанъ, спаслись; послѣдній—благодаря заступничеству одного сирійскаго епископа, Марка ареѳузскаго. Убили также префекта преторіи Авлавія и зятя покойнаго императора патриція Оптата [1]). Предлогомъ для всѣхъ этихъ ужасовъ послужило то, что Константину должны наслѣдовать только его сыновья.

Эти сыновья—ихъ было трое—были еще юношами. Самый старшій, Константинъ II, не достигъ еще 21 года, второму, Констанцію, было 20 лѣтъ, третьему, Константу, только-что пошелъ 15-й годъ. Лѣтомъ они собрались въ Виминаціи, на берегахъ Дуная, и договорились оставить Константу всѣ области, которыя за смертью Далматія остались непристроенными. Такимъ образомъ самый юный изъ наслѣдниковъ былъ надѣленъ щедрѣе всѣхъ, однако Константинъ II присвоилъ себѣ своего рода опеку надъ нимъ. Всѣ трое приняли титулъ августовъ (9 сентября 337 г.).

Сыновья Константина были воспитаны въ христіанской вѣрѣ. Религіозные вопросы не замедлили привлечь ихъ вниманіе. Они договорились вернуть всѣхъ сосланныхъ епископовъ. Въ такой общей формѣ эта милостивая мѣра не была лишена неудобствъ. Многимъ возвращеннымъ епископамъ уже были назначены преемники,

---

[1]) Онъ былъ женатъ на Анастасіи, одной изъ трехъ дочерей Констанція Хлора.

у всѣхъ были друзья и враги; ихъ обратное водвореніе подало поводъ къ безпорядкамъ. Такъ было въ Адріанополѣ, Константинополѣ, Анкирѣ и Газѣ [1]). Вскорѣ послѣ смерти своего отца [2]) Константинъ II освободилъ изъ ссылки Аѳанасія и въ особомъ посланіи возвѣстилъ объ этомъ „каѳолической" александрійской церкви, объявляя, что этимъ распоряженіемъ онъ только выполняетъ волю покойнаго императора. Аѳанасій встрѣтился въ Виминаціи съ Констанціемъ. Съ нимъ-то и приходилось ему впредь имѣть дѣло. Несмотря на свою юность, Констанцій былъ напыщеннымъ, кичливымъ и страшно тщеславнымъ человѣкомъ. Ему, вѣроятно, было не по душѣ возвращеніе человѣка, который въ теченіе десяти лѣтъ слылъ на Востокѣ за сѣятеля смуты. Можетъ-быть, его нерасположеніемъ объясняется продолжительность путешествія Аѳанасія. Они встрѣтились еще разъ въ Кесаріи Каппадокійской. Аѳанасій воздержался отъ всякихъ жалобъ на своихъ враговъ: Евсевія никомидійскаго и другихъ. По дорогѣ онъ не разъ былъ втянутъ въ тѣ распри, которыя вызывало возвращеніе изгнанниковъ. Впослѣдствіи его обвиняли въ томъ, что онъ помогалъ ихъ возстановленію и даже посвящалъ новыхъ епископовъ взамѣнъ тѣхъ, кто занималъ ихъ каѳедры [3]). Онъ еще не вернулся въ Александрію, какъ тамъ уже вспыхнуло междоусобіе, и власти вынуждены были вмѣшаться [4]). Наконецъ, 23 ноября 337 г. онъ вступилъ вновь въ Александрію [5]) послѣ болѣе чѣмъ двухлѣтняго отсутствія.

---

[1]) *Ep. Oriental.* (Hil., *Fragm. hist.* III, 9).

[2]) Письмо помѣчено Триромъ XV *kal. jul.* (17 іюня); Константинъ II тамъ титулуется еще кесаремъ,—титулъ, который черезъ три мѣсяца онъ перемѣнилъ на августа.

[3]) Per omnem viam reditus sui Ecclesiam subvertebāt; damnatos episcopos aliquos restaurabat, aliquibus spem ad episcopatus reditum promittebat; aliquos ex infidelibus constituebat episcopos, solvis et integris permanentibus sacerdotibus, per pugnas et coedes gentilium, nihil respiciens leges, desperationi tribuens totum (Въ теченіе всего своего обратнаго путешествія онъ,—Аѳанасій,—производилъ безпорядки въ церкви: однихъ изъ осужденныхъ епископовъ возстановлялъ на каѳедрахъ, другихъ одушевлялъ надеждой на возвращеніе епископскихъ правъ; нѣсколькихъ лицъ изъ невѣрныхъ поставилъ во епископы, несмотря на то, что (ихъ каѳедры) были замѣщены здравыми и невредимыми іерархами, возбуждая для этого при содѣйствіи язычниковъ кровопролитныя и смертоубійственныя возстанія, презирая всякіе законы, повергая всѣхъ въ отчаяніе). *Ep. Or.*, *loc cit.*, 8.

[4]) *Apol. c. Arian.*, 3.

[5]) Пасхальная Хроника, повидимому, указываетъ на 338 г. Такое промедленіе было бы необъяснимо, но такъ какъ она относитъ къ одному году смерть Константина и возвращеніе Аѳанасія, то возможно, что она на самомъ дѣлѣ указываетъ 337 г. совершенно такъ же, какъ немного ранѣе она относитъ Тирскій соборъ къ 336 г. вмѣсто 335. Десятое пасхальное посланіе, на пасху

Тамъ его отнюдь не хотѣли оставить въ покоѣ. Евсевій никомидійскій былъ въ большой милости у новаго повелителя Востока. Онъ не могъ потерпѣть, чтобы ему помѣшали утолить свою месть, или перекраивали постановленія Тирскаго собора. Правда, такъ какъ Аѳанасій былъ съ радостью встрѣченъ паствой, а популярность его въ Египтѣ была велика, то было бы благоразумнѣе не продолжать травли этого энергичнаго и богато одареннаго человѣка. Но можно ли было отступать?

„Лучше все погубимъ: таковъ духъ церкви", — думалъ старый Евсевій наподобіе каноника въ поэмѣ Буало.

Походъ начали сперва очень неловкимъ маневромъ. Сторонники Арія еще при жизни своего учителя образовали въ Александріи тѣсный кружокъ, державшійся въ сторонѣ отъ великой церкви въ виду ихъ отлученія со стороны Аѳанасія. Было рѣшено [1]) дать имъ епископа и постараться, чтобы онъ былъ признанъ законнымъ главой александрійской церкви всюду внѣ ея. Для этой цѣли избрали одного изъ первыхъ послѣдователей Арія, Писта, бывшаго когда-то пресвитеромъ въ Мареотѣ и низложеннаго Александромъ одновременно съ самимъ Аріемъ. Бывшій епископъ птолемаидскій Секундъ, осужденный въ то же время, сейчасъ же рукоположилъ его [2]). Съ нимъ стали обращаться какъ съ епископомъ, поддерживали съ нимъ обширную переписку и снеслись съ другими епископами, чтобы обезпечить за нимъ ихъ поддержку [3]). Обратились даже къ папѣ Юлію, къ которому былъ посланъ пресвитеръ Макарій съ двумя діаконами, Исихіемъ и Мартиріемъ. Эти лица привезли въ Римъ протоколы Тирскаго собора, чтобы убѣдить папу, что разъ Аѳанасій былъ правильно низложенъ, то уже не можетъ больше считаться александрійскимъ епископомъ.

На эту вылазку Аѳанасій отвѣтилъ соборнымъ посланіемъ отъ имени всѣхъ египетскихъ епископовъ: въ немъ исторія Тирскаго собора была разсказана съ точки зрѣнія Аѳанасія и подробно ра-

---

338 г., начинается съ жалобъ на огорченія, причиняемыя Аѳанасію его врагами, которые держатъ его на краю свѣта и мѣшаютъ праздновать пасху со своей паствой. Значитъ, въ зиму 337—338 г. Аѳанасій, повидимому, находился еще въ Трирѣ. Но посланіе заканчивается выраженіемъ радости по поводу того, что кончаются его испытанія и что ему предстоитъ отпраздновать пасху со своей церковью, какъ бывало прежде. Ясно, что здѣсь соединено вмѣстѣ начало одного посланія (337 г.) и конецъ другого (338 г.).

[1]) Это вторженіе Писта могло предшествовать возвращенію Аѳанасія.

[2]) См. выше, стр. 88, 104 и 112, прим. 4.

[3]) См. посланіе египетскихъ епископовъ, *Apol. c. Arian.* 19; посланіе папы Юлія, *ibid.*, 24.

зобрана; въ то же время въ немъ поставлялось на видъ настоящее положеніе дѣлъ въ Александріи, единодушіе всѣхъ египетскихъ епископовъ, ничтожность противниковъ, число которыхъ, какъ и раньше, исчерпывалось кругомъ мелитіанскаго духовенства и нѣсколькими приверженцами Писта. Съ этимъ посланіемъ отправились въ Италію пресвитеры изъ Александріи.

Они везли съ собой письма не только къ папѣ, но и къ императорамъ Константину II и Константу, передъ которыми враги Аѳанасія старались оклеветать ихъ епископа, внушая, будто его возвращеніе было дурно принято въ Александріи, будто полиціи пришлось сдерживать народное возмущеніе, будто онъ продавалъ въ свою пользу хлѣбъ, отпускавшійся императорами александрійскому епископу для раздачи бѣднымъ въ Египтѣ и Ливіи [1]. Эти росказни сперва нашептывали самому императору Констанцію, чтобы еще больше вооружить его противъ Аѳанасія.

Около этого времени Евсевій никомидійскій, добившись вторичнаго изгнанія изъ Константинополя несчастнаго епископа Павла, перебрался на его мѣсто, передавъ никомидійскую каѳедру Амфіону, замѣщавшему Евсевія во время его собственнаго изгнанія. Евсевій кесарійскій, быть-можетъ, уже переселился въ иной міръ; по крайней мѣрѣ со смерти Константина о немъ совсѣмъ больше не слышно: повидимому, онъ былъ весь поглощенъ надгробной рѣчью о великомъ императорѣ и почитаніемъ его памяти [2].

Макарій былъ непріятно удивленъ прибытіемъ въ Римъ посланцевъ Аѳанасія. Онъ сейчасъ же вернулся на Востокъ, оставивъ въ Римѣ своихъ двухъ спутниковъ. Эти, видя, что ихъ разсказы опровергаются александрійцами, рѣшились по собственному почину на очень важный шагъ: они обратились къ папѣ съ просьбой созвать соборъ и разобрать дѣло, допустивъ состязаніе обѣихъ сторонъ передъ нимъ. Юлій не рѣшился бы причинить такое безпокойство восточнымъ епископамъ; но такъ какъ созыва собора просили отъ ихъ имени, онъ не счелъ нужнымъ отказывать, и приглашенія на соборъ были отправлены какъ александрійскому епископу, такъ и константинопольскому и его единомышленникамъ.

Во время этихъ переговоровъ въ Римѣ положеніе дѣла въ Египтѣ обострялось. Евсевій со своими споспѣшниками, собранными въ Антіохіи въ свитѣ императора Констанція, сознали невозможность

---

[1]) *Apol. c. Arian.*, 18, *Hist. ar.*, 9, *Apol. ad Const.*, 4.

[2]) Онъ умеръ 30 мая, можетъ-быть, 338 или 339, или 340 года.

поддерживать Писта и рѣшили послать въ Александрію человѣка, который, принадлежа къ ихъ кружку, все-же не былъ бы замѣшанъ въ распряхъ послѣднихъ годовъ. Ихъ выборъ палъ на нѣкоего уроженца Эдессы Евсевія, учившагося вмѣстѣ съ Евсевіемъ кесарійскимъ и проведшаго нѣкоторое время въ Александріи, а теперь жившаго при дворѣ антіохійскаго епископа Флакилла. Евсевій отказался, не желая вступать въ борьбу съ популярнымъ Аѳанасіемъ [1]). За его отказомъ выборъ остановился на каппадокійцѣ Григоріи, который былъ немедленно рукоположенъ и затѣмъ отправленъ въ Египетъ.

Нельзя было представить себѣ чего-нибудь болѣе незаконнаго. Даже допустивъ дѣйствительность приговора Тирскаго собора и считая Аѳанасія лишеннымъ законныхъ правъ, нужно было по крайней мѣрѣ, чтобы его преемникъ былъ избранъ духовенствомъ и мірянами Александріи и затѣмъ водворенъ епископами своей митрополичьей области. Но одной незаконностью больше или меньше, — объ этомъ ужъ не безпокоились. Египетскимъ префектомъ вновь былъ поставленъ Филагрій, находившійся подъ покровительствомъ стараго Евсевія, который оцѣнилъ его усердіе во времена Тирскаго собора; тотъ объявилъ указомъ въ серединѣ марта 339 года, что у Александріи есть новый епископъ. Христіанское населеніе, возмущенное этимъ, бросилось къ церквамъ; александрійскіе храмы, вопреки всему, что продѣлывали противъ Аѳанасія, остались въ его рукахъ; во время его изгнанія вѣрные ему пресвитеры совершали тамъ богослуженіе. Теперь дѣло шло о томъ, чтобы изъять эти церкви изъ ихъ вѣдѣнія и передать пришельцу. Церковь Квирина [2]) первая подверглась нападенію 18 марта; на мѣстѣ разыгралось прискорбное побоище, сопровождавшееся убійствами и увѣчьями; наконецъ, зданіе загорѣлось и погибло въ огнѣ вмѣстѣ съ прилегающей крестильней. Четыре дня спустя Григорій вступилъ въ городъ въ сопровожденіи охраны и при привѣтственныхъ кликахъ язычниковъ, евреевъ и аріанъ. Ему проложили дорогу въ епископскій дворецъ, но не безъ драки. Дѣло было великимъ постомъ и приближалась пасха. Григорій ходилъ изъ церкви въ церковь съ полиціей и отбиралъ ихъ одну за другой. Въ одной

---

[1]) Сократъ, II, 9 по Георгію лаодикійскому, современнику и другу Евсевія емесскаго.

[2]) *Hist. ar.*, 10. Хроника пасхальныхъ посланій называетъ церковь Ѳеоны, бывшую въ 356 г. мѣстомъ дѣйствія подобныхъ происшествій; быть можетъ, тутъ есть путаница.

изъ нихъ въ великую пятницу онъ захватилъ 34 человѣка, которыхъ велѣлъ бить кнутомъ и посадить въ темницу. Даже въ самый день пасхи были произведены аресты. Аѳанасій еще держался въ одной церкви. Ему сообщили, что и на нее произведутъ нападеніе, и онъ добровольно удалился ради избѣжанія безпорядковъ. Разумѣется, оффиціальныя донесенія приписали ему всѣ ужасы тѣхъ дней въ Александріи.

Можно себѣ представить его негодованіе. Незачѣмъ и напрягать свое воображеніе: до насъ дошло его негодующее воззваніе, которое онъ тогда разослалъ всѣмъ христіанскимъ епископамъ. Оно начинается съ исторіи левита въ Ефраимѣ, который изрѣзалъ въ куски свою обезчещенную жену и этими кровавыми останками возбудилъ негодованіе племенъ израилевыхъ. Его собственная александрійская церковь также подверглась насилію на его глазахъ; ее вырвали у него по кускамъ. Далѣе идетъ скорбный разсказъ о вторженіи Григорія. Наконецъ, обращаясь къ своимъ собратьямъ, Аѳанасій взываетъ къ нимъ со страстнымъ краснорѣчіемъ.

„Вотъ комедія, которую играетъ Евсевій! Вотъ козни, которыя онъ ковалъ давно, и онъ добился цѣли при помощи клеветъ, которыми онъ осаждаетъ императора. Но этого ему не довольно: онъ жаждетъ моей головы, онъ старается запугать моихъ друзей угрозами смерти и ссылки. Но это не заставитъ меня склониться передъ неправдой; напротивъ, я буду защищаться и протестовать противъ гнусностей, которыхъ я сталъ жертвой... Если бы въ то время, когда вы мирно руководите съ высоты своихъ каѳедръ собраніями вѣрной вамъ паствы, вдругъ по чьему-то приказу явился къ вамъ замѣститель, развѣ вы его потерпѣли бы? Развѣ не призывали бы къ мести? Такъ вотъ пришло время, когда надо подняться: иначе, если вы промолчите, бѣдствіе распространится на всѣ церкви, наши епископскія каѳедры станутъ предметомъ низкой жадности и безстыднаго торга... Не допускайте такихъ вещей, не потерпите, чтобы славная александрійская церковь была попрана ногами еретиковъ“.

Выпустивъ это воззваніе, Аѳанасій сѣлъ на корабль и отправился въ Римъ. Это ему было не легко сдѣлать, такъ какъ портъ находился подъ особымъ наблюденіемъ; но моряки любили его: ему дали проскользнуть. Почти въ одно время съ нимъ высадился въ Италіи Карпонъ, одинъ изъ александрійскихъ пресвитеровъ, низложенныхъ вмѣстѣ съ Аріемъ: онъ везъ посланіе отъ Григорія. Такой посланецъ способенъ былъ какъ-разъ подтвердить то, что

уже было извѣстно, а именно, что Григорій и тѣ, кто его поставилъ, были споспѣшниками аріанства. Въ Римѣ, гдѣ считались только съ Никейскимъ соборомъ, эта партія не могла имѣть никакого успѣха.

Между тѣмъ римскіе легаты Елпидій и Филоксенъ отправились на Востокъ. Ихъ тамъ долго задерживали подъ разными предлогами, такъ что они могли пуститься въ обратный путь лишь въ январѣ 340 г. Та церковная среда, въ какой имъ пришлось обращаться, отнеслась къ нимъ не очень привѣтливо. Приглашеніе, которое они привезли съ собой, было отклонено: ихъ снабдили весьма высокомѣрнымъ письмомъ, въ которомъ заключался протестъ противъ мысли пересматривать на Западѣ рѣшенія восточныхъ соборовъ и намекъ на то, что папѣ надо выбирать между обществомъ людей, подобныхъ Аѳанасію и Маркеллу, и общеніемъ съ восточными епископами. Это письмо, которое до насъ не дошло [1]), было помѣчено Антіохіей и составлено отъ имени епископовъ Кесаріи Каппадокійской (Діанія), антіохійскаго (Флакилла) [2]), константинопольскаго (Евсевія) и нѣкоторыхъ другихъ. Папа былъ очень оскорбленъ имъ, но не отказался отъ мысли о соборѣ. Составленный изъ пяти десятковъ епископовъ, онъ собрался въ церкви (titulus) пресвитера Вита, одного изъ легатовъ Сильвестра на Никейскомъ соборѣ, лѣтомъ или осенью 340 года. Аѳанасію было нетрудно оправдаться и разоблачить козни, жертвой которыхъ онъ былъ.

Его дѣло было не единственнымъ: при первомъ слухѣ о соборѣ поспѣшили сюда всѣ низложенные и изгнанные изъ своихъ епархій восточные епископы. Изгнанники,—епископы и пресвитеры,—нахлынули въ Римъ изъ Ѳракіи, Малой Азіи, Сиріи, Финикіи, Палестины. Маркеллъ анкирскій долго прожилъ тамъ. На него также поступилъ къ папѣ доносъ, и тотъ пригласилъ его обвинителей, такъ же какъ и обвинителей Аѳанасія, предстать предъ соборомъ. Въ ихъ отсутствіе Маркеллъ далъ свои объясненія, и

---

1) Кромѣ того, что гласитъ о немъ отвѣтъ папы Юлія, нужно обратить вниманіе и на изложеніе Созомена, III, 8.

2) Отвѣтъ озаглавленъ такъ: Ἰούλιος Διανίῳ καὶ Φλακίλλῳ, Ναρκίσσῳ, Εὐσεβίῳ, Μάρι. Μακεδονίῳ, Θεοδώρῳ, καὶ τοῖς σὺν αὐτοῖς ἀπὸ Ἀντιοχείας γράψασιν ἡμῖν. (Юлій—Діанію и Флакиллу, Наркиссу, Евсевію, Марію, Македонію, Ѳеодору и съ ними писавшимъ намъ изъ Антіохіи). Флакиллъ и Діаній, повидимому, были безцвѣтными личностями; киликійскіе епископы Наркиссъ нероніанскій и Македоній мопсуестійскій, а также Марій халкидонскій и Ѳеодоръ ираклійскій (во Ѳракіи) были столпами евсевіанской партіи.

они показались удовлетворительными; Витъ и Викентій, бывшіе римскими легатами на Никейскомъ соборѣ, припомнили собранію ревность, которую онъ проявилъ тогда противъ аріанъ. Словомъ, ему вернули епископское званіе и признали его вновь состоящимъ въ общеніи съ церковью.

Эти рѣшенія были доведены до свѣдѣнія восточнаго епископата чрезъ посредство посланія папы Юлія, адресованнаго [1]) на имя тѣхъ, кто подписался подъ посланіемъ, принесеннымъ легатами изъ Антіохіи. Это одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ разсказываемыхъ событій. Рѣзкость и высокомѣріе, съ которымъ восточные епископы обратились къ папѣ, больно задѣли его, но онъ остался, какъ и подобало ему, спокойнымъ, миролюбивымъ, безпристрастнымъ. Если,—писалъ онъ,—онъ призывалъ епископовъ Востока на соборъ, то—по просьбѣ ихъ же уполномоченныхъ; впрочемъ онъ и самъ бы это сдѣлалъ, ибо было естественно дать какое-нибудь движеніе жалобѣ епископовъ, которые объявляли себя несправедливо низложенными. Пересматривать рѣшенія прежнихъ соборовъ не есть что-либо неслыханное: развѣ на Востокѣ не поступили такимъ же образомъ по отношенію къ Никейскому собору, принявъ вновь Арія и его сторонниковъ? Права папы оспариваютъ, утверждая, что авторитетъ епископа не зависитъ отъ важности города, гдѣ онъ священствуетъ. Странный доводъ въ устахъ человѣка, который переѣзжаетъ изъ столицы въ столицу. Для него, папы, единство церкви имѣетъ большее значеніе, чѣмъ разсказы о разбитыхъ чашахъ. Отъ него не ускользаетъ, что подъ видомъ осужденія проступковъ Аѳанасія и заблужденій Маркелла ихъ противники довольно плохо скрываютъ свое желаніе оправдать аріанъ. Однако онъ хотѣлъ все разобрать въ подробности. Не его вина, если обвинители, обратившись сперва къ его посредничеству, теперь избѣгаютъ явиться къ разбору дѣла, и если египетскій префектъ мѣшаетъ епископамъ этой области отправиться въ Римъ. Папа вынесъ сужденіе на основаніи данныхъ, которыми располагалъ, именно протоколовъ Тирскаго собора, доставленныхъ ему самими Восточными. Если Восточные могутъ доказать, что папа введенъ въ заблужденіе, то пусть прибудутъ; обвиненные всегда готовы возражать. Вмѣсто того, чтобы

---

[1]) Дошло до насъ чрезъ св. Аѳанасія въ его *Apol. c. Arian.*, 20—25. Сабинъ Македонянинъ помѣстилъ въ своемъ сборникѣ письмо восточныхъ епископовъ къ папѣ Юлію, но не отвѣтъ послѣдняго (Socrat., II, 17).

послѣдовать приглашенію римскаго епископа, Восточные надѣлали чудовищныхъ несправедливостей, какъ, напр., поставленіе пришельца Григорія.

Если бы захотѣли сообразоваться съ древнимъ обычаемъ [1]) и пожелали, разъ шло дѣло о выдающихся епископахъ, объ александрійской каѳедрѣ, обратиться сперва къ римской церкви, чтобы она рѣшила правовой вопросъ, то дѣло не зашло бы такъ далеко. Необходимо покончить съ этими скандальными распрями, въ которыхъ счеты самолюбія разыгрываются въ ущербъ братской любви и единенію [2]).

Папа былъ тысячу разъ правъ. Однако это посланіе знаменуетъ начало союза римской церкви и св. Аѳанасія съ Маркелломъ анкирскимъ, — союза, имѣвшаго довольно непріятныя послѣдствія. Маркеллъ былъ, можетъ - быть, одушевленъ наилучшими намѣреніями, но его ученіе, какъ видно было выше, было уязвимо для критики даже въ тѣ времена, когда точность богословскаго языка оставляла желать еще многаго. Перенесшій столько бурь Аѳанасій ни разу еще не подвергся обвиненію въ неправославіи даже со стороны своихъ злѣйшихъ враговъ. Иное дѣло—Евстаѳій и Маркеллъ. Евстаѳій вскорѣ умеръ, но Маркеллъ прожилъ почти такъ же долго, какъ Аѳанасій, и надо замѣтить, что на него всюду или почти всюду смотрѣли съ недовѣріемъ, не говоря уже о лицахъ, сочувствовавшихъ аріанству, для которыхъ онъ былъ бѣльмомъ на глазу. Черезъ два года послѣ его смерти св. Епифаній помѣстилъ его въ своемъ спискѣ еретиковъ, правда, съ нѣкоторой оговоркой. Онъ предложилъ на этотъ счетъ вопросъ самому Аѳанасію, и старый боецъ, не защищая и не обличая своего давняго соратника, ограничился улыбкой [3]), по которой Епифаній понялъ, что Маркеллъ былъ недалекъ отъ погибели и долженъ былъ оправдываться.

Къ тому времени, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, онъ уже былъ именно въ такомъ положеніи. Папа Юлій не выпустилъ его изъ

---

1) Ἢ ἀγνοεῖτε ὅτι τοῦτο ἔθος ἦν, *πρότερον γράφεσθαι ἡμῖν καί οὕτως ἔνθεν ὁρίζεσθαι τὰ δίκαια*; (Развѣ вы не знаете, что таковъ былъ древній обычай, чтобы сначала писали къ намъ, и такимъ образомъ здѣсь разбирались тяжбы?) *Apol. c. Arian.*, 35.

2) Посланіе было отвезено на Востокъ комитомъ Габіаномъ (*ib.*, 20).

3) Epiph. *Haer.* LXXII, 4 *μόνον διὰ τοῦ προσώπου μειδιάσας ὑπέφηνε μοχθηρίας μὴ μάκραν αὐτὸν εἶναι, καὶ ὡς ἀπολογησάμενον εἶχε*. (Только улыбкой далъ понять, что тотъ—Маркеллъ—не далеко ушелъ отъ заблужденія, и что онъ считаетъ его оправданнымъ).

Рима раньше, чѣмъ получилъ отъ него письменное исповѣданіе вѣры [1]). Ловко составленное, оно затушевывало характерныя черты ученія, подвергшагося въ предыдущіе годы такимъ нападкамъ со стороны Евсевія кесарійскаго. Читая его, можно было подумать, что Маркеллъ допускалъ вѣчность Слова не только какъ Слова, но и какъ Сына Божія, и что выраженію: „царствію Его не будетъ конца“ онъ придавалъ то же значеніе, что и Евангеліе [2]). Эта маленькая хитрость могла помочь на Западѣ, гдѣ мало слѣдили за такими богословскими тонкостями, но Восточные, болѣе свѣдующіе въ этомъ дѣлѣ, не дали бы себя провести.

Во время этихъ переговоровъ на Западѣ произошелъ важный политическій переворотъ. Повелители Галліи и Иллирика, Константинъ II и Константъ, поссорились, такъ какъ первый былъ недоволенъ своимъ удѣломъ и недостаточнымъ повиновеніемъ своего младшаго брата, состоявшаго подъ его опекой. Вооруженное столкновеніе между ними произошло подъ Аквилеей: Константинъ II былъ побѣжденъ и убитъ. Весь Западъ отъ Атлантическаго океана до Ѳракіи призналъ императоромъ Константа (въ апрѣлѣ 340 г.), власть котораго такимъ образомъ удвоилась и стала внушать осторожность его восточному соправителю Констанцію.

Въ слѣдующемъ 341 году въ Антіохіи было освященіе главной церкви, основаніе которой заложилъ еще Константинъ. Это торжество послужило поводомъ для большого съѣзда епископовъ, приблизительно до сотни [3]); торжество состоялось въ присутствіи императора Констанція. Несмотря на свой высокомѣрный видъ, Евсевій со своими друзьями очень досадовалъ на все происшедшее на Западѣ. Они разсчитывали на поддержку римской церкви, даже взывали къ ней, а она-то и становилась на сторону ихъ противниковъ. Ихъ повелитель Констанцій раздѣлялъ ихъ взгляды, но союзникъ Аѳанасія—Римъ—находился подъ покровительствомъ гораздо болѣе могущественнаго государя, чѣмъ Констанцій. Имъ приходилось уже защищаться. Не въ одномъ только Римѣ, и не только при дворѣ Константа, ихъ считали защитниками аріанства и арі-

---

[1]) Текстъ его у Епиф., *Haer.*, LXXII, 2—3. Имѣлось въ виду присоединить его къ посланію къ епископамъ, очевидно, по поводу Маркелла, и надо думать, что оно дѣйствительно было приложено къ посланію папы Юлія, о которомъ только-что шла рѣчь.

[2]) *Лук.* I, 33.

[3]) По Аѳанасію, девяносто. Св. Иларій и Созоменъ (Сабинъ) указываютъ 97.

анъ; это обвиненіе было распространено и на Востокѣ и притомъ за предѣлами Египта. Несмотря на полицейскія мѣры, доходили слухи о томъ, что̀ происходитъ въ несчастной странѣ, гдѣ пришлецъ Григорій повсюду преслѣдовалъ христіанъ, остававшихся вѣрными Аѳанасію, бралъ приступомъ церкви и сажалъ въ темницу даже исповѣдниковъ изъ временъ гоненія Максимина. Престарѣлый Евсевій почувствовалъ потребность въ самозащитѣ. Отъ собора „на обновленіе“ (in encaeniis) были разосланы различныя посланія [1]), изъ которыхъ въ одномъ заключались слѣдующія строки:

„Мы не послѣдователи (ἀκόλουθοι) Арія. Какъ могли бы мы, епископы, послѣдовать пресвитеру? Мы не имѣемъ иной вѣры, кромѣ той, которая преподана намъ изначала. Но изслѣдовавъ и оцѣнивъ его вѣру, мы скорѣй приняли его, чѣмъ послѣдовали за нимъ. Вы это увидите изъ слѣдующаго“. Далѣе слѣдуетъ безобидное исповѣданіе вѣры [2]), въ которомъ нѣтъ ни техническихъ выраженій Никейскаго собора, ни его заключительной анаѳемы; зато есть упоминаніе о вѣчномъ царствіи Христа, очевидно, направленное противъ Маркелла анкирскаго.

Другое соборное посланіе точнѣе объясняетъ божественныя свойства Сына Божія; оно даже нагромождаетъ одно на другое слова, способныя запечатлѣть ихъ въ памяти [3]), и нѣкоторымъ образомъ отвергаетъ выраженія, осужденныя Никейскимъ соборомъ. Говорится, что Сынъ есть образъ сущности (οὐσία) Отца,

---

[1]) Athan. *De syn.*, 22—25.

[2]) Характерныя мѣста: *καὶ εἰς ἕνα υἱὸν τοῦ Θεοῦ μονογενῆ πρὸ πάντων τῶν αἰώνων ὑπάρχοντα καὶ συνόντα τῷ γεγεννηκότι αὐτὸν Πατρί.... διαμένοντα βασιλέα καὶ Θεὸν εἰς τοὺς αἰῶνας.* (И во единаго Сына Божія, единороднаго, сущаго прежде всѣхъ вѣковъ и соприсущаго родшему Его Отцу... пребывающаго царемъ и Богомъ во вѣки).

[3]) *Τὸν γεννηθέντα πρὸ τῶν αἰώνων ἐκ τοῦ Πατρὸς, θεὸν ἐκ θεοῦ, ὅλον ἐξ ὅλου, μόνον ἐκ μόνου, τέλειον ἐκ τελείου βασιλέα ἐκ βασιλέως, κύριον ἀπὸ κυρίου, λόγον ζῶντα, σοφίαν ζῶσαν, φῶς ἀληθινόν, ὁδόν, ἀλήθειαν, ἀνάστασιν, ποιμένα, θύραν ἄτρεπτόν τε καὶ ἀναλλοίωτον τῆς θεότητος, οὐσιας, τε καὶ βουλῆς καὶ δυνάμεως καὶ δόξης τοῦ Πατρὸς ἀπαράλλακτον εἰκόνα, τὸν πρωτότοκον πάσης κτίσεως, τὸν ὄντα ἐν ἀρχῇ τὸν Θεόν, λόγον Θεόν... Εἴ τις λέγει τὸν Υἱὸν κτίσμα ὡς ἓν τῶν κτισμάτων ἢ γέννημα ὡς ἓν τῶν γεννημάτων, ἢ ποίημα ὡς ἓν τῶν ποιημάτων.... ἀνάθεμα ἔστω.* (...рожденнаго прежде вѣковъ отъ Отца, Бога отъ Бога, всецѣлаго отъ всецѣлаго, единственнаго отъ единственнаго, совершеннаго отъ совершеннаго, царя отъ царя, Господа отъ Господа, живое слово, живую премудрость, истинный свѣтъ, путь, истину, воскресеніе, пастыря, дверь, непреложнаго и неизмѣняемаго, безразличный образъ Отчаго Божества, Отчей сущности, воли, силы, и славы, перворожденнаго всей твари, сущаго въ началѣ у Бога, Бога-Слова... Если кто говоритъ, что Сынъ есть тварь, какъ одна изъ тварей, или рожденіе, какъ одно изъ рожденій, или произведеніе, какъ одно изъ произведеній... то да будетъ анаѳема).

но не говорится, что Онъ отъ сущности Отца. Три имени, — Отца, Сына и Святаго Духа, — полагаются не какъ простыя наименованія безъ отношенія къ дѣйствительному существованію, но какъ характерныя обозначенія ипостаси (ὑπόστασιν), мѣста, достоинства названныхъ Лицъ: такимъ образомъ по ипостаси они — три, но по своему согласію (συμφωνίᾳ) Они составляютъ одно [1]).

Соборомъ принята была третья формула, сочиненная епископомъ тіанскимъ Θеофроніемъ. Въ своей положительной части она совершенно безцвѣтна, но въ концѣ она прямо отвергаетъ Маркелла анкирскаго, Савеллія, Павла самосатскаго „и всѣхъ тѣхъ, кто находится въ общеніи съ ними".

Эти выраженія указываютъ на желаніе партіи Евсевія нѣсколько перемѣнить позицію. Арія уже не было въ живыхъ; его стали находить стѣснительнымъ для себя и старались отдѣлаться отъ слишкомъ близкаго союза съ нимъ. Дѣйствительно, никто уже не придерживался его ученія, за исключеніемъ нѣсколькихъ фанатичныхъ учениковъ. По этому вопросу отступаютъ въ полномъ порядкѣ и безъ сожалѣнія: партія нашла болѣе удобное поле для борьбы — состязаніе съ Маркелломъ. Здѣсь бой опять закипѣлъ. „Вы—аріане!"—безпрестанно раздаются крики изъ Рима и Александріи. „А вы—савелліане!"—возражаютъ изъ Антіохіи. Споръ— тѣмъ болѣе острый, что Маркеллъ находился въ живыхъ, западные епископы имѣли съ нимъ общеніе, поддерживали его, признавали епископомъ.

Аθанасій, сообщающій намъ формулы Антіохійскаго собора, не поясняетъ, какъ онѣ были доложены и приняты этимъ собраніемъ. Возможно, что нѣкоторые епископы или цѣлыя группы воспользовались случаемъ заручиться отъ собора свидѣтельствомъ о своемъ православіи. Никейскій соборъ, выработавъ символъ вѣры, не установилъ никакого правила относительно его употребленія и не коснулся вопроса, долженъ ли этотъ символъ замѣнить тѣ, какими до того пользовались разныя церкви при обрядѣ принятія въ христіанство. Повидимому, такая замѣна не приходила даже въ голову отцамъ собора, ибо въ противномъ случаѣ они дополнили бы конецъ символа упоминаніемъ о каθолической церкви, объ отпущеніи грѣховъ и о воскресеніи плоти. На

---

[1]) Св. Иларій (*De synodis*, 29 и сл.) приводитъ латинскій текстъ этой формулы и сочувственно разъясняетъ ее, какъ и Созоменъ (III, 5), чрезъ котораго мы знаемъ, что эта формула приписывалась партіей мученику Лукіану.

самомъ дѣлѣ церкви остались при своихъ символахъ. Въ томъ исповѣданіи вѣры, какое передалъ Маркеллъ анкирскій папѣ Юлію, онъ помѣстилъ слово въ слово римскій символъ вѣры. Въ другихъ мѣстахъ въ традиціонномъ текстѣ произвели измѣненія, сообразуясь либо съ формулой Никейскаго собора, либо съ другими. Уже во времена Константина, столь ревностно дорожившаго своимъ соборомъ, Арій могъ повергнуть на разсмотрѣніе императора исповѣданіе вѣры, которое не воспроизводило никейскаго символа буквально. Неудивительно, что появились и другія формулы. Во всякомъ случаѣ это былъ опасный путь, и послѣдствія не замедлили дать себя почувствовать.

Соборъ „на обновленіе“ [1]) былъ послѣднимъ, въ которомъ принималъ участіе Евсевій никомидійскій. Онъ умеръ, вѣроятно, въ концѣ 341 г. еще въ формальномъ общеніи съ церковью, ибо разрывъ между Востокомъ и Римомъ еще не былъ объявленъ. Если бы онъ всегда заботился только о собственныхъ дѣлахъ и не возымѣлъ роковой мысли впутаться въ распрю Арія со своимъ епископомъ, аріанство осталось бы мѣстнымъ александрійскимъ раздоромъ, и его было бы не такъ трудно умиротворить. Но Евсевій натравилъ на Аѳанасія сперва восточныхъ епископовъ, потомъ императора и государственную власть. На памяти этого епископа-интригана, въ которомъ нельзя найти ни одной симпатичной черты, лежитъ тяжелая отвѣтственность.

Константинопольская церковь, которою онъ управлялъ въ послѣдніе годы своей жизни, тоже пережила благодаря ему необычайныя потрясенія. Здѣсь послѣ смерти Александра (336) былъ избранъ въ епископы нѣкій Павелъ, уроженецъ Ѳессалоники. Говорятъ, что онъ присутствовалъ при низложеніи Аѳанасія и

---

[1]) Обыкновенно приписываютъ собору „на обновленіе“ 25 правилъ антіохійскаго собора, встрѣчающіяся въ самыхъ древнихъ каноническихъ сборникахъ. Это весьма спорно. Судя по препроводительному посланію къ отсутствующимъ и по подписямъ, соборъ, выработавшій эти правила, былъ составленъ исключительно изъ епископовъ области, подвѣдомственной Антіохіи,—Сиріи, Месопотаміи, Киликіи; не таковъ былъ составъ собора „на обновленіе“, который, несомнѣнно, включалъ и иныхъ епископовъ. Онъ, конечно, состоялся послѣ Никейскаго собора, о которомъ упоминается тамъ, и ранѣе 359 г., когда впервые въ памятникахъ той эпохи упоминается новая Евфратская провинція. Если бы подписи были болѣе обстоятельны, можно было бы отнести антіохійскій соборъ къ годамъ весьма близкимъ къ Никейскому собору, такъ какъ почти всѣ подписи общи тому и другому собору. Законодательныя распоряженія не даютъ на этотъ счетъ никакихъ указаній: давно уже въ нихъ отмѣчали черты, направленныя противъ Аѳанасія или противъ Евстаѳія, но это соображеніе не имѣетъ подъ собой твердаго основанія. Я полагаю, что соборъ происходилъ скорѣе до, чѣмъ послѣ 341 г.

подписался подъ нимъ [1]). Самъ онъ вскорѣ затѣмъ былъ обвиненъ однимъ изъ своихъ пресвитеровъ, Македоніемъ, низложенъ тѣмъ же соборомъ, что и Маркеллъ анкирскій, и сосланъ въ Понтъ. Его мѣсто оставалось еще свободнымъ, когда скончался Константинъ. Павелъ тотчасъ же послѣ этого вернулся въ свою церковь и нѣкоторое время жилъ въ ладу съ Македоніемъ. Но константинопольская каѳедра соблазняла честолюбиваго Евсевія. Въ удобный моментъ подняли опять старыя обвиненія противъ Павла; онъ вновь былъ изгнанъ, и Евсевій устроился на его мѣстѣ (въ концѣ 338 или началѣ 339 г.). Послѣ его смерти (341 г.) Павелъ, перебравшійся тѣмъ временемъ въ Триръ и радушно принятый тамъ епископомъ Максиминомъ, получилъ чрезъ его посредничество разрѣшеніе вернуться въ свой епископскій городъ. Но Евсевій уже имѣлъ время составить партію, во главѣ которой теперь стоялъ Македоній. Населеніе города раздѣлилось между нимъ и Павломъ, и распря доходила до побоищъ. Дѣло зашло такъ далеко, что одинъ военачальникъ, magister militum, Гермогенъ, былъ убитъ мятежниками въ свалкѣ, и толпа волочила тѣло его по улицѣ (342 г.). Однако побѣда осталась на сторонѣ властей. Префекту преторіи Филиппу удалось возвести на епископскую каѳедру Македонія послѣ побоища, въ которомъ пало, говорятъ, болѣе трехъ тысячъ человѣкъ. Что касается Павла, онъ былъ арестованъ, закованъ въ цѣпи и отправленъ въ Сингаръ, въ глубь Месопотаміи, на персидской границѣ. Оттуда его перевели въ Емису, затѣмъ въ Кукузъ, въ каппадокійскихъ горахъ, гдѣ пытались уморить его голодомъ; наконецъ, такъ какъ онъ все еще былъ живъ, префектъ Филиппъ приказалъ задушить его [2]).

---

[1]) Paulus vero Athanasii expositioni interfuit, manuque propria sententiam scribens cum ceteris cum etiam ipse damnavit (Павелъ участвовалъ въ низложеніи Аѳанасія, и, собственноручно подписавъ приговоръ, съ прочими также осудилъ его) *Ep. Or.* Hilar., *Frag.* 14. 13. Я не могу присоединиться къ мнѣнію тѣхъ, кто, основываясь на этомъ текстѣ, отвергаютъ совершенно исторію смерти Арія во времена епископа Александра, какъ ее передаетъ Аѳанасій. Возможно, что Павелъ принималъ участіе въ Тирскомъ соборѣ въ качествѣ представителя своего епископа или что онъ подписался подъ его постановленіями уже въ Константинополѣ нѣсколько позднѣе.

[2]) Исторію Павла очень трудно выяснить. Соборное посланіе Восточныхъ (343 г.)—самый древній документъ, но онъ составленъ подъ давленіемъ слишкомъ пылкой страсти, чтобы довѣрять каждой его буквѣ. Затѣмъ слѣдуютъ св. Аѳанасій (*Hist. ar.*, 7; ср. *Apol. de fuga*, 3) и св. Іеронимъ (*Chron.* ad ann. *Abr.* 2358). Созоменъ (III, 3, 4, 7—9) и Сократъ (II, 6, 7, 12 и сл.) передаютъ мѣстное константинопольское преданіе, но очень смутно. См. разборъ у Loofs'a въ Encyklopedie Hauck'a, sub art. *Macedonius*.

Между тѣмъ западный императорскій дворъ продолжалъ интересоваться дѣлами восточной церкви и тѣми, кто прибѣгъ подъ защиту римской каѳедры. Вслѣдствіе какого-то обращенія имп. Константа въ Антіохіи было рѣшено послать къ молодому государю депутацію епископовъ, и для этой цѣли избрали четверыхъ членовъ партіи аріанствующихъ,—Наркисса нероніанскаго, Марія халкидонскаго, Ѳеодора ираклійскаго и Марка ареѳузскаго; первые двое присутствовали на Никейскомъ соборѣ. Они повезли съ собой формулу исповѣданія вѣры [1]), отличную отъ тѣхъ трехъ, которыя были одобрены соборомъ „на обновленіе", но составленную приблизительно въ томъ же духѣ. Этотъ документъ важенъ потому, что на Востокѣ его держались нѣсколько лѣтъ и выставляли его въ особенности передъ Западными какъ исповѣданіе своей вѣры. Это исповѣданіе туманно говорило о рожденіи Сына, точно и опредѣленно объ Его вѣчномъ царствіи и отвергало нѣкоторыя аріанскія выраженія [2]).

Епископы были приняты въ Трирѣ при дворѣ, но не въ церкви: епископъ Максиминъ былъ преданъ Аѳанасію и не желалъ видѣть его враговъ.

Вѣроятно, вслѣдствіе этого посольства Константъ по совѣту нѣкоторыхъ западныхъ епископовъ договорился со своимъ братомъ Констанціемъ [3]) о созывѣ новаго собора, гдѣ епископы обѣихъ половинъ имперіи должны были засѣдать вмѣстѣ и уладить разногласія. Мѣстомъ для этого большого съѣзда была выбрана Сардика (нынѣ Софія) [4]), столица внутренней Дакіи (mediterranea), послѣдній городъ западной имперіи со стороны Ѳракіи, которая была подвѣдомственна уже Констанцію [5]).

---

1) Athan. *De syn.*, 25.

2) *Τὸν πρὸ πάντων τῶν αἰώνων ἐκ τοῦ Πατρὸς γεννηθέντα Θεὸν ἐκ Θεοῦ φῶς ἐκ φωτός... λόγον ὄντα καὶ σοφίαν καὶ δύναμιν καὶ ζωὴν καὶ φῶς ἀληθινόν... οὗ ἡ βασιλεία ἀκατάλυτος οὖσα διαμένει εἰς τοὺς ἀπείρους αἰῶνας... Τοὺς δὲ λέγοντας.. ἐξ οὐκ ὄντων τὸν Υἱὸν ἢ ἐξ ἑτέρας ὑποστάσεως καὶ μὴ ἐκ τοῦ Θεοῦ καὶ ἦν ποτε χρόνος ὅτε οὐκ ἦν, ἀλλοτρίους οἶδεν ἡ καθολικὴ Ἐκκλησία.* (...рожденнаго прежде всѣхъ вѣковъ отъ Отца, Бога отъ Бога, свѣтъ отъ свѣта... сущее Слово, премудрость, силу, жизнь, свѣтъ истинный... царство Его ненарушимо пребудетъ въ безконечные вѣки... Утверждающихъ же, что Сынъ изъ не-сущихъ, или отъ иной ипостаси, а не отъ Бога, и что было время, когда Его не было. каѳолическая церковь признаетъ чуждыми).

3) Athan. *Apol. ad Const.*, 4.

4) По-болгарски ее называютъ еще, какъ въ древности, Средекъ.

5) Время Сардикскаго собора, прежде относившагося къ 347 г. по ложному указанію Сократа, не опредѣлено еще съ точностью; выборъ не сдѣланъ между 342 и 343 г. Первая дата указана въ александрійскомъ сборникѣ кол-

Предупрежденный императоромъ, Аѳанасій отправился на свиданіе съ нимъ въ Миланъ, затѣмъ въ Галлію, гдѣ онъ встрѣтилъ Осія. Послѣдній былъ уже въ очень преклонныхъ годахъ, но никто лучше его не зналъ сущности восточныхъ споровъ и не былъ болѣе способенъ вести переговоры съ восточнымъ епископатомъ. Ему было поручено созвать западныхъ епископовъ въ Сардику и предсѣдательствовать на соборѣ, какъ онъ въ большей или меньшей степени руководилъ и соборомъ въ Никеѣ.

Около восьмидесяти епископовъ собрались вокругъ него осенью 342 (или 343) года. Половина ихъ прибыли изъ латинскаго и греческаго Иллирика, другіе—съ Запада въ тѣсномъ смыслѣ. Уполномоченными папы Юлія были два пресвитера, Архидамъ и Филоксенъ, и діаконъ Левъ. Было по крайней мѣрѣ десять италійскихъ и шесть испанскихъ епископовъ. Восточные прибыли приблизительно въ такомъ же числѣ. Они ѣхали вмѣстѣ подъ охраной двухъ высокопоставленныхъ чиновниковъ, комитовъ Музуніана и Исихія. Ихъ вождемъ былъ новый антіохійскій епископъ Стефанъ, преемникъ Флакилла. Неохотно поѣхали восточные епископы, но имъ пришлось повиноваться императору Констанцію, который самъ уступалъ въ этомъ случаѣ настояніямъ своего брата. Путь изъ Антіохіи въ Сардику долгъ. По вечерамъ, на ночлегахъ въ Малой Азіи и Ѳракіи, спутники договаривались, какъ держаться съ этими несносными сосѣдями на Западѣ. Многіе изъ епископовъ были или равнодушны, или даже благосклонно настроены къ Аѳанасію, но, какъ и всегда, большинство находилось подъ давленіемъ главарей. Обоихъ Евсевіевъ уже не было въ живыхъ, но оставались первоначальные евсевіане, прежніе покровители Арія и члены Тирскаго собора. Они убѣдили прочихъ не принимать никакого участія въ соборѣ ни въ качествѣ заинтересованной стороны, ни въ качествѣ судей: приходится доѣхать до Сардики, разъ императоръ этого желаетъ, но нужно постараться какъ можно поскорѣе оттуда выбраться и избѣжать общенія съ Западными [1]).

Эта программа была выполнена въ точности. По прибытіи въ

лекціи Ѳеодосія: *Congregata est synodus consulatu Constantini et Constantini* (слѣдуетъ читать: *Constantii et Constantis*) *apud Sardicam* (*Maassen—Quellen*, I. 548). Пасхальная Хроника какъ-будто указываетъ на 343 г. (*Placido et Romulo coss.*), но такъ какъ Хроника часто считаетъ по египетскимъ годамъ, начиная съ I тота (29 августа), то это указаніе можно бы согласовать съ предшествующимъ. Ничто не препятствуетъ признать, если соборъ состоялся осенью 342 г. (въ сентябрѣ—октябрѣ). Ср. E. Schwartz, *Nachrichten*, 1904, 341.

[1]) *Apol. c. Arian.*, 48.

Сардику главари восточныхъ епископовъ пристроили своихъ спутниковъ на своихъ квартирахъ, такъ какъ боялись ихъ отпаденія [1]). Получивъ приглашеніе присоединиться къ западнымъ сотоварищамъ, они рѣшительно отказались [2]) подъ тѣмъ предлогомъ, что Осій, Протогенъ, еп. сардикскій, и прочіе, обращались съ Аѳанасіемъ, съ Маркелломъ и Асклипой, низложенными на восточныхъ соборахъ, какъ съ законными епископами. Это возраженіе не было лишено видимой основательности. Правда, римскій соборъ отмѣнилъ восточные приговоры, но такъ какъ этотъ соборъ не былъ признанъ, и теперь предстояло пересмотрѣть дѣла, которыя онъ разрѣшилъ, то, можетъ-быть, было бы благоразумнѣе не подавать никакого повода къ обвиненіямъ въ пристрастіи, имѣя въ виду враждебное настроеніе противной партіи. Осій пытался уладить дѣло миролюбиво. Чтобы убѣдить Восточныхъ приступить къ работамъ, онъ обѣщалъ имъ, что даже въ томъ случаѣ, если Аѳанасій будетъ признанъ невиновнымъ, то онъ избавитъ ихъ отъ его неудобнаго сосѣдства и увезетъ съ собою въ Испанію [3]). Восточные не хотѣли ни о чемъ слушать: они составили отдѣльный соборъ, затѣмъ уѣхали въ Филиппополь во Ѳракіи, а оттуда разъѣхались по домамъ. Но, прежде чѣмъ покинуть Сардику [4]), они сочинили посланіе ко всѣмъ епископамъ, духовенству и мірянамъ, въ особенности къ Григорію александрійскому, Донату карѳагенскому, Максиму салонскому и нѣкоторымъ италійскимъ епископамъ, въ которыхъ они знали или подозрѣвали сочувствіе своимъ идеямъ.

Посланіе начинается съ Маркелла, съ порицанія его еретическихъ ученій. Затѣмъ съ точки зрѣнія авторовъ разсказывается исторія Аѳанасія, его осужденія въ Тирѣ, насилій, которыми всюду сопровождалось возвращеніе изъ изгнанія его, Маркелла, Асклипы, Лукія и другихъ. Посланіе протестуетъ противъ идеи о возстановленіи ихъ въ правахъ вдали отъ мѣста ихъ служенія и людьми, которые не знаютъ всѣхъ обстоятельствъ; оно протестуетъ также противъ намѣренія Западныхъ пересматривать рѣшенія

---

1) Двое впрочемъ имѣли мужество перейти на сторону Осія: Астерій изъ Петры и другой палестинскій епископъ Арій.

2) По Созомену (III, 11) этому протесту предшествовалъ другой, посланный изъ Филиппополя.

3) Письмо Осія къ Аѳанасію, *Hist. arian.*, 44.

4) Письмо помѣчено какъ бы написанное изъ Сардики: Placuit nobis ex Sardica scribere (изволилось намъ писать изъ Сардики) Hil. *Fr.* III, 23. Сократъ (II, 20) говоритъ о Филиппополѣ, но ему вовсе нельзя довѣрять; все, что онъ говоритъ о Сардикскомъ соборѣ, полно ошибокъ.

Восточныхъ: послѣдніе, прибывъ въ Сардику, съ удивленіемъ увидѣли, что люди, осужденные на Востокѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, засѣдаютъ среди западныхъ ихъ сотоварищей, какъ-будто они и нѣкоторые изъ ихъ теперешнихъ защитниковъ въ предшествующіе годы не подвергали другъ друга осужденію. Авторы посланія предложили возобновить разслѣдованіе событій въ Мареотѣ,— этого не пожелали [1]). Тогда они отдѣлились отъ сотоварищей, среди которыхъ находились ктому же мало почтенные люди, и возлагаютъ на нихъ отвѣтственность за расколъ, который тѣ готовы произвести въ церкви ради защиты нѣсколькихъ преступниковъ. Восточные епископы подтверждаютъ всѣ прежніе свои приговоры о низложеніяхъ и сверхъ того объявляютъ низложенными и отлученными отъ церкви Юлія римскаго, Осія кордубскаго, Протогена сардикскаго, Гавденція наисскаго (нишскаго), Максимина трирскаго. Въ заключеніе епископы излагаютъ въ видѣ протеста противъ ереси Маркелла, защищаемой Осіемъ, свое вѣроопредѣленіе. Въ этомъ мѣстѣ посланія помѣщенъ символъ, уже посланный Константу, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ анаѳематизмовъ [2]).

Оставшись такимъ образомъ одни, Западные продолжали пересмотръ прежнихъ процессовъ противъ Аѳанасія, Асклипы и Маркелла. По отношенію къ Аѳанасію они не сочли нужнымъ производить новое разслѣдованіе,— достаточно было тирскаго: оно явно говорило противъ слѣдователей и оправдывало александрійскаго епископа. Асклипа предъявилъ протоколы по своему дѣлу, составленные въ Антіохіи въ присутствіи его обвинителей и Евсевія кесарійскаго: изъ нихъ явствовало, что и Асклипа былъ тоже невиновенъ. Что касается Маркелла, то прочтена была его пресловутая книга. Съ излишней снисходительностью признано было, что подвергавшіяся нареканіямъ мѣста представляли скорѣе предположенія, чѣмъ положительныя утвержденія, и что по существу его вѣроученіе было правильно [3]).

---

1) Они знали, что, имѣя въ Александріи Григорія и располагая преданнымъ префектомъ, они могли повернуть слѣдствіе въ свою пользу.

2) Similiter et illos qui dicunt tres esse deos aut Christum non esse Deum, aut ante ea unum (?) non fuisse Christum neque filium Dei, aut ipsum Patrem et Filium et Spiritum Sanctum, aut non natum Filium aut non sententia neque voluntate Deum Patrem genuisse Filium. (Подобнымъ образомъ анаѳематствуемъ и тѣхъ, кто учитъ о трехъ богахъ, или [кто учитъ], что Христосъ—не Богъ, или,—что прежде ea unum (?) Онъ не былъ ни Христомъ, ни Сыномъ Божіимъ, или—что онъ – самъ Отецъ, Сынъ и Св. Духъ; или — что Сынъ не рожденъ; или—что Богъ Отецъ родилъ Сына не по опредѣленію и изволенію). Hil., *Fr.* III, 29. Этотъ текстъ испорченъ, какъ впрочемъ и весь документъ.

3) Что Маркеллъ въ этомъ случаѣ спуталъ соборъ своими разъясненіями

Что касается Восточныхъ, то ихъ поведеніе подверглось суровому осужденію. Соборъ пришелъ къ убѣжденію, что если они уклонились отъ участія въ немъ, то потому, что мало вѣрили въ правильность своихъ прежнихъ рѣшеній и боялись подвергнуться въ свою очередь суду, что́ и на самомъ дѣлѣ случилось бы, потому что на нихъ было принесено много жалобъ. Жертвы ихъ явились на соборъ въ очень большомъ числѣ, со свидѣтелями, протоколами и даже вещественными доказательствами, — орудіями перенесенныхъ пытокъ. Всѣ эти жалобы были разсмотрѣны, и соборъ, поскольку отъ него зависѣло, принялъ мѣры къ возстановленію попранныхъ правъ.

Онъ произнесъ, — заочно, какъ и Восточные, — нѣсколько приговоровъ о низложеніи и отлученіи. Они прежде всего касались трехъ лицъ, незаконно поставленныхъ на мѣсто оправданныхъ епископовъ: Григорія александрійскаго, Василія анкирскаго и Квинтіана газскаго, и затѣмъ, главарей партіи въ данное время — епископа антіохійскаго Стефана, Акакія, епископа Кесаріи Палестинской, Минофана ефесскаго, Наркисса нероніанскаго, Ѳеодора ираклійскаго, Урзакія сингидунскаго, Валента мурсійскаго; послѣдніе трое принимали участіе въ пресловутомъ мареотскомъ слѣдствіи. Валентъ ктому же только-что отличился тѣмъ, что разжегъ народное волненіе, чтобы добиться избранія во епископа аквилейскаго, причемъ произошли кровопролитныя сцены, и нѣкій епископъ Віаторъ былъ такъ избитъ, что умеръ черезъ три дня. Къ списку подвергшихся карѣ соборъ прибавилъ еще Георгія, епископа въ Лаодикіи сирійской: онъ хотя не прибылъ на соборъ съ другими Восточными, но противъ него говорило то обстоятельство, что, будучи пресвитеромъ въ Александріи, онъ былъ лишенъ сана еп. Александромъ.

Кромѣ этихъ вопросовъ о личностяхъ соборъ пожелалъ, подобно Никейскому и подобно тому, какъ это только-что сдѣлали восточ-

---

видно изъ такихъ заявленій собора: „Онъ не говорилъ, какъ предполагаютъ его противники, что *Слово* Бога ведетъ свое начало отъ Дѣвы Маріи, и что *Его* царствію будетъ конецъ; онъ писалъ, что Его царствіе безъ начала и безъ конца“. Но противники упрекали Маркелла не въ томъ, чтобы онъ отрицалъ вѣчность *Слова*, но въ томъ, что онъ начало Его существованія въ качествѣ *Сына* полагалъ съ момента воплощенія. Они обвиняли его не въ томъ, что онъ ограничиваетъ царство Слова, какъ Слова, но царство Его въ качествѣ Христа, воплощеннаго Слова. По этимъ двумъ пунктамъ онъ, несомнѣнно, заблуждался. Но Маркеллъ умѣлъ увертываться. Онъ подписалъ никейскій символъ, гдѣ рожденіе Слова прежде воплощенія выражено ясно; значитъ, терминъ γεννηθέντα, который въ его ученіи могъ примѣняться только къ воплощенному Слову, онъ перетолковывалъ.

ные епископы, дать изложеніе вѣры. Для этой цѣли былъ изготовленъ довольно длинный текстъ, который въ значительной своей части оправдывалъ или затушевывалъ нѣкоторыя идеи, вызывавшія обвиненія по отношенію къ Маркеллу, и провозглашалъ единство ипостаси, принимая, конечно, это слово въ смыслѣ, равнозначащемъ латинскому термину substantia [1]). Осій и Протогенъ, проводившіе этотъ нѣсколько спутанный символъ, приготовили даже письмо къ папѣ Юлію, чтобы добиться его одобренія. Однако проектъ не удался. Отцамъ собора разъяснили,—и, кажется, объ этомъ постарался Аѳанасій,—что ужъ достаточно труда составляетъ поддерживать никейскій символъ, не осложняя его добавленіями, которыя могли бы возбудить новое сопротивленіе, что ужъ лучше оставаться при текстѣ, единодушно одобренномъ почтеннымъ соборомъ, и не подражать противникамъ, которые каждый годъ производили на свѣтъ по новому символу.

Аѳанасій былъ вполнѣ правъ, и послѣдствія доказали это. Воодушевленный единственно желаніемъ спасти идею безусловной божественности Христа, Никейскій соборъ принялъ западный терминъ: единосущный, который дѣйствительно защищалъ уязвимый пунктъ, но не выражалъ идеи о личной особенности (ипостасности) Христа до воплощенія. Такая формула была сама по себѣ неполна; ее надо было дополнить формулой о трехъ лицахъ Божества. Быть-можетъ, западные представители на Никейскомъ соборѣ подразумѣвали ее въ умѣ; Тертулліанъ и Новаціанъ говорятъ вскользь о *tres personae* (о трехъ лицахъ). Но ее не ввели въ никейскій символъ, и притомъ терминъ *persona*, а по-гречески πρόσωπον, былъ недостаточно ясенъ. Слово persona несомнѣнно имѣетъ значеніе разумнаго существа, но оно значитъ также: роль, маска, дѣйствующее лицо на сценѣ. Наиболѣе православные изъ Восточныхъ держались болѣе точнаго термина. Такой терминъ они находили въ словѣ ипостась, но и оно было недостаточно, потому что его настоящій смыслъ — сущность, и когда говорятъ о трехъ божественныхъ ипостасяхъ, то можетъ казаться, что говорятъ о трехъ божественныхъ сущностяхъ, о трехъ богахъ. Не достигнувъ полнаго

---

[1]) Для тѣхъ, кто переводилъ терминъ ὁμοούσιος словомъ consubstantialis, выраженія οὐσία и ὑπόστασις были равносильными. Надо отмѣтить, что слово *essentia*, которымъ мы переводимъ слово οὐσία, тогда не было въ ходу, что для двухъ греческихъ словъ οὐσία и ὑπόστασις было одно лишь латинское слово *substantia*. Понятно тогда, что Сардикскій соборъ готовъ былъ перейти отъ consubstantialis къ ученію объ единствѣ ипостаси.

выясненія того, что хотѣли выразить,—да и какъ выяснить такія отношенія въ безконечномъ Существѣ, — въ концѣ-концовъ признали, что существо едино, а ипостасей три, какъ доказывали на Востокѣ. Было условлено, что то, что́ въ Троицѣ обще Отцу, Сыну и Святому Духу, будетъ называться существомъ (οὐσία), а то, что свойственно каждому изъ Нихъ въ отдѣльности, будетъ обозначаться словомъ ипостась или лице. Но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, до такого рѣшенія было еще далеко. Сардикскій соборъ, несомнѣнно, создалъ бы затрудненіе для него, если бы заранѣе высказался противъ ученія о трехъ ипостасяхъ. Этому выступленію благоразумно воспрепятствовалъ Аѳанасій.

Однако проектъ символа сохранился, такъ же какъ и проектъ посланія, съ которымъ его должны были представить на усмотрѣніе папы Юлія [1]): нѣкоторые фанатики впослѣдствіи нашли случай использовать его. Однако окружное посланіе собора „ко всѣмъ епископамъ каѳолической церкви“ [2]) не содержитъ ничего подобнаго. Оно кончается приглашеніемъ скрѣпить своими подписями опредѣленія собора, если кто не могъ въ немъ участвовать лично. Дѣйствительно, тотъ текстъ, который Аѳанасій помѣстилъ черезъ нѣсколько лѣтъ въ своей Апологіи противъ аріанъ, заключаетъ болѣе 200 такимъ путемъ присоединенныхъ подписей, не считая членовъ собора.

Соборъ не хотѣлъ разойтись, не выработавъ нѣкоторыхъ правилъ церковной дисциплины. Большею частью эти правила вызваны условіями переживаемаго момента. Такъ, два первыя правила очень строго воспрещаютъ перемѣщенія епископовъ; здѣсь чувствуется впечатлѣніе отъ дѣла Валента [3]). Другія порицаютъ безпрестанныя путешествія епископовъ къ императорскому двору [4]) или упорядочиваютъ событія, происшедшія въ Ѳессалоникѣ [5]); иныя ка-

---

[1]) Оба сохранились въ александрійскомъ сборникѣ, который дошелъ до насъ въ коллекціи діакона Ѳеодосія. Греческій текстъ формулы помѣщенъ у Ѳеодорита, *H. E.*, II. 6; p. 844—848. Ἀποκηρύττομεν δὲ ἐκείνους, κ. τ. λ.

[2]) Πολλὰ μὲν καὶ πολλάκις (Athan. *Apol. c. Arian.*, 44 и сл.). Соборъ обратился также къ александрійской церкви (*ib.*, 37) и къ епископамъ Египта и Ливіи (*ib.*, 41), наконецъ въ церквахъ въ Мареотѣ. Etiam ex his (коллекціи діак. Ѳеодосія, Migne, *P. L.* t. LVI, p. 848). Аѳанасій самъ написалъ какъ александрійскимъ, такъ и мареотскимъ діаконамъ и пресвитерамъ (*ib.*, 852 и 850).

[3]) Объ этомъ былъ посланъ особый докладъ имп. Константу.

[4]) Кап. 8—12 въ латинскомъ текстѣ, 7, 8, 9, 20 въ греческомъ.

[5]) Лат. 20, 21, греч. 16—19.

саются рукоположенія епископовъ, суда надъ духовными лицами, пребыванія епископовъ внѣ своихъ епархій [1]). Самыя замѣчательныя изъ этихъ правилъ тѣ, которыя касаются осужденія епископовъ [2]). Приговоры могутъ быть вынесены только помѣстнымъ соборомъ той провинціи, къ которой принадлежитъ обвиняемый. Если послѣдній недоволенъ рѣшеніемъ, то его сотоварищи по провинціи должны сообщить объ этомъ римскому епископу, который рѣшаетъ, есть ли поводъ для пересмотра дѣла, и если таковой находитъ, то назначаетъ судей для пересмотра. Обжалованіе приговора пріостанавливаетъ его исполненіе, и жалобщикъ не можетъ быть замѣщенъ другимъ епископомъ прежде окончательнаго рѣшенія. Судьи для вторичнаго разбора дѣла должны назначаться изъ епископовъ провинціи, сосѣдней съ той, гдѣ происходилъ первый судъ. Папа можетъ по просьбѣ обвиняемаго послать на этотъ соборъ своихъ уполномоченныхъ (легатовъ). Очевидно, здѣсь имѣлись въ виду: случай съ александрійскимъ епископомъ, котораго низложили вдали отъ его провинціи по требованію восточныхъ епископовъ, судъ папы Юлія и созывъ собора въ Сардикѣ.

Эти правила вмѣстѣ съ другими документами собора были препровождены папѣ Юлію [3]) при посланіи [4]), подписанномъ большинствомъ членовъ собора; собственные легаты должны были ознакомить его съ подробностями.

Въ общемъ соборъ въ Сардикѣ, созванный со столь благимъ намѣреніемъ, не достигъ своей главной цѣли,—умиротворенія церкви. Главная вина была въ недоброжелательномъ настроеніи Восточныхъ, все еще состоявшихъ подъ командой приспѣшниковъ аріанства, которые не утолили еще своей злобы противъ Аѳанасія.

---

[1]) Лат. 13—19, греч. 10—15.

[2]) Лат 3, 4, 7, греч. 3, 4, 5.

[3]) По выраженію собора (посланіе къ Юлію): Optimum et valde congruentissimum esse videtur, si ad caput, id est ad Petri apostoli sedem de singulis quibusque provinciis Domini referant sacerdotes. (Наилучшимъ и весьма приличнымъ намъ представляется, чтобы священники Господни изъ какихъ бы то ни было отдѣльныхъ провинцій докладывали (о своихъ дѣлахъ) главѣ, т. е. каѳедрѣ апостола Петра).

[4]) Посланіе Quod semper (Hil., *Fr.*, II, 9—15). Въ этомъ посланіи надо отмѣтить такую фразу, которая характеризуетъ извѣстныя отношенія: Ipsi religiosissimi imperatores permiserunt ut de integro universa discussa disputarentur et ante omnia de sancta fide et de integritate veritatis. (Сами благочестивѣйшіе императотры соизволили, чтобы снова были обсуждены всѣ вопросы, и прежде всего относительно святой вѣры и подлинной правды). Такимъ образомъ оба императора вмѣстѣ установили программу собора. Кромѣ вопросовъ вѣроученія былъ вопросъ о несправедливыхъ приговорахъ и о насиліяхъ, въ которыхъ обвинялись Восточные.

Надо сказать также, что и западное духовенство допустило нѣкоторыя ошибки, и прежде всего самъ Осій. Этотъ „отецъ соборовъ", какъ его прозвали, засѣдавшій еще въ Эльвирѣ до послѣдняго гоненія, а при Константинѣ имѣвшій главное вліяніе на Никейскомъ соборѣ, не былъ однако тѣмъ человѣкомъ, какой требовался для предсѣдательства на такихъ собраніяхъ. Это былъ настоящій испанецъ, самовластный, жесткій, непреклонный. Въ Никеѣ онъ навязалъ терминъ ὁμοούσιος, не считаясь съ недовольствомъ, которое могла вызвать на Востокѣ такая формула, взятая безъ поправокъ; въ Сардикѣ онъ далъ противникамъ искомый ими предлогъ уклониться отъ собора, позволилъ имъ стать въ положеніе защитниковъ правильнаго судопроизводства и даже православія.

Въ общемъ все это было довольно неудачнымъ дѣломъ. Папа Юлій велѣлъ записать правила Сардикскаго собора въ свои регистры на-ряду съ канонами Никейскаго собора. Тамъ они остались мертвой буквой [1]). Послѣ, какъ и ранѣе этого постановленія объ обжалованіи приговоровъ, римскій престолъ продолжалъ получать апелляціи, но незамѣтно, чтобы папа руководился правилами Сардикскаго собора. Вмѣсто того, чтобы ограничиться отмѣной приговоровъ и назначеніемъ новыхъ судей, папа продолжалъ самъ разбирать обжалованныя дѣла. Западъ и не вспоминалъ о новыхъ канонахъ; на Востокѣ они были приняты лишь двумя тремя столѣтіями спустя и притомъ скорѣе какъ документъ, чѣмъ какъ обязательное законодательство.

По возвращеніи съ собора [2]) Восточные епископы были дурно приняты въ Адріанополѣ, гдѣ епископъ Лукій уже имѣлъ поводъ жаловаться на нихъ. Ихъ обзывали бѣглецами, отказывались отъ общенія съ ними. Они отомстили епископу, вторично сославъ его въ ручныхъ кандалахъ и съ цѣпью на шеѣ [3]). Десять рабочихъ оружейной фабрики, оказавшіе почтеніе къ нимъ, были преданы смерти по просьбѣ друга епископовъ, Филагрія, произведеннаго къ тому времени въ комиты. Нѣсколько лѣтъ спустя Аѳанасій проѣздомъ чрезъ Адріанополь видѣлъ ихъ могилы. Что касается до епископовъ, возстановленныхъ въ правахъ соборомъ подъ предсѣдательствомъ Осія, то имъ подъ страхомъ смерти было запрещено

---

[1]) Папа Зосимъ извлекъ ихъ изъ забвенія въ слѣдующемъ столѣтіи; они дали поводъ къ знаменитому спору.

[2]) Athan. *Hist. arian.*, 18—20.

[3]) Онъ затѣмъ вскорѣ умеръ въ мѣстѣ своего заточенія.

появляться въ своихъ епархіяхъ. Епископы Арій и Астерій, которые отъ Восточныхъ перешли на сторону Западныхъ, были арестованы и сосланы въ глубь Ливіи. Нѣкоторые александрійскіе пресвитеры и діаконы были сосланы въ Арменію. На всемъ Востокѣ царилъ терроръ.

Однако Константъ не покинулъ тѣхъ, кого взялъ подъ свое покровительство. Несомнѣнно, онъ, какъ и его братъ, раздѣлялъ воззрѣнія своихъ епископовъ, да къ тому же ему на-руку было воспользоваться тѣмъ поводомъ воздѣйствія на своего соправителя, какой доставляли ему изгнанники. Къ пасхѣ 344 г. [1]) въ Антіохію прибыли два западныхъ епископа, бывшій никейскій легатъ Викентій капуанскій и Евфратъ кельнскій, въ сопровожденіи военачальника — magister militum — Саліана и привезли письма отъ своего императора. Антіохійскій епископъ Стефанъ приготовилъ имъ возмутительную засаду [2]). Домъ, въ которомъ они остановились, стоялъ довольно уединенно. Слуги епископа достали публичную женщину и съ соучастіемъ одного изъ домашнихъ слугъ впустили ее ночью въ комнату, гдѣ спалъ кельнскій епископъ. Тотъ проснулся, сталъ звать на помощь; женщина, которой говорили про молодого человѣка, увидѣвъ старца со знаками епископскаго достоинства, тоже испугалась и также закричала. Какъ - разъ въ эту минуту притаившіеся поблизости люди ворвались въ домъ. Но епископы не растерялись; свита сбѣжалась на ихъ крикъ, наружную дверь заперли и задержали такимъ путемъ женщину и нѣсколькихъ устроителей скандала. На другой день прибылъ военачальникъ Саліанъ, жившій въ другомъ мѣстѣ, и, не слушая своихъ епископовъ, которые уже стали склоняться къ милости, отправился во дворецъ съ жалобой и просьбой о формальномъ слѣдствіи. Очень возмущенный императоръ Констанцій безъ затрудненія разрѣшилъ его. Соучастіе епископа Стефана было

---

[1]) Дата установлена по одному разсказу св. Аѳанасія (*Hist. ar.*, 21), который относитъ смерть Григорія (25 іюня 345 г.) ко времени приблизительно десять мѣсяцевъ спустя послѣ нѣкоторыхъ событій, послѣдовавшихъ вскорѣ за дѣломъ Евфрата и низложеніемъ Стефана. Во всякомъ случаѣ текстъ Аѳанасія не позволяетъ относить происшедшее къ 343 году, что было бы и недопустимо, если бы было установлено вѣрно, что Сардикскій соборъ происходилъ въ этомъ году. Если же онъ имѣлъ мѣсто осенью 342 года, какъ это кажется правдоподобнымъ, то придется допустить, что представители власти на Западѣ выжидали нѣсколько мѣсяцевъ, какъ будетъ вести себя восточный императоръ по отношенію къ возстановленнымъ въ своемъ званіи епископамъ.

[2]) Athan. *Hist. ar.*, 20, Theodor. II, 7, 8, Ѳеодоритъ, антіохіецъ родомъ, сохранилъ нѣсколько характерныхъ мѣстныхъ подробностей.

установлено; наскоро собрали нѣсколькихъ сосѣднихъ епископовъ и низложили Стефана.

Онъ былъ замѣненъ фригійцемъ Леонтіемъ, очень преданнымъ аріанской партіи. Перемѣнилось лишь лицо, управлявшее церковью, а направленіе осталось то же. Однако Констанцій, поразмысливъ о томъ, что́ только-что произошло, а также считаясь съ требованіями своего брата, началъ смягчать крутыя мѣры, къ которымъ его склонили. Александрійскіе клирики были возвращены изъ своего заточенія въ Арменіи, египетскіе чиновники получили приказъ оставить въ покоѣ приверженцевъ Аѳанасія [1]).

Но главнымъ вопросомъ былъ расколъ, ибо между епископами обѣихъ половинъ имперіи образовался настоящій расколъ. Сукскій проходъ между Сардикой и Филиппополемъ служилъ границей между обѣими партіями. На той и другой сторонахъ границы хотя и расходились прежде во мнѣніяхъ, но не разрывали религіозныхъ отношеній другъ съ другомъ; а теперь не было уже и этого [2]). Такое положеніе было нестерпимо. Вѣроятно, въ отвѣтъ на посольство Викентія и Евфрата или какой-нибудь иной вызовъ съ Запада Восточные рѣшили отправить къ миланскому двору четырехъ епископовъ,—Демофила, Евдоксія [3]), Македонія и Мартирія,—поручивъ имъ изъяснить свои вѣрованія императору Константу и его епископамъ и попробовать столковаться съ ними. Они везли съ собой, кромѣ символа, уже однажды въ 342 г. посланнаго и повтореннаго въ Сардикѣ, еще длинное вѣроизложеніе въ десяти параграфахъ [4]). Въ немъ не заключалось никакого отклоненія отъ ортодоксіи, и если бы оно не умалчивало объ ὁμοούσιος, то имъ можно было бы удовлетвориться. Естественно, что оно долго останавливалось на тѣхъ пунктахъ, которымъ угрожало ученіе Маркелла и его ученика Фотина, ради игры словъ переименованнаго въ Скотина [5]). Въ первый разъ здѣсь появляется имя послѣдняго. Онъ тоже былъ галатъ и исполнялъ въ Анкирѣ подъ руководствомъ Маркелла обязанности діакона. Въ данный моментъ онъ стоялъ во главѣ чрезвычайно важной сирмійской епархіи, населеніе которой очень любило его, цѣнило его

---

[1]) Athan. *Hist. ar.*, 21.

[2]) Socrat., II, 22.

[3]) Евдоксій и Демофилъ впослѣдствіи занимали одинъ за другимъ константинопольскую каѳедру.

[4]) Аѳанасій (*De syn.* 26) указываетъ время—черезъ три года послѣ собора 341 г. Онъ называетъ трехъ епископовъ, — Евдоксія, Македонія и Мартирія.

[5]) Φωτεινός означаетъ свѣтлый, Σκοτεινός—темный.

ученость, краснорѣчіе и иныя качества. Къ несчастью, ученіе его оставляло желать многаго. Его довольно хорошо характеризують, отождествляя приблизительно съ ученіемъ Павла самосатскаго. Впрочемъ ученіе Маркелла о безличномъ Словѣ, ставшемъ Сыномъ и отдѣльной ипостасью только чрезъ воплощеніе, логически вело къ богословскимъ воззрѣніямъ обоихъ Ѳеодотовъ, осужденнымъ въ Римѣ папой Викторомъ, а въ Антіохіи—въ эпоху епископа Павла. Восточные имѣли тысячу основаній отвергать его и даже ставить его въ упрекъ родоначальнику его—бывшему епископу анкирскому. Откровенность выраженій его ученика поставила учителя въ неловкое положеніе. Аѳанасій, который недалеко уѣхалъ изъ Сардики и жилъ въ уединеніи въ Нишѣ, началъ яснѣе разбираться въ идеяхъ своего сотоварища и замѣчать, что онѣ не отличались отъ фотиновскихъ.

Въ Миланѣ можно было договориться, и этого чуть не достигли. Западные епископы, объединившіеся вокругъ императора съ легатами римскаго папы [1]), согласились предать осужденію Фотина. Въ свою очередь они потребовали у восточныхъ посланцевъ осужденія доктрины Арія. Тѣ отказались и въ концѣ-концовъ уѣхали раздраженные [2]). Урзакій и Валентъ, подданные императора Константа, не заставили себя просить, подчинились и отреклись отъ аріанской ереси.

Несмотря на нерасположеніе восточныхъ посланцевъ, Миланскій соборъ счелъ нужнымъ сообщить ихъ вѣрителямъ рѣшенія собора относительно Фотина. Тѣ расписались въ полученіи, но не преминули замѣтить, что если Фотинъ впалъ въ такую прискорбную ересь, то потому, что былъ воспитанникомъ своего бывшаго епископа Маркелла [3]). Опять припоминать въ такую минуту щекот-

---

1) Hil. *Fr.*, II, 20, VIII, 2.

2) Quattuor episcopi Demophilus, Macedonius, Eudoxius, Martyrius, qui ante annos octo, cum apud Mediolanum Arii sententiam haereticam noluissent damnare, de consilio animis iratis exierunt (Четыре епископа,—Демофилъ, Македоній, Евдоксій, Мартирій,—которые восемь лѣтъ тому назадъ не захотѣли въ Медіоланѣ осудить еретическое ученіе Арія, разгнѣванные, ушли съ собора). Письмо Либерія, писанное въ 354 г. (J. 212, Hil. *Fr.*, V, 4).—Photinus qui ante bienniam jam in Mediolanensi synodo erat haereticus damnatus. (Фотинъ, который уже два года тому назадъ на Медіоланскомъ соборѣ былъ осужденъ, какъ еретикъ). Hil. *Fragm.*, II, 19. Замѣтьте выраженіе: Arii sententiam haereticam; невозможно было требовать отъ Восточныхъ осужденія личности Арія, такъ какъ они послѣ принесеннаго имъ удовлетворенія допустили его вновь къ церковному общенію.

3) Hil. *Fr.*, II, 22 Св. Иларій тщательно доказываетъ здѣсь, что Маркеллъ не былъ осужденъ никакимъ соборомъ, начиная съ Константинопольскаго. Прискорбно, что онъ правъ. Латиняне лучше бы сдѣлали, если бы послѣдо-

ливую исторію съ Маркелломъ значило проявлять малопріязненныя чувства. Но партіи бываютъ злопамятны.

Около этого времени Аѳанасій самъ пошелъ навстрѣчу желаніямъ своихъ восточныхъ собратій. Онъ увѣдомилъ Маркелла, что не можетъ больше имѣть общенія съ нимъ; Маркеллъ,—что особенно замѣчательно,—принялъ это къ свѣдѣнію и не пытался возражать. О Фотинѣ Аѳанасій, безъ котораго дѣло, конечно, не обошлось въ Миланѣ, могъ имѣть лишь самое невыгодное мнѣніе. Впрочемъ сирмійскій епископъ подъ защитой своей мѣстной популярности весьма мало безпокоился о томъ осужденіи, какому подвергъ его Миланскій соборъ, и держался вопреки всему и всѣмъ.

Года черезъ два, желая покончить со скандаломъ, какой производило отношеніе Фотина къ соборному постановленію, и боясь, какъ бы Востокъ не счелъ западныхъ епископовъ причастными къ фотиновой ереси, новый соборъ собрался въ самомъ Сирміи, чтобы отдѣлаться отъ Фотина. Но несмотря на всѣ старанія, до Фотина оказалось такъ же трудно добраться, какъ и до Павла самосатскаго. Правительственнаго вмѣшательства не хотѣли и не просили; епископы, оставшіеся при одномъ духовномъ оружіи принуждены были воротиться, не достигнувъ цѣли.

Между тѣмъ произошло крупное событіе: Аѳанасій былъ возвращенъ въ Александрію. Пришлецъ Григорій послѣ долгой болѣзни, наконецъ, умеръ 25 іюня 345 года [1]). Констанцій воспользовался этимъ случаемъ, чтобы исполнить нросьбу брата. Онъ запретилъ избирать преемника Григорію и призвалъ Аѳанасія. Тотъ заставилъ себя просить въ теченіе болѣе года. Онъ не довѣрялъ Констанцію и его приближеннымъ. Кто могъ поручиться, что въ случаѣ перемѣны настроенія не всплыветъ вновь Тирскій соборъ? Никто не говорилъ объ отмѣнѣ его рѣшенія. Но Констанцій настаивалъ, трижды писалъ епископу, заставилъ написать ему нѣкоторыхъ своихъ приближенныхъ, даже своего брата Константа, клялся, что все прошлое предано забвенію. Аѳанасій, наконецъ, рѣшился. Изъ своего мѣстопребыванія въ Аквилеѣ онъ

вали примѣру Аѳанасія и отвергли общеніе съ компрометтирующей личностью. Оказанная ими поддержка ему доказываетъ ихъ недальновидность.

[1]) Насчетъ этой даты не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Хроника пасхальныхъ посланій указываетъ день (2 епифи—25 іюня). Правда, что она упоминаетъ объ этомъ событіи подъ 346 годомъ, но говоритъ о немъ по поводу возвращенія Аѳанасія, каковое имѣло мѣсто 21 октября 346 г. Изъ „Исторіи аріанъ“ извѣстно, что Аѳанасій, котораго призвали обратно сейчасъ же по смерти Григорія, заставилъ себя ждать болѣе года.

отправился въ Римъ проститься съ папой Юліемъ, который снабдилъ его прекраснымъ письмомъ къ духовенству и міринамъ александрійскимъ, затѣмъ отправился представиться императору Константу, который оказалъ ему столь существенную поддержку, и, наконецъ, пустился въ путь на Востокъ. Его друзья всюду встрѣчали его съ радостью; иные, покинувшіе его безъ всякой поддержки, почувствовали неловкость. Что касается враговъ, то они придумывали предлоги, чтобы избѣжать встрѣчи съ нимъ. Въ Антіохіи онъ встрѣтился съ императоромъ и просилъ его воспользоваться случаемъ, поставить его лицомъ къ лицу съ обвинителями и разъ навсегда выяснить поводы ихъ недовольства[1]). Ему не вняли. Онъ продолжалъ свой путь. Чѣмъ дальше онъ подвигался, тѣмъ громче выражалось сочувствіе ему. Въ Палестинѣ, несмотря на присутствіе одного изъ главныхъ его противниковъ, митрополита Акакія, преемника Евсевія, іерусалимскій епископъ Максимъ созвалъ шестнадцать епископовъ, чтобы чествовать изгнанника. Они вручили ему посланія къ египетскимъ епископамъ и къ александрійскимъ міринамъ. Наконецъ, миновали пустыню, и началось торжественное шествіе: даже чиновники выѣзжали почти за сто миль навстрѣчу опальному епископу. Имъ были даны точные приказы: императоръ повелѣлъ вытравить въ оффиціальныхъ документахъ все, что могло туда попасть противъ Аѳанасія и его сторонниковъ. 21 октября 346 года побѣдитель-епископъ опять оказался среди своихъ александрійцевъ [2]).

Настроеніе окончательно перемѣнилось. Урзакій и Валентъ поняли это, живя на берегахъ Дуная. Они уже сдѣлали одну попытку къ примиренію съ церковью во время Миланскаго собора, который, повидимому, отослалъ ихъ къ папѣ Юлію. Этотъ послѣдній потребовалъ, чтобы они дали серьезное удовлетвореніе, и, конечно, оба они нѣсколько колебались передъ этимъ требованіемъ, но, наконецъ, сдались и обратились къ папѣ съ просьбой о прощеніи за проступки и съ признаніемъ постановленій Сардикскаго собора. Читатель помнитъ, что на этомъ соборѣ они были низложены; желая умиротворенія церкви, Юлій счелъ нужнымъ вернуть имъ управленіе ихъ епархіями, но вызвалъ ихъ предварительно къ себѣ и заставилъ ихъ подписать отреченіе отъ всего, что они

---

1) Письмо Осія—у Аѳанасія, *Hist. ar.*, 44.

2) Объ этомъ см. *Apol. c. arian.*, 51—57, *Hist. ar.*, 21—23 съ оффиціальными документами. Ср. *Apol. ad Const.*, 4. Точная дата указана александрійской Хроникой.

говорили или дѣлали противъ Аѳанасія, присоединиться къ осужденію Арія и его ученія и дать обѣщаніе не вмѣшиваться больше въ эти дѣла безъ разрѣшенія папы, если бы даже они получили приглашеніе отъ Аѳанасія или восточныхъ епископовъ[1]). Они отправили также посланіе александрійскому епископу съ просьбой о принятіи ихъ въ общеніе [2]).

Казалось, что все устраивалось. Оставалось лишь на Западѣ покончить съ дѣломъ Фотина, котораго надѣялись уломать рано или поздно, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ. На Востокѣ слишкомъ чувствовалась побѣда Аѳанасія, и потому не могъ пройти сразу всякій слѣдъ вражды къ нему, но въ концѣ-концовъ и она могла улечься, лишь бы не измѣнялись внѣшнія обстоятельства. Тогда императоръ Константъ обратилъ свое вниманіе на Африку, гдѣ уже болѣе 25 лѣтъ длился раздоръ между двумя религіозными партіями,—раздоръ съ оружіемъ въ рукахъ, гибельный для общественнаго порядка.

Мы уже видѣли, что Константинъ, испробовавъ всѣ средства привести донатистовъ къ единенію съ церковью, въ концѣ-концовъ оставилъ ихъ въ покоѣ, чѣмъ они не преминули воспользоваться для возбужденія безпорядковъ и притѣсненія своихъ противниковъ. Предоставленные самимъ себѣ, послѣдніе защищались какъ могли и взывали къ здравому смыслу общества, разъясняя всѣмъ происхожденіе раздора. Для этой цѣли былъ составленъ апологетическій сборникъ, гдѣ помѣщены были вмѣстѣ со слѣдствіемъ надъ Феликсомъ аптунгскимъ и процессомъ Сильвана [3]) разные документы, относившіеся къ римскому, арльскому и миланскому судопроизводствамъ [4]). Но донатисты вовсе не желали вступать въ полемику. Замкнувшись въ своей дикой нетерпимости, они отвѣчали на доводы только проклятіями и насиліями. Къ концу своего царствованія императоръ, повидимому, на минуту потерялъ терпѣніе. Италійскій префектъ преторіи Григорій (336—337) сталъ нѣсколько обуздывать ихъ. Донатъ протестовалъ въ крайне рѣзкихъ выра-

---

1) Письмо было написано рукой Валента и подписано Урзакіемъ.

2) Подлинныя письма у Иларія: *Fr.*, 20. Ср. Athan. *Apol. c. arian.*, 58.

3) См. выше, стр. 78, 82.

4) Это то, что я назвалъ *Sylloge Optatiana*, потому что онъ помѣщенъ вслѣдъ за сочиненіемъ св. Оптата о донатистскомъ расколѣ. Сборникъ сохранился въ далеко неполномъ видѣ въ кормерійской рукописи (Cormery) (*Parisinus*, 1711). Но такъ какъ онъ имѣлся въ рукахъ Оптата и бл. Августина, которые часто ссылаются на него, то я могъ возстановить его въ цѣломъ видѣ. См. объ этомъ мой докладъ *Le dossier du Donatisme* въ *Melanges* de l'Ecole de Rome, т. X, 1890. Отрывки, сохранившіеся въ кормерійской рукописи, поставлены послѣ текста Оптата въ вѣнскомъ *Corpus ss. eccl. latin.*, t. XXVI.

женіяхъ: „Григорій, осквернитель сената, позоръ префектуры“... такъ начиналось его посланіе. Префектъ отвѣтилъ сдержанно, въ епископскомъ стилѣ, по выраженію Оптата [1]). Тѣмъ не менѣе донатисты записали его вмѣстѣ съ Леонтіемъ, Урзакіемъ и Зинофиломъ въ число своихъ палачей и стали еще болѣе дерзкими.

Въ это именно время образовалось подъ ихъ покровительствомъ странное сообщество агонистовъ или циркумцелліоновъ. Такое имя было усвоенно шайкамъ фанатиковъ, которые рыскали по странѣ, въ особенности по Нумидіи, чтобы помогать правому дѣлу и сражаться съ измѣнниками. Они стремились соблюдать правила воздержанія, за что донатисты впослѣдствіи сравнивали ихъ съ монахами каѳолической церкви. Вооруженные внушительными дубинами, они появлялись всюду,—на дорогахъ, ярмаркахъ,—бродили около чужихъ домовъ, откуда ихъ названіе циркумцелліоны, зорко слѣдили за хуторами и дачами. Ихъ интересовала не только распря Доната съ Цециліаномъ. Какъ мстители за угнетенія и враги общественнаго неравенства, они охотно принимали сторону арендаторовъ (колоновъ) противъ землевладѣльцевъ, рабовъ противъ господъ, должниковъ противъ заимодавцевъ. По первому зову угнетенныхъ или выдававшихъ себя за таковыхъ, особенно по зову донатистскаго духовенства, когда его слишкомъ тѣснила полиція, они являлись дикой толпой, испуская военный крикъ: „Хвала Богу“ (*Deo laudes*) и потрясая своими знаменитыми палицами. Однимъ изъ любимыхъ развлеченій ихъ было при встрѣчѣ съ повозкой, сопровождаемой рабами-скороходами, сажать въ нее рабовъ и заставлять господъ бѣжать передъ экипажемъ. Встрѣча съ циркумцелліонами на уединенныхъ дорогахъ была непріятна даже для тѣхъ, кто не принадлежалъ ни къ какой изъ ненавистныхъ этимъ страннымъ людямъ категорій. Дѣти мучениковъ часто желали сами стать мучениками, а такъ какъ при грубости ихъ понятій все мученичество заключалось въ насильственной смерти, то они жадно искали ея. Одержимые этой страстью, они обращались къ прохожимъ и заставляли себя убивать, а если тѣ отказывались, то циркумцелліоны сами ихъ приканчивали и отправлялись искать иныхъ, болѣе сговорчивыхъ людей. Иногда они сами подвергали себя мученичеству, сжигали себя живьемъ, бросались въ рѣки и въ особенности въ пропасти. Мертвыхъ сотоварищи хоронили съ величайшими почестями: нумидійскія поля были не-

[1]) Optat. III, 3. 10.

пещрены ихъ могилами, которымъ воздавали такое же поклоненіе, какъ могиламъ истинныхъ мучениковъ.

Въ Ауресѣ, гдѣ ихъ было очень много, имъ удалось организоваться. Два главныхъ ихъ вождя, Аксидъ и Фазиръ, были могущественными и страшными владыками. Въ концѣ-концовъ ихъ не могли выносить не только ихъ жертвы, но и само донатистское духовенство, на отвѣтственность котораго общество возлагало это религіозное разбойничество. Епископы для вида осудили ихъ, но когда это не подѣйствовало, рѣшились объявить ихъ неисправимыми и обратились къ содѣйствію военной власти. Комитъ Тауринъ послалъ солдатъ по ярмаркамъ и приступилъ къ арестамъ. Въ мѣстечкѣ Октавѣ солдаты встрѣтили довольно сильное сопротивленіе; на мѣстѣ осталось много убитыхъ и раненыхъ. Само собою разумѣется, что убитые были провозглашены мучениками, но ва этотъ разъ донатистскіе епископы отказались хоронить ихъ [1]).

Это мѣстное и временное подавленіе движенія могло только разжечь фанатизмъ. Циркумцелліоны опять стали размножаться.

Между тѣмъ имп. Константъ рѣшилъ возобновить попытки примиренія, не удавшіяся его предшественникамъ. Двое уполномоченныхъ, Павелъ и Макарій, были отправлены въ Африку, снабженные значительными денежными суммами, чтобы испробовать сперва, нельзя ли умиротворить народъ непосредственной раздачей нуждающимся денегъ отъ имени императора. Въ Карѳагенѣ они представились Донату, который принялъ ихъ надменно: „Какое дѣло императору до церкви?“ [2]) — спросилъ онъ, прибавивъ, что онъ предпишетъ всѣмъ отказываться отъ милостыни.

Несмотря на сопротивленіе „князя Тирскаго“, какъ звалъ Доната Оптатъ, императорскіе уполномоченные начали свой объѣздъ, который въ Проконсульской провинціи совершился мирно и даже во многихъ мѣстахъ съ успѣхомъ; уполномоченные роздали милостыню, призвали населеніе къ миру во имя императора, добились примиренія враждующихъ партій, не прибѣгая къ слишкомъ крутымъ мѣрамъ. Въ Нумидіи было не то. Донатистскіе епископы организовали тамъ ожесточенное сопротивленіе [3]). Большое число ихъ

---

[1]) Optat., III, 4.—Время этого происшествія не обозначено въ точности; повидимому, оно произошло между 340 и 345 годами.

[2]) Optat., III, 3.

[3]) Въ послѣдующемъ разсказѣ я присоединяю къ разсказу третьей книги Оптата нѣкоторыя данныя изъ повѣсти о мученичествѣ Маркула.

собралось около епископа багайскаго, самаго рѣшительнаго изъ нихъ; онъ звался Донатъ, какъ и карѳагенскій примасъ. Кликнули кличъ ко всѣмъ „вождямъ святыхъ“ въ области Ауресъ. Циркумцелліоны собрались въ Багаи, гдѣ церковь была превращена въ провіантскій магазинъ. Навстрѣчу обоимъ уполномоченнымъ, ѣхавшимъ изъ Тевесты, было отправлено десять епископовъ съ цѣлью энергично протестовать противъ „святотатственнаго союза“. Встрѣтились они въ Вегезелѣ. Донатистскіе епископы говорили съ императорскими посланцами такимъ языкомъ, что ихъ рѣшили покарать, не ожидая дальнѣйшаго. Привязанные къ столбамъ и подвергнутые бичеванію, они стали выражаться умѣреннѣе; однако одинъ изъ нихъ, нѣкій Маркулъ, оказался упорнѣе и былъ удержанъ подъ арестомъ.

Узнавъ о томъ, что дѣлается въ Багаи, уполномоченные не отважились явиться туда безъ охраны. Комитъ Африки Сильвестръ предоставилъ въ ихъ распоряжеиіе свою конницу. Нѣсколько всадниковъ, отправленные въ Багаи на развѣдки, были встрѣчены камнями и вынуждены отступить къ отряду, унося раненыхъ. Разумѣется, дѣло на этомъ не остановилось. Подробностей мы не знаемъ, но кара послѣдовала немедленная и жестокая.

Донатъ багайскій поплатился при этомъ жизнью; Маркулъ [1]) послѣ нѣкоторыхъ странствій изъ города въ городъ былъ свергнутъ со скалы Новой Петры (Nova Petra). Само собою разумѣется, что донатисты сдѣлали изъ нихъ мучениковъ; противники ихъ, наоборотъ, разсказывали, что Маркулъ бросился въ пропасть самъ и что Донатъ тоже бросился въ колодецъ [2]).

---

[1]) „Ecce Marculus de petra praecipitatus est: ecce Donatus Bagaiensis in puteum missus est. Quando potestates Romanae talia supplicia decreverunt, ut praecipitantur homines“? („Вотъ [говорятъ] Маркулъ былъ свергнутъ со скалы; вотъ Донатъ багайскій былъ сброшенъ въ колодецъ. Но когда римскія власти установили такія казни, чтобы свергать людей со скалы?“) August. *Jn Joh.* XI, 15.

[2]) Мученичество Маркула (Migne, *P. L.* t. VIII, p. 760). Это повѣствованіе само носитъ слѣды нѣкотораго смущенія: писавшій его донатистъ не скрываетъ, что единственнымъ свидѣтелемъ казни былъ самъ палачъ. Другое описаніе мученичества, составленное римскимъ донатистскимъ епископомъ Макробіемъ, говоритъ о смерти двухъ карѳагенскихъ донатистовъ, Исаака и Максиміана. Одинъ разорвалъ проконсульскій указъ о соединеніи, другой въ публичномъ собраніи призывалъ къ мятежу. Они были приговорены къ ссылкѣ и умерли въ тюрьмѣ. Тѣла ихъ были брошены въ море, но такъ небрежно, что ихъ вновь прибило къ берегу. Донатисты увѣряли, что Максиміанъ былъ еще живъ, когда его бросили въ море. Это произошло, повидимому, въ августѣ 347 г. (XVIII *kal. sept. die sabbato*), когда соединеніе уже было произведено въ Карѳагенѣ и затруднялось еще только въ Нумидіи (*P. L.*, t. VIII, 767). Возможно, что Макробій написалъ и повѣсть о мученичествѣ Маркула.

Съ этого времени дѣйствія Макарія и Павла стали круче. Императорскіе коммиссары ходили изъ города въ городъ съ конницей африканскаго комита. Донатистское духовенство бѣжало при ихъ приближеніи, а паству собирали въ церковь, куда народъ вступалъ не безъ колебанія, ибо ему разсказывали, будто Павелъ и Макарій ставятъ на алтарь изображенія, — очевидно, портреты императоровъ, — и заставляютъ приносить христіанскую жертву новому идолу [1]). Разумѣется, ничего подобнаго не было. Уполномоченные держали рѣчи и разъясняли доступнымъ языкомъ поводъ своего посѣщенія. Въ иныхъ мѣстахъ они достигли полнаго успѣха и примирили съ церковью даже донатистскаго епископа, съ которымъ его православный товарищъ мирно размежевался, путемъ ли раздѣленія приходовъ, или инымъ образомъ [2]).

Но, повидимому, такіе случаи были рѣдки. Было много фактовъ сопротивленія по мѣстамъ, и ихъ карали сурово [3]). Имя Макарія осталось ненавистнымъ донатистамъ, и самимъ каѳоликамъ было неловко вспоминать объ этихъ карательныхъ экспедиціяхъ.

Изъ членовъ духовенства, обратившихся въ бѣгство, многіе умерли отъ голода и нужды, другіе скрылись и даже сумѣли удержаться тамъ и сямъ подъ покровительствомъ агонистовъ. Тѣ, кого удалось захватить, по крайней мѣрѣ епископы, были сосланы за предѣлы Африки. Въ томъ числѣ былъ и Донатъ, который умеръ въ изгнаніи. Какъ хорошо понятно, преслѣдованіе еще подогрѣло ненависть противъ партіи. Нѣкій Вителлій издалъ краснорѣчиво написанную книгу подъ заглавіемъ: „Слуги Божіи ненавидимы міромъ“. Къ сожалѣнію, она утрачена, но у насъ есть два описанія „страстей“ донатистовъ; по нимъ можно судить о состояніи умовъ гонимыхъ [4]).

Когда, закончивъ свой объѣздъ, „дѣятели единенія“ (operarii unitatis) сѣли на корабль, отплывавшій въ Италію, донатистская церковь была внѣшне и оффиціально уничтожена: было единое духовенство и одинъ епископъ въ Карѳагенѣ. Занимавшій тогда эту высокую должность Гратъ собралъ въ 348 г. большой соборъ, на которомъ приняли участіе нѣсколько донатистскихъ епископовъ изъ числа присоединившихся въ предшествовавшемъ году. Соборъ

---

1) Optat, III, 12; VII, 6.

2) Соборъ при еп. Гратѣ, кан. 12.

3) Оптатъ часто подчеркиваетъ это: *aspera, aspere gesta* (жестокія дѣла).

4) Gennad. *De viris*, 4. Вителій уже писалъ противъ язычниковъ и православныхъ. Объ обоихъ повѣствованіяхъ о мученичествѣ см. стр. 162, прим. 2-е.

оставилъ намъ любопытный памятникъ настроенія умовъ въ ближайшее время послѣ примиренія. Частные соборы по областямъ уже бывали, но для этого собора приглашенія были разосланы по всей Африкѣ [1]). Предсѣдатель началъ съ благодаренія Богу, внушившему императору Константу мысль объ этомъ миротворномъ дѣлѣ и руководившему выборомъ уполномоченныхъ Макарія и Павла. Затѣмъ сдѣлали нѣсколько постановленій по текущимъ дѣламъ, въ частности воспретили повторять крещеніе [2]) и почитать мучениками людей убитыхъ или наложившихъ на себя руки, бросившись въ пропасть или инымъ путемъ. Занялись также вопросами общей церковной дисциплины. Наконецъ, Гратъ напомнилъ и торжественно возобновилъ давно уже постановленныя осужденія передатчиковъ церковныхъ имуществъ и повторяющихъ крещеніе. Осужденіе передатчиковъ имуществъ было сдѣлано въ видѣ удовлетворенія примирившихся донатистовъ, осужденіе перекрещенцевъ было косвеннымъ осужденіемъ самаго донатизма. Старыхъ споровъ не возобновляли; Цециліанъ, Феликсъ и Маіоринъ давно уже умерли; о нихъ больше не говорили.

Благоразумная настроенность, какою проникнуты эти примирительныя постановленія, въ концѣ-концовъ возстановила бы миръ, если бы только предоставили времени заглушить взаимную вражду и пріучили жить снова вмѣстѣ людей, проклинавшихъ другъ-друга въ теченіе около сорока лѣтъ, а въ то же время зорко слѣдили за сѣятелями смуты въ самой странѣ и держали въ удаленіи вождей ея. Къ несчастью для Африки, — это можно сказать совершенно независимо отъ религіозной точки зрѣнія,—правительство недолго удержалось на этомъ положеніи. Огонь еще тлѣлъ подъ пепломъ, когда Юліанъ, чтобы повредить церкви, вернулъ изгнанниковъ и далъ бурѣ вновь разразиться въ африканскихъ областяхъ.

---

1) Жаль, что мы не имѣемъ для этого собора полнаго списка подписей: онъ былъ бы въ особенности интересенъ.

2) Кан. 1, 2. Донатисты поддерживали старый кипріановскій принципъ, что не можетъ быть истиннаго крещенія внѣ истинной церкви. Такъ какъ они не признавали этого достоинства за каѳолической церковью, то вынуждены были, когда каѳоликъ переходилъ въ донатисты, подвергать его единственному дѣйствительному крещенію, т. е. своему собственному. Мы уже видѣли, что каѳолическая церковь въ Африкѣ отказалась на арльскомъ соборѣ въ 314 г. отъ стараго обычая, который когда-то отстаивалъ св. Кипріанъ. Въ этихъ условіяхъ она должна была признать дѣйствительность крещенія, произведеннаго донатистами.

ГЛАВА VII.

Изгнаніе Аѳанасія.

Убійство Константа. — Узурпаторъ Магненцій. — Констанцій — повелитель Запада.—Кесари Галлъ и Юліанъ.—Низложеніе Фотина.—Новыя козни противъ Аѳанасія.—Соборъ въ Арлѣ.—Папа Либерій.—Соборы въ Миланѣ и Безьерѣ.—Изгнаніе Люцифера, Евсевія, Иларія, Либерія, Осія.—Полицейскій погромъ въ Александріи.—Нападеніе на храмъ Ѳеоны; исчезновеніе Аѳанасія.—Вторженіе Георгія.—Аѳанасій въ своемъ убѣжищѣ.

Церковная политика Константа дала нѣкоторые плоды. „Порядокъ царилъ" въ Африкѣ. На берегахъ Дуная еретическій сирмійскій епископъ еще держался, но такъ какъ подвѣдомственное ему духовенство ладило съ нимъ, то разрывъ сношеній между нимъ и его собратьями былъ лишь мѣстнымъ. На Востокѣ добились водворенія Аѳанасія, т. е. умиротворенія Египта. Правда, египтяне остались почти отрѣзанными отъ епископата на Востокѣ, и послѣдній былъ не въ ладу съ западной церковью, но нѣсколько шаговъ къ сближенію уже было сдѣлано; палестинскіе и кипрскіе епископы возобновили сношенія съ Аѳанасіемъ; можно было надѣяться, что современемъ мирное настроеніе возобладаетъ. и достигнуто будетъ соглашеніе. Для этого нужно было, чтобы продержалось то политическое равновѣсіе, какое создалось обстоятельствами.

Но случилось иное. 18 января 350 г. въ Отёнѣ вспыхнулъ военный бунтъ, и комитъ Магненцій былъ провозглашенъ императоромъ на мѣсто Константа, который вскорѣ затѣмъ былъ умерщвленъ въ Эльнѣ у подошвы Пиринеевъ.

Противъ этого покушенія на права Константиновой династіи инстинктивно возстали всѣ еще оставшіеся члены фамиліи. На Западѣ жили еще двѣ дочери Константина Великаго, Константина и Евтропія, вдовѣвшія одна послѣ царя Ганнибаліана, другая послѣ консула Непоціана. Первая, жившая въ Сирміи, поспѣшила создать соперника Магненцію и провозгласила августомъ стараго военачальника по имени Ветранія (1 марта). Другая жила въ

Римѣ. Первоначально ошеломленная рѣшительностью дѣйствій Магненція, который заставилъ присягнуть себѣ древнюю столицу, она потомъ встрепенулась и побудила своего сына Непоціана объявить себя императоромъ (3 іюня). Съ этимъ послѣднимъ Магненцій справился безъ труда. Меньше чѣмъ черезъ мѣсяцъ его военачальникъ Марцеллинъ вновь отвоевалъ Римъ послѣ большого сраженія, гдѣ Непоціанъ былъ убитъ. Побѣдитель не выказалъ милосердія: Евтропія была умерщвлена, и съ нею много членовъ римской аристократіи.

Констанцій тоже не уступалъ. Кромѣ потрясеній на Западѣ у него на рукахъ была нескончаемая война съ персами. Въ этомъ году Нисивія геройски выдержала осаду; ея жители со знаменитымъ епископомъ Іаковомъ во главѣ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ отражали всѣ приступы царя Сапора. Съ этой стороны вели военныя дѣйствія приближенные императора, самъ же онъ собиралъ войска и вскорѣ двинулся походомъ на Западъ. Ветраній, съ которымъ онъ приблизительно договорился, пропустилъ его чрезъ Иллирикъ. Даже болѣе того: сынъ Константина убѣдилъ его сложить съ себя порфиру, безъ борьбы овладѣлъ его наслѣдіемъ и послалъ его самого спокойно кончать дни свои въ Прузіи, въ Виѳиніи.

Такимъ миролюбивымъ соглашеніемъ Констанцій пріобрѣталъ Балканскій полуостровъ и паннонскія провинціи, если только Магненцій не пришелъ бы ихъ оспаривать, чего слѣдовало весьма опасаться. Покамѣстъ Констанцій расположился на зимнія квартиры въ Сирміи. Весной онъ двинулся къ Юліановымъ Альпамъ; „тиранъ“ выступилъ ему навстрѣчу и заставилъ его отступить къ мѣсту сліянія Дуная съ Дравой. Тамъ произошло 28 сентября 351 г. сраженіе при Мурзѣ, несчастный исходъ котораго заставилъ Магненція перейти обратно въ горы.

Съ наступленіемъ зимы оба противника остались каждый на своихъ позиціяхъ предшествующаго года: Констанцій—въ Сирміи, а Магненцій—въ Аквилеѣ. Только слѣдующимъ лѣтомъ 352 г. Констанцій рѣшился перевалить черезъ горные проходы и вторгнуться въ Италію. Магненцій долженъ былъ отступить въ Галлію. Побѣдитель вступилъ въ Миланъ, гдѣ женился на красивой и умной Евсевіи, вскорѣ пріобрѣтшей чрезвычайное вліяніе на мужа. Въ 353 г. Магненцій, тщетно пытавшійся отстоять альпійскіе проходы, отступилъ къ Ліону. Чувствуя, что остатокъ его арміи готовъ ему измѣнить, онъ покончилъ съ собой (10 августа).

Констанцій вступилъ въ Ліонъ: единство имперіи было возстановлено.

Однако, какъ и его предшественники, онъ почувствовалъ необходимость раздѣлить бремя правленія. Онъ не могъ въ одно и то же время завоевывать Западъ и отражать нападеніе персовъ. Уже въ 351 г. (15 марта) онъ вызвалъ изъ заточенія одного изъ сыновей Юлія Констанція, Галла, и отправилъ его въ Антіохію въ званіи кесаря. Его женили на родной сестрѣ императора, Константинѣ, вдовѣ Ганнибаліана, той самой, которая въ предшествовавшемъ году выдвинула кандидатуру Ветранія. Эта предпріимчивая особа помогала своему мужу превратиться въ азіатскаго деспота: вдвоемъ они скоро подвергли Антіохію невыносимому гнету. Вопли ихъ жертвъ достигли Милана. Вызванный къ императору, Галлъ сперва послалъ къ нему свою жену, находчивость которой была ему извѣстна. Но она скончалась дорогой [1]), такъ что ему пришлось отправиться самолично. Не сумѣвъ занять положеніе соперника императора, онъ вскорѣ попалъ въ положеніе обвиняемаго. Его отвезли въ Фланону, близъ Полы, судили и казнили (въ концѣ 354 г.).

Послѣ него остался братъ Юліанъ. Въ слѣдующемъ году его призвали ко двору и возвели въ кесари (6 ноября 355 г.). Ему была ввѣрена Галлія, которая воспользовалась благами его управленія и была въ особенности благодарна ему за умѣлую и мужественную оборону отъ за-рейнскихъ варваровъ.

Намъ пора однако вернуться къ церковнымъ дѣламъ. Извѣстіе о смерти Константа поразило Востокъ, какъ ударъ грома. Всѣ враги, какіе были у Аѳанасія въ Сиріи и Малой Азіи, если не выразили своей радости, что́ было бы неприлично и опасно, то воспрянули надеждой. Нѣкоторые осмѣлились даже до того, что заговорили о Тирскомъ соборѣ и необходимости вновь вернуться къ его постановленіямъ. Они слишкомъ поторопились: Констанцій отказался ихъ слушать. Онъ написалъ посланіе Аѳанасію, завѣряя его, что желанія умершаго брата будутъ для него священны и что, какіе бы

[1]) Это — та самая Константина, которая построила въ Римѣ знаменитую базилику св. Агнесы, гдѣ объ этомъ обстоятельствѣ было упомянуто въ надписи, составленной размѣромъ гекзаметра; вотъ ея текстъ: *Constantina Deum venerans Christoque dicata* и т. д. Она была погребена тамъ въ мавзолеѣ, который уцѣлѣлъ до сихъ поръ (см. выше стр. 44, прим. 1-е). Легенда превратила эту Константину въ святую дѣву Констанцію, несмотря на то, что она была два раза замужемъ и что въ общемъ ея жизнь была весьма далека отъ евангельскаго идеала.

слухи до него ни доходили, онъ долженъ быть спокоенъ: поддержка у него всегда будетъ [1]). Египетская администрація получила распоряженія въ такомъ же духѣ. Аѳанасій съ своей стороны выпустилъ ради самозащиты сборникъ оправдательныхъ документовъ, гдѣ онъ воспроизводилъ сперва постановленія въ его пользу египетскаго епископата, Римскаго и Сардикскаго соборовъ, затѣмъ изложилъ заново въ цѣломъ рядѣ оффиціальныхъ документовъ, связанныхъ короткимъ обзоромъ событій, весь ходъ направленныхъ противъ него козней, вплоть до своего возвращенія имп. Констанціемъ и отреченія Урзакія и Валента. Это—то, что̀ мы называемъ „Апологіей противъ аріанъ". До этого времени Аѳанасій воздерживался что-либо писать изъ боязни, чтобы его слова не обратили противъ него, какъ это было съ Маркелломъ. Да и на этотъ разъ онъ мало говорилъ отъ себя, предоставляя говорить документамъ.

Другой духовный сановникъ, которому смѣна императоровъ должна была причинить много непріятностей, былъ епископъ сирмійскій. Если уже для западныхъ сотоварищей онъ былъ предметомъ соблазна, то можно себѣ представить, какія чувства питали къ нему восточные іерархи. Констанцій по-прежнему былъ окруженъ ими. Какъ только онъ поселился въ Сирміи, они стеклись туда и стали сводить свои старые счеты со Скотиномъ, какъ они его называли. Но Скотинъ былъ человѣкъ находчивый. Сперва ему удалось увильнуть отъ собора и добиться того, что была назначена императорская коммиссія для рѣшенія его спора съ противниками его ученія. Любившій такія упражненія Констанцій назначилъ ареопагъ изъ восьми сановниковъ и соотвѣтственнаго количества писцовъ. Фотинъ явился самъ, противники же выдвинули ораторомъ епископа анкирскаго Василія, человѣка умѣренныхъ воззрѣній и одареннаго блестящимъ краснорѣчіемъ. Это былъ тоже галатъ; должно-быть, онъ жилъ довольно долго съ Фотиномъ въ свитѣ Маркелла. Исторія Павла самосатскаго повторялась во всѣхъ подробностяхъ: Фотинъ и Василій возобновляли единоборство, бывшее нѣкогда между епископомъ антіохійскимъ и пресвитеромъ Малхіономъ [2]). Св. Епифаній имѣлъ въ рукахъ протоколъ этого диспута[3]), который позволилъ вполнѣ выяснить заблужденія Фотина. Тогда собрался соборъ; сирмійскій епископъ получилъ отъ вос-

---

1) Athan. *Hist. arian.*, 23, 51.
2) См. т. I, стр. 316—317.
3) *Haer.* LXXI, 1, 2.

точныхъ епископовъ дополнительный приговоръ, осуждавшій его, и былъ сосланъ императоромъ. На его мѣсто поставили нѣкоего Герминія, котораго вызвали изъ Кизика и который раздѣлялъ убѣжденія господствующей партіи. Въ этихъ придунайскихъ областяхъ Восточные встрѣтили двухъ старыхъ друзей, Урзакія и Валента, которые отреклись отъ нихъ подъ давленіемъ необходимости, но теперь, не стѣсненные болѣе въ своихъ чувствахъ, поспѣшили присоединиться къ общему теченію.

Готовилось отмщеніе за послѣднія событія; но нужно было соблюдать осторожность. Императоръ Констанцій завоевывалъ Западъ; надѣялись, что эта политическая побѣда поведетъ за собой полное церковное сліяніе. Но латиняне, какъ уже давно было извѣстно, по нѣкоторымъ вопросамъ упорно держались противъ Востока, и съ этимъ приходилось считаться. Соборъ удовольствовался тѣмъ, что въ четвертый разъ провозгласилъ антіохійскій символъ, прибавивъ къ нему 27 кановов догматическаго содержанія, направленныхъ противъ Маркелла и Фотина безъ упоминанія о томъ, и о другомъ. Св. Иларій [1]), который, какъ и св. Аѳанасій, сохранилъ намъ ихъ текстъ, не находитъ противъ нихъ возраженій; и дѣйствительно, будь этотъ символъ представленъ другими людьми, на Западѣ имъ могли бы удовлетвориться. Правда, въ немъ не было рѣчи объ ὁμοούσιος, да развѣ дѣйствительно нельзя было обойтись безъ этого термина, который вызывалъ столько возраженій и, выражая лишь одинъ изъ моментовъ общаго вѣрованія, постоянно нуждался въ дополненіяхъ и разъясненіяхъ? Нѣкоторыя сомнѣнія онъ вызывалъ даже у благомыслящихъ людей. Правда, что терминъ ὁμοούσιος былъ санкціонированъ Никейскимъ соборомъ. Но не теряя уваженія къ этому почтенному собору, противъ котораго тогда никто не думалъ возражать, развѣ нельзя было слегка истолковать тотъ символъ, который былъ имъ выработанъ? Такія мысли должны были рано или поздно придти въ голову такимъ людямъ, какъ Василій анкирскій. Онѣ одно время пользовались большимъ, но кратковременнымъ успѣхомъ, такъ какъ ихъ раздѣляли не всѣ Восточные и, вѣроятно, даже не большинство ихъ партіи,—сознательное или безсознательное,—а лишь группа умѣренныхъ.

---

[1]) Hilar. *De synodis*, 38—62, Athan. *De synodis*, 27, Сократъ (II. 29) указываетъ дату собора (351 г.); несмотря на крайнюю путаницу, какою отличается здѣсь его изложеніе, надо признать, что эта дата хорошо совпадаетъ съ послѣдующими твердо установленными событіями.

Въ то время какъ противники Аѳанасія производили манифестаціи въ Иллирикѣ и приготовлялись завоевывать Западъ, Аѳанасій чувствовалъ вновь, какъ ихъ козни захватываютъ его. Зиму 351—352 года они, повидимому, использовали для того, чтобы вновь обойти императора. Послѣдняго увѣрили, будто Аѳанасій во время своего пребыванія на Западѣ повредилъ ему въ глазахъ брата и входилъ въ стачку съ Магненціемъ [1]). Констанцій велѣлъ выстроить въ Александріи большую церковь *Caesareum*; однажды на пасху вѣрующіе въ виду тѣсноты въ своихъ приходскихъ церквахъ перешли въ нее со своимъ епископомъ. Это вмѣнили ему въ великое преступленіе: онъ долженъ былъ бы подождать, когда императоръ торжественно отпразднуетъ освященіе ея. Короче говоря, Аѳанасій вновь сдѣлался для него опаснымъ лицомъ [2]). Въ концѣ-концовъ восточные епископы сумѣли вновь провести мысль, что Аѳанасій въ сущности не имѣетъ никакихъ іерархическихъ правъ, такъ какъ былъ низложенъ Тирскимъ соборомъ. Нужно было только избавить отъ него Александрію и добиться для него осужденія отъ западныхъ епископовъ.

Послѣдніе какъ-разъ въ это время лишились своего вождя, папы Юлія, который умеръ 12 апрѣля 352 года, когда Констанцій наступалъ на Аквилею. Мѣсяцъ спустя, 17 мая, на его мѣсто былъ поставленъ діаконъ Либерій, обреченный судьбой на многія бѣды въ ближайшее царствованіе. Вскорѣ послѣ своего посвященія онъ получилъ отъ разныхъ египетскихъ и восточныхъ епископовъ письма,

---

[1]) Посольство, отправленное къ Восточному двору Магненціемъ въ 350 г., высадилось въ Ливіи, чтобы избѣжать встрѣчи съ Ветраніемъ, и прослѣдовало чрезъ Александрію. Въ составъ его входили Серватій, епископъ тунгрскій, и еще другой епископъ, Максимъ. *Apol. ad Const.*, 9.

[2]) Амміанъ Марцеллинъ (XV, 7, 6), который говоритъ объ этомъ по сплетнямъ, носившимся въ арміи, рисуетъ Аѳанасія чѣмъ-то вродѣ чародѣя: Athanasium episcopum eo tempore apud Alexandriam ultra professionem altius se efferentem scitarique conatum externa, ut prodidere rumores adsidui, coetus in unum quaesitus ejusdem loci multorum, synodus, ut appellant, removit a sacramento quod optinebat. Dicebatur enim fatidicarum sortium fidem, quaeve augurales portenderent alites scientissime callens, aliquoties praedixisse futura. Super his intendebantur et alia quoque a proposito legis abhorrentia cui praesidebat. (Въ это время жилъ въ Александріи епископъ Аѳанасій, значительно возвышавшійся надъ обычнымъ уровнемъ и, какъ носились упорные слухи, стремившійся овладѣть внѣшнимъ знаніемъ. Онъ былъ низложенъ съ занимаемой имъ священной должности многолюднымъ собраніемъ [епископовъ] той мѣстности, или, какъ его называютъ, соборомъ. Ибо, говорили, онъ [Аѳанасій], превосходно изучивъ искусство прорицательницъ и авгуровъ, предрекавшихъ по полету птицъ, иногда предсказывалъ будущее. Сверхъ того ему были вмѣнены и другія [преступленія], гнусныя въ очахъ того закона [религіи], представителемъ котораго онъ былъ).

обличавшія Аѳанасія и его преступленія [1]). Какъ и все высшее духовенство Рима, Либерій долженъ былъ знать цѣну этимъ письмамъ. Онъ прочелъ ихъ „въ церкви и на соборѣ“ [2]) и отвѣтилъ, отвергая обвиненія, столь многократно опровергнутыя [3]). „Соборомъ“, очевидно, было собраніе епископовъ, происходившее ежегодно въ день возведенія на каѳедру (*natale*) новаго папы; оно такимъ образомъ должно было происходить 17 мая 353 г. Около того же времени прибыло посольство отъ египетскихъ епископовъ и александрійскаго духовенства во главѣ съ Серапіономъ тмуискимъ, самымъ вѣрнымъ сподвижникомъ Аѳанасія. Эти лица привезли съ собою заявленіе восьмидесяти епископовъ въ пользу преслѣдуемаго [4]). Отъ имени значительнаго числа италійскихъ епископовъ папа обратился къ императору съ просьбой собрать въ Аквилеѣ большой соборъ, который пересмотрѣлъ бы заново возрождающійся вопросъ. Констанцій передъ тѣмъ подалъ ему надежду на подобнаго рода собраніе. Легаты папы Викентій капуанскій и другой епископъ изъ Кампаніи, Маркеллъ, встрѣтили императора въ Арлѣ, гдѣ онъ проводилъ зиму 353—354 г. Они застали его посреди торжествъ его тридцатилѣтняго юбилея, окруженнымъ епископами этой страны, у которыхъ онъ собиралъ подписи противъ Аѳанасія.

Восточныя распри были мало знакомы галльскому духовенству. Десять лѣтъ передъ тѣмъ по поводу Сардикскаго собора нѣкоторые изъ здѣшнихъ епископовъ были втянуты въ эти дѣла, какъ Максиминъ трирскій, Вериссимъ ліонскій, Евфратъ кельнскій. Первый изъ нихъ, ревностный сторонникъ Аѳанасія, умеръ незадолго передъ тѣмъ; быть-можетъ, двухъ другихъ тоже не было въ живыхъ. Тридцать подписей, которыя собрали тогда подъ постановленіями Сардикскаго собора, были, несомнѣнно, даны въ большинствѣ по довѣрію, по предложенію императора Константа и уважаемыхъ епископовъ, каковы ліонскій и трирскій. Ко времени прибытія Констанція все это уже отошло въ глубь прошлаго. О предшествующихъ событіяхъ имѣли слабое представленіе; даже

---

[1]) Безъ сомнѣнія, мелитіане.

[2]) Hilar. *Fragm.* V, 2. Письмо Либерія къ Констанцію въ 354 г. (Iaffe, 212).

[3]) О посланіи *Studens paci*, дошедшемъ до насъ въ Историческихъ Фрагментахъ св. Иларія (*Fragm.* IV), см. мой докладъ *Libère et Fortunatien* (*Melanges* de l'ecole de Rome, t. XXVIII, 1908, p 42 и слѣд.).

[4]) Я связываю здѣсь посылку этого заявленія съ отправкой депутаціи Серапіона съ товарищами, которая отбыла изъ Александріи 18 мая 353 г., судя по Хроникѣ Аѳанасія; см. также Хронику пасхальныхъ посланій.

о Никейскомъ соборѣ почти ничего не знали. Иларій, епископъ пуатьескій, ученый человѣкъ, не слыхалъ о знаменитомъ символѣ, пока Констанцій не смутилъ покоя галльскаго епископата на этотъ счетъ. Мало свѣдущіе въ этихъ дѣлахъ и въ ихъ закулисной сторонѣ, галльскіе епископы были склонны сдѣлать то, чего такой благочестивый императоръ у нихъ домогался. Тщетно старались папскіе уполномоченные удержать ихъ отъ этого шага, отложить рѣшеніе до ближайшаго собора или по крайней мѣрѣ добиться того, чтобы раньше осужденія Аѳанасія было выражено порицаніе аріанской ереси. Они ничего не достигли. Краснорѣчіе Валента, говорившаго отъ имени Восточныхъ, и обаяніе сына Константина одолѣли всякое сопротивленіе. Арльскій епископъ Сатурнинъ, одинъ изъ первыхъ присоединившихся, обнаружилъ большое рвеніе. Сами легаты были увлечены общимъ потокомъ и подписали осужденіе Аѳанасія. Одинъ только трирскій епископъ Павлинъ имѣлъ мужество протестовать. Его низложили и сослали [1]).

Корабль, который увозилъ Серапіона въ Италію, встрѣтился при выходѣ изъ Александрійскаго порта съ казенной галерой, съ которой 22 мая высадился посланецъ императорскаго двора Монтанъ. Извѣстіе о посольствѣ ему, повидимому, не понравилось, такъ какъ онъ имѣлъ порученіе привезти самого Аѳанасія. Онъ передалъ послѣднему императорское посланіе, въ которомъ ему разрѣшалось „по его просьбѣ“ представиться государю. Но Аѳанасій вовсе не просилъ. Привычный къ придворному языку, онъ почуялъ западню и отдѣлался отъ приглашенія. Съ другой стороны, его пословъ не допустили до Констанція, и они вернулись къ Александрію. Епископъ не сомнѣвался, что императоръ будетъ настаивать, и что ему рано или поздно придется предстать передъ нимъ. На этотъ случай онъ приготовилъ прекрасно составленную защитительную рѣчь, достойную произнесенія передъ дворомъ. Онъ предвидѣлъ даже, какое выраженіе на лицѣ августѣйшаго слушателя вызоветъ его краснорѣчіе: „Вы улыбаетесь, государь, и эта улыбка — знакъ согласія“ [2]). Это искусное произведеніе осталось безъ при-

---

[1]) Indignus ecclesia ob episcopis, dignus exilio a rege est iudicatus (Епископы признали его недостойнымъ церкви, а императоръ—достойнымъ ссылки). Hilar. *Fragm.*, 1, 6.

[2]) *Apol. ad. Const.*, 16. Аѳанасій былъ слишкомъ самоувѣренъ: не легко было вызвать улыбку на августѣйшемъ лицѣ императора Констанція.

мѣненія [1]). Болѣе двухъ лѣтъ дворъ притворялся, что не замѣчаетъ Аѳанасія.

Но если его оставляли въ покоѣ въ Египтѣ, то въ Италіи и Галліи враги работали надъ тѣмъ, чтобы отдалить отъ него всѣхъ. Раздраженный сопротивленіемъ Либерія, императоръ послалъ въ Римъ воззваніе, выставлявшее папу въ очень невыгодномъ свѣтѣ: его упрекали въ честолюбіи, чванствѣ, слѣпомъ упрямствѣ, неуживчивомъ характерѣ. Либерій защищался. Какъ ни былъ онъ огорченъ враждебнымъ настроеніемъ государя и слабостью своихъ легатовъ, онъ не отчаялся и вторично обратился къ императору, чтобы добиться собора, гдѣ бы, подкрѣпивъ никейскій символъ, сообща были рѣшены всѣ вопросы, касавшіеся личностей [2]). Его письмо было отвезено новыми легатами, людьми безстрашными, отъ которыхъ можно было опасаться не какихъ-либо проявленій слабости, а, пожалуй, скорѣе избытка усердія: то были епископъ качліарійскій Люциферъ, пресвитеръ Панкратій и діаконъ Иларій. Въ то же время Либерій старался укрѣпить мужество окружавшихъ его италійскихъ епископовъ; онъ изливалъ свою скорбь Осію кордубскому, старому борцу въ этихъ прискорбныхъ распряхъ [3]).

Констанцій, которому нечего было бояться со стороны столь уступчиваго епископата, принялъ мысль папы и согласился на созывъ собора, который засѣдалъ, правда, не въ Аквилеѣ, а въ Миланѣ, въ первые мѣсяцы 355 г. Либерій поручилъ своихъ легатовъ попеченію верчелльскаго епископа Евсевія, прежде состоявшаго въ римскомъ клирѣ, извѣстнаго святостью жизни и твердостью характера. Онъ также очень разсчитывалъ на епископа аквилейскаго Фортунаціана. Когда епископы собрались, Евсевій, мало полагаясь на ихъ настроеніе, не торопился прибытіемъ. Пришлось посылать къ нему требованіе отъ имени императора, а римскимъ легатамъ—умолять его пріѣхать и, „какъ нѣкогда ап. Петръ, разоблачить чары волхва“. Наконецъ, онъ явился въ сопровожденіи легатовъ. Но уже десять дней шла среди епископовъ неутомимая агитація: они начали обнаруживать признаки податливости. Евсевія попросили подписаться подъ осужденіемъ Аѳанасія. Онъ объявилъ, что многіе изъ присутствующихъ ему кажутся еретиками, а чтобы выяснить

---

1) Онъ впослѣдствіи опубликовалъ его съ дополненіями, какихъ потребовалъ дальнѣйшій ходъ его трагической судьбы. Это—Апологія къ императору Констанцію.

2) Iaffe, 212 (Hil., *Fr.* V).

3) Iaffe, 209, 210 (Hilar., *Fr.* VI, 3).

этотъ вопросъ, нужно, чтобы всѣ подписались подъ никейскимъ символомъ. Говоря это, онъ вынулъ экземпляръ символа и протянулъ его епископу миланскому, который уже взялъ трость для подписи, какъ Валентъ бросился на послѣдняго, выхватилъ трость и списокъ символа съ крикомъ, что такая постановка дѣла недопустима. Произошло большое замѣшательство: прибѣжали міряне и грозили заступиться за своихъ епископовъ. Тогда засѣданія были перенесены изъ церкви во дворецъ и скоро измѣнились по характеру. Епископамъ поставили на выборъ: подпись или ссылка. Только трое предпочли ссылку: Люциферъ, Евсевій и Діонисій; прочіе подчинились [1]).

По отношенію къ отсутствовавшимъ на соборѣ были приняты свои мѣры: императорскіе коммиссары ѣздили въ сопровожденіи клириковъ изъ свиты Урзакія и Валента изъ церкви въ церковь собирать подписи. Въ слѣдующемъ году (356) въ Галліи, въ Безьерѣ, созванъ былъ соборъ, гдѣ то же требованіе предъявили къ нѣкоторымъ, запоздавшимъ съ подписью. Въ числѣ ихъ былъ Иларій пуатьескій. Тотчасъ послѣ Миланскаго собора онъ возбудилъ въ Галліи движеніе противъ изгнанія епископовъ и вообще противъ вмѣшательства свѣтской власти въ вопросы вѣры и церковнаго общенія. Его первая апологія, обращенная къ Констанцію [2]), можетъ считаться манифестомъ этого движенія. Иларій и его сторонники отказались отъ общенія съ Урзакіемъ, Валентомъ и Сатурниномъ и побудили принести покаяніе тѣхъ епископовъ, которые пали подъ ихъ вліяніемъ. Его вызвали на соборъ въ Безьеръ. Онъ рѣшительно отказался измѣнить свой образъ дѣйствій и увлекъ своимъ примѣромъ своего сотоварища, тулузскаго епископа Роданія, болѣе слабохарактернаго человѣка, но въ рѣшительную минуту тоже предпочевшаго изгнаніе.

Съ папой Либеріемъ болѣе церемонились. Его отношеніе къ текущимъ событіямъ не измѣнилось: онъ былъ за изгнанниковъ и противъ правительства. Онъ тотчасъ же написалъ Люциферу, Евсевію и Діонисію трогательное письмо, гдѣ выражалъ свое сожалѣніе, что не можетъ сейчасъ за ними слѣдовать, и свою увѣрен-

---

[1]) Объ этомъ соборѣ см. въ особенности Hil. *Ad Const.*, I, 8, съ дополненіями у Аѳанасія, *Hist. arian.*, 32—34, у Сульп. Сев, *Chron.*, II, 39, и въ посланіяхъ, собранныхъ у Mansi, t. III, p. 326 и слѣд.

[2]) До насъ дошелъ лишь искаженный текстъ; Сульпицій Северъ (*Chron.*, II, 39) читалъ его цѣликомъ. Кесарь Юліанъ, повидимому, пытался защищать Иларія (Hil., *Ad Const.*, II, 2).

ность, что очередь не замедлитъ дойти и до него [1]). Къ его посланцамъ, пресвитеру Евтропію и діакону Иларію, отнеслись сурово; ихъ обоихъ сослали, а діакона еще вдобавокъ бичевали кнутомъ [2]). Довѣренное лицо императора, евнухъ Евсевій, былъ посланъ въ Римъ, чтобы повліять на папу, но его увѣщанія не имѣли никакого успѣха. Тщетно показывалъ онъ свой кошелекъ, тщетно высыпалъ содержимое его на гробъ ап. Петра: Либерій велѣлъ выбросить деньги. Тогда префекту Леонтію поручили прислать непокорнаго первосвященника ко двору. Это было не легко, такъ какъ народъ очень любилъ Либерія: пришлось это сдѣлать ночью съ большими предосторожностями [3]).

Наконецъ, это удалось. Либерія похитили и привезли въ Миланъ. Представъ предъ императоромъ, онъ могъ только повторить тѣ протесты, которые въ теченіе двухъ лѣтъ не переставалъ заявлять при всякомъ удобномъ случаѣ: ему невозможно осуждать людей, не выслушавъ ихъ; приговоръ Тирскаго собора, не основанный на состязаніи сторонъ передъ судомъ, не можетъ имѣть никакой силы; прежде всего нужно было вернуть изгнанниковъ и заручиться, что вся церковь согласна относительно никейскаго символа, затѣмъ можно собраться въ Александріи, на самомъ мѣстѣ происшествія спорныхъ событій. Объ этомъ свиданіи до насъ дошелъ своего рода протоколъ [4]), гдѣ съ поражающей яркостью обрисовываются фигуры собесѣдниковъ,—папы, императора, евнуха Евсевія, епископа Епиктета [5]):

„Какъ же высоко ставишь ты себя,—сказалъ императоръ,—ты, который одинъ заступаешься за безбожника и тѣмъ смущаешь миръ вселенной?“—„Пусть буду я одинъ исповѣдникъ,—возразилъ епископъ,—вѣра отъ того не теряетъ. Въ древнія времена ихъ было всего трое, а они сопротивлялись“.—„Какъ?—прервалъ Евсевій,—ты принимаешь нашего императора за Навуходоносора?“—„Очень ему нужна вѣра и соборные приговоры;—прибавилъ Епиктетъ,—чего онъ хочетъ, это похвастать передъ римскими сенато-

---

1) Iaffe, 216 (Hilar., *Fr.*, VI, 1—2).
2) Athan., *Hist. ar.*, 41.
3) Ammian., XV, 7, 6. Ср. Athan., *Hist. ar.*, 35—40.
4) Онъ сохранился у Өеодорита, II, 13; Созоменъ (IV, 11) тоже видѣлъ его. Ср. Athan., *Hist. ar.*, 39, 40.
5) Этотъ Епиктетъ былъ молодымъ авантюристомъ духовнаго званія, котораго придворная партія заставила избрать въ епископы въ Центумцеллахъ (нынѣ Чивитта-Веккіа, близъ Рима) и которому поручила досматривать за папой.

рами, что переспорилъ государя“. Собесѣдованіе кончилось послѣднимъ приглашеніемъ папѣ дать свою подпись. Ему дали три дня на размышленіе; онъ отказался, такъ же какъ и отъ денежныхъ пособій императора и императрицы. Затѣмъ его отправили въ Верію, во Ѳракіи, гдѣ отдали подъ надзоръ одного изъ вождей аріанской партіи, епископа Демофила.

Оставался еще „отецъ соборовъ“, живое воплощеніе никейскихъ воспоминаній, столѣтній епископъ кордубскій. Несмотря на его возрастъ, Осія вызвали въ Миланъ; но онъ остался глухъ ко всѣмъ увѣщаніямъ, и его пришлось отослать обратно въ его отдаленную епархію. Тамъ на него вновь сдѣлали натискъ при помощи писемъ и посланцевъ. Онъ противился и написалъ императору трогательное письмо. Между прочимъ онъ говорилъ, что, будучи исповѣдникомъ вѣры при его пращурѣ Максиміанѣ, онъ не желаетъ измѣнять ей въ угоду аріанамъ; что онъ достовѣрно знаетъ невиновность Аѳанасія и недобросовѣстность его обвинителей; что императору слѣдовало бы заниматься своими дѣлами и предоставить епископамъ вѣдать дѣла церкви. На Констанція не могло повлиять никакое краснорѣчіе. Среди испанскихъ епископовъ у него былъ человѣкъ на всѣ руки, лиссабонскій епископъ Потамій, который тамъ игралъ приблизительно ту же роль, что Сатурнинъ въ Галліи, и по этой причинѣ подвергся преслѣдованіямъ Осія. По его жалобѣ Констанцій вновь велѣлъ вызвать къ себѣ строптиваго іерарха [1]). Его удалось довезти до Сирмія, гдѣ тогда находился императорскій дворъ, и тамъ его удержали въ изгнаніи.

Теперь единство было достигнуто. Ни на Западѣ, ни на Востокѣ не осталось въ должности ни одного епископа, который бы не высказался противъ Аѳанасія. Наступилъ моментъ начать противъ него преслѣдованіе. Казалось бы, что стоило только послать ему приказъ о ссылкѣ или похитить его, какъ папу Либерія. Но александрійскій папа имѣлъ вокругъ себя еще болѣе преданную паству и еще менѣе покорную, чѣмъ населеніе Рима, а съ другой стороны у него въ рукахъ были письма, въ которыхъ Констанцій торжественно обязался никогда не оставлять его безъ поддержки. Чтобы выйти изъ этого затрудненія, правительство придумало разыграть комедію: рѣшили во что бы то ни стало устроить въ Александріи возмущеніе.

Предпріятіе было не изъ легкихъ. Императорскій нотарій Діогенъ

---

1) *Marcellini et Faustini Libellus precum*, 32 (*Coll. Arell.* ed. Günther. p. 15).

прибылъ туда въ августѣ 355 г., передалъ епископу совѣтъ удалиться и началъ интриговать среди духовенства и міряпъ. Но Аѳанасій сталъ подъ защиту императорскихъ писемъ, заявляя, что онъ уѣдетъ не иначе, какъ по формальному, лично отъ императора исходящему приказу; что касается населенія, то что́ съ нимъ ни дѣлали, оно не поддавалось. Черезъ четыре мѣсяца Діогенъ, наконецъ, уѣхалъ ни съ чѣмъ.

Зимой опять принялись за дѣло. Собрали войска со всего Египта подъ командой военачальника Сиріана, которому поручено было исполненіе задуманнаго. Аѳанасій не двинулся съ мѣста, объявляя, что епископъ не можетъ покидать своей паствы безъ настоятельной причины; что онъ впрочемъ уступитъ, если императоръ этого хочетъ, если даже командующій войсками или египетскій префектъ дастъ ему письменный приказъ о томъ. Народъ поддерживалъ его и просилъ позволенія послать къ императору депутацію. Тонъ этихъ требованій заставилъ Сиріана задуматься; онъ объявилъ, что самъ напишетъ императору и что пока ничего не предприметъ противъ церквей. Этого обѣщанія онъ не сдержалъ.

Въ полночь 8 февраля церковь Ѳеоны, бывшая все еще главной церковью, подверглась нападенію со всѣхъ сторонъ. Аѳанасій совершалъ тамъ одно изъ тѣхъ ночныхъ богослуженій, которыя назывались бдѣніями (παννυχίδες) и привлекали только ревностныхъ богомольцевъ, такъ что народу тамъ было немного. Сиріанъ велѣлъ взломать двери; его войска, къ которымъ присоединился сбродъ мятежниковъ, ворвались въ церковь съ мечами на-голо, при трубныхъ звукахъ. Шлемы блестѣли при свѣтѣ свѣчъ, стрѣлы летали по церкви. Можно представить себѣ смятеніе. На богослуженіи въ большомъ числѣ присутствовали дѣвственницы; на нихъ напали съ безстыдными ругательствами; иныя были убиты, другія изнасилованы. Растаптываемые ногами, давимые у выходовъ. вѣрующіе оставили на мѣстѣ не мало труповъ. Епископъ среди всей этой сумятицы оставался на своей каѳедрѣ; преданные монахи и міряне окружали его. Имъ удалось его вывести, но пройти чрезъ толпу ему пришлось не безъ тѣлесныхъ поврежденій. Тѣ, кто его искалъ, его не узнали. Впрочемъ они нисколько не добивались захватить его; имъ нужно было только, чтобы онъ бѣжалъ, чтобы дѣло имѣло видъ, какъ-будто онъ изгнанъ народнымъ возмущеніемъ. Въ этомъ они достигли цѣли. Съ этой минуты Аѳанасія больше не видали [1]).

[1]) Палладій встрѣтилъ позднѣе (около 388 г.) въ Александріи старую монахиню, у которой, какъ разсказывали, имѣлъ пріютъ Аѳанасій въ теченіе тѣхъ

Съ наступленіемъ дня александрійскіе христіане поспѣшили къ начальству съ протестомъ. Но военачальникъ Сиріанъ уже приготовилъ оффиціальное толкованіе всего случившагося: не было никакого нападенія, Аѳанасій самъ осудилъ себя, добровольно покинувъ Александрію. Въ подтвержденіе этого требовали подписей, а отказывавшихся били палками. Но александрійцы 12 февраля заявили второй [1]) протестъ, гдѣ перечислены были убитые и было отмѣчено присутствіе въ церкви Ѳеоны командующаго войсками въ сопровожденіи императорскаго нотарія Иларія. Городской комендантъ (дуумвиръ) Горгоній также былъ тамъ, и авторы протеста ссылались на него. Кромѣ того въ церкви подобрали мечи, кинжалы и стрѣлы и хранили ихъ какъ доказательство произведеннаго насилія. Префекта Египта и представителей полиціи умоляли довести объ этихъ событіяхъ до свѣдѣнія императора и префектовъ преторіи; капитановъ кораблей просили повсюду разгласить о нихъ. И въ особенности протестовали противъ присылки александрійцамъ другого епископа и увѣряли, что не потерпятъ его и останутся вѣрны Аѳанасію.

Однако авторовъ протеста не послушались. Въ Египетъ былъ посланъ нѣкій комитъ Ираклій съ императорскими посланіями къ александрійскому сенату и народу. Въ нихъ Констанцій извинялся, что изъ уваженія къ брату терпѣлъ нѣкоторое время присутствіе Аѳанасія въ Александріи; теперь онъ объявлялся врагомъ государства и было приказано во что бы то ни стало найти его [2]). 14 іюня церкви были отобраны отъ преданнаго Аѳанасію клира и переданы аріанамъ,—разумѣется, не безъ сопротивленія. Въ Caesareum'ѣ въ особенности были ужасныя сцены [3]). Конфискаціей церквей дѣло не кончилось; было послано императору заявленіе о согласіи принять того епископа, котораго ему угодно будетъ послать. Заявленіе было покрыто подписями христіанъ и язычниковъ; любопытно, что язычниковъ предупредили, что если они не присоединятся, то у нихъ запрутъ ихъ храмы.

шести лѣтъ, когда онъ скрывался. Онъ будто бы укрылся у нея въ увѣренности, что его не пойдутъ искать у молодой женщины, какою она была тогда. Эта исторія, сама по себѣ неправдоподобная, опровергается тѣмъ, что самъ св. Аѳанасій разсказываетъ намъ о своихъ изгнанническихъ странствованіяхъ. Но возможно, что эта особа служила посредникомъ въ его перепискѣ съ друзьями или даже отъ времени до времени давала ему пріютъ, когда онъ украдкой посѣщалъ Александрію. (*Hist. Laus.*, c. 64, Butler).

[1]) Текстъ его дошелъ до насъ; Аѳанасій присоединилъ его къ своей Исторіи аріанъ.

[2]) *Hist. ar.*, 48, 49.

[3]) *Hist. ar.*, 55—58.

Наконецъ 24 февраля 357 г. избранникъ императора и его вѣроисповѣдныхъ единомышленниковъ вступилъ въ Александрію. Онъ прибылъ изъ Антіохіи, гдѣ былъ рукоположенъ соборомъ изъ тридцати сирійскихъ, ѳракійскихъ и мало-азійскихъ епископовъ [1]). То былъ нѣкій Георгій, урожденецъ Каппадокіи, какъ и многія другія знаменитости того времени. Ранѣе онъ занималъ въ Константинополѣ должность въ финансовомъ вѣдомствѣ и, говорятъ, показалъ себя настолько честнымъ, что ему пришлось дать отставку [2]). Съ тѣхъ поръ онъ велъ бродячій образъ жизни и въ это время познакомился съ будущимъ кесаремъ Юліаномъ и даже ссужалъ его книгами. Онъ слылъ человѣкомъ корыстолюбивымъ. Впрочемъ это былъ человѣкъ, лишенный какихъ бы то ни было принциповъ, способный съ полнымъ безстыдствомъ производить всевозможныя операціи. Это качество какъ-разъ подходило къ тому, чего требовало положеніе, какое предназначалось для него въ Александріи. Оставалось лишь подъ вопросомъ, будетъ ли этотъ человѣкъ на высотѣ требованій.

Въ первое время все шло какъ по маслу. Ему дали въ помощь военнаго командира, вполнѣ способнаго на исполненіе тяжелыхъ порученій, военачальника Севастіана, манихея по религіи, человѣка, недоступнаго чувству жалости. Черезъ нѣсколько недѣль всѣ девяносто египетскихъ епископовъ узнали, что такое Георгій: шестнадцать изъ нихъ были изгнаны, человѣкъ тридцать вынуждены бѣжать, остальные подвергнуты большимъ или меньшимъ стѣсненіямъ. Нужно было отказаться отъ общенія съ Аѳанасіемъ и принять Георгія; несогласныхъ замѣняли другими безъ пощады. Что же касается самой Александріи, то малѣйшее сопротивленіе тамъ немедленно подавлялось. Вѣрное духовенство отправлялось въ ссылку, на каторгу; страшный рудникъ *metallum* въ Фаэно опять увидѣлъ въ своихъ стѣнахъ исповѣдниковъ вѣры, какъ во времена Максимина Даи. Въ городѣ были воспрещены всякія собранія даже для простой раздачи милостыни. Если собирались передъ городомъ около кладбищъ, туда являлся Севастіанъ со своимъ отрядомъ; собраніе разгонялось; женщины, особенно дѣвственницы, которыя, конечно, стояли въ первыхъ рядахъ самыхъ ревностныхъ членовъ паствы, подвергались побоямъ, бичеванію колючей лозой; ихъ пытали ог-

---

1) Sosom., IV, 8.

2) Св. Аѳанасій (*Hist. ar.* 51) называетъ его пожирателемъ денежныхъ ящиковъ (ταμειόφογος); ср. тамъ же, 75: *σφετερισάμενον πάντα καὶ δι᾽ αὐτὸ τοῦτο φύγοντα* (все присвоившаго себѣ и потому бѣжавшаго).

немъ, чтобы заставить кричать въ честь Арія и Георгія. На мѣстѣ происшествія оставались убитые, и роднымъ не легко было добиться позволенія ихъ похоронить; арестованныхъ,—мужчинъ и женщинъ,—ссылали далеко за предѣлы пустыни, даже въ большой Оазисъ.

Терроръ продолжался восемнадцать мѣсяцевъ. Не одни христіане страдали отъ него. Новый епископъ принялся за спекуляціи, присвоивъ себѣ селитряныя копи, солеварни, болота, гдѣ росли тростникъ и напирусъ и обративъ въ свою монополію устройство похоронныхъ процессій [1]). Въ концѣ августа 358 г. выведенные изъ терпѣнія александрійцы возстали и напали на него въ церкви Діонисія. Не безъ труда удалось на этотъ разъ вырвать его изъ рукъ тѣхъ, которые хотѣли съ нимъ расправиться. Черезъ нѣсколько дней онъ уѣхалъ и больше трехъ лѣтъ не показывался въ Александріи. Борьба послѣ его отъѣзда продолжалась. Былъ моментъ, когда приверженцы Аѳанасія вернули-было себѣ свои церкви, но военачальникъ Севастіанъ отнялъ ихъ опять. Пока живъ былъ имп. Констанцій, перевѣсъ оставался за противниками: въ глазахъ правительства Аѳанасія больше не существовало.

Это не мѣшало ему изъ глубины своего убѣжища безпокоить порою мирный сонъ власть имущихъ. Какъ бы ни хвалилъ Констанцій александрійцевъ за рвеніе (?), съ какимъ они будто бы прогнали Аѳанасія и сплотились вокругъ Георгія [2]), императоръ не чувствовалъ полной увѣренности въ себѣ. Чтобы не дать ему успокоиться, Аѳанасій послалъ ему свою Апологію, давно уже написанную и дополненную теперь сообщеніемъ о недавнихъ событіяхъ. Со времени его изгнанія изъ церкви Ѳеоны его нигдѣ не было видно; шесть лѣтъ полиція тщетно искала его. Всѣ порядочные люди въ Египтѣ были на его сторонѣ. Онъ былъ защитникомъ вѣры, законнымъ папой, отцомъ для всѣхъ; въ то же время онъ былъ недругомъ правительства, его жертвой, и это служило ему къ великой чести. Пустыня для него была гостепріимна: онъ могъ безъ опаски стучаться въ любой монастырь и любую келью отшельника. За исключеніемъ нѣсколькихъ отщепенцевъ, которые встрѣчались только среди чиновничества, народъ былъ всецѣло къ его услугамъ. Ни разу его не выдали, ни разу полиціи не удалось напасть на его слѣдъ. Какъ истый египтянинъ, онъ иногда под-

---

[1]) Epiph., *Haer.*, LXXVI, 1.
[2]) Письмо Ἡ μὲν πόλις (Athan., *Apol. ad Const.*, 30).

трунилъ надъ ней. Однажды вечеромъ, поднимаясь по Нилу на лодкѣ, онъ услышалъ сзади всплескъ веселъ: то была казенная галера. Его окликнули: „Видѣлъ ты Аѳанасія?“—„Еще бы“,—отвѣтилъ онъ, измѣнивъ голосъ.—„Далеко ли онъ?“—„Да нѣтъ, совсѣмъ близко, впереди васъ, гребите дружнѣй!“ Галера пустилась къ югу, а опальный епископъ, повернувъ свою лодку, вернулся спокойно домой.

Слухи извнѣ доходили до него; его сторонники тщательно увѣдомляли его обо всемъ. Онъ больше не боялся писать. Прежде онъ писалъ неохотно изъ опасенія дать поводъ къ обвиненію и погубить себя этимъ. Теперь, когда его участь была рѣшена, бояться ему было нечего. Однажды разсказали ему, что въ Антіохіи острятъ надъ его бѣгствомъ. Онъ сейчасъ же взялся за перо: „Я слышу, какъ Леонтій антіохійскій, Наркиссъ изъ Неронова города [1]), Георгій лаодикійскій и прочіе аріане сплетничаютъ на мой счетъ и злословятъ обо мнѣ; они меня называютъ трусомъ, потому что я не далъ имъ убить меня“. Такъ начинается „Апологія моего бѣгства“. Леонтій и его сотоварищи лучше бы сдѣлали, если бы не вынудили его на эту отповѣдь. Свои досуги изгнанника онъ употреблялъ на то, чтобы бороться противъ еретиковъ; я полагаю, что тогда и были написаны его четыре трактата противъ аріанъ, изъ которыхъ четвертый направленъ въ сущности противъ стараго и новаго савелліанства. Доблестнымъ монахамъ, у которыхъ онъ гостилъ такъ часто, онъ описалъ жизнь ихъ родоначальника Антонія, который былъ ему вѣрнымъ другомъ и какъ-разъ въ это время умеръ. Для нихъ же, чтобы поставить ихъ въ извѣстность о вопросахъ, вызывавшихъ въ тѣ времена распрю, онъ написалъ свою любопытную Исторію аріанъ [2]) яркимъ образнымъ слогомъ, вполнѣ способнымъ воздѣйствовать на этихъ взрослыхъ младенцевъ. Стоитъ обратить вниманіе, какъ онъ придаетъ своему повѣствованію драматическую форму и заставляетъ говорить выводимыхъ имъ лицъ. Вотъ картина прибытія восточныхъ епископовъ въ Сардику. „Вышла ошибка,—говорятъ они.—Мы пріѣхали сюда съ комитами, а судъ будетъ засѣдать безъ комитовъ. Безъ сомнѣнія, насъ осудятъ. Вы знаете данныя предписанія: у Аѳанасія въ рукахъ документы по мареотскому дѣлу, по которымъ его могутъ оправдать, а насъ пристыдить. Будемъ торопиться, отыщемъ предлогъ,

---

[1]) Неронiада въ Киликiи.
[2]) Начало утрачено.

чтобы уѣхать, иначе пропало наше дѣло. Лучше ужъ стыдъ отступленія, чѣмъ позоръ обвиненія въ томъ, что мы—клеветники" [1]). Такъ какъ Аѳанасій зналъ всю подноготную своихъ враговъ, то не отказалъ себѣ въ удовольствіи разсказать кое-что инокамъ. Такъ, онъ сообщилъ имъ, что епископъ антіохійскій принесъ когда-то въ жертву свою мужскую силу, какъ Оригенъ, но по причинамъ менѣе почтеннымъ [2]). Его сарказмъ обрушивается на евнуховъ. Императорскій дворъ ими полонъ, съ ихъ помощью велись всѣ козни, жертвой которыхъ онъ сталъ. „Ну какъ же понять этимъ людямъ тайну рожденія Сына Божія?" [3])—спрашиваетъ онъ. Среди иноковъ Аѳанасій чувствуетъ себя какъ въ своемъ семействѣ. О самомъ императорѣ, этомъ величественномъ и напыщенномъ государѣ, отзывается онъ съ рѣдкой фамильярностью. Этотъ тонъ очень далекъ отъ стиля Апологіи, написанной для Констанція, со всѣми принятыми въ оффиціальномъ языкѣ титулами. Здѣсь онъ зоветъ императора просто Констанцій. Аѳанасій даже называетъ его прозвищемъ: „кто рѣшится назвать Костиллія христіаниномъ? Не образъ ли онъ скорѣе антихриста?" [4]).

Такъ выражаться можно было только въ пустынѣ.

---

1) *Hist. ar.*, 15.
2) *Hist. ar.*, 28.
3) *Hist. ar.*, 38.
4) *Hist. ar.*, 74, ср. 80.

ГЛАВА VIII.

Пораженіе православія.

Антіохійская церковь въ управленіе еп. Леонтія.—Павлинъ, Флавіанъ и Діодоръ; Аэтій и Өеофилъ.—Положеніе партій въ 357 г.—Паденіе Либерія.—Сирмійское исповѣданіе, одобренное Осіемъ.—Аномеи и оміусіане.—Протестъ съ Запада.—Евдоксій въ Антіохіи; побѣда Аэтія.—Василій анкирскій и реакція въ пользу оміусіанъ.—Возвращеніе Либерія.—Успѣхъ Василія и его насилія; его пораженіе передовой партіей.—Исповѣданіе 359 г.—Соборы въ Римини и въ Селевкіи.—Акакій кесарійскій.—Развязка дѣла въ Константинополѣ; всеобщее вѣроломство.—Отчаяніе Иларія.—Соборъ 360 года.—Евдоксій, епископъ константинопольскій.—Мелетій и Евзоій въ Антіохіи.—Провозглашеніе Юліана императоромъ.—Смерть Констанція.

Въ серединѣ IV вѣка населеніе Антіохіи было въ огромномъ большинствѣ христіанскимъ. Капища и язычники были еще, но число ихъ быстро уменьшалось: заразительный примѣръ, въ особенности примѣръ императора, очень внушительный для города, гдѣ часто пребывалъ дворъ, отвлекалъ людей отъ старыхъ алтарей и пополнялъ ряды сыновъ церкви. Можно было уже предвидѣть время, когда все населеніе перейдетъ къ ней; ученые язычники, вродѣ знаменитаго ритора Ливанія, стали казаться уже отсталыми людьми.

Однако если стадо Христово увеличивалось со дня на день, то въ немъ очень недоставало единенія и согласія. Не говоря уже про старыхъ отщепенцевъ, про маркіонитовъ, новаціанъ, послѣдователей Павла самосатскаго, богословскіе споры того вѣка вызвали образованіе разныхъ церковныхъ кружковъ, удерживать которые во взаимномъ общеніи удавалось не безъ труда. Разумѣется, масса довольствовалась начатками христіанства, предоставляя ученымъ богословамъ изощряться въ преніяхъ, подкрѣпляемыхъ большимъ количествомъ текстовъ, а соборамъ—постоянно перерабатывать заново выраженія символа вѣры. Народъ посѣщалъ богослуженіе и раздачу милостыни, не слишкомъ безпокоясь о партіяхъ въ высшемъ духовенствѣ. Въ дни избранія епископа толпѣ говорили, чье имя нужно выкликать, и она послушно кричала. Со времени низложенія Евстаѳія она такимъ путемъ содѣйствовала избранію нѣсколькихъ епископовъ, выдвинутыхъ аріанами. Теперь

она собиралась подъ руководствомъ еп. Леонтія, человѣка не сочувствовавшаго св. Аѳанасію, аріанина въ глубинѣ души или по крайней мѣрѣ склоннаго къ аріанству. Когда-то онъ пережилъ немало приключеній, но старость пришла и украсила его прекраснымъ вѣнцомъ сѣдыхъ волосъ. Порою онъ проводилъ по нимъ рукой и говорилъ: „Когда этотъ снѣгъ растаетъ, въ Антіохіи будетъ грязно". Кто могъ лучше его быть освѣдомленъ о распряхъ въ его церкви?

Давно уже часть вѣрующихъ выдѣлилась въ особый кружокъ. Низложеніе Евстаѳія во времена Константина не всѣми было признано: образовалась партія для его поддержки и возстановленія. Евстаѳій умеръ въ изгнаніи, но его приверженцы не присоединились къ церкви. Они продолжали держаться въ сторонѣ, руководимые однимъ пресвитеромъ, по имени Павлиномъ. Въ этомъ маленькомъ кружкѣ твердо держались Никейскаго собора, его термина: ὁμοούσιος безъ всякихъ объясненій и дополненій; о трехъ ипостасяхъ,—выраженіе, которое по временамъ входило въ употребленіе,—здѣсь говорили съ отвращеніемъ. Въ сущности направленіе этого маленькаго кружка было довольно сходно съ Маркелломъ анкирскимъ, и его противники не замедлили отмѣтить это сходство. Другіе, соединявшіе ученіе о трехъ ипостасяхъ съ единосущіемъ и предвосхитившіе такимъ образомъ то, къ чему пришла церковь впослѣдствіи, находились подъ руководительствомъ двухъ свѣтскихъ лицъ, чрезвычайно извѣстныхъ своей ученостью и краснорѣчіемъ, Діодора и Флавіана. Они тоже держались никейскаго символа вѣры, но такъ какъ оффиціальная церковь не отвергала его открыто, то они не считали себя въ правѣ отдѣляться отъ нея и оставались въ общеніи съ преемниками Евстаѳія. Тѣмъ не менѣе они не скрывали своего неудовольствія всякій разъ, какъ нѣкоторые проповѣдники пытались проводить еретическіе взгляды Арія. Впрочемъ на-ряду съ богослуженіемъ господствующей церкви они отправляли еще иное въ своемъ кругу. Они собирались помимо установленныхъ службъ (литургіи и всенощнаго бдѣнія) на пригородныхъ кладбищахъ, близъ гробницъ мучениковъ, и въ теченіе многихъ часовъ распѣвали псалмы перемѣнными хорами. Это пѣніе, въ которомъ всѣ могли принимать участіе благодаря легко усваиваемому напѣву, пользовалось огромнымъ успѣхомъ. Антіохійскій простой народъ толпами валилъ на эти новыя собранія пѣснопѣвцевъ. Леонтій, обезпокоенный этой конкурренціей, потребовалъ къ себѣ Флавіана и Діодора и убѣдилъ ихъ перенести свои службы въ

городскія церкви. Это предложеніе было принято, но и епископу пришлось съ своей стороны сдѣлать нѣкоторыя уступки.

Незадолго передъ этимъ онъ приблизилъ къ себѣ нѣкоего Аэтія, являвшагося чѣмъ-то вродѣ христіанскаго софиста, прошлыя приключенія и теперешнее поведеніе котораго не внушали никакого довѣрія православнымъ. Будучи родомъ изъ Антіохіи или изъ ея окрестностей, онъ перебралъ много ремеслъ,—котельщика, горшечника, домоправителя, врача. Въ свободное время онъ, какъ истый грекъ, развивалъ свой умъ, научился діалектикѣ и богословію. Въ этомъ послѣднемъ онъ усовершенствовался благодаря нѣкоторымъ послѣдователямъ лукіановой школы, которые еще доживали свой вѣкъ въ епархіяхъ Киликіи или среди антіохійскаго духовенства. Аэтій былъ остроумнымъ человѣкомъ, способнымъ къ самымъ тонкимъ діалектическимъ хитросплетеніямъ, и могъ вести пренія цѣлыми днями. На этомъ поприщѣ онъ сперва потерпѣлъ пораженіе отъ одного ворворита, гностика позднѣйшей генераціи (были еще такіе). Однако онъ возстановилъ свою славу въ Александріи въ диспутѣ съ однимъ извѣстнымъ манихеемъ, Афѳоніемъ, котораго онъ довелъ до такого постыднаго замѣшательства, что тотъ умеръ съ горя. Онъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Александріи, чтобы усовершенствоваться въ аристотелевской логикѣ, и, вернувшись въ Антіохію, уже не побоялся вступить въ диспутъ съ епископомъ анкирскимъ Василіемъ, который только-что завоевалъ себѣ славу удачнымъ выступленіемъ противъ Фотина. Василій также потерпѣлъ пораженіе. Аэтій скоро пріобрѣлъ репутацію непобѣдимаго. Василій попробовалъ отомстить ему, возбудивъ противъ него кесаря Галла, но епископъ Леонтій вмѣшался въ это дѣло, и Галлъ вмѣсто того, чтобы переломать Аэтію ноги, какъ онъ угрожалъ ему, допустилъ ученаго въ свой интимный кружокъ; онъ даже далъ ему почетное порученіе довершить религіозное воспитаніе своего брата Юліана, который началъ давать поводъ къ нѣкоторому безпокойству [1]).

Юліанъ попалъ въ хорошія руки. Мы уже видѣли, что онъ бралъ на прочтеніе книги у Георгія александрійскаго. Аэтій способенъ былъ посвятить его въ чистѣйшее аріанство, самое сухое,—долженъ бы я сказать,—ибо особенностью Аэтія было излагать еретическое ученіе въ силлогистической формѣ. Мы можемъ составить себѣ понятіе объ его пріемахъ по маленькому, раздѣленному на короткія главы сочиненію [2]), въ которомъ онъ защищаетъ свои взгляды.

---

[1]) Philostorg., III, 27.
[2]) Epiph. *Haer.*, LXXVI, 11.

Вотъ его вступленіе: „Если нерожденный Богъ можетъ сдѣлать рожденное нерожденнымъ, то въ силу того, что обѣ субстанціи будутъ нерожденными, онѣ не будутъ отличаться одна отъ другой съ точки зрѣнія неподчиненности. Зачѣмъ же тогда говорить, что одна субстанція измѣнена, а другая измѣняетъ первую, и въ то же время отказываться признавать, что Богъ сотворилъ (Слово) изъ небытія?"

Этотъ гимнъ имѣетъ не менѣе 47 куплетовъ, столь же сухихъ, столь же лишенныхъ религіознаго чувства. Аэтій, по словамъ св. Епифанія, составилъ ихъ больше 300. Такое краснорѣчіе доводило его обычныхъ слушателей до головной боли; оно едва ли было способно отвратить Юліана отъ элевзинскихъ мистерій и поклоненія Аполлону.

Ученый мужъ вернулся въ Антіохію, гдѣ покровитель его Леонтій посвятилъ его, наконецъ, въ діаконы, что давало ему право проповѣдовать въ церкви. Православные зароптали. Это былъ ужъ не первый случай, что имъ давали въ духовные наставники людей съ сомнительнымъ прошлымъ и вольнаго образа мыслей; стало даже традиціей никогда не ставить ни пресвитеровъ, ни діаконовъ изъ ихъ собственной среды. Но какимъ бы плохимъ путемъ ни пополнялось духовенство, у него еще было достаточно выдержки, чтобы избѣжать догматическихъ погрѣшностей. Аэтій же былъ не только извѣстнымъ аріаниномъ, открытымъ и воинствующимъ, но онъ былъ извѣстенъ еще своей непримиримостью; по всякому поводу онъ ополчался противъ умѣренно-аріанскихъ воззрѣній и противъ тѣхъ, кто ихъ держался. Епископъ призналъ, что онъ зашелъ слишкомъ далеко: Аэтій, удаленный отсюда, перебрался въ Александрію къ Георгію и былъ нѣсколько мѣсяцевъ однимъ изъ его самыхъ дѣятельныхъ совѣтниковъ.

Дѣла его партіи не пошатнулись отъ его отсутствія. Впрочемъ онъ былъ не единственной аномейской знаменитостью среди антіохійцевъ. Здѣсь жила еще странная личность,— Ѳеофилъ Индіецъ, какъ звали его друзья, Влеммидъ, какъ звали посторонніе. Онъ былъ родомъ издалека, съ острова Дивуса, откуда онъ былъ посланъ въ качествѣ заложника въ царствованіе имп. Константина. Онъ былъ тогда совсѣмъ еще молодъ. Евсевій никомидійскій взялся за его воспитаніе, посвятилъ его въ чистое аріанское ученіе и рукоположилъ въ діаконы. Онъ велъ аскетическій образъ жизни и въ своемъ кругу считался святымъ. Его смуглое лицо обращало на себя вниманіе и дѣлало его общеизвѣстнымъ. Долго, очень долго,

вплоть до царствованія Өеодосія, онъ пользовался у аріанъ необычайной славой. Въ епископство Леонтія онъ былъ очень близокъ ко двору кесаря Галла; его покровительству былъ обязанъ своимъ успѣхомъ Аэтій. Когда Галлъ впалъ въ немилость, Өеофилъ, на котораго онъ смотрѣлъ какъ на своего рода домашняго святого, послѣдовалъ за нимъ на Западъ и выступилъ на его защиту передъ Констанціемъ, за что поплатился изгнаніемъ. Но когда имп. Евсевія заболѣла, святого пришлось вернуть; императрица выздоровѣла, а Өеофилъ былъ отправленъ посланникомъ къ царю омиритовъ (нынѣ Іеменъ въ Аравіи) и къ царю авксумитовъ (въ Абиссиніи); при этомъ случаѣ онъ былъ рукоположенъ во епископы (ок. 356 г.).

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше онъ укрѣплялся въ своемъ аріанствѣ и въ своей нетерпимости. Отъ него нечего было ждать одобренія тѣхъ среднихъ путей, которыхъ скромно держались въ антіохійской епархіи [1].

Бѣдный Леонтій былъ поставленъ въ большое затрудненіе этими распрями. Обдѣлывая дѣла своей партіи, онъ старался не слишкомъ раздражать и другихъ: правительство требовало, чтобы въ церквахъ не нарушался миръ. Во время богослуженія, когда нужно было излагать исповѣданіе вѣры, православные говорили, какъ и теперь, „Слава Отцу и Сыну и Св. Духу", а прочіе: „Слава Отцу чрезъ Сына во Святомъ Духѣ". Епископъ, за которымъ наблюдали обѣ партіи, начиналъ громко и внятно читать „Слава Отцу...", потомъ начиналъ кашлять или на минуту терялъ голосъ, который возвращался къ нему только въ концѣ: „и во вѣки вѣковъ". Этотъ анекдотъ хорошо изображаетъ тогдашнее положеніе.

Но снѣгъ уже таялъ, выступила грязь: еп. Леонтій умеръ въ концѣ 357 года.

Уже почти два года церковь переживала странное состояніе. Православіе, какъ оно выразилось на Никейскомъ соборѣ, царило повсюду въ томъ смыслѣ, что ни одинъ епископъ не рѣшался открыто высказаться противъ этого святого собора; но оно было повсюду отмѣнено въ томъ смыслѣ, что ни одинъ епископъ, управляющій епархіей, не рѣшился бы защищать символъ этого собора. Тактика стараго Евсевія никомидійскаго увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Предать соборъ анаѳемѣ? Кто могъ думать объ этомъ! Память Константина не допускала этого. Да не приложилъ

---

[1] О Өеофилѣ см. Greg Nyss. *Adv. Eunom.* (Migne, *P. G.* t. XLV, p. 264); Philostorg. III, 4—6, IV, 1, 7, 8, V, 4, VII 6, VIII, 2, IX, 1, 13, 18.

ли къ нему свою подпись самъ Евсевій и его тезка изъ Кесаріи, и Феогній, и Марій, и Наркиссъ, и Патрофилъ, и прочіе? Всѣ выдающіеся аріане были въ числѣ 318 отцовъ. Однако, не пропущенное въ главныя двери, аріанство могло проникнуть заднимъ ходомъ, подъ покровомъ осторожнаго умолчанія. Этой тактики и держались аріане. Во всѣ времена и у всѣхъ партій были въ ходу подобные лицемѣрные пріемы.

Однако осторожность — добродѣтель, которой держатся очень охотно во время борьбы, но обычно бросаютъ, какъ только побѣда одержана. Когда сторонниковъ ученія объ единосущіи не осталось больше на-лицо, кромѣ тѣхъ, которые томились въ изгнаніи, ихъ противники стали уже менѣе ощущать потребность въ единеніи съ ними. Доселѣ борьба шла скорѣе на почвѣ каноническаго права, чѣмъ на богословской почвѣ. Никейскій соборъ былъ почтеннымъ соборомъ; пусть, но и Тирскій соборъ тоже не лишенъ авторитета. Арій и его единомышленники были осуждены въ Никеѣ; такъ было угодно Богу и императору Константину. Они изъявили желаніе дать удовлетвореніе; ихъ предложеніе было принято; эти счеты были уже покончены. Но Тирскій соборъ осудилъ Аѳанасія, и если этому послѣднему удалось возстановить свою честь у египетскихъ епископовъ, личностей подозрительныхъ, и у западныхъ епископовъ, мало освѣдомленныхъ и некомпетентныхъ въ этомъ дѣлѣ, то восточные іерархи никогда не смягчали суровости своего приговора надъ нимъ. Вотъ въ чемъ заключалась суть дѣла. Когда Аѳанасій старался скомпрометтировать восточныхъ епископовъ, говоря объ ихъ связи съ аріанствомъ, то послѣдніе выдвигали, правда, не никейскій, но антіохійскій символъ вѣры, болѣе туманный, не заключавшій въ себѣ спорнаго выраженія *единосущный* (ὁμοούσιος), однако православный по существу и пріемлемый почти для всѣхъ.

Оставался вопросъ объ общеніи. Правда, въ Сардикѣ партіи предали другъ-друга анаѳемѣ. Но въ теченіе послѣдующихъ пятнадцати лѣтъ часть поименно осужденныхъ лицъ уже сошла со сцены. Папа римскій Юлій умеръ, какъ и Ѳеодоръ ираклійскій, Максиминъ трирскій, несомнѣнно, и еще нѣкоторыя лица; антіохійскій епископъ Стефанъ былъ низложенъ; западные епископы отвергали Фотина. Наконецъ, на соборахъ въ Арлѣ (353 г.) и въ Миланѣ (355 г.) іерархи обѣихъ половинъ имперіи возстановили братскія отношенія. Сопротивлявшіеся сдавались одинъ за другимъ. Іеремія ѳессалоникскій подписался подъ восточнымъ симво-

ломъ, равнымъ образомъ и Фортунаціанъ аквилейскій, несмотря на то довѣріе, какое онъ внушалъ папѣ Либерію. Онъ даже совѣтовалъ послѣднему пойти на соглашеніе. Эти совѣты произвели свое дѣйствіе. Попавъ въ глубь Ѳракіи, въ Верію, бѣдный папа, наконецъ, встосковался по Римѣ, по своей паствѣ и сенаторамъ, любившимъ его, по матронамъ, которыя принимали его съ такимъ почетомъ, по своимъ церквамъ, въ которыхъ онъ произносилъ умилительныя проповѣди. Епископъ Демофилъ, подъ надзоромъ котораго онъ находился, тоже приложилъ стараніе повліять на него. Черезъ два года его сопротивленіе было сломлено. Онъ не отрекся отъ никейскаго символа вѣры. Быть-можетъ, онъ подписалъ какой-нибудь символъ, но въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, исповѣданія вѣры, которыя предлагались Восточными Западнымъ, не заключали ничего противнаго вѣрѣ; ихъ можно было упрекнуть лишь въ недостаткѣ точности [1]). Важнѣе то, что онъ отказался отъ общенія съ Аѳанасіемъ и перешелъ на сторону Восточныхъ,—партіи, надо признаться, очень смѣшанной, въ которой рядомъ съ Урзакіемъ и Валентомъ встрѣчались такія гораздо болѣе умѣренныхъ воззрѣній личности, какъ Василій анкирскій и Кириллъ іерусалимскій.

Этотъ шагъ Либерія сближалъ его съ партіей осторожнаго умолчанія. Этимъ онъ отказался отъ положенія, котораго до тѣхъ поръ держался съ такимъ блескомъ, ради котораго онъ не побоялся императорскаго гнѣва и тягостей изгнанія. Это было отступничествомъ, паденіемъ [2]).

Императоръ Констанцій уже былъ освѣдомленъ объ этомъ актѣ, когда пріѣхалъ въ Римъ въ маѣ 357 года. Вскорѣ послѣ того, лѣтомъ или осенью, во время пребыванія государя въ Сирміи, три крупныхъ представителя аріанской партіи въ этихъ странахъ,—Урзакій, Валентъ и Герминій,—воспользовались этимъ пребываніемъ, чтобы нанести прямой ударъ никейскому символу. Такую попытку уже дѣлали за два года передъ тѣмъ въ Миланѣ; тамъ выдвинули подъ видомъ императорскаго указа изложеніе вѣры до такой сте-

---

[1]) Паденіе Либерія удостовѣрено св. Аѳанасіемъ (*Hist arian.* 41., и *Apol c. Arian.* 89),—римскимъ авторомъ предисловія къ *Libellus precum*, (*Coll Avellana*, t. XXXV, *Corp. ss. eccl. lat.* p. 1.), св. Іеронимомъ (*Chron.* a 2365; *De viris*, 97); ясный намекъ на него есть у св. Иларія (*Jn Const.* II). Изъ первыхъ трехъ документовъ видно, что этотъ поступокъ папы относится къ началу 357 г., приблизительно два года спустя послѣ отправленія его въ ссылку.

[2]) Къ перечисленнымъ въ предыдущемъ примѣчаніи документамъ этого происшествія слѣдуетъ присоединить четыре письма, дошедшія до насъ въ IV и

пени неправославное, что народъ это замѣтилъ, и его ропотъ помѣшалъ осуществленію этой попытки [1]). На этотъ разъ рѣшили составить отъ имени состоящихъ при дворѣ епископовъ пастырское посланіе, которое должно было затѣмъ быть представлено на одобреніе всѣхъ ихъ провинціальныхъ сослужителей. Невѣроятное дѣло! Чтобы пустить въ ходъ этотъ антиникейскій документъ, гдѣ отвергалось единосущіе (ὁμοούσιος), выбрали какъ-разъ великаго отца Никейскаго собора, изобрѣтателя, если можно такъ выразиться, этого термина, стараго патріарха Осія кордубскаго. При содѣйствіи лиссабонскаго епископа Потамія, очевидно примирившагося съ нимъ [2]), сирмійскаго еп. Герминія и неизбѣжныхъ Урзакія и Валента, онъ далъ подъ этимъ нечестивымъ посланіемъ ту самую подпись, съ которой начинались подписи 318 отцовъ въ Ни-

---

VI Фрагментахъ Иларія: *Studens paci*, *Pro deifico*, *Quia scio*, *Non doceo*. Объ ихъ подлинности много спорятъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, которыя еще не всѣ разсѣялись, когда я выпускалъ въ свѣтъ первое изданіе этой книги, я рѣшился признать подлинность всѣхъ этихъ четырехъ писемъ, и свои воззрѣнія по этому вопросу изложилъ въ докладѣ, озаглавленномъ: *Libere et Fortunatien* (*Melanges* de l'Ecole Rome, t. XXVIII, p. 42—64). Эти письма были какъ будто написаны въ Beріи изгнаннымъ папой, чтобы ускорить свое возвращеніе въ Римъ; они обращены къ восточнымъ епископамъ (первыя два), къ Урзакію, Валенту и Герминію, а также къ Викентію капуанскому. Либерій говоритъ тамъ объ уступкахъ, которыя онъ сдѣлалъ, именно: отвергъ Аѳанасія, вступилъ въ общеніе съ Восточными, одобрилъ представленное ими исповѣданіе. Во Фрагментахъ св. Иларія эти письма сопровождаются пояснительнымъ разсказомъ, который строго осуждаетъ ихъ; порою встрѣчаются даже замѣчанія весьма рѣзкія по поводу наиболѣе предосудительныхъ мѣстъ. Очевидно, авторъ этого разсказа и примѣчаній считалъ письма подлинными. Онъ отождествлялъ исповѣданіе вѣры, подписанное Либеріемъ, съ однимъ изъ тѣхъ символовъ, которые ранѣе этого предлагались Восточными. Судя по тѣмъ подписямъ, которыя подъ нимъ стояли и которыя онъ перечисляетъ, оно не могло сильно отличаться отъ исповѣданія, принятаго въ Сирміи въ 351 г. Во всякомъ случаѣ ни эти подписи, ни дата паденія папы не позволяютъ думать, чтобы подписанное имъ исповѣданіе вѣры было то самое, которое Осій подписалъ лѣтомъ 357 г. Когда оно составлялось, среди Восточныхъ еще не было раскола и ихъ оффиціальнымъ символомъ былъ четвертый антіохійскій символъ вѣры (см. выше стр. 145). Странно, что св. Иларій, вообще одобрительно отзывающійся объ этомъ символѣ (см. стр. 196), здѣсь относится къ нему такъ сурово и безъ всякой оговорки причисляетъ къ ерстикамъ Василія анкирскаго, одного изъ подписавшихъ этотъ символъ лицъ. Поэтому можно задать себѣ вопросъ, принадлежитъ ли дѣйствительно это мѣсто св. Иларію. Возможно, что въ этомъ мѣстѣ Фрагментовъ сдѣлана вставка какимъ-нибудь послѣдователемъ Люцифера. L. Saltet выставилъ доводы въ доказательство этой вставки (*Bulletin de litt. ecclés.* 1905., p. 222 и сл.). Если вѣрить ему, эти письма дошли до насъ отъ лицъ, которымъ Либерій былъ особенно ненавистенъ. Но это обстоятельство не мѣшало бы имъ быть подлинными: нельзя же было ожидать, что подобныя вещи будутъ опубликованы самимъ Либеріемъ или его друзьями.

[1]) Sulpic. Sever, *Chron.*, II, 39. Сульпицій какъ-будто заимствуетъ это мѣсто изъ утраченнаго отрывка Фрагментовъ св. Иларія.

[2]) См. выше стр. 176.

кѣ. Очевидно, что въ данномъ случаѣ воспользовались его старостью и ослабленіемъ умственныхъ способностей, и что поэтому онъ не несетъ никакой личной отвѣтственности въ этой прискорбной исторіи [1]). Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что отъ него никогда не могли добиться, чтобы онъ осудилъ Аѳанасія, — трогательная черта! Его бѣдная голова, очевидно, терялась въ богословскихъ тонкостяхъ, но Аѳанасій оставался для него живой личностью, другомъ, товарищемъ по оружію; онъ крѣпко держался за него, и его не въ силахъ были оторвать отъ него.

Посланіе [2]) не было символомъ вѣры, но простымъ богословскимъ разъясненіемъ. „Такъ какъ въ дѣлахъ вѣры обнаружилось нѣкоторое разногласіе, то всѣ вопросы были тщательно обсуждены и взвѣшены въ Сирміи въ присутствіи нашихъ сотоварищей, святыхъ епископовъ Валента, Урзакія и Герминія. Признано, что есть только одинъ Богъ“... и т. д. Мысль о двухъ богахъ устранена, слова: сущность *(essentia)* и субстанція отвергнуты; не надо больше говорить ни объ ὁμοούσιος (единосущный), ни объ ὁμοιούσιος (подобосущный),—терминахъ, которыхъ нѣтъ въ св. писаніи и которые покушаются передать то, чтó невыразимо въ словахъ. Отецъ больше Сына; Ему приписываются черты, свойственныя единому Богу, а Сына ставятъ ниже Его.

Это сочиненіе выражаетъ пастырскимъ слогомъ довольно точно то ученіе Арія, которое Аэтій въ Антіохіи излагалъ въ силлогизмахъ. Въ ту эпоху, о которой мы говоримъ, вниманіе обращалось на идею о подобіи. Во времена Арія больше распространялись о томъ, что Слово не вѣчно, что оно сотворено; теперь же настаивали на томъ, что оно не подобно Отцу, ἀνόμοιος, откуда имя аномеевъ, присвоенное новымъ аріанамъ. Не говоря уже объ общемъ христіанскомъ настроеніи, враждебномъ по отношенію ко всякому, кто умалялъ абсолютную божественность Христа, они имѣли въ восточномъ христіанскомъ мірѣ противниками довольно многочисленную и очень вліятельную группу богослововъ. Эти богословы объединялись вокругъ слова ὁμοιούσιος что значитъ подобосущный, иногда употребляемаго Александромъ и Аѳанасіемъ и хотя нѣсколько отлич-

---

[1]) Аѳанасій говоритъ, что надъ старцемъ произвели физическое насиліе. Онъ же сообщаетъ, что Осій передъ смертью протестовалъ противъ этого насилія (*Apol. c. ar.*, 89, позднѣйшее добавленіе къ изданному уже труду; *Hist. ar.*, 45).

[2]) Первоначальный латинскій текстъ у св. Иларія—*De synodis.*, 11; греческій у св. Аѳанасія—*De syn.*, 28. Это то, что часто называютъ *второй* сирмійской формулой; первою было исповѣданіе собора 351 года.

наго отъ никейскаго ὁμοούσιος (единосущный), но пріобрѣтавшаго при данныхъ обстоятельствахъ тотъ же смыслъ. Тѣхъ, кто особенно прибѣгалъ къ нему изъ опасенія савелліанскаго смысла, въ какомъ можно было толковать терминъ ὁμοούσιος, сперва смѣшивали съ аріанами; нѣкоторые изъ нихъ, и притомъ наиболѣе выдающіеся, уже тридцать лѣтъ вели борьбу противъ Аѳанасія въ рядахъ „Восточныхъ". Но отъ этой личной вражды, которая навлекла на нихъ со стороны православныхъ нѣсколько не вполнѣ заслуженныхъ укоризнъ, ничего нельзя заключить объ ихъ богословскихъ воззрѣніяхъ. Люди, которые говорили, что Сынъ по своей сущности подобенъ Отцу, и которые въ то же время твердо намѣревались остаться единобожниками, стояли почти на той же точкѣ, на какой и тѣ, которые отстаивали единосущіе Отца и Сына, различая однако ихъ какъ два лица. Урзакій и Валентъ хорошо понимали дѣло, когда отвергали ὁμοούσιος наравнѣ съ ὁμοιούσιος. Оба выраженія одинаково годились для борьбы съ аріанствомъ.

Изобрѣтательное безстыдство, съ какимъ поставили подъ защиту имени Осія аріанское перетолкованіе никейскаго символа, увѣнчалось лишь незначительнымъ успѣхомъ. Въ Галліи и въ Британіи оно встрѣтило очень сильное сопротивленіе. Въ этихъ странахъ, гдѣ богословскія воззрѣнія императора Констанція не находили въ Юліанѣ достаточно ревностнаго защитника, епископы пользовались нѣкоторой свободой высказывать свои мысли. Со времени соборовъ въ Арлѣ и Миланѣ они выказывали неудовольствіе еп. арльскому Сатурнину, царедворцу, виновному въ томъ, что нѣсколько ихъ товарищей впали въ немилость; никто изъ нихъ не имѣлъ съ нимъ общенія. Когда получено было посланіе изъ Сирміи, одинъ изъ нихъ, Ѳебадій агенскій, выпустилъ противъ него очень сильную критику [1]), не поддаваясь на кажущуюся авторитетность его въ виду подписи Осія. Онъ и его товарищи договорились на соборѣ или инымъ путемъ отвергнуть посланіе и увѣдомили объ этомъ поступкѣ сосланнаго епископа пуатьескаго Иларія, который, будучи водворенъ во Фригіи, бдительно слѣдилъ за всѣми этими движеніями [2]). Африканцы тоже заявили письменный протестъ противъ посланія [3]).

---

[1]) Migne, *P. L.* t. XX, p. 13—30.

[2]) По именамъ, стоящимъ въ заголовкѣ отвѣта Иларія (*De synodis*, 1), видно, что кромѣ областей Ронской, Вьеннской и Нарбоннской всѣ галльскіе епископы были на сторонѣ православія. Тулуза осталась вѣрна сосланному Роданію, какъ Пуатье—Иларію.

[3]) Hil., *Adv. Const.*, 26. Этотъ протестъ былъ заявленъ по наущенію Василія анкирскаго (Sosom., IV, 24).

Какъ-разъ въ это время разразилась въ Сиріи распря, которую предвидѣлъ Леонтій. Антіохійской каѳедры домогались два кандидата—епископъ германикійскій Евдоксій и епископъ лаодикійскій Георгій. Евдоксій прибылъ первымъ. Какъ только Леонтій скончался, онъ заставилъ передать себѣ временное управленіе вакантной каѳедрой и сумѣлъ такъ ловко повести дѣло, что голосъ народа утвердилъ его на постоянное служеніе. Онъ обосновался здѣсь, не обращая вниманія на протесты изъ Лаодикіи, Ареѳузы и другихъ сосѣднихъ епархій. Это была личность весьма странная въ религіозномъ отношеніи. До насъ дошло въ качествѣ памятника его краснорѣчія нѣсколько отрывковъ прямо-таки непристойныхъ. Св. Иларій [1]) передаетъ слѣдующую его рѣчь, которая была записана стенографически и представлена на сужденіе собора въ Селевкіи. „Богъ всегда равенъ самому себѣ. Онъ не былъ отцомъ, ибо не имѣлъ сына. Чтобы имѣть сына, Ему нужно бы было имѣть жену“ [2])... Его взгляды нѣсколько измѣнялись съ теченіемъ времени: на короткое время онъ сталъ-было сторонникомъ термина ὁμοιούσιος, а потомъ снова уклонился къ чистому аріанству [3]), которое онъ умѣлъ прикрывать, когда было нужно. Въ данное время ему незачѣмъ было стѣсняться. Евдоксій послалъ свое заявленіе о присоединеніи къ новому сирмійскому исповѣданію вѣры и самъ поторопился рукоположить не только Аэтія, но и большое число его учениковъ и сторонниковъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ нѣкто Евномій, котораго онъ сдѣлалъ діакономъ и который скоро сталъ однимъ изъ столповъ этой партіи. Напротивъ того, умѣренные и православные стали подвергаться гоненію. Георгій лаодикійскій заступился за нихъ. Онъ обратился къ епископамъ константинопольскому Македонію, анкирскому Василію, никомидійскому Кекронію, никейскому Евгенію съ самымъ настоятельнымъ письмомъ, гдѣ умолялъ ихъ придти на помощь антіохійской церкви и добиться путемъ заявленія со стороны возможно большаго числа епископовъ, чтобы Евдоксій удалилъ отъ себя Аэтія и его сподвижниковъ [4]).

---

[1]) *Adr. Const.*, 13.

[2]) Остальное недопустимо въ переводѣ: *ut et femina sit, et colloquium et sermocinatio, et conjunctio conjugalis verbi et blandimentum et postremum ad generandum naturalis machinula.* Что за епископы!

[3]) Philost., IV, 4. Этотъ историкъ разсказываетъ, что Евдоксій былъ сыномъ нѣкоего Кесарія изъ Арависса, въ Малой Арменіи, большого женолюбца, который однако умеръ такою же мученическою смертью, какъ это разсказываютъ и о св. Бонифаціи.

[4]) Sosom. IV, 13.

Василій въ это время держалъ соборъ въ Анкирѣ по случаю освященія храма. Его не нужно было долго уговаривать выступить противъ Аэтія и его покровителей. Антіохійскій софистъ былъ его давнимъ иротивникомъ. Быстро было составлено вѣроопредѣленіе, одобрено всѣмъ соборомъ, разослано по епископамъ разныхъ областей [1]), и, наконецъ, самъ Василій съ товарищами—Евстаѳіемъ севастійскимъ и Елевсіемъ кизикскимъ—отвезъ его ко двору въ Сирмій. Дѣло было весной 358 года, ибо соборъ засѣдалъ незадолго передъ пасхой. Василій достигъ у Констанція необыкновеннаго успѣха. Императоръ только что утвердилъ Евдоксія въ Антіохіи и даже передалъ написанный въ этомъ смыслѣ рескриптъ его посланцу, нѣкоему пресвитеру Асфалію. Теперь онъ былъ совершенно разубѣжденъ. Отъ Асфалія отобрали рескриптъ обратно, и вмѣсто этого былъ посланъ другой, чрезвычайно непріятный для Евдоксія, Аэтія и всѣхъ ихъ приверженцевъ. „Не мы посылали Евдоксія, пусть никто этого не воображаетъ. Мы вовсе не желаемъ поддерживать такихъ людей". Далѣе императоръ выражаетъ неодобреніе епископамъ, мѣняющимъ свою епархію, и авантюристомъ, подобнымъ Аэтію, которые стараются развратить народъ своими ересями. Онъ, императоръ, всегда былъ оміусіаниномъ. Жители Антіохіи должны помнить рѣчи, которыя онъ держалъ къ нимъ именно въ этомъ смыслѣ. Нужно удалить лжеучителей изъ церковныхъ собраній и изъ среды духовенства. Если они будутъ упорствовать, то увидятъ, что ихъ ожидаетъ.

Уладивъ такимъ образомъ антіохійскія дѣла, Василій принялся за такъ-называемое исповѣданіе Осія. Оно было изъято изъ обращенія. Пока еще не было выработано новаго, соединили въ одно два символа, ранѣе одобренныхъ,—одинъ въ Сирміи (351 г.) противъ Павла Самосатскаго и Фотина, и другой въ Антіохіи (341 г.) на соборѣ „на обновленіе" [2]). Эти символы были въ общемъ православными [3]), если не считать того, что они обходили молчаніемъ

---

[1]) Св. Епифаній (*Haer.*, LXXIII 2—11) сохранилъ намъ текстъ того экземпляра, который былъ посланъ финикійскимъ епископамъ, и сверхъ того (с. 12—22) текстъ другого письма, по тому же поводу писаннаго отъ имени Василія и Георгія. Св. Иларій (*De synod.*, 12—25) приводитъ лишь часть этого документа,—именно двѣнадцать анаѳематизмовъ, которые были выдѣлены изъ прочаго и получили въ Сирміи особое распространеніе (ср. *ibid.*, 90).

[2]) Св. Иларій (*De syn.*, 29—60) воспроизводитъ символъ собора „на обновленіе" (*in encaeniis*), текстъ Сардикскаго собора (восточнаго), наконецъ текстъ собора 351 г. Послѣдніе два тождественны въ своей положительной части (*Credimus* и т. д.), различаются же только по своимъ анаѳематизмамъ.

[3]) См. какимъ образомъ ихъ толкуетъ св. Иларій (*ibid.*).

слово *единосущный*. Осія уже не было въ Сирміи, чтобы подкрѣпить эти символы своей подписью; его уже вернули въ Испанію; быть-можетъ, его уже не было даже и въ живыхъ. Но возвращенный изъ Веріи Либерій все еще ожидалъ въ Сирміи разрѣшенія вернуться въ Римъ. Отъ него потребовали, чтобы онъ подписалъ эту третью сирмійскую формулу, которая въ сущности заключала то же, что первая, уже принятая имъ. Онъ согласился и оказалъ такимъ образомъ существенную поддержку православной реакціи противъ аномейскихъ козней. Онъ даже передалъ Василію декларацію, которой отлучалъ отъ церкви всякаго, кто не признаетъ, что Сынъ по своему существу и во всемъ подобенъ Отцу. Объявить объ этомъ было небезполезно, такъ какъ Евдоксій со своими сторонниками распространялъ слухъ, будто папа подписался подъ исповѣданіемъ Осія. При этихъ-то обстоятельствахъ Констанцій рѣшилъ, наконецъ, уступить непрестаннымъ просьбамъ римлянъ и вернуть имъ ихъ епископа. Собравшіеся въ Сирміи епископы написали Феликсу и римскому духовенству, призывая принять Либерія и предать забвенію всѣ распри, вызванныя его удаленіемъ. Феликсъ и Либерій должны были вмѣстѣ управлять апостольской церковью.

Это было странное сочетаніе, но правительство слишкомъ тѣсно связало себя съ Феликсомъ, чтобы отвергнуть его теперь открыто. Оно, вѣроятно, разсчитывало, что вмѣшательство народа развяжетъ ему руки; по крайней мѣрѣ въ дѣйствительности такъ и вышло. Въ циркѣ народъ высказалъ свое неудовольствіе системой двуепископства [1]. Какъ только явился Либерій, вспыхнуло возмущеніе, и Феликсъ былъ изгнанъ; онъ удалился въ окрестности и послѣ безуспѣшной попытки овладѣть базиликой Юлія за Тибромъ, отдался тихой и уединенной жизни. Императоръ смотрѣлъ сквозь пальцы на эти событія; это было наилучшимъ рѣшеніемъ вопроса.

Не слѣдуетъ думать, что поддержка, оказанная папой Либеріемъ Василію [2], встрѣтила неодобреніе въ православныхъ кругахъ.

---

[1] Theodor., II, 14.

[2] Повидимому, Василій анкирскій былъ авторомъ трактата „О дѣвствѣ“, который числится между неподлинными сочиненіями св. Василія кесарійскаго (*P. G.*, t. XXX, p. 669). Оно посвящено епископу Литію, по этой догадкѣ, очевидно, тождественному съ Литіемъ, подпись котораго стоитъ среди другихъ подъ соборнымъ анкирскимъ посланіемъ 358 года (см. выше стр. 194). Этотъ Литій въ заголовкѣ сочиненія называется мелитинскимъ епископомъ, и нѣтъ препятствій допустить, что это такъ и было, хотя въ спискѣ мелитинскихъ епископовъ позднѣе встрѣчается другой епископъ того же имени. См. статью Cavallera „*Le De Virginitate de Basile d'Ancyre*“ въ *Revue d'hist. eccl. de Louvain*, 1905., p. 5 и сл.

Наравнѣ съ Либеріемъ изгнанникъ Иларій и опальный Аѳанасій привѣтствовали это начинаніе. Сближеніе между ними и Василіемъ подготовлялось на почвѣ богословія; рядомъ съ православіемъ строго никейскимъ въ станѣ противниковъ Аѳанасія обрисовывалось уже почти такое же православное ученіе. Обѣ партіи въ концѣ-концовъ должны были придти къ соглашенію, а пока онѣ начинали вступать въ переговоры и даже одобрять другъ-друга. „Тѣ,—писалъ въ это время Аѳанасій [1]),—которые принимаютъ все, что было написано въ Никеѣ, но сомнѣваются насчетъ термина ὁμοούσιος не должны считаться врагами. Я не нападаю на нихъ, какъ на аріанъ, или какъ на противниковъ отцовъ (собора); я спорю съ ними какъ братъ съ братьями, которые раздѣляютъ наши убѣжденія и расходятся съ нами лишь въ одномъ словѣ.... Изъ числа ихъ Василій анкирскій, который писалъ о вѣрѣ“. Что касается Иларія, то онъ написалъ въ то же время сочиненіе „О соборахъ и о вѣрѣ Восточныхъ“, адресованное галльскимъ и британскимъ епископамъ, которыхъ онъ посвящалъ въ сущность разногласій на Востокѣ. Онъ очень сочувственно говоритъ о томъ шагѣ, который сдѣлали въ Сирміи Василій, Евстаѳій и Елевсій; воспроизводя и толкуя ихъ предшествующія исповѣданія, онъ доказываетъ, что эти послѣднія не только не искажаютъ вѣры, но, напротивъ, оправдываются нѣкоторыми особыми условіями. Онъ устанавливаетъ равнозначимость словъ *homoousios* и *homoïousios*, лишь бы ихъ принимали въ томъ же смыслѣ, въ какомъ принимали ихъ достопочтенные защитники этихъ терминовъ—отцы Никейскаго собора и друзья Василія. Обращаясь къ послѣднимъ, онъ задушевно убѣждаетъ ихъ сдѣлать послѣдній шагъ: такъ какъ ихъ техническій терминъ одно-значущъ съ выраженіемъ великаго собора, то пусть они пожертвуютъ имъ и присоединятся къ символу 318 отцовъ.

Въ то время какъ Иларій писалъ эту книгу въ примирительномъ духѣ, воинственный отъ природы Василій велъ кампанію противъ аномеевъ [2]). Онъ, наконецъ, увѣрилъ Констанція, что Аэтій съ друзьями во времена Галла вели интригу противъ верховнаго государя [3]). Этотъ послѣдній далъ Василію самыя широкія полномочія. Аэтій былъ сосланъ въ Пепузу къ монтанистамъ; Ѳеофилъ—въ Ираклію Понтійскую; Евномій, арестованный въ Анкирѣ, былъ

---

1) *De syn.*, 41.

2) О послѣдующемъ см. у Созомена, IV, 16.

3) Это было довольно правдоподобно, принимая во вниманіе отношенія Ѳеофила и Аэтія къ антіохійскому кесарю. См. выше стр. 187.

водворенъ въ Мидеонѣ Фригійскомъ; Евдоксій удалился въ Арменію. Множество подобнаго рода фактовъ впослѣдствіи было поставлено въ укоръ вождю оміусіанъ; говорятъ, что по его настояніямъ больше семидесяти человѣкъ было отправлено въ изгнаніе. Урзакій и Валентъ, достаточно близкіе ко двору, чтобы видѣть, откуда дуетъ вѣтеръ, первые отреклись и подписались, какъ и папа Либерій, подъ исповѣданіями Василія. Коротко сказать, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ на всемъ Востокѣ господствовалъ терроръ въ защиту анкирскаго и лаодикійскаго православія.

Василій воспользовался этимъ благопріятнымъ положеніемъ, чтобы добиться созыва большого вселенскаго собора, который продолжилъ бы работу Никейскаго собора и возстановилъ бы миръ. Сперва шла рѣчь о томъ, чтобы созвать его въ самой Никеѣ, затѣмъ была выдвинута Никомидія; но этотъ городъ 24 августа 358 г. былъ разрушенъ землетрясеніемъ, причемъ обрушилась церковь на голову епископа Кекронія. Было несомнѣнно, что при участіи Иларія этотъ соборъ доставилъ бы Василію поддержку значительной части западнаго епископата. Съ такимъ подкрѣпленіемъ правая партія восточныхъ іерарховъ, несомнѣнно, восторжествовала бы: такъ или иначе было бы достигнуто соглашеніе по вопросу объ *единосущіи* и *подобосущіи*, и аріанство было бы поражено. Этотъ успѣхъ былъ бы достигнутъ помимо Аѳанасія, все еще опальнаго въ глазахъ правительства, заклейменнаго одной частью епископовъ и покинутаго другими. Но было суждено, чтобы честь побѣды выпала на долю именно этого доблестнаго борца, перенесшаго всѣ тягости борьбы. Планы Василія потерпѣли самое плачевное крушеніе.

На Востокѣ оставались еще двое аріанскихъ епископовъ перваго поколѣнія, личныхъ друзей Арія, которые, правда, покинули его въ Никеѣ, но содѣйствовали всѣмъ интригамъ, сплетавшимся для его возстановленія; то были Патрофилъ скиѳопольскій въ Палестинѣ и Наркиссъ нероніадскій въ Киликіи. Оба эти старца явились ко двору Констанція, гдѣ усиливались представить Василія анкирскаго какъ смутьяна, что́ было отчасти и вѣрно, и выпросить, чтобы были созваны два собора вмѣсто одного: одинъ—на Востокѣ, другой—на Западѣ. Доводомъ въ пользу этого предложенія служила разница въ общеупотребительномъ языкѣ тамъ и здѣсь, а также и вопросъ о расходахъ, которыхъ стоило бы путешествіе на Востокъ значительнаго количества западныхъ епископовъ. Ихъ послушались. Мѣстомъ западнаго собора выбрали городъ Римини (Ари-

минъ) на итальянскомъ побережьи Адріатическаго моря, а для восточнаго—Селевкію Исаврійскую, поблизости киликійскаго берега. Аріапе по опыту прошлыхъ лѣтъ знали, что западные епископы способны поддаваться колебаніямъ и обману, на Востокѣ же они надѣялись получить большинство, конечно, не въ пользу чистаго и неприкрытаго аномейства, но за одну изъ тѣхъ формулъ съ умолчаніемъ, которыми они такъ удачно пользовались въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ.

По этому уговору формула исповѣданія вѣры была выработана и одобрена собраніемъ придворныхъ епископовъ немного ранѣе срока, назначеннаго для открытія соборовъ, на обсужденіе каждаго изъ коихъ ее должно было представить. Ея редактированіе было поручено епископу аревузскому Марку. Текстъ ея таковъ [1]: „Изложена вѣра каѳолическая въ присутствіи государя, благочестивѣйшаго и побѣдоноснаго императора Констанція Августа, вѣчнаго, досточтимаго, въ консульство свѣтлѣйшихъ Фл. Евсевія и Фл. Ипатія, въ Сирміи въ XI день іюньскихъ календъ (22 мая 359 г.)...

„Вѣруемъ во единаго и единственнаго истиннаго Бога... и во единаго единороднаго Сына Божія, прежде всѣхъ вѣковъ, прежде всякой власти, ранѣе всякаго умопредставляемаго времени, прежде всякой умопостижимой сущности, безстрастно рожденнаго отъ Бога... подобнаго родшему Его Отцу, по писаніямъ“....

„Что же касается термина: сущность (οὐσία), который отцы употребили по простотѣ, но который, будучи неизвѣстенъ вѣрующимъ, соблазняетъ ихъ, ибо его нѣтъ въ писаніяхъ, то мы сочли за благо упразднить его и впредь избѣгать совершенно всякаго упоминанія термина: „сущность“ въ отношеніи Бога, такъ какъ писаніе ничего не говоритъ о сущности Отца и Сына. Но мы говоримъ, что Сынъ подобенъ Отцу во всемъ, какъ это говорятъ и учатъ тому св. писанія“.

Это исповѣданіе уже не говорило, какъ исповѣданіе 357 года, о превосходствѣ Отца надъ Сыномъ, но такъ же, какъ и то, отвергало термины *единосущный* и *подобосущный*. Это было тяжелымъ ударомъ не только для представителей стараго никейскаго православія, но и для новаго православнаго ученія, которому Василій анкирскій въ прошломъ году доставилъ побѣду. Очевидно, вліяніе этого епископа уже ослабѣло въ измѣнчивой душѣ имп.

---

[1] Athan., *De synodis*, 8; подписи у Епифанія: *Haer.*, LXXIII, 22.

Констанція. Однако чистые аріане не были вполнѣ удовлетворены это обнаружилось въ тотъ моментъ, когда пришлось подписывать исповѣданіе. Валентъ мурсійскій колебался употребить слова κατὰ πάντα („во всемъ“), чтó, по его мнѣнію, заключало и подобіе по сущности. Императору пришлось заставить его внести эти слова въ свое исповѣданіе. Что касается Василія, ему очень хотѣлось бы говорить о подобіи κατ' οὐσίαν (по существу), но такъ какъ это было запрещено, онъ нанизалъ рядъ однозначащихъ словъ: κατὰ τὴν ὑπόστασιν καὶ κατὰ τὴν ὕπαρξιν καὶ κατὰ τὸ εἶναι (по ипостаси; и по бытію, и по существованію). Несчастный хватался за соломинку. Между тѣмъ важна была его подпись подъ оффиціальнымъ текстомъ; всѣ оговорки не шли въ счетъ.

Такимъ образомъ не только было точно подготовлено то, чтó должны были утвердить оба собора по части богословскаго ученія, но было еще рѣшено [1]), что когда соборы закончатъ это дѣло, каждый изъ нихъ долженъ выбрать делегацію изъ 10 человѣкъ, и обѣ делегаціи соберутся въ присутствіи императора для того, чтобы установить окончательное соглашеніе. Такимъ образомъ и исходная точка, и заключеніе этого великаго совѣщанія находились въ рукахъ императора и его совѣтниковъ по части богословія. Епископы и той, и другой половины имперіи оказались въ положеніи осажденныхъ. Было также установлено, что въ вопросахъ, касающихся личностей, каждый соборъ займется только своей областью: восточный— распрями на Востокѣ, западный—на Западѣ.

Риминійскій соборъ [2]) открылся первый,—къ началу іюля 359 г. Онъ былъ очень многолюденъ. Императорскіе посланцы исколесили всѣ провинціи и собрали добромъ или силой больше 400 епископовъ. Сторонники Никейскаго собора составляли громадное большинство; они совѣщались въ мѣстной церкви, остальные, не болѣе 80,—въ особомъ помѣщеніи. Съ этими были Урзакій, Валентъ, Герминій, Авксентій, Епиктетъ, Сатурнинъ и др. Со стороны православныхъ самымъ значительнымъ былъ, кажется, карѳагенскій епископъ Реститутъ. Римская церковь не была представлена вовсе; въ это время правительство признавало тамъ законными двухъ

---

[1]) Письмо отъ 27 мая, *Continent priora* (Hilar., *Fragm.*, VII, 1, 2).

[2]) Разсказъ о немъ у Сульпиція Севера (*Chron.*, II, 41, 45); ср. Hieron., *Adv. Lucifer.*, 17, 18; документы у Иларія, *Fragm.*, VII—IX, ср. Athan., *De synodis*. Эта книга была написана осенью 359 года, когда Аѳанасій зналъ относительно соборовъ Риминійскаго и Селевкійскаго только ихъ православныя постановленія, а не тѣ отпаденія отъ нихъ, которыя послѣдовали позже.

папъ, изъ которыхъ ему нелегко было сдѣлать выборъ. Послѣ нѣкоторыхъ безуспѣшныхъ переговоровъ обѣ партіи собора рѣшили отправить къ императору отдѣльныя делегаціи. Православные передали своимъ уполномоченнымъ очень твердое и ясное возраженіе противъ всякой мысли объ измѣненіи никейскаго символа вѣры [1]) и отклонили исповѣданіе, составленное 22 мая. Представившіе его собору четыре епископа,—Урзакій, Валентъ, Герминій и Гаій,—были соборомъ отлучены отъ церкви [2]). Съ другой стороны противная партія послала заявленіе о своемъ присоединеніи къ императорской формулѣ. Констанцій былъ тогда во Ѳракіи, медленно приближаясь къ персидской границѣ, куда призывали его иныя заботы. Онъ милостиво принялъ уполномоченныхъ оппозиціи и, напротивъ, уклончиво говорилъ съ представителями большинства [3]). Во главѣ послѣднихъ стоялъ карѳагенскій епископъ: ни онъ, ни его сотоварищи по делегаціи не оказались на высотѣ своей миссіи. Ихъ такъ хорошо обошли и разубѣдили, что они въ концѣ-концовъ измѣнили порученному имъ дѣлу и собственной властью рѣшились не только возобновить общеніе съ четырьмя низложенными епископами, входившими въ составъ противной делегаціи, но и отмѣнить вообще все, что̀ постановили ихъ довѣрители. Этотъ поразительно беззаконный поступокъ былъ утвержденъ протоколомъ 10 октября на почтовой станціи по имени Никеѣ, близъ Адріанополя.

Оставалось добиться его одобренія самимъ соборомъ. Всѣ двадцать уполномоченныхъ вернулись въ Римини въ неожиданномъ братскомъ единеніи. Ихъ примѣръ скоро повлекъ за собой другія отпаденія: собраніе въ церкви становилось все малолюднѣе съ переходомъ членовъ его въ другое. Префектъ преторіи Тавръ, которому поручено было наблюдать за соборомъ и покорить его желаніямъ императора, съ успѣхомъ выполнялъ свою задачу. Епископы, заключенные въ теченіе семи мѣсяцевъ въ тѣсныхъ стѣнахъ города, гдѣ имъ нечего было дѣлать, скучали, просили отпустить ихъ. Тавръ былъ глухъ къ этимъ просьбамъ: разъѣхаться можно будетъ только тогда, когда всѣ подпишутся. Впрочемъ ему было приказано не дожидаться полнаго единодушія; когда число противниковъ станетъ менѣе пятнадцати, онъ долженъ былъ ихъ сослать, а остальныхъ отпустить съ миромъ.

---

[1]) Hilar., *Fragm.*, VIII, 1—3, ср. VII, 3 и сл.

[2]) Св. Аѳанасій добавляетъ здѣсь имена Авксентія и Демофила (*De syn.*, 9).

[3]) См. императорское посланіе къ собору въ это самое время и отвѣтъ собора на него въ концѣ сочиненія Аѳанасія *De synodis*.

Ему никого не пришлось ссылать. Сопротивлявшіеся въ количествѣ всего 20 человѣкъ подъ предводительствомъ агенскаго епископа Фебадія и тунгрскаго еп. Серватія подъ конецъ сдались на увѣщанія префекта. Имъ впрочемъ доставили полуудовлетвореніе, позволивъ дополнить формулу при подписи, лишь бы только они подписали ее. Съ большимъ или меньшимъ искусствомъ они воспользовались этимъ позволеніемъ, но подписались они всѣ безъ исключенія. Десять новыхъ уполномоченныхъ, выбранныхъ на этотъ разъ всѣмъ соборомъ, повезли въ Константинополь доказательства этого отступничества [1]).

Между тѣмъ соборъ въ Селевкіи [2]) открылъ свои засѣданія. „Квесторъ императорскаго дворца" Леона, какъ префектъ Тавръ въ Римини, представлялъ особу императора и опекалъ соборъ; военный правитель [3]) этой области, дукъ Лаврикій, долженъ былъ въ случаѣ надобности оказать ему дѣятельную помощь. Прибыло около полутораста епископовъ, между прочимъ оба самозванные епископа Александріи и Антіохіи,—Георгій и Евдоксій,— палестинскій митрополитъ Акакій, очень вліятельная личность, Василій анкирскій, Македоній константинопольскій, Патрофилъ, Кириллъ іерусалимскій, Елевсій кизикскій, Сильванъ тарсскій и др. Послали туда также Иларія пуатьескаго. Викарій Асійской области, которому поручено было отправить епископовъ на соборъ, не принялъ во вниманіе его положенія, какъ изгнанника, и снарядилъ въ путь вмѣстѣ съ другими.

Съ перваго же засѣданія (27 сентября) обрисовалось раздѣленіе на партіи. Послѣ безпорядочнаго обсужденія хода занятій, рѣшили начать съ вопроса о вѣрѣ. Василія въ этотъ день не было. Онъ попалъ въ число подсудныхъ собору лицъ, такъ какъ на него была принесена жалоба. Поэтому онъ не игралъ никакой роли на соборѣ; Елевсій и Сильванъ взялись за руководство его партіей. Сильванъ предложилъ не принимать никакого новаго символа и держаться антіохійскаго, такъ-называемаго собора „на обновленіе". Такимъ образомъ отстранялось все, что было выработано при дворѣ съ пасхи 358 года, подъ вліяніемъ ли Василія, или по вліянію аріанъ.

---

1) Hilar., *Fr.* IX.

2) Сократъ (II, 39, 40) разбираетъ его акты, которые онъ читалъ въ коллекціи Сабина. Созоменъ (IV, 22) познакомился съ ними позднѣе и извлекъ нѣсколько новыхъ подробностей; ср. Hilar., *Adv. Const.*, 12—15.

3) Малонаселенная провинція Исаврія не имѣла гражданскаго правителя, а правлялась начальникомъ войска (dux).

Это предложеніе было принято ста пятью голосами; тогда Акакій со своими сторонниками въ числѣ 19 удалился. Кромѣ этихъ двухъ группъ было еще нѣсколько египетскихъ епископовъ, которые, какъ и Иларій, держались никейскаго символа; но въ этомъ собраніи они были слишкомъ незначительной величиной.

На другой день, въ то время какъ сто пять епископовъ запершись въ церкви, занимались подписываніемъ антіохійскаго символа, сторонники Акакія, протестуя противъ закрытія дверей, передали квестору исповѣданіе, соотвѣтствовавшее сирмійскому, но смягченное въ томъ смыслѣ, что терминъ ἀνόμοιος (*неподобный*) осуждался наравнѣ съ терминами ὁμοούσιος (*единосущный*) и ὁμοιούσιος (*подобосущный*). Это произведеніе [1]) за 32 подписями обсуждалось въ теченіе двухъ дней въ общемъ собраніи, но безъ успѣха; Сильванъ, Елевсій и ихъ сторонники остались непреклонны и не хотѣли ничего слушать о какомъ-либо иномъ символѣ, кромѣ символа „на обновленіе“ [2]). Видя это, Леона объявилъ, что онъ былъ уполномоченъ представительствовать въ согласномъ собраніи, а не въ раздѣленномъ на партіи. Онъ простился съ епископами, говоря: „Теперь ступайте препираться въ церкви“. По его примѣру сторонники Акакія тоже отказались отъ участія въ послѣдующихъ собраніяхъ.

Большинство однако собралось и стало обсуждать вопросы о личностяхъ. Кириллъ іерусалимскій, уже два года тому назадъ низложенный своимъ митрополитомъ Акакіемъ, принесъ апелляціонную жалобу, а императоръ передалъ его дѣло на разсмотрѣніе селевкійскаго собора; онъ былъ оправданъ. Напротивъ, Георгій, Евдоксій, Акакій, Патрофилъ и еще пять епископовъ были объявлены лишенными сана; по отношенію къ другимъ девяти епископамъ соборъ ограничился разрывомъ общенія, пока они не представятъ отвѣтовъ по поводу обвиненій, взведенныхъ на нихъ. Для Антіохіи даже рукоположили епископа на мѣсто Евдоксія, но избранникъ собора Анніанъ немедленно послѣ своего посвященія былъ захваченъ дукомъ Лавракіемъ и отправленъ въ ссылку.

---

[1]) *Athan.*, *De syn.*, 29, Epiph., *Haer.*, LXXIII, 25, 26, съ подписями въ количествѣ 43. Число сторонниковъ Акакія, какъ видно, неодинаково опредѣляется разными памятниками.

[2]) Они рѣшительно отказались санкціонировать исповѣданія 358 г. (составленное Василіемъ) и 359 г. (составленное Маркомъ). „Если Василій и Маркъ сочинили что-нибудь собственное,—говорилъ Елевсій,—и если они и акакіане взаимно обвиняютъ другъ-друга по тѣмъ или другимъ поводамъ, собору до этого нѣтъ дѣла; ему нѣтъ основаній вдаваться въ обсужденіе, удовлетворительно ли, или нѣтъ ихъ исповѣданіе вѣры“ (Sosom., IV, 22, p. 165).

Наконецъ, собраніе разсталось, избравъ десять уполномоченныхъ для представленія императору. Сторонники Акакія, какъ можно думать, были уже на пути въ Константинополь.

Ихъ вождь Акакій не былъ лицомъ малоизвѣстнымъ. Давно уже запутанный во всѣхъ интригахъ, которыя велись на богословской почвѣ при дворѣ, онъ теперь взялъ на себя главную роль. Это былъ человѣкъ умный, осмотрительный, настойчивый. Къ этимъ личнымъ качествамъ прибавлялось выдающееся положеніе въ церкви. Будучи митрополитомъ палестинскимъ, преемникомъ знаменитаго Евсевія, наслѣдникомъ знаменитой библіотеки Оригена, онъ самъ слылъ за выдающагося богослова. Въ сущности его взгляды не разнились отъ взглядовъ Арія и Аэтія; но онъ умѣлъ облекать ихъ въ елейныя, ласкающія рѣчи и въ особенности прикрывать ихъ учеными терминами. Когда онъ прибылъ въ Константинополь, первые риминійскіе уполномоченные уже сдались, и усилія были направлены къ тому, чтобы повліять на западный соборъ. Пока занимались этимъ вопросомъ, Акакію пришла мысль представить ко двору Аэтія и посмотрѣть, нельзя ли доставить ему успѣхъ, что́ очень подвинуло бы дѣла его партіи. Констанцій поддался на его виды; свѣтское судилище подъ предсѣдательствомъ константинопольскаго префекта Гонората, а иногда и самого императора, выслушало доводы знаменитаго софиста, который на этотъ разъ ударилъ лицомъ въ грязь и не оправдалъ ожиданій своихъ покровителей. Тогда этимъ послѣднимъ пришло въ голову обратить его въ козла отпущенія и доказать свою собственную благонамѣренность анаѳемами, которыми они его осыпали.

Тѣмъ временемъ явились уполномоченные изъ Римини. Селевкійцы разсчитывали на нихъ для поддержки общей оппозиціи; они поспѣшили увѣдомить ихъ о томъ, что́ замышляла партія Акакія [1]): осудить Аэтія лично, не касаясь его ученія; латиняне должны были, какъ и они, воздержаться отъ церковнаго общенія со строителями козней. Бѣдные представители Востока напрасно теряли свое время: подъ предводительствомъ своихъ новыхъ вождей—Урзакія и Валента—риминійскіе депутаты прямо присоединились къ партіи Акакія.

Иларій также прибылъ въ Константинополь. Онъ увидѣлъ отчаяніе селевкійскихъ представителей,—увидѣлъ, какъ его соотечественники, тѣ Западные, православіе которыхъ онъ такъ восхва-

---

1) Письмо—у Иларія, *Fragm.*, X, 1.

лялъ, измѣнили вѣрѣ на его глазахъ и передались придворной партіи. Его терпѣніе лопнуло, и онъ сталъ жестоко бичевать ихъ: „Какъ! Прибывъ въ Константинополь послѣ собора въ Селевкіи, вы тотчасъ пристаете къ еретикамъ, которыхъ онъ осудилъ! Вы ни минуты не колеблетесь, вы не трудитесь обсудить, навести справки! Легаты восточнаго собора, не имѣющіе общенія со здѣшними епископами, обращаются къ вамъ, ставятъ въ извѣстность обо всемъ, что́ произошло, указываютъ вамъ, что ересь только-что подверглась осужденію; не слѣдовало ли хоть тогда держаться поодаль, отложить ваше сужденіе?...

„Рабъ, я уже не говорю—хорошій рабъ, но порядочный, не можетъ стерпѣть оскорбленія, нанесеннаго его господину; онъ мститъ за него, насколько можетъ. Воинъ защищаетъ своего царя, даже съ опасностью жизни, даже прикрывая его своимъ тѣломъ. Сторожевая собака лаетъ при малѣйшемъ шорохѣ, бросается по первому подозрѣнію. Вы слушаете, когда говорятъ, что Христосъ, истинный Сынъ Божій,—не Богъ; ваше молчаніе—знакъ согласія на это богохульство, и вы молчите! Что я говорю! Вы протестуете противъ тѣхъ, кто возражаетъ, вы присоединяете свой голосъ къ тѣмъ, которые хотятъ задушить ихъ голоса“ [1]).

Иларій не ограничился этой краснорѣчивой укоризной. Онъ просилъ себѣ аудіенціи у императора [2]), просилъ дважды, трижды. Ему не вняли. Селевкійскіе уполномоченные, оставшись одни на боевой позиціи, подверглись давленію поодиночкѣ. Они сопротивлялись долго, но на нихъ нажимали все сильнѣе и сильнѣе. Приближалось 1 января. Констанцій хотѣлъ начать свое десятое консульство съ объявленія религіознаго мира. Къ этому сроку какъ-разъ подоспѣли. Послѣднія подписи были отобраны въ ночь съ 31 декабря на 1 января.

Оставалось лишь облечь соборнымъ авторитетомъ постановленія, сдѣланныя легатами, и рѣшить нѣкоторые вопросы, касавшіеся личностей. Это была задача Константинопольскаго собора [3]), который засѣдалъ въ первыхъ числахъ января 360 г. при участіи разныхъ ѳракійскихъ и виѳинскихъ епископовъ, въ общемъ въ числѣ человѣкъ пятидесяти. Акакій руководилъ преніями. Среди

---

1) Hilar., *Fragm.*, X, 2—4.
2) *Adv. Const.*, II.
3) Объ этомъ соборѣ см. у Созомена, IV, 24, который пользовался оффиціальными документами. Изъ нихъ сохранился одинъ: письмо къ Георгію александрійскому по поводу осужденія Аэтія (Theodor., II, 24).

членовъ этого собора нужно отмѣтить стараго Марія халкидонскаго, одного изъ участниковъ Никейскаго собора и покровителей Арія, и Ульфилу, епископа готской колоніи на Дунаѣ (и по національности—гота), случайно находившагося въ столицѣ; онъ тоже уже издавна былъ аріаниномъ.

Риминійское исповѣданіе было одобрено; оно провозглашало, что Сынъ подобенъ Отцу, воспрещало употребленіе терминовъ сущность *(essentia)* и субстанція (ипостась), отвергало всѣ прежніе символы и заранѣе устраняло всѣ, какіе только захотятъ выработать впослѣдствіи. Это было оффиціальнымъ выраженіемъ того, что́ съ тѣхъ поръ стали называть аріанствомъ, именно того аріанства, которое распространилось у варварскихъ народовъ. Оба символа,—никейскій 325 года и риминійскій 360 года,—противоположны и взаимно исключаютъ другъ друга. Нельзя однако сказать, что риминійскій символъ заключаетъ въ себѣ открытое исповѣданіе аріанства. Онъ не воспроизводитъ ни одного изъ техническихъ терминовъ, свойственныхъ этой ереси въ ея первоначальномъ видѣ, а что касается новаго аріанства, аномейства, то этотъ символъ прямо отвергаетъ его; онъ провозглашаетъ, что Сынъ не ἀνόμοιος (неподобный), а, наоборотъ, ὅμοιος (подобный). Однако растяжимость риминійской формулы позволяла принимать ее въ самыхъ разнообразныхъ, даже самыхъ противоположныхъ смыслахъ: при желаніи Аѳанасій и Аэтій могли бы оба сослаться на нее. Въ виду такого-то предательскаго характера и безполезности этой формулы, всякій христіанинъ, достойный этого имени, дорожащій совершенной божественностью своего Господа, могъ безъ колебанія отвергнуть ее.

Аэтій былъ лишенъ діаконства и подвергся условному отлученію, т. е. на тотъ случай, если бы сталъ упорствовать въ своихъ воззрѣніяхъ, „такъ какъ въ своихъ книгахъ и словесныхъ состязаніяхъ онъ обнаружилъ мелочную и чуждую церковному духу философію, употреблялъ богохульныя выраженія и смутилъ такимъ образомъ церковь“.

Однако это рѣшеніе не всѣми было одобрено; десятокъ [1]) епископовъ, откровенныхъ аномеевъ, отказались выбросить своего Іону въ море [2]); имъ дали полгода на размышленіе.

---

[1]) Sosom., IV, 25. Cp. Philost., VII, 6, VIII, 4.

[2]) То были прежде всего чудотворецъ этой партіи Ѳеофилъ Индіецъ (Аэтій также, вопреки своей схоластикѣ, иногда выдавалъ себя за вдохновеннаго), затѣмъ Серра изъ Паретанія, въ Ливіи, Стефанъ птолемаидскій и Иліодоръ изъ Созузы, въ Киренаикѣ; фригіецъ Ѳеодулъ изъ Хератопъ; трое

Но это были свои люди. Когда же очередь дошла до другихъ, то произошло настоящее избіеніе. Низложены были: Македоній константинопольскій, Елевсій кизикскій, Эортасій сардійскій, Драконтій пергамскій, Василій анкирскій, Евстаѳій изъ Севастіи Армянской, Софроній изъ Помпейополя въ Пафлагоніи, Елпидій изъ Саталъ, Неонъ изъ Селевкіи Исаврійской, Сильванъ тарсскій, Кириллъ іерусалимскій. Ихъ осужденіе было мотивировано не характеристикой ихъ богословскихъ воззрѣній; помимо общаго упрека въ тяжкомъ нарушеніи церковнаго мира въ два послѣднихъ года, противъ каждаго изъ нихъ выдвинули особыя обвиненія дисциплинарнаго характера. На голову Василія въ особенности обрушился цѣлый потокъ обвиненій за всѣ насилія и превышеніе власти, которыя онъ позволялъ себѣ въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ, пока былъ въ фаворѣ [1]).

Правительство въ свою очередь взялось за дѣло. Аэтій былъ водворенъ въ Моисуестѣ, а сочиненія его были запрещены. Василій былъ отправленъ въ Иллирію, прочіе—въ разныя мѣста въ изгнаніе. Каѳедры ихъ были замѣщены. Для Константинополя выбрали Евдоксія, котораго было бы нелегко вновь водворить въ Антіохіи, и сейчасъ же приступили (15 февраля 360 г.) къ освященію великой церкви во имя Божественной Премудрости (Святой Софіи), строившейся уже 20 лѣтъ. На освященіи присутствовали члены собора. Евдоксій сталъ говорить слово: „Отецъ нечестивъ (ἀσεβής), а Сынъ благочестивъ (εὐσεβής)“. Когда по поводу этихъ странныхъ словъ въ церкви поднялось смятеніе, онъ объяснилъ, что Сынъ почитаетъ Отца, а Отцу некого почитать. Этотъ плохой каламбуръ, память о которомъ сохранилась въ Константинополѣ, хорошо рисуетъ тогдашнее церковное положеніе. Видно, что за пастыри поднимались до высшихъ ступеней восточной церкви [2]).

Иларій находился еще въ Константинополѣ, удрученный, разгнѣванный. Чтобы излить свой гнѣвъ, онъ написалъ книгу

лидійцевъ, Леонтій изъ Триполи, Ѳеодосій изъ Филадельфіи, Фебъ полпкаландскій и двое другихъ.

[1]) Подробности обо всемъ этомъ см. у Созомена, IV, 24, который даетъ здѣсь сводку оффиціальныхъ протоколовъ.

[2]) Евдоксій впрочемъ держался своей мысли. Она повторяется въ его исповѣданіи вѣры, напечатанномъ у Caspari: *Alte und neue Quellen zur Geschichte des Taufsymbols*, Christiania, 1879, 179. Тамъ нужно даже возстановить слово „нечестивый“, пропускъ котораго въ текстѣ Каспари дѣлаетъ его безсвязнымъ: (ἀσεβῆ) ὅτι μηδένα σέβειν πέφυκεν. Ср. *Bulletin critique*, t. I, p. 169. Несомнѣнно, Евсевій выдвинулъ это странное исповѣданіе по случаю своей интронизаціи въ Константинополѣ.

„Противъ Констанція“, ужасный обличительный памфлетъ, отъ опубликованія котораго онъ благоразумно воздержался. Ему разрѣшили вернуться на Западъ.

Риминійско-константинопольское исповѣданіе было разослано по епархіямъ, чтобы тѣ епископы, которые не принимали участія въ соборахъ, могли поставить подъ нимъ свои подписи. На Западѣ въ этомъ едва ли была надобность: такъ многолюдно было собраніе епископовъ въ Римини. Въ Малой Азіи, въ Сиріи, въ Египтѣ дѣло обстояло иначе. Тогда-то св. Аѳанасій изъ нѣдръ пустыни обратился къ епископамъ Египта и Ливіи съ увѣщаніемъ остаться вѣрными долгу и не давать подписей. Неизвѣстно, каковы были послѣдствія этого воззванія. Мало вѣроятно, чтобы правительственные чиновники имѣли большой успѣхъ въ митрополіи Аѳанасія. Духовенство оставалось вѣрно ему; въ Ливіи значительная часть епископовъ перешла въ аномейство; эти тоже были мало склонны давать свои подписи.

Въ Кесаріи Каппадокійской старый епископъ Діаній, занимавшій каѳедру уже лѣтъ двадцать, избѣгалъ всякихъ выступленій и привыкъ подписывать всѣ оффиціально принятыя исповѣданія; подписалъ онъ и это.

Въ Антіохіи каѳедра была свободна; надо было выбрать новаго епископа. Выборъ палъ на Мелетія, не занимавшаго опредѣленной епархіи. Мелетій былъ родомъ изъ Мелитины, въ Малой Арменіи. Состоявшійся въ этомъ городѣ соборъ въ 358 году низложилъ севастійскаго епископа Евстаѳія, очень виднаго дѣятеля по тому усердію, съ какимъ онъ насаждалъ аскетизмъ и монашество. Эти формы жизни онъ въ молодости изучалъ въ Египтѣ. Говорили, что онъ тамъ былъ близокъ къ Арію и проникся его ученіемъ. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что къ тому времени, когда приговоромъ Мелитинскаго собора онъ былъ лишенъ своей епархіи, Евстаѳій исповѣдовалъ, какъ и Василій анкирскій, ученіе, очень близкое къ никейскому православію. Мелетій, тогда принадлежавшій къ мелитинскому клиру, согласился занять его мѣсто. Это былъ человѣкъ весьма уважаемый за свое благочестіе, свою кротость, привѣтливость и прямой характеръ. Но и Евстаѳій былъ очень любимъ; населеніе Севастіи не приняло того преемника, котораго ему предполагали дать; Мелетій вынужденъ былъ удалиться; онъ поселился въ Сиріи, въ Веріи (Алеппо). Въ слѣдующемъ году (359) Евстаѳій участвовалъ въ Селевкійскомъ соборѣ въ рядахъ большинства, стоявшаго за терминъ ὁμοιούσιος; Мелетій либо

на соборѣ [1]), либо послѣ него подписался подъ исповѣданіемъ Акакія. Значитъ, въ тотъ моментъ, когда ему предоставили антіохійскую каѳедру (зимой 360—361 г.), онъ былъ дѣятелемъ риминійско-константинопольскаго собора наравнѣ съ Акакіемъ кесарійскимъ и Георгіемъ александрійскимъ, которые и присутствовали при возведеніи его на каѳедру. Онъ произнесъ очень искусную проповѣдь, въ которой, оставаясь на почвѣ оффиціально принятаго исповѣданія, не говоря ни о существѣ, ни объ ипостаси, далъ понять, что онъ въ сущности недалекъ отъ взглядовъ никейцевъ [2]). Эти послѣдніе дали волю своей радости. Аріане спохватились и черезъ мѣсяцъ уже сумѣли избавиться отъ новаго епископа. Не касаясь его богословскихъ воззрѣній, къ нему придрались за нѣкоторыя его распоряженія, а именно за возстановленіе духовныхъ лицъ, удаленныхъ его предшественниками. На его мѣсто поставили Евзоія, стараго товарища Арія, отрѣшеннаго отъ діаконства сорокъ лѣтъ тому назадъ Александромъ александрійскимъ.

Императоръ Констанцій прибылъ въ Антіохію и лично распоряжался этими смѣнами епископовъ. Вся сила была въ немъ и въ его совѣтникахъ по церковнымъ вопросамъ. Никею и Анкиру, Аѳанасія и Василія постигла одинаковая горькая участь. „Міръ стенаетъ,—писалъ бл. Іеронимъ,—и приходитъ въ изумленіе, что сталъ аріанскимъ“. Онъ недолго изумлялся. Иго, подъ которымъ склонялись епископы, скоро было сломлено. Въ концѣ предшествующей зимы, въ апрѣлѣ 360 г., лучшія галльскія войска были отозваны Констанціемъ для службы на персидской границѣ. Ихъ собрали передъ походомъ въ Парижъ. Въ минуту выступленія солдаты отказались покинуть Галлію. Въ одинъ прекрасный вечеръ они спустились изъ своего лагеря [3]), направились ко дворцу, гдѣ жилъ кесарь, и провозгласили его августомъ, не взирая на его протесты и сопротивленіе. Владычество Констанція на Западѣ кончилось. Его сановники, бывшіе его представителями при особѣ молодого кесаря, удалились, а Юліанъ написалъ своему августѣйшему двоюродному брату письмо съ извиненіемъ за происшедшее. Констанцій былъ въ Кесаріи Каппадокійской, когда получилъ это письмо.

---

1) Сократъ (II, 44) такъ именно и говоритъ.

2) Св. Епифаній, сохранившій намъ эту рѣчь (*Haer.*, LXXIII, 29—33), не находитъ большихъ возраженій противъ нея.

3) Онъ былъ расположенъ на западномъ склонѣ холма, названнаго впослѣдствіи горой св. Женевьевы, подъ нынѣшней улицей Суффло. Что касается дворца Юліана, то отъ него остались значительныя развалины.

Война съ персами отняла у него этотъ годъ и большую часть слѣдующаго. Однако Юліанъ, императоръ поневолѣ, рѣшился поддержать силой оружія захваченную подъ чужимъ давленіемъ власть. Въ 361 году онъ двинулся походомъ на Востокъ. Констанцій, освободившись, наконецъ, отъ иныхъ заботъ, выѣхалъ изъ Антіохіи, чтобы отправиться въ походъ противъ соперника, котораго выставилъ ему Западъ. Но болѣзнь остановила его у подошвы Тавра. Епископъ антіохійскій Евзоій оказался подъ рукой, чтобы окрестить его, ибо этотъ великій мастеръ сочинять богословскія формулы принадлежалъ еще къ оглашеннымъ. Онъ умеръ 3 ноября 361 года. Юліанъ получилъ это извѣстіе во Ѳракіи; 11 декабря онъ вступилъ въ Константинополь: судьбы всей имперіи были теперь въ его рукахъ.

ГЛАВА IX.

Юліанъ и языческая реакція.

Язычество во время владычества династіи Константина.—Запрещеніе жертвоприношеній.—Упадокъ древнихъ религій.—Юность Юліана.—Развитіе его религіозныхъ воззрѣній. — Сдѣлавшись императоромъ, онъ провозглашаетъ себя язычникомъ. — Побѣжденная религія мститъ христіанству. — Убійство Георгія александрійскаго. — Литературныя произведенія Юліана, его набожность и попытка возродить язычество.—Его поведеніе по отношенію къ христіанамъ.—Возвращеніе изгнанныхъ епископовъ. — Отмѣна привилегій, запретъ преподаванія.— Столкновенія и насилія. — Возстановленіе Іерусалимскаго храма. — Юліанъ и антіохійское населеніе. — Смерть Юліана.

Уже во времена Константина, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался единодержавнымъ императоромъ, государство встало на сторону христіанства противъ язычества. Однако не было проведено никакой общей мѣры для закрытія храмовъ. Государство болѣе не совершало въ нихъ жертвоприношеній, но за частными лицами была оставлена свобода совершать ихъ, свобода утраченная, быть можетъ, ими лишь въ концѣ царствованія. Такая терпимость должна была скоро исчезнуть: сыновья Константина проявили еще большую рѣшимость, чѣмъ ихъ отецъ, чтобы покончить съ древней религіей. Въ началѣ 341 г. Константъ обратился къ италійскому викарію со слѣдующимъ рескриптомъ: „Да прекратится суевѣріе! Да уничтожится безуміе жертвоприношеній! Всякій, кто, вопреки закону божественнаго императора, нашего родителя, и настоящему приказу нашей кротости, осмѣлится совершать жертвоприношенія, долженъ быть преданъ суду и наказанъ“ [1]). Другіе законы повторяютъ это запрещеніе, опредѣляя, что храмы должны быть всюду закрыты, жертвоприношенія возбранены подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи [2]). Магненцій, будучи самъ

---

[1]) Cesset superstitio, sacrificiorum aboleatur insania. Nam quicumque contra legem divi principis parents nostri et hanc nostrae mensuetudinis jussionem ausus fuerit sacrificia celebrare, competens in eum vindicta et praesens sententia exeratur. *Cod. Theod.* XVI, 10, I.

[2]) *Cod. Theod.* XVI, 10, 4 и 6; точная дата закона 4-спорна: законъ 6 относится къ 356 г.; онъ былъ обнародованъ отъ имени Констанція и Юліана.

христіаниномъ, разрѣшалъ, въ видѣ исключенія, совершать жертвоприношенія въ ночное время; Констанцій отмѣнилъ эту мѣру [1]).

Однако слѣдуетъ замѣтить, что единственнымъ проявленіемъ культа, запрещавшимся въ этомъ законодательствѣ, были жертвоприношенія, тогда какъ языческія религіи требовали много и другихъ церемоній. Не видно, чтобъ онѣ были запрещены закономъ. Императорскій рескриптъ 342 года [2]) рѣшительно предписываетъ не касаться пригородныхъ храмовъ, съ которыми связывались цирковыя и иныя игры: преслѣдовались суевѣрія, а не развлеченія. Процессіи, священныя трапезы, мистеріи и многія другія проявленія религіознаго чувства сохранялись, какъ встарь. Въ Римѣ до временъ Θеодосія совершались тавроболіи. Посвященія въ елевсинскія мистеріи практиковались при Костанціи и даже послѣ Юліана. Въ Антіохіи продолжали посѣщать пресловутое святилище Дафны и дѣлали это далеко не съ аскетическими намѣреніями. Вмѣсто того, чтобы безусловно запретить эти посѣщенія, что, повидимому, слѣдовало бы сдѣлать во имя чистоты нравовъ, кесарь Галлъ удовольствовался тѣмъ, что создалъ конкуренцію святилищу. Онъ приказалъ перенести въ священную рощу останки св. Вавилы, епископа-мученика; но съ тѣхъ поръ и солиднымъ людямъ открылась возможность посѣщать ее.

Впрочемъ, здѣсь слѣдуетъ больше имѣть въ виду практику, нежели законодательство. О законодательствѣ можно по крайней мѣрѣ сказать, что грозныя предписанія императора Констанція, насколько извѣстно, не повлекли за собою никакихъ жертвъ. Нигдѣ не упоминается объ языческихъ мученикахъ. Несомнѣнно, во многихъ мѣстахъ бывали столкновенія между сторонниками обоихъ культовъ: нѣкоторыя повѣсти о христіанскихъ мученикахъ представляютъ собою разсказы о мятежахъ, вызванныхъ религіозными поводами. Слишкомъ ревностные проповѣдники, отправлявшіеся возвѣщать евангеліе сельскому населенію, мало къ тому подготовленному, терпѣли гоненія и иногда платились жизнію. Вокругъ храмовъ происходили драки, когда толпы фанатичныхъ христіанъ принимали участіе въ ихъ разрушеніи. Тутъ побои, разумѣется, сыпались и на защищавшихся. Въ Типазѣ, въ Мавританіи, одна дѣвочка, по имени Сальса, пробралась въ храмъ, похитила бронзовый божокъ и сбросила его съ прибрежной скалы; язычники,

---

[1]) *Cod. Theod.* XVI, 10, 5, (353 г.).
[2]) *Cod. Theod.* XVI, 10, 3

поймавшіе ее на этомъ, сбросили и ее вслѣдъ за идоломъ въ море. Подобные факты, очевидно, не имѣютъ никакой связи съ законодательствомъ,—и являются лишь случаями.

Примѣненіе самихъ законовъ вѣроятно было довольно разнообразно. Когда какое-нибудь мѣстечко всецѣло переходило въ христіанство, было вполнѣ естественно, что оно по своему усмотрѣнію располагало зданіями древняго культа. Храмы закрывались тогда безъ затрудненій, жречество упразднялось, идолы шли на украшеніе общественныхъ мѣстъ или складывались въ какую-нибудь кладовую. Имущество храмовъ доставалось городу, если имъ не завладѣвало государство, что случалось часто. Наоборотъ въ тѣхъ городахъ или сельскихъ мѣстечкахъ, которые не хотѣли и слышать о христіанствѣ, храмы и жречество оставались неприкосновенными, сохранялись праздники, игры, процессіи и другія внѣшнія проявленія культа; что же касается жертвоприношеній, то, если и отваживались совершать ихъ,—устраивали такъ, чтобы полиція не была о томъ предувѣдомлена. Послѣдняя часто закрывала глаза на эти факты, а иногда и прямо потворствовала. Къ концу царствованія Констанція, римскій префектъ Тертуллъ, встревоженный запозданіемъ подвоза хлѣба, принесъ жертву Касторамъ въ одномъ изъ Остійскихъ храмовъ [1]. Чаще всего, особенно въ большихъ городахъ населеніе распредѣлялось между обоими культами, и несомнѣнно были люди, которые одновременно интересовались и тѣмъ и другимъ. Христіанскія собранія: бдѣнія, литургія, носили довольно строгій характеръ и совсѣмъ не давали пищи для энтузіазма. Простой народъ предпочиталъ собранія, происходившія въ предмѣстьяхъ, близъ могилъ мучениковъ. Тамъ допускались агапы, на которыхъ, вопреки увѣщаніямъ клира, не исключалось извѣстное веселье, иногда и чрезмѣрное. Но все это было незначительно по сравненію съ языческими торжествами. Послѣднія вообще продолжали существовать до тѣхъ поръ, пока не нашли способа ихъ замѣнить, пока тѣ религіозныя формы, которыми болѣе всего дорожилъ народъ, не были приспособлены имъ къ христіанской религіи.

Въ общемъ, по всей имперіи язычество было въ большомъ упадкѣ. Оно изнемогало подъ правительственной опалой и запретомъ его культа. Среди столькихъ литературно-образованныхъ

---

[1]) Amm. Marc. XIX, 10.

людей, придерживавшихся еще язычества, ни одинъ не всталъ на его защиту. Нашелся, наоборотъ, между ними такой, изъ недавно обратившихся, который выступилъ противъ язычества съ грозными нападками. Фирмикъ Матернъ былъ сиракузскимъ адвокатомъ, находившимъ развлеченіе отъ скуки своей профессіи въ занятіяхъ астрологіей. Къ концу царствованія Константина онъ прибылъ въ Кампанію, гдѣ издалъ трактатъ объ этой наукѣ. Лѣтъ десять спустя, успѣвъ за это время отречься отъ язычества и изученія свѣтилъ, онъ посвятилъ императорамъ Констанцію и Константу книгу „О ложности языческихъ религій", гдѣ при помощи сомнительной учености и своеобразныхъ этимологическихъ пріемовъ, онъ осуждалъ языческіе культы [1]), требуя ихъ уничтоженія окончательнаго и безпощаднаго: „Нужно съ этимъ покончить, священнѣйшіе императоры, нужно пресѣчь все это въ корнѣ строжайшими законами. Для этого Господь вручилъ вамъ имперію и ведетъ васъ отъ успѣха къ успѣху. Отберите же, отберите, безъ боязни, украшенія храмовъ! отправьте боговъ на монетный дворъ, присвойте себѣ ихъ имущества"... Такія увѣщанія встрѣчаются на каждой страницѣ подъ перомъ этого фанатика. Мы далеко ушли отъ тѣхъ временъ, когда св. Іустинъ довольствовался просьбой къ императорамъ не проливать христіанской крови.

Казалось совсѣмъ невѣроятнымъ, чтобы тѣ времена могли вернуться вновь: побѣда христіанства была блестящая, и можно было думать, что уже близко время окончательнаго исчезновенія древнихъ культовъ. Однако вѣтеръ внезапно повернулъ въ другую сторону; покинутые боги вновь появились на алтаряхъ, и христіане опять почувствовали себя подъ угрозой общественной власти, которая вновь встала къ нимъ во враждебное отношеніе.

Юліанъ [2]) родился въ Константинополѣ въ 331 году отъ Юлія Констанція, брата Константина, и отъ Василины, знатной римской матроны, которая умерла вскорѣ послѣ его рожденія. Ему было шесть лѣтъ, когда его отецъ и одинъ изъ братьевъ погибли во время династическихъ неурядицъ, послѣдовавшихъ за смертью Константина. Самъ Юліанъ спасся вмѣстѣ съ другимъ братомъ Галломъ. Ему припоминали впослѣдствіи, что въ это опасное

---

[1]) Такъ, онъ сдѣлалъ открытіе, будто Сераписъ — не иной кто, какъ патріархъ Іосифъ. Корзина (четверикъ), которую богъ носитъ на своей головѣ, по его толкованію, есть воспоминаніе о той услугѣ, какую оказалъ Іосифъ Египту въ теченіе плодородныхъ и голодныхъ годовъ.

[2]) P. Allard. *Julien l'apostat* (1900—1903).

время онъ былъ обязанъ своей жизнію преданности нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ. Когда водворилось спокойствіе, и Констанцій рѣшился взять обоихъ дѣтей подъ свое покровительство, Юліанъ былъ порученъ Евсевію, епископу никомидійскому, который доводился ему дальнимъ родственникомъ, и вліяніе котораго было замѣтно уже на матери Юліана. Послѣдній жилъ при немъ въ Никомидіи и въ Константинополѣ въ продолженіе приблизительно пяти лѣтъ. По смерти Евсевія, Юліанъ и Галлъ, находившіеся до тѣхъ поръ въ разлукѣ, были вновь соединены и поселены вмѣстѣ на виллѣ, Макеллъ, у подошвы горы Аргея, вблизи Кесаріи Каппадокійской. Они жили тамъ около восьми лѣтъ, до тѣхъ поръ, пока Галла не сдѣлали кесаремъ (351) и не отправили царствовать въ Антіохію. Что же касается Юліана, ему разрѣшили дополнить свое образованіе посѣщеніемъ пользовавшихся извѣстностью учителей. Вслѣдствіе этого онъ жилъ нѣкоторое время въ Константинополѣ, въ Виѳиніи и Асіи. Въ 354 году онъ оказался замѣшаннымъ въ дѣло Галла и былъ вытребованъ въ Италію къ императору. Императрица Евсевія заступилась за него, и ему разрѣшили вернуться къ научнымъ занятіямъ. Въ то время онъ и пріѣхалъ въ Аѳины, гдѣ познакомился съ Григоріемъ и Василіемъ, двумя юными каппадокійцами, которымъ суждено было прославиться въ санѣ епископовъ. Юліанъ оставался тамъ недолго; въ 355 году его вызвали къ миланскому двору, чтобы въ свою очередь пріобщить къ управленію имперіей, и возложили на него обязанность блюсти охрану западныхъ провинцій. Извѣстно, что онъ добросовѣстно и удачно выполнилъ эту задачу, не отступая ни передъ какими ни крупными, ни мелкими обязанностями, которыя полагались на него, и что впечатлѣніе, произведенное имъ въ Галліи, было очень благопріятное.

Однако этотъ защитникъ римскаго отечества таилъ въ себѣ греческаго софиста; этотъ представитель и соправитель благочестиваго императора Констанція былъ въ сущности убѣжденнымъ и преданнымъ язычникомъ. Его внутреннее развитіе, извѣстное и подозрѣваемое только немногими лицами, началось уже съ довольно ранней поры. Условія его воспитанія могутъ отчасти объяснить его.

Родители его, какъ и вся императорская фамилія, были христіане. Еще совсѣмъ малымъ ребенкомъ онъ рѣзвился на колѣняхъ Константина, „внѣшняго епископа“ христіанской церкви. Его рано окрестили, и до отъѣзда съ виллы Макеллъ его всегда видѣли окруженнымъ лицами духовнаго званія. Правда, что все это были

выдающіеся члены аріанской партіи, и что въ этой школѣ религіозной софистики евангеліе было весьма затуманено метафизикой. Занимаясь постоянно вопросами о взаимоотношеніи и происхожденіи божественныхъ Лицъ, теряли изъ виду посланничество Христа, Его исторію и дѣло спасенія. Въ пререканіяхъ о символахъ, въ интригахъ придворныхъ епископовъ и въ ихъ стремленіи свергнуть другъ друга, церковь жалкимъ образомъ подрывала свой престижъ. Люди, подобные Евсевію, Георгію, Аэтію, служили весьма слабой рекомендаціей для христіанства. Однако людей убѣжденныхъ такое зрѣлище вообще не могло поколебать; оно не остановило потока обращеній, даже среди образованныхъ людей. Наконецъ критика, съ какой Юліанъ отнесся къ христіанству, не обращалась противъ тѣхъ или иныхъ его оттѣнковъ: онъ вооружился противъ христіанства въ его цѣломъ и отступилъ отъ него, какъ отъ таковаго, а отступилъ потому, что въ немъ сложилось иное религіозное сознаніе.

Онъ зналъ латинскій языкъ и, по словамъ Амміана [1]), „удовлетворительно говорилъ по-латыни“. Но объ этомъ можно и не подозрѣвать, читая его книги и письма: онъ, столь свѣдующій въ литературѣ, никогда не цитируетъ ни одного латинскаго автора, даже Виргилія. Римъ едва существуетъ для него, центромъ же всего являются Аѳины. На небесахъ онъ видитъ лишь греческихъ боговъ, въ этомъ мірѣ—лишь воспоминанія и настоящіе интересы эллинизма и притомъ эллинизма религіознаго. Юліанъ былъ ревнителемъ древняго культа, страстнымъ приверженцемъ мистерій и языческой теологіи. Изъ древнихъ поэтовъ онъ знаетъ лишь священныхъ поэтовъ: Гомера и Гезіода. Болѣе эклектикъ въ области философіи, онъ прочелъ сперва Платона, Аристотеля и другихъ, но когда вышелъ немного изъ подъ опеки своихъ наставниковъ, онъ отъ разсудочныхъ людей склонился къ мистикамъ, къ неоплатоникамъ, и не къ тѣмъ изъ нихъ, которые подобно Эдесію пергамскому и Евсевію миндосскому придерживались философіи Плотина, но скорѣе къ ученикамъ Ямвлиха, практиковавшимъ теургію и оккультизмъ. Такимъ образомъ онъ попалъ въ руки Максима ефесскаго, который далъ ему проникнуть въ тайны своей философіи и ввелъ его въ общеніе съ богами. Юліану было двадцать лѣтъ; жизнь его, протекавшая подъ надзоромъ довѣренныхъ лицъ, продолжала носить степенный и даже суровый характеръ. Онъ имѣлъ страсть

---

[1]) XVI, 5, 7.

лишь къ таинственному и особенно изъ области міра невидимаго. Предаваясь этому, онъ утратилъ все, что̀ въ немъ было христіанскаго. Его обучали христіанской догмѣ, заставляли читать библію и слушать наставленія въ вѣрѣ. Теперь Моисей, Іеремія, Лука и Матѳей казались ему жалкими писателями по сравненію съ Гомеромъ, Платономъ и Ямвлихомъ. Такъ какъ его отношенія къ философамъ получили извѣстную огласку, то его братъ, Галлъ, не безъ основанія встревоженный за могущія произойти отъ этого послѣдствія, счелъ долгомъ отправить къ нему самаго виднаго изъ христіанскихъ философовъ, Аэтія, который удивлялъ въ то время Антіохію успѣхами своей аргументаціи. Но тутъ Аэтій напрасно терялъ время. Какую силу могла имѣть сухая и пустая схоластика учителей аріанства противъ мистическаго настроенія, овладѣвшаго душой Юліана?

Ученикъ Максима ефесскаго переносилъ аргументацію Аэтія, какъ переносилъ и многое другое: онъ зналъ, что Констанцій этимъ дѣломъ не станетъ шутить. Юліанъ ненавидѣлъ своего двоюроднаго брата, котораго не преминули представить ему, какъ убійцу его семьи. Это не помѣшало Юліану посвятить ему весьма хвалебный панегирикъ и сочинить другой въ честь императрицы Евсевіи. Въ такого рода произведеніяхъ было еще принято пользоваться чудесной стороной языческаго міра [1]). Это служило утѣшеніемъ для Юліана: онъ восхвалялъ своего двоюроднаго брата, что̀ автору было весьма непріятно, но онъ могъ зато прославлять своихъ боговъ, и это приводило его въ восторгъ.

Внѣ этихъ стилистическихъ упражненій ему приходилось, несмотря на свое рвеніе новообращеннаго, продолжать притворяться, что онъ—христіанинъ, галилеянинъ, какъ онъ начиналъ выражаться. Онъ долженъ былъ принимать участіе въ религіозныхъ собраніяхъ, руководимыхъ оффиціальнымъ клиромъ, затаивъ свое благоговѣніе къ отверженнымъ богамъ, подъ личиной мнимаго рвенія къ религіи, ихъ преслѣдовавшей: трудное и жестокое положеніе, ибо—въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія,—новыя убѣжденія Юліана были глубоко-искренними.

Богъ знаетъ, что сталось бы съ этой внутренней борьбой, если бы ей суждено было длиться столько времени, сколько можно было ожидать, принимая во вниманіе возрастъ Юліана и Констанція. Обсто-

---

1) Это долго еще продолжалось. Въ V вѣкѣ панегирики Сидонія Аполлинарія выводятъ еще весь персоналъ древняго Олимпа.

ятельства, которыя повели вскорѣ къ столкновенію между двоюродными братьями, позволили Юліану обнаружить себя. Онъ пересталъ маскироваться. 6 января 361 года его видѣли въ Вьеннѣ, гдѣ онъ проводилъ зиму, еще принимающимъ участіе въ христіанскихъ таинствахъ, но это было въ послѣдній разъ: лѣтомъ, слѣдующаго года во время своего похода черезъ Паннонію, онъ пересталъ таиться и совершилъ съ большой пышностью въ присутствіи всего войска жертвоприношенія, которыя до тѣхъ поръ отправлялъ тайно у себя дома. Въ его рѣчахъ и оффиціальной переепискѣ вскорѣ ярко обнаружились его энтузіазмъ въ отношеніи къ старымъ богамъ и ярость противъ Констанція [1]).

Оба двоюродные брата шли походомъ другъ противъ друга. Положеніе становилось трагическимъ. Шли какъ будто на вторую битву при Мильвійскомъ мостѣ: къ столкновенію между языческой и христіанской арміями. Однако дѣло приняло другой оборотъ. Смерть Констанція позволила Юліану мирнымъ путемъ вступить въ Константинополь (11 декабря 361 года). Вмѣсто того, чтобы дать сраженіе своему сопернику, ему пришлось руководить его похоронами.

Онъ излилъ свой гнѣвъ на сановникахъ. Былъ учрежденъ спеціальный судъ, который сурово свелъ счеты новаго августа. Между жертвами его находился префектъ Тавръ, бывшій на соборѣ въ Римини, и евнухъ Евсевій, темная личность, въ извѣстные моменты выступавшая на сцену въ судьбахъ Аѳанасія и папы Либерія. Евсевій былъ казненъ: онъ сыгралъ въ дѣлѣ Галла роль, которой Юліанъ не простилъ ему; Тавръ же былъ только отправленъ въ ссылку [2]).

Но главной заботой новаго императора, идеей открывавшагося царствованія, было торжество язычества. Юліанъ тотчасъ обрисовалъ свою позицію и явилъ себя Константиномъ древняго культа. Указомъ было повелѣно открыть храмы и всюду возобновить жертвоприношенія [3]). Это предписаніе не могло не вызвать различной оцѣнки. Были мѣста, гдѣ оно радостно было встрѣчено населеніемъ, оставшимся вѣрнымъ прежнимъ богамъ. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ большинство приняло христіанство, указъ показался несвоевременнымъ. Во многихъ городахъ уже начали разрушеніе храмовъ, а пожертвованныя имъ недвижимыя имущества и вся движимость

---

1) См. въ особенности его посланіе къ аѳинянамъ.
2) Ammian. XXII, 3.
3) Ammian. XXII, 5.

были или конфискованы государствомъ или отчуждены куріями. Юліанъ вскорѣ предписалъ вернуть отнятыя имущества. Подобное распоряженіе было сдѣлано Константиномъ и Ликиніемъ въ 312 г. въ пользу христіанскихъ церквей. Не слышно, чтобы оно вызвало тогда большія затрудненія; притомъ, если у частныхъ лицъ и отбирались имущества, то императоры 312 года возмѣщали имъ убытки. Юліанъ же считалъ себя въ правѣ этого не дѣлать. По его мнѣнію, фактъ участія въ разрушеніи и ограбленіи храмовъ былъ преступленіемъ, и возмездіе за него было вполнѣ естественнымъ. Конечно, онъ не дошелъ до того, чтобъ подвергать за то личнымъ взысканіямъ, но онъ проявилъ большую жестокость въ своихъ требованіяхъ, присуждая иногда епископовъ къ постройкѣ храмовъ, разрушенію которыхъ они болѣе или менѣе содѣйствовали, и въ особенности проявлялъ большое снисхожденіе къ народнымъ бунтамъ въ пользу своей языческой реакціи.

Первой жертвой палъ самозванный епископъ александрійскій, Георгій Каппадокіецъ. Эта мало симпатичная личность, изгнанная изъ Александріи въ 358 г., таскалась съ одного собора на другой, вмѣшиваясь во всѣ интриги противъ православія и его защитниковъ. Наконецъ въ то время, какъ Констанцій покидалъ Антіохію, чтобы идти походомъ противъ Юліана, Георгій послѣ трехлѣтняго отсутствія вернулся вновь въ египетскую митрополію, гдѣ полиція уже приготовила ему пути. Не говоря объ отвращеніи, какое Георгій внушалъ приверженцамъ Аѳанасія, онъ пользовался и всеобщей ненавистью. Многіе александрійцы могли пожаловаться на его доносы и грабежи. Уцѣлѣвшіе еще языческіе храмы приводили его въ изступленіе, онъ осыпалъ ихъ неистощимыми угрозами. 26 ноября 361 г. александрійцы вновь увидѣли ненавистнаго имъ епископа. Четыре дня спустя, префектъ обнародовалъ извѣстіе о смерти императора и о воцареніи Юліана. Въ одинъ мигъ весь народъ поднялся. Георгій не былъ убитъ въ этотъ день, но только заключенъ въ тюрьму. 25 декабря новый мятежъ вырвалъ его изъ тюрьмы. Его убили вмѣстѣ съ однимъ чиновникомъ, по имени Драконтіемъ, на котораго имѣли основаніе жаловаться язычники. Трупъ епископа бросили на верблюда; нѣсколько изувѣровъ подхватили трупъ Драконтія. Ихъ протащили такъ вокругъ города, затѣмъ сожгли и разсѣяли прахъ по вѣтру. Таковъ ужъ былъ обычай въ Александріи, когда казнь совершалась народнымъ самосудомъ.

Юліанъ, освѣдомленный объ этомъ дѣлѣ, ограничился тѣмъ, что

сдѣлалъ выговоръ александрійцамъ. Они должны были бы предоставить Георгія на усмотрѣніе правосудія. За исключеніемъ этого процессуальнаго вопроса онъ могъ ихъ только одобрить: Георгій былъ врагъ боговъ. Юліанъ вспомнилъ потомъ, что покойный имѣлъ весьма хорошую библіотеку, которою онъ самъ пользовался, чтобы развлечься отъ скуки въ Макеллѣ; чиновникамъ было приказано разыскать ее и отправить ко двору [1]).

Императоръ въ Юліанѣ не убилъ ученаго. Онъ продолжалъ любить книги и находилъ время не только читать ихъ, но и писать. Ночное время, которое онъ не расточалъ среди свѣтскихъ празднествъ, большею частью посвящалось имъ наукѣ. Почти всѣ его литературныя произведенія относятся къ тому времени, когда онъ уже принялъ управленіе имперіей:—его богословскія разсужденія, о Царѣ Солнцѣ, о Матери боговъ, его полемическіе трактаты противъ киниковъ и христіанъ, его сатиры, Цезари, Мисопогонъ, наконецъ значительныя посланія, какъ посланіе къ аѳинянамъ, къ Ѳемистію, и затѣмъ длиннѣйшій религіозный манифестъ, отъ котораго уцѣлѣли лишь отрывки. Съ перваго момента онъ приблизилъ къ себѣ риторовъ и философовъ: Ливанія, Ѳемистія, Максима ефесскаго, и почиталъ ихъ какъ полубоговъ. Бесѣда съ ними была для него высшимъ удовольствіемъ. Хотя ему было уже подъ тридцать лѣтъ, онъ все еще имѣлъ видъ ученика.

Онъ былъ также очень религіозенъ. Бывали императоры—приверженцы древняго національнаго культа; нѣкоторые изъ нихъ даже ревностно хлопотали, чтобы вернуть къ нему заблудшихъ христіанъ, но такого благочестія, такой жадности къ святынямъ, къ жертвоприношеніямъ, процессіямъ, храмамъ, никто никогда не проявлялъ. Единственный изъ его предшественниковъ, который можетъ быть уподобленъ ему въ этомъ отношеніи, это Максиминъ, тотъ Максиминъ, который, послѣ Галерія, будучи лишенъ возможности открыто воздвигать гоненіе на христіанъ, находилъ способъ дѣлать это косвенно, возбуждая религіозную ревность городскихъ управленій. Юліанъ далъ знать по всей имперіи, что благоволеніе его соразмѣряется съ усердіемъ, какое будетъ проявлено въ служеніи богамъ. Пусть возстановятъ храмы, пусть одарятъ ихъ и посѣщаютъ ихъ, и тогда получатъ, чего желаютъ; въ противномъ же случаѣ—имъ нечего ждать, даже гарнизона имъ не дадутъ при приближеніи непріятеля.

---

[1]) Julian *ep.* 9, 10, 36.

Подобно Максимину онъ тоже занялся организаціей жречества; сосредоточивъ вокругъ одного главы въ каждой мѣстности жрецовъ изъ разныхъ капищъ, онъ учредилъ надъ ними провинціальныхъ жрецовъ, другими словами, ввелъ языческихъ епископовъ и архіепископовъ. Но,—и здѣсь обнаруживается яркое различіе, которое слѣдуетъ отмѣтить—въ то время какъ Максиминъ выбиралъ въ эти должности богатыхъ и знатныхъ лицъ, Юліанъ желалъ имѣть добродѣтельный составъ служащихъ. Онъ требовалъ добрыхъ примѣровъ; верховные жрецы должны были наблюдать за поведеніемъ своихъ подчиненныхъ, дѣлать имъ внушенія, и въ случаѣ нужды прибѣгать къ исправительнымъ мѣрамъ. Его епископы должны были быть людьми набожными и хорошей нравственности, подобно христіанскимъ епископамъ. Онъ даже доходилъ до того, что поощрялъ ихъ устраивать благотворительныя учрежденія, помогать бѣднымъ, какъ то было заведено всюду въ христіанскихъ общинахъ.

Мечтанія школьника! Язычество, особенно на Востокѣ, не поддавалось такимъ реформамъ. Представленіе Юліана о жречествѣ и его обязанностяхъ было христіанскимъ. Никогда языческій жрецъ не воображалъ себѣ, что онъ обязанъ жить строже другихъ людей, и что попеченіе объ несчастныхъ имѣетъ особое отношеніе къ его обязанностямъ. Юліанъ вливалъ молодое вино въ ветхіе мѣхи и старался ввести христіанскій духъ въ отрытый имъ трупъ язычества. Успѣхъ былъ слабый. Его приближенные скоро стали изнемогать отъ его благочестія, религіозныхъ упражненій и непрестанныхъ жертвоприношеній. Его клиръ, въ который онъ ввелъ нѣсколько человѣкъ христіанъ—отступниковъ, далеко не удовлетворялъ его. Когда онъ водворился въ Антіохіи, онъ захотѣлъ сообразоваться съ обрядами этой страны. Но культъ сирійскихъ боговъ не былъ созданъ для людей строгихъ нравовъ. Юліанъ показывался на священныхъ торжествахъ, окруженный лицами, которыя весьма огорчили бы его древнихъ учителей. Онъ подавалъ неистощимые поводы къ насмѣшкамъ и компрометтировалъ одновременно и свою философію и свое императорское достоинство.

Эта языческая реставрація если не ставила еще христіанъ внѣ закона, то очевидно исключала ихъ изъ числа лицъ, пользовавшихся расположеніемъ императора. Но они были многочисленны на Востокѣ, и Юліану приходилось лишь постепенно обнаруживать свое недоброжелательство къ нимъ. Вскорѣ же послѣ его вступленія въ Константинополь представители различныхъ христіанскихъ исповѣданій—аріане, аномеи, македоніане, православные,

новаціане—были приглашены во дворецъ, чтобы выслушать заявленіе объ отмѣнѣ христіанства, какъ оффиціальной религіи, и о томъ, что никакой толкъ не возбраняется государствомъ. Нельзя было сказать ничего лучшаго, но намѣреніе, руководившее этой вѣротерпимостью, заключалось въ томъ, чтобы возбудить борьбу между различными сектами и ослабить такимъ образомъ сопротивленіе язычеству [1]). Съ той же цѣлью были отмѣнены всякаго рода ссылки, состоявшіяся на основаніи соборныхъ постановленій. Православные епископы, защитники никейскаго символа, воспользовались разрѣшеніемъ и вернулись въ свои епархіи. Такимъ же образомъ поступилъ и Василій анкирскій и его друзья, съ которыми такъ сурово расправился соборъ 360 года, а также нѣсколько человѣкъ упорныхъ аномеевъ. Легко себѣ представить, какія могли возникнуть смуты вслѣдствіе возвращенія этихъ епископовъ, которые нашли свои каѳедры замѣщенными ихъ преемниками. Въ Александріи, правда, дѣло обошлось иначе: Аѳанасій, вернувшійся 21 февраля, нашелъ свою каѳедру свободной. Но въ Африкѣ возвращеніе главарей донатистскаго раскола было настоящимъ бѣдствіемъ, такъ что истинно-государственный человѣкъ, достойный этого имени, никогда не допустилъ бы такой разнузданности.

Къ несчастію, государственный человѣкъ въ Юліанѣ былъ порабощенъ сектантомъ. Каково бы ни было тайное намѣреніе, обусловившее возвращеніе изгнанныхъ епископовъ, оно въ теоріи имѣло себѣ оправданіе, да и на практикѣ, если и сопровождалось печальными послѣдствіями, то принесло и хорошіе плоды. Но за этимъ возвращеніемъ послѣдовали другія мѣропріятія, которыя не оправдывались никакими соображеніями вѣротерпимости. Христіанскій клиръ, освобожденный Константиномъ отъ куріи, вновь былъ въ нее записанъ, и всѣ его привилегіи были уничтожены. У епископовъ была отнята гражданская юрисдикція [2]), дарованная имъ Константиномъ. Немного позднѣе христіане были отрѣшены отъ должностей, какія они занимали при императорскомъ дворѣ, въ высшей администраціи и въ самой арміи, насколько это только оказалось возможнымъ. Наконецъ христіанскимъ учителямъ запрещалось преподаваніе грамматики и риторики.

---

[1]) Намѣреніе это вскрываетъ передъ нами Амміанъ (XXII, 5). Юліанъ зналъ, говоритъ онъ, что не было звѣрей, болѣе страшныхъ, чѣмъ христіане по отношенію другъ къ другу. Таково впечатлѣніе, какое просвѣщенные язычники выносили изъ религіозныхъ распрей того времени.

[2]) Объ этомъ будетъ рѣчь впереди.

Всѣ эти мѣры, и въ особенности послѣдняя [1]), дали себя жестоко почувствовать. Запрещеніе христіанамъ преподавать литературу и философію [2]) задѣло знаменитыхъ учителей. Викторинъ въ Римѣ, Проэрезій въ Аѳинахъ покинули свои каѳедры; послѣдній—не взирая на настоянія Юліана, который сдѣлалъ бы исключеніе для него.

Всѣ образованные люди, какіе имѣлись среди христіанъ, почувствовали себя подвергнутыми остракизму. Властью императора они оказались отторгнутыми отъ эллинистическихъ преданій, отъ умственной культуры. Два христіанина изъ Лаодикіи Сирійской, оба Аполлинарія,—отецъ и сынъ,—сдѣлали попытку замѣнить авторовъ, которыхъ исторгли изъ ихъ рукъ, произведеніями въ стихахъ и прозѣ на сюжеты, заимствованные изъ библіи и евангелія. Ихъ рвеніе, которому способствовала необычайная легкость композиціи, по счастію оказалось ненужнымъ. Не успѣли они сдѣлать эпопею изъ книги Бытія и переложить евангеліе на сократическіе діалоги, какъ вѣтеръ измѣнился: можно было вновь вернуться къ Гомеру и Платону.

Однако все это нерасположеніе Юліана не переходило въ формальное гоненіе. Христіанину, закончившему свое образованіе, не находившемуся ни на гражданской, ни на военной службѣ, и не имѣвшему никакой непосредственной нужды въ правительствѣ, государственныя власти не грозили смертью за фактъ принадлежности къ христіанству. Церкви оставались открытыми, и служба въ нихъ шла по старому. Но попытка воскресить язычество въ странѣ, гдѣ почти всѣ уже были христіане, давала поводъ къ многочисленнымъ протестамъ, и за таковые строго взыскивалось. Въ этомъ порядкѣ было совершено нѣсколько смертныхъ казней, напр. надъ пресвитеромъ Василіемъ въ Анкирѣ [3]), надъ воиномъ Емиліаномъ, заживо

---

[1]) Амміанъ (XXII, 10) очень порицаетъ эту мѣру: Illud autem erat inclemens, obruendum perenni silentio, quod arcebat docere magistros rhetoricos et grammaticos ritus christiani cultores. (То, что [Юліанъ] отнялъ у христіанъ, учителей краснорѣчія и грамматики, право преподаванія, — было суровой мѣрой, равносильной обреченію на вѣчное безмолвіе).

[2]) Въ текстѣ Аммiана не упомянуто о философіи (см. выше, примѣч. 1), но Юліанъ рѣшительно подчеркиваетъ ее въ своемъ указѣ (*Ep*. 42): *εἴτε ῥήτορες εἴτε γραμματικοὶ καὶ ἔτι πλέον οἱ σοφισταί*. Въ этомъ указѣ еще предоставлялась возможность для христіанскихъ юношей получать образованіе въ оффиціальныхъ школахъ. Но по нѣкоторымъ признакамъ можно догадываться, что и это право со временемъ было бы отнято. Во всякомъ случаѣ, разъ эти школы, по мысли императора, должны имѣть религіозный характеръ, въ языческомъ смыслѣ,—то для христіанъ было бы уже весьма затруднительно посѣщать ихъ.

[3]) Sosom, V, 11.

сожженнымъ въ Доросторѣ, на нижнемъ Дунаѣ, за поруганіе языческаго культа [1]), и надъ тремя христіанами изъ Мира Фригійскаго: Македоніемъ, Өеодуломъ и Татіаномъ [2]), повинными въ разбитіи возстановленныхъ идоловъ.

Жители Кесаріи Каппадокійской во времена Констанція разрушили почти всѣ свои капища: оставался одинъ храмъ Фортуны; они рѣшились и разрушить его. Моментъ былъ выбранъ неудачно. Гнѣвъ Юліана обрушился и на дерзновенный городъ, который лишился своихъ муниципальныхъ правъ, и на кесарійскую церковь, на которую наложили громадный штрафъ, и на духовенство, которое записали въ отряды полиціи,—службу обременительную и унизительную. Нѣсколько человѣкъ гражданъ, особенно отвѣтственныхъ за разрушеніе храма, были изгнаны или казнены: въ числѣ послѣднихъ сохранились имена Евпсихія и Даманта [3]).

Впрочемъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ язычники составляли большинство и чувствовали себя теперь господами положенія, они не церемонились, чтобы отплатить христіанамъ за всѣ стѣсненія, какимъ подвергался ихъ культъ въ предшествовавшія царствованія. Въ Сиріи, гдѣ численное отношеніе христіанъ весьма разнообразилось, смотря по мѣстности, произошли прискорбныя сцены. Въ Емессѣ, въ праздникъ богоявленія, вакхическія процессіи проникли въ церковь со статуей Діониса, которую и водрузили на алтарѣ [4]). Христіанское кладбище въ Емессѣ было предано огню [5]). На престарѣлаго ареөузскаго епископа, Марка,—того самаго, который спасъ Юліана во время кровавыхъ событій 337 года,—былъ сдѣланъ доносъ императору, что онъ притѣснялъ язычниковъ и разрушилъ ихъ храмъ. Будучи приговоренъ къ его возстановленію, онъ отказалъ въ повиновеніи. Его отдали черни, которая волочила его по улицамъ, вырывая ему бороду и подвергая всяческимъ истязаніямъ; затѣмъ отдали его школьникамъ, которые забавлялись, подкидывая его кверху и подставляя свои стилеты, чтобы ловить его на нихъ; наконецъ его обмазали медомъ и напустили на него

---

1) Hieron. *Chron.* a Abr. 2379.

2) Сначала имъ были приписаны извѣстныя слова, вложенныя позднѣе въ уста римскаго діакона Лаврентія. Распростертые на раскаленной рѣшеткѣ они сказали судьѣ: „Мы достаточно поджарились съ этой стороны, прикажи насъ перевернуть, ты такъ съѣшь насъ лучше изжаренными“. (Socr. III, 15. Cp. Sosom., V, 11.).

3) Sosom. V, 4, 11 Объ нихъ нерѣдко упоминаетъ и св. Василій.

4) *Chron. Pasch.* p. 295, 296.

5) Julian. *Misopogon*, p. 461. Hertlein.

ось. Однако его не убили, и онъ пережилъ всѣ эти отвратительныя истязанія. Въ Александріи, въ Аскалонѣ, въ Газѣ, въ Иліополѣ языческая чернь то и дѣло учиняла погромы. Пресвитеровъ, дѣвственницъ убивали съ утонченной жестокостью; имъ вскрывали животы и на трепетавшія внутренности посыпали ячмень, чтобы свиньи ихъ ѣли. Юліанъ допускалъ все это; онъ даже льстилъ населенію, виновному въ этихъ ужасахъ. Константинъ выдѣлилъ Маюму, портъ г. Газы, въ особый городъ. Маюма была христіанскимъ городомъ: Юліанъ отнялъ у него автономію и подчинилъ его опять газскимъ язычникамъ. Правитель Палестины, сдѣлавшій попытку наказать зачинщиковъ бунта, въ которомъ погибло четверо христіанъ, жителей этой страны, былъ отрѣшенъ отъ должности императоромъ и удаленъ въ изгнаніе.

Все, что̀ могло досадить христіанамъ, было на руку Юліану. Прошло уже около трехъ столѣтій съ тѣхъ поръ, какъ іерусалимскій храмъ былъ разрушенъ, и евреи не имѣли болѣе доступа къ своему священному городу; новый городъ—Элія—былъ населенъ христіанами. Юліанъ задумалъ вновь отстроить храмъ и возстановить культъ, къ которому самъ лично питалъ лишь презрѣніе. Его намѣреніе было ясно: онъ хотѣлъ это сдѣлать на-зло великому христіанскому паломничеству и создать конкуренцію прекраснымъ церквамъ, которыя были построены Константиномъ. Это предпріятіе, порученное одному высокопоставленному чиновнику, хотя и поддерживалось широкими кредитами, однако осталось безъ результата. Когда стали копаться въ основаніяхъ древняго зданія, оттуда вырвалось пламя, опалившее нѣсколько рабочихъ и, главное, напугавшее слугъ Юліана, очевидно столь же суевѣрныхъ, какъ и ихъ повелитель [1]).

Въ Антіохіи почти все населеніе было христіанскимъ, и императоръ не находилъ здѣсь себѣ удовлетворенія. Онъ попытался возстановить исчезнувшіе культы, и главное культъ Дафны. Мученикъ Вавила, перенесенный въ священную рощу кесаремъ Галломъ, оказался для Аполлона непріятнымъ сосѣдомъ. Юліанъ приказалъ перенести его останки обратно на кладбище. Христіане покорились этому, но перенесеніе состоялось при громадномъ стеченіи вѣрующихъ и приняло характеръ протеста. Антіохія, какъ хвалились ея жители, пребывала въ вѣрности X. и K., т. е. Христу (Χριστός) и

[1]) Ammian. XXIII, 1.

Констанцію (Κωνστάντιος). Вскорѣ распространилась вѣсть, что въ святилищѣ Дафны произошелъ пожаръ и что идолъ сгорѣлъ. Разгнѣванный Юліанъ приказалъ закрыть большую церковь, построенную Константиномъ и освященную соборомъ 341 года. Священные предметы, находившіеся въ ней, подверглись расхищенію. Чиновники, которые по этому случаю вторглись въ священное зданіе, во главѣ съ Юліаномъ, комитомъ Востока, дядей императора и такимъ же какъ онъ отступникомъ, вели себя какъ мальчишки и не постыдились продѣлывать неописуемыя кощунства. Престарѣлый епископъ Евзоій пробовалъ протестовать, но подвергся заушенію.

Такія насилія лишь увеличивали непопулярность императора-отступника. Онъ сознавалъ это, но его упрямый нравъ противился всему, даже представленіямъ его близкихъ друзей, какими были префектъ Саллюстій и риторъ Ливаній. Его ненависть противъ галилеянъ проявлялась и въ его поступкахъ, и въ письмахъ, и разговорахъ. Въ концѣ-концовъ онъ написалъ противъ нихъ сочиненіе въ трехъ томахъ, опровергнутое впослѣдствіи Кирилломъ александрійскимъ, сохранившимъ намъ часть его. Онъ написалъ также противъ антіохійцевъ свой знаменитый Мисопогонъ, гдѣ отвѣчалъ на насмѣшки, предметомъ которыхъ постоянно являлась какъ его особа, такъ и въ особенности его длинная борода. Антіохійцы его не любили, и онъ отплачивалъ имъ тѣмъ же. Наконецъ онъ обѣщалъ имъ, что по возвращеніи съ персидской войны, къ которой онъ въ то время готовился, онъ покинетъ ихъ городъ и водворится въ Тарсѣ.

Въ дѣйствительности такъ и случилось, но инымъ образомъ, чѣмъ предполагалось. Вторгнувшись въ Персидскую имперію и доведя свою армію до Ктезифона, Юліанъ былъ вынужденъ отступить. Во время труднаго отступленія онъ былъ смертельно раненъ стрѣлою (26 іюня 363 года); тѣло его было перенесено въ Тарсъ. Военачальники тотчасъ избрали преемникомъ ему Іовіана, начальника гвардіи. Пресловутая экспедиція завершилась постыднымъ миромъ, гдѣ имперія потеряла вмѣстѣ съ частью за-тигрскихъ сатрапій, присоединенныхъ еще во времена Діоклетіана, крѣпость Низивію и смежную область, включенную съ давнихъ поръ въ Месопотамскую провинцію.

Новый императоръ былъ христіанинъ. Всѣ поняли, что языческій праздникъ конченъ. Споспѣшники эллинистической реставраціи пережили тревожный моментъ. Но они отдѣлались лишь страхомъ. Іові-

анъ никого не преслѣдовалъ; что же касается христіанъ, они не преминули увидѣть руку Провидѣнія въ смерти отступника и предали память его самымъ искреннимъ проклятіямъ. Тѣмъ они и ограничились, и епископы ихъ первые проповѣдывали имъ забвеніе обидъ.

ГЛАВА X.

Положеніе церкви послѣ Риминійскаго собора.

Парижскій и Александрійскій соборы. — Реабилитація падшихъ. — Люциферъ, Евсевій, Аполлинарій.—Антіохійскій расколъ: Мелетій и Павлинъ.—Аѳанасій, изгнанный при Юліанѣ.—Его отношенія къ Іовіану.—„Акакіане“ принимаютъ никейскій символъ.—Валентиніанъ и Валентъ.—Религіозная политика Валентиніана.—Оппозиція правыхъ: Люциферъ и его сторонники.—Оппозиція слѣва: Авксентій миланскій и дунайскіе епископы. — Валентъ и риминійская формула.—Переговоры между оміусіанами и папой Либеріемъ.—Вопросъ о Святомъ Духѣ: партія македоніанъ.—Аномеи: Аэтій и Евномій.—Столкновеніе между ними и оффиціальнымъ аріанствомъ.—Историкъ Филосторгій.

Для церкви лучше, когда правительство ее игнорируетъ или гонитъ, чѣмъ когда оно слишкомъ вмѣшивается въ ея дѣла. Во времена Констанція попеченіе о вѣрѣ болѣе, чѣмъ слѣдовало бы, вошло въ кругъ государственныхъ обязанностей. Когда полицейскія власти перестали охранять догматическія формулы и гнаться по пятамъ епископовъ, послѣдніе вздохнули свободнѣе. Поникшія головы воспрянули, и положеніе вновь стало нормальнѣе.

Первое проявленіе этого мы видимъ въ Парижѣ. Галльскіе епископы за послѣдніе годы пережили немало волненій. Императоръ Констанцій съ 353 года настаивалъ, чтобы они подписались подъ осужденіемъ Аѳанасія и приняли бы въ свое общеніе его придворныхъ епископовъ. Въ общемъ они покорились этому, но довольно неохотно. Если немногіе отказали въ своихъ подписяхъ и отправились въ ссылку, какъ епископы Трира, Пуатье и Тулузы, то большинство все-таки весьма неодобрительно отнеслось къ насиліямъ, учинявшимся надъ ихъ собратьями. Отъ епископа арльскаго Сатурнина сторонились, такъ какъ онъ являлся орудіемъ императорскаго гнета. Когда изъ Сирміи была получена формула, якобы исходившая отъ Осія (357 г.), они запротестовали. Епископъ агенскій Фебадій написалъ протестъ противъ нея; въ подписяхъ ей было отказано, и отлученіе Сатурнина было повторено. Увѣдомленный о положеніи здѣшнихъ дѣлъ Иларій, сосланный въ глубь Фригіи, горячо привѣтствовалъ своихъ собратій по поводу такого ихъ поведенія и старался устроить сближеніе между ними и полуортодоксальной партіей, которая въ это время подъ руководствомъ Василія анкирскаго шла по пути къ торжеству

на Востокѣ. Это сближеніе составляетъ задачу книги Иларія „О соборахъ“ [1]).

Въ это время состоялся Риминійскій соборъ, гдѣ благодаря давленію префекта Тавра и интригамъ придворныхъ епископовъ галльскіе епископы, какъ и прочіе, сдались на прискорбную капитуляцію. Наиболѣе рѣшительные изъ нихъ, Серватій тунгрскій и самъ Фебадій, скомпрометтировали себя и прямо или косвенно содѣйствовали той формулѣ, которая на долгое время стала формулой аріанскихъ раскольниковъ. Вернувшись во-свояси, весьма опечаленные,—чему можно повѣрить,—епископы вскорѣ услыхали, что Юліанъ провозглашенъ августомъ и что высокопоставленные чиновники имп. Констанція, а главное префектъ преторіи Флоренцій, съ которымъ они больше имѣли дѣло, нежели съ кесаремъ, выѣхали, чтобы перейти на сторону ихъ повелителя. Въ разгаръ всѣхъ этихъ событій прибылъ Иларій [2]) съ извѣстіями изъ Константинополя и письмами, адресованными къ западнымъ епископамъ отъ ихъ греческихъ собратій; въ этихъ письмахъ Евдоксій, Акакій и другіе временные побѣдители изливали потоки отлучительныхъ приговоровъ. Епископы собрались въ Парижѣ, вѣроятно, лѣтомъ 360 года и отсюда откликнулись восточнымъ епископамъ весьма сочувственнымъ посланіемъ [3]), гдѣ осуждали Авксентія, Урзакія, Валента и другихъ зачинщиковъ риминійской интриги, а также и преемниковъ смѣщенныхъ епископовъ и, наконецъ, Сатурнина, уже осужденнаго и все-же продолжавшаго подвизаться за неправое дѣло. На разъясненія Восточныхъ они сдѣлали признаніе, что напрасно поддались обману, согласившись на умолчаніе о терминѣ οὐσία (сущность) [4]); отнынѣ они обѣщали быть болѣе строгими.

Это посланіе, очевидно, заключаетъ въ себѣ все, что можно было сдѣлать въ то время, когда Констанцій былъ еще повелителемъ Востока и когда еще нельзя было поручиться, что онъ не станетъ таковымъ вновь и на Западѣ. Никейское православіе почти не

---

[1]) См. выше стр. 196.

[2]) Иларій не былъ помилованъ; это возвращеніе въ Галлію по мысли правительства было лишь перемѣной мѣста изгнанія. Думали, что онъ опасенъ на Востокѣ, а въ своей собственной странѣ онъ менѣе опасенъ. По крайней мѣрѣ такъ излагаетъ дѣло Сульпицій Северъ. *Chron.*. II, 45: postremo quasi discordiae seminarium et perturbator Orientis redire ad Gallias jubetur absque exilii indulgentia (Наконецъ, какъ сѣятель раздоровъ и возмутитель Востока, онъ,—Иларій,— получилъ повелѣніе вернуться въ Галлію, но безъ отмѣны приговора о ссылкѣ).

[3]) Hil. *Fragm.* XI.

[4]) Cum ex litteris vestris in usiae silentio fraudem se passam simplicitas nostra cognoscat. (Изъ вашего письма мы узнали, что мы по своей простотѣ поддались обману, допустивъ умолчаніе термина: сущность).

имѣло представителей. Павлинъ и Роданъ умерли въ изгнаніи; Аѳанасій исчезъ. Въ Римѣ кромѣ того, что политическое положеніе было болѣе зависимое, чѣмъ въ Галліи, папа Либерій, благодаря какимъ-то неяснымъ обстоятельствамъ [1]) оставшійся безучастнымъ къ дѣлу Риминійскаго собора, не обладалъ прежней полнотой силы. Иларій никакъ не могъ разсчитывать найти въ немъ опору. Единственное, что возможно здѣсь было сдѣлать, это вернуть галльскій епископатъ на истинный путь и пользоваться имъ для поддержанія всего благонамѣреннаго элемента на Востокѣ. Позиція, занятая Парижскимъ соборомъ, знаменовала отверженіе Риминійскаго собора и возвращеніе къ положенію, существовавшему до этого собранія: западные никейцы соединились съ якобы православными на Востокѣ, чтобы бороться противъ аріанства. Положеніе—довольно незавидное.

Но оно прояснилось въ 362 году, когда Юліанъ, сдѣлавшись единымъ императоромъ, покинулъ оффиціальный клиръ на произволъ судьбы и вернулъ изгнанниковъ. Аѳанасій возвратился въ Александрію, Мелетій—въ Антіохію. Послѣ шестилѣтняго отсутствія и изгнанія, 21 февраля 362 года, александрійцы вновь узрѣли своего непобѣдимаго епископа. Другіе изгнанники, возвращенные тѣми же указами, сразу же сгруппировались вокругъ него. Большинство изъ нихъ были египтяне, но между ними былъ также одинъ палестинскій епископъ, Астерій изъ Петры, несомнѣнно водворенный на жительство въ Египтѣ, подобно тому какъ Люциферъ кагліарійскій и Евсевій верчелльскій были водворены въ Ѳиваидѣ.

Люциферъ, человѣкъ пылкой души и непреклоннаго характера, провелъ время своего изгнанія въ писаніи крайне рѣзкихъ памфлетовъ. Всѣ они были направлены противъ Констанція, причемъ епископъ принималъ мѣры, чтобы они доходили до императора. Христіанскій Ахавъ не стѣснялъ обличеній новаго Иліи. Сначала онъ поручилъ его Евдоксію, епископу Германикіи; когда послѣдній переселился въ Антіохію, Люциферъ былъ отправленъ въ Палестину, въ Елевѳерополь, гдѣ епископъ Евтихій обходился съ нимъ сурово. Но затѣмъ, такъ какъ не удавалось заставить его молчать, онъ былъ въ концѣ-концовъ отправленъ въ глубь Ѳиваиды. По однимъ заголовкамъ его сочиненій можно составить себѣ понятіе объ его настроеніи: „Нѣтъ согласія съ еретиками", „Цари отступники", „Не нужно жалости къ врагамъ Божіимъ", „Умремъ за Сына Божія".

---

[1]) *Melanges* de l'Ecole de Rome. t. XXVIII (1908), p. 69.

Евсевій былъ не менѣе твердъ въ принципахъ, но онъ умѣлъ владѣть собой. Онъ также сначала былъ отданъ на попеченіе аріанскаго епископа, престарѣлаго Патрофила скиѳопольскаго, который сдѣлалъ все возможное, чтобы склонить его войти въ общеніе съ нимъ, но епископъ верчелльскій предпочиталъ идти навстрѣчу голодной смерти, чѣмъ терпѣть сношенія со своими гонителями [1]). И дѣйствительно одно время онъ былъ на краю смерти. Быть-можетъ, послѣ кончины Патрофила [2]) его извлекли изъ Скиѳополя, чтобы перевести сначала въ Каппадокію и, наконецъ, въ Ѳиваиду.

Оба латинскіе епископа были приглашены Аѳанасіемъ остановиться въ Александріи, чтобы рѣшить совмѣстно съ нимъ и его соборомъ нѣкоторые неотложные вопросы. Люциферъ отклонилъ предложеніе, но назначилъ своими представителями двухъ діаконовъ. Онъ спѣшилъ въ Антіохію, куда, по его словамъ, его требовали дѣла этой церкви. Его умоляли не обострять преждевременными мѣрами смуты, раздѣлявшей Антіохію. Онъ обѣщалъ, чего отъ него желали, но отъ такого человѣка и въ такомъ состояніи раздраженія можно было всего ожидать.

На соборѣ были представители еще двухъ, тоже отсутствовавшихъ лицъ: епископа Аполлинарія изъ Лаодикіи Сирійской и пресвитера Павлина, главы малой евстаѳіанской церкви въ Антіохіи. О послѣдней уже упоминалось выше; остается выяснить положеніе, какое занималъ въ церкви Аполлинарій.

Въ концѣ III вѣка Александрія поставила въ Лаодикію двухъ наиболѣе выдающихся епископовъ: Евсевія и Анатолія [3]). Вскорѣ послѣ Никейскаго собора другой александріецъ, грамматикъ Аполлинарій, пріѣхалъ сюда на жительство изъ Верита, гдѣ нѣкоторое время онъ занимался преподаваніемъ. Его хорошо приняли въ Лаодикіи, и даже посвятили въ пресвитеры; сынъ его, по имени также Аполлинарій, въ свою очередь вступилъ въ клиръ въ качествѣ чтеца. Но и вступивъ въ клиръ, они не отреклись отъ почитанія музъ и предавались занятіямъ свѣтской литературой даже не безъ нѣкотораго излишества. Ихъ всегда можно было видѣть въ аудиторіи нѣкоего

---

[1]) Его посланіе къ преданнымъ ему италійцамъ во время его пребыванія въ Скиѳополѣ (Migne, *P. L.*, t. XII, p. 947).

[2]) Хотя Патрофилъ умеръ ранѣе Констанція, однако и ему пришлось пострадать отъ языческой реакціи во времена Юліана. Скиѳопольскіе язычники вырыли его изъ земли, раскидали его кости и сдѣлали свѣтильникъ изъ его черепа (*Chron. Pasch.* a. 362).

[3]) Томъ I, стр. 328—329,

языческаго софиста Епифанія [1]), а ихъ примѣръ привлекалъ туда много вѣрующихъ. Епископъ Ѳеодотъ неодобрительно смотрѣлъ на это. Однажды Епифаній, начавъ произносить гимнъ въ честь Вакха, по обычаю, приказалъ, чтобы непосвященные удалились. Никто не двинулся, и христіане—не болѣе чѣмъ другіе. Увѣдомленный объ этомъ скандальномъ происшествіи, Ѳеодотъ не вмѣнилъ этого въ вину простымъ вѣрующимъ, но строго наказалъ обоихъ Аполлинаріевъ: онъ сдѣлалъ имъ публичный выговоръ и отлучилъ ихъ отъ церкви. Виновные проявили сокрушеніе, принесли покаяніе, и епископъ въ концѣ-концовъ простилъ ихъ. Вскорѣ преемникомъ Ѳеодота на лаодикійской каѳедрѣ сдѣлался пресвитеръ Георгій (около 335 г.), тоже александріецъ, нѣкогда низложенный епископомъ Александромъ; онъ явился въ Сирію, чтобы сдѣлать тамъ свою карьеру. Ѳеодотъ былъ однимъ изъ первыхъ защитниковъ Арія. Георгій же былъ или сталъ болѣе умѣреннымъ въ своихъ богословскихъ убѣжденіяхъ: въ 358 году мы встрѣчаемъ его между противниками Евдоксія и аномейской партіи. Но онъ былъ ярымъ врагомъ Аѳанасія. На Сардикскомъ соборѣ онъ значился въ спискѣ епископовъ, низложенныхъ Западными. Когда, три года спустя, Аѳанасій, вызванный вновь въ Александрію, вопреки приговорамъ Георгія и его друзей, остановился въ Лаодикіи, они не обмѣнялись никакими привѣтствіями [2]). Аполлинаріи же, наоборотъ, подчеркнули, что принимаютъ у себя осужденнаго Тирскимъ соборомъ, и съ тѣхъ поръ выставляли себя сторонниками Аѳанасія и никейскаго символа. Когда Аѳанасій уѣхалъ, имъ пришлось имѣть дѣло съ Георгіемъ, который вновь отлучилъ ихъ. На этотъ разъ разрывъ былъ окончательный, но нравственная поддержка Аѳанасія помогла имъ перенести этотъ ударъ. Вокругъ нихъ образовалась партія никейцевъ, и молодой Аполлинарій сдѣлался ея епископомъ, но въ точности неизвѣстно—когда; вѣроятно, послѣ смерти Георгія и Констанція, ибо нельзя себѣ представить, чтобы при жизни послѣдняго можно было рискнуть на такой поступокъ [3]).

Такимъ образомъ личный составъ собравшихся, или лицъ, при-

---

1) Часто упоминаемый Евнапіемъ въ его сочиненіи „Жизнеописанія философовъ“.

2) Аѳанасій въ особенности питалъ къ нему отвращеніе. Впрочемъ даже среди собственной партіи онъ не пользовался хорошей репутаціей: *Ζῶν ἀσώτως οὐκ ἔλαθεν, ἀλλὰ καὶ παρὰ τῶν οἰκείων καταγινώσκεται, τὸ τέλος τοῦ ζῆν καὶ τὴν εὐθυμίαν ἐν τοῖς αἰσχίστοις μετρῶν* (Георгій живетъ распутно и не скрываетъ этого, почему осуждается даже своими, и цѣль и радость жизни измѣряетъ дѣлами срамными). Athan. *De fuga*, 26.

3) Послѣ собора въ Селевкіи болѣе не упоминается о Георгіи (359). Кон-

славшихъ своихъ представителей къ Аѳанасію на соборъ 362 года, состоялъ исключительно изъ чистыхъ никейцевъ, которые всегда пребывали твердыми въ вѣрѣ и вслѣдствіе этого болѣе или менѣе пострадали при императорѣ Констанціи. Они отлично сознавали, что хотя они, и имъ подобные, и составляли въ имперіи лишь слабое меньшинство, но,—разъ религіозная свобода будетъ возвращена,—къ нимъ захотятъ присоединиться и примкнуть къ древнему преданію и многіе изъ тѣхъ, кто не обнаружилъ постоянной твердости въ вѣрѣ. На какихъ условіяхъ слѣдовало ихъ принимать? Здѣсь возникалъ вопросъ практики и пастырскаго усмотрѣнія, совершенно аналогичный тому, какой поднимался по окончаніи гоненій по поводу покаянія отступниковъ. Уже Иларій на Западѣ не находилъ ничего предосудительнаго принимать въ общеніе павшихъ на Риминійскомъ соборѣ, когда они сами осуждали свою слабость. Такое же рѣшеніе было принято и Аѳанасіемъ, Евсевіемъ и другими. Они постановили, что всѣ правовѣрные епископы, у которыхъ были вынуждены подписи, могли, отказавшись отъ нихъ, быть оставлены при исполненіи своихъ обязанностей. Что же касается зачинщиковъ, то рѣшили и имъ простить, если они раскаются, но ихъ должно было исключить изъ клира [1]).

Эта мѣра не могла имѣть никакихъ послѣдствій за предѣлами Запада и Египта [2]). На Западѣ и въ Египтѣ всѣ или почти всѣ были въ сущности никейцами и сторонниками Аѳанасія. Они поддались лишь насилію; какъ скоро оно прекратилось, возвращеніе къ старому положенію для нихъ было такъ же вполнѣ естественно, какъ и для христіанъ, которыхъ гоненіе заставляло приносить жертвы, но которые въ душѣ нисколько не отпадали отъ церкви и возвращались къ ней при первомъ же моментѣ успокоенія. Въ Сиріи, Малой Азіи, во Ѳракіи дѣло обстояло иначе. Почти всѣ епископы тамъ боролись противъ Аѳанасія и поддерживали болѣе

стантинопольскій соборъ (360), очевидно, низложилъ бы его, если бы онъ былъ въ живыхъ. Такъ какъ не видно, чтобы онъ это сдѣлалъ, то можно думать, что Георгій къ этому времени уже умеръ. Георгій, о которомъ говоритъ св. Василій (*ep.* 251, 2) по поводу Константинопольскаго собора, былъ, очевидно, Георгій александрійскій. Филосторгій (V, 1) говоритъ, что Акакій кесарійскій, возвращаясь съ собора, рукоположилъ епископовъ на вакантныя церковныя каѳедры; между ними онъ упоминаетъ о Пелагіи для Лаодикіи. Пелагій былъ епископомъ лаодикійскимъ въ 363 году, во времена Іовіана. Такимъ образомъ отъ него-то какъ-будто и откололся Аполлинарій.

[1]) Athan. *Ep. ad Rufinianum.*

[2]) Впрочемъ извѣстное число сторонниковъ Аѳанасія имѣлось въ Палестинѣ, на остр. Кипрѣ, въ Ликіи, въ Памфиліи и въ Исавріи.

или менѣе еретическія формулы, расходившіяся одна съ другой, но по крайней мѣрѣ являвшіяся согласными въ одномъ—въ умолчаніи существенныхъ никейскихъ терминовъ. Тотъ фактъ, что Констанція не было въ живыхъ, чтобы навязывать риминійско-константинопольскій символъ, не повлекъ за собой въ этихъ странахъ возврата къ чистому православію. Возвращались къ положенію 359, а не 325 года.

Въ этомъ восточномъ мірѣ самое интересное положеніе занимала антіохійская церковь какъ по значительности самаго города, такъ и по сложности положенія.

Въ Антіохіи была группа аномеевъ, противниковъ какъ Риминійскаго, такъ и Никейскаго соборовъ, упорныхъ приверженцевъ Аэтія. Главные изъ нихъ были изгнаны, другіе при Констанціи не имѣли права собраній. За ними по доктринальной лѣстницѣ слѣдовала оффиціальная церковь, преданная риминійско-константинопольскому символу и руководимая престарѣлымъ Евзоіемъ; онъ на первыхъ порахъ былъ аріаниномъ, но отрекся отъ аріанства при Константинѣ и съ тѣхъ поръ постоянно пребывалъ въ рядахъ оппортунистовъ. Послѣдніе, при воцареніи Юліана, имѣли въ своихъ рукахъ большую церковь, антіохійскій каѳедральный соборъ. Затѣмъ слѣдовали православные, давно покорившіеся своей судьбѣ и, до Леонтія включительно, терпѣвшіе всѣхъ угодныхъ двору и аріанской партіи епископовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ничѣмъ не поступавшіеся въ правовѣрности своего ученія. Объединенные сначала Флавіаномъ и Діодоромъ, они съ энтузіазмомъ приняли избраніе Мелетія и остались вѣрными ему, хотя изгнаніе удалило его отъ нихъ. Они болѣе не принимали участія, какъ прежде, въ собраніяхъ оффиціальной церкви, но держались особнякомъ и собирались въ самой старинной въ Антіохіи, древней, апостольской церкви, въ такъ-называемой Палеѣ, у которой прекрасная Константиновская базилика отняла ея достоинство, какъ каѳедральнаго собора. Наконецъ, существовалъ кружокъ Павлина, отколовшійся отъ оффиціальной церкви много раньше предыдущаго кружка, а именно со времени низложенія Евстаѳія (около 330 г.). Эти двѣ разновидности православныхъ раздѣлялись нѣкоторыми оттѣнками въ догматической терминологіи: одни придерживались термина: три ипостаси, а другіе не принимали этого выраженія. Въ сущности они были согласны между собой. Они были раздѣлены только потому, что, вслѣдствіе неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ, около тридцати лѣтъ не находились въ общеніи другъ съ другомъ. Съ помощью извѣст-

наго такта и снисходительности навѣрное можно было бы достигнуть полнаго примиренія ихъ. Это тѣмъ болѣе было легко, что только одинъ изъ двухъ кружковъ имѣлъ своего епископа.

Соборъ Аѳанасія былъ очень озабоченъ этимъ положеніемъ. Единственный изъ его документовъ, который дошелъ до насъ, — это письмо, касающееся антіохійскихъ разногласій.

Формально оно было адресовано къ никейскимъ епископамъ, находившимся въ Антіохіи или отправлявшимся туда: Евсевію, Люциферу, Астерію, Киматію и Анатолію [1]), въ сущности же оно относилось къ Павлину и его общинѣ. Соборъ указывалъ, на какихъ условіяхъ палейскіе диссиденты (мелетіане) и даже сами аріане могли быть приняты. Они должны были принять никейскій символъ и осудить тѣхъ, кто утверждалъ, что Св. Духъ есть тварь и существо, отдѣленное отъ сущности Христа [2]). Вотъ и все, что́ требовалось. Представители собора должны были допускать всякаго, кто приметъ эту программу, и присоединять его къ кружку Павлина. Послѣдній обязывался ничего сверхъ этого не требовать; особенно возбранялось упоминать о какомъ-то якобы сардикскомъ символѣ, гдѣ подтверждалось единство ипостаси. Этотъ символъ былъ дѣйствительно представленъ собору, но былъ имъ отвергнутъ, дабы онъ не могъ соперничать съ никейскимъ символомъ, единственнымъ, котораго слѣдуетъ держаться. Впрочемъ Аѳанасій и его сторонники убѣдились въ томъ, что упоминавшіе о трехъ ипостасяхъ въ сущности согласны съ тѣми, которые признаютъ лишь одну ипостась: одни примѣняютъ этотъ терминъ къ Лицамъ, другіе же — къ божественной сущности.

Другая распря начинала вносить раздѣленіе въ умы какъ въ Антіохіи, такъ и другихъ мѣстностяхъ. То была прелюдія къ знаменитымъ спорамъ V вѣка о воплощеніи Сына Божія. Одни, казалось, допускали лишь нравственное единеніе между исторической личностью Христа и Божественнымъ Словомъ, другіе утверждали, что Слово во Христѣ приняло на себя функціи мыслящей души (νοῦς).

---

[1]) Киматій былъ епископомъ въ Палтѣ, небольшомъ портѣ на Сирійскомъ побережьѣ; прошло болѣе двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ аріане лишили его каѳедры (Athan., *De fuga*, 3; *Hist. ar.*, 5). Что же касается Анатолія, — въ концѣ письма его называютъ епископомъ Εὐβοίας. Въ Сиріи, въ Веріи былъ епископъ по имени Анатолій, который въ 363 году подписалъ письмо къ Іовіану, но онъ не принадлежалъ къ той же партіи, что Киматій и остальные.

[2]) *Κτίσμα εἶναι καὶ διῃρημένον ἐκ τῆς οὐσίας τοῦ Χριστοῦ.*

Соборъ выслушалъ представителей и того, и другого мнѣнія [1]) и убѣдился, что въ двухъ пунктахъ всѣ были между собой согласны: во-первыхъ, что воплощеніе есть нѣчто совершенно отличное отъ обитанія Слова въ душѣ пророковъ; во-вторыхъ, что Спаситель имѣлъ одушевленное тѣло, одаренное чувствами и разумѣніемъ. При данныхъ условіяхъ не было повода къ раздѣленію. Всѣ эти вопросы впрочемъ должно было оставить въ сторонѣ, чтобы придерживаться лишь никейской вѣры и такимъ образомъ возстановить церковное единство.

Догматическая программа оказывалась несложной, и планъ возсоединенія представлялся довольно естественнымъ. Въ Сиріи были ревнители никейской вѣры: они-то и должны были явиться центромъ соединенія. Бѣда была въ томъ, что этихъ никейцевъ было немного и, главное, они были представлены двумя небольшими церквами, въ Антіохіи и Лаодикіи, которыя до сихъ поръ почитались схизматическими какъ у епископовъ этой области, такъ и у всѣхъ вѣрующихъ. Вмѣсто того, чтобы обратиться прямо къ Мелетію и Пелагію и съ ними переговорить объ общемъ соединеніи, стали стараться отвращать отъ нихъ ихъ сторонниковъ, чтобы собрать ихъ вокругъ Павлина и Аполлинарія. То было фатальной ошибкой, послѣдствія которой давали себя знать въ продолженіе болѣе чѣмъ полвѣка въ Антіохіи и еще дольше во всей церкви.

Если бы Евсевій и Астерій были лично здѣсь на мѣстѣ, — весьма вѣроятно, что они отдали бы себѣ въ концѣ-концовъ отчетъ въ этомъ положеніи и нашли бы изъ него выходъ. Но когда они прибыли въ Антіохію, они нашли, что положеніе удивительно обострилось. Не дожидаясь рѣшеній изъ Александріи, Люциферъ вошелъ въ соглашеніе съ Павлиномъ и рукоположилъ его въ антіохійскаго епископа. Теперь уже не было возможности сговориться съ Мелетіемъ: надо было или признать его единственнымъ епископомъ, или склонить его отказаться отъ антіохійской каѳедры и приступить сообща къ новымъ выборамъ. Весьма опечаленный этимъ, Евсевій не счелъ однако должнымъ осудить поступокъ Люцифера. Онъ не призналъ ни Павлина [2]), ни Мелетія и вернулся въ Ита-

---

[1]) Соборъ не упоминаетъ ни одного имени, но первое воззрѣніе, какъ полагаютъ, раскрывалось въ Антіохіи мелетіанскимъ пресвитеромъ Діодоромъ, второе—однимъ изъ его сослуживцевъ, Виталіемъ, а преимущественно Аполлинаріемъ лаодикійскимъ.

[2]) Павлинъ расписался подъ свиткомъ изъ Александріи, съ довольно пространными объясненіями. Очевидно, тамъ имѣлись и другія подписи. Но уцѣлѣла лишь подпись Картерія, епископа антарадскаго, уже давно низложеннаго аріанами (Athan. *De fuga*, 3; *Hist. ar.*, 5).

лію, распространяя по пути милостивыя постановленія Александрійскаго собора относительно павшихъ на Риминійскомъ соборѣ. Что же касается Люцифера, то онъ, взбѣшенный косвеннымъ порицаніемъ, вытекавшимъ для него изъ поведенія Евсевія, и поставленный въ затруднительное положеніе въ виду согласія, изъявленнаго его діаконами по отношенію къ собору Аѳанасія, тоже уѣхалъ обратно, замкнувшись въ своей непримиримости и не желая ни съ кѣмъ вступать въ общеніе. По его мнѣнію, принимая раскаяніе падшихъ, сами исповѣдники приняли участіе въ ихъ паденіи. Нѣсколько фанатиковъ, но въ небольшомъ числѣ, примкнули къ занятой имъ позиціи.

Суровость Юліана однако сдерживала эти возбужденія. Мы видѣли, какъ обошлись съ Евзоіемъ въ Антіохіи. Едва Аѳанасій успѣлъ водвориться въ Александріи, какъ послѣдовалъ приказъ императора изгнать его подъ тѣмъ предлогомъ, что человѣкъ, навлекшій на себя осужденіе, не могъ вернуться къ должности безъ спеціальнаго на то приказанія, и что изгнанные епископы хотя и были возвращены изъ изгнанія, но не имѣли права приступать къ отправленію своихъ обязанностей [1]). Администрація однако туго повиновалась этому предписанію: мѣра была ужъ черезчуръ непопулярна. Юліанъ разгнѣвался; онъ былъ очень возбужденъ противъ Аѳанасія, который осмѣлился „въ его царствованіе окрестить знатныхъ дамъ“ [2]).

Испуганный префектъ повиновался и приказалъ объявить указъ объ изгнаніи, которому Аѳанасій немедленно покорился (21 октября 362 года). Спустя нѣкоторое время, по настоянію вліятельныхъ язычниковъ, были отправлены въ изгнаніе два пресвитера: Павелъ и Астерикій. Прошеніе, поданное императору въ защиту епископа, навлекло въ результатѣ весьма рѣзкую острастку на подписавшихъ его, а по отношенію къ Аѳанасію послѣдовалъ приказъ объ изгнаніи его не только изъ Александріи, но изъ предѣловъ Египта [3]). Аѳанасій скрылся. Всюду на Востокѣ пришлось пережить нѣсколько тяжелыхъ мѣсяцевъ. 18 августа 363 года въ Александріи было объявлено извѣстіе о смерти Юліана и вмѣстѣ съ тѣмъ о воцареніи его преемника. Аѳанасій находился въ Антинои. Онъ тотчасъ же вернулся въ Александрію и, не останавливаясь, сѣлъ на корабль, чтобы отправиться въ Антіохію.

---

[1]) Julian. *Ep.* 26.
[2]) *Ep.* 6,—къ префекту Екдикію.
[3]) *Ep.* 51.

Іовіанъ поспѣшилъ вызвать его изъ изгнанія, издавъ весьма лестный указъ, текстъ котораго дошелъ до насъ [1]); императоръ встрѣтилъ Аѳанасія съ большимъ почетомъ. Около того же времени нѣсколько сирійскихъ и малоазійскихъ епископовъ, съ Мелетіемъ и Акакіемъ кесарійскимъ во главѣ, собрались въ Антіохіи, чтобы обсудить создавшееся положеніе. Напослѣдокъ Василій анкирскій и его сторонники [2]) доставили туда же свое прошеніе. Новый императоръ съ первыхъ шаговъ царствованія, столь печально начинавшагося, къ вящшей докукѣ, былъ осажденъ богословскими спорами. Онъ не имѣлъ въ виду созывать на соборъ весь этотъ епископскій міръ. Аѳанасій передалъ ему докладную записку, гдѣ рекомендовалъ придерживаться лишь никейскаго символа, исключивъ всѣ прочія вѣроопредѣленія, а никейскій символъ — нѣсколько дополнить ученіемъ о Святомъ Духѣ. Акакій, Мелетій и ихъ кружокъ тоже заявили, что всего лучше держаться никейской вѣры. Однако они сдѣлали оговорку, что если терминъ единосущный возбудилъ сомнѣнія, то это потому только, что на первыхъ порахъ плохо понимали его значеніе, а именно, что Слово происходитъ изъ сущности Отца и подобно Ему по существу [3]). Оміусіане, не явившись лично, ходатайствовали или о возвращеніи къ первымъ постановленіямъ Риминійскаго и Селевкійскаго соборовъ, т. е. предшествовавшимъ отказу отъ терминовъ единосущный, и подобосущный, или о дарованіи всѣмъ свободы религіозныхъ собраній.

Эти выступленія двухъ послѣднихъ кружковъ въ общемъ доказываютъ, что между двумя теченіями богословской мысли произошло сліяніе. Сочувствіе Иларія и Аѳанасія къ образу мыслей Василія, Евстаѳія, Елевсія и прочихъ съ точностью опредѣлилось сперва на Парижскомъ, а затѣмъ на Александрійскомъ соборахъ. Нельзя сказать, чтобы терминъ подобосущный взялъ верхъ надъ терминомъ единосущный. Никейскій терминъ ничуть не былъ вытѣсненъ; наоборотъ, скорѣе онъ получилъ преобладаніе, а тотъ

---

[1]) Migne, *P. G.* t. XXVI, p. 813.

[2]) Сократъ (III, 25) называетъ Василія анкирскаго, Сильвана тарсскаго, Софронія помпейпольскаго (Пафлагонія), Пасиника изъ Зелъ, Леонтія команскаго, Калликрата клавдіопольскаго, Ѳеофила каставалскаго. Здѣсь въ послѣдній разъ идетъ рѣчь о Василіи анкирскомъ. Содержаніе письма плохо передано Сократомъ. Созоменъ (VI, 4) подробно разбираетъ его.

[3]) Это объясненіе показалось сомнительнымъ Павлину и его сторонникамъ. Вѣроятно, изъ этой среды появился протестъ, озаглавленный: „Опроверженіе лицемѣрія Мелетія и Евсевія самосатскаго“, сохранившійся въ приложеніяхъ къ твореніямъ Аѳанасія (*P. G*, t. XXVIII, p. 85).

былъ исключенъ. Но мысль, которая подчеркивалась терминомъ подобосущный, была допущена, лишь въ другой формулировкѣ, а именно въ признаніи трехъ ипостасей,—какъ полезное и даже необходимое поясненіе къ термину единосущный. Православіе, опредѣлившись такимъ образомъ, вскорѣ нашло себѣ представителей въ лицѣ Василія кесарійскаго и его друзей: Григорія Назіанзина, Григорія нисскаго и Амфилохія иконійскаго.

Но если на догматической почвѣ замѣчалась наклонность къ сближенію, то въ личныхъ отношеніяхъ дѣло обстояло иначе. Былъ прекрасный случай къ примиренію, когда въ октябрѣ 363 года Аѳанасій встрѣтился въ Антіохіи съ Мелетіемъ, Акакіемъ и другими. Епископъ александрійскій сдѣлалъ шагъ къ миру: онъ протянулъ руку къ представителямъ того восточнаго епископата, который преслѣдовалъ его въ продолженіе 30 лѣтъ. Акакій и его сторонники выказали себя съ весьма невыгодной стороны, высокомѣрно отклонивъ столь желательное примиреніе. Весьма опечаленный этимъ, Аѳанасій отплылъ обратно, не добившись общенія съ ними [1]).

Іовіанъ былъ, видимо, очень расположенъ ко всѣмъ этимъ православнымъ какъ стараго, такъ и новаго типа. Совершенно исключительное благоволеніе онъ проявлялъ къ Аѳанасію. Однако онъ воздержался отъ вступленія въ какую-либо партію и требовалъ лишь одного: мира. Не видно, чтобы онъ предпринялъ что-либо съ цѣлью притѣснять Евдоксія, Евзоія и другихъ представителей риминійско-константинопольской уніи. Число ихъ убавилось вслѣдствіе измѣны имъ Акакія и его кружка, внезапно перешедшихъ на сторону Никейскаго собора. Однако они сохранили захваченныя ими позиціи: главное—они удержали двѣ крупныя епископскія каѳедры,—антіохійскую и константинопольскую,—которыя еще долгое время должны были оставаться въ ихъ рукахъ. Не преслѣдовали и аномеевъ. Александрійскіе аріане, имѣя во главѣ нѣкоего Лукія, добились аудіенціи у императора съ намѣреніемъ возстановить его противъ Аѳанасія, но они только потеряли время и были отстранены съ замѣтнымъ неудовольствіемъ [2]).

Во время краткаго пребыванія въ Антіохіи [3]) императору рѣ-

---

1) Basil. M., *Ep.* 89, 258.

2) Весьма любопытный протоколъ ихъ свиданія съ императоромъ приложенъ къ письму св. Аѳанасія, адресованному Іовіану (Migne. *P. G.*, t. XXVI, p. 820).

3) Онъ пробылъ тамъ неполный мѣсяцъ; 27 сентября онъ былъ ужъ въ Едессѣ.

шительно некогда было углубляться въ эти вопросы. Онъ отбылъ въ Константинополь и по дорогѣ туда умеръ (17 февраля 364 года) и тотчасъ (26 февраля) былъ замѣщенъ Валентиніаномъ, офицеромъ его охраны, который, подобно Іовіану, при Юліанѣ подвергался гоненіямъ за свои религіозныя убѣжденія. Прибывъ въ Константинополь, Валентиніанъ взялъ себѣ въ соправители брата своего Валента и поручилъ ему управленіе восточной имперіей въ томъ видѣ, какъ завѣдовалъ ею раньше Ликиній (314—323) и Констанцій (337 — 350). Опять появились восточный и западный императоры. Если оба они въ общемъ занимали одинаковое положеніе относительно язычества, то по отношенію къ партіямъ, раздѣлявшимъ христіанскую церковь, они не сходились въ своемъ образѣ дѣйствій. Валентиніанъ, такъ же какъ и Іовіанъ, былъ лично привязанъ къ никейской вѣрѣ, насколько только солдатъ, занятый своимъ ремесломъ и карьерой, могъ имѣть вкусъ въ области такихъ вопросовъ. Онъ также прежде всего дорожилъ миромъ. Онъ отнюдь не хотѣлъ допускать, чтобы этотъ миръ нарушался конфессіональными раздорами, ни тѣмъ болѣе, чтобы въ эти вопросы вмѣшивали государственную силу. Поведеніе его во многомъ сходно съ поведеніемъ Константа. Если въ послѣдніе мѣсяцы 363 года поведеніе Іовіана зародило нѣкоторыя надежды на оффиціальное возстановленіе авторитета Никейскаго собора, то Валентиніанъ съ своей стороны открывалъ по этому вопросу лишь скромныя перспективы. Многозначительныя слова, которыя вскорѣ нашли себѣ мѣсто въ ясныхъ указахъ, возвѣстили вѣрующимъ, что они должны разсчитывать не на императора, но только на самихъ себя, и что прежде всего они должны устроиться такъ, чтобы не нарушать общественнаго порядка.

Положеніе дѣлъ на Западѣ въ общемъ было несложно. Галльскій епископатъ, собравшись въ Парижѣ, по почину Иларія, уже въ 360 году устроилъ дѣла такъ, какъ два года спустя они были улажены въ Александріи Аѳанасіемъ и Евсевіемъ верчелльскимъ. Папа Либерій, который, какъ мы видѣли, не принималъ никакого участія въ Риминійскомъ соборѣ, поспѣшилъ въ свою очередь воспользоваться новой свободой, чтобы отмѣнить постановленія этого собора. Подобно Иларію, онъ допускалъ, чтобы сохранялись мѣста за епископами, которые реабилитировали себя черезъ присоединеніе

Съ 12 ноября онъ находился въ Мопсуестѣ на пути въ Константинополь. (*Cod. Theod.*, VII, 4, 9; XI, 20, 1).

къ никейскому символу [1]). Получивъ увѣдомленіе о томъ, что совершилось въ Александріи, епископы въ Греціи и Македоніи [2]) высказались въ томъ же смыслѣ; папа Либерій написалъ къ италійскимъ епископамъ [3]), а италійскіе епископы—къ иллирійскимъ [4]). Въ Галліи, въ Испаніи и всюду понемногу стали созываться соборы. Галльскій епископатъ приходилъ въ себя и возвращался къ своему нормальному положенію, нарушенному вмѣшательствомъ императора Констанція и его придворныхъ епископовъ.

Оппозиціонныя партіи были немногочисленны. Ихъ было двѣ: одна правая, какъ бы мы теперь выразились, другая лѣвая. Оппозиція справа была представлена Люциферомъ, который вернулся съ Востока въ самомъ непримиримомъ настроеніи и безусловно отказывался отъ всякаго общенія съ падшими на Риминійскомъ соборѣ и съ тѣми, кто принималъ ихъ покаяніе. Онъ замкнулся въ своей кагліарійской епархіи, „довольствуясь общеніемъ съ самимъ собою". Его поведенію подражалъ въ Испаніи епископъ иллиберійскій (Гренада), нѣкій Григорій, который еще до Риминійскаго собора имѣлъ столкновеніе съ Осіемъ [5]). Такого же образа мыслей держались нѣсколько человѣкъ въ Римѣ; они собирались вокругъ діакона Иларія,—того самаго, котораго папа Либерій послалъ съ Люциферомъ на Миланскій соборъ. Подобно Люциферу, онъ возвратился изъ изгнанія. Онъ оказался самымъ непримиримымъ, ибо дошелъ до требованія, чтобы падшихъ на Риминійскомъ соборѣ и ихъ сторонниковъ подвергать перекрещиванію.

Оппозицію слѣва составляли нѣкоторые упорные аріане. Въ Галліи къ нимъ принадлежали Сатурнинъ арльскій и Патернъ перигевскій. Иларію удалось ихъ низложить, и, повидимому, эти приговоры были приведены въ исполненіе. Авксентій продолжалъ твердо держаться въ Миланѣ. Евсевій и Иларій взялись удалить

---

[1]) Iaffe, 220; письмо утеряно, но его можно предположить по письму, находящемуся въ фр. XII св. Иларія (J., 223); ср. J., 255, декреталію папы Сириція, гл. 1.

[2]) Basil. *Ep.*, 204, 5; ср. Athan., *ad Ruf.* и J., 223.

[3]) J., 223.

[4]) Hil. *Fr.*, XII.

[5]) Объ этомъ дѣлѣ см. страстный и уже легендарный разсказъ въ *Libellus precum Marcellini et Faustini* (Coll. Avellana, no 2, p. 14 Günther; ср. Migne, *P. L.*, t. XIII, ср. 89). Посланіе Евсевія верчелльскаго къ Григорію (около 360 г.) у Иларія (*Fragm.*, XI). Отъ Григорія до насъ дошло нѣсколько произведеній: трактатъ О вѣрѣ (т. е. о Троицѣ) и различныя гомиліи. Объ этой литературѣ см. P. Lejay, *Revue benédictine*, t. XXV (1908), p. 435; E. C. Butler, *Journal of theological studies*, t. X (1909,) p. 450.

съ каѳедры этого втершагося на нее каппадокійца [1]), но имъ пришлось имѣть дѣло съ сильнымъ противникомъ. Прежній епископъ Діонисій, мѣсто котораго занялъ Авксентій, умеръ въ изгнаніи: у Авксентія такимъ образомъ не было соперника со стороны каѳоликовъ. Къ тому же онъ былъ ловкій человѣкъ, и съ нимъ почти примирились въ Миланѣ. Императоръ Валентиніанъ только-что прибылъ въ этотъ городъ; всѣмъ было извѣстно, что онъ не любитъ раздоровъ. Иларій же и Евсевій не могли оставить этого дѣла безъ вниманія. Одно, что́ они могли сдѣлать,—это возбудить среди населенія возстаніе противъ епископа. При первой вспышкѣ такого волненія императорскій указъ принудилъ ихъ къ молчанію; затѣмъ, такъ какъ Иларій протестовалъ, объявляя, что Авксентій—богохульникъ и врагъ Христа, Валентиніанъ поручилъ квестору и церемоніймейстеру произвести по этому поводу разслѣдованіе совмѣстно приблизительно съ десятью епископами. Авксентій началъ съ заявленія, что не слѣдуетъ измѣнять постановленія шестисотъ епископовъ [2]), и особенно по требованію лицъ, осужденныхъ уже десять лѣтъ тому назадъ [3]). Однако зная, что императоръ твердо держится ученія объ истинномъ божествѣ Христа, Авксентій, не колеблясь, заявилъ, что Христосъ былъ воистину Богъ и одинаковой божественности и сущности съ Отцемъ [4]). Его заставили повторить это исповѣданіе, столь неожиданное въ устахъ завзятаго аріанина. Отъ него даже потребовали его письменнаго изложенія. Онъ это исполнилъ, но искусно составленная имъ редакція могла имѣть совершенно обратный смыслъ, чѣмъ тотъ, который отъ него требовался [5]). Иларій замѣтилъ двусмыслицу и заявилъ энергичный протестъ. Однако императоръ счелъ себя удовлетвореннымъ, принялъ исповѣданіе Авксентія и приказалъ Иларію покинуть Миланъ. Отважный епископъ вынужденъ былъ оставить задуманное имъ

---

[1]) Валентиніанъ провелъ въ Миланѣ два послѣднихъ мѣсяца 364 года и слѣдующій годъ до осени. Тогда именно и произошло столкновеніе между Авксентіемъ и св. Иларіемъ.

[2]) Общій итогъ епископовъ Риминійскаго и Селевкійскаго соборовъ, считавшихся вообще солидарными съ богословіемъ Авксентія.

[3]) Иларія и Евсевія.

[4]) *Christum Deum verum et unius cum Deo Patre divinitatis et substantiae est professus* (Hil., *Adv. Aux.*, 7).

[5]) *Christum ante omnia saecula et ante omne principium natum ex Patre Deum verum filium ex Deo Patre* (Христа, рожденнаго отъ Отца прежде всѣхъ вѣковъ и прежде всякаго начала, Бога истиннаго Сына отъ Бога Отца). *Ibid.*, 14. Въ зависимости отъ запятой до или послѣ *verum* (истиннаго) смыслъ аріанскій или каѳолическій.

дѣло, но предварительно онъ торжественно предупредилъ миланцевъ, что ихъ епископъ—плохо замаскированный еретикъ и что они должны бѣгать его, какъ антихриста [1]). Евсевій, который въ этомъ дѣлѣ игралъ лишь второстепенную роль, уже уѣхалъ. Онъ съ тѣхъ поръ отдался попеченіямъ о своей обширной епархіи, обнимавшей весь теперешній Піемонтъ до Альпъ и даже за ними. Авксентій съ своей стороны довольствовался управленіемъ своей миланской церковью, не выставляя себя главаремъ партіи. Впрочемъ въ Италіи онъ, повидимому, былъ единственнымъ представителемъ риминійской традиціи; объ Епиктетѣ, аріанскомъ епископѣ центумцеллійскомъ, столь неблаговидно замѣшанномъ въ дѣлѣ папы Либерія, болѣе не упоминается: онъ, повидимому, умеръ.

Зато въ Паннонія и въ латинскихъ провинціяхъ Нижняго Дуная епископскій персоналъ остался вѣренъ положенію, принятому имъ при императорѣ Констанціи. Урзакій и Валентъ продолжали пользоваться тамъ большимъ вліяніемъ; Герминій держался на самой значительной епископской каѳедрѣ въ Сирміи. Православнымъ въ этихъ странахъ жилось плохо. Св. Мартинъ, который былъ уроженцемъ Паннонія, посѣтилъ около этого времени свою родину въ Сабаріи. Ученикъ св. Иларія, онъ не стѣснялся въ проявленіи своихъ православныхъ чувствъ и протестовалъ противъ ереси, проповѣдуемой клиромъ. Его били розгами и изгнали изъ города [2]). Въ Сирміи трое каѳоликовъ,—Геракліанъ, Фирміанъ и Авреліанъ,—были по той же причинѣ брошены въ тюрьму. До насъ дошелъ любопытный протоколъ ихъ явки на судъ къ епископу Герминію и спора между нимъ и Геракліаномъ [3]). Документъ помѣченъ 13 января 366 г. „Это Евсевій, наказанный ссылкой,—сказалъ епископъ, — и Иларій, тоже изгнанникъ, вбили тебѣ въ голову подобныя мысли“. А такъ какъ тотъ защищался, то Герминій сказалъ: „Посмотрите, какой у него длинный языкъ, и ему не вышибуть за это зубы“. Тотчасъ діаконъ и чтецъ набросились на обвиняемаго и стали его бить по лицу. Однако разговоръ возобновился. „Скажи мнѣ, Геракліанъ, вѣдь я тебя крестилъ: какъ былъ ты окрещенъ?“—„Ты крестилъ меня во имя Отца и Сына и Святаго Духа, а не во имя одного наибольшаго и другого меньшаго, сотвореннаго Бога“. Этотъ Геракліанъ пользовался большой из-

[1]) Это составляетъ предметъ его *Liber contra Auxentium*.
[2]) Sulp. Sever. *Vita Martini*, 4; Авксентій изгналъ его тоже изъ Милана.
[3]) *Altercatio Heracliani laici cum Germinio episcopo Sirmiensi*, изд. C. P. Caspari, *Kirchenhistorische Anecdota*. Christiania, 1883, p. 133.

вѣстностью въ Сирміи; онъ нѣкогда противостоялъ Фотину. Герминій въ сущности не хотѣлъ причинять ему особаго зла. Онъ стремился его склонить на свою сторону, утверждая даже, что онъ излагалъ свою вѣру Евсевію и тотъ заявилъ, что удовлетворенъ его объясненіями. Въ концѣ засѣданія клиръ Герминія предложилъ отвести диссидентовъ къ паннонскому консулу и просить у него ихъ головы. Епископъ же удовольствовался тѣмъ, что предложилъ имъ риминійскій символъ, и хотя они отказались подписать его, онъ благословилъ ихъ, а они согласились принять его благословеніе.

Быть-можетъ, въ словахъ Герминія объ его отношеніяхъ къ Евсевію верчелльскому была доля правды. Герминій не заходилъ такъ далеко, какъ другіе; его образъ мыслей, казалось, близко сходился со взглядами Василія анкирскаго. Мы имѣемъ еще одну формулу [1]), которую онъ изобрѣлъ, какъ кажется, вскорѣ послѣ дѣла Гераклiана. Не употребляя термина сущность, онъ училъ о подобіи (Сына Отцу) по божеству, славѣ, величію, силѣ, и т. д. и во всемъ, *per omnia similem*. Такія рѣчи встревожили аріанъ. Валентъ и другой епископъ, по имени Павелъ, потребовали объясненій. Герминій началъ съ того, что отказалъ въ нихъ, сказавъ только, что въ сердцѣ онъ хранитъ связь со своими собратьями. Но послѣдніе этимъ не удовлетворились. Четверо изъ нихъ,—Урзакій, Валентъ, Павелъ и Гаій [2]),—собравшись въ Сингидунѣ [3]), настаивали, чтобы онъ взялъ обратно слова *per omnia similem*. Но сирмійскій епископъ твердо стоялъ на своемъ. Онъ написалъ другому кружку епископовъ той области [4]), чтобы объяснить имъ свое ученіе и заявить протестъ противъ Урзакія и его трехъ товарищей. Онъ, по его заявленію, зналъ изъ первыхъ рукъ, на чемъ сошлись до Риминійскаго собора, ибо онъ присутствовалъ на подготовительномъ совѣщаніи, гдѣ обсуждалась согласительная формула. Редакція принадлежала перу Марка ареѳузскаго и содержала слова: *Filium similem Patri per omnia* (*Сына подобнаго Отцу во всемъ*).

Въ то время какъ на Западѣ возвращались такимъ образомъ къ

---

[1]) Hilar. *Fragm.*, XIII.

[2]) Этотъ Гаій игралъ роль на Риминійскомъ соборѣ на-ряду съ Урзакіемъ и Валентомъ. Hilar., *Fragm.*, VII, 4, VIII, 2, 5, X, 1.

[3]) Hilar. *Fragm.*, XIV.

[4]) Hilar. *Fragm.*, XV. Его адресатами являются: *Rufianus*, *Palladius*, *Severinus*, *Nichas*, *Heliodorus*, *Romulus*, *Mucianus*, *Stercorius*. Палладій, о которомъ здѣсь упоминается, былъ, очевидно, епископъ ратіарійскій, который выступитъ еще на сцену при Амвросіи.

никейской вѣрѣ, и очаги оппозиціи сокращались въ числѣ и мало-по-малу угасали, восточная имперія продолжала переходить отъ кризиса къ кризису. Мы уже видѣли, что въ западной части Малой Азіи и въ смежныхъ съ ней областяхъ довольно значительное число епископовъ, объединенныхъ вокругъ Василія анкирскаго и Елевсія кизикскаго, исповѣдывали ученіе, которое, при наличности нѣкоторыхъ поясненій, въ общемъ соотвѣтствовало никейскому православію. Гонимые и изгнанные въ 360 году стараніями оффиціальнаго клира, т. е. болѣе или менѣе завѣдомыхъ аріанъ, прятавшихся за риминійское исповѣданіе, они въ свою очередь воспользовались обстоятельствами. Они уже отправили къ Іовіану свое вѣроизложеніе. Въ то время какъ Валентиніанъ, сопровождаемый своимъ братомъ Валентомъ, отбывалъ изъ Константинополя на Западъ, они отрядили къ нему депутатомъ Ипатіана, епископа изъ Иракліи Ѳракійской, чтобы испросить разрѣшеніе собраться на соборъ [1]). Валентиніанъ заявилъ, что онъ не видитъ къ тому препятствій, и они собрались такимъ образомъ въ Лампсакѣ, на Геллеспонтѣ. Послѣдствіемъ ихъ совѣщаній, продолжавшихся два мѣсяца, было новое осужденіе Риминійско-Константинопольскаго собора, его формулъ и приговоровъ противъ лицъ. Вновь провозгласили терминъ ὁμοιούσιος (подобосущный), который, по ихъ словамъ, необходимъ для обозначенія различія божественныхъ лицъ, и вновь канонизовали антіохійскій символъ „на обновленіе“. Были также приняты мѣры, чтобы обезпечить безъ содѣйствія правительства возвращеніе на свои каѳедры епископовъ, замѣщенныхъ другими послѣ собора 360 г. Евдоксій и его сторонники были приглашены на соборъ, съ тѣмъ, разумѣется, чтобы отречься отъ того, что̀ было сдѣлано ими противнаго идеямъ настоящаго собора.

Никто не сомнѣвался въ томъ, что константинопольскій епископъ былъ не такой человѣкъ, чтобы покориться безъ сопротивленія. Онъ уже забѣжалъ впередъ, и его кредитъ былъ обезпеченъ при императорѣ Валентѣ, когда къ послѣднему явились делегаты отъ Лампсакскаго собора. Они были приняты неблагосклонно. Валентъ убѣждалъ ихъ сойтись съ Евдоксіемъ. Императоръ уже занялъ извѣстную позицію и рѣшился признать оффиціальной догмой ученіе Риминійскаго собора. Это на первый взглядъ можетъ показаться удивительнымъ, необычайнымъ. Казалось, было бы

---

[1]) Лучшій разсказъ принадлежитъ Созомену (VII, 7), который лучше Сократа предлагаетъ намъ здѣсь документы Сабина.

естественнѣе Валенту поступить, какъ его братъ, и держаться нейтральной почвы между различными христіанскими исповѣданіями. Однако для Валентиніана задача была гораздо проще, чѣмъ для него. На Западѣ, за исключеніемъ Милана, гдѣ вопросъ, какъ мы видѣли, былъ разрубленъ (а не распутанъ), вѣроисповѣдныя различія не влекли за собой серьезныхъ раздоровъ. Противъ Урзакія или Герминія не выдвигали каѳолическаго соперника, равно какъ противъ Иларія и Евсевія не выдвигали аріанскаго. На Востокѣ дѣло обстояло иначе. Партійные раздоры во многихъ мѣстностяхъ подали поводъ къ возникновенію мѣстныхъ расколовъ; нѣсколько епископовъ оспаривали другъ у друга одну и ту же каѳедру. Валентъ могъ думать, что во имя порядка ему слѣдуетъ примкнуть къ какой-нибудь партіи и остановиться на какомъ-либо изъ спорящихъ между собой исповѣданій. Никейское исповѣданіе имѣло до сихъ поръ на своей сторонѣ однихъ только египтянъ. Правда, при Іовіанѣ извѣстное число сирійскихъ или малоазійскихъ епископовъ подписалось подъ никейскимъ символомъ, но они продолжали быть въ натянутыхъ отношеніяхъ къ Аѳанасію и его сторонникамъ. Въ Малой Азіи противъ Евдоксія только-что объединились всѣ противники аномейства, но въ этой партіи еще съ недовѣріемъ относились къ термину ὁμοούσιος (единосущный). Среди столькихъ расколовъ никто не указывалъ на никейскій символъ какъ на орудіе умиротворенія. Валентъ счелъ наиболѣе удобномъ примкнуть къ риминійскому символу, который носилъ на себѣ печать недавней оффиціальной санкціи и находилъ себѣ поддержку у представителей самыхъ значительныхъ каѳедръ, — константинопольской и антіохійской,—не говоря о многихъ другихъ. Такимъ образомъ возстанавливалась связь съ традиціей Констанція.

Весной 365 года появился эдиктъ, который требовалъ удаленія епископовъ, низложенныхъ при Констанціи и вернувшихся на свои каѳедры при Юліанѣ. Этотъ указъ въ Александріи былъ обнародованъ 4 мая. Въ немъ возвѣщалось, что городскія куріи, которыя не окажутъ послушанія, будутъ оштрафованы на 300 фунтовъ золотомъ. Александрійцы ссылались на исключительное положеніе Аѳанасія. Оказывалось, что виновникомъ его послѣдняго изгнанія былъ не Констанцій, а Юліанъ, и что послѣдній указъ объ его возвращеніи былъ подписанъ, Іовіаномъ. Префектъ былъ въ нерѣшительности, какъ ему поступить, такъ какъ населеніе утомилось отъ всѣхъ этихъ передрягъ. Аѳанасій съ своей стороны не оказалъ

сопротивленія и удалился (5 октября). Наконецъ, было рѣшено опять вернуть его. 1-го февраля 366 года императорскій нотарій вновь оффиціально возстановилъ его въ епископскомъ служеніи въ церкви Діонисія. То было въ послѣдній разъ. Правда, годъ спустя Лукій сдѣлалъ попытку появиться въ Александріи и заявить себя соперникомъ Аѳанасія, но едва только онъ показался, какъ его едва не изрубили. Полиціи стоило немало хлопотъ спасти ему жизнь и проводить вновь въ Палестину. Аѳанасій вышелъ побѣдителемъ. Послѣ сорока лѣтъ бурныхъ волненій престарѣлый борецъ, наконецъ, могъ мирно провести тѣ нѣсколько годовъ, которые ему оставалось жить.

Мелетій былъ, подобно Аѳанасію, удаленъ изъ Антіохіи[1]). Павлинъ, пользовавшейся меньшей извѣстностью, былъ оставленъ въ покоѣ. Онъ былъ не въ очень дурныхъ отношеніяхъ съ Евзоіемъ, который отнынѣ сталъ оффиціальнымъ епископомъ митрополіи Востока.

Однако оміусіане Лампсакскаго собора не хотѣли мириться со своей неудачей. Отвергнутые императоромъ Валентомъ, они рѣшили обратиться къ его соправителю, императору Валентиніану, и къ западнымъ епископамъ[2]). Такимъ же образомъ двадцать лѣтъ передъ тѣмъ поступилъ Аѳанасій. Асійскіе епископы собрались въ Смирнѣ; другіе соборы происходили въ Ликіи, въ Памфиліи, въ Исавріи[3]). Были избраны три делегата: Евстаѳій севастійскій, Сильванъ тарсскій, Ѳеофилъ изъ Каставаль Киликійскихъ. Имъ вручили письма къ императору Валентиніану и къ папѣ Либерію. Валентиніанъ находился въ то время въ Галліи; они не могли до него достигнуть, вѣроятно, потому, что онъ не согласился ихъ принять. Либерій въ свою очередь принялъ ихъ не безъ нѣкотораго колебанія, но взялъ отъ нихъ письма, которыя они ему вручили. Легаты были уполномочены своими довѣрителями принять никейскую вѣру, такъ какъ было извѣстно, что это принятіе составляетъ непремѣнное условіе общенія съ Римомъ. Они сдѣлали

---

[1]) Мелетій былъ трижды изгнанъ изъ Антіохіи; это положительно указано въ надгробномъ словѣ, произнесенномъ въ его честь Григоріемъ нисскимъ. (*P. G.*, t. XLVI, p. 857). Первое изгнаніе случилось почти вслѣдъ за его избраніемъ, въ 361 году; послѣднее длилось до кончины Валента (378); неизвѣстно, къ какому времени отнести второе изгнаніе: быть-можетъ, къ царствованію Юліана или Валента; въ послѣднемъ случаѣ Мелетій, подобно Аѳанасію, былъ сначала изгнанъ и затѣмъ вновь возвращенъ. Позднѣе его опять изгнали.

[2]) Socrat., IV, 12. Sosom., VI, 10, 11.

[3]) Аѳанасій неоднократно указываетъ на эти южныя малоазійскія провинціи, какъ на имѣвшія епископовъ, которые находились въ общеніи съ нимъ.

это въ весьма ясномъ документѣ, гдѣ кромѣ того предали осужденію савелліанъ, патрипассіанъ, маркелліанъ, фотиніанъ и Риминійскій соборъ. Либерій съ своей стороны написалъ посланіе къ епископамъ, имена коихъ были означены на представленныхъ ему документахъ (ихъ было шестьдесятъ четыре [1]), и ко всѣмъ православнымъ епископамъ Востока [2]).

Съ Римомъ общеніе было возстановлено. На обратномъ пути домой [3]) делегаты остановились въ Сициліи, гдѣ епископы той страны, собравшись на соборъ, оказали имъ братскій пріемъ; они получили также изъявленія симпатіи отъ италійскихъ, африканскихъ и галльскихъ епископовъ. Снабженныя этими документами, они собрались въ Тіанахъ съ нѣсколькими сирійскими или восточно-малоазійскими епископами, изъ коихъ нѣсколько человѣкъ уже приняли терминъ ὁμοούσιος въ 363 году [4]). Сліяніе восточныхъ ново-каѳоликовъ со старыми азійскими оміусіанами готовилось произойти подъ покровительствомъ Рима и латинскаго епископата. Тіанскій соборъ всюду разослалъ документы, привезенные съ Запада, и созывалъ всѣхъ епископовъ на большой соборъ, который долженъ былъ собраться въ Тарсѣ къ будущей веснѣ. Но Евдоксій помѣшалъ этому предпріятію: императоръ Валентъ запретилъ соборъ [5]).

Кромѣ принятія никейскаго символа, возникъ другой вопросъ, начавшій подавать поводъ къ затрудненіямъ. Между людьми, расположенными признать за Сыномъ безусловное, существенное по-

---

1) Между этими епископами находится нѣкій Македоній, епископъ изъ Аполлоніады Лидійской, эпитафія котораго была открыта и объяснена мною. Подобно нѣсколькимъ другимъ епископамъ, принадлежавшимъ къ этой партіи, онъ былъ великій аскетъ; ему пришлось много пострадать отъ аномеевъ. (*Bull. de corresp. hellénique*, t. XI (1887), p. 311).

2) Оба документа находятся у Сократа (IV, 12, ср. Sozom. VI, 11). Въ письмѣ Либерія савелліане и патрипассіане значатся между „всѣми прочими ересями", подлежащими осужденію, но нѣтъ рѣчи о маркелліанахъ и фотиніанахъ.

3) О послѣдующемъ см. у Созомена, VI, 12.

4) Созоменъ (VI, 12), сообщающій намъ свѣдѣнія о Тіанскомъ соборѣ, очевидно, пользуясь Сабиномъ, называетъ Евсевія изъ Кесаріи Каппадокійской, Аѳанасія анкирскаго, Пелагія лаодикійскаго, Зинона тирскаго, Павла емесскаго, Отрея мелитинскаго, Григорія изъ Назіанза (отца).

5) Существуетъ нѣкоторая неизвѣстность относительно точной даты, когда имѣли мѣсто эти послѣдніе соборы. Лампсакскій соборъ, очевидно, былъ въ 364 году. Возможно, что поѣздка въ Римъ трехъ епископовъ была отложена до 366 года. Либерій умеръ 24 сентября этого года. Но трудно предположить, чтобы такой шагъ былъ предпринятъ въ самый моментъ выступленія претендента Прокопія (28 сентября 365 — 27 мая 366) или тотчасъ послѣ этого выступленія. Скорѣе допустимо, что епископы отправились въ путь лѣтомъ 365 г., до выступленія Прокопія.

добіе Отцу и даже принять по отношенію къ двумъ первымъ Лицамъ Св. Троицы терминъ единосущіе, имѣлись такіе, которые отказывались распространять это понятіе на Святаго Духа. Мало-по-малу споръ обратился въ эту сторону, и позиціи опредѣлились. Вопросъ раньше всего возникъ въ Египтѣ. Аѳанасій въ послѣдніе годы царствованія Констанція пространно обсуждалъ его въ своихъ письмахъ къ Серапіону. На Александрійскомъ соборѣ въ 362 году онъ предложилъ дать на него рѣшительный отвѣтъ. Въ слѣдующемъ году онъ заявилъ императору Іовіану, что никейскій символъ долженъ быть дополненъ въ той части, которая относится къ Св. Духу. По его примѣру сирійскіе и малоазійскіе ново-никейцы настаивали на этомъ пунктѣ, то рѣшительно высказываясь за единосущіе Духа Святаго, то предлагая формулы, которыя способствовали бы къ возвышенію достоинства третьяго Лица божественной Троицы. Св. Василій попеременно дѣйствовалъ и въ томъ, и въ другомъ направленіи, проповѣдуя единосущіе въ своихъ книгахъ и придерживаясь того же въ своихъ церковныхъ проповѣдяхъ. Символъ, принятый въ то время въ Іерусалимѣ, которымъ пользуются и донынѣ подъ названіемъ никейскаго, не отличался бо́льшей точностью, чѣмъ оффиціальное краснорѣчіе св. Василія. Онъ говорилъ о Духѣ Святомъ, что Онъ Господь, животворящій, что Онъ исходитъ отъ Отца, что Онъ поклоняемъ и прославляемъ съ Отцомъ и Сыномъ, что Онъ глаголалъ черезъ пророковъ. И только. Все это не могло быть лозунгомъ противъ „духоборцевъ“ (пневматомаховъ).

Вскорѣ этотъ терминъ—пневматомахи—вошелъ въ употребленіе для характеристики новой партіи. Употребляли также наименованіе „полуаріанъ“: это означало, что, оставаясь православными по отношенію ко второму Лицу Св. Троицы, представители этой партіи были аріанами по отношенію къ третьему Лицу. Но названіе, оставшееся общепринятымъ, было македоніане, отъ Македонія, бывшаго константинопольскаго епископа. Мы сейчасъ увидимъ, какъ это случилось.

Избранный нѣкогда евсевіанами, какъ соперникъ епископа Павла, Македоній не безъ труда былъ навязанъ константинопольскому населенію. Въ началѣ онъ весьма притѣснялъ защитниковъ никейскаго православія, остававшихся вѣрными его предшественнику. Когда партія противниковъ Аѳанасія раскололась (357 г.), онъ открыто принялъ сторону умѣренной партіи и поддерживалъ образъ мыслей Василія анкирскаго. Не видно, чтобы онъ отличался какимъ-либо особымъ ученіемъ о Святомъ Духѣ. Вскорѣ

послѣ своего низложенія на соборѣ 360 года онъ умеръ, удалившись въ окрестности столицы. Но его сторонники не всѣ покинули его. Значительное число ихъ не захотѣло примкнуть къ Евдоксію, и они сорганизовались, какъ смогли, въ особую общину. Чистые никейцы со времени изъятія изъ ихъ среды епископа Павла (342 г.) образовали изъ себя отдѣльный кружокъ, не имѣвшій во главѣ собственнаго епископа, приблизительно такимъ же образомъ, какъ антіохійскіе евстаѳіане до рукоположенія Павлина. Сторонники Македонія, македоніане, какъ ихъ называли, не слились съ ними. За предѣлами Константинополя они имѣли поддержку среди значительнаго числа епископовъ, въ особенности въ провинціяхъ Ѳракіи, Виѳиніи и Геллеспонта. Въ этихъ странахъ никейцевъ было мало; въ ихъ рукахъ нигдѣ не имѣлось церквей. Оффиціальному аріанству оказывали здѣсь сопротивленіе македоніане.

Не только это располагало въ ихъ пользу. Самые видные представители этой группы епископовъ пользовались большимъ уваженіемъ среди населенія благодаря строгости ихъ жизни, аскетизму и ревности въ организаціи благотворительной помощи. Съ этой точки зрѣнія они выгодно выдѣлялись отъ честолюбцевъ и сластолюбцевъ, какими были Евдоксій и его приспѣшники. Между ними особенно выдѣлялись два бывшихъ клирика Македонія: Елевсій кизикскій, котораго весьма чтилъ св. Иларій, и Мараѳоній никомидійскій [1]). Послѣдній былъ очень богатымъ человѣкомъ. Наживъ состояніе въ конторахъ префектуры преторіи, онъ основалъ въ Константинополѣ больницы и убѣжища для бѣдныхъ; затѣмъ, по совѣту Евстаѳія севастійскаго, онъ предался аскетической жизни и устроилъ монастырь, который надолго сохранилъ имя своего основателя [2]).

---

[1]) Къ числу ихъ нужно причислить Македонія изъ Аполлоніады Лидійской, судя по вышеупомянутой надписи. Стр. 247, примѣч. 1-е.

[2]) Sosom, IV, 27. Сократъ (II, 38, за коимъ слѣдуетъ Созоменъ, IV, 20), черпая, повидимому, изъ новаціанскаго источника, говоритъ, что онъ былъ возведенъ на каѳедру Македоніемъ никомидійскимъ. Трудно разобрать, къ какому времени его слѣдуетъ отнести. Кекропій былъ никомидійскимъ епископомъ съ 351 года до 358, когда погибъ при сильномъ землетрясеніи (24 августа), разрушившемъ городъ. Акакій въ 360 году рукоположилъ ему преемника по имени Онисима (Philostorg, V, 1). Tillemont (T. VI, p. 770) предлагаетъ отнести Мараѳонія ко времени царствованія Юліана; по его мнѣнію, онъ былъ антиепископъ, противопоставленный Онисиму Македоніемъ или его партіей. Какъ бы то ни было, дѣятельность Мараѳонія связана скорѣе съ Константинополемъ, чѣмъ съ Никомидіей, оттого ли, что ему по той или другой причинѣ нельзя было жить въ этомъ городѣ и онъ долженъ былъ основаться въ столицѣ, или же съ его именемъ связали вліяніе, оказанное его монастыремъ. Константинопольскіе полуаріане назывались какъ мараѳоніанами, такъ и маке-

Населеніе Кизика боготворило Елевсія. Разсказываютъ, что когда Валенту настояніями и угрозами удалось исторгнуть отъ него прискорбную подпись, епископъ, вернувшись домой, заявилъ всенародно, что хотя надъ нимъ учинили насиліе, но онъ не считаетъ себя болѣе достойнымъ оставаться въ своей должности, и что поэтому слѣдуетъ выбрать на его мѣсто другого епископа. Преданная ему паства не захотѣла и слушать этого, заявивъ, что она желаетъ только его и оставитъ его себѣ. Такъ и было сдѣлано [1]).

Оміусіанскіе епископы по ту и по другую сторону Босфора были, такимъ образомъ, въ общеніи съ той константинопольской группой, которую привыкли называть македоніанами. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, они большею частью приняли никейскій символъ и находились въ добрыхъ отношеніяхъ съ римской церковью. Настало время, когда вопросъ о Духѣ Святомъ, не поставленный имъ папой Либеріемъ, привелъ ихъ къ столкновенію съ ново-православными верхней Малой Азіи. Когда образовалась партія диссидентовъ, ихъ стали обозначать именемъ македоніанъ, которое носили ихъ константинопольскіе приверженцы. Такимъ образомъ, Македоній послѣ своей смерти сдѣлался патрономъ и далъ имя расколу, о которомъ онъ, вѣроятно, никогда и не помышлялъ.

Оффиціальному клиру приходилось считаться не только съ этими отщепенцами справа. Непримиримые крайней лѣвой также смущали его покой. Послѣ собора 360 года Аэтій, какъ мы видѣли, былъ изгнанъ въ Мопсуестъ. Такъ какъ тамошній епископъ слишкомъ хорошо съ нимъ обращался, его перевели въ Амвладу, унылую и нездоровую мѣстность въ Ликаоніи. Что же касается его знаменитаго ученика, Евномія, то онъ согласился подписаться подъ риминійско-константинопольской формулой, и подъ этимъ условіемъ Евдоксій водворилъ его епископомъ въ Кизикъ на мѣсто изгнаннаго Елевсія. Между Евдоксіемъ и Евноміемъ существовало, говорятъ, тайное соглашеніе: новый константинопольскій епископъ обязался добиться реабилитаціи Аэтія, за что Евномій согласился умѣрить свои рѣчи. Послѣднему не удалось все-таки достигнуть этого въ должной мѣрѣ; жители Кизика сдѣлали на него доносъ

доніанами, что даетъ поводъ предполагать, что Мараѳоній былъ истиннымъ творцомъ ученія пневматомаховъ.

[1]) Socrat. IV, 6; Sosom., VI, 9; Philost., IX, 13.

въ Константинополь, и такъ какъ Евдоксій не рѣшался освободить ихъ отъ ихъ епископа, они пожаловались императору Констанцію. Евномій вывелъ всѣхъ изъ затрудненія, покинувъ свою епископскую каѳедру. Она досталась тогда въ руки Акакія, который неблагосклонно относился къ заигрыванію Евдоксія съ аномеями. Вызванный въ Антіохію, Евномій былъ подвергнутъ допросу, но процессъ его еще не закончился, когда умеръ Констанцій.

Воцареніе Юліана вернуло сектантамъ свободу. Аэтій, который уже имѣлъ сношенія съ новымъ императоромъ, былъ вызванъ къ нему [1]. Несмотря на то, что Юліанъ мало питалъ нѣжности къ „галилеянамъ“, каковы бы они ни были, онъ подарилъ ему небольшое владѣніе на островѣ Лесбосѣ. Партія аномеевъ оказалась въ лучшемъ положеніи, чѣмъ государственный клиръ, котораго правительство болѣе не поддерживало. Евдоксій и Евзоій сочли благоразумнымъ сблизиться съ этими докучливыми людьми, которыхъ они сами столь часто предавали проклятію. Евдоксій желалъ, чтобы Евзоій взялъ на себя ихъ реабилитацію, а Евзоій желалъ того же отъ Евдоксія; они хотѣли взвалить другъ на друга эту щекотливую задачу. Наконецъ, антіохійскій епископъ рѣшился отмѣнить все, что Константинопольскій соборъ постановилъ противъ аномеевъ. Но онъ такъ медлилъ съ обнародованіемъ своего рѣшенія, что Аэтій и его приспѣшники въ нетерпѣніи рѣшили сорганизоваться между собой и произвести расколъ. Аэтій былъ рукоположенъ въ епископы, другіе члены партіи также получили посвященіе въ епископы и были отправлены въ провинціи, чтобы руководить послѣдователями аномейства. Евдоксій предоставилъ имъ свободу дѣйствій. Да впрочемъ, могъ ли онъ чему-нибудь помѣшать? Дѣло дошло до того, что въ самомъ Константинополѣ ему навязали соперника, устроивъ аномейскую церковь, двумя первыми епископами которой были Пименій и Флорентій. По отношенію къ Евзоію поступили съ большей формальностью: Ѳеофилъ, почитавшійся среди аномейской партіи за святого, былъ отправленъ въ Антіохію, чтобы постараться достигнуть соглашенія съ епископомъ, а въ случаѣ неудачи онъ долженъ былъ сорганизовать противъ него всѣхъ аномеевъ, находившихся въ этомъ большомъ городѣ.

Но этотъ ревностный пылъ аномеевъ улегся, когда въ концѣ 364 года Евдоксію удалось добиться расположенія Валента и

---

[1]) Julian. *Ep.*, 31

побудить его вернуться къ традиціи, порванной со смертью Констанція. Въ Антіохіи Евзоій занялъ враждебную позицію къ аномеямъ: онъ не стѣснялся обращаться съ Өеофиломъ какъ съ негромъ, а про его учениковъ говорилъ, что они гоняются за облаками. Евдоксій же называлъ ихъ бичами Божіими. Аэтій вернулся къ себѣ на островъ Лесбосъ; Евномій удалился въ помѣстье, которымъ владѣлъ въ Халкидоніи; какъ тотъ, такъ и другой отказались отъ исполненія іерархическихъ обязанностей, но тѣмъ не менѣе оставались во главѣ партіи и являлись какъ бы ея пророками.

Вскорѣ послѣ этого произошло выступленіе Прокопія [1]) въ качествѣ претендента на императорскій престолъ.

Въ то время, когда этотъ самозванецъ велъ еще жизнь авантюриста (363—364 г.), онъ нашелъ пріютъ у Евномія въ Халкидоніи. Когда онъ захватилъ власть, нѣсколько человѣкъ изъ друзей Евномія и между прочимъ самъ Аэтій подверглись обвиненію въ томъ, что принимали дѣятельное участіе въ движеніи противъ самозванца. Евномій заступился за нихъ, и ему удалось спасти ихъ. Но когда вернулся Валентъ, аномеямъ пришлось поплатиться за этотъ минутный фаворъ. Терпя невзгоды отъ реакціи, вожди аномеевъ обратились за поддержкой къ Евдоксію; но не нуждаясь болѣе въ нихъ, Евдоксій обошелся съ ними свысока: онъ не только не пожалѣлъ ихъ, но высказалъ имъ, что они заслуживаютъ и гораздо большихъ наказаній.

Аэтій, который удалился съ нѣкоторыхъ поръ въ Константинополь къ Флорентію, въ то время скончался; Евномій закрылъ ему глаза, и сторонники его устроили ему пышныя похороны.

Что же касается до самого Евномія, замѣшаннаго въ политическій процессъ, то онъ былъ изгнанъ въ Мавританію. На пути туда ему пришлось проѣзжать черезъ Мурзу въ Паннонiи, гдѣ епископъ Валентъ, ученикъ Арія, взялъ его подъ свое покрови-

---

[1]) Прокопій, дальній родственникъ Юліана, былъ возведенъ имъ до высокихъ должностей, и говорятъ даже, что былъ намѣченъ имъ какъ возможный преемникъ. Повидимому, онъ былъ язычникъ или внезапно сдѣлался таковымъ въ угоду своему родственнику Вскорѣ послѣ воцаренія Іовіана онъ счелъ за лучшее скрыться, боясь, что на него станутъ смотрѣть какъ на претендента и поступятъ какъ съ таковымъ. Послѣ многихъ приключеній онъ въ концѣ-концовъ добился, что его провозгласили императоромъ въ Константинополѣ (28 сентября 365 года), и вначалѣ счастье было на его сторонѣ, такъ что наиболѣе близкія къ Босфору азійскія провинціи признали его императоромъ. Весной 366 года Валентъ одолѣлъ своего соперника, который былъ схваченъ и обезглавленъ 27 мая.

тельство и даже добился того, что его вернули изъ изгнанія. Но это было не надолго. Евномій не умѣлъ держаться смирно. Онъ продолжалъ руководить и защищать свою партію, постоянно полемизируя съ православными учителями Дидимомъ, Аполлинаріемъ, Василіемъ и обоими Григоріями. Въ царствованіе Валента префектъ Модестъ сослалъ его, какъ зачинщика церковныхъ смутъ, на одинъ изъ острововъ Архипелага. Въ царствованіе Граціана и Ѳеодосія евноміане утратили право собраній. Ихъ глава вновь былъ изгнанъ въ Хальмирисъ, на Нижнемъ Дунаѣ, и затѣмъ въ Кесарію Каппадокійскую, гдѣ память объ его столкновеніяхъ со св. Василіемъ навлекла на него столько непріятностей, что онъ принужденъ былъ удалиться въ селеніе Дакору. Онъ былъ еще въ живыхъ въ 392 году, когда бл. Іеронимъ издалъ свой каталогъ церковныхъ писателей. Когда онъ скончался, его похоронили въ Тіанахъ.

Этотъ городъ былъ метрополіей второй Каппадокіи, и тамъ, въ мѣстечкѣ Верисъ, родился историкъ Филосторгій. Родители его были евноміане. Онъ былъ воспитанъ въ принципахъ этой секты и съ ея точки зрѣнія написалъ, въ царствованіе Ѳеодосія II, церковную исторію, отъ которой уцѣлѣли лишь выдержки. Въ молодости онъ зналъ Евномія, образъ котораго глубоко врѣзался въ его память. Хотя слегка заикавшійся, съ лицомъ, изуродованнымъ какой-то накожной болѣзнью, пророкъ производилъ тѣмъ не менѣе обаяніе и обладалъ краснорѣчіемъ. Возраженія Аэтія отличались остроуміемъ и живостью, онъ мастерски спорилъ, Евномій же пользовался славой за ясность своего изложенія.

Благодаря Филосторгію мы знаемъ какъ серьезную, такъ и анекдотическую исторію аномейства. Несмотря на религіозное почитаніе, какимъ пользовались нѣкоторые изъ главарей этой партіи, какъ Аэтій, Евномій, Ѳеофилъ, она не имѣла большого практическаго значенія. Однако благодаря тому, что съ доктринальной точки зрѣнія она давала самое ясное изложеніе аріанства, она долго занимала мѣсто въ рѣчахъ и произведеніяхъ полемистовъ, склонныхъ уже въ тѣ отдаленныя времена направлять свои копья на умершихъ.

ГЛАВА XI.

Василій Кесарійскій.

Состояніе партій въ восточной части Малой Азіи.—Юность Василія и Григорія Назіанзина.—Евстаѳій—учитель аскетической жизни и затѣмъ епископъ въ Севастіи.—Василій-отшельникъ и затѣмъ пресвитеръ и епископъ въ Кесаріи.—Религіозная политика Валента.—Кончина Аѳанасія: Петръ и Лукій.—Валентъ въ Кесаріи.—Василій и Евстаѳій.—Василій вступаетъ въ переговоры съ Римомъ.—Его разрывъ съ Евстаѳіемъ.—Аріанскія смуты.—Дороѳей въ Римѣ.—Антіохійскій вопросъ.—Павлинъ признанъ Римомъ.—Виталій.—Ересь Аполлинарія.—Евстаѳій переходитъ къ пневматомахамъ.—Возвращеніе Дороѳея въ Римъ.—Эволюція маркелліанъ.—Готы.—Кончина императора Валента.

Древнія провинціи Галатіи и Каппадокіи, заключавшія въ себѣ во времена великой имперіи всю восточную часть Малой Азіи, въ царствованіе Діоклетіана были раздроблены на части. Изъ ихъ нагорной, прибрежной части, такъ-называемаго Понта, сдѣлали три провинціи: Пафлагонію, Понтъ Юпитера (*Diospontus*) [1]) и Понтъ Полемонъ, а митрополіями ихъ были соотвѣтствующіе города: Гангры, Амасія и Неокесарія. Внутри Анкира продолжала быть галатійской метрополіей, а Кесарія—каппадокійской; но на востокъ отъ Каппадокіи Малая Арменія составляла особую провинцію, главнымъ городомъ которой была Севастія [2]).

Христіанство со временъ Фирмиліана и Григорія Чудотворца сдѣлало большіе успѣхи въ этихъ странахъ. Однако вслѣдствіе малочисленности городовъ епископскихъ каѳедръ здѣсь было немного.

Въ странѣ, которую по размѣрамъ можно сравнить съ итальянскимъ полуостровомъ, едва ли можно съ достовѣрностью насчитать или предположить наличность сорока епископскихъ каѳедръ. Самыми значительными изъ нихъ всегда были Кесарія и Анкира. Епископы верхней Малой Азіи, какъ и въ III-мъ вѣкѣ, охотно

---

[1]) Позднѣе Еленопонтъ или Понтъ Амасійскій.

[2]) Всѣ эти города сохранили свои названія, но въ формѣ нѣсколько искаженной турецкимъ произношеніемъ: Кангхри, Амазіа, Никзаръ, Ангора, Кайзаріэ, Сивасъ.

съѣзжались на соборы съ участіемъ своихъ сирійскихъ собратій Мы упоминали уже объ Анкирскомъ и Неокесарійскомъ соборахъ, предшествовавшихъ великому Никейскому собору. Позднѣе созывались еще другіе соборы: въ Ганграхъ, опять въ Анкирѣ, въ Мелитинѣ, въ Тіанахъ, въ Зелахъ.

Насколько извѣстно, аріанство не пріобрѣло среди здѣшняго епископата видныхъ сторонниковъ. Каппадокія, для которой, правда довольно поздно, пришло время чѣмъ-либо отличиться, явилась тогда разсадницей значительнаго числа авантюристовъ въ церковной жизни, которые прославились за ея предѣлами, пользуясь покровительствомъ императорской полиціи: таковы Григорій и Георгій, александрійскіе антипапы, и Авксентій миланскій. Астерій, читавшій лекціи во времена Арія, а также Евномій, послѣдній оракулъ аріанской секты, тоже были уроженцами Каппадокіи. Однако эти знаменитости, повидимому, не стяжали себѣ большихъ симпатій на родинѣ. Лица, которыя по народному избранію занимали здѣсь епископскія каѳедры, были менѣе передового образа мыслей. Во время Никейскаго собора епископы анкирскій и кесарійскій, Маркеллъ и Леонтій, показали себя рѣшительными противниками Арія. Въ тіанской, амасійской, неокесарійской, севастійской церквахъ и вообще въ Понтѣ и средней Малой Азіи соблюдалось единство вѣроученія [1]. Послѣ Маркелла анкирскаго, перешедшаго мѣру въ понятіи объ единосущіи, на анкирскую каѳедру былъ избранъ Василій, который сначала находился въ рядахъ противниковъ св. Аѳанасія, но въ концѣ-концовъ сдѣлался главой реакціи противъ аріанства и подвергся за то преслѣдованію. Его преемникъ, другой Аѳанасій, воспользовался первымъ случаемъ, чтобы заявить о своей преданности никейской вѣрѣ, и никогда не измѣнилъ этой позиціи. Въ Кесаріи епископъ Леонтій былъ замѣщенъ однимъ изъ своихъ клириковъ, Гермогеномъ [2],— тѣмъ самымъ, которому была поручена въ Никеѣ редакція знаменитаго символа [3]. Діаній, который наслѣдовалъ ему (до 340 г.), былъ человѣкомъ слабохарактернымъ, въ сущности православнымъ, но неспособнымъ отказать въ своей подписи, когда у

---

[1]) Ath., *Ep. ad. episcopos Aeg. et Libyae*, 8. Свидѣтельство Филосторія о поддержкѣ, которую Арій якобы встрѣтилъ на Никейскомъ соборѣ (P. G., T. LXV, p. 623), не имѣетъ никакой цѣнности.

[2]) Евлалій, о которомъ говоритъ Сократъ (II, 43; ср. Sosom., IV, 24), былъ севастійскимъ, а не кесарійскимъ епископомъ. Онъ значится въ числѣ епископовъ, подписавшихся на Никейскомъ и Гангрскомъ соборахъ.

[3]) Basil. *Ep.*, 81.

него требовали ее отъ имени господствующей партіи или правительства. Онъ находился во главѣ тѣхъ „Восточныхъ“, которые въ 340 году написали изъ Антіохіи дерзкое посланіе къ папѣ Юлію и низложили его на схизматическомъ соборѣ въ Сардикѣ [1]). Не видно, чтобы Діаній выступалъ за или противъ Василія анкирскаго въ 358 году, но два года спустя онъ подписалъ, подобно многимъ другимъ, риминійско-константинопольскую формулу. Одинъ изъ подвѣдомственныхъ ему епископовъ, тоже прекраснѣйшій человѣкъ, епископъ назіанскій Григорій, отецъ того Григорія, который обезсмертилъ имя этого мѣстечка, имѣлъ слабость поступить такъ же.

Во время своего пребыванія въ Аѳинахъ въ 355 году Юліанъ встрѣтилъ тамъ двухъ весьма выдающихся каппадокійцевъ, Григорія и Василія, которымъ было суждено сдѣлаться великими свѣточами церкви. Григорій былъ сыномъ того назіанскаго епископа, о которомъ я только-что упомянулъ. Этотъ послѣдній былъ святой и замѣчательной личностью: сначала онъ былъ членомъ нѣкоего братства ипсистаріевъ, или почитателей Зевса Ипсиста (Высочайшаго) [2]); въ христіанство онъ обратился благодаря настояніямъ своей жены Нонны и вскорѣ послѣ своего крещенія былъ избранъ въ епископы. Въ то время безбрачіе не было еще всюду обязательнымъ даже и для епископовъ. Григорій и Нонна продолжали супружескую жизнь, и тогда-то у нихъ родился сынъ Григорій. Семья Василія происходила изъ Неокесаріи Понтійской и съ давнихъ поръ была христіанской. Его бабка Макрина пережила гоненіе Діоклетіана, во время котораго бѣжала въ лѣса со своимъ мужемъ; она многое помнила и много разсказывала о св. Григоріи Чудотворцѣ. Отецъ Василія былъ адвокатомъ, пользовавшимся широкой репутаціей, а мать, Еммелія, была дочерью мученика; одинъ изъ дядей св. Василія одновременно съ нимъ занималъ одну изъ епископскихъ каѳедръ. Такъ же какъ его другъ Григорій, будущій епископъ Кесаріи родился въ 329 году. Сблизившись сперва въ школахъ Кесаріи, молодые люди встрѣтились затѣмъ въ Аѳинахъ, гдѣ между ними завязалась тѣсная дружба.

---

[1]) На этомъ соборѣ принимали участіе епископы Юліополя (въ Галатіи), Синопа и Неокесаріи.

[2]) Объ этомъ культѣ, въ которомъ можно различить элементы еврейскаго монотеизма, см. E. Schürer, *Die Juden im Bosporanischen Reiche. Sitzungsberichte d. Academie zu Berlin.* T XIII, 1879. S. 200; et. sq. и Fr. Cumont. *Hypsistos*, Bruxelles, 1897.

Въ то время въ Малой Азіи много говорили объ одномъ аскетѣ, по имени Евстаѳіи [1]), который всюду распространялъ монашескій образъ жизни, тогда бывшій еще нововведеніемъ. Въ своей молодости Евстаѳій жилъ нѣкоторое время въ Александріи и раздѣлялъ воззрѣнія Арія [2]), но главнымъ образомъ онъ предавался аскетической жизни. Когда онъ вернулся къ себѣ на родину, его отецъ Евлалій, епископъ севастійскій [3]), недовольный тѣмъ, что его сынъ привлекалъ къ себѣ вниманіе необычайностью своей одежды, удалилъ его изъ своей церкви. Тогда Евстаѳій примкнулъ къ Гермогену, епископу кесарійскому, который, усомнившись въ его православіи, заставилъ его подписаться подъ символомъ вѣры, а по смерти Гермогена перешелъ къ Евсевію никомидійскому, съ которымъ не поладилъ въ дѣлахъ церковнаго управленія. Образъ жизни Евстаѳія и его проповѣдь аскетической жизни непріятно дѣйствовали на всѣхъ, и всюду порождали ему враговъ. Онъ уже былъ осужденъ соборомъ, собравшимся въ Неокесаріи. Евсевій возбудилъ противъ него преслѣдованіе на другомъ епископскомъ соборѣ, происходившемъ въ Ганграхъ, въ Пафлагоніи, около 340 года. До насъ дошло посланіе по дѣлу Евстаѳія, адресованное соборомъ къ епископамъ Малой Арменіи. Судя по этому документу, Евстаѳій перешелъ мѣру истиннаго аскетизма и вдался уже въ осужденныя церковью крайности древнихъ енкратитовъ. Но дальнѣйшій ходъ его жизни позволяетъ думать, что соборныя обвиненія отличаются преувеличеніемъ,—потому ли, что этотъ соборъ былъ недостаточно освѣдомленъ о тѣхъ злоупотребленіяхъ, какія осуждалъ, или же приписывалъ Евстаѳію крайности слишкомъ ревностныхъ его приверженцевъ. Желая подорвать уваженіе къ браку, новаторы внушали вѣрующимъ, что въ брачномъ состояніи спасеніе невозможно; отсюда—прекращеніе брачныхъ связей и затѣмъ паденія. Новаторы пренебрегали церковными собраніями и устраивали свои особыя собранія, на которыхъ проповѣдовали своеобразныя воззрѣнія. Они придумали необычныя одежды; женщины у нихъ одѣвались одинаково съ мужчинами и остригали себѣ волосы; если рабы облекались въ эти одежды, тогда господа ихъ не могли боль-

---

[1]) См. объ этой личности Fr. Loofs, *Eustathius von Sebaste und die Chronologie der Basilius Briefe*, Halle 1898, и статью Loofs'а объ Евстаѳіи севастійскомъ въ *Encyklopedie* Hauck'а. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, увлеченный желаніемъ реабилитировать Евстаѳія, авторъ немного вдается въ крайности.

[2]) Basil, *Ep.*, 130, 1; 223, 3; 244, 3; 263, 3; Cp. Athan, *Hist. arian*, 4.

[3]) Сократъ (II, 43) и Созоменъ (IV, 24) говорятъ, что Евлалій былъ епископомъ кесарійскимъ. См. стр. 255, прим. 2-е.

ше требовать отъ нихъ повиновенія. Что касается правилъ воздержанія, новаторы пренебрегали церковными установленіями, постясь по воскресеньямъ и вкушая пищу въ постные дни. Они старались отвратить вѣрующихъ отъ приношеній на церковь, а убѣждали ихъ лучше помогать ихъ общинѣ. Нѣкоторые отказывались вкушать мясо и воздерживались отъ всякаго религіознаго общенія съ женатыми людьми, особенно съ женатыми пресвитерами, презирали богослужебныя собранія около гробницъ мучениковъ и проповѣдовали, что если богатые не раздадутъ своего имущества до послѣдней полушки, то не могутъ имѣть никакой надежды на спасеніе. Соборъ энергично порицалъ какъ эти крайности, такъ и другія въ томъ же родѣ, ибо видѣлъ въ нихъ критику установившагося въ церкви уклада религіозной жизни. Позиціи, подобныя той, какую занялъ Евстаѳій, всегда внушаютъ къ себѣ отрицательное отношеніе. Евстаѳій, несомнѣнно, далъ собору какія-нибудь обѣщанія повиноваться, но, вѣроятно, не вполнѣ сдержалъ ихъ, ибо позднѣе былъ осужденъ на Антіохійскомъ соборѣ какъ клятвопреступникъ.

Движеніе однако не остановилось. Евстаѳій, имѣя въ Константинополѣ могущественную поддержку въ лицѣ одного бывшаго сановника, Мараѳонія, ввелъ въ столицу монашескія формы аскетической жизни [1]). Мараѳоній сдѣлался діакономъ епископа Македонія. Евстаѳій, совершенно поглощенный своей пропагандой, тогда вовсе не интересовался ни богословскими симпатіями оффиціальнаго клира, ни борьбой, какая велась противъ св. Аѳанасія. Послѣдній былъ знакомъ съ нимъ и не любилъ его [2]). Прошли года. Около 365 года Евстаѳія наконецъ выбрали епископомъ въ Севастіи, метрополіи Малой Арменіи. Приблизительно въ это время (357 г.) Василій вернулся изъ Аѳинъ въ Каппадокію. Онъ часто слыхалъ объ Евстаѳіи и, можетъ-быть, имѣлъ уже связи съ нимъ. Въ то время онъ колебался между мірской и монашеской жизнью. Вѣроятно, по совѣтамъ севастійскаго епископа, онъ предпринялъ путешествіе въ Египетъ, въ Сирію и Месопотамію, дабы, подобно ему, посѣтить наиболѣе извѣстныхъ отшельниковъ. Проникнувшись идеаломъ отшельнической жизни, онъ вернулся на родину и рѣшительно примкнулъ къ тому, кого почитали какъ великаго наставника въ аскетизмѣ. Евстаѳій сдѣлался и долго оставался для него зерцаломъ

---

1) См. объ этомъ стр. 249.
2) *Ep. ad ep. Aeg et Libyae*, 70: *Hist. ar.*, 5.

совершенства, почти божественнымъ существомъ. Родители и друзья Василія, особенно его сестра Макрина, которая была уже монахиней, и Григорій, его школьный товарищъ, также побуждали его бѣжать отъ міра. Въ долинѣ Ириса, неподалеку отъ Неокесаріи, онъ нашелъ зеленѣющую и вмѣстѣ съ тѣмъ дикую пустыню, гдѣ и водворился съ нѣсколькими сотоварищами. Отъ времени до времени Евстаѳій посѣщалъ своихъ новыхъ учениковъ, и они вмѣстѣ отправлялись навѣщать мать Василія Еммелію, которая жила въ сосѣднемъ мѣстечкѣ.

Въ это время среди восточнаго епископата возгорѣлась борьба. Евстаѳій, котораго его новое епископское званіе обязывало встать на какую-нибудь сторону, игралъ теперь весьма дѣятельную роль. Сообща съ Василіемъ анкирскимъ и Елевсіемъ кизикскимъ онъ руководилъ правой партіей оміусіанъ и очень энергично боролся противъ Аэтія и его покровителей. Послѣ минутнаго успѣха Евстаѳію пришлось видѣть, какъ противная партія получила опять перевѣсъ, и испытать на себѣ одинъ изъ первыхъ ея натисковъ. Соборъ, созванный въ Мелитинѣ (358 г.) подъ вліяніемъ Евдоксія, объявилъ его лишеннымъ епископскаго сана; за что́ именно,—неизвѣстно, но, вѣроятно, подъ предлогомъ какой-нибудь особенности его аскетическаго образа жизни. Одинъ мелитинскій пресвитеръ, Мелетій, принялъ его наслѣдіе и былъ рукоположенъ на его мѣсто. Но жители Севастіи не захотѣли его принять, и Евстаѳій остался епископомъ, заявивъ, что такъ какъ низложившіе его были еретиками, то онъ не обязанъ считаться съ ихъ приговорами.

Болѣе труднымъ для него былъ тотъ кризисъ, который завершился, въ началѣ 360 года, осужденіемъ термина ὁμοιούσιος и низложеніемъ всѣхъ его сторонниковъ. Подобно другимъ руководителямъ оміусіанской партіи, и Евстаѳію пришлось въ послѣднюю минуту покориться и дать свою подпись подъ риминійской формулой; несмотря на эту жертву онъ, какъ и его сотоварищи, былъ низложенъ по другимъ причинамъ. Вмѣстѣ съ нимъ пали Софроній, епископъ помпейпольскій, въ Пафлагоніи, и Елпидій, епископъ саталскій, въ Малой Арменіи; послѣдній, какъ и митрополитъ севастійскій, оказался виновнымъ въ пренебрежительномъ отношеніи къ приговорамъ мелитинскаго собора. Евстаѳій былъ изгнанъ въ Дарданію. Юный Василій, который сопровождалъ его въ Константинополь, вернулся къ себѣ на родину и имѣлъ огорченіе узнать, что Діаній, епископъ кесарійскій, котораго онъ любилъ и почиталъ, подписался, какъ и другіе, подъ риминійскимъ

исповѣданіемъ. Огорченный этой слабостью своего епископа, Василій удалился въ свою понтійскую пустыню, откуда вернулся въ Кесарію только за тѣмъ, чтобы присутствовать при послѣднихъ минутахъ престарѣлаго Діанія, который заявилъ ему, что несмотря на свои подписи онъ внутренно остается преданнымъ никейской вѣрѣ. Шелъ 362 годъ; царствовалъ Юліанъ; даже если бы Діаній былъ и не при смерти, онъ могъ бы безъ страха объявить себя омоусіаниномъ. Онъ скончался, оплакиваемый своимъ ученикомъ, и на его мѣсто, послѣ шумныхъ споровъ, былъ въ концѣ-концовъ избранъ одинъ изъ родовитыхъ гражданъ Кесаріи по имени Евсевій, человѣкъ, заслуживавшій уваженія по своей жизни и благочестію, но еще находившійся въ числѣ оглашенныхъ и мало освѣдомленный въ церковныхъ дѣлахъ. Василій былъ еще чтецомъ. Евсевій возвелъ его въ пресвитерскій санъ ко всеобщей радости, особенно монаховъ и ихъ сторонниковъ. Трудно было, чтобы столь выдающійся пресвитеръ не возбудилъ къ себѣ зависти; удалось поссорить его съ епископомъ. Монашеская партія уже встала было на защиту Василія, но послѣдній принялъ мудрое рѣшеніе покинуть Кесарію и удалиться еще разъ въ излюбленное имъ понтійское уединеніе. Однако наступали опять трудныя времена. Всюду возвѣщенъ былъ эдиктъ Валента, направленный противъ епископовъ, занявшихъ свои каѳедры вопреки ихъ низложенію въ царствованіе Констанція. Этотъ эдиктъ касался Евстаѳія, а не Евсевія. Но императоръ и его окружающіе, какъ епископы, такъ и міряне, открыто агитировали въ пользу риминійскаго исповѣданія. Въ Кесаріи было возвѣщено, что Валентъ пріѣдетъ сюда по пути въ Антіохію. Епископъ вызвалъ Василія, который съ помощью своего друга Григорія оказалъ ему энергичное содѣйствіе въ этотъ тревожный моментъ. Гроза миновала, спокойствіе не нарушилось. Василій тогда былъ вовлеченъ въ переговоры Евстаѳія съ Западомъ. Они вмѣстѣ отправились къ епископу тарсскому Сильвану, чтобы уговориться съ нимъ насчетъ Лампсакскаго собора. Евстаѳій хотѣлъ даже взять его съ собой на этотъ соборъ, но Василій остался въ Кесаріи; когда же Евстаѳій и Сильванъ вернулись изъ Рима, онъ сопутствовалъ своему епископу на Тіанскій соборъ, гдѣ были предъявлены письма папы Либерія.

Прошло нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ Василій, облеченный съ той поры довѣріемъ Евсевія, управлялъ отъ его имени кесарійской церковью. Наконецъ, въ 370 году епископъ умеръ, и Василій послѣ многихъ пререканій былъ избранъ на его

мѣсто. Престарѣлый епископъ назіанзскій и Евсевій самосатскій находились въ числѣ лицъ, рукоположившихъ его.

Невозможно было сдѣлать лучшаго выбора. Василій обладалъ всевозможными достоинствами: личной святостью, широкимъ умственнымъ образованіемъ, краснорѣчіемъ, богословскими познаніями. политическимъ умомъ. Съ точки зрѣнія православія, онъ былъ безусловно безукоризненъ, такъ какъ не былъ скомпрометтированъ участіемъ въ партіяхъ и подписяхъ. Онъ былъ представителемъ древней, простой, понтійской вѣры, въ какой онъ былъ наученъ и воспитанъ въ кругу своей благочестивой семьи. Его рукоположеніе было вполнѣ канонично. Знаменитый Аѳанасій встрепенулся отъ радости въ своемъ епископскомъ домѣ въ Александріи; при первомъ случаѣ онъ возблагодарилъ небо за ниспосланіе въ Каппадокію епископа, какого всюду желательно было имѣть: истиннаго слугу Господня. Старый борецъ за вѣру могъ теперь уйти изъ этого міра: ему было кому передать свой свѣтильникъ.

Если Василій былъ человѣкомъ незаурядной силы, то трудности, какія предстояли ему въ виду его положенія, были достойны его. Валентъ долженъ былъ вскорѣ вернуться въ Кесарію. Въ 365 году онъ былъ внезапно вызванъ отсюда на борьбу со своимъ соперникомъ Прокопіемъ; покончивъ съ этимъ дѣломъ, онъ вынужденъ былъ затѣмъ три или четыре года воевать на Нижнемъ Дунаѣ. Теперь какъ со стороны претендента, такъ и готовъ руки у него были развязаны. Онъ собирался ѣхать въ Антіохію. Валентъ былъ человѣкъ властный, грубый и настойчивый. Среди столкновенія религіозныхъ партій онъ съ перваго же года своего царствованія занялъ опредѣленную позицію и остался до конца вѣренъ ей, оказывая рѣшительную поддержку Евдоксію, Евзоію и ихъ сторонникамъ. Константинопольская каѳедра освободилась въ 370 году, около того же времени, что и кесарійская; онъ призвалъ туда епископа Демофила изъ Веріи, во Ѳракіи,—того самаго, который былъ одно время злымъ геніемъ папы Либерія. Этотъ выборъ не остался безъ протеста. Когда имя Демофила было провозглашено въ столицѣ, въ собраніи вѣрующихъ, то вмѣсто обычнаго восклицанія: „Достоинъ!“ послышалось много голосовъ, кричавшихъ: „Недостоинъ!“ Протестовавшіе подверглись весьма суровому преслѣдованію. Нѣкоторые изъ нихъ вознамѣрились-было отправиться въ Никомидію, чтобы принести жалобу императору, но получили отъ него въ отвѣтъ приказъ объ изгнаніи. Ихъ, въ числѣ восьмидесяти человѣкъ, посадили на корабль, затѣмъ, когда

корабль вышелъ въ открытое море, экипажъ поджегъ судно, а самъ спасся на шлюпкахъ.

Такая расправа была въ состояніи посѣять тревогу среди малоазійскаго епископата. Готы были усмирены; теперь очередь была за епископами: ясно было, что съ ними церемониться не будутъ. Процедура была весьма простой, какъ мы можемъ въ томъ убѣдиться изъ значительнаго числа примѣровъ. Епископамъ предъявляли риминійско-константинопольскую формулу, если они еще подъ ней не расписались, и брали отъ нихъ ручательство, что они будутъ соблюдать общеніе съ руководителями этой партіи. Въ случаѣ отказа, отъ сопротивлявшагося клира отбирались церкви, его лишали всѣхъ привилегій, особенно относившихся къ куріальнымъ обязанностямъ; монаховъ отправляли въ казармы. Если гдѣ происходили волненія или гдѣ можно было ожидать ихъ, тамъ епископы и клирики ссылались въ отдаленныя провинціи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сопротивленіе подавлялось вооруженной силой. Происходили прискорбныя сцены: церкви подвергались осадѣ и оскверненіямъ, случались кровопролитія, выносились суровые судебные приговоры.

Такой режимъ примѣнялся повсемѣстно, однако не одновременно. Въ Египтѣ выжидали смерти Аѳанасія (2 мая 373 года). Клиръ и александрійская паства поспѣшили избрать на его мѣсто его брата Петра [1]), на котораго указалъ Аѳанасій. Но правительство не утвердило этого выбора: оно желало водворенія Лукія находившагося во главѣ александрійскихъ аріанъ. Съ этой цѣлью полиція подъ предводительствомъ префекта Палладія съ помощью самаго гнуснаго сброда вторглась еще разъ въ церковь Ѳеоны. Дѣвственницы, посвященныя Богу, подвергались надругательствамъ; ихъ убивали, обезчещивали, таскали обнаженными по городу. Одинъ юноша, нарумяненый, нарядившись женщиной, влѣзъ на алтарь и исполнялъ на немъ циничные танцы, въ то время какъ другой, совершенно голый, сидѣлъ на каѳедрѣ, которую занималъ нѣкогда Аѳанасій, и велъ оттуда непристойныя бесѣды. Поруганная такимъ образомъ почитаемая базилика приняла избранника Валента. Лукій вступилъ въ нее въ сопровожденіи комита Магна, завѣдывавшаго раздачей милостыни, и престарѣлаго Евзоія. Послѣдній нарочно прибылъ изъ Антіохіи, чтобы совершить это послѣднее посягательство на александрійскую церковь;

---

1) Петръ было тотчасъ признанъ св. Василіемъ (*ep.* 133) и папою Дамасомъ.

Евзоій такимъ образомъ мстилъ за тотъ приговоръ, согласно которому онъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ вмѣстѣ съ Аріемъ былъ изгнанъ епископомъ Александромъ. Въ послѣдующіе дни было возбуждено преслѣдованіе противъ клира. До двадцати человѣкъ пресвитеровъ и діаконовъ, между которыми были восьмидесятилѣтніе старцы, были ввергнуты въ тюрьму и затѣмъ отправлены моремъ въ Сирію, гдѣ ихъ водворили въ языческомъ городѣ Иліополѣ (Baалбекъ). Населеніе и въ особенности монахи протестовали; наиболѣе рьяные, въ количествѣ двадцати трехъ человѣкъ, были арестованы и отправлены на Фэноскіе и Проконесскіе рудники. Среди сосланныхъ въ Фэно былъ римскій діаконъ, посланный папой Дамасомъ, чтобы привѣтствовать Петра по поводу его избранія.

Эти суровыя мѣры распространились по всему Египту. Магнъ, дѣйствуя въ качествѣ императорскаго коммиссара, переѣзжалъ изъ одного епископскаго города въ другой, чтобы добиться отъ нихъ признанія указаннаго правительствомъ патріарха, сурово расправляясь съ тѣми, кто противился ему. Одиннадцать епископовъ были имъ низложены съ каѳедръ и отправлены въ Палестину, въ Діокесарію, галилейское мѣстечко, гдѣ жили одни евреи. Нѣкоторые изъ протестовавшихъ отправились-было въ Антіохію, чтобы подать жалобу императору, но получили отъ него приказъ объ изгнаніи, ссылавшій ихъ въ Неокесарію, въ глубь Понта. Епископу Петру, скорбному свидѣтелю всѣхъ этихъ ужасовъ, недолго удалось скрываться въ Египтѣ; онъ рѣшился бѣжать въ Римъ, гдѣ сталъ выжидать, при папѣ Дамасѣ, возврата лучшихъ дней. Такимъ образомъ нѣкогда поступилъ его братъ Аѳанасій во время захвата каѳедры Григоріемъ (339 г.). Петръ, также подражая Аѳанасію, довелъ до свѣдѣнія каѳолическаго епископата о насиліяхъ, вынудившихъ его покинуть александрійскую каѳедру [1]).

О другихъ странахъ сохранилось меньше подробностей, но съ каѳоликами всюду обращались съ той же суровостью. Мелетій [2]) въ третій разъ былъ изгнанъ изъ Антіохіи. Флавіанъ и Діодоръ, ставшіе теперь пресвитерами, приняли на себя управленіе церковью. Церковныя зданія были переданы Евзоію и его клиру. Ка-

---

[1]) Посланіе, въ значительной части сохранившееся у Ѳеодорита (*H. E.*, IV, 19), Ср. Socr., IV, 22. См. объ этихъ событіяхъ у Руфина, II, 3, 4; Ср. Socr., IV, 20—24; Sosom, VI, 19, 20.

[2]) Первая ссылка его была во времена Констанція (361); вторая была, очевидно, вслѣдствіе указа 365 г. Она продолжалась недолго, ибо исторія Іоанна Златоуста предполагаетъ присутствіе Мелетія въ Антіохіи съ 367 по 370 г.

ѳолики, гонимые изъ одного убѣжища въ другое, стали, наконецъ, собираться въ деревнѣ, отчего ихъ стали называть „деревенскими“ *(campenses)*. Бодрость въ нихъ поддерживалась увѣщаніями ихъ доблестныхъ руководителей и нѣсколькими знаменитыми монахами, поспѣшившими явиться изъ сосѣднихъ пустынь, дабы оказать имъ помощь въ ихъ сопротивленіи. Пелагій лаодикійскій, Евсевій самосатскій, Варзесъ эдесскій, Авраамъ батнскій и нѣкоторые другіе подверглись изгнанію вмѣстѣ со значительнымъ числомъ членовъ низшаго клира. Таковъ былъ разгромъ повсюду.

Впрочемъ почти не раздавалось жалобъ со стороны западной части Малой Азіи и Виѳиніи. Въ этихъ странахъ преобладали „македоніане“; ничего неизвѣстно о томъ, какъ они держали себя и подверглись ли они преслѣдованію на-ряду съ прочими [1]). Повидимому въ Галатіи и Пафлагоніи сопротивленіе было слабое. Гангрскій епископъ Василидъ былъ аріаниномъ; Аѳанасій анкирскій, скончавшійся во время этихъ событій (371 г.), былъ замѣщенъ преемникомъ, угоднымъ правительству. Съ тѣхъ поръ между Галатіей и Каппадокіей общеніе было нарушено. Въ этой послѣдней странѣ Василій, на котораго пытались воздѣйствовать сначала префектъ Модестъ, а затѣмъ лично императоръ, проявилъ удивительную стойкость (зимой 371—372 года). Смягчая свою твердость осторожностью [2]), будучи силенъ своими личными достоинствами, яркими добродѣтелями и популярностью, онъ сумѣлъ удержать за собой управленіе своей церковью. Валентъ не навязывалъ ему ни формулъ, ни общенія съ сомнительными епископами. Онъ удовольствовался тѣмъ, что лично присутствовалъ на церковныхъ службахъ, совершавшихся подъ предстоятельствомъ кесарійскаго архіепископа. Онъ, безъ сомнѣнія, принялъ во вниманіе, что такого епископа трудно смѣстить и замѣнить. Какъ бы то ни было, но для Василія было сдѣлано исключеніе [3]); его оставили жить въ Кесаріи, такъ же какъ и Аѳанасію дали умереть въ Александріи. Онъ въ 372 г. получилъ даже оффиціальную команди-

---

[1]) См. однако вышеупомянутую эпитафію Македонія изъ Аполлоніады. Стр. 247, прим. 1-е.

[2]) Повидимому, его отказъ былъ скорѣе уклончивымъ, нежели рѣшительнымъ. Въ 375 г. въ письмѣ къ викарію Демосѳену (*Ep.* 225) онъ проситъ его не принуждать его встрѣчаться съ епископами, съ которыми „мы еще (οὔπω) не достигли соглашенія по церковнымъ вопросамъ“. Рѣчь идетъ объ аріанскихъ епископахъ, державшихся риминійскаго исповѣданія.

[3]) Отношенія, установившіяся между Валентомъ и Василіемъ, были приблизительно таковы же, какъ Валентиніана къ Авксентію.

ровку въ Армянское царство, дабы уладить тамошнія религіозныя дѣла и рукоположить епископовъ. Повидимому также, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, оставили въ покоѣ и прочихъ каппадокійскихъ епископовъ, равно какъ въ Малой Арменіи и въ понтійскихъ провинціяхъ. Мы дѣйствительно не видимъ, чтобы потревожили Евстаѳія севастійскаго, который, несомнѣнно, не подчинился собору 360 года, равно какъ епископовъ неокесарійскаго и никопольскаго, которые еще менѣе были покорны этому собору.

Весной (372 года) Валентъ уѣхалъ въ Антіохію, и жители Кесаріи вздохнули свободнѣе. Имъ причиняли стѣсненія не только по религіознымъ вопросамъ. Правительство Валента было занято въ то время переустройствомъ провинціальныхъ округовъ. Каппадокія, за счетъ которой уже выкроили двѣ провинціи,—Малую Арменію и Понтъ,—должна была еще разъ подвергнуться раздробленію. Создали II-ю Каппадокію, заключавшую въ себѣ западную и южную части древней провинціи, съ городами Тіанами, Колоніей (Архелаидой), Кибистрой, Фаустинополемъ, и на сѣверъ отъ Халиса, съ областями Мокисса и Доары. Къ этому же округу принадлежали почтовыя станціи Сасимъ, Назіанзъ [1]), Парнассъ, изъ коихъ двѣ послѣднія имѣли уже епископскія каѳедры. Другая почтовая станція, Подандъ, расположенная среди Тавра, при выходѣ изъ Киликійскихъ воротъ, осталась внѣ черты новой провинціи. Было рѣшено основать тамъ новый городъ, приписавъ къ нему извѣстное число кесарійскихъ куріаловъ. Послѣднимъ мало улыбалась мысль отправиться на жительство въ такую глухую страну, и они искали себѣ защиты во вліяніи своего епископа, которому удалось добиться отмѣны этой мѣры. Подандъ остался навсегда округомъ или областью (ῥεγεών), зависѣвшей отъ I-й Каппадокіи.

Василій могъ вступиться въ это дѣло, непосредственно задѣвавшее интересы его паствы, но, очевидно, у него не было уважительной причины противиться раздробленію провинціи, и онъ воздержался отъ этого протеста [2]). Тіаны сдѣлались такимъ обра-

---

[1]) Быть-можетъ, Назіанзъ, подъ именемъ Діокесаріи, имѣлъ городское устройство.

[2]) Часто высказывали мысль, что это раздробленіе Каппадокіи было направлено противъ Василія, вліяніе котораго пытались ограничить такимъ образомъ. Но вліяніе такого человѣка не могло зависѣть отъ большаго или меньшаго размѣра его митрополичьяго округа. Правительство располагало болѣе прямыми и дѣйствительными средствами дѣлать ему непріятности.

зомъ гражданской метрополіей. Епископъ этого города Анѳимъ не замедлилъ воспользоваться въ области церковнаго управленія послѣдствіями административнаго дробленія: онъ посягнулъ на то, чтобы сдѣлаться митрополитомъ, церковнымъ главой епископовъ, находившихся въ новой гражданской области. Василій воспротивился этому притязанію. Отсюда произошелъ раздоръ; кесарійскій епископъ защищался, какъ могъ, а именно учреждая новыя епископскія каѳедры. Назіанзъ остался вѣренъ ему; въ Ниссѣ, маленькомъ мѣстечкѣ, на западъ отъ Кесаріи, Василій водворилъ своего брата Григорія; на югѣ онъ хотѣлъ имѣть епископа въ Сасимѣ, на пути въ Киликію, и принудилъ своего друга Григорія принять это званіе. Кесарійская церковь имѣла въ Таврѣ значительныя владѣнія, и тамошніе продукты натурой должны были проходить чрезъ новую провинцію, чтобы достигать Кесаріи. Анѳимъ перехватывалъ эти обозы. Несмотря на заявленія Григорія, что онъ не желаетъ вмѣшиваться въ это дѣло и воевать съ Анѳимомъ, чтобы защищать куръ и муловъ Василія, епископъ кесарійскій настоялъ на своемъ и рукоположилъ упрямаго друга. Но онъ не могъ убѣдить его исполнять епископскія обязанности въ Сасимѣ. Григорій никогда не совершалъ тамъ богослуженія и не посвятилъ тамъ ни единаго клирика. Сасимъ внушалъ ему отвращеніе. Мѣстоположеніе его было печальное: нѣсколько домиковъ вокругъ почтовой станціи; ни воды, ни зелени, одна пыль да непрестанный шумъ возовъ [1]). Его населеніе—бродяги, иноземцы, палачи со своими жертвами, стоны которыхъ раздавались вмѣстѣ съ лязгомъ цѣпей. Изъ-за этого злосчастнаго епископства въ Сасимѣ Григорію было суждено пережить много непріятностей. Что же касается Василія, то онъ сначала встрѣтилъ непріятныя противодѣйствія со стороны каппадокійскихъ епископовъ, но въ концѣ-концовъ онъ вышелъ изъ этой борьбы побѣдителемъ. Въ Кесаріи его положеніе было весьма вліятельно. Оно еще болѣе усилилось, когда онъ одарилъ этотъ большой городъ громадными благотворительными учрежденіями, зданія которыхъ образовали въ предмѣстьяхъ какъ бы новый городъ; его называли „Василіадой". Императоръ Валентъ помогъ ему въ ихъ сооруженіи, уступивъ ему казенныя земли.

Василій оставался въ весьма хорошихъ отношеніяхъ съ Евстаѳіемъ, епископомъ севастійскимъ. Евстаѳій также основалъ возлѣ

---

1) Greg. Naziaz. *Carm. de vita sua*, vers. 439—446.

своего епископскаго города нѣчто вродѣ обширнаго госпиталя который и послужилъ образцомъ для Василіады кесарійской. Въ началѣ своего епископскаго служенія онъ поручилъ управленіе этимъ госпиталемъ нѣкоему Аэрію [1]), своему сотоварищу по аскетической жизни, который, какъ говорятъ, злобствовалъ на Еставія за то, что тотъ былъ предпочтенъ ему при избраніи на епископскую каѳедру. Отношенія между ними не улучшились, а весьма обострились, такъ что въ одинъ прекрасный день Аэрій покинулъ свою должность и сталъ поносить Евстаѳія, обвиняя его въ скупости и порицая его самыя законныя административныя мѣропріятія. Аэрій имѣлъ сторонниковъ; они откололись вмѣстѣ съ нимъ и послѣдовали за нимъ на тайныя сходбища, которыя тотъ устраивалъ въ окрестныхъ пещерахъ. Онъ поучалъ ихъ, что пресвитеры—не ниже епископовъ, что праздникъ пасхи—лишь старый пережитокъ юдаизма, что не должно быть опредѣленныхъ временъ для поста и что безполезно молиться за умершихъ.

Вѣроятно, аэріане были немногочисленны, ибо, хотя въ ихъ время и въ ихъ странѣ было немало писателей, однако св. Епифаній является единственнымъ авторомъ, который упоминаетъ о нихъ, сожалѣя, правда, объ ихъ заблужденіяхъ, но въ сущности довольный, что благодаря имъ его сборникъ ересей обогатился еще однимъ документомъ. По его мнѣнію, очевидно, слишкомъ строгому, Аэрій и Евстаѳій оба были аріанами: Аэрій—открытымъ, а Евстаѳій—осторожнымъ.

Достовѣрно то, что на Евстаѳія довольно неблагосклонно смотрѣли не только старые никейцы, какъ Аѳанасій, Епифаній и Павлинъ, но и сами ново-никейцы. Послѣдніе, съ Мелетіемъ во главѣ, приняли всѣ условія Аѳанасія, т. е. не только никейскій символъ, но и ясное исповѣданіе безусловной божественности Св. Духа. Евстаѳій, всегдашній любитель среднихъ терминовъ, не говорилъ, что Духъ Святой—тварное существо, но и не утверждалъ также, что Онъ—Богъ. Возможно, что такая сдержанность казалась ему необходимой. Я уже говорилъ, что такой позиціи придерживались и многіе другіе, и что самъ Василій при всей своей твердости въ этомъ пунктѣ старался нѣсколько смягчать его въ изложеніи передъ своей паствой.

Это сходство въ образѣ дѣйствій способствовало усиленію того непріятнаго впечатлѣнія, какое уже производила близкая дружба

---

[1]) Объ Аэріи см. у Епифанія, *Haer.* 74.

Василія съ севастійскимъ сосѣдомъ. Послѣдній, считая Василія своимъ ученикомъ, отпустилъ къ нему на-время нѣсколько человѣкъ изъ своихъ монаховъ, чтобы помочь ему организовать свои учрежденія. Благодаря этимъ посредникамъ Севастія имѣла наблюденіе за Кесаріей. Монахи Евстаѳія вскорѣ позволили себѣ критиковать Василія, вслѣдствіе чего между друзьями произошло охлажденіе [1]) и отношенія стали болѣе или менѣе сдержанными. Изъ всего этого создалось довольно трудное положеніе, которое въ концѣ-концовъ стало натянутымъ и, какъ мы увидимъ, привело къ разрыву между Василіемъ и Евстаѳіемъ.

Религіозная политика императора Валента представляла печальный контрастъ съ политикой его брата Валентиніана [2]). Многимъ жителямъ Востока должно было казаться, что они живутъ подъ несчастной звѣздой. Въ давно минувшія времена великаго гоненія Западъ терпѣлъ испытаніе лишь въ теченіе двухъ лѣтъ, причемъ нѣкоторыхъ странъ оно едва коснулось, тогда какъ Востокъ отъ Діоклетіана до Галерія и отъ Галерія до Максимина пережилъ десять злополучныхъ лѣтъ крайнихъ бѣдствій. Ликиній и Юліанъ обрушились лишь на Востокъ. Западные епископы терпѣли отъ Констанція лишь въ послѣдніе годы его царствованія. Съ воцаренія Юліана никто не думалъ тѣснить ихъ. Не естественно ли было, что, пользуясь, такимъ образомъ, милостями Провидѣнія, Западные приложили стараніе оказать помощь въ несчастіяхъ восточнымъ собратіямъ? Гонимый Констанціемъ Аѳанасій нашелъ у нихъ убѣжище и поддержку. Они заинтересовали его судьбой своего императора Константа. Нельзя ли было надѣяться и теперь, что Валентиніанъ, разъ въ Валентѣ воскресалъ Констанцій, также окажетъ вліятельное заступничество передъ своимъ братомъ? Очевидно, онъ сдѣлаетъ это, если западный епископатъ энергично выскажется въ пользу гонимыхъ. И западный епископатъ обязанъ сдѣлать это, такъ какъ православные и бла-

---

1) *Ep.*, 119.

2) О послѣдней однако нельзя судить по письму, воспроизведенному у Ѳеодорита (*H. E.*, IV. 7),—письму, явно апокрифическому, какъ и синодальное посланіе (IV, 8), которое за нимъ слѣдуетъ. Императорское посланіе, надписанное именами императоровъ Валентиніана, Валента и Граціана, обращается къ пневматомахамъ въ Азіи, проповѣдуетъ имъ Троицу единосущную въ трехъ ипостасяхъ и угрожаетъ анаѳемой, что вовсе не въ императорскомъ стилѣ. Оно возбуждаетъ подданныхъ Валента къ неповиновенію повелѣніямъ ихъ государя, котораго изобрѣтатель этого документа представляетъ себѣ, очевидно, какъ исключительнаго защитника ереси противъ Духа Святаго. Странно, что Тильмонъ признаlъ значеніе за такими несообразностями.

гонамѣренные представители Востока исполнили свой долгъ въ Селевкіи и если пошли на уступку въ Константинополѣ, то только потому, что имъ могли указать на великое риминійское паденіе. На Западѣ наступило спокойствіе, при первомъ моментѣ котораго Западные отреклись отъ риминійскаго акта, и въ этомъ новомъ положеніи имъ легко было проявлять свою твердость. Риминійская ошибка тяготѣла надъ Востокомъ, и тяготѣла сурово.

Проникнутый этими мыслями, Василій съ самаго вступленія на епископскую каѳедру сталъ хлопотать, чтобы побудить западную церковь заинтересоваться бѣдствіями своей восточной сестры. Лучшимъ посредникомъ для такихъ переговоровъ былъ, очевидно, александрійскій епископъ. Аѳанасій, повидимому, не былъ въ особо близкихъ отношеніяхъ къ папѣ Либерію въ послѣдніе годы его жизни [1]). Онъ находился въ лучшихъ отношеніяхъ съ новымъ папой Дамасомъ, котораго онъ просилъ въ 371 году осудить не только Урзакія и Валента, но также Авксентія, епископа миланскаго, изо всѣхъ приверженцевъ риминійскаго исповѣданія пользовавшагося наибольшимъ довѣріемъ у императора Валентиніана. Василій отправилъ письмо Аѳанасію [2]), прося его побудить Западъ къ дѣятельности въ пользу улучшенія общаго положенія и осуществить то, что является подъ силу только одному ему, Аѳанасію: объединить православныхъ въ Антіохіи. Антіохія въ глазахъ Василія была матерью восточныхъ церквей [3]). Общее умиротвореніе зависѣло отъ ея внутренняго единства, сильно пошатнувшагося вслѣдствіе раскола между Павлиномъ и Мелетіемъ

Отвѣтъ Аѳанасія, доставленный однимъ изъ его пресвитеровъ, придалъ Василію смѣлость сдѣлать болѣе рѣшительный шагъ. Онъ посовѣтовался съ Мелетіемъ, и одинъ мелетіанскій діаконъ изъ Антіохіи, Дороѳей, былъ назначенъ для поѣздки въ Римъ [4]). Онъ повезъ письмо [5]), составленное въ общихъ выраженіяхъ, гдѣ римлянамъ напоминалось объ ихъ обязанностяхъ по отношенію къ

---

[1]) Если бы они были въ хорошихъ отношеніяхъ, Либерій не принялъ бы съ такой готовностью посланцевъ Лампсакскаго собора. Дамасъ проявлялъ гораздо больше осторожности въ отношеніяхъ къ Восточнымъ.

[2]) *Ep.* 66.

[3]) Даже всего міра, если принять въ строгомъ смыслѣ одно изъ его выраженій: Τι δ' ἂν γένοιτο ταῖς κατὰ τὴν οἰκουμένην ἐκκλησίαις τῆς Ἀντιοχείας ἐπικαιρότερον; продолженіе текста показываетъ, что рѣчь идетъ главнымъ образомъ о Востокѣ.

[4]) *Ep.* 68.

[5]) *Ep.* 70.

восточнымъ церквамъ, которымъ нѣкогда помогалъ папа Діонисій [1]). Въ настоящее время требуется прислать въ Антіохію православныхъ и миролюбивыхъ лицъ, способныхъ возстановить нарушенное согласіе. Дороѳей былъ снабженъ рекомендаціями къ александрійскому епископу [2]), которому Василій сообщалъ свои пожеланія: Западные должны были прислать всѣ документы того, что было сдѣлано у нихъ со времени Риминійскаго собора, осудить Маркелла и устроить антіохійскія дѣла. До сихъ поръ они осудили только Арія; при всякомъ удобномъ случаѣ они подтверждали это осужденіе, но ничего не высказывали по отношенію къ Маркеллу. Что же касается до Антіохіи, то само собою разумѣлось, что единственно допустимое умиротвореніе ея заключалось въ признаніи правъ Мелетія.

Тѣмъ временемъ Василій просилъ Аѳанасія дать восточнымъ епископамъ возможность воспользоваться преимуществами церковнаго общенія съ нимъ [3]). Для полной увѣренности въ томъ, что Аѳанасій не будетъ вовлеченъ въ обманъ, онъ долженъ былъ отправить свои письма къ Василію, который уже обязывался передать ихъ въ вѣрныя руки.

Все это, повидимому, ни къ чему не повело. По прибытіи въ Александрію Дороѳея разубѣдили плыть въ Италію. Осужденіе Маркелла для Западныхъ равносильно было формальному самоосужденію [4]). Что же касается до признанія Мелетія, это равнялось бы отверженію Аѳанасія, который, какъ то было извѣстно въ Римѣ, открыто поддерживалъ Павлина.

Однако Аѳанасій счелъ возможнымъ установить сношенія между Римомъ и Василіемъ. Одинъ миланскій діаконъ, повидимому, не состоявшій на службѣ, ибо онъ не находился въ зависимости отъ Авксентія, высадился въ Александріи и привезъ соборное посланіе, въ которомъ Дамасъ, во главѣ 92 епископовъ, сообщалъ объ осужденіи Авксентія и Риминійскаго собора. Сабинъ,—такъ звали этого діакона,—былъ посланъ съ этимъ документомъ въ Кесарію. Этотъ документъ не могъ быть по душѣ Василію, ибо въ немъ говорилось, что Отецъ, Сынъ и Святой Духъ—одинаковой божественности, оди-

---

1) См. т. I. стр. 326.
2) *Ep.* 69, 67.
3) *Ep.* 82.
4) Василій былъ вполнѣ правъ, когда говорилъ (*Ep.* 69, 2), что ересь Маркелла доказывается его книгами; но вѣдь, ознакомившись именно съ этими книгами, Римскій и Сардикскій соборъ реабилитировали его.

наковаго достоинства, одного образа, одной *субстанціи. Субстанція* же по-латыни значитъ то же, что *ипостась* по-гречески. Кесарійскій епископъ не могъ допустить этой терминологіи иначе, какъ лишь истолковавъ ее въ благопріятномъ смыслѣ. Но Василій зналъ, что латинскій языкъ довольно бѣденъ и, главное, что въ немъ нѣтъ термина *сущность* (οὐσία). Вмѣсто того, чтобы придираться, онъ ухватился за удобный случай и передалъ Сабину цѣлый пакетъ съ письмами [1]): для Западныхъ вообще, для Валеріана аквилейскаго, для италійскихъ и галльскихъ епископовъ. Послѣднее посланіе было написано отъ имени Мелетія, Евсевія самосатскаго, Василія, Григорія назіанзскаго (отца,), Анѳима тіанскаго, Пелагія лаодикійскаго, Евстаѳія севастійскаго, Ѳеодота никопольскаго и другихъ, всего отъ тридцати двухъ восточныхъ епископовъ. На этотъ разъ было приложено большое стараніе избѣгнуть щекотливыхъ опредѣленій; авторы посланія ограничивались просьбой къ западнымъ соепископамъ, дабы они сжалились и прислали только лицъ, коимъ было бы довѣрено разобраться въ положеніи дѣла и водворить миръ.

Василій не опустилъ случая, чтобы побудить Мелетія выразить преданность Аѳанасію; онъ также желалъ бы, чтобы Мелетій послалъ кого-нибудь на Западъ [2]). Но Мелетій никого не послалъ.

Сабинъ уѣхалъ обратно весной 372 года. Прошелъ по крайней мѣрѣ годъ, въ теченіе котораго ничего не было слышно о Западныхъ. Наконецъ, лѣтомъ слѣдующаго года (373) изъ Италіи прибылъ антіохійскій пресвитеръ Евагрій, который одиннадцать лѣтъ тому назадъ послѣдовалъ въ Италію за знаменитымъ исповѣдникомъ Евсевіемъ верчелльскимъ. Послѣ кончины послѣдняго онъ возвращался къ себѣ на родину. Онъ привезъ изъ Рима формулу для подписи съ условіемъ не измѣнять въ ней ни единой буквы,— равно какъ письма, которыя въ прошедшемъ году были вручены Сабину: они не понравились на Западѣ. Надо сознаться, что такое обращеніе было крайне нелюбезно. Оно не смягчалось и приглашеніемъ, чтобы Восточные сами потрудились явиться въ Римъ и тѣмъ доставить ему предлогъ отдать свой визитъ [3]).

Василій былъ оскорбленъ; съ тѣхъ поръ онъ составилъ себѣ невыгодное понятіе о Западныхъ, и ихъ глава, папа Дамасъ, представлялся ему человѣкомъ надменнымъ и безсердечнымъ. Къ тому же

---

1) *Ep.* 90, 91, 92.
2) *Ep.* 89.
3) *Ep.* 138, 2. Ср. 140, 156.

кончина Аѳанасія какъ-разъ въ это время отняла у него лучшую опору для его дѣйствій. Александрія оказалась въ рукахъ аріанъ, и египетскій епископатъ подвергся самому суровому гоненію. Переговоры съ Западомъ были прерваны. Къ довершенію всего Евагрій, прибывъ въ Антіохію, отказался присоединиться къ Мелетію и вошелъ въ общеніе съ Павлиномъ [1]).

Въ это самое время произошелъ разрывъ Василія съ Евстаѳіемъ.

Евстаѳій, помимо Василія, имѣлъ мало друзей. Одни его ненавидѣли за его монаховъ, другіе—за его ученіе. Не было возможности склонить его къ какой-либо опредѣленной позиціи по вопросу о Святомъ Духѣ; несмотря на его замалчиванія видно было, что онъ склоняется къ мнѣнію, отрицающему Его абсолютную божественность. Въ асійскихъ провинціяхъ, въ Геллеспонтѣ, въ Виѳиніи, онъ былъ бы въ полномъ согласіи съ другими епископами. Внутри же Понта въ пользу противоположнаго ученія склонились наиболѣе сильные голоса, а нѣкоторые сами по себѣ, быть-можетъ, и не стояли бы съ такой ревностью за Святаго Духа, но склонялись въ эту сторону, чтобы не быть на сторонѣ Евстаѳія. Василій, которому эта дружба стоила каждый день новыхъ заботъ, рѣшилъ покончить съ этимъ вопросомъ и вызвать Евстаѳія на откровенное объясненіе. Весной 372 года онъ отправился въ Севастію и послѣ долгихъ переговоровъ убѣдилъ своего престарѣлаго учителя принять его образъ мыслей. Онъ думалъ продолжить путь и ѣхать къ Ѳеодоту, епископу никопольскому, отъявленному противнику Евстаѳія, чтобы посовѣтоваться съ нимъ и Мелетіемъ, который находился въ тѣхъ краяхъ, относительно формулы, какую слѣдуетъ предложить Евстаѳію къ подписи. Но, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, онъ имѣлъ основаніе опасаться, что Ѳеодотъ, встревоженный севастійскими переговорами, посмотритъ на него косо. Поэтому онъ вернулся домой, чтобы нѣсколько недѣль спустя отправиться тѣмъ же путемъ въ Великую Арменію, куда онъ ѣхалъ по порученію императора. Для того, что̀ предстояло ему тамъ сдѣлать, ему нужно было содѣйствіе Ѳеодота. Онъ встрѣтился съ нимъ въ деревенскомъ домѣ, гдѣ въ уединеніи жилъ Мелетій; имъ въ то время удалось придти къ соглашенію относительно Евстаѳія. Но когда Ѳеодотъ вернулся къ себѣ, онъ совершенно измѣнилъ свое мнѣніе, и даже настолько, что не захотѣлъ допу-

---

[1]) *Ep.* 156.

стить въ свою церковь Василія, который заѣхалъ за нимъ, чтобы отправиться съ нимъ въ Великую Арменію.

Благодаря этому самому миссія Василія въ Арменіи не удалась. Впрочемъ въ концѣ - концовъ Василій и Θеодотъ примирились и согласились относительно формулы, какую слѣдовало предложить Евстаθію; послѣдній не отказался ее подписать.

Можно было думать, что все кончено и остается только протянуть другъ - другу руки. Было назначено мѣсто для встрѣчи: Евстаθій долженъ былъ сойтись тамъ съ Василіемъ и его друзьями. Но его тщетно ждали: близкія къ нему лица отговорили его отъ этого намѣренія; очень можетъ быть, что ему показалась слишкомъ тѣсной и дружба Василія съ его прежнимъ соперникомъ Мелетіемъ, но фактъ тотъ, что съ этой поры онъ смертельно возненавидѣлъ своего бывшаго ученика. По возвращеніи изъ Киликіи, куда онъ въ это время совершилъ поѣздку, онъ написалъ Василію письмо, въ которомъ объявлялъ ему, что прекращаетъ общеніе съ нимъ.

Предлогомъ для разрыва послужило письмо Василія къ Аполлинарію, написанное за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, въ которомъ и рѣчи не было о догматахъ [1]). Василій и Аполлинарій въ моментъ этой переписки были еще мірянами. Но это для Евстаθія было безразлично: Василій писалъ Аполлинарію,—слѣдовательно, онъ аполлинаріанинъ и еретикъ. Другое письмо, получившее широкую огласку по всей Малой Азіи, обличало Василія въ интригахъ, рисуя въ самомъ мрачномъ видѣ ту роль, какую онъ игралъ въ дѣлѣ подписи. Такимъ образомъ началась прискорбная распря, въ продолженіе которой Василій и Евстаθій взводили другъ на друга самыя горькія обвиненія. Василій вслѣдствіе своихъ отношеній къ Аполлинарію былъ обвиненъ въ савелліанствѣ; даже появился въ обращеніи подписанный именемъ Василія документъ, гдѣ православіе его въ этомъ отношеніи представлялось въ соблазнительномъ видѣ. Въ свою очередь Василій подогрѣвалъ старую исторію объ отношеніяхъ Евстаθія къ Арію и разсказывалъ, что онъ былъ учителемъ Аэтія, какъ-будто можно было дѣлать Евстаθія отвѣтственнымъ за своихъ учителей или учениковъ.

Аріанская партія воспользовалась этой распрей. Съ самаго начала Евстаθій нашелъ среди киликійскаго епископата подозритель-

---

[1]) *Ep.*, 129. Полный текстъ изданъ въ Римѣ въ 1796 г. L. Sebastiani, *Epistola ad Appolinarem Laodicenum celeberrima* и т. д. и воспроизведенъ у Loofs'а *Eustathius von Sebastia*, p. 72.

ную поддержку. Въ слѣдующемъ (374 году) епископъ самосатскій Евсевій, другъ и совѣтникъ Василія, былъ сосланъ во Ѳракію. Вскорѣ послѣ этого викарій Понта, нѣкій Демосѳенъ, который имѣлъ основаніе не любить Василія [1]), предпринялъ походъ противъ православныхъ церквей въ Каппадокіи и Малой Азіи. Въ концѣ года въ Галатіи состоялся соборъ епископовъ оффиціальной партіи подъ руководствомъ Евиппія, вліятельнаго члена на соборѣ 360 г. Епископъ Парнасса Ипсій, оказавшійся первымъ на пути, былъ низложенъ и замѣщенъ надежнымъ человѣкомъ, Екдикіемъ. Епископъ нисскій Григорій, братъ Василія, по обвиненію частнаго лица былъ вытребованъ на судъ подъ конвоемъ, но бѣжалъ во время пути. Демосѳенъ переправился затѣмъ въ Кесарію, гдѣ заставилъ включить клириковъ въ курію; оттуда онъ прослѣдовалъ въ Севастію и поступилъ такимъ же образомъ съ тѣми, кто стоялъ за Василія противъ Евстаѳія. Наконецъ, онъ собралъ въ Ниссѣ соборъ епископовъ изъ Галатіи и Понта, который низложилъ Григорія и нашелъ ему замѣстителя. Та же операція была произведена въ Доарѣ.

Во время этихъ событій скончался епископъ никопольскій Ѳеодотъ. Оффиціальный соборъ былъ перенесенъ въ Севастію; Евстаѳій, который уже въ самой Анкирѣ имѣлъ нѣкоторыя сношенія съ епископами этого собора, открыто вступилъ съ ними въ братское общеніе. Отсюда они продолжали путь до самаго Никополя. Съ согласія Василія епископъ саталскій уже возвелъ тамъ на каѳедру своего собрата Евфронія, изъ Колоніи [2]). Евстаѳій имѣлъ другого кандидата, пресвитера по имени Фронтона. Евфроній былъ отосланъ назадъ въ Колонію, а церкви были отданы въ распоряженіе Фронтона. Лишенные церквей диссиденты принуждены были собираться въ полѣ, какъ это дѣлали мелетіане въ Антіохіи [3]).

Подъ впечатлѣніемъ этихъ прискорбныхъ событій Василій написалъ письмо [4]) къ италійскимъ и галльскимъ епископамъ. Съ той поры, какъ письмамъ его былъ оказанъ нелюбезный пріемъ, онъ мало былъ расположенъ къ возобновленію переговоровъ съ

---

[1]) Во время пребыванія Валента въ Кесаріи Демосѳенъ былъ еще только начальникомъ императорской кухни. Когда онъ возымѣлъ претензію впутаться въ церковныя дѣла, Василій возвратилъ его къ печамъ. Объ этомъ много говорили въ Кесаріи.

[2]) Никополь, Саталы, Колонія составляли часть провинціи Малой Арменіи, митрополитомъ которой былъ Евстаѳій.

[3]) *Ep.*, 225, 237—240, 244, 251.

[4]) *Ep.* 243.

Римомъ. Однако въ предыдущемъ (374) году [1]) онъ помогъ своими рекомендаціями одному пресвитеру, Санктиссиму, который былъ весьма освѣдомленъ относительно настроенія на Западѣ и ѣздилъ по Малой Арменіи и Сиріи [2]), собирая подписи. Василій ему покровительствовалъ. Закончивъ свой объѣздъ, Санктиссимъ уѣхалъ въ Италію (375) въ сопровожденіи Дороѳея, который въ это время былъ возведенъ въ санъ пресвитера. Они везли съ собой формулу, представленную Евагріемъ въ 373 году, съ подписями, собранными Санктиссимомъ, и письмо отъ Василія.

Результатъ получился не такой, какого желали. Съ Запада никто не пріѣхалъ. Однако Дороѳей привезъ письмо [3]), гдѣ, восхваляя его рвеніе, западные епископы заявляли, что старались, по мѣрѣ возможности, придти ему на помощь. Съ догматической стороны письмо осуждало заблужденія Маркелла и Аполлинарія, но не называло ихъ по имени. Терминъ *una substantia* уже не былъ употребленъ; его замѣнили греческимъ *una usia*, поскольку латинскій языкъ не имѣетъ равнозначащаго термина [4]). Напоминалось также, что каноническія правила о посвященіи епископовъ и клириковъ (*sacerdotum vel clericorum*) должны быть соблюдаемы, и уклоняющіеся отъ нихъ не могутъ быть легко допускаемы къ церковному общенію. Это какъ-будто имѣло въ виду Мелетія.

Настроеніе Западныхъ еще лучше выразилось въ томъ фактѣ, что было отправлено письмо Павлину, получивъ которое, тотъ поспѣшилъ сдѣлать изъ него себѣ трофей [5]). Петръ, новый александрійскій епископъ, проживалъ въ Римѣ; хотя лично онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Василіемъ [6]), но никоимъ образомъ не раздѣлялъ его симпатій къ Мелетію.

---

[1]) Дата опредѣляется письмами 120 и 121, изъ которыхъ видно, что Санктиссима находился въ Малой Арменіи, въ тотъ самый моментъ, когда Анѳимъ, епископъ тіанскій, только-что рукоположилъ Фавста, τὸν συνόντα τῷ Πάπᾳ. Этотъ Папа не кто иной, какъ Папъ, армянскій царь, котораго Амміанъ Марцеллинъ называетъ Пара (XXX, I); онъ былъ убитъ въ 374 году. Тотъ фактъ, что Фаустъ „былъ съ Папомъ", даетъ поводъ предполагать, что онъ сопровождалъ этого князя во время его путешествія въ Киликію и что онъ остался съ нимъ въ Тарсѣ. Санктиссимъ уѣзжалъ въ то время въ Малую Арменію, гдѣ онъ долго гостилъ у Мелетія. Онъ уѣхалъ въ Сирію лишь въ слѣдующемъ году.— Мнѣ думается, что эти хронологическія данныя не были до сихъ поръ использованы.

[2]) *Ep.* 120, 121, 132, 253—256.

[3]) Constant., *Ep. Rom. Pontif.*, p. 495: „Ea gratia".

[4]) Василій (*Ep.* 214, 4) отмѣтилъ эту перемѣну. Отнынѣ Западные будутъ различать между *usia* и *hypostasis*.

[5]) *Ep.* 214, 216.

[6]) *Ep.* 133, 266.

Письмо, полученное Павлиномъ [1]), было, мнѣ кажется, доставлено ему Виталіемъ, антіохійскимъ пресвитеромъ, который до послѣдняго времени находился въ клирѣ Мелетія, но рѣшился покинуть его, такъ какъ тамъ оказались непріемлемыми его воззрѣнія по вопросу о воплощеніи. Виталій былъ сторонникомъ Аполлинарія. Я уже излагалъ, въ чемъ заключалась доктринальная особенность этого ученаго человѣка. Со времени Александрійскаго собора (362 г.) борьба между двумя направленіями, представленными Аполлинаріемъ и Діодоромъ, не прекращалась. Въ церкви Мелетія аполлинаріанство энергично отвергалось. Хотя Аполлинарій былъ епископомъ лаодикійскимъ, онъ однако имѣлъ въ Антіохіи свою школу. Между его слушателями находился въ послѣдніе годы одинъ весьма образованный латинскій монахъ, по имени Іеронимъ. Пройдя науки въ римскихъ школахъ и предавшись затѣмъ аскетической жизни съ аквилейскими клириками, онъ рѣшился испытать отшельническую жизнь въ восточныхъ пустыняхъ. Раньше чѣмъ углубиться въ нее, онъ гостилъ нѣкоторое время въ Антіохіи, гдѣ изучалъ экзегетику подъ руководствомъ Аполлинарія, рѣшительно остерегаясь впрочемъ его богословскихъ идей. Онъ не счелъ себя обязаннымъ сдѣлать выборъ между двумя соперничавшими церквами и ограничился церковнымъ общеніемъ съ египетскими исповѣдниками, изгнанными въ Сирію за каѳолическую вѣру. Въ Римѣ тоже долго шло колебаніе между Мелетіемъ и Павлиномъ, но неизбѣжно должно было случиться, что александрійскія связи послѣдняго направятъ вѣсы въ его сторону. Такъ и случилось въ томъ году (375). Черезъ посредство „сына своего“ Виталія папа Дамасъ послалъ оффиціальное письмо Павлину, поручая ему уладить вопросъ объ общеніи церквей. Дамасъ былъ плохо освѣдомленъ; въ то время онъ не зналъ, что Виталій былъ приверженцемъ Аполлинарія. Вѣроятно, чрезъ Дороѳея получивъ свѣдѣнія объ этомъ, онъ одумался. Въ то время какъ Павлинъ хвалился въ Антіохіи, что онъ признанъ Римомъ, къ нему были посланы новые курьеры: первый—чтобы предупредить его о возникшихъ затрудненіяхъ [2]); другой [3]),—

---

[1]) Письмо это утрачено; оно упоминается у *Jaffe*. 235.

[2]) *Per Petronium presbyterum*, J., 235.

[3]) *V. Jaffe.*, 235, но, разумѣется, безъ анаѳематизмовъ и только до словъ *in suscipiendo, tribuat exemplum*. Нѣкоторые каноническіе сборники (см. *Maassen, Quellen*, T. I, p. 232 и слѣд.) вслѣдъ за этимъ письмомъ содержатъ документъ, также адресованный къ Павлину антіохійскому: *Post concilium Nicaenum*. Другіе сборники помѣщаютъ его вслѣдъ за Никейскимъ соборомъ. Ѳеодоритъ (*H. E.*,

чтобы преподать ему относительно Виталія болѣе полныя инструкціи. Виталій и его сторонники должны быть приняты лишь послѣ яснаго отреченія отъ того ученія, по которому Христосъ не былъ совершеннымъ человѣкомъ, такъ какъ божественный Логосъ замѣнилъ въ Немъ разумную душу (*sensus*, νοῦς). Аполлинарій не былъ названъ. Римъ и Александрія хранили еще почтительное отношеніе къ знаменитому богослову [1]). Дѣло Виталія способствовало уясненію положенія. Мелетіане уже и раньше смотрѣли на Аполлинарія и на Виталія какъ на еретиковъ, а послѣ письма Дамаса и Павлину было невозможно допускать ихъ въ свою церковь. Тогда они основали особую церковь, и самъ Виталій сдѣлался ея епископомъ.

Въ то время, какъ все это происходило въ Антіохіи, Евстаѳію пришло въ голову сблизиться со своими старыми друзьями „македоніанами", ибо онъ былъ одинокъ въ своей странѣ, гдѣ подозрительныя связи его съ оффиціальными епископами опять лишили его симпатій. Македоніане въ 376 году собрались на соборъ въ Кизикѣ. Онъ отправился туда-же. На этомъ соборѣ было принято новое вѣроисповѣданіе, гдѣ терминъ единосущный былъ вновь отвергнутъ и замѣненъ терминомъ подобосущный. Святой Духъ былъ здѣсь причисленъ къ разряду тварей. Евстаѳій подписался подъ этой формулой и опредѣлилъ, такимъ образомъ, свое положеніе, присоединившись къ пневматомахамъ.

Съ точки зрѣнія Василія, эти событія должны были открыть глаза Западнымъ на достоинство тѣхъ лицъ, которыя на Востокѣ прикрывались ихъ покровительствомъ. Евстаѳій былъ признанъ въ Римѣ предыдущимъ папой и долго кичился этимъ. Апол-

---

V, 11) приводитъ его отдѣльно въ греческомъ переводѣ. Документъ этотъ содержитъ два разряда анаѳемъ, а именно: первый имѣетъ въ виду Савеллія, Арія, Евномія, македоніанъ и Фотина. Не называя ни Евстаѳія, ни Аполлинарія, ни Маркелла, онъ осуждаетъ ихъ главныя заблужденія и заканчивается порицаніемъ тѣхъ, кто переходитъ изъ одной церкви въ другую. Очевидно, здѣсь имѣется въ виду Мелетій. Вторая часть документа: *Si quis non dixerit* и т. д. не имѣетъ въ виду ни Аполлинарія, ни Маркелла; она посвящена исключительно ученію о Святомъ Духѣ. Мнѣ думается, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ двумя документами разнаго времени, которые были соединены впослѣдствіи безъ вниманія къ хронологическому порядку. Второй въ дѣйствительности предшествуетъ первому. Его удобно можно отнести ко времени (около 371 г.), когда св. Аѳанасій написалъ свое посланіе къ Епиктету. Заблужденія относительно воплощенія, которыя имѣются тамъ въ виду, очевидно, ближе къ тѣмъ, которыя Аѳанасій опровергаетъ въ этомъ посланіи, чѣмъ къ аполлинаріанству въ собственномъ смыслѣ.

[1]) Нужно имѣть въ виду, что Аполлинарій принадлежалъ къ малой церкви и являлся соперникомъ Пелагія въ Лаодикіи, подобно тому, какъ Павлинъ былъ соперникомъ Мелетія въ Антіохіи.

линарій и Павлинъ, стоявшіе во главѣ малой церкви, находились подъ покровительствомъ Рима, равно какъ и Виталій. Вполнѣ чистыми были Мелетій и его кружокъ,—какъ-разъ тѣ лица, которыхъ Римъ не желалъ признавать. Этимъ положеніемъ воспользовались для новаго выступленія. Весной 377 года Дороѳей и другой пресвитеръ,—быть-можетъ опять Санктиссимъ,—снова отправились въ Римъ съ письмомъ, адресованнымъ къ „Западнымъ" отъ лица всѣхъ Восточныхъ [1]). На этотъ разъ положеніе дѣлъ было опредѣленнѣе. До свѣдѣнія римлянъ доводилось, что ужъ не отъ аріанъ должно отвергаться,—ихъ крайности болѣе чѣмъ когдалибо отталкивали отъ себя,—а другіе враги угрожаютъ церкви, и враги тѣмъ болѣе опасные, что снисходительное отношеніе къ нимъ давало поводъ къ сомнѣнію относительно зловреднаго характера ихъ воззрѣній. Слѣдовало рѣшительно осудить: Евстаѳія, главу пневматомаховъ, Аполлинарія, проповѣдовавшаго хиліазмъ и смущавшаго народъ своимъ ученіемъ о воплощеніи, наконецъ, Маркелла, ученики котораго встрѣчали слишкомъ хорошій пріемъ у Павлина.

Новая миссія Дороѳея имѣла лишь частичный успѣхъ, да и не могла имѣть иного.

Что римская церковь отвергнетъ заблужденія, приписывавшіяся Евстаѳію, Аполлинарію, Маркеллу, въ этомъ не было ни малѣйшаго сомнѣнія. Она уже ясно высказалась по этому поводу, особенно въ письмѣ, доставленномъ на Востокъ Дороѳеемъ. Въ угоду Восточнымъ она снова повторила это въ другомъ письмѣ, которое Дороѳей привезъ по возвращеніи изъ своего новаго путешествія [2]). Что же касается поименнаго осужденія отсутствовавшихъ лицъ,—Евстаѳія, Аполлинарія и Павлина,—осужденія прежде, чѣмъ имъ дана будетъ возможность высказаться въ открытомъ состязаніи съ ихъ обвинителями,—этого никакъ нельзя было требовать отъ апостольскаго престола. Самое большее, что́ онъ могъ сдѣлать,—это скрѣпить послѣ такого диспута приговоръ, произнесенный законной властью Востока. Но не было ни такого диспута, ни такого приговора.

Положеніе было безвыходное. На благомыслящихъ людяхъ этого времени тяготѣли послѣдствія той продолжительной борьбы, въ

---

[1]) *Ep.* 263; ср. *Ep.* 129, гдѣ Василій излагаетъ Мелетію планъ этого новаго выступленія.

[2]) Фрагменты *Illud sane miramur* и *Non nobis quidquam* (Constant., *Ep. Rom. Pont.*, p. 498, 499).

которую впуталъ Восточныхъ Евсевій никомидійскій сначала противъ Александріи, а затѣмъ противъ римской церкви. Впрочемъ благомыслящими людьми были далеко не всѣ. Павлину нужно было бы уйти со сцены. Безъ него положеніе хотя и было бы критическимъ,—поскольку общественное мнѣніе въ Египтѣ продолжало бы видѣть за Мелетіемъ тѣни его прежнихъ покровителей Акакія и Евдоксія,—но тѣмъ не менѣе въ виду того, что лично Мелетій былъ очень симпатичнымъ человѣкомъ, дѣла въ Антіохіи устроились бы, да и въ другихъ мѣстахъ съ нимъ въ концѣ-концовъ примирились бы. Во всякомъ случаѣ Риму и Александріи не пришлось бы еще таскать на буксирѣ громоздкое наслѣдіе старой маркелліанской партіи, и единство между ними и восточными церквами возстановилось бы. Высказываю все это только для того, чтобы лучше подчеркнуть черты и требованія создавшагося положенія, ибо вообще считаю, что историку не слѣдуетъ заниматься событіями, которыя могли бы произойти; достаточно ему дѣла и съ тѣми, которыя произошли въ дѣйствительности.

Переговоры, которые представитель Мелетія велъ въ Римѣ съ папой Дамасомъ, не всегда протекали мирно. Они происходили въ присутствіи Петра александрійскаго. Когда рѣчь заходила о Мелетіи и Евсевіи самосатскомъ, Петръ не стѣснялся высказывать свою непріязнь къ нимъ и доходилъ до того, что трактовалъ ихъ какъ аріанъ. Дороѳей подъ конецъ потерялъ терпѣніе и отдѣлалъ александрійскаго папу довольно рѣзкимъ образомъ. Петръ пожаловался на это Василію. Послѣдній выразилъ ему сожалѣніе [1]), но поставилъ при этомъ на видъ, что Мелетій и Евсевій,—оба исповѣдники вѣры и сосланные по проискамъ аріанъ,—заслуживаютъ уваженія со стороны своихъ сослужителей; что же касается ихъ православія во всѣхъ спорныхъ пунктахъ, то оно ему, Василію, извѣстно, и онъ за него ручается.

Мелетій, Василій и ихъ сторонники представляли въ общемъ эволюцію вправо той древней партіи, которая стояла въ оппозиціи къ Никейскому собору. Не ихъ однихъ обстоятельства заставили смягчить первоначальную точку зрѣнія. На противоположномъ полюсѣ Маркеллъ анкирскій, старый противникъ „Восточныхъ“, съ которымъ они неустанно боролись, начиная съ Евсевія кесарійскаго и кончая св. Василіемъ, Маркаллъ „Савелліанинъ“ или ско-

---

[1]) *Ep.* 266.

рѣе его кружокъ, въ свою очередь отступилъ отъ своей позиціи. Маркеллъ еще не умеръ, когда Василій сдѣлался епископомъ. Онъ жилъ въ уединеніи, въ Анкирѣ, съ нѣсколькими клириками и немногочисленными вѣрующими, составлявшими вокругъ него малую церковь. Оффиціальный епископъ Анкиры Аѳанасій, который съ 363 года примкнулъ къ Никейскому собору, счелъ своей обязанностью тѣснить этотъ небольшой кружокъ. Маркеллъ былъ давно въ холодныхъ отношеніяхъ съ александрійскимъ епископомъ, своимъ бывшимъ товарищемъ по борьбѣ въ Римѣ и Сардикѣ. Но это не помѣшало ему прибѣгнуть къ нему. Одинъ изъ его клириковъ, діаконъ Евгеній, отправился въ Александрію, заручившись рекомендаціями отъ епископовъ Греціи и Македоніи. Онъ предъявилъ вѣроизложеніе [1]), въ которомъ прежнія воззрѣнія Маркелла были смягчены или прикрыты; однако это смягченіе не простиралось до признанія трехъ ипостасей. Аѳанасій, какъ мы видѣли, если не отвергалъ этой терминологіи, то также и не дорожилъ ею. Онъ далъ грамоту общенія діакону Маркелла, равно какъ и его малой церкви. Это происходило, какъ мнѣ кажется, во время Александрійскаго собора 362 года. Маркеллъ скончался около 375 г.; ему было около девяносто лѣтъ [2]), и, быть можетъ, его преклонный возрастъ объясняетъ, почему въ послѣднее время о немъ ничего не было слышно. Лишенные своего руководителя, отвергнутые Василіемъ и его сторонниками, которые не переставали хлопотать, чтобы добиться противъ нихъ анаѳемы отъ западной церкви, приверженцы Маркелла обратились къ египетскимъ епископамъ, сосланнымъ въ Діокесарію, въ Палестинѣ. Эти исповѣдники, которымъ они предъявили одновременно со своимъ вѣроисповѣданіемъ [3]) грамоты общенія, полученныя ими нѣкогда отъ св. Аѳанасія, приняли ихъ безъ всякихъ затрудненій. Василій, къ которому эти исповѣдники затѣмъ обратились, нашелъ, что они слишкомъ поторопились; того же мнѣнія былъ и Петръ александрійскій [4]). Василій ничего не желалъ больше, какъ принять „галатовъ“, но онъ хотѣлъ, чтобы они пришли къ нему, а не воображали, что могутъ его привлечь къ себѣ.

Это дѣло, какъ и другія, находилось еще въ періодѣ развитія, когда, въ 378 г., произошли событія большой важности,

---

[1]) Mansi, *Conc.*, T. III, p. 469.
[2]) Онъ былъ уже епископомъ въ 314 году, во время Анкирскаго собора.
[3]) Epiph. *Haer.*, XXII, II.
[4]) Basil., *Ep.* 266.

измѣнившія религіозное и политическое положеніе въ Восточной имперіи. За два года до этого гунны, пришедшіе съ Урала, напали на готовъ, поселившихся по ту сторону Дуная. Оттѣсненные этими дикими ордами, готы просили убѣжища на имперскихъ земляхъ, и имъ было разрѣшено поселиться во Ѳракіи подъ извѣстными условіями, въ числѣ которыхъ было обѣщаніе о доставленіи имъ средствъ къ пропитанію. Администрація Валента организовала эту помощь такъ недобросовѣстно и безчеловѣчно, что переселенцы взбунтовались (376 г.). Пришлось вести съ ними форменную войну, и дѣла приняли такой дурной оборотъ, что Валенту необходимо было самому принять участіе въ нихъ. Прежде чѣмъ покинуть Антіохію, онъ, по побужденію предусмотрительнаго милосердія, отмѣнилъ указы объ изгнаніи, изданные относительно лицъ духовнаго званія [1]).

Прибывъ въ Константинополь 30 мая, онъ покинулъ его [2]) нѣсколько дней спустя, чтобы руководить военными дѣйствіями во Ѳракіи. 9 августа онъ далъ битву. Римская армія потерпѣла ужасное пораженіе, среди котораго императоръ исчезъ,—потому ли, что его не могли опознать между мертвыми, или, согласно слуху, которому тогда придавали вѣру, потому что онъ погибъ въ загорѣвшейся хижинѣ, куда его перенесли, чтобы перевязать его раны.

---

[1]) Hieron., *Chron.*: Valens de Antiochia exire compulsus sera poenitentia nostros de exilio revocat (Валентъ, вынужденный оставить Антіохію, подъ вліяніемъ поздняго раскаянія, вызываетъ нашихъ изъ ссылки).—Rufin., *H. E.*, II, 13: Tum vero Valentis bella quae ecclesiis inferebat in hostem coepta converti, seraque poenitentia episcopos et presbyteros relaxari exiliis ac de metallis resolvi monachos iubet. (Въ это время борьба, какую велъ Валентъ противъ церквей, стала направляться противъ неиріятеля, и Валентъ подъ вліяніемъ поздняго раскаянія отдаетъ приказъ о возвращеніи епископовъ и пресвитеровъ изъ ссылки и объ освобожденіи монаховъ отъ каторжныхъ работъ въ рудникахъ).

[2]) По легендѣ, передаваемой у Созомена (VI, 40) и принятой съ нѣкоторыми искаженіями Ѳеодоритомъ (IV, 31), одинъ константинопольскій монахъ, Исаакъ, тщетно заклиналъ императора вернуть церкви каѳоликамъ. Эта исторія, сама по себѣ сомнительная, не можетъ противополагаться свидѣтельствамъ Іеронима и Руфина, жившихъ въ то время на Востокѣ, о возвращеніи изгнанниковъ по приказу самого Валента; впрочемъ одно дѣло—отмѣнить изгнаніе и иное—водворить изгнанниковъ на мѣста взамѣнъ оффиціальнаго клира.

ГЛАВА XII.

Григорій Назіанзинъ.

Граціанъ и Өеодосій.—Возвращеніе изгнанныхъ епископовъ.—Кончина Василія.—Восточные принимаютъ римскія условія.—Поведеніе Өеодосія.—Положеніе въ Константинополѣ.—Григорій Назіанзинъ и его церковь Анастасіи.—Столкновеніе съ аріанами.—Александрійская оппозиція: Максимъ-Киникъ.—Григорій въ св. Софіи.—Второй вселенскій соборъ 381 г.—Упорство македоніанъ.—Поставленіе Григорія.—Кончина Мелетія; затрудненія по замѣщенію его каѳедры.—Отставка Григорія.—Нектарій.—Каноны.—Враждебныя дѣйствія противъ Александріи.—Флавіанъ избранъ въ Антіохіи.—Протестъ св. Амвросія.—Римскій соборъ 382 г.—Посланіе Восточныхъ.

Получивъ увѣдомленіе объ опасности, Граціанъ, задержанный въ Галліи аламанскимъ вторженіемъ,—тѣмъ самымъ, которое было пріостановлено Кольмарской битвой,—прибылъ однако, несмотря на все, во-время на Нижній Дунай. Если бы Валентъ дождался его, то готы, захваченные между двумя арміями, легко могли бы быть усмирены. Послѣ случившагося пораженія юный императоръ западной имперіи (ему еще не было двадцати лѣтъ) принялъ нѣкоторыя мѣры, чтобы улучшить государственное положеніе, но затѣмъ, чувствуя, что не въ состояніи одинъ управлять обѣими частями имперіи, сдалъ Востокъ одному изъ своихъ военачальниковъ, Өеодосію, который былъ провозглашенъ августомъ въ Сиріи 16 января 379 года. Еще раньше Граціанъ поспѣшилъ подтвердить и дать болѣе широкое примѣненіе тѣмъ мѣрамъ, какія предпринялъ уже Валентъ для возвращенія сосланныхъ епископовъ. Мелетій появился въ Антіохіи, Евсевій—въ Самосатахъ; всѣ исповѣдники вернулись къ управленію своими церквами.

Однимъ изъ первыхъ поспѣшившихъ возвратиться былъ Петръ александрійскій. Прежде чѣмъ отпустить его изъ Рима, Дамасъ заставилъ его принять участіе на соборѣ, гдѣ рѣшились, наконецъ, осудить Аполлинарія и одного изъ главныхъ его приспѣшниковъ, Тимоѳея, котораго онъ только-что сдѣлалъ епископомъ веритскимъ. Послѣ этого Петръ уѣхалъ. Едва успѣлъ онъ высадиться въ

Александріи, какъ вспыхнулъ мятежъ, и Лукій былъ изгнанъ. Послѣдній искалъ пристанища въ Константинополѣ, гдѣ, за отсутствіемъ Валента, нашелъ себѣ пріютъ у епископа Демофила, который все еще держался на своемъ мѣстѣ и твердо рѣшился покинуть свой постъ лишь въ послѣдней крайности.

Въ это самое время, 1 января 379 г., скончался Василій. Ему еще не было пятидесяти лѣтъ; его общественная дѣятельность могла бы еще долго продолжаться; послѣ переполненной скорбями жизни можно было думать, что теперь его ожидаютъ почести. Но здоровье его, всегда слабое, не окрѣпло отъ подвиговъ чрезмѣрнаго аскетизма и тягостей епископскаго служенія. Изъ всѣхъ своихъ немощей онъ особенно жаловался на болѣзнь печени. Помимо его собственнаго свидѣтельства объ этой болѣзни, о ней можно было бы догадываться по нервному и желчному тону его переписки. Подвергаясь часто грубому недоброжелательству со стороны правительства, перенося по большей части нелѣпую, но разнородную оппозицію духовенства (почему и трудно было съ ней сладить), лишенный серьезныхъ помощниковъ (ибо несмотря на дружбу и таланты своего брата Григорія нисскаго и своего друга Григорія Назіанзина, Василій находилъ въ этихъ лицахъ скорѣе помѣху, чѣмъ помощь), самъ онъ вносилъ крайне чувствительный и воинственный темпераментъ въ свою миролюбивую программу. Отсюда постоянныя неудачи. Въ дѣлѣ Евстаѳія мы видимъ, какъ въ угоду рьянымъ единосущникамъ онъ съ ножемъ къ горлу приступаетъ къ старому другу, почтенному епископу, и въ результатѣ, несмотря на такую жертву, непримиримый неокесарійскій Атарвій не можетъ больше выносить его присутствія, бѣжитъ при его приближеніи, терроризируетъ своихъ пасомыхъ угрожающими сновидѣніями и терроризируетъ до того, что они возстаютъ противъ кесарійскаго епископа, своего соотечественника и славы своей страны. Василій желалъ, чтобы Мелетій былъ признанъ антіохійскимъ епископомъ, и для этого велъ упорную борьбу, не отдавая себѣ отчета въ томъ положеніи, въ какое это предпріятіе ставило римскую и александрійскую церкви. Ему оказывали сопротивленіе; онъ раздражался и дѣлалъ несдержанныя выступленія. Даже въ его странѣ, среди его духовенства вліяніе его весьма спорно. Въ немъ хотѣли видѣть основателя въ извѣстномъ смыслѣ патріархата, границы котораго соотвѣтствовали понтійскому діэцезу. Но совершенно ясно, что онъ не имѣлъ никакого авторитета въ западныхъ провинціяхъ: виѳинской, галатійской и пафлагонской. Епископы понтійскаго

прибрежья [1]) совсѣмъ игнорировали его [2]). Внутри страны, когда каѳедры не были замѣщены аріанами, какъ въ Амасіи и Армянскомъ Тетраполѣ, занимавшіе ихъ епископы находились во взаимной враждѣ: одни допускали монаховъ, другіе ихъ не желали; одни находили, что въ вопросѣ о Троицѣ Василій слишкомъ уклоняется вправо, другіе жаловались, что онъ дѣлаетъ уступки влѣво. При хорошемъ здоровьи великая душа кесарійскаго епископа преодолѣла бы, можетъ-быть, всѣ эти непріятности, но организмъ не выдержалъ. Изнеможенный лоцманъ скончался въ тотъ моментъ, когда буря стала стихать.

Какой горькій былъ день для епископовъ оффиціальнаго аріанства, когда имъ стало извѣстно, что сосланные соперники ихъ вызваны изъ изгнанія! И это была только предварительная мѣра. Чувства молодого императора были извѣстны, и можно было догадаться о томъ, что́ послѣдуетъ дальше. Въ Антіохіи Мелетій, поставленный лицомъ къ лицу съ особыми трудностями, быстро освоился съ весьма упростившимся теперь положеніемъ. Во времена Валента придти къ соглашенію съ Римомъ было весьма желательно; въ царствованіе Граціана и Ѳеодосія въ этомъ соглашеніи заключался единственный исходъ. Василія, который, можетъ-быть, проявилъ бы нѣкоторую разборчивость, не было уже въ живыхъ, чтобы подсказывать условія. Осенью 379 года [3]) въ сирійской митрополіи собрался соборъ изъ 153 епископовъ, и они безъ обиняковъ подали голоса за принятіе римскихъ опредѣленій [4]).

---

1) Синопъ, Амисъ (Самсунъ) Полемоніонъ, Керассондъ, Трапезундъ.

2) *Ep.*, 203.

3) По словамъ Григорія Нисскаго, 9 мѣсяцевъ спустя послѣ смерти Василія. *De vita sanctae Macrinae* (*P. G.*, t. XLVI, p. 973).

4) До насъ дошли (Constant, *Ep. Rom. Pontif.*, p. 500) подписи (семь на-лицо, прочія же въ общемъ подсчетѣ), находящіяся подъ этимъ документомъ. Смыслъ формулы не можетъ возбуждать сомнѣнія. Что же касается ея содержанія,—оно трудно поддается опредѣленію. Въ тѣхъ рукописяхъ, гдѣ находятся подписи, онѣ пріурочены къ сборнику, содержащему въ себѣ письмо Дамаса, *Confidimus quidem* и три фрагмента: *Ea gratia, Illud sane miramur, Non nobis quidquam* (см. выше стр. 275, 278). Но эта группа документовъ весьма безсвязна. Видно, что она представляетъ лишь отрывокъ изъ болѣе пространнаго сборника. Восточные навѣрное не подписались бы подъ письмомъ *Confidimus*, если бы оно было одно, ибо въ немъ находится терминъ *una substantia=μία ὑπόστασις*), противъ котораго они всегда протестовали Но можно полагать, что этотъ терминъ былъ разъясненъ послѣдующими письмами и въ одномъ изъ нихъ замѣненъ выраженіемъ *una usia*. Такимъ образомъ, вполнѣ возможно, что Восточные изъявили свое согласіе съ мыслями, заключавшимися въ цѣломъ сборникѣ. Однако это согласіе должно было быть изложено въ особомъ документѣ, который авторъ этихъ выдержекъ опустилъ привести. Текстъ, въ какомъ онъ приводитъ подписи, и послѣдующее за нимъ *explicit* предполагаютъ тѣсную связь между антіохійскимъ соборомъ и римскими документами, которые ему предшествуютъ.

Этотъ актъ предвосхитилъ послѣдовавшія затѣмъ постановленія Θеодосія. Новый императоръ водворился въ Θессалоникѣ. Въ теченіе зимы онъ заболѣлъ и принялъ крещеніе отъ епископа Ахолія, строгаго никейца. Въ эдиктѣ отъ 27 февраля 380 года [1]), новый императоръ возвѣщалъ своимъ подданнымъ, что всѣ они должны исповѣдовать религію, „которую апостолъ Петръ нѣкогда преподалъ римлянамъ и которой въ настоящее время держатся папа Дамасъ и Петръ, епископъ александрійскій, мужъ апостольской святости". Только при этомъ условіи давалось право именоваться каθоликами; всѣ же прочіе объявлялись еретиками; ихъ собранія не считались церковными, и имъ грозили наказаніями.

Въ Антіохіи православныхъ было много, какъ въ великой церкви (Мелетія), такъ и въ малой (Павлина). Они спокойно могли ожидать осуществленія этихъ мѣропріятій, въ силу которыхъ церковныя зданія, находившіяся въ рукахъ уже не Евзоія, недавно умершаго, а его преемника, Дороθея, должны были перейти въ ихъ руки. Не столь ясно было положеніе дѣлъ въ Константинополѣ. Тамъ аріанская партія была въ силѣ. Глава ея, Демоθилъ, возсѣдалъ въ св. Софіи; клиръ подъ его вѣдѣніемъ занималъ всѣ церкви. Составлявшіе оппозицію этой партіи, македоніане или никейцы были при помощи суровыхъ мѣръ устранены, подобно тому какъ мелетіане и павлиніане въ Антіохіи. При вступленіи въ должность Демоθила, никейцы попытались избрать себѣ своего епископа, въ лицѣ нѣкоего Евагрія, но онъ тотчасъ же былъ схваченъ полиціей и водворенъ въ Веріи, гдѣ, повидимому, и умеръ, ибо о немъ больше не было слышно. Съ наступленіемъ болѣе благопріятныхъ временъ, никейцы почувствовали потребность объединиться и сорганизоваться. Ново-никейцы Востока поспѣшили придти къ нимъ на помощь, желая, чтобы мѣсто Демоθила было передано кому-нибудь изъ числа ихъ друзей, и особенно желая помѣшать аполлинаріанамъ, которые уже засуетились, чтобы захватить это мѣсто для самихъ себя. Завязались переговоры, вслѣдствіе которыхъ Григорій, сынъ престарѣлаго епископа назіанзскаго, былъ избранъ, чтобы отправиться въ Константинополь и взять на себя руководство этой небольшой паствой.

По смерти своихъ родителей (въ 375 г.) Григорій, получивъ, наконецъ, свободу слѣдовать своему аскетическому влеченію, бѣ-

---

[1]) *Cod. Theod.*, XVI, 1, 2.

жалъ изъ Назіанза. Оставивъ Василія выпутываться изъ одолѣвавшихъ его со всѣхъ сторонъ затрудненій, онъ нашелъ себѣ пріютъ въ монастырѣ св. Өеклы, въ Селевкіи Исаврійской. Тамъ онъ узналъ о пораженіи Валента и о смерти Василія. Послѣ долгихъ просьбъ онъ въ концѣ-концовъ, уступивъ увѣщаніямъ, отправился въ Константинополь, гдѣ открылъ небольшую церковь въ домѣ одного своего родственника. Православные сгруппировались около него. Его необычайныя добродѣтели и въ особенности блестящее краснорѣчіе скоро привлекли къ нему серьезную аудиторію. Константинопольская церковь, сорокъ лѣтъ угнетаемая интригами и насиліемъ, воскресала въ этомъ скромномъ зданіи, и Григорій усвоилъ своей часовнѣ наименованіе Воскресенія (Анастасія). Здѣсь, среди многихъ другихъ проповѣдей, онъ произнесъ пять своихъ знаменитыхъ словъ о Троицѣ, являющихся классическими образцами греческаго богословія. Часовня диссидентовъ, благодаря золотому краснорѣчію этого перваго Златоуста, больше и лучше посѣщалась, чѣмъ оффиціальныя базилики. Аріане взволновались. Въ ночь на пасху (379 г.) разъяренная толпа бросилась изъ св. Софіи въ церковь Анастасіи, гдѣ Григорій крестилъ своихъ новообращенныхъ. Эта толпа состояла изъ дѣвственницъ и монаховъ аріанской церкви, которые увлекли за собой бѣдняковъ, находившихся у нихъ на пропитаніи: послѣдніе были послушными кліентами господствующаго клира. Григорію показалось, что онъ видитъ шествіе корибантовъ съ фавнами и менадами. Камни полетѣли въ каѳоликовъ; нѣсколько камней попало въ епископа; одинъ изъ его приближенныхъ былъ избитъ и оставленъ на мѣстѣ замертво [1]). Это не помѣшало Григорія же сдѣлать отвѣтственнымъ за безпорядокъ и привлечь къ суду.

Онъ могъ не обращать вниманія на такія выходки со стороны людей, отъ которыхъ можно было ихъ ожидать. Болѣе чувствительными для него были внутренніе раздоры въ его небольшой общинѣ. Отголоски антіохійскаго раскола давали себя здѣсь знать. Весьма твердый въ ученіи о трехъ ипостасяхъ, Григорій слышалъ себѣ упреки въ томъ, что онъ служитъ тремъ богамъ. Отъ него требовали заявленія, за кого онъ стоитъ: за Павла или Аполлоса, т. е. за Мелетія или за Павлина. Онъ хотѣлъ бы стоять только за Христа,—но это было трудно.

Патріархъ Петръ изъ своей далекой Александріи зорко слѣдилъ

---

[1]) Подробности въ *or.* 35; *Ep.* 77. *Carm.*, *De vita*, vers. 652—678.

за тѣмъ, что происходило въ Константинополѣ, и, все еще движимый старымъ недоброжелательствомъ къ Восточнымъ, которые нѣкогда были гонителями его брата Аѳанасія, съ тревогой видѣлъ, что каппадокійскій ораторъ, другъ Василія и Мелетія, готовится захватить въ Константинополѣ наслѣдіе аріанъ. Сначала онъ писалъ Григорію въ самомъ дружелюбномъ тонѣ. Григорій въ свою очередь произнесъ панегирикъ Аѳанасію. Въ Анастасіи были вполнѣ увѣрены въ сочувствіи Александріи и поэтому съ большимъ почетомъ приняли довольно странную личность, прибывшую изъ тѣхъ краевъ. То былъ нѣкто Максимъ, философъ-киникъ, находившій возможнымъ совмѣщать правила своей секты съ исповѣданіемъ христіанской вѣры. Аѳанасій былъ когда-то съ нимъ въ перепискѣ [1]). Во многихъ мѣстахъ у него были столкновенія съ полиціей, но такъ какъ онъ утверждалъ, что принималъ гоненія за вѣру, то эти злоключенія вмѣнялись ему легковѣрными людьми въ вящшую заслугу. Къ числу послѣднихъ, должно признаться, принадлежалъ и тотъ знаменитый человѣкъ, котораго обстоятельства поставили во главѣ константинопольскихъ каѳоликовъ. Несмотря на своей посохъ, философскую мантію и длинные волосы, Максимъ принятъ былъ имъ какъ исповѣдникъ вѣры, какъ близкій другъ; онъ пріютилъ его въ своемъ домѣ, допускалъ къ своему столу и оказывалъ полное довѣріе. Къ довершенію всѣхъ этихъ изъявленій дружбы онъ почтилъ его прекраснымъ панегирикомъ, произнесеннымъ въ церкви въ присутствіи самого героя [2]). Съ своей стороны Максимъ усердно посѣщалъ проповѣди Григорія, апплодировалъ ему въ церкви и оказывалъ ему поддержку той популярностью, какой пользовался самъ въ извѣстныхъ внѣцерковныхъ кругахъ.

Но этотъ самый Максимъ былъ кандидатомъ епископа Петра для замѣщенія константинопольской каѳедры и если находился при Григоріи, то только затѣмъ, чтобы овладѣть его епископской каѳедрой. Въ одну прекрасную ночь, благодаря содѣйствію одного пресвитера, церковь Анастасіи была отперта, чтобы дать въ ней мѣсто странному сборищу. Прибывшіе съ хлѣбомъ изъ Александріи моряки сопровождали группу пріѣхавшихъ изъ ихъ страны епископовъ, которые сочли своимъ долгомъ приступить къ избранію и посвященію Максима въ константинопольскаго епископа. Неподалеку

---

[1]) *Ep. ad Maximum philosophum* (Migne, *P. G.*, т. XXVI, p. 1085).

[2]) *Or.* 25.

оттуда Григорій почивалъ тревожнымъ сномъ, ибо былъ боленъ; преданные ему клирики въ свою очередь предавались отдыху. Началась церемонія посвященія. По обычаю того времени, клирики не могли носить длинныхъ волосъ, и пришлось, по словамъ Григорія, который впослѣдствіи въ сатирическомъ духѣ описалъ эти свои приключенія, „стричь шерсть съ собаки на епископской каѳедрѣ“. Во время этой операціи обнаружилось, что въ этой знаменитой шевелюрѣ имѣлись и фальшивые волосы. Дѣло не было еще доведено до конца, когда, съ разсвѣтомъ, народъ сталъ стекаться въ церковь. Тутъ началось великое смятеніе. Приведенные въ замѣшательство египтяне отступили и могли найти себѣ пріютъ только у какого-то музыканта, жившаго пососѣдству. Въ этомъ убогомъ помѣщеніи они и довели до конца свою церемонію посвященія.

Можно себѣ представить положеніе Григорія. Онъ сокрушался, винилъ себя въ наивности и хотѣлъ уѣхать. Но паства его слѣдила за нимъ. Въ одной изъ рѣчей Григорія ей послышался намекъ на его намѣреніе бѣжать. Она поспѣшно обступила его, всячески упрашивая его остаться. Такъ какъ онъ, казалось, стоялъ на своемъ, вѣрующіе заявили ему: «Если ты насъ покинешь, то и Троица покинетъ насъ“. Григорій внялъ этому убѣжденію и остался.

Въ это самое время новый епископъ въ сопровожденіи посвятившихъ его епископовъ отправился въ Ѳессалонику, чтобы добиться тамъ признанія у Ѳеодосія. Но ихъ постигла неудача: императоръ былъ предупрежденъ и рѣзко отстранилъ ихъ.

Максимъ отплылъ тогда въ Александрію, гдѣ обратился за поддержкой къ епископу Петру. Послѣдній очутился въ весьма затруднительномъ положеніи. Дѣло въ Константинополѣ приняло плохой оборотъ, императоръ былъ недоволенъ, и къ довершенію всего папа Дамасъ, увѣдомленный Ахоліемъ и его македонскими сослуживцами, энергично протестовалъ противъ такого покушенія [1]). Петръ понесъ наказаніе отъ того самаго лица, изъ-за котораго впалъ въ грѣхъ. Его константинопольскій епископъ поднялъ въ Александріи мятежъ противъ него, чтобы привлечь народъ на свою сторону. Дѣло дошло до вмѣшательства префекта, который водворилъ епископа-киника въ такое мѣсто, гдѣ онъ не могъ уже нарушать уличнаго спокойствія.

---

[1]) *Jaffe*, 237, 238.

Изъ этихъ событій явствуетъ, что Григорій, не взирая на свою неоспоримую святость и краснорѣчіе, нѣсколько страдалъ отсутствіемъ практическаго смысла. Онъ, несомнѣнно, не нравился Петру александрійскому, достоинства котораго столь громко были признаны императорскимъ рескриптомъ отъ 27 февраля. Былъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ такимъ лицомъ, какое требовалось въ этотъ моментъ, чтобы стать во главѣ константинопольской церкви? Человѣкъ весьма положительный, Θеодосій долженъ былъ задавать себѣ этотъ вопросъ. Онъ пока воздерживался отъ разрѣшенія его, но онъ не могъ продлить до безконечности ту неопредѣленность, въ какой находились религіозныя дѣла въ столицѣ. Θеодосій былъ до сихъ поръ задержанъ въ Θессалоникѣ военными дѣйствіями противъ готовъ. Какъ скоро у него были развязаны съ этой стороны руки, онъ направился въ Константинополь, куда и вступилъ 24 ноября 380 года.

Спустя два дня послѣ этого вступленія церкви были отняты у аріанъ и переданы каθоликамъ. Демофилъ и въ послѣднюю минуту, какъ раньше, не выказалъ ни малѣйшаго желанія принять никейскій символъ. Онъ удалился. 26 ноября императоръ ввелъ Григорія въ св. Софію. Громадныя толпы народа тѣснились по пути слѣдованія; не всѣ были благожелательно настроены, но благодаря широко развернутой военной силѣ порядокъ былъ обезпеченъ. Позади мощнаго и величественнаго императора шествовалъ златоустый каппадокіецъ во главѣ этого тріумфа православія. Погода была пасмурная; осеннія тучи заволакивали утреннее небо. Разразится ли дождь надъ Никейскимъ соборомъ? Аріане и каθолики смотрѣли вверхъ, одержимые противорѣчивыми желаніями. Григорій вступилъ въ потемнѣвшую базилику, и въ то время, какъ императорская свита занимала мѣста на трибунахъ, онъ сѣлъ въ абсидѣ, рядомъ съ епископскимъ мѣстомъ. Какъ-разъ въ этотъ моментъ солнце, выглянувъ изъ-за тучъ, ярко заиграло во всѣхъ окнахъ: оно привѣтствовало побѣду. Раздались клики: „Григорій епископъ!“ Но Григорій, растерянный и безъ голоса, былъ не на высотѣ торжества. Вмѣсто него другой епископъ сдѣлалъ призывъ собранію сосредоточиться для совершенія св. богослуженія. Съ этого дня церковь Анастасіи была покинута, а св. Софія огласилась православнымъ краснорѣчіемъ. Подъ кровлей, укрывавшей раньше Евдоксія, назіанскій святой проводилъ свою строгую подвижническую жизнь. Не безъ труда приложилъ онъ руку къ реорганизаціи своей великой церкви. Много интересовъ оказались задѣтыми; было сдѣлано

покушеніе на жизнь Григорія. Однако мѣстная оппозиція мало-помалу была обезоружена; доблестный епископъ видѣлъ приближеніе минуты, когда его положеніе, наконецъ, должно было быть оформлено и упрочено. Өеодосій рѣшилъ созвать большой соборъ изъ епископовъ восточной части имперіи. Этому собранію была предоставлена власть окончательно озаботиться управленіемъ константинопольской церкви.

Были разосланы приглашенія. Кажется, что сначала не пригласили ни египетскихъ епископовъ, ни епископовъ восточнаго Иллирика, изъ коихъ наиболѣе виднымъ былъ епископъ өессалоникскій. Во всякомъ случаѣ они прибыли гораздо позднѣе другихъ. Павлинъ, какъ и немногіе епископы, состоявшіе въ общеніи съ нимъ, каковы, напр., Діодоръ тирскій и Епифаній саламинскій, не явились вовсе. Мелетій прибылъ заблаговременно, въ сопровожденіи 70 епископовъ восточнаго „діэцеза“. Прибылъ также новый епископъ Кесаріи Каппадокійской Элладій съ двумя братьями Василія: Григоріемъ и Петромъ; затѣмъ друзья Василія: Амфилохій иконійскій и Оптимъ изъ Антіохіи Писидійской; наконецъ, человѣкъ пятьдесятъ епископовъ изъ южной части Малой Азіи, Ликіи, Памфиліи, Писидіи, Ликаоніи. Вообще этотъ епископскій соборъ довольно хорошо представлялъ сферу вліянія Василія. Его самого недоставало на этомъ торжествѣ, но его духъ парилъ надъ соборомъ. Изъ Галатіи и Пафлагоніи, гдѣ епископскія каөедры были заняты еще аріанами, никто не пріѣхалъ на соборъ Между подписавшими соборные акты не встрѣчается также ни одного епископа изъ западной части Малой Азіи. Въ этихъ странахъ преобладало полуаріанское или македоніанское исповѣданіе, вновь провозглашенное на недавно состоявшихся соборахъ въ Кизикѣ и въ Антіохіи Карійской [1]). Однако Өеодосій счелъ себя обязаннымъ созвать епископовъ и этого направленія. Они явились въ числѣ тридцати шести человѣкъ во главѣ со своимъ престарѣлымъ вождемъ Елевсіемъ кизикскимъ, знаменитымъ поборникомъ

---

[1]) О Кизикскомъ соборѣ (ср. выше стр. 277) см. у Василія: *ep.* 244, § 9. Соборъ въ Антіохіи Карійской помѣченъ Сократомъ (V, 4, съ ошибкой τῆς Συρίας) и Созоменомъ (VII, 2) вскорѣ послѣ воцаренія Граціана. Въ другомъ мѣстѣ Созоменъ (VI, 12) упоминаетъ объ иномъ соборѣ, состоявшемся въ Каріи при участіи 34 епископовъ въ то самое время, когда долженъ былъ состояться соборъ въ Тарсѣ (см. выше стр. 247), слѣдовательно, лѣтъ за двѣнадцать ранѣе. Думается, что здѣсь должна быть рѣчь не о двухъ, а объ одномъ соборѣ, который слѣдуетъ отнести къ 378 или 379 г.

термина подобосущный, и его товарищемъ Маркіаномъ лампсакскимъ. Евстаѳія севастійскаго уже не было въ живыхъ, чтобы присоединиться къ нимъ. Онъ скончался нѣсколько ранѣе или позднѣе своего прежняго друга Василія; младшій братъ Василія, Петръ, былъ его преемникомъ на севастійской каѳедрѣ.

Тщетны были продолжительные и дружественные споры съ ними и тщетно Григорій въ день пятидесятницы (16 мая) произнесъ въ св. Софіи проповѣдь [1]), въ которой самымъ осторожнымъ образомъ коснулся вопроса о Святомъ Духѣ; Елевсій и его сторонники непреклонно стояли на своемъ. Пришлось покориться необходимости разрыва съ ними, что было на дѣлѣ тѣмъ болѣе прискорбно, что „македоніане", какъ въ Константинополѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, насчитывали въ своихъ рядахъ много почтенныхъ личностей.

Вопросъ о замѣщеніи константинопольской каѳедры былъ улаженъ безъ затрудненій среди друзей. Это былъ лишь вопросъ формы, ибо Григорій совершенно очевидно и съ давнихъ поръ былъ кандидатомъ Мелетія; поддержка со стороны всѣхъ Восточныхъ была ему обезпечена. Можно себѣ представить, съ какой радостью братья и друзья Василія подали за него голосъ. При этомъ не обнаружилось ни малѣйшей оппозиціи. Никто не могъ серьезно отнестись къ правамъ Максима-киника, всѣми отверженнаго не только на Востокѣ, но и въ Египтѣ. Что же касается насильственнаго посвященія Григорія Василіемъ, то всѣмъ было извѣстно, что это посвященіе не было связано для Григорія съ обладаніемъ какой-либо каѳедрой, что, именуясь сасимскимъ епископомъ, онъ безпрестанно протестовалъ противъ совершоннаго надъ нимъ насилія и никогда не исполнялъ епископскихъ обязанностей въ Сасимѣ, что если онъ и исполнялъ ихъ въ Назіанзѣ, то только въ качествѣ помощника своего отца, а никакъ не въ качествѣ епископа назіанскаго. Такимъ образомъ, никакъ нельзя было сказать, что онъ переходилъ съ одной каѳедры на другую. Онъ явился въ Константинополь изъ пустыни, а не съ другой каѳедры.

Все это было ясно какъ день. Григорій былъ окончательно утвержденъ соборомъ и его главой, Мелетіемъ. Двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ Мелетій самъ былъ призванъ на антіохійскую каѳедру вожаками тогдашней аріанской партіи, друзьями Евзоія и Акакія, Дороѳея и Демофила. Если Григорій не подпи-

---

[1]) *Or.* 41.

сался подъ риминійской формулой, то его отецъ, епископъ назіанскій, сдѣлалъ это. Если соборъ не представлялъ собой собранія покаявшихся, то многіе изъ его членовъ имѣли гнетущія воспоминанія. Въ общемъ то были дѣла давно минувшихъ дней. Но при Валентѣ эти члены собора достаточно натерпѣлись притѣсненій, чтобы имѣть право во времена Өеодосія не смущаться уже столь далекимъ прошлымъ. Что бы ни пришлось когда-то пройти молчаніемъ или подписать, истинная вѣра была сохранена, и ее сумѣли соблюсти цѣной очень тяжкихъ жертвъ, а теперь, въ болѣе мирныя времена, ее привѣтствовали отъ чистаго сердца. Все, что было сдѣлано, было достигнуто собственными силами Восточныхъ, ибо западные братья и египтяне сторонились отъ нихъ и имѣли ихъ въ подозрѣніи. На памяти было, что противъ ихъ недовѣрія пришлось отстаивать самую формулу о трехъ ипостасяхъ. Василій торжествовалъ по всей линіи. Когда его другъ Мелетій, котораго онъ защищалъ съ такимъ постоянствомъ, взялъ Григорія за руку, чтобы возвести его на престолъ св. Софіи, тогда многимъ долженъ былъ вспомниться образъ великаго кесарійскаго епископа. Антіохійская церковь выплачивала свой долгъ Василію, когда такъ торжественно восполняла тотъ ущербъ, какой она нѣкогда нанесла ему въ лицѣ его брата по духу. Лучшей услуги не могло быть оказано его прославленной памяти.

Въ эти прекрасные дни Мелетій скончался. Возведеніе на каѳедру константинопольскаго епископа было послѣдней церемоніей, совершившейся при его руководящемъ участіи. Погребеніе совершили съ великимъ торжествомъ; Григорій нисскій произнесъ надгробное слово.

Эта смерть выдвигала на очередь одинъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ. Вернувшись въ Антіохію къ концу 378 года, Мелетій искалъ сближенія съ Павлиномъ. О сдѣланныхъ имъ шагахъ или условіяхъ, предложенныхъ по этому поводу, мы имѣемъ свѣдѣнія лишь по легендамъ [1]). Правда ли, что Мелетій предложилъ Павлину возсѣдать вмѣстѣ на одной каѳедрѣ, положивъ между собой евангеліе? Или, по крайней мѣрѣ, состоялось ли между ними согла-

[1]) Сократъ (V, 5, ср. Sosom., VII, 3) комбинируетъ вмѣстѣ два разсказа, изъ коихъ одинъ благопріятенъ Павлину, а въ другомъ его сторонниковъ называютъ люциферіанами. Өеодоритъ не болѣе убѣдителенъ (V, 3. Неизвѣстно даже съ достовѣрностью, *magister militum* Сапоръ, которому было поручено передать антіохійскія церкви каѳоликамъ, отправлялъ-ли свою должность во времена Мелетія или скорѣе при Флавіанѣ.

шеніе въ томъ, что первый, кто изъ нихъ умретъ, не будетъ имѣть преемника? Объ этомъ ничего неизвѣстно. Относительно послѣдняго пункта не могли расходиться благочестивыя желанія разумныхъ людей всѣхъ лагерей; извѣстно, что внушенія въ этомъ смыслѣ были сдѣланы съ Запада, и именно изъ среды, окружавшей св. Амвросія [1]). Но на Западѣ обращали вниманіе лишь на формальное право, а что касается подробностей даннаго вопроса,—держались александрійской оцѣнки. На мѣстѣ было очевидно, что община Павлина была незначительна, что Мелетій былъ истиннымъ епископомъ и что соперничавшая церковь существовала только по милости Александріи и Запада.

То обстоятельство, что вопросъ о преемникѣ Мелетію открылся въ Константинополѣ и среди большого собора, состоявшаго почти исключительно изъ его приверженцевъ, не могъ благопріятствовать тому рѣшенію, котораго вмѣстѣ съ западной церковью желали всѣ благоразумные люди Востока. Выразителемъ ихъ желаній явился новый константинопольскій епископъ Григорій, который очень настаивалъ, чтобы сошлись на Павлинѣ, но его не послушали. Сплоченность мелетіанъ, новый фаворъ, въ которомъ они обрѣтались, достигнутый ими успѣхъ,—все это вскружило имъ голову. Какъ во времена Евсевія никомидійскаго и Сардикскаго собора, они стали проникаться сознаніемъ своихъ преимуществъ по сравненію съ Западомъ. „Не на востокѣ ли,—говорили они,—родился Христосъ?"—„Да,—возражалъ Григорій,—но на востокѣ также Его убили". Но какъ онъ ни старался, епископы рѣшили, что Павлинъ не будетъ признанъ, и что Мелетію будетъ назначенъ преемникъ.

Григорій былъ крайне опечаленъ этимъ рѣшеніемъ. Соборъ, на которомъ онъ предсѣдательствовалъ со времени смерти Мелетія, становился ему въ тягость. „Наиболѣе молодые,—говоритъ онъ [2]),—трещали какъ стая соекъ и ожесточались какъ рой осъ; что же касается старцевъ, они нисколько не заботились умѣрить другихъ".

Въ этой непріятной средѣ ему предносилась близкая его сердцу пустыня съ воспоминаніями объ ея тишинѣ и религіозныхъ созерцаніяхъ. Онъ началъ съ заявленія, что разъ его не слушаютъ, то ему лучше всего удалиться. Но епископы не желали этого; они очень настаивали, чтобы онъ оставался на той каѳедрѣ, на какой они поставили его. Во время этой размолвки прибыли епископъ

---

1) Посланіе Аквилейскаго собора; Ambros, *Ep.* 12, 5; ср. 13, 2.
2) *Carm. de Uita.* vers. 1680—1699.

ѳессалоникскій Ахолій и новый александрійскій папа Тимоѳей, который уже нѣсколько мѣсяцевъ наслѣдовалъ своему брату Петру. „Отъ нихъ вѣяло рѣзкимъ западнымъ вѣтромъ“,—говоритъ Григорій [1]); это значило, что они были расположены въ пользу Павлина. Въ этомъ отношеніи константинопольскому епископу являлась поддержка. Къ сожалѣнію, онъ самъ былъ имъ не совсѣмъ по сердцу, или, вѣрнѣе, они не мирились съ мыслью, что константинопольская каѳедра замѣщена преемниками Евсевія никомидійскаго и Леонтія антіохійскаго. Они заняли позицію защитниковъ каноническихъ правилъ, стали придираться къ Сасиму и Назіанзу, протестовать противъ перехода съ одной каѳедры на другую.

Эти нелѣпости привели Григорія въ раздраженіе. Довольно глупостей, довольно лицемѣрныхъ столкновеній! Въ послѣдней своей рѣчи онъ отдалъ отчетъ въ своей духовной жизни и самымъ трогательнымъ образомъ распрощался со своей паствой, городомъ Константина, церковью Анастасіи, св. Софіей, св. Апостолами, съ соборомъ, съ Востокомъ и Западомъ,—съ Западомъ, ради котораго и отъ котораго онъ терпѣлъ гоненіе. Затѣмъ онъ уѣхалъ въ Назіанзъ. Ахолій и Тимоѳей потрудились здѣсь не напрасно.

На освободившееся мѣсто избрали свѣтскаго человѣка, Нектарія, родомъ сицилійца, занимавшаго въ Константинополѣ чиновническую должность. Въ прошломъ его не было ничего подвижническаго, но борода его побѣлѣла, и теперь онъ отличался привѣтливостью и важностью. Епископъ тарсскій Діодоръ, извѣстный аскетъ, нашелъ, что у него святительскій видъ; онъ присоединилъ его имя къ списку кандидатовъ, представленныхъ императору. Ѳеодосій указалъ на него [2]). Тогда спохватились, что онъ еще не крещенъ. Такой примѣръ былъ уже со св. Амвросіемъ, хотя у Нектарія не было высокой добродѣтели и способностей миланскаго епископа. Императоръ, быть-можетъ, думалъ, что Нектарій будетъ вторымъ Амвросіемъ, но ошибался; впрочемъ въ тотъ моментъ, когда послѣ столькихъ раздоровъ константинопольская церковь такъ нуждалась въ успокоеніи, Нектарій, склонный не слишкомъ смущаться оттѣнками въ богословскихъ направленіяхъ, вопреки и благодаря этимъ своимъ недостаткамъ, быть-можетъ, былъ самымъ подходящимъ человѣкомъ.

---

1) *Ibid.*, vers. 1802.
2) *Sosom.*, VII, 8.

Подъ его предсѣдательствомъ,—очевидно, лишь почетнымъ,—соборъ завершилъ свои труды. Быть-можетъ, онъ закончилъ ихъ и до этого. Четыре канона, формулировкой которыхъ завершились они, совсѣмъ не отзываются александрійскимъ вліяніемъ. Съ трудомъ вѣрится, чтобы Тимоѳей содѣйствовалъ этому [1]).

Первый канонъ вновь провозглашаетъ никейскую вѣру и произноситъ анаѳему противъ всѣхъ ересей, а именно: евноміанъ или аномеевъ, аріанъ или евдоксіанъ, полуаріанъ или пневматомаховъ, савелліанъ, маркелліанъ, фотиніанъ, аполлинаріанъ. Второй канонъ запрещаетъ епископамъ вмѣшиваться въ дѣла, которыя относятся не къ ихъ, а къ другому гражданскому „діэцезу". Александрійскій епископъ долженъ былъ заботиться лишь объ Египтѣ; церковная администрація Востока должна касаться только восточныхъ епископовъ, которые обязаны считаться съ тѣмъ правиломъ, которое было установлено въ Никеѣ относительно прерогативъ антіохійской церкви; тотъ же порядокъ долженъ соблюдаться относительно діэцезовъ Асіи, Понта и Ѳракіи. Что же касается христіанскихъ общинъ, находившихся за предѣлами имперіи, то онѣ должны управляться согласно съ установившимися обычаями. Третьимъ канономъ епископу константинопольскому отводилось преимущество чести (τὰ πρεσβεῖα τῆς τιμῆς) послѣ римскаго епископа, „ибо Константинополь—новый Римъ". Наконецъ, послѣдній канонъ постановлялъ рѣшеніе по дѣлу Максима-киника: онъ не признавался епископомъ, и всѣ совершенные имъ религіозные акты, особенно посвященія, объявлялись недѣйствительными [2]).

Для всякаго умѣющаго читать ясно, что эти соборныя постановленія заключаютъ въ себѣ рядъ непріязненныхъ выпадовъ противъ александрійской церкви и ея притязаній на главенство. Увѣренные въ своемъ православіи, члены собора осудили всѣ современныя проявленія еретической мысли, причемъ въ число ихъ постарались включить и маркелліанъ, старинныхъ кліентовъ Александріи, которыхъ она еще недавно защищала своимъ покровительствомъ. Высказывая непремѣнное требованіе, чтобы каждый епископъ занимался своимъ дѣломъ и оставался въ предѣлахъ своего „діэцеза", отцы собора имѣли въ виду устранить вмѣшательство египетскаго папы въ дѣла Константинополя,

---

[1]) Однако его имя вмѣстѣ съ именемъ епископа оксиринкскаго находится на подписномъ листѣ, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ немного поддѣланъ.

[2]) Три канона, которые въ каноническихъ сборникахъ слѣдуютъ за этими правилами, представляютъ позднѣйшія добавленія.

Антіохіи и другихъ мѣстностей. Если соборъ возвысилъ преимущество Константинополя, не оспаривая преимуществъ Рима, то только для того, чтобы освободиться отъ преимуществъ Александріи. Быть-можетъ, совершенно излишне было упоминать о дерзкомъ предпріятіи Максима, но такъ какъ воспоминаніе о немъ было непріятно александрійцамъ, то его не преминули оживить.

Въ общемъ слишкомъ помнили о старыхъ раздорахъ. Григорій былъ совершенно правъ, удалившись съ собора: часъ миротворцевъ еще не приспѣлъ. При болѣе благоразумномъ отношеніи можно было бы задаться вопросомъ: съ чьей стороны,—съ александрійской или восточной,—вмѣшательства въ чужія дѣла были чаще и вреднѣе? Развѣ египетскимъ дѣломъ была смута Арія? Кто ее обострилъ? Евсевій никомидійскій и его виѳинскіе и сирійскіе приспѣшники. Египетскіе ли епископы руководили болтовней Тирскаго собора? Откуда соперники Аѳанасія, Григорій и Георгій? Посягалъ-ли Аѳанасій на чужую область, чтобы дать поводъ къ такому ожесточенію противъ себя? Опасались чрезмѣрной власти Александріи, но не пользовались ли и не злоупотребляли ли значеніемъ Антіохіи?

Все это было забыто подъ вліяніемъ нынѣшней вражды. Пожертвовали даже древнимъ престижемъ Антіохіи. Традиціонная столица Востока, вторая колыбель христіанства, ослабленная въ настоящее время расколомъ, казалось, не представляла собой достаточнаго оплота противъ александрійской опасности. Какъ объединяющему центру, было отдано предпочтеніе городу Константина, новому Риму. Констанцій, Юліанъ, Валентъ чаще всего имѣли резиденцію въ Антіохіи: военныя нужды держали ихъ вблизи персидской границы. А теперь на Дунаѣ было тревожнѣе, чѣмъ на Евфратѣ; можно было предвидѣть, что Антіохія будетъ оставлена для Константинополя. Епископъ этого большого города былъ призванъ воспользоваться для своего вліянія преимуществами, какія давала ему близость ко двору и верховной администраціи. Въ этомъ отношеніи онъ наслѣдовалъ положеніе антіохійскаго епископа и никогда не забывалъ этого своего происхожденія. Церковная исторія Востока въ теченіе долгаго времени будетъ полна отголосками его соперничества съ александрійскимъ соепископомъ.

Кромѣ отмѣченныхъ опредѣленій практическаго характера епископы составили догматическое изложеніе, которое не дошло до насъ.

Оно было составлено, вѣроятно, въ формѣ посланія, обращеннаго или ко всему епископату, или къ нѣкоторымъ церквамъ [1]).

Въ то время какъ епископы разъѣзжались къ своимъ епархіямъ, Θеодосій обнародовалъ, 30 іюля 381 года, законъ, предписывавшій повсемѣстное возвращеніе церквей православнымъ, и, чтобы не было сомнѣній, указывалъ въ каждомъ гражданскомъ діэцезѣ на епископовъ, общеніе съ которыми служило бы для должностныхъ лицъ гарантіей православія тѣхъ или другихъ общинъ. Для Θракіи вмѣстѣ съ Нектаріемъ константинопольскимъ таковыми являлись епископы скиѳійскій и маркіанопольскій; для Египта—Тимоѳей, для Понта—Элладій кесарійскій, Отрій мелитинскій и Григорій нисскій; для Азіи—Амфилохій иконійскій и Оптимъ изъ Антіохіи Писидійской; для Востока—Пелагій лаодикійскій и Діодоръ тарскій. Главные города Азіи и Востока—Ефесъ и Антіохія—не имѣли епископовъ или вѣрнѣе въ Ефесѣ былъ епископъ, но македоніанинъ, а въ Антіохіи ожидали, чтобы Мелетію былъ назначенъ преемникъ. Послѣдній былъ вскорѣ избранъ: то былъ Флавіанъ, старый соратникъ Діодора, сдѣлавшагося епископомъ тарскимъ. Флавіанъ имѣлъ всѣ права и всевозможныя достоинства. Къ сожалѣнію, его избраніе состоялось при такихъ условіяхъ, что ни въ Римѣ, ни въ Александріи его невозможно было признать.

Между тѣмъ вновь подулъ западный вѣтеръ, рѣзкость котораго была столь непріятна Восточнымъ: императоръ Θеодосій получилъ письма [2]) отъ собора, происходившаго въ Аквилеѣ почти одновременно съ Константинопольскимъ соборомъ. На этомъ соборѣ участвовало извѣстное число епископовъ сѣверной Италіи, между прочимъ Валеріанъ аквилейскій и Амвросій миланскій, съ делегатами отъ галльскаго и африканскаго епископатовъ. Въ письмѣ Западные благодарили императора за возвращеніе церквей въ руки каѳоликовъ, но выражали прискорбіе, что между послѣдними не царитъ согласіе. Тимоѳей александрійскій и Павлинъ антіохійскій, съ которыми Западные всегда находились въ общеніи, имѣли основаніе жа-

---

[1]) Соборное посланіе 382 года является единственнымъ документомъ, гдѣ говорится объ этомъ изложеніи (τόμος). Указанное посланіе предполагаетъ, какъ намъ кажется, что папа Дамасъ имѣлъ въ своихъ рукахъ текстъ этого изложенія. Конечно, нѣтъ никакой связи между этимъ документомъ, содержавшимъ въ себѣ анаѳемы противъ новыхъ ученій (аномейства, македоніанства и аполлинаріанства), и никео-константинопольскимъ символомъ, который поется теперь во время обѣдни. Послѣдній не имѣетъ ничего общаго съ соборомъ 381 года. Объ этомъ часто поднимавшемся вопросѣ см. статью Harnack'а въ *R. Encyclopedie* Hauck'a, t. XI, 12—28 ss.

[2]) Ambr., *Ep.* 12, *Quamlibet.*

ловаться на тѣхъ, „вѣра коихъ, въ прошломъ, была шаткой" [1]). Высказывалось пожеланіе, чтобы это дѣло было разсмотрѣно на большомъ соборѣ: онъ могъ бы быть созванъ въ Александріи.

Вскорѣ затѣмъ въ Аквилею, гдѣ соборъ еще засѣдалъ [2]), прибылъ злополучный Максимъ. Ему удалось втереться въ расположеніе Амвросія и предъявить ему письма отъ Петра александрійскаго, изложивъ при этомъ по-своему исторію своего посвященія. Епископъ миланскій, не теряя времени для справокъ въ Римѣ, повѣрилъ тому, что ему разсказывали, и новыя письма италійскихъ епископовъ [3]) были отправлены въ Константинополь съ протестомъ въ пользу этого страннаго кліента, права котораго въ глазахъ Амвросія имѣли преимущество надъ правами Григорія Назіанзина. По его мнѣнію, соборъ, засѣдавшій въ восточной столицѣ, долженъ былъ по крайней мѣрѣ отсрочить свое рѣшеніе до великаго собора, о которомъ ходатайствовали въ предыдущемъ письмѣ. Но ему не вняли; быть-можетъ, его протестъ запоздалъ. Онъ узналъ вскорѣ, что Максимъ былъ отстраненъ, а возведенъ на каѳедру Григорій и что даже и ему назначенъ уже преемникъ въ лицѣ Нектарія. Въ третій разъ Амвросій обратился къ Ѳеодосію отъ своего имени и отъ имени епископовъ италійскаго діэцеза [4]) и, по его словамъ, съ согласія императора Граціана, заявляя, что подобныя дѣла не слѣдовало рѣшать помимо западнаго епископата, который въ правѣ знать, съ кѣмъ онъ долженъ находиться въ общеніи.

Эти протесты, вѣроятно, поддержанные папой Дамасомъ и императоромъ Граціаномъ, побудили Ѳеодосія [5]) остановиться на мысли о созывѣ общаго собора, гдѣ соединились бы оба епископата, какъ восточный, такъ и западный. Онъ предложилъ восточному епископату прислать по этому поводу делегатовъ въ Константи-

---

[1]) „Quorum fides superioribus temporibus haesitabat".

[2]) Это какъ-будто слѣдуетъ изъ письма № 13 св. Амвросія (*Sanctum*, с. 4), текстъ котораго сохранился въ плохомъ видѣ.

[3]) Письмо утрачено; о немъ упомянуто въ слѣд. письмѣ, *Ep.*, 13, *Santum animum.*

[4]) *Ep.* 13. *Sanctum animum.* Своимъ заглавіемъ и текстомъ это письмо показываетъ, что оно написано позднѣе Аквилейскаго собора. Группа епископовъ, отъ имени которыхъ Амвросій писалъ, принадлежала къ италійскому діэцезу; ихъ слѣдуетъ тщательно различать отъ группы епископовъ пригородняго діэцеза, которые непосредственно зависѣли отъ папы и не имѣли ничего общаго съ миланскимъ епископомъ.

[5]) Повидимому, онъ представлялъ возраженія; 14-е письмо св. Амвросія *Fidei tuae* хранитъ слѣды этого.

нополь; на совѣщаніи съ этими делегатами пришли къ соглашенію, чтобы соборъ былъ созванъ въ Римѣ.

Мы имѣемъ мало свѣдѣній относительно этого собора. Павлинъ антіохійскій присутствовалъ на немъ въ сопровожденіи Епифанія, митрополита острова Кипра. Прибылъ на него и Ахолій ѳессалоникскій. Можно думать, что тамъ участвовалъ и александрійскій епископъ или по крайней мѣрѣ имѣлъ представителя. Что же касается собственно „Восточныхъ“, засѣдавшихъ въ прошедшемъ году на Константинопольскомъ соборѣ, то они уклонились, подобно своимъ предкамъ по духу, поступившимъ такъ сорокъ лѣтъ тому назадъ въ Сардикѣ. Впрочемъ должно сознаться, что они поступали съ большимъ соблюденіемъ формальностей. Трое изъ нихъ были отправлены въ Римъ съ посланіемъ, написаннымъ въ кисло-сладкомъ тонѣ, текстъ котораго дошелъ до насъ [1]). Оно начинается съ описанія печальнаго положенія, въ какомъ оказалась восточная церковь вслѣдствіе религіозной политики Валента; осторожно напоминалось, что Западные нисколько тогда не потрудились въ пользу своихъ злополучныхъ собратій; затѣмъ высказывалась благодарность имъ за интересъ, какой они стали проявлять къ Восточнымъ въ болѣе свѣтлую пору. Послѣдніе съ радостью поспѣшили бы на Римскій соборъ, но они прибыли въ Константинополь, не предполагая, что вопросъ идетъ о столь длинномъ путешествіи, для котораго они не заручились инструкціями отъ своихъ соепископовъ, теперь же совѣщаться съ ними поздно. „Эти причины, какъ и многія другія, препятствуютъ намъ прибыть къ вамъ въ большемъ числѣ. Однако, чтобы улучшить положеніе и заявить вамъ нашу любовь, мы просили нашихъ братьевъ по епископскому званію—Киріака, Евсевія и Прискіана—согласиться предпринять такое путешествіе. Черезъ нихъ мы изъявляемъ вамъ наши миролюбивыя и жаждущія единенія [2]) чувства, равно какъ и нашу ревность объ истинной вѣрѣ“. Здѣсь слѣдовало изложеніе вѣры восточной церкви, соотвѣтствующее никейскому символу, объ единосущной Троицѣ въ трехъ ипостасяхъ, о воплощеніи совершеннаго Слова въ совершенной человѣческой природѣ. Относительно подробностей Западные отсылались къ антіохійскому исповѣданію (τόμος) [3]) и къ исповѣданію „вселенскаго“ собора, состоявшагося въ прошедшемъ

---

1) Theodor V, 9.

2) *Τὴν ἡμετέραν προαίρεσιν εἰρηνικὴν οὖσαν καὶ σκόπον ἑνώσεως ἔχουσαν.*

3) Разумѣется, исповѣданіе 379 года. См. выше, стр. 297.

году въ Константинополѣ. Что же касается вопросовъ объ извѣстныхъ личностяхъ, то они были рѣшены соотвѣтственно традиціоннымъ правиламъ и никейскому постановленію, которое возлагаетъ заботу объ этомъ на епископовъ различныхъ провинцій. Такимъ образомъ, Нектарій былъ возведенъ на каѳедру въ Константинополѣ, Флавіанъ—въ Антіохіи, а Кириллъ былъ признанъ въ Іерусалимѣ. Все это было совершено каноническимъ порядкомъ, и Западные могутъ только этому радоваться.

Въ общемъ Восточные, устанавливая тотъ фактъ, что никакія догматическія разногласія не раздѣляютъ ихъ больше отъ Западныхъ, отказывали послѣднимъ въ правѣ вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла. По правдѣ сказать, обстоятельства складывались такъ, что могли оправдать въ ихъ глазахъ такую точку зрѣнія. Нельзя было до безконечности рисковать спокойствіемъ Востока изъ-за интересовъ Павлина и его малой церкви. Можетъ-быть, Восточные сдѣлали ошибку, не примирившись съ этимъ старымъ упрямцемъ и не передавъ ему по преемству каѳедру Мелетія; но можно ли было забыть, что если онъ оказался такимъ несговорчивымъ, то по винѣ Западныхъ, которые его посвятили и оказывали ему поддержку? Поэтому имъ слѣдовало съ нимъ развязаться и освободить отъ него другихъ. Было бы къ тому же весьма опасно явиться съ обвиненіями противъ Павлина передъ тѣми, которые защищали его, съ предвзятымъ намѣреніемъ не измѣнить своего сужденія о немъ. Что касается константинопольскихъ дѣлъ, то слѣдовало ли подвергать ихъ суду Амвросія, который въ прошедшемъ году далъ себя обойти этому проходимцу Максиму и не думалъ еще отъ него отступаться? Нѣтъ и нѣтъ. Люди, способные поддерживать Павлина противъ Мелетія, Максима-киника противъ Григорія Назіанзина, люди, которые имѣли своими кліентами Евстаѳія, Аполлинарія [1]), Виталія, дѣйствительно не были въ курсѣ дѣлъ и лицъ на Востокѣ. Лучше всего было Восточнымъ сговориться между собой и предоставить времени, этому мудрому врачу, зарубцевать раны, которыя кое-гдѣ еще сочились.

Такъ думали Восточные, и потому Римскій соборъ, состоявшійся безъ ихъ участія, не могъ имѣть никакого значенія. Впрочемъ не видно, чтобы этотъ соборъ поддерживалъ требованія

---

1) Въ своемъ письмѣ *Fidei tuae* (ср. 14) Амвросій еще требуетъ относительно Аполлинарія судопроизводства, съ личнымъ участіемъ обвиняемаго.

Амвросія въ пользу Максима-киника. Надо думать, что, освѣдомившись лучше, миланскій епископъ самъ отъ нихъ отказался а, Ѳеодосій, думается намъ, настоялъ въ это же время, чтобы Нектарій былъ признанъ въ Римѣ. Сановники его двора, поддержанные делегатами восточнаго епископата, сдѣлали все нужное передъ папой и добились того, что онъ послалъ въ Константинополь грамоты общенія [1]). Антіохійскія же дѣла остались въ прежнемъ положеніи.

---

[1]) Фактъ, упомянутый папой Бонифаціемъ въ письмѣ отъ 422 года (Jaffe., 305).

ГЛАВА XIII.

Папа Дамасъ.

Западъ и римская церковь до императора Констанція.—Ссылка епископовъ.—Незаконное вступленіе въ должность Феликса.—Выборы папы въ 366 г.: Дамасъ и Урсинъ.—Безпорядки въ Римѣ.—Ожесточеніе Урсина противъ Дамаса.—Секты въ Римѣ —Дамасъ и свѣтская власть.—Соборы противъ аріанъ.—Амвросій, епископъ миланскій. — Новыя интриги противъ Дамаса: Исаакъ возбуждаетъ противъ него уголовный процессъ.—Римскій соборъ 378 г.—Рескриптъ Граціана Аквилину.—Аквилейскій соборъ.—Римскій соборъ 382 г.—Іеронимъ; его первые шаги: пребываніе въ Сирійской пустынѣ.—Его отношенія къ папѣ Дамасу.—Его успѣхъ въ Римѣ: Павла и Марцелла. Дамасіанскія надписи и культъ мучениковъ.—Сириційі наслѣдуетъ Дамасу.—Отъѣздъ Іеронима въ Палестину.

За исключеніемъ Африки, гдѣ свирѣпствовали возмутительные раздоры, въ церквахъ латинскаго запада царилъ миръ до тѣхъ поръ, пока императоръ Констанцій не перенесъ сюда восточныя распри. До этого же времени тамъ мирно занимались врачеваніемъ ранъ, нанесенныхъ гоненіемъ, отстраивали церковныя зданія и расширяли ихъ въ виду значительнаго увеличенія числа новообращенныхъ, наконецъ, пополняли недочеты организаціи. Понемногу, по мѣрѣ того какъ разрастались христіанскія общины, всюду насаждались новыя епископскія епархіи. Несомнѣнно, созывались и соборы, хотя мы имѣемъ свѣдѣнія лишь о тѣхъ, которые были собраны по поводу донатистовъ и аріанъ. Арльскій соборъ 314 года имѣлъ особое значеніе. Онъ представлялъ нѣчто вродѣ вселенскаго (какъ вскорѣ стали выражаться) собора, такъ какъ въ немъ принимали участіе епископы изъ всѣхъ частей имперіи Константина. Папа на немъ не присутствовалъ, а послалъ вмѣсто себя двухъ римскихъ пресвитеровъ. Это нововведеніе положило начало практикѣ, которой придерживались долгое время. Рѣдко когда папы отлучались изъ Рима, особенно по церковнымъ дѣламъ: *maior a longinquo reverentia* (больше почета издалека).

Во время Арльскаго собора папу Мильтіада [1]) только что смѣнилъ Сильвестръ. Послѣдній занималъ свою каѳедру почти до конца царствованія Константина. Въ легендахъ онъ имѣетъ громкое имя, но его исторія—неизвѣстна. Мы знаемъ о немъ только то, что онъ былъ обвиненъ „святотатцами" и что императоръ потребовалъ это дѣло на свой собственный судъ [2]). Юлій, смѣнившій его послѣ кратковременнаго епископства Марка, былъ бы также мало извѣстенъ, если бы ему не пришлось быть замѣшаннымъ въ восточныя дѣла. Внутренняя исторія римской церкви въ эту первую половину четвертаго вѣка протекала, повидимому, безъ событій. Число христіанъ возрастало поразительнымъ образомъ. Къ старымъ зданіямъ, гдѣ совершалось богослуженіе, спѣшно возстановленнымъ тотчасъ послѣ гоненія, постоянно пристраивались новыя церкви [3]). На пригородныхъ кладбищахъ разыскивали могилы мучениковъ; ихъ любили украшать и часто воздвигали надъ ними болѣе или менѣе величественныя часовни. Тамъ отправлялись праздничныя богослуженія въ ихъ годовщины, которыя скоро были занесены въ календари [4]). Росту числа вѣрующихъ естественно соотвѣтствовало сильное увеличеніе должностей и церковнаго персонала.

Св. Аѳанасій, прибывшій въ Римъ въ 399 г., произвелъ сильное впечатлѣніе во вліятельныхъ кругахъ. Его положеніе давало ему возможность разсказать римскимъ знатнымъ женщинамъ о необычайной жизни отшельниковъ Антонія, Пахомія и ихъ учениковъ [5]).

---

[1]) Мильтіадъ, 2 іюля 311—11 января 314. Сильвестръ, 31 января 314—31 декабря 335; Маркъ 336 (18 января—7 октября); Юлій, 6 февраля 337—12 апрѣля 352.

[2]) Посланіе римскаго собора 378 г. императорамъ Граціану и Валентиніану II. Рѣчь идетъ вѣроятно о какомъ-то уголовномъ процессѣ, возбужденномъ донатистами. То было довольно обычной тактикой у людей, недовольныхъ епископами изъ религіозныхъ соображеній: они старались подорвать къ нимъ уваженіе, привлекая ихъ къ свѣтскому суду.

[3]) *Titulus Equitii* (S. Martino ai Monti) во времена Сильвестра; *titulus Marci* (S. Marco) во времена Марка; *titulus Julii* (S. Maria in Trastevere) съ другой базиликой (SS. Apostoli) во времена Юлія, возлѣ форума Траяна; *basilica Liberiana* (S. Maria Maggiore) во времена Либерія; *titulus Damasi* (S. Lorenzo in Damaso) во времена Дамаса.

[4]) Филокалійный списокъ праздниковъ помѣченъ 336 г. Тотъ, который вошелъ въ компиляцію іеронимовскаго мартиролога, вѣроятно еще болѣе ранняго происхожденія.

[5]) Впослѣдствіи разсказывали, что онъ привезъ въ Римъ нѣкоторыхъ изъ этихъ аскетовъ. Палладій называетъ Исидора (*Hist. Laus*, 1), состоявшаго при странопріимномъ домѣ въ Александріи, а Сократъ (IV, 23)—Аммуна Парота. Но по свидѣтельству самого Палладія, Исидору во время путешествія Аѳанасія не могло быть больше 21 года, а Аммунъ, умершій въ 403 году, былъ никакъ не старше его.

Въ это время были брошены первыя сѣмена аскетической жизни въ средѣ аристократіи, которыя не замедлили принести плоды.

Римская церковь во времена Сильвестра получила оффиціальное увѣдомленіе объ осужденіи Арія александрійскимъ епископомъ. Получивъ приглашеніе на Никейскій соборъ, папа послалъ на него, какъ и на Арльскій соборъ, двухъ пресвитеровъ, которымъ поручилъ свое представительство. Вопросы вѣроученія не волновали римлянъ. Времена Ипполита, Каллиста и Тертулліана давно миновали. Что касается формулъ, то, когда чувствовалась въ нихъ потребность, прибѣгали къ формулѣ Тертулліана и Новаціана: „одна субстанція, три лица", которая казалось удовлетворяла всѣмъ требованіямъ. Въ старину, когда говорили по-гречески, былъ въ почетѣ терминъ *homoousios*, теперь его переводили словомъ *consubstantialis*, дѣлая, такимъ образомъ, равнозначащими слова: οὐσια и ὑπόστασις.—Эту терминологію легаты Сильвестра рекомендовали Никейскому собору и она была принята имъ.

Когда на Римскій соборъ 340 года, засѣдавшій подъ предсѣдательствомъ папы Юлія, предстали въ одной изъ городскихъ базиликъ епископы александрійскій, анкирскій и газскій, догматическій вопросъ не возбудилъ никакихъ затрудненій. Изъ трехъ, подавшихъ апелляцію, Маркеллъ анкирскій былъ единственнымъ лицомъ, которое было осуждено на Востокѣ за свое ученіе. Онъ тоже стоялъ за единство субстанціи и троичность лицъ: римляне столковались съ нимъ безъ труда.

Въ результатѣ всего этого римская и, можно сказать, латинская церковь вынесла впечатлѣніе, что церковь въ имперіи Констанція была снѣдаема глубокими раздорами точно такъ же, какъ и въ Африкѣ. Нельзя было чрезмѣрно волноваться этими дальними смутами. Однако, нѣкоторыя разногласія были оффиціально вынесены на судъ римской церкви: западные епископы стали понимать, что имъ слѣдуетъ вступиться въ эти восточныя дѣла. Нѣкоторые изъ нихъ приняли участіе на Сардикскомъ соборѣ, исходъ котораго, какъ мы видѣли выше, не отвѣчалъ надеждамъ тѣхъ, кто созвалъ его. Раздраженные на защитниковъ Аѳанасія, Восточные вынесли приговоры, низлагавшіе папу Юлія, Максимина, епископа трирскаго, Осія кордубскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Эти приговоры, правда, не имѣли никакихъ послѣдствій: ни эти приговоры, ни тѣ, которыми отвѣтили на нихъ съ латинской стороны, не помѣшали въ слѣдующемъ году возобновленію переговоровъ между обоими епископатами. Епископы переѣзжали туда и сюда, изъ Милана въ

Антіохію, и изъ Антіохіи въ Миланъ. Эти сношенія все-таки были дѣломъ главенствующихъ лицъ; въ общемъ же епископатъ мало принималъ въ нихъ участія; масса же вѣрующихъ и клира не интересовалась ими вовсе.

Совсѣмъ не то началось съ 353 года, когда императоръ Констанцій, управляя обѣими половинами имперіи, вздумалъ привлечь западный епископатъ къ крестовому походу, который велъ на Востокѣ противъ Аѳанасія и никейскаго символа. Это ему удалось не безъ нѣкоторой оппозиціи, сурово подавленной. Со временъ великаго гоненія привыкли видѣть, что епископы спокойно управляютъ своими церквами. Списокъ изгнанниковъ и исповѣдниковъ вновь сталъ пополняться въ эпоху покровительственнаго отношенія къ церкви сына Константина. Нѣсколько церквей лишились своихъ руководителей; такъ, въ Галліи—церкви трирская, пуатьеская и тулузская, въ Сардиніи—церковь кагліарійская, въ Италіи—верчелльская.

На мѣсто изгнанниковъ иногда назначали пришлыхъ людей изъ Каппадокіи или изъ другихъ восточныхъ странъ, едва говорившихъ по-латыни. Авксентій миланскій наиболѣе прославился между этими переселенцами. Слѣдуетъ упомянуть также Епиктета, получившаго каѳедру въ Цемтумцеллѣ (Чивита-Векіа), личности весьма малопочтенной.

Но самые печальные плоды смута принесла въ Римѣ. Въ то время, когда Констанцій проникъ въ Италію (лѣтомъ 352 года), папа Юлій былъ только что замѣщенъ Либеріемъ (17 мая). Мы видѣли выше, какъ онъ держалъ себя при этихъ прискорбныхъ обстоятельствахъ, какъ его увезли изъ Рима и удалили въ изгнаніе въ глубь Ѳракіи.

Учиненное надъ нимъ насиліе сильно взволновало христіанское населеніе. Клирики тотчасъ же произвели внушительныя манифестаціи преданности папѣ. На торжественномъ собраніи пресвитеры, діаконы и другіе члены клира поклялись въ присутствіи вѣрующихъ, что пока Либерій живъ, они не примутъ никакого другого епископа [1]). Между наиболѣе рѣшительными сторонниками папы были архидіаконъ Феликсъ и діаконъ Дамасъ, который даже уѣхалъ съ Либеріемъ, но вскорѣ вернулся. Этотъ огонь ревности

---

[1]) См. объ этомъ *Coll. Avell., n. 1. Quae gesta sunt inter Liberium et Felicem episcopos*. Клятва подтверждается также Іеронимомъ въ его *Хроникѣ* (*a. Abr.*, 2365).

скоро погасъ. Дворъ рѣшилъ замѣстить Либерія. На этотъ разъ нашли, что не слѣдуетъ прибѣгать къ каппадокійскому персоналу; новый замѣститель былъ выбранъ въ рядахъ римскаго клира. Вызванный въ Миланъ, архидіаконъ Феликсъ, несмотря на свою клятву, принялъ наслѣдіе изгнанника. Всѣмъ этимъ дѣломъ руководилъ Акакій кесарійскій[1]; Епиктетъ тоже былъ здѣсь замѣшанъ[2]. Вѣроятно, онъ присутствовалъ на церемоніи рукоположенія, которое, по словамъ Аѳанасія, справили во дворцѣ три шпіона[3]) въ присутствіи трехъ евнуховъ, изображавшихъ христіанскій народъ. По возвращеніи въ Римъ, Феликса привѣтствовало большинство клира, но народъ не хотѣлъ о немъ слышать и держался въ сторонѣ, пользуясь всякимъ случаемъ, чтобы выражать свое недовольство и требовать обратно Либерія. Въ маѣ 357 года Констанцій прибылъ въ Римъ. Выступленія въ пользу Либерія участились. Христіанскія матроны являлись съ ходатайствами во дворецъ[4]), народъ въ циркѣ требовалъ своего епископа. «Вы получите его,—отвѣтилъ императоръ,— онъ вернется къ вамъ лучшимъ, чѣмъ былъ, когда уѣхалъ». Онъ зналъ уже, что твердость Либерія не выдержала, что епископы аквилейскій и верійскій добились отъ папы, чтобы онъ покинулъ Аѳанасія и вступилъ въ общеніе съ Восточными.

Однако эта перемѣна, происшедшая съ Либеріемъ, ставила правительство въ весьма затруднительное положеніе. Его можно было теперь возстановить въ должности въ Римѣ, разъ онъ исполнилъ то, что отъ него требовалось. Но что дѣлать съ Феликсомъ[5])?

Послѣ долгаго промедленія, дворъ рѣшился предоставить руководство римской церковью одновременно обоимъ епископамъ. Мы упоминали выше, что эта система правленія была отвергнута римской паствой, которая, получивъ Либерія, сама взялась устранить его соперника. Такая развязка совершилась однако не безъ смуты[6]). Нѣсколько неясныя преданія[7]) рисуютъ намъ Либерія водвореннымъ на Нументанской дорогѣ близъ Святой Агнесы, а Феликса—

---

[1]) Hieron., *De viris.*, 98.
[2]) Athan *Hist. arian.*, 73.
[3]) Κατάσκοποι, игра словъ по противоположности съ ἐπίσκοποι.
[4]) Theodor. II. 14.
[5]) На его имя адресованъ законъ о льготахъ низшаго клира (*Cod. Theod.* XVI., 2, 14). Дата, которой онъ помѣченъ въ кодексѣ Ѳеодосія (6 декабря 357 года), возбуждаетъ сомнѣніе.
[6]) Какія прискорбныя сцены происходили по этому поводу, можно видѣть изъ событій 360 года, разыгравшихся при осужденіи Василія анкирскаго (*Sosom.*, III, 24).
[7]) *Liber pontificalis.* (біографіи Либерія и Феликса II).

укрывшимся въ собственномъ помѣстіи по дорогѣ въ Порто. Достовѣрно, что прежній папа одержалъ верхъ, что вѣрующіе устремились къ нему на встрѣчу и устроили ему тріумфальный въѣздъ [1]). Немного спустя Феликсъ задумалъ вновь насильственно возвратиться къ власти и пытался укрѣпиться въ базиликѣ Юлія въ Транстеверѣ, при участіи нѣкоторыхъ клириковъ изъ своей партіи. Но вѣрующіе, какъ аристократія, такъ и простой народъ, вторично вступились; Феликсъ [2]) былъ окончательно устраненъ и отказался отъ новыхъ выступленій.

Важнымъ указаніемъ на эту смуту служитъ тотъ фактъ, что римская церковь не была представлена на Риминійскомъ соборѣ. Это было счастіемъ для нея, ибо по роспускѣ собора оказалось, что она не приняла никакого участія въ отступничествѣ этого собранія. Миновалъ 360 годъ, а Либерій еще не призналъ его постановленій, противъ которыхъ уже проявлялся протестъ въ Галліи. Весной 361 года чиновники, служившіе при Констанціи, сошли со сцены; началось царствованіе Юліана. На Западѣ оно было мало ощутительно. Тамъ привыкли жить съ язычниками, которыхъ было еще много, и которые пользовались сильнымъ вліяніемъ, заполняя собою ряды администраціи и аристократіи.

Поэтому здѣсь почти не было проявлено той крайней религіозной ревности, которая во времена Юліана являлась поводомъ къ столькимъ выступленіямъ реакціи. Во времена Іовіана и Валентиніана вновь вернулась полная свобода. 22 декабря 365 года умеръ Феликсъ. Его партія имѣла благоразуміе не назначать ему преемника, а Либерій въ свою очередь проявилъ большое снисхожденіе къ составу служившихъ подъ начальствомъ его соперника. Возстановилось единство клира. Враждебныя отношенія все-таки не прекратились; не всѣ одобряли снисходительныя мѣры Либерія; сторонники Либерія и Феликса продолжали косо смотрѣть другъ на друга. Кончина Либерія (24 сентября 366 года), послѣдовавшая очень скоро за кончиной Феликса, дала поводъ къ столкновенію между двумя направленіями. Едва тѣло папы было предано землѣ, какъ возникли двѣ партіи. Одни устремились на край Марсова

---

[1]) Hieron. *Chron.*, a Abr. 2365; *Coll. Avell.*, l. c.

[2]) Извѣстно, что легенда блестящимъ образомъ оправдала Феликса и даже въ ущербъ памяти Либерія. См. объ этомъ мое изданіе *Liber pontificalis* t. I. p. CXX и слѣд. Въ этой папской хроникѣ Феликсъ вѣроятно вслѣдствіе позднѣйшей поправки, значится въ числѣ папъ. То же и въ другихъ спискахъ, немного болѣе раннихъ. Изъ всѣхъ антипапъ древности пощадили его одного.

поля, въ Люцинскую базилику (*S. Lorenzo in Lucina*), другіе—въ базилику Юлія (*S. Maria*) въ Транстеверѣ. Послѣдніе были упорными противниками миролюбивой политики покойнаго папы. Съ ними было лишь семь пресвитеровъ и три діакона, изъ коихъ одинъ, Урсинъ, былъ провозглашенъ папой и тотчасъ же посвященъ епископомъ тибурскимъ. Былъ воскресный день, и уже вошло въ обычай именно въ этотъ день совершать посвященія во епископы. Въ Люцинской церкви діаконъ Дамасъ, бывшій нѣкогда сторонникомъ Феликса, оказался избраннымъ громаднымъ большинствомъ клира и вѣрующихъ. Онъ былъ римляниномъ. Его отецъ до него прошелъ всѣ ступени іерархіи [1]). Дамасъ былъ лицомъ весьма добродѣтельнымъ, нѣсколько причастнымъ къ литературѣ [2]) и уважаемымъ среди христіанской аристократіи. Его враги ставили ему въ упрекъ то расположеніе, какимъ онъ пользовался среди матронъ [3]); они не забыли также, съ какой поспѣшностью онъ принялъ Феликса, проявивъ передъ тѣмъ столько рвенія при отъѣздѣ Либерія. Будучи избранъ, Дамасъ не поторопился со своимъ посвященіемъ; вѣроятно часъ былъ слишкомъ поздній. Церемонія была отложена до слѣдующаго воскресенія.

Собраніе изъ Люцинской базилики едва стало расходиться, какъ пришло извѣстіе о томъ, что̀ только что произошло въ Транстеверѣ. Какъ всегда бываетъ при такихъ народныхъ выборахъ, всѣ были въ большомъ возбужденіи. Наиболѣе разгоряченные, между которыми, говорятъ, находились наѣздники изъ цирка и тому подобный народъ, устремились толпой къ базиликѣ Юлія. Урсиніане оказали сопротивленіе. Завязалось побоище, посыпались удары палокъ; были раненые и даже убитые. Безпорядки продолжались три дня. Посвященіе законнаго епископа совершилось въ слѣдующее воскресеніе, 1 октября, въ Латеранской базиликѣ, которая была приведена сторонниками Дамаса въ боевую готовность. По обычаю епископъ остійскій руководилъ церемоніей посвященія.

Что дѣлала власть во время этихъ волненій? Римскій префектъ, Вивенцій, былъ человѣкъ разумный и добросовѣстный, но нѣсколько робкаго нрава. Онъ сдѣлалъ похвальныя усилія, чтобы

---

[1]) Надпись (Ihm, № 57) въ S. Lorenzo in Damaso—церкви, которая, повидимому, сооружена на мѣстѣ родительскаго дома Дамаса.

[2]) Стихотворенія его свидѣтельствуютъ о нѣкоторомъ знакомствѣ съ Вергиліемъ. Дальше будетъ рѣчь о его связяхъ съ бл. Іеронимомъ.

[3]) Его называли дамскимъ угодникомъ: *auriscalpius matronarum* (*Coll. Avell.*, l. c.).

усмирить чернь, но когда это ему не удалось, онъ почелъ за лучшее удалиться въ свой деревенскій домъ, находившійся на нѣкоромъ разстояніи отъ Рима, надѣясь, очевидно, такимъ образомъ сохранить свою жизнь и свой авторитетъ. Мало-по-малу онъ пришелъ въ себя, призналъ правильность посвященія Дамаса и сдѣлалъ постановленіе объ удаленіи Урсина изъ Рима съ двумя діаконами, Аманціемъ и Лупомъ, которые послѣ Урсина считались главными вожаками его партіи. Такъ и было сдѣлано. Но упорствующіе стояли на своемъ: семь пресвитеровъ, которые находились при нихъ, продолжали собирать ихъ на схизматическія собранія. Дамасъ обратился къ властямъ. Пресвитеры были арестованы; когда ихъ увозили изъ Рима, сторонники Урсина набросились на охрану, освободили узниковъ и съ торжествомъ повезли ихъ въ базилику Либерія [1]), гдѣ расположились какъ въ крѣпости.

Но сторонники Дамаса не дали имъ насладиться успѣхомъ: 26 октября они, имѣя въ своихъ рядахъ даже клириковъ, окружили Есквилинскую базилику. Двери были заперты и хорошо охранялись. Въ то время, какъ ихъ старались разрушить топорами и огнемъ, наиболѣе ловкіе изъ приверженцевъ Дамаса взобрались на крышу, продѣлали въ ней отверстіе и оттуда стали осыпать сторонниковъ Урсина градомъ черепицъ. Наконецъ двери подались, произошла ужасная свалка, по окончаніи которой подняли сто тридцать семь труповъ [2]). Легко себѣ представить, какъ партія Урсина использовала эти жертвы. Утверждали, что со стороны нападавшихъ не было ни одного убитаго. Базилика, хотя полуразрушенная, продолжала служить мѣстомъ сборищъ для схизматиковъ; здѣсь они протестовали противъ насилія, взывали къ помощи императора и требовали созыва собора. Однако, мало-помалу, полиціи префекта удалось возстановить внѣшній порядокъ.

Годъ спустя Валентиніанъ, полагая, что наступило достаточное успокоеніе, дозволилъ Урсину и другимъ изгнанникамъ возвратиться въ Римъ [3]). 15 сентября 367 года состоялся торжественный въѣздъ антипапы при кликахъ его сторонниковъ, не замедлившихъ возобновить смятеніе, такъ что обманутый въ своемъ довѣ-

---

[1]) Въ общемъ видѣ базилика Либерія со своими колоннадами и увѣнчивающими ихъ мозаиками сохранилась до нашего времени.

[2]) Эта цифра показана Амміаномъ Марцеллиномъ; въ *Gesta* упомянуто 160 убитыхъ; Хроника бл. Іеронима (a. Abr. 2382) отмѣчаетъ только crudelissimae interfectiones diversi sexus (*безчеловѣчныя убійства того и другого пола*).

[3]) *Coll. Avell.*, 5 письмо къ префекту Претекстату.

ріи императоръ далъ новый приказъ объ его высылкѣ (16 ноября). На мѣсто префекта Вивенція былъ назначенъ Веттій Агорій Претекстатъ, человѣкъ, заслужившій себѣ уваженіе своей привѣтливостью и незаурядной образованностью, хотя онъ былъ изъ язычниковъ, и притомъ очень ревностныхъ. Надписи, гдѣ упоминается о немъ и объ его супругѣ Аконіи Павлинѣ [1]), восхваляютъ его почтеніе къ богамъ и краснорѣчиво перечисляютъ его жреческіе титулы. Разсказываютъ, что когда папа Дамасъ убѣждалъ его обратиться въ христіанство, онъ отвѣтилъ ему: «Я охотно крещусь, если меня сдѣлаютъ римскимъ епископомъ» [2]). Въ томъ же духѣ разсуждалъ и Амміанъ Марцеллинъ, и именно по поводу соперничества Урсина. Онъ находитъ вполнѣ естественнымъ, что такой постъ, каковъ постъ столичнаго епископа, находитъ соискателей-соперниковъ, «ибо,—говоритъ онъ,—добившись этого мѣста, можно спокойно пользоваться доходами, обезпеченными щедростью матронъ, выѣзжать въ колесницѣ, одѣваться въ пышныя одежды и давать пиршества, превосходящія своей роскошью императорскій столъ». Онъ добавляетъ, что было бы лучше подражать бѣдности и простотѣ нѣкоторыхъ провинціальныхъ епископовъ, добродѣтели которыхъ служатъ рекомендаціей христіанству [3]). Амміанъ не одинъ сокрушался о возрастаніи богатствъ въ римскомъ клирѣ. Бл. Іеронимъ энергично заклеймилъ тѣ вопіющія злоупотребленія, какія стали проникать въ лоно римской церкви вслѣдствіе увеличенія ея богатствъ. Но вернемся къ схизматикамъ.

Базилика Либерія оставалась въ ихъ рукахъ. Дамасъ заставилъ «защитника» своей церкви потребовать ея возвращенія, и Валентиніанъ, не желавшій безпорядковъ въ Римѣ, приказалъ вернуть ему это зданіе [4]). Въ то же время пресвитеры, руководившіе собраніями приверженцевъ Урсина, были изгнаны [5]). Однако прошло довольно много времени, пока возбужденіе улеглось. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ схизматики собирались на кладбищахъ и въ предмѣстьяхъ и справляли службу, какъ могли, обходясь безъ клира. Церковь св. Агнесы на Нументанской дорогѣ была мѣстомъ сборищъ диссидентовъ. Однажды тамъ произошло страш-

---

1) *C. I. L.* t. VI, № 1777—1781.
2) Hieron., *Contra Ioh. Hieros.*, 8.
3) Ammian. XXVII, 3, 14.
4) *Coll. Avell.*, 6 (конецъ 367 г.).
5) *Ibid.*, 7, отъ 12 янв. 368 г.

ное побоище, въ которомъ урсиніане потерпѣли пораженіе и были разсѣяны. Пришлось запретить виновникамъ смуты не только жительство въ Римѣ, но и въ предмѣстьяхъ его, на разстояніи 20 миль въ окружности [1]). Урсинъ былъ отправленъ въ Галлію. Впослѣдствіи ему и нѣкоторымъ его сторонникамъ дозволили жить въ сѣверной Италіи [2]), но съ запрещеніемъ приближаться къ Риму. Императорскіе рескрипты, касающіеся этого дѣла, представляютъ Валентиніана въ постоянномъ раздвоеніи между опасеніемъ слишкомъ энергично вступиться въ религіозную распрю и между заботой объ общественномъ спокойствіи, которое очень трудно было охранить среди празднаго и безпокойнаго населенія древней столицы.

Что же касается Дамаса, то побѣда досталась ему недешево: въ его избраніи слишкомъ много было участія полиціи, много императорскихъ рескриптовъ и убитыхъ. Это обстоятельство давало себя знать въ продолженіе всего его понтификата. Ктому же Урсинъ не складывалъ оружія: до самой смерти онъ не переставалъ строить козни противъ своего соперника. Не будучи въ силахъ добиться его смѣщенія, онъ пытался свести съ нимъ счеты въ уголовныхъ процессахъ. Мы упоминали уже объ его попыткѣ въ этомъ родѣ около 370 г.[3]); другая—была сдѣлана позднѣе.

Папа имѣлъ дѣло не только съ расколомъ Урсина. Римъ былъ переполненъ малыми церквами. Не говоря уже объ остаткахъ древнихъ сектъ: валентиніанъ, маркіонитовъ, монтанистовъ, савелліанъ, продолжала держаться новаціанская церковь, руководимая цѣлымъ рядомъ епископовъ, которые заявляли о своей связи съ древнимъ епископскимъ преемствомъ, отъ ап. Петра до Фабіана. Африканцы, водворившіеся въ Римѣ и принадлежавшіе къ цециліанскому каѳолическому исповѣданію, посѣщали церкви римскихъ

---

[1]) *Ibid.*, 8, 9, 10, конецъ 368 г.

[2]) *Coll. Avell.*, 11, 12 (конецъ 370 г., лѣто 372 г.).

[3]) Граціанъ намекаетъ на это въ рескриптѣ къ Аквилину (*Coll. Avell.*, № 13, p. 57 Günther): *iudiciorum examine exploratum mentis sanctissimae virum (Damasum), ut etiam divo patri nostro Valentiniano est comprobatum.* (Святѣйшей памяти мужъ [Дамасъ], подвергшійся судебному допросу, каковое дѣло и было представлено на утвержденіе нашему божественному родителю Валентиніану). Руфинъ, несомнѣнно, имѣлъ въ виду это дѣло, гдѣ онъ упоминаетъ о недоброжелательствѣ префекта Максимина (II, 10). Этотъ чиновникъ былъ префектомъ въ 369—370 г.; онъ исправлялъ должность заболѣвшаго римскаго префекта и проявилъ такую строгость при исполненіи этой временной обязанности, что внушилъ къ себѣ всеобщую ненависть. Немного позднѣе (371—372) онъ былъ назначенъ римскимъ викаріемъ, т. е. викаріемъ пригороднаго діэцеза.

каѳоликовъ, но донатисты обособились и сорганизовались подъ главенствомъ епископовъ изъ своей страны [1]); ихъ называли монтензами (*Montenses*), безъ сомнѣнія вслѣдствіе какой-нибудь мѣстной особенности. Были еще такъ называемые люциферіане, раздѣлявшіе точку зрѣнія Люцифера кагліарійскаго и Григорія иллиберійскаго относительно падшихъ на Риминійскомъ соборѣ епископовъ; для нихъ Либерій, Иларій, Евсевій верчелльскій, даже самъ Аѳанасій, были измѣнниками вѣрѣ. Они имѣли епископа по имени Аврелія; но наиболѣе видной личностью въ ихъ партіи былъ пресвитеръ Макарій, котораго прославляли за строгость жизни. За неимѣніемъ церквей собранія этихъ диссидентовъ происходили въ частныхъ домахъ. Полиція, побуждаемая доносами, исходившими изъ Латеранскаго дворца, весьма притѣсняла схизматиковъ. Макарій, задержанный во время богослуженія, подвергся сильному истязанію со стороны черни. Приговоренный къ изгнанію, онъ умеръ въ Остіи отъ раны, нанесенной ему въ моментъ его ареста. Епископъ остійскій, Флоренцій, котораго видимо болѣе тронули добродѣтели Макарія, чѣмъ оттолкнуло его ригористическое упорство, устроилъ ему торжественныя похороны въ базиликѣ мученика Астерія [2]). Партія вновь составилась подъ руководствомъ епископа Ефесія. Дамасу стоило не мало хлопотъ раздѣлаться съ этимъ новымъ соперникомъ [3]).

Хотя епископъ остійскій и предстоятельствовалъ при посвященіи папы Дамаса, но ему, повидимому, было не по сердцу, что тотъ постоянно прибѣгалъ къ вмѣшательству свѣтской власти. Легко представить себѣ, какъ къ этому вмѣшательству относились епископы, посвящавшіе Урсина, и другіе епископы, признавшіе это посвященіе. Дамасу приходилось, такимъ образомъ, бороться не только противъ римской партіи, упорной и всегда готовой къ мятежу, но и противъ сильной оппозиціи среди италійскихъ епископовъ. Онъ, какъ говорятъ, сдѣлалъ попытку добиться осужденія Урсина на соборѣ, составившемся по поводу папскаго *natale* въ 367 или 368

---

[1]) Послѣдовательный рядъ ихъ епископовъ извѣстенъ черезъ Оптата, (II, 4). Онъ начинался съ Виктора, присутствовавшаго въ качествѣ епископа гарбскаго на Циртскомъ соборѣ 305 г. и впослѣдствіи поселившагося въ Римѣ. За нимъ слѣдуютъ: Бонифацій, Енколпій, Макробій, извѣстный по нѣкоторымъ произведеніямъ, Лукіанъ, Клавдіанъ. Этотъ Клавдіанъ, какъ увидимъ дальше, причинилъ много непріятностей Дамасу.

[2]) *Libell. precum.* 77—82.

[3]) *Ibid.*, 84—91, 104—107. Вассъ, о которомъ упоминается въ этомъ разсказѣ, былъ префектомъ въ 382 г.

году; но епископы, хотя и состояли въ общеніи съ папой, тѣмъ не менѣе отказались осудить Урсина въ его отсутствіе [1]).

Нуждаясь, такимъ образомъ, столь сильно въ поддержкѣ правительства, Дамасъ не былъ расположенъ создавать ему затрудненія. Какъ мы уже видѣли, императоръ Валентиніанъ не допускалъ, чтобы государство было въ правѣ принимать мѣры противъ епископовъ, остававшихся вѣрными риминійскому исповѣданію. Идти наперекоръ такой политикѣ умиротворенія для папы Дамаса было дѣломъ довольно щекотливымъ. Поэтому Аѳанасію не безъ труда удалось побудить его къ выступленіямъ противъ остававшихся въ западной имперіи аріанскихъ епископовъ. Дамасъ началъ свои нападки съ Урзакія, Валента и прочихъ «иллирійцевъ» [2]). Всего труднѣе было вести борьбу съ Авксентіемъ, который получилъ спеціальное утвержденіе на каѳедру отъ императора Валентиніана. Наконецъ, папа рѣшилъ обратить на него вниманіе, и на второмъ соборѣ, созванномъ по почину Аѳанасія, сдѣлалъ заявленіе, что никейскій символъ является единственно имѣющимъ силу [3]) и что онъ не можетъ быть замѣненъ риминійскимъ. Объ осужденіи Авксентія, уже провозглашенномъ, онъ говоритъ въ мимоходомъ брошенной фразѣ, послѣ приговора, вынесеннаго епископами Галліи и Венеціи, за спину которыхъ папа и прячется. Въ концѣ соборнаго посланія онъ выражаетъ надежду, что упорствующіе вскорѣ будутъ лишены епископскаго сана и что ихъ церкви будутъ освобождены отъ нихъ.

Это выступленіе папы не отличается рѣшительностью, но, можетъ быть, Дамасъ былъ правъ, не рискуя ничѣмъ. Къ чему бы повелъ этотъ рискъ? Дамасъ былъ увѣренъ, что Валентиніанъ ничего не сдѣлаетъ, чтобы лишить каѳедръ признанныхъ имъ и принятыхъ мѣстнымъ населеніемъ епископовъ. Самое лучшее было дождаться ихъ смерти и тогда назначить имъ православныхъ преемниковъ.

Авксентій не подвергъ слишкомъ долгому испытанію терпѣніе

---

[1]) *Gesta inter Lib. et Fel.*, 13; нужно помнить, что это—урсиніанскій документъ.

[2]) Athan. *Ep. ad Afros*, 10.

[3]) Jaffe, 232. *Confidimus quidem;* ср. Sozom., VI, 23; Theodor. II, 22. Соборное опредѣленіе по латинскому его тексту, сохранившемуся въ сборникѣ Ѳеодосія, адресовано къ каѳолическимъ епископамъ Востока, и въ надписаніи этого опредѣленія говорится, что соборъ состоялся ex rescripto imperiali (по императорскому распоряженію).—У Созомена и Ѳеодорита соборное посланіе, переведенное на греческій языкъ, адресовано къ епископамъ Иллирика.

папы: онъ скончался осенью 374 года. Замѣщеніе его подало поводъ къ крупному столкновенію между православными, желавшими овладѣть этой каѳедрой, и аріанами, усиливавшимися сохранить ее за собой. Въ провинціи Эмиліи-Лигуріи былъ въ то время консуломъ одинъ римскій патрицій, по имени Амвросій [1]). Когда онъ появился на свѣтъ, его отецъ, котораго звали тоже Амвросіемъ, былъ префектомъ преторіи въ Галліи. У него уже были до этого другія дѣти: дочь Марцеллина и сынъ Сатиръ. Юный Амвросій получилъ воспитаніе въ Римѣ отъ матери и сестры, такъ какъ отецъ его умеръ довольно рано. Эта фамилія, одна изъ самыхъ знаменитыхъ въ Римѣ, приняла христіанство давно; изъ ея сочленовъ св. Сотерія претерпѣла мученичество во времена Максимина. Папа посѣщалъ иногда этотъ домъ; женщины принимали его съ великимъ почетомъ и цѣловали ему руку. Однажды послѣ его отъѣзда, юный Амвросій, который былъ тогда еще рѣзвымъ мальчикомъ, сталъ изображать его степенную походку и величественные жесты и даже требовалъ, чтобы Марцеллина поцѣловала ему руку, противъ чего та, смѣясь, протестовала. По окончаніи образованія онъ вступилъ въ совѣтъ префекта преторіи Проба, самаго виднаго изъ представителей христіанства среди римской знати. Пробъ назначилъ его правителемъ Эмиліи-Лигуріи, рекомендуя ему обращаться съ подчиненными съ кротостью, подобающей епископу, а не администратору. Пробъ оказался пророкомъ. Выборы епископа, какъ сказано было выше, вызвали большое возбужденіе; въ церкви поднялся шумъ, и правитель провинціи счелъ нужнымъ лично отправиться туда. Вдругъ послышался дѣтскій крикъ: «Амвросій—епископъ!» Обѣ партіи въ одинъ голосъ стали повторять это восклицаніе. Какъ ни протестовалъ Амвросій, какъ ни старался всѣми мѣрами уклониться отъ народнаго расположенія, заявляя, что онъ даже не крещенъ, ничто не помогало. Присутствовавшіе епископы разсудили, что только на его имени можетъ состояться соглашеніе. Нарушили правило, воспрещавшее посвященіе новообращенныхъ: Амвросій былъ крещенъ 30 ноября и восемь дней спустя (7 декабря) посвященъ во епископы.

Импровизированному епископу пришлось многому поучиться, если не по части христіанства вообще, то по крайней мѣрѣ по

---

[1]) Aurelius Ambrosius.—Біографическія подробности о св. Амвросіи дошли до насъ черезъ его секретаря, діакона Павлина, описавшаго жизнь своего учителя по просьбѣ бл. Августина.

части богословія. Такъ какъ онъ зналъ греческій языкъ, то принялся читать произведенія Филона, Оригена, Василія, Дидима. Въ самомъ началѣ епископскаго служенія ему представился случай вступить въ переписку съ знаменитымъ кесарійскимъ епископомъ, который привѣтствовалъ его съ возведеніемъ въ санъ [1]). Миланская церковь скоро могла гордиться такимъ пастыремъ. Но онъ принадлежалъ не только этой церкви, а всему тогдашнему христіанскому міру. Это скоро всѣмъ стало ясно.

Тѣмъ временемъ императоръ Валентиніанъ внезапно скончался въ Бригетіи, въ Панноніи, 17 ноября 375 года. Онъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей: старшій, шестнадцатилѣтній Граціанъ, уже нѣсколько лѣтъ былъ пріобщенъ къ управленію имперіей [2]) и находился въ моментъ смерти отца въ Трирѣ; второй, малолѣтній Валентиніанъ, жилъ въ Сирміи со своею матерью, императрицей Юстиной. Дунайская армія, не спросясь Граціана, назначила ему соправителемъ брата. Онъ скрѣпилъ это распоряженіе, но не выпустилъ изъ своихъ рукъ управленія всѣмъ Западомъ. Амвросій, избраніе котораго было встрѣчено почившимъ императоромъ съ большимъ удовлетвореніемъ, всегда оставался преданнымъ его семейству. Въ теченіе всей жизни Граціана онъ былъ его совѣтникомъ и пользовался сильнымъ авторитетомъ.

Въ Италіи все еще продолжались смуты, благодаря упорству Урсина. Такъ какъ пригороднія провинціи были для него закрыты, то онъ производилъ безпорядки въ Миланѣ; дѣйствуя заодно съ аріанами, спустившимися теперь на пdложеніе диссидентовъ, онъ нарушалъ порядокъ во время службъ, совершавшихся Амвросіемъ, и старался подрывать его вліяніе. Въ Римѣ его рука чувствовалась въ разныхъ интригахъ. Въ 374 году императору пришлось писать по этому поводу викарію Симплицію [3]). Несмотря на всевозможныя старанія, будучи не въ силахъ завладѣть Латераномъ, антипапа добивался, чтобы соперникъ его былъ изгнанъ оттуда.

Нѣкто Исаакъ, новообращенный еврей, поднялъ противъ Дамаса судебный процессъ. Въ то время римскіе судьи, по примѣру Валентиніана, выказывали необычайную строгость. Неизвѣстно, въ чемъ именно былъ обвиненъ Дамасъ [4]), но, повидимому, то было

---

[1]) Basil. *Ep.* 197.

[2]) Граціанъ родился 18 апрѣля 359 года; онъ былъ привлеченъ къ управленію имперіей 24 августа 367 года.

[3]) Письмо утеряно, но о немъ упомянуто въ *Coll Avell.*, № 13.

[4]) Въ легендѣ, записанной въ Liber pontipicalis, рѣчь идетъ о прелюбодѣяніи, но Дамасу было около 80 лѣтъ; это обвиненіе было бы слишкомъ неправдоподобно.

уголовное преступленіе, и дѣло, которое энергично велось въ присутствіи римскаго префекта, грозило завершиться осужденіемъ папы, однако въ это время удалось заинтересовать имъ Граціана. Онъ вытребовалъ дѣло къ себѣ, разобралъ его и отпустилъ престарѣлаго епископа оправданнымъ. Исаакъ былъ высланъ въ Испанію, Урсинъ водворенъ въ Кельнѣ. Вскорѣ послѣ этого Исаакъ отпалъ отъ христіанства и вернулся къ синагогѣ [1]).

Такія попытки привлеченія епископовъ къ суду были въ нравахъ того времени. Можно судить, насколько было обезпечено спокойствіе епископовъ, особенно въ большихъ городахъ, гдѣ при исполненіи своихъ разнородныхъ обязанностей они неминуемо рисковали возбудить недовольство многихъ лицъ и нажить себѣ массу враговъ.

Дамасъ не удовлетворился свидѣтельствомъ своей невиновности, удостовѣренной императорскимъ приговоромъ; онъ пожелалъ, чтобы его дѣло было разсмотрѣно на соборѣ. Соборъ епископовъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ Италіи, собрался въ Римѣ въ 378 году. Онъ обратился къ императору съ петиціей, которая дошла до насъ вмѣстѣ съ отвѣтомъ Граціана. Епископы напоминали ему, что въ одинъ изъ предыдущихъ фазисовъ дѣла Урсина императоръ, сдѣлавъ постановленіе, возлагавшее на полицію обязанность удалить виновника смуты, поручилъ папѣ возбуждать преслѣдованіе противъ тѣхъ епископовъ, которые держатся на сторонѣ схизматика. Эта петиція была весьма основательной. При томъ положеніи религіозныхъ дѣлъ, какое было создано императоромъ Валентиніаномъ, государству не могло придти въ голову вмѣшиваться въ церковное судопроизводство; его дѣло было наблюдать, чтобы не нарушалось общественное спокойствіе. Однако, могли возникнуть случаи, когда церковныя постановленія и та польза, какую они оказали бы об-

---

[1]) Въ бытность свою христіаниномъ, этотъ Исаакъ издалъ нѣсколько богословскихъ и экзегетическихъ работъ. Геннадій (*De viris*, 26) знакомъ былъ съ ними, и до насъ еще дошло небольшое сочиненіе его о Троицѣ и Воплощеніи (Migne, *P. L.* t. XXXIII, 1541). Ему слѣдуетъ также приписать „Изложеніе каѳолической вѣры“, изданное Каспари въ 1883 г. (*Kirchenhistorische Anecdota*, t. I. s. 304). Г. Моренъ (*Revue d'hist. et de litt. relig.*, 1899 *p.* 97) предлагалъ приписать ему два значительныхъ произведенія: Комментарій т. н. Амвросіаста на посланія ап. Павла и *Quaestiones V. et N. Testamenti*,—произведенія, составленныя въ Римѣ при папѣ Дамасѣ. Эта гипотеза была и остается весьма правдоподобной, хотя самъ авторъ отъ нея отступился (*Revue Benedictine*. 1903 p. 113). Я, какъ и Мартинъ Шапцъ (*Gesch. der röm. Litteratur*, partie IV p. 455), полагаю, что Морену не удалось себя опровергнуть, и что новое рѣшеніе, какое онъ предлагаетъ для этой литературной проблемы, далеко не имѣетъ такой цѣнности, какъ первое.

щественному порядку, могли остаться неосуществимыми, вслѣдствіе чрезмѣрнаго невмѣшательства со стороны государства. Поэтому епископы ходатайствовали [1]), чтобы имъ оказывали содѣйствіе, во-первыхъ, дабы принудить непокорныхъ епископовъ являться на судъ, а затѣмъ, чтобы не позволять низложеннымъ епископамъ сѣять смуту въ церквахъ, которыя уже изъяты духовнымъ судомъ изъ ихъ вѣдѣнія. Указано было на нѣсколько опредѣленныхъ случаевъ. Епископы пармскій и пуццольскій отказывались подчиниться приговорамъ объ ихъ низложеніи; упомянуты также африканскій епископъ Реститутъ и римскій донатистскій епископъ Клавдіанъ.

Но вниманіе собора было особенно обращено на дѣло Исаака: соборъ хотѣлъ добиться, чтобы, по крайней мѣрѣ, папа былъ обезпеченъ отъ подобныхъ посягательствъ. Императоръ, — говорилъ онъ,—разсмотрѣлъ поведеніе Дамаса, и отнынѣ клеветникамъ должно быть запрещено привлекать его къ суду. Если есть основаніе возбуждать дѣло, и поводъ къ нему лежитъ внѣ компетенціи собора, то пусть оно по крайней мѣрѣ будетъ повергнуто на личное разсмотрѣніе императора. Кромѣ только что происшедшаго случая, былъ указанъ еще прецедентъ: папа Сильвестръ, обвиненный святотатцами, былъ вызванъ на судъ императора Константина.

Вслѣдствіе этой петиціи, императоръ Граціанъ обратился съ рескриптомъ къ викарію Аквилину [2]), гдѣ онъ по всѣмъ пунктамъ соглашался со взглядами собора. Однако, относительно того параграфа, который устанавливалъ исключительную юрисдикцію для папы, онъ ограничился приказаніемъ, чтобы не такъ легко допускались обвиненія и свидѣтельства людей сомнительныхъ нравовъ или завѣдомыхъ клеветниковъ [3]). Это было равносильно отказу: папа, какъ и его паства, остался подчиненъ юрисдикціи римскаго префекта. Нужно впрочемъ добавить, что послѣ папы Дамаса не видно, чтобъ эта юрисдикція коснулась кого-либо изъ его преемниковъ.

Можно было бы думать, что тѣмъ дѣло и кончится, и что Урсинъ, наконецъ, успокоится. Но не тутъ то было. Слабовольный и добрый, юный императоръ поддавался подходамъ и наушниче-

---

1) Текстъ петиціи—въ соборныхъ сборникахъ; Coustant, *Ep. Rom. Pont.*, p. 523.

2) *Coll. Avell.*, № 13: *Ordinariorum sententias;* послѣдніе мѣсяцы 378?

3) „Ne facile sit cuicumque perdito notabili pravitate morum aut infami calumnia notato personam criminatoris assumere aut testimonii dictionem in accusationem episcopi profiteri“. (Пусть нелегко будетъ всякому лицу, извѣстному дурною нравственностью, или завѣдомому клеветнику, принимать на себя роль обвинителя или давать свидѣтельскія показанія въ обвиненіе епископа).

ству. Агенты антипапы, и въ особенности одинъ евнухъ, по имени Пасхазій, усиленно интриговали въ Римѣ. Въ 381 году префектъ отправилъ ко двору докладъ, гдѣ все дѣло Дамаса представлялось подлежащимъ новому обслѣдованію. Въ это время въ Аквилеѣ происходилъ соборъ. Амвросій, который былъ душою его, добился отъ него[1]) весьма настоятельнаго выступленія предъ императоромъ Граціаномъ. Здѣсь въ послѣдній разъ упоминается объ Урсинѣ: вѣроятно онъ вскорѣ послѣ этого умеръ.

Постоянно осаждаемый просьбами восточныхъ епископовъ заинтересоваться ихъ положеніемъ, Дамасъ могъ бы имъ отвѣтить, что его собственное положеніе было незавидно, и что онъ также чувствовалъ себѣ не на розахъ.

Только что упомянутый Аквилейскій соборъ[2]) стоитъ въ связи съ цѣлымъ походомъ, который былъ предпринятъ Амвросіемъ и рѣшительно развивался подъ его руководствомъ съ цѣлью очистить въ западной имперіи послѣдніе очаги аріанства. Мы видѣли, что конфессіональный нейтралитетъ императора Валентиніана дозволялъ нѣкоторымъ епископамъ, оставшимся преданными «риминійскому исповѣданію», сохранять за собой свои каѳедры. Православный епископатъ долженъ былъ разсчитывать на собственныя силы. Въ Испаніи, Галліи, Италіи, со временъ Евсевія верчелльскаго и Иларія собирались соборы за соборами, на которыхъ многократно высказывали заявленія въ пользу никейскаго символа и всюду провозглашали его, какъ единственно пріемлемый. Когда Дамасъ торжественно выступилъ противъ Урзакія, Валента и даже Авксентія, другіе епископскіе соборы происходили въ Сициліи, въ Далмаціи, въ Дарданіи, Македоніи, въ обоихъ Эпирахъ, въ Ахаіи и на о. Критѣ[3]), словомъ, во всѣхъ провинціяхъ Иллирика, впрочемъ, не очень близко прилегающихъ къ Дунаю, гдѣ никейское движеніе встрѣчало себѣ помѣху въ нѣкоторой оппозиціи[4]). Въ Африкѣ тоже какъ будто происходили колебанія. Епископъ карѳагенскій Реститутъ[5]) игралъ видную роль въ измѣнѣ вѣрѣ 359 г.; риминійское

---

[1]) Ambr., *Ep.* 11.

[2]) Объ Аквилейскомъ соборѣ см. протоколъ, уцѣлѣвшій въ письмахъ св. Амвросія (помѣщаемый за 8-мъ письмомъ), затѣмъ письма 9—12 того же автора и фрагменты изъ книги Максимина противъ Амвросія, у Fr. Kaufmann'а: *Aus der Schule der Wulfila*. Strassbourg, 1899.

[3]) Athan. *Ep. ad Afros*, 1.

[4]) Обѣ Дакіи, верхняя Мизія и паннонскія провинціи.

[5]) Мнѣ думается, что объ этомъ именно Реститутѣ упоминается въ посланіи собора къ императору (см. объ этомъ выше стр. 317). Вообще же предполагаютъ, что здѣсь рѣчь идетъ объ одномъ донатистѣ, но донатисты имѣются въ виду въ

исповѣданіе имѣло въ Африкѣ своихъ защитниковъ, и повидимому самъ Реститутъ былъ довольно долгое время ему преданъ. Аѳанасій былъ встревоженъ такимъ положеніемъ дѣлъ. Хотя африканскія дѣла подлежали скорѣе вѣдѣнію Рима, но онъ счелъ себя обязаннымъ придти на помощь папѣ Дамасу и написалъ «къ африканцамъ» знаменитое посланіе, въ которомъ внушалъ имъ необходимость отказаться отъ риминійской формулы и принять никейскій символъ. Реститутъ не убѣдился этимъ призывомъ и остался на прежней позиціи. Въ Римѣ ополчились противъ него, хлопотали, чтобы заставить его явиться передъ судомъ епископовъ и добились даже для этой цѣли рескрипта отъ императора Граціана, но обвиняемый оказалъ неповиненіе и не явился. Это дѣло, впрочемъ, немного спустя уладилось, вслѣдствіе ли смерти Реститута, или его возврата къ православію.

Оставались дунайскія провинціи, гдѣ оппозиція противъ никейскаго собора пустила глубокіе корни и держалась вопреки всѣмъ соборнымъ увѣщаніямъ. Аѳанасій потратилъ бы напрасно время, если бы сталъ писать посланія въ эти страны. Но мало-по-малу смерть прорѣдила ряды оппозиціоннаго епископата; новоназначенные епископы были одушевлены примирительными чувствами. На мѣсто умершаго Герминія Амвросію удалось поставить на важную сирмійскую каѳедру православнаго епископа Анемія. Ему удалось это не безъ труда, ибо императрица Юстина, жившая въ Сирміи, была ревностная аріанка и со всей своей энергіей противилась предпріятію миланскаго епископа. Еще до посвященія Анемія, два дунайскихъ епископа—Палладій ратіарійскій[1]) и Секундіанъ,—преслѣдумые очевидно за свое ученіе, и находясь подъ угрозой лишенія своихъ каѳедръ, добились отъ императора Граціана ручательства, что ихъ дѣло будетъ разсмотрѣно на вселенскомъ соборѣ, который будетъ созванъ въ Аквилеѣ. Отсроченное по неизвѣстнымъ причинамъ, къ числу которыхъ слѣдуетъ вѣроятно отнести опустошенія, произведенныя нашествіемъ готовъ, открытіе собора послѣдовало 3 сентября 381 года. На немъ присутствовало извѣстное число епископовъ изъ Верхней Италіи (dioecessis Italiae)

слѣдующей за тѣмъ фразѣ. Рескриптъ къ Аквилину не упоминаетъ о немъ, да и не могъ его касаться, ибо дѣло этого епископа подлежало вѣдѣнію африканскихъ властей и не касалось италійскихъ чиновниковъ. Кромѣ того, если бы карѳагенскій епископъ склонился къ никейской вѣрѣ, то св. Аѳанасію не пришлось бы вступиться въ африканскія дѣла; во всякомъ случаѣ, онъ не преминулъ бы упомянуть въ своемъ посланіи къ африканцамъ о столь важномъ фактѣ.

[1]) Арчаръ, къ югу отъ Видина, въ современной Болгаріи.

и изъ Паннонійскаго діэцеза; изъ трехъ другихъ діэцезовъ,—Африки, Галліи и Пяти Провинцій,—епископы отправили на него своихъ представителей. Папа Дамасъ, не видя надобности мобилизировать такія церковныя силы, не пожелалъ имѣть на немъ своего представителя и даже воспротивился тому, чтобы непосредственно подчиненные ему епископы приняли участіе въ соборѣ. Изъ Британіи и Испаніи никто не явился, равно какъ и съ Востока, хотя тамъ и пущено было въ обращеніе приглашеніе на соборъ, составленное въ общихъ выраженіяхъ. Восточные епископы какъ разъ въ это время только что собрались съ Константинополѣ, и никто изъ нихъ не двинулся. Изъ восточнаго Иллирика, включавшаго въ себя дакійскій и македонскій діэцезы, прибыли лишь два лично заинтересованныхъ епископа, каѳедры которыхъ находились въ дакійскомъ діэцезѣ. Ахолій ѳессалоникскій и, несомнѣнно, еще нѣсколько епископовъ изъ его области приняли, какъ мы это видѣли, участіе въ Константинопольскомъ соборѣ [1]).

Послѣ нѣсколько спутанныхъ преній, соборныя разсужденія, которыми руководилъ Амвросій съ опредѣленностью и ясностью чиновника-юриста по профессіи, сосредоточились на одномъ аріанскомъ документѣ, посланіи Арія, гдѣ еретическое ученіе было изложено безъ обиняковъ. Его стали читать, и относительно каждаго спорнаго пункта диссиденты должны были заявлять, принимаютъ ли они, или отвергаютъ изреченія ересіарха. Они запутались въ уверткахъ, мелочныхъ различіяхъ, въ препирательствахъ о компетенціи суда, по ихъ мнѣнію недостаточно внушительнаго. Амвросій поставилъ имъ на видъ, что нельзя же тревожить

---

[1]) Они приняли, однако, участіе на соборѣ по особому, и въ нѣкоторомъ смыслѣ чрезвычайному, приглашенію. Наименованіе ихъ „Западными“ у Григорія Назіанзина (*Carm. de vita sua*, vers. 1802; ср. Ambr., Ep. XIII, 7) и отношенія ихъ къ папѣ Дамасу (Jaffe, 237, 238) ясно указываютъ на ихъ принадлежность къ западному епископату. Эта принадлежность еще болѣе очевидна относительно епископовъ дакійскаго діэцеза: изъ документовъ Аквилейскаго собора ясно видно, что Палладій и Секундіанъ имѣли каѳедры *in partibus Occidentalibus*, и что свѣтская власть, которая могла оказать имъ матеріальную поддержку или удалить ихъ, была въ рукахъ императора Граціана. По довѣрію къ свидѣтельству Созомена, допускаютъ, что Граціанъ управленіе Иллиріей вмѣстѣ съ Востокомъ вручилъ Ѳеодосію: Ἰλλυριοὺς καὶ τὰ πρὸς ἥλιον ἀνίσχοντα τῆς ἀρχῆς Θεοδοσίῳ ἐπιτρέψας (VII, 4). Созоменъ, говоря объ Ἰλλυριοί, несомнѣнно, имѣлъ въ виду *Illyricum Orientale* по *Notitia Dignitatum*, но ничто не доказываетъ, чтобы границы, установленныя съ этой стороны между императорскими владѣніями Гонорія и Аркадія, восходили къ временамъ, когда Ѳеодосій былъ пріобщенъ къ управленію имперіей. Въ іюлѣ 381 года Граціанъ законодательствуетъ въ Мизіи, въ Виминаціи (*Cod. Theod.*, I, 10; XII, 1, 89). Впрочемъ, эти провинціи, хотя въ политическомъ отношеніи и были связаны съ восточной имперіей, однако продолжали принадлежать къ западной церкви.

сотни епископовъ, какъ во времена Риминійскаго собора, для того, чтобы выяснить этотъ простой вопросъ, касающійся лишь отдѣльныхъ личностей. Что же касается сути дѣла, то какъ заявленія, такъ и умолчанія со стороны Палладія и Секундіана согласно вскрывали ихъ подлинныя убѣжденія. Ясно, что они были аріане, и что для нихъ Богъ Отецъ былъ единымъ истиннымъ Богомъ, Сынъ же и Духъ Святой—существами несомнѣнно низшими Его. Соборъ постановилъ, что слѣдуетъ низложить обоихъ епископовъ. Онъ увѣдомилъ императора о своемъ постановленіи, прося его способствовать приведенію его въ исполненіе.

Восточные епископы, присутствія которыхъ въ Аквилеѣ добивался Палладій и его сотоварищъ, не могли бы отнестись къ нимъ иначе. Разъ они осудили аріанъ или приверженцевъ Евдоксія, замѣстили Дороѳея Мелетіемъ, а Демофила—Григоріемъ Назіанзиномъ, то Палладію не было никакого смысла прибѣгать къ нимъ подъ защиту противъ латинскаго православія. Отнынѣ невозможно было проскользнуть между восточной и западной церквами, чтобы провести или поддержать аріанскую ересь: онѣ обѣ сходились на томъ, что съ нею должно покончить.

Между этими церквами оставались все-таки нѣкоторыя разногласія относительно извѣстныхъ лицъ, разногласія, которыя весьма трудно было уладить. Я уже говорилъ въ предыдущей главѣ, какъ Амвросій хлопоталъ о созывѣ большого собора въ Римѣ, на которомъ онъ надѣялся добиться ихъ разрѣшенія. Соборъ дѣйствительно состоялся, но безъ всякихъ результатовъ, развѣ только явивъ благочестивому любопытству римлянъ цѣлый рядъ знаменитыхъ епископовъ: Ахолія ѳессалоникскаго, Павлина антіохійскаго, Епифанія кипрскаго, Амвросія миланскаго. На этотъ разъ Марцеллинѣ пришлось таки поцѣловать руку своего брата [1]). Другія знатныя матроны спѣшили предложить иноземнымъ епископамъ гостепріимство въ своихъ пышныхъ покояхъ. Кромѣ епископовъ большое вниманіе обращалъ на себя одинъ латинскій монахъ Іеронимъ, который только что провелъ нѣсколько лѣтъ на Востокѣ. Родомъ изъ Далмаціи [2]), онъ прибылъ въ Римъ для

---

[1]) Она видѣлась съ нимъ не въ первый разъ послѣ посвященія его въ епископскій санъ. Она была при немъ въ Миланѣ въ 378 г. во время перенесенной имъ тогда тяжкой болѣзни. Марцеллина была посвящена въ дѣвственницы папой Либеріемъ въ праздникъ Рождества Христова въ базиликѣ св. Петра (Ambr. *De Virginibus*, III, 1). Она скончалась въ Миланѣ послѣ Сатира и Амвросія.

[2]) Его родной городъ Стридонъ былъ разрушенъ при его жизни готами, около

прохожденія курса наукъ и послѣ довольно разсѣянной молодости принялъ крещеніе [1]). Во время одной своей поѣздки въ Галлію онъ остановился въ Трирѣ, гдѣ почувствовалъ призваніе къ отшельнической жизни, молитвѣ и духовному дѣланію. Одинъ изъ его школьныхъ товарищей Руфинъ, родомъ изъ Аквилеи, привлекъ его въ свой родной городъ, гдѣ Іеронимъ встрѣтилъ нѣсколько человѣкъ, одушевленныхъ тѣмъ же желаніемъ: пресвитера Хромація, Иліодора алтинумскаго, Боноза, Руфина, Никея и др. Среди нихъ онъ чувствовалъ себя, какъ среди святыхъ [2]). Въ 373 году неизвѣстно по какой причинѣ этотъ благочестивый кружокъ разсѣялся. Въ то время, какъ Бонозъ отправился на далматское побережье, гдѣ поселился на скалѣ и велъ жизнь отшельника, Руфинъ отплылъ въ Александрію. Иліодоръ, Іеронимъ и еще нѣсколько человѣкъ облюбовали себѣ сирійскую пустыню. Тамъ тоже были знаменитые пустынножители, о которыхъ разсказывалъ Евагрій, антіохійскій пресвитеръ, незадолго до того продолжительно гостившій въ Италіи. Какъ разъ теперь онъ возвращался на родину. Быть можетъ, путешествіе они совершили вмѣстѣ. Во всякомъ случаѣ по прибытіи въ Антіохію Евагрій оказалъ гостепріимство Іерониму. Двое изъ его спутниковъ пали духомъ и вернулись въ Венецію; двое другихъ умерли, а самъ онъ заболѣлъ. Въ это время онъ увидѣлъ извѣстный сонъ, въ которомъ услыхалъ себѣ упреки въ чрезмѣрной привязанности къ языческой литературѣ и далъ обѣтъ никогда больше не раскрывать книгъ ни одного поэта, или языческаго оратора. По выздоровленіи онъ поспѣшилъ обучиться греческому языку и подъ руководствомъ знаменитаго Аполлинарія ознакомился съ экзегетикой. Наконецъ, собравшись съ духомъ, онъ углубился въ Халкидскую пустыню и въ первое время старался соперничать въ аскетической жизни съ прославившимися въ ней монахами. Но по своей природѣ онъ не могъ сдѣлаться факиромъ [3]): онъ вернулся къ своимъ книгамъ. Вскорѣ онъ написалъ житіе Павла, перваго египетскаго отшельника,—произведеніе довольно

---

378 г. Мѣстоположеніе его неизвѣстно съ достовѣрностью. См., впрочемъ, *C. I. L.*, *t.* III, № 9860, и Bulic, *Bull. Dalm.*, t. XXII (1899) p. 137. Объ Іеронимѣ см. прекрасную монографію Georg'a Grützmacher'a, въ *Studien zur Geschichte der Theologie und der Kirche*, t. VI (1901) и X (1906).

[1]) Нельзя допустить, что безпорядочная жизнь, воспоминанія о которой смущали впослѣдствіи Іеронима, относилась ко времени послѣ его крещенія. Въ такомъ случаѣ его никогда бы не посвятили въ пресвитеры.

[2]) „Aquileienses clerici quasi chorus beatorum habentur" (Аквилейскіе клирики являются какъ бы хоромъ святыхъ). *Chron.*, a Abr., 2390.

[3]) Объ аскетическихъ крайностяхъ монашествующихъ въ этихъ странахъ см. слѣд. главу.

легендарнаго характера, и началъ свои труды по экзегетикѣ съ толкованія на книгу пророка Авдія. Онъ принялся и за еврейскій языкъ; для ученика Цицерона это было не легкимъ подвигомъ.

Его связи съ Аполлинаріемъ не вовлекли его въ ересь, даже не сдѣлали его богословомъ. Будучи риторомъ, но не философомъ, онъ мало интересовался богословіемъ. Въ этомъ отношеніи онъ всегда мыслилъ по чьей-нибудь указкѣ. Но догматическія распри преслѣдовали его въ самой пустынѣ. Мелетіане безпокоили его по вопросу о трехъ ипостасяхъ. Для латинянина, какимъ онъ былъ, три ипостаси означали три субстанціи, иначе говоря, трехъ боговъ. Такое многобожіе въ высшей степени ему претило. Къ этимъ недоумѣніямъ примѣшивалась неувѣренность относительно современнаго положенія церкви. Онъ, разумѣется, отвергалъ оффиціальную антіохійскую церковь, находившуюся въ рукахъ аріанъ, бывшихъ въ то время въ силѣ, благодаря расположенію императора. Но изъ другихъ церквей, —къ какой пристать? Было три антіохійскихъ епископа: Мелетій, Павлинъ и Виталій; всѣ они были противниками аріанства и хвалились общеніемъ съ апостольской каѳедрой Рима. Іеронимъ, не задумываясь, прямо обратился къ папѣ Дамасу [1]), который не отвѣтилъ ему ни на первое, ни, быть можетъ, на второе его письмо, но опредѣленнымъ образомъ далъ понять, что только одинъ Павлинъ пользуется его довѣріемъ. Мелетіанскій клиръ сталъ докучать Іерониму съ удвоенной силой. Выведенный изъ себя этими безпрестанными подозрѣніями, Іеронимъ рѣшился покинуть пустыню, оставляя монаховъ съ ихъ веригами, съ ихъ грязью и претензіей управлять церковью изъ глубины своихъ пещеръ [2]). Въ Антіохіи Павлинъ пожелалъ рукоположить его въ пресвитеры. Онъ согласился, но выговорилъ условіе остаться монахомъ и свободно располагать собой. Вскорѣ послѣ этого онъ очутился въ Константинополѣ (380—381 г.) при Григоріи Назіанзинѣ, который сталъ вторымъ его учителемъ въ экзегетикѣ. Григорій былъ большой поклонникъ Оригена; Іеронимъ тоже примкнулъ къ его школѣ и принялся переводить творенія знаменитаго александрійца. Въ это самое время онъ перевелъ также Хронику

---

[1]) *Ep.* 15, 16.

[2]) *Ep.* 17: „Pudet dicere: de cavernis cellularum damnamus orbem. In sacco et cinere volutati, de episcopis sententiam ferimus. Quid facit sub tunica poenitentis regius animus? Catenae, sordes et comae non sunt diadematis signa, sed fletus“. („Стыдно сказать: изъ глубины пещеръ мы изрекаемъ осужденіе міру. Валяясь во вретищѣ и пеплѣ, мы износимъ приговоры объ епископахъ. Что дѣлаетъ царственный духъ подъ туникой кающагося? Вериги, рубище, длинные волосы—знаки не царскаго достоинства, но сокрушенія“).

Евсевія, дополнивъ ее и продолживъ до смерти Валента. Странно, что онъ никогда не упоминаетъ о соборѣ 381 г., который состоялся въ Константинополѣ во время его пребыванія тамъ. Этотъ соборъ, отвергнувшій Павлина и оставившій непріятное впечатлѣніе въ Григоріи, былъ, очевидно, мало ему симпатиченъ. Такъ сложилась жизнь Іеронима къ тому времени, когда папа Дамасъ добился отъ императоровъ созыва новаго собора въ Римѣ, и Іеронимъ вновь оказался въ древней столицѣ. Онъ былъ извѣстенъ Дамасу. Кромѣ писемъ изъ пустыни, Дамасъ получилъ отъ него небольшой экзегетическій трактатъ о видѣніи Исаіи [1]). Папа относился съ большою любознательностью къ труднымъ въ экзегетическомъ отношеніи мѣстамъ Писанія. Никто лучше Іеронима, столь свѣдущаго въ языкахъ и знакомаго съ трудами древнихъ и современныхъ толкователей, не былъ способенъ просвѣтить его по этой части. Когда въ Римѣ Іеронимъ оказался въ полномъ распоряженіи папы, послѣдній сталъ закидывать его вопросами относительно разныхъ трудныхъ библейскихъ мѣстъ; почти съ безцеремоннымъ рвеніемъ онъ побуждалъ его переводить греческихъ экзегетовъ и настаивалъ, чтобы онъ пересмотрѣлъ или исправилъ по греческимъ или еврейскимъ подлинникамъ латинскій текстъ Свящ. Писанія. Іеронимъ слабо протестовалъ, но исполнялъ порученія; онъ вкушалъ самую чистую радость, свойственную подобнымъ натурамъ, видя, что его наука приноситъ извѣстную пользу. Такъ какъ на Востокѣ ему были хорошо извѣстны и люди, и книги, то папа прибѣгалъ къ его содѣйствію для своей переписки съ этими странами. Во всей служебной дѣятельности Дамаса ничто такъ его не рекомендуетъ, какъ эта дружба съ Іеронимомъ и тотъ открытый характеръ папы, о которомъ она свидѣтельствуетъ. Поспѣшимъ добавить, что такое расположеніе Дамаса, вытекавшее притомъ же изъ такихъ основаній, какъ нельзя болѣе способствовало тому, что ученый монахъ подвергся завистливому недоброжелательству со стороны римскаго клира. Сначала оно притаилось: Іеронимъ былъ въ фаворѣ. Его осыпали комплиментами; говорили, что онъ святой, смиренный, скромный; его намѣчали въ папы. Это продолжалось недолго. Нашли несообразности въ его переводахъ: они не согласовались съ установившейся рутиной. Зависть привязалась къ успѣху, какимъ онъ пользовался въ высшихъ кругахъ. Серьезно настроенныя христіанскія матроны любили этого строгаго и ученаго человѣка, ко-

---

[1]) *Ep.* 18.

торый безъ всякаго послабленія въ ученіи и поведеніи честно и достойно руководилъ ими на высшихъ путяхъ религіозно-аскетической жизни. Между ними обращали на себя вниманіе: рано овдовѣвшая Марцелла, жившая въ уединеніи въ своемъ дворцѣ на Авентинскомъ холмѣ, другая вдова, Лея, дѣвственница Азелла, наконецъ Павла, также вдовица. Послѣдняя имѣла нѣсколько человѣкъ дѣтей; одна изъ ея дочерей, Евстохія, осталась дѣвственницей и всегда жила при матери; другая, Блезилла, послѣ недолговременной супружеской жизни нѣкоторое время колебалась между міромъ и отшельничествомъ. Іеронимъ былъ другомъ этихъ святыхъ женщинъ; онъ изъяснялъ имъ Св. Писаніе и воодушевлялъ на благочестивые подвиги Чего же больше? Весь свѣтскій кланъ вскорѣ поднялся противъ него: изящныя дамы, которыя уже и въ тѣ отдаленныя времена находили способъ пріятно совмѣщать евангеліе съ легкой жизнію, завитые и раздушенные клирики, состоявшіе подъ ихъ покровительствомъ, тѣснившіеся при ихъ выходахъ, выпрашивавшіе подарки и карауливщіе ихъ наслѣдства,—«возстала вся синагога фарисеевъ». Нужно, однако, признаться, что не только достоинства Іеронима возбуждали недоброжелательство къ нему; у него были свои недостатки и весьма замѣтные, между прочимъ, крайняя раздражительность, вслѣдствіе которой онъ не выносилъ ни малѣйшей критики и допускалъ крайнюю рѣзкость въ выраженіяхъ. Онъ съ лихвой отражалъ наносимые ему удары. Онъ воевалъ языкомъ такъ же, какъ и перомъ, вступая въ споры, во время которыхъ собесѣдники горячились до такой степени, что плевали другъ другу въ лицо [1]). Марцелла иногда безпокоилась: такіе поступки претили ея степенному нраву. Павла, наоборотъ, никогда не возражала; это была примѣрная овца. Ничто ее не смущало. Іеронимъ однажды посвятилъ ея дочери Евстохіи трактатъ о дѣвственности, гдѣ встрѣчаются странныя крайности стиля [2]). Другихъ вводили въ соблазнъ такія выраженія, а она все одобряла и допускала величать себя «тещей Бога», такъ какъ ея дочь, въ силу своего обѣта, была Христовой невѣстой.

---

[1]) Эту подробность мы передаемъ со словъ самого Іеронима (*ер. L*, 4): *Quoties me iste in circulis stomachari fecit et adduxit ad choleram! Quoties conspuit et consputus abcessit!* (Сколько разъ онъ раздражалъ меня на собраніяхъ и доводилъ до ярости. Сколько разъ онъ плевалъ въ меня и уходилъ оплеванный).

[2]) *Ep.* 22; см. въ особенности гл. 25. *„Для чистыхъ—все чисто“*; но можно изумляться предъ такими рѣчами, какія этотъ св. мужъ обращалъ къ восемнадцатилѣтней дѣвушкѣ. Язычники, можно думать, жадно читали эти памфлеты и не мало потѣшались.

Къ этому же времени слѣдуетъ отнести діалогъ, написанный Іеронимомъ противъ люциферіанъ, гдѣ онъ развиваетъ обвиненія противъ этой малой церкви, основанной болѣе или менѣе при личномъ участіи знаменитаго сардинскаго епископа. Онъ писалъ также противъ нѣкоего Гельвидія, который, въ видѣ протеста противъ увлеченія аскетизмомъ, старался доказать, что Марія, Матерь Спасителя, имѣла послѣ Него другихъ дѣтей отъ своего брака съ Іосифомъ. Его выступленіе было неудачно, такъ какъ Іеронимъ, задѣтый за живое, съ рѣзкостью заставилъ его отказаться отъ своего опрометчиваго экзегезиса.

Пока Дамасъ былъ живъ, Іеронимъ могъ работать, учить и браниться, сколько ему хотѣлось. Но онъ не прожилъ въ Римѣ и трехъ лѣтъ, какъ его покровитель, достигнувъ весьма преклоннаго возраста, отошелъ въ вѣчность (11 декабря 384 г.).

Папа Дамасъ пользуется большой извѣстностью у археологовъ нашего времени за свои изящныя надписи, которыми онъ украшалъ гробницы римскихъ мучениковъ. Пилигримы конца среднихъ вѣковъ съ жадностью копировали ихъ; нѣкоторыя надписи вполнѣ сохранились, а другія находятъ въ обломкахъ при раскопкахъ въ катакомбахъ. Онѣ пользуются всеобщей славой за красоту шрифта. Никогда еще столь плохіе стихи не были написаны съ такою роскошью. И если бы они были только плохи! Но они совершенно пусты въ историческомъ отношеніи, неясны и не содержатъ въ себѣ ничего, кромѣ общихъ фразъ. Они, такимъ образомъ, свидѣтельствуютъ, что мѣстное преданіе о мученикахъ почти стерлось къ тому времени, когда благочестивый папа пожелалъ его увѣковѣчить. Его намѣреніе, однако, должно быть отмѣчено. Не пользуясь общепризнаннымъ авторитетомъ, подвергаясь жестокимъ нападкамъ, и притомъ со стороны людей, кичившихся возвышенной религіозной ревностью, Дамасъ чувствовалъ потребность снискать себѣ народное расположеніе; а въ народѣ все болѣе и болѣе пробуждался интересъ къ героямъ древнихъ временъ. Возстановить ихъ исторію было уже почти невозможно, да ихъ исторія была бы почти всегда однообразна. Но представитель церковной власти имѣлъ возможность знать, гдѣ были похоронены мученики; ему подобало направлять благочестивое движеніе къ подлиннымъ гробницамъ; иначе оно могло бы идти въ другомъ, ложномъ, направленіи; открыто присоединяясь къ этому народному движенію, папа поддерживалъ необходимое общеніе въ чувствахъ между церковною властію и массою вѣрующихъ. Когда Дамасъ умеръ, ему выбрали преемникомъ

бывшаго діакона при Либеріи, Сириція. Новый Фараонъ не зналъ Іосифа, или скорѣе онъ былъ ему не по сердцу. Іеронимъ вскорѣ почувствовалъ, что ему становится трудно оставаться въ Римѣ. Тѣмъ временемъ Блезилла, проведя нѣсколько мѣсяцевъ въ изящномъ вдовствѣ, склонилась, такъ же какъ ея мать и сестра, подъ его вліяніемъ къ уединенной и полной лишеній жизни. По прошествіи четырехъ мѣсяцевъ она скончалась. Уже «обращеніе» ея весьма опечалило свѣтскіе круги, смерть же ея была встрѣчена всеобщей скорбью. Всѣ обрушились на монаховъ. Тогда Іеронимъ почувствовалъ, что въ немъ вновь пробуждается то влеченіе къ святымъ мѣстамъ, которое двѣнадцать лѣтъ тому назадъ привело его изъ Аквилеи въ Антіохію, но не дало тогда, однако, рѣшимости довершить остальной путь. Съ своей стороны Павла мечтала, по примѣру Меланіи, посѣтить египетскихъ монаховъ и святыя мѣста въ Палестинѣ; она заявила, что послѣдуетъ за Іеронимомъ. Онъ отплылъ первый, Павла и Евстохія сѣли на другой корабль. На о. Кипрѣ произошло свиданіе съ Епифаніемъ, а въ Антіохіи съ Павлиномъ, двумя друзьями Іеронима со временъ послѣдняго собора. Въ Антіохіи, подъ руководствомъ Павлина, все было оборудовано для путешествія ко святымъ мѣстамъ.

ГЛАВА XIV.

Восточное монашество.

Египетъ—родина монаховъ.—Антоній и анахореты.—Нитрійскіе монахи.—Пахомій и киновійная жизнь.—Шнуди.—Монашескія добродѣтели.—Паломничества къ египетскимъ отшельникамъ.—Палестинское монашество: Иларіонъ, Епифаній; Синай, Іерусалимъ.—Сирійскіе и месопотамскіе монахи.—Монашество въ Малой Азіи: Евстаѳій и Василій Великій.—Отношеніе къ монашеству со стороны церкви и правительства.

Аріанская ересь, мелитіанскій расколъ, продолжительная борьба и стойкость Аѳанасія отводятъ Египту исключительно выдающееся мѣсто въ христіанской исторіи IV вѣка. Великіе соборы въ Никеѣ, въ Тирѣ, въ Сардикѣ, въ Римини; распри, раздиравшія церковь, низложеніе и изгнаніе епископовъ, ихъ преслѣдованія полиціей благовѣрнаго императора; изложенія вѣры въ символахъ; извращеніе религіи въ непримиримыхъ столкновеніяхъ,—всѣ эти бѣдствія имѣли свое начало въ странѣ Нила. Впрочемъ Египетъ не былъ предметомъ соблазна. Несмотря на безпорядки, причиною которыхъ былъ Аѳанасій, послѣдній, благодаря своей высокой и ясной добродѣтели и особенно своему непобѣдимому мужеству, всегда оставался предметомъ всеобщаго восхищенія. Всѣ лучшіе люди того времени инстинктивно группировались вокругъ него. Было хорошо извѣстно, что онъ былъ не одинъ, что всѣ епископы, всѣ христіане въ Египтѣ поддерживали его своей преданностью, и что эта преданность очень дорого имъ стоила,—что они поплатились за нее безпрерывно возобновлявшимися гоненіями со временъ Константина и до конца царствованія Валента. Египетъ былъ святилищемъ православія, классической страной исповѣдниковъ вѣры.

Но онъ имѣлъ и другія права на уваженіе: онъ былъ родиной монашества. Къ прославленному имени Аѳанасія въ благочестивыхъ разсказахъ присоединяли имена Антонія и Пахомія, обоихъ Макаріевъ и многихъ другихъ лицъ, которыя въ религіозномъ сознаніи современниковъ вскорѣ явились воплощеннымъ идеаломъ христіанской доблести. Страна, гдѣ жили эти святые люди, гдѣ

процвѣтали получившія отъ нихъ начало учрежденія, вскорѣ сдѣлалась второй Святой Землей. Сюда совершались паломничества не для посѣщенія знаменитыхъ могилъ или мѣстъ, бывшихъ свидѣтелями великихъ библейскихъ событій, но чтобы почтить живыхъ святыхъ, созерцать ихъ изможденныя аскетизмомъ лица и запечатлѣть въ себѣ ихъ назидательныя рѣчи. Съ 373 г. знатная римская матрона, Меланія старшая, открываетъ рядъ западныхъ паломничествъ такого характера. Задолго передъ тѣмъ Иларіонъ, Евстаѳій, Василій приходили сюда изъ Палестины и Малой Азіи. Благодаря этимъ путешествіямъ, слава египетскихъ монаховъ распространялась; ихъ примѣръ вызывалъ подражателей; ихъ образъ жизни вдохновлялъ на тѣ реформы, какимъ всюду постепенно подвергался древній аскетизмъ.

Дѣйствительно, христіанскіе аскеты имѣлись понемногу всюду; они существовали съ самыхъ первыхъ временъ церкви. Я уже говорилъ, что аскетизмъ не есть спеціальная особенность христіанства, что онъ встрѣчается и до него и внѣ его въ извѣстныхъ религіозныхъ и философскихъ сектахъ [1]), что церковь никогда не почитала его за существенную и обязательную форму христіанской жизни, что она съ недовѣріемъ относилась къ нему всякій разъ, когда имѣла основанія подозрѣвать, что строгія правила жизни связаны съ неправильными воззрѣніями [2]), что тѣмъ не менѣе она не осуждала этихъ правилъ самихъ по себѣ, а, напротивъ, признавала ихъ похвальными, назидательными и почтенными. Въ третьемъ вѣкѣ было

---

[1]) Терапевты Филона, если книга „О созерцательной жизни“ дѣйствительно принадлежитъ его перу, являются еврейскими аскетами, жившими въ общинахъ. Лѣтъ тридцать тому назадъ пытались все египетское монашество свести къ нѣсколькимъ извѣстнымъ случаямъ затворничества, имѣвшимъ мѣсто въ культѣ Сераписа. Эта нелѣпая гипотеза пользовалась вначалѣ успѣхомъ; теперь ее никто не поддерживаетъ.

[2]) Примѣромъ такого рода является аскетизмъ Гіеракаса леонтопольскаго, основавшаго въ началѣ IV вѣка секту, куда допускались лишь давшіе обѣтъ безбрачія и слѣдовавшіе вегетаріанскому режиму. По его мнѣнію, бракъ, который дозволялся въ Ветхомъ Завѣтѣ, воспрещался въ Новомъ, ибо нужно же, чтобы въ послѣднемъ было что-нибудь большее, чѣмъ въ первомъ. Гіеракасъ былъ очень ученымъ человѣкомъ, свѣдущимъ какъ въ египетской, такъ и въ греческой литературѣ. Онъ изучалъ медицину, астрономію и др. науки. Въ богословіи онъ слѣдовалъ отчасти Оригену, отвергая воскресеніе. Дѣти, по его мнѣнію, не могутъ спастись. Въ ученіи о Троицѣ онъ держался странныхъ понятій: онъ отождествлялъ Мелхиседека со Святымъ Духомъ. Арій приводитъ его слова, которыя отзываются немного модализмомъ. (Посланіе къ Александру, Epiph. *Haer.*, LXIX, 7). Св. Епифаній, дающій намъ свѣдѣнія объ ереси Гіеракаса (*Haer.*, LXVIII), былъ знакомъ съ принадлежавшими ему комментаріями на шестодневъ и на другія части Библіи. Онъ сочинилъ также много священныхъ псалмовъ на греческомъ и на египетскомъ языкахъ. Онъ умеръ, имѣя девяносто лѣтъ отъ роду, занимаясь до самой смерти каллиграфическимъ ремесломъ.

много аскетовъ обоего пола, которые жили среди своихъ семействъ или по крайней мѣрѣ среди обыкновеннаго общества, нисколько не думая обособляться отъ него, чтобы жить въ отдѣльности. Мѣстами они составляли кружки для упражненія въ аскетизмѣ или даже для совмѣстной жизни [1]). Въ Египтѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, были воздержники обоего пола, «апотактики», какъ ихъ иногда называли; объ нихъ, особенно о дѣвственницахъ, часто упоминается въ жизнеописаніяхъ мучениковъ и въ разсказахъ о религіозныхъ смутахъ. Они жили въ городахъ или деревняхъ, иногда въ ихъ окрестностяхъ, въ какомъ-нибудь уединенномъ мѣстѣ, гдѣ проводили жизнь въ одиночествѣ, но принимая участіе въ общей религіозной жизни и особенно въ богослужебныхъ собраніяхъ, которыя посѣщались ими съ большимъ усердіемъ, чѣмъ прочими вѣрующими.

Первый, кому пришла въ голову мысль [2]) вполнѣ уйти отъ обитаемаго міра и отъ обычнаго общества вѣрующихъ, былъ св. Антоній [3]).

Онъ родился въ 251 году въ селеніи по имени Ираклеополѣ, въ Среднемъ Египтѣ. Его родители были люди не бѣдные. Съ дѣтства онъ сторонился отъ людского общества. Его никогда не могли заставить посѣщать школу, такъ что онъ всю жизнь оставался неграмотнымъ, не понимая по-гречески и не умѣя читать даже по-коптски. По смерти своихъ родителей (около 270 года) онъ продалъ свое имѣніе, помѣстилъ въ домъ дѣвственницъ (εἰς παρθενῶνα) сестру, которая оставалась на его рукахъ и была моложе его, и сталъ проводить аскетическую жизнь, сначала у воротъ своего дома, потомъ въ окрестности своего селенія, наконецъ въ весьма отдаленной оттуда гробницѣ. Прошло пятнадцать лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ, хотя и искалъ больше бесѣдъ съ сосѣдними или случайно заходившими аскетами, но все-таки поддерживалъ общеніе и со своими односельчанами. Въ 285 году, уступая влеченію къ болѣе полному одиночеству, онъ переправился черезъ Нилъ и удалился къ горамъ праваго берега

---

[1]) Таковъ, напр., παρθενών, гдѣ св. Антоній помѣстилъ свою сестру. (Athan. *Vita Ant.* 3).

[2]) Я намѣренно опускаю здѣсь св. Павла ѳивейскаго, который, по словамъ св. Іеронима, бѣжалъ въ пустыню еще во времена императора Декія. Эта исторія не вполнѣ достовѣрна.

[3]) Критика долго оспаривала подлинность житія св. Антонія, но въ концѣ-концовъ допустила ее. Послѣдующее изложеніе основано на этомъ документѣ. Относительно прочихъ свидѣтельствъ объ этой личности см. C. Butler, *The Lausiac history of Palladius*, I p. 220, въ *Text and Studies*, Cambridge, T. VI.

(аравійской цѣпи), гдѣ въ ужасной пустынѣ наткнулся на развалины крѣпости. Тамъ билъ источникъ. Мѣсто называлось Писпиръ [1]). Онъ водворился здѣсь. Каждые шесть мѣсяцевъ ему возобновляли запасъ хлѣба. Время его протекало въ молитвѣ и плетеніи цыновокъ. Удалившись отъ общества людей, онъ жилъ съ Богомъ, а также съ демонами, борьба съ которыми занимаетъ видное мѣсто въ его жизни.

Послѣ двадцати лѣтъ затворнической жизни Антоній въ одинъ прекрасный день подвергся нападенію въ своей крѣпости. Дверь взломали: то были ученики, которые пришли къ нему и завоевали себѣ такимъ образомъ учителя. Примѣръ его оказался заразительнымъ. Множество христіанъ, покидая свои семьи, родину, церковь, спасаясь также отъ судей и чиновниковъ фиска [2]), населяли теперь Писпирскую пустыню и окрестныя горы. Антоній принималъ ихъ и преподавалъ имъ свои наставленія.

Настало время великаго гоненія. Отшельники жили слишкомъ далеко, чтобы оно могло ихъ достигнуть, но они сами пошли навстрѣчу ему. Въ царствованіе Максимина Антоній спустился въ Александрію съ нѣсколькими учениками и посвятилъ себя на служеніе исповѣдникамъ и на воодушевленіе ихъ. Это путешествіе не могло не способствовать славѣ его. Онъ вскорѣ сталъ находить, что въ Писпирѣ слишкомъ много монаховъ, что туда приходитъ слишкомъ много посѣтителей. Однажды караванъ бедуиновъ направлялся къ Красному морю; онъ присоединился къ нему. Послѣ нѣсколькихъ дней пути онъ обрѣлъ въ горахъ поблизости побережья мѣстечко, гдѣ была вода, росли пальмы и было немного обработанной земли. Здѣсь было второе и послѣднее его пристанище [3]). Чтобы отправиться отыскивать его въ этой мѣстности, надо было итти навстрѣчу чрезвычайнымъ трудностямъ. Поэтому его не тревожили. Иногда, впрочемъ, онъ спускался въ долину Нила и приходилъ провести нѣсколько дней въ Писпирѣ.

Его жизнь была весьма продолжительна: онъ умеръ лишь въ 356 году, 105 лѣтъ отъ роду. Почти девяностолѣтнимъ старцемъ въ 338 г. [4]) онъ совершилъ вторичное путешествіе въ Александрію,

---

[1]) Деръ-ел-Меймунъ на правомъ берегу Нила, между Атфи и Бени-Суефъ. (Amelineau, *Geogr. de l'Egypte,* p. 353; ср. *Anecd. Oxon., Semitic Series.* part. VII, carte).

[2]) *Vita Ant.*, 44.

[3]) Это—монастырь св. Антонія, существующій и донынѣ, равно какъ и монастырь св. Павла на нѣкоторомъ разстояніи отъ него.

[4]) Дата установлена на основаніи хроники Пасхальныхъ посланій.

чтобы привѣтствовать Аѳанасія, вернувшагося послѣ перваго изгнанія, и оказать ему поддержку противъ аріанъ. Антоній и Аѳанасій были съ давнихъ лѣтъ знакомы. Аѳанасій нѣкоторое время былъ его ученикомъ, и вслѣдствіе этого они видѣлись неоднократно. Въ церковныхъ распряхъ, раздиравшихъ Египетъ, великій отшельникъ всегда стоялъ за своего друга; ни аріанамъ, ни мелитіанамъ не удалось отдѣлить его отъ Аѳанасія. Умирая, онъ оказалъ ему послѣднее вниманіе и завѣщалъ ему, кромѣ туники изъ бараньей шкуры, весьма поношенный плащъ, служившій ему постелью, полученный имъ, впрочемъ, отъ того же Аѳанасія. Епископъ тмуискій, Серапіонъ, получилъ отъ Антонія въ свою очередь подарокъ на память въ томъ же родѣ.

Эти реликвіи символизируютъ полное единодушіе, царившее между главами египетской церкви и патріархомъ анахоретовъ. Ни тѣ, ни другіе повидимому не замѣчали неудобствъ, какія могли возникнуть отъ этихъ бѣгствъ въ пустыню; между тѣмъ, если внимательно всмотрѣться, анахоретъ былъ живой критикой церковнаго общества. Одинъ фактъ его ухода доказывалъ, что, по его мнѣнію, въ церкви нельзя было жить тому, кто серьезно хотѣлъ быть христіаниномъ, и это его убѣжденіе основывалось на такомъ идеалѣ христіанской жизни, который значительно разнился отъ церковнаго идеала. Для анахорета сущность христіанства была въ аскетизмѣ. Братство, богослуженія, литургія, епископскія поученія,—все это уступало мѣсто воспитанію души, состоявшему главнымъ образомъ въ индивидуальномъ обузданіи плоти и постоянной молитвѣ. Не видно, какъ Антоній въ теченіе двадцатилѣтняго затворничества могъ вкушать Евхаристію.

Такой образъ жизни удивилъ бы св. Игнатія Антіохійскаго и св. Климента Римскаго. Даже въ IV вѣкѣ монашеская отрѣшенность во многихъ мѣстахъ безпокоила представителей традиціи. Александрійскіе епископы, Петръ, Александръ, Аѳанасій, не смущались этимъ новшествомъ; они даже благопріятствовали этой новой формѣ благочестія, которая для массы охладѣвшихъ христіанъ представляла собою столь краснорѣчивое назиданіе. Опасность для церкви можно было предупредить, подчинивъ отшельниковъ руководству епископскаго авторитета. Это былъ вопросъ жизненно-практическаго характера. Затворники, недосягаемые для міра, были (и иначе быть не могло) рѣдкимъ исключеніемъ. Обыкновенно же анахореты жили не слишкомъ разбросанно; у каждаго изъ нихъ была своя хижина или пещера, своя келья, какъ ихъ назы-

вали, но онѣ находились не очень далеко другъ отъ друга. Было легко устроить для нихъ религіозный центръ, церковь, вокругъ которой они могли бы образовать нѣчто вродѣ сельскаго прихода. Итакъ, въ Египтѣ не было никакихъ затрудненій; епископы и монахи столковались между собой. Поэтому новый образъ жизни вскорѣ достигъ большой популярности. Уже во времена Константина монахи существовали по всему Египту. Одной изъ наиболѣе знаменитыхъ монашескихъ колоній была Нитрійская. На западъ отъ Дельты, довольно далеко на югъ отъ Александріи, съ сѣверо-запада на юго-востокъ открывается широкая долина, въ глубинѣ которой расположены соленыя озера, откуда добывалась селитра.

Это весьма унылая мѣстность; въ настоящее время она носитъ названіе Вади-Натрунъ,—долина натрія-селитры. Сюда во времена Никейскаго собора явился нѣкто Аммунъ [1]), чтобы вести аскетическій образъ жизни. Онъ покинулъ въ Египтѣ свою жену, съ которой прожилъ восемнадцать лѣтъ въ дѣвственномъ бракѣ. Она собрала около себя кружокъ дѣвственницъ; къ Аммуну же, въ его нитрійское уединеніе, вскорѣ стали стекаться отшельники. Супруги посѣщали другъ друга два раза въ годъ. Когда Аммунъ умеръ, св. Антоній, который былъ еще въ живыхъ, видѣлъ, какъ ангелы спустились съ неба, чтобы пріять его душу. Его духовное наслѣдіе не замедлило значительно разростись: спустя сорокъ лѣтъ послѣ его смерти въ ужасной Нитрійской долинѣ было болѣе пяти тысячъ монаховъ. Подобно монахамъ Антонія, они жили въ отдѣльныхъ кельяхъ; въ центрѣ долины возвышалась церковь, куда они собирались по субботамъ и воскресеніямъ. При ней состояло восемь пресвитеровъ, подчиненныхъ епископу Малаго Гермополя. Здѣсь былъ центръ администраціи и дисциплины. Три пальмы осѣняли церковный дворъ; къ каждой изъ нихъ былъ привязанъ кнутъ, который употреблялся для наказанія злоумышленниковъ, пришедшихъ со стороны, а въ случаѣ чего—и самихъ пустынниковъ. Внѣ этихъ еженедѣльныхъ собраній монахи устраивались, какъ хотѣли, въ своихъ кельяхъ, зарабатывая себѣ пропитаніе плетеніемъ корзинъ; иногда они жили вдвоемъ или втроемъ, часто въ одиночку. Утромъ и вечеромъ изъ края въ край по долинѣ раздовалось пѣніе псалмовъ. По ту сторону Вади-Натрунъ простиралась еще болѣе страшная пустыня, Келліи, гдѣ спасались наибо-

---

[1]) *Historia Lausiaca*, 8. Этотъ трудъ мы всегда цитируемъ по изданію Butler'a; см. выше примѣч. 3 на стр. 330. Однако мы приводимъ въ скобкахъ нумера главъ старыхъ изданій, если они разнятся отъ новыхъ.

лѣе мужественные. Еще дальше пустыня Скитская, страна песка и голода, укрывала самыхъ знаменитыхъ виртуозовъ нитрійскаго аскетизма.

Въ самомъ дѣлѣ, была извѣстная виртуозность, открытое соревнованіе между монахами не только въ этомъ районѣ, но и во всемъ Египтѣ. Памво, Оръ, Наѳанаилъ, Веніаминъ, оба Макарія, египетскій и александрійскій, находились въ числѣ нитрійскихъ знаменитостей. Макарій александрійскій не могъ слышать о какомъ-нибудь аскетическомъ подвигѣ, чтобы не постараться тотчасъ превзойти его. Тавеннскіе монахи не вкушали ничего варенаго въ продолженіе великаго поста; онъ пожелалъ слѣдовать такому же режиму круглый годъ въ теченіе семи лѣтъ. Въ продолженіе двадцати ночей подрядъ онъ неослабно боролся со сномъ, не давая себѣ заснуть. Онъ былъ уже старъ, когда ему пришло желаніе пойти въ самую Тавенну, чтобы дать урокъ тѣмъ знаменитымъ аскетамъ, которые простаивали на ногахъ всѣ ночи и во время поста принимали пищу только однажды въ пять сутокъ. Онъ явился переодѣтый къ монастырскимъ воротамъ, и когда насталъ постъ, провелъ его, все время стоя на ногахъ и даже не преклоняя колѣнъ ни днемъ, ни ночью, не принимал ни пищи, ни питья, и только по воскресеніямъ вкушалъ нѣсколько сырыхъ листьевъ капусты. Постясь такимъ образомъ, онъ плелъ собственноручно корзины, а въ свободное отъ работы время молился. Тавеннскіе монахи возстали противъ столь опаснаго соперника, но ихъ настоятель поблагодарилъ его за то, что онъ смирилъ гордость у его учениковъ [1]).

Не всегда одно простое влеченіе къ аскетизму прогоняло людей въ пустыню. Нѣкоторые шли сюда для покаянія. Въ Нитріи долго разсказывали о негрѣ Моисеѣ, который былъ когда-то несноснымъ рабомъ и потому былъ прогнанъ своими господами и сдѣлался предводителемъ разбойниковъ. Въ качествѣ таковаго, онъ достигъ страшной извѣстности. Въ концѣ-концовъ онъ рѣшилъ покончить съ такимъ образомъ жизни и поселился въ одной кельѣ въ святой долинѣ. Однажды ночью на него напали тамъ четыре разбойника. Ихъ предпріятіе оказалось неудачнымъ; затворникъ не утратилъ своей силы; онъ свалилъ на землю нападавшихъ, связалъ ихъ веревками, взвалилъ ихъ всѣхъ на свои широкія плечи и отправился такимъ образомъ къ церкви, спрашивая, какъ ему поступить съ ними. Во время переговоровъ было произнесено

---

1) *Hist. Laus.*. 18 (19—20).

имя Моисея. Въ глазахъ разбойниковъ это была крупная знаменитость ихъ профессіи. Не колеблясь, они въ свою очередь сдѣлались монахами [1]).

Въ то время думали, что пустыня населена демонами. Несмотря на строгость своей жизни, монахи часто убѣждались въ справедливости этого взгляда. Мы упоминали уже, какое мѣсто въ жизни св. Антонія занимала его борьба съ искушеніями отъ злыхъ духовъ. Въ Нитріи также очень жаловались на нихъ; демонъ жадности бродилъ около подаяній, которыя иногда оставлялись состоятельными паломниками, но особенно плотской демонъ смущалъ ночныя бдѣнія аскетовъ. Они боролись противъ него, какъ умѣли, иногда безумными способами. Одинъ изъ нихъ, Пахонъ, вздумалъ отдать себя на съѣденіе дикимъ звѣрямъ. Онъ пошелъ и сѣлъ при входѣ въ пещеру, гдѣ, какъ онъ зналъ, жили гіены. Ночью эти животныя дѣйствительно вышли и долго обнюхивали его, но ушли, не причинивъ ему вреда. Въ другой разъ онъ приложилъ къ своему чреву ядовитую змѣю, но не былъ ею укушенъ [2]).

Ученики Антонія, нитрійскіе монахи, и монахи многихъ другихъ мѣстъ изъ Нижняго и Средняго Египта, нужно сказать, не были подчинены никакому уставу и никакому настоятелю. Пресвитеры, служившіе при церкви, исполняли лишь богослужебныя обязанности, но не были монастырскими настоятелями. Кнутъ, висѣвшій на пальмѣ возлѣ нитрійской церкви, служилъ въ качествѣ обще-полицейскаго орудія и вовсе не былъ символомъ монастырской дисциплины. Вновь приходившіе поступали къ какому-нибудь опытному отшельнику, который руководилъ ихъ первыми шагами на пути аскетизма, затѣмъ они устраивались по своему усмотрѣнію, достигая святости сообразно установившимся методамъ и совершенствуя ихъ по собственному желанію.

Такая независимость облегчала доступъ въ пустыню людямъ самаго разнообразнаго развитія и общественнаго положенія. Между нитрійскими монахами встрѣчались и свѣтскіе люди, и бывшіе члены клира, и люди высокаго и блестящаго образованія. Въ иныхъ кельяхъ можно было найти не только экземпляры библейскихъ книгъ, тщательно переписанные самими отшельниками [3]), но и тво-

---

[1]) *Hist. Laus.*, 19 (22).
[2]) *Hist. Laus.*, 23 (29).
[3]) Повидимому прекрасный манускриптъ H, содержащій въ себѣ посланія ап. Павла, отъ котораго до насъ дошли отрывки, былъ написанъ Евагріемъ нитрійскимъ. См. объ этомъ A. Ehrhard, *Centralblatt für Bibliothekswesen*, 1891, p. 385 и Armitage Robinson въ *Historia Lausiaca*, Butler, T. I, p. 103—106.

ренія древнихъ учителей, Климента Александрійскаго [1]) и особенно Оригена, на котораго, правда, косо смотрѣли въ монастыряхъ Пахомія [2]), но который въ другихъ мѣстахъ имѣлъ преданныхъ сторонниковъ. Послѣднимъ позднѣе, во времена патріарха Θеофила, пришлось пережить черные дни.

Очень далеко отъ Нитріи и даже Писпира, въ центрѣ Верхняго Египта, уже со временъ Ликинія возникъ другой разсадникъ монашеской жизни, создавшій учрежденія, довольно отличныя отъ первоначальнаго анахоретства. Молодой поселянинъ, по имени Пахомій (Παχούμιος), взятый на военную службу и вскорѣ затѣмъ отпущенный (314 г.), имѣлъ случай во время своего краткаго пребыванія въ арміи опытно познать любовь христіанъ. Его семья была языческая и жила въ окрестностяхъ Еснѐ (Латополя), на югъ отъ Θивъ. Онъ не возвратился къ ней. Получивъ свободу, онъ тотчасъ принялъ крещеніе, предался аскетической жизни подъ руководствомъ отшельника, по имени Палемона, скитъ котораго находился на правомъ берегу Нила, противъ Дендеры. Вскорѣ онъ почувствовалъ потребность собрать вокругъ себя другихъ аскетовъ и жить совмѣстно съ ними. Собственно онъ былъ основателемъ [3]) тѣхъ учрежденій, которыя мы неточно называемъ монастырями,—организаторомъ киновійной жизни [4]). Первый монастырь былъ основанъ въ мѣстѣ, называемомъ Тавеннисій.

Ученики прибывали сотнями. Цѣлыя группы анахоретовъ—эта форма аскетической жизни была уже весьма распространена въ краѣ—подчинились дисциплинѣ новаго наставника. Второй монастырь былъ основанъ на разстояніи одного часа пути отъ перваго, въ мѣстѣ, называвшемся Пебоу (Παβαῦ, нынѣ Фау); онъ вскорѣ оказался слишкомъ тѣснымъ. Другіе монастыри возникли или по сосѣдству, или нѣсколько выше и ниже, въ окрестностяхъ Ахмина (Панополя) и Есне (Латополя). При жизни Пахомія ихъ возникло по крайней мѣрѣ девять. Эти монастыри не были независимы другъ отъ друга; они составляли тó, что нынѣ назвали бы орденомъ, конгрегаціей. Всѣ они вели одинаковый образъ жизни, подчинялись однимъ и тѣмъ же правиламъ, одной и той

---

[1]) Pallad, *Hist. Laus.*, 60.

[2]) *Vita Pachom.*, c. 21.

[3]) Попытка подобнаго рода была сдѣлана и до него, но безуспѣшно, нѣкіемъ Аотомъ (*Vita Pachomii*, 77).

[4]) Μοναστήριον означаетъ собственно мѣсто, гдѣ живутъ въ одиночествѣ; понятіе, какъ разъ обратное установившемуся за нимъ смыслу. Κοινόβιον означаетъ мѣсто, гдѣ живутъ вмѣстѣ.

же администраціи и повиновались одному настоятелю. Послѣдній, поселившійся сначала въ Тавеннисіи, вскорѣ перенесъ мѣсто своего управленія въ Пебоу.

Каждый монастырь обязательно находился въ замкнутой оградѣ, внутри которой возвышалось нѣсколько домовъ, помѣщавшихъ въ себѣ каждый по сорока монаховъ, сгруппированныхъ по роду ихъ ручного труда [1]).

Уставъ, который еще сохранился до нашего времени, былъ сравнительно удобовыполнимъ. Монахи Пахомія занимались какъ физическимъ, такъ и умственнымъ трудомъ, ибо они обязаны были выучить наизусть по крайней мѣрѣ Псалтирь и Новый Завѣтъ. Имъ предоставляли питаться по своему усмотрѣнію, т. е. вкушать пищу болѣе или менѣе часто; разумѣется, пища была неизысканная; кто больше постился, тотъ меньше работалъ. Во время ѣды они покрывали себѣ голову капюшономъ, скрывая такимъ образомъ дѣйствіе, казавшееся имъ, повидимому, непристойнымъ, или, быть можетъ, съ цѣлью хранить въ тайнѣ тѣ лишенія въ пищѣ, какимъ они подвергали себя. Возлѣ Пахомія вскорѣ появилась его сестра, которая по совѣту брата въ свою очередь основала женскіе монастыри.

Пахомій имѣлъ много видѣній, которымъ монахи, естественно, придавали большое значеніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ самъ признавалъ за собой способность ясновидца человѣческой совѣсти

---

[1]) О документахъ исторіи Пахомія и его монастырей см. у Ladeuze, *Etude sur le cenobitisme Pakhomien pendant le IV siecle et la première moitié du V*. Лучшая біографія—греческое житіе, изданное (отвратительно, эту работу слѣдовало бы передѣлать) Болландистами (*Acta SS. maii*, t. III, p. 22* и проч.); она была впослѣдствіи дополнена и исправлена по-гречески и по-коптски (Boll., *l. c.*, p. 44*—53* и 54*—61* [письмо Аммуна къ Ѳеофилу]). Другіе разсказы (*Hist. mon.*, 3; *Hist. Laus.*, 32—34; ср. 7, 18; Sosom., III. 14; VI, 28) имѣютъ меньше значенія и ихъ нельзя считать за первоисточники. Что касается до текста устава Пахомія, то онъ существуетъ въ нѣсколькихъ рецензіяхъ, но эти документы съ теченіемъ времени подверглись различнымъ модификаціямъ. Въ томъ, что дошло до насъ, весьма трудно различить принадлежащее самому Пахомію и привнесенное сюда мало-по-малу стараніями его преемниковъ. Порядочное количество текстовъ скомбинировано въ сообщеніи Палладія (*Hist. Laus.*, 32); по его словамъ (ср. Gennad. *De viris*, 7), ангелъ принесъ Пахомію этотъ уставъ, начертанный на мѣдной скрижали. Созоменъ (III. 4) утверждаетъ даже, что эта скрижаль хранилась въ его время въ Тавеннисіи. Лучшая его редакція та, которая дошла до насъ въ латинской версіи бл. Іеронима (Migne *P. L.*, t. XXIII, p. 61), очевидно переводившаго не съ коптскаго оригинала, но съ греческаго текста, происходившаго изъ Канопскаго монастыря.

Относительно всего этого см. Ladeuze, *op. cit.*, p. 256 и др. Іеронимъ перевелъ также двѣнадцать писемъ Пахомія (Migne, t. c., p. 87), гдѣ встрѣчаются греческія буквы, употребленныя въ качествѣ тайныхъ знаковъ. По мнѣнію Палладія (l. c.), эти буквы служили для обозначенія различныхъ категорій монаховъ, что очень мало правдоподобно.

и поступалъ съ людьми по впечатлѣнію, которое они производили на него. Сосѣдніе епископы встревожились такимъ необычайнымъ дарованіемъ, и Пахомій долженъ былъ явиться передъ лицомъ собора, который собрался въ Латополѣ. Въ остальномъ, повидимому, епископы далеко не препятствовали развитію его общинъ. «Папа» Аѳанасій былъ ихъ другомъ; онъ посѣтилъ Тавеннисій въ 333 году во время своего пастырскаго объѣзда Ѳиваиды. Монахи поддерживали правильное сообщеніе съ Александріей; у нихъ были суда, которыя обслуживали ихъ колоніи и на которыхъ они спускались до столицы, чтобы продавать тамъ свои издѣлія и покупать необходимые имъ предметы. Въ 346 году нѣкоторые изъ монаховъ оказались въ Александріи и привѣтствовали вернувшагося изъ изгнанія епископа. По пути они сдѣлали остановку въ Писпирѣ, чтобы провѣдать св. Антонія. Прошло всего нѣсколько мѣсяцевъ со смерти Пахомія; патріархъ анахоретовъ принялъ ихъ весьма радушно и восхвалялъ заслуги основателя киновійныхъ домовъ. Позднѣе изгнаніе привело опять Аѳанасія въ Верхній Египетъ; монахи вновь увидѣли его въ своей средѣ въ качествѣ ссыльнаго, преслѣдуемаго полиціей Констанція. Пахомія послѣ краткаго промежутка замѣстилъ Орсисій, одинъ изъ первыхъ по времени его учениковъ, выдающійся человѣкъ, но онъ былъ нѣсколько смущенъ, когда въ конгрегаціи впервые появились центробѣжныя стремленія. Онъ не замедлилъ взять себѣ помощника, въ лицѣ другого тавеннисіота первыхъ временъ, по имени Ѳеодора, благодаря которому учрежденія Пахомія размножились. Вскорѣ они распространились до Великаго Гермополя, противъ Антиноя. Тутъ, въ царствованіе Юліана, Ѳеодоръ во время объѣзда подчиненныхъ монастырей встрѣтился въ послѣдній разъ съ вѣчнымъ изгнанникомъ, Аѳанасіемъ. Въ предвидѣніи этой встрѣчи онъ взялъ съ собою спутниковъ. Аѳанасій былъ торжественно встрѣченъ псалмопѣніемъ. «Авва» Ѳеодоръ сопровождалъ его, ведя его осла подъ уздцы; съ одного берега до другого раздавались радостные клики. Въ этой странѣ, въ верховьяхъ Нила нисколько не боялись александрійской полиціи.

Здѣсь былъ другой міръ. Столичные люди имѣли здѣсь видъ иностранцевъ; ихъ называли александрійцами, горожанами (πολιτικοί), эллинами. Въ монастыряхъ съ ними обходились, какъ съ гостями, выдѣляя ихъ въ особую группу. Если они желали быть принятыми въ общину, то прежде всего должны были озаботиться изученіемъ ѳивско-коптскаго (саидикскаго) языка.

Ѳеодоръ умеръ около 368 года. Престарѣлый Орсисій, который

взялъ его себѣ въ помощники, былъ еще живъ. Аѳанасій убѣждалъ его вновь принять на себя бразды правленія.

На этомъ прерываются свѣдѣнія, сообщаемыя въ жизнеописаніи Пахомія; этотъ интересный документъ, по всей вѣроятности, былъ написанъ вскорѣ послѣ смерти Ѳеодора кѣмъ-нибудь изъ немногихъ тамъ монаховъ-грековъ, или монахомъ, говорившимъ по-гречески, который жилъ при главномъ монастырѣ. Позднѣе колонія пахоміевцевъ была основана совсѣмъ близко отъ Александріи, въ Канопѣ. Черезъ нее Іеронимъ получилъ свѣдѣнія о Пахоміи и его уставѣ, по ней большинство посѣтителей, грековъ или латинянъ, могли составить себѣ представленіе объ учрежденіяхъ Пахомія.

Монастырская жизнь продолжала процвѣтать у себя на родинѣ; но мало-по-малу какъ-будто явилась мысль о возможности осуществленія ея и независимо отъ той группировки общинъ, какая была идеаломъ св. Пахомія. Послѣдній былъ еще въ живыхъ, когда въ 343 году девятилѣтній ребенокъ, Шнуди, принялъ монашество недалеко отъ Тавеннисія. Ему суждено было сдѣлаться однимъ изъ наиболѣе оригинальныхъ представителей египетскаго монашества.

На выступѣ Лидійской цѣпи горъ, напротивъ города Ахима *(Chemnis)* возвышается нѣчто вродѣ неприступной крѣпости съ высокими и массивными стѣнами. Это Бѣлый монастырь св. Шнуди. Вблизи находилась нѣкогда деревня, по имени Атрипе. Въ серединѣ IV-го вѣка одинъ анахоретъ, по имени Бгулъ, окружилъ себя тамъ нѣсколькими учениками, въ число которыхъ вскорѣ вступилъ его племянникъ Шнуди. Бгулъ организовалъ эту общину на монастырскій ладъ, по киновійной системѣ Пахомія. Послѣ его смерти, около 388 г., управленіе общиной перешло къ Шнуди, при которомъ она приняла необычайные размѣры. Въ окрестностяхъ большого монастыря основались другіе, подчиненные ему, монастыри; къ конгрегаціи присоединились и женскія обители. Съ пылкой душой, съ желѣзной волей и замѣчательнымъ практическимъ смысломъ, Шнуди былъ созданъ, чтобы повелѣвать людьми. Его монахи, насчитывавшіеся сотнями, были совершенно въ его рукахъ. Онъ обходился съ ними круто: нарушеніе устава наказывалось бичомъ или палками. Шнуди наказывалъ самъ и билъ жестоко; однажды онъ такъ сильно билъ, что наказуемый умеръ, каковое обстоятельство не обошлось для Шнуди безъ хлопотъ. Вліяніе его распространилось вскорѣ на всю страну, гдѣ его рука когда благотворила, подавала врачеваніе во всѣхъ бѣдствіяхъ, когда

же была въ гнѣвѣ, безпощадно обрушивалась на злодѣевъ, на недостойныхъ пресвитеровъ, на вѣроломныхъ судей, на язычниковъ, медлившихъ обращеніемъ, и на ихъ храмы. Шнуди дожилъ до невѣроятной старости, до 118 лѣтъ; его боялись и уважали во всей Өиваидѣ даже сами варвары, въ борьбѣ съ которыми его монастырь являлся для римскихъ войскъ надежнѣйшимъ убѣжищемъ. Антоній подавалъ образцы и совѣты добродѣтели, Пахомій составлялъ уставы, Макарій въ Скиту и Іоаннъ въ Ликополѣ приводили всѣхъ въ изумленіе подвижнической жизнію, Шнуди въ своемъ Бѣломъ монастырѣ былъ, подобно пророку Иліи на Кармилѣ, вдохновеннымъ свыше судьей, грознымъ человѣкомъ Божіимъ. Въ томъ политическомъ и соціальномъ сумбурѣ, какой царилъ въ этихъ заброшенныхъ краяхъ, онъ безъ особаго труда присвоилъ себѣ право быть исполнителемъ божественнаго правосудія и дѣйствовалъ со свойственной ему суровостью [1]).

Но не только въ Нитріи, на горѣ св. Антонія и въ монастыряхъ Пахомія и Шнуди процвѣталъ аскетизмъ. Весь Египетъ былъ наполненъ монахами. Во времена Өеодосія городъ Оксиринхъ [2]) всецѣло принадлежалъ имъ. Ихъ кельи заполняли башни крѣпостныхъ стѣнъ, городскія ворота, храмы и другія общественныя зданія, стоявшія безъ употребленія. Въ Антиноѣ Палладій насчиталъ до двѣнадцати женскихъ монастырей [3]). Отъ Сіены до Дельты въ пустыняхъ, лежащихъ между обработанными землями и безплодными горами, окаймляющими ихъ съ востока и съ запада, скиты чередовались непрерывной цѣпью. Ихъ также много можно было видѣть въ Нижнемъ Египтѣ, по направленію къ пустынѣ Суеца и Пелузы, вплоть до озера Мензале и до самаго моря. Мѣстами знаменитости привлекали къ себѣ вниманіе. Нѣкоторые отшельники жили вдали отъ міра со временъ гоненія или съ первыхъ годовъ религіознаго мира. Они начинали съ того, что поселялись въ страшныхъ пустыняхъ, питаясь одними кореньями; затѣмъ вокругъ нихъ собира-

---

[1]) Кромѣ житія его, составленнаго его ученикомъ Безасомъ (Amelineau, *Mémoires de la mission archéol. du Caire*, t. IV), отъ самого Шнуди сохранились письма и проповѣди, дающія возможность составить себѣ представленіе объ этой личности. Все это написано на коптско-саидикскомъ нарѣчіи. Шнуди зналъ по-гречески, но говорилъ на немъ лишь когда представлялся къ тому случай. Среда его была совершенно коптская, равно какъ и его писанія. Вслѣдствіе этого обстоятельства латинскіе и греческіе авторы, даже тѣ, которые, подобно Палладію, посѣщали Өиваиду и въ его времена, не имѣли о немъ никакого понятія. Лучшая монографія о Шнуди Ioh. Leipoldt'a *Schenute von Atripe*, въ *Texte und Unt.*, t. XXV (1903), см. также Ladeuze, *op. cit.*

[2]) *Hist. mon.* 5.

[3]) *Hist. Laus.*, 59 (137).

лись ученики. Анахореты руководили ими, внушая имъ въ краткихъ изреченіяхъ или длинныхъ бесѣдахъ дисциплину отшельнической жизни, и своей собственной жизнію давали имъ самый краснорѣчивый примѣръ. Строгость ихъ жизни озаряла всѣ окрестности, служила назиданіемъ для клира и вѣрующихъ, жившихъ въ міру, а также аргументомъ для убѣжденія упорствующихъ язычниковъ. Имъ, конечно, приписывались всякія чудеса; нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напр., Іоаннъ ликопольскій, слыли пророками. Слава ихъ достигала до императорскаго двора, и тамъ при случаѣ не пренебрегали вопрошать ихъ, какъ оракуловъ [1]).

Не слѣдуетъ думать, что единственной ихъ добродѣтелью была строгость жизни. Ихъ нравственныя наставленія, изъ которыхъ многія дошли до насъ, указываютъ на ихъ напряженное стремленіе къ внутреннему совершенствованію; эти наставленія безъ труда можно примѣнять къ условіямъ жизни, весьма отличнымъ отъ того строжайшаго аскетизма, который являлся ихъ исходнымъ началомъ. Многія поколѣнія святыхъ людей во всѣхъ классахъ христіанскаго общества въ продолженіе вѣковъ пользовались и пользуются ими еще и понынѣ. Отшельники, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, прекрасно сознавали, что ихъ посты и всякаго рода умерщвленія плоти были, въ общемъ, лишь однимъ изъ многихъ средствъ ко спасенію, и что, оставаясь въ міру, можно было достигнуть святости инымъ путемъ.

Пафнутій изъ Ираклеополя [2]) (или скорѣе изъ пустыни въ окрестности этого города) послѣ долговременнаго умерщвленія своей плоти захотѣлъ вопросить Бога, до какой ступени совершенства онъ достигъ. Ему было сказано въ отвѣтъ, что онъ находится на одномъ уровнѣ съ человѣкомъ, занимавшимся въ ближайшемъ селеніи ремесломъ флейтиста. Пафнутій пожелалъ его видѣть; этотъ человѣкъ сказалъ ему, что раньше, чѣмъ заниматься ремесломъ музыканта, онъ былъ разбойникомъ. Въ этомъ заявленіи было мало успокоительнаго для Пафнутія. Однако отшельникъ, продолжая разспрашивать флейтиста, узналъ, что въ бытность его разбойникомъ ему довелось спасти жизнь и честь дѣвы, посвятившей себя Богу. Пафнутій вернулся въ свою пустыню и вновь принялся за умерщвленіе плоти въ обществѣ музыканта-разбой-

---

[1]) Утверждали, что Іоаннъ ликопольскій предсказалъ Ѳеодосію его побѣды надъ Максимомъ и Евгеніемъ, а также близость его смерти вслѣдъ за побѣдой.

[2]) *Hist. mon.* 16.

ника, котораго онъ сдѣлалъ своимъ ученикомъ. Послѣдній сталъ прекраснымъ монахомъ, но вскорѣ умеръ. Оставшись въ одиночествѣ, наставникъ старался вести образъ жизни еще болѣе суровый, чѣмъ прежде. По прошествіи долгихъ лѣтъ ему вновь захотѣлось оцѣнить свои успѣхи, и онъ опять вопросилъ Бога, чего онъ достигъ. До той же ступени,—былъ ему отвѣтъ,—какъ старшина такого-то селенія. То былъ честный поселянинъ, прекрасный отецъ семейства, неподкупный и благожелательный администраторъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ. Третье испытаніе довело Пафнутія до уровня одного александрійскаго негоціанта, человѣка честнаго и милостиваго, не забывавшаго отшельниковъ и дарившаго имъ иногда сушеные овощи.

Эти уроки не пропали даромъ для такого смиреннаго и разумнаго монаха, какимъ былъ Пафнутій. Онъ любилъ внушать другимъ поученіе, которое онъ извлекъ изъ своего опыта, а именно, что во всякомъ состояніи можно угодить Богу и достигнуть высшихъ ступеней святости. Когда онъ умеръ, ученики видѣли, какъ онъ вступилъ на небо, встрѣченный ангелами и пророками.

Какъ я уже упоминалъ, не было недостатка въ посѣтителяхъ этихъ святыхъ людей [1]). Они являлись издалека—изъ Константи-

---

[1]) Помимо житій Антонія, Пахомія и Шнуди, египетскіе монахи IV вѣка извѣстны намъ изъ слѣдующихъ документовъ: 1) Путешествіе 394 года, греческій текстъ котораго, сохранившійся отдѣльно и въ полномъ видѣ, не изданъ еще, хотя имѣются указанія на нѣсколько его манускриптовъ; Созоменъ пользовался этимъ памятникомъ; текстъ его, слитый во едино съ текстомъ Палладія, находятъ также въ томъ произведеніи послѣдняго, которое до сихъ поръ извѣстно подъ именемъ *Historia Lausiaca*. Руфинъ перевелъ его подъ заглавіемъ *Historia monachorum*, что̀ послужило къ популяризаціи его въ латинскихъ странахъ. 2) *Historia Lausiaca* Палладія,—разсказъ отшельника, сдѣлавшагося позднѣе епископомъ, послѣ одиннадцати лѣтъ, проведенныхъ въ Египтѣ (388—399), главнымъ образомъ среди нитрійскихъ монаховъ. Бутлеру удалось освободить подлинный текстъ Палладія отъ интерполяцій *Historia monachorum* (*The Lausiac history of Palladius*. T. VI, *Texts and Studies*, Cambridge, 1898—1904). 3) Постановленія и собесѣдованія Кассіана, гостившаго въ Египтѣ одновременно съ Палладіемъ и, подобно тому, прождавшаго почти двадцать лѣтъ, раньше чѣмъ издать свои воспоминанія. 4) Въ этихъ повѣствовательныхъ документахъ имѣются уже въ достаточномъ количествѣ какъ изреченія св. монаховъ, такъ и анекдоты, касающіеся ихъ жизни. Нѣкоторые изъ нихъ дошли до насъ непосредственно въ письмахъ Пахомія и Шнуди и особенно въ такъ называемыхъ „Апоѳегмахъ свв. отцовъ", существующихъ въ нѣсколькихъ сборникахъ: одинъ изъ нихъ въ алфавитномъ порядкѣ „отцовъ" (Migne, *P. g.*, T. LXV, p. 72—440) сохранился по-гречески, два другіе *Vitae PP.* Rosweyde, lib. V—VI et lib. VII (Migne, *P. S.*, T. LXXIII) извѣстны намъ по древнимъ латинскимъ переводамъ. Эти собранія относятся къ довольно позднимъ годамъ V вѣка, но во многихъ случаяхъ они заключаютъ въ себѣ повѣствованія болѣе ранняго времени. См. объ этомъ Butler'а, *op. cit.*, p. I., p. 208. Впрочемъ, относительно всей литературы по этому предмету можно получить свѣдѣнія изъ отмѣченной книги Бутлера. Однако надо признаться, что весьма желательно было бы имѣть синтетическую работу, или хотя бы ясное и точное

нополя, Рима, изъ Галліи и Испаніи. Не всѣ доходили до Өиваиды. Въ большинствѣ случаевъ ограничивались Нитрійской долиной и монастырями Нижняго Египта. Этотъ путь совершили обѣ Меланіи и сводная сестра извѣстнаго сановника Руфина, Сильванія, св. Павла и самъ Іеронимъ, хотя боюсь, что александрійскія библіотеки и ученые привлекали его нѣсколько больше, чѣмъ герои пустыни. Кассіанъ тоже не пошелъ дальше. Болѣе рѣшительный Руфинъ аквилейскій, который, впрочемъ, провелъ шесть лѣтъ въ Египтѣ, дошелъ до Писпира. Постуміанъ, одинъ изъ собесѣдниковъ въ діалогахъ Сульпиція Севера, не ограничился этимъ: ему захотѣлось взглянуть на далекіе монастыри св. Антонія и св. Павла у Краснаго моря.

Тогдашняя Өиваида включала въ себя современный Фаіумъ, который со временъ Өеодосія имѣлъ подъ именемъ *Аркадіи* особую провинціальную организацію; Руфинъ и Постуміанъ отправились въ Өиваиду. Паломница Етерія (или Евхерія) [1]), дневникъ путешествія которой, къ сожалѣнію, не дошелъ до насъ въ полномъ видѣ, также посѣтила Өиваиду. Въ 394 году группа путешественниковъ, разсказъ которыхъ былъ переведенъ Руфиномъ, отважились дойти до Ликополя. Около того же времени Палладій, въ свою очередь, отправился взглянуть на пророка Іоанна. Позднѣйшія испытанія, которыя ему пришлось претерпѣть въ качествѣ друга Іоанна Златоуста, заставили его лучше познакомиться съ Верхнимъ Египтомъ. Изгнанный въ Сіену, онъ имѣлъ случай посѣтить нѣсколько общинъ Пахомія, именно въ Панополѣ.

Эти путешествія были не изъ очень легкихъ. Вдоль нильскихъ болотъ благочестивые путешественники подвергались опасности встрѣчъ со спящими крокодилами, которые при ихъ приближеніи просыпались и причиняли имъ не мало страха. Левіаөаны и

распредѣленіе источниковъ. Подобная работа, выполненная почтеннымъ Тильмономъ съ замѣчательной добросовѣстностью, но безъ общаго плана, была осложнена въ послѣдующее время неудачными гипотезами и утвержденіями, столь же нелѣпыми, какъ и злонамѣренными. Пришлось также бороться съ тенденціей „коптствующихъ“ изслѣдователей, признающихъ подлинность и авторитетность документовъ на египетскомъ языкѣ и обезцѣнивающихъ греческіе тексты.

[1]) Ее сперва смѣшивали съ вышеупомянутой Сильваніей или Сильвіей. По этому вопросу см. замѣтку Férotin'a въ *Revue des questions historiques*, 1903 T. LXXIV, p. 367. Въ *Revue augustinienne*, 1903 и 1904. P. Edmond Bouvy, обсуждая вопросъ о правописаніи имени Евхеріи (манускрипты даютъ чтенія: *Etheria, Echeria, Eiheria, Egeria*), отождествляетъ паломницу съ дочерью Фл. Евхерія, консула въ 381 г. и дяди Өеодосія. О. Феротинъ, во всякомъ случаѣ, доказалъ, что она была родомъ изъ Галисіи (въ Испаніи) и числилась въ одной изъ религіозныхъ общинъ этой страны.

бегемоты жили еще въ великой рѣкѣ, гиппопотамы выходили иногда изъ нея и бродили по полямъ. Въ уединенныхъ мѣстахъ, въ нѣкоторыхъ пещерахъ жили огромныя змѣи. Наконецъ, почти всюду не было недостатка въ разбойникахъ. Строгости податной системы выбрасывали столько людей изъ обычной колеи, что пустыня заполнялась голодными бродягами. За неимѣніемъ лучшей добычи, они грабили скиты. Иногда монахи обращали на свой путь кое-кого изъ нихъ; нѣкоторые изъ этихъ обращенныхъ достигли даже высшихъ степеней святости. Однако ихъ еще много оставалось въ мiру и по дорогамъ.

Но что всего болѣе затрудняло паломничества въ Верхній Египетъ, это—южные варвары. Во времена Діоклетіана граница имперіи отступила подъ ихъ напоромъ отъ второго Нильскаго порога къ первому. Не довольствуясь этимъ успѣхомъ, они не прекращали наносить разореніе странамъ, остававшимся за римлянами. Несмотря на гарнизоны, которые командовавшій войсками (*dux Thebaidos*) разставлялъ эшелонами вдоль берега рѣки и въ оазисахъ, ихъ можно было видѣть всюду, отъ Сіены вплоть до Ликополя. Недаромъ пахоміевскіе монастыри обносились высокими стѣнами.

Посѣтители, если они были богатыми людьми, охотно оставляли подаянія. Но отшельники имѣли мало потребностей, ктому же они рѣдко не имѣли ручного труда, заработокъ отъ котораго вполнѣ удовлетворялъ ихъ нуждамъ. Въ оплату за оказанное имъ вниманіе они предлагали увѣщанія, совѣты, иногда маленькіе подарки. Меланія старшая, которая была очень щедра къ нимъ, привезла изъ Египта множество вещицъ на память. Памво нитрійскій, который умеръ при ней, подарилъ ей корзинку,—послѣднюю работу, которая была у него въ рукахъ [1]). Отъ Макарія александрійскаго у нея была баранья шкура, имѣвшая весьма необычайную исторію. Однажды отшельникъ увидалъ, что къ его кельи приближается гіена, держа въ зубахъ своего дѣтеныша; она положила его къ ногамъ Макарія и, казалось, желала чего-то. Макарій взглянулъ на звѣреныша и, увидѣвъ, что онъ слѣпой, исцѣлилъ его. Гіена взяла его обратно и ушла, но черезъ нѣкоторое время вернулась къ кельѣ и принесла въ знакъ благодарности баранью шкуру [2]).

Меланія застала Египетъ охваченнымъ весьма серьезной религіозной смутой. То былъ моментъ, когда правительство Валента старалось передать въ руки аріанъ каѳедру Аѳанасія и навязать

---

[1]) *Hist. Laus.*, 10.
[2]) *Hist. Laus.*, 18 (19—20).

Александріи въ епископы своего кандидата, Лукія. Нитрійскіе монахи выдѣлялись своей ревностью среди противниковъ этого предпріятія. Нѣкоторые изъ самыхъ почтенныхъ отцовъ были схвачены и перевезены на островъ, находившійся посреди одного изъ большихъ прибрежныхъ озеръ [1]). Другихъ присоединили къ епископамъ, сосланнымъ въ Діокесарію. Меланія поѣхала вслѣдъ за ними, помогая имъ въ матеріальныхъ нуждахъ. Ея рвеніе привлекло вниманіе: консулярій Палестины, не зная ея общественнаго положенія, арестовалъ ее, чтобы вынудить отъ нея деньги. Патриціанка дозволила заключить себя въ тюрьму, но, попавъ туда, объявила свое званіе; чиновники принесли ей почтительныя извиненія.

Египетъ недолго удержалъ за собой монополію отшельничества и монашества. Востокъ съ раннихъ поръ пошелъ по пути, открытому Антоніемъ и Пахоміемъ. Въ Палестинѣ первый ввелъ образъ жизни египетскихъ отшельниковъ Иларіонъ [2]). Родомъ изъ языческой семьи города Газы, онъ былъ отправленъ въ Александрію для прохожденія курса наукъ. Онъ обратился въ христіанство; затѣмъ, подъ вліяніемъ оживленныхъ толковъ объ Антоніи, который только что покинулъ тогда свою крѣпость въ Писпирѣ и началъ принимать учениковъ, онъ отправился къ нему и послѣ кратковременнаго пребыванія у него вернулся къ себѣ на родину, въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарищей, подобно ему возлюбившихъ отшельническій образъ жизни [3]). Онъ водворился на пустынномъ побережьи, къ югу отъ Газы, и прожилъ тамъ очень долго, предаваясь необычайному аскетизму. Между прочимъ онъ проповѣдовалъ язычникамъ, населявшимъ филистимскую деревню, велъ борьбу противъ капищъ и обращалъ арабовъ изъ сосѣднихъ племенъ. У него вскорѣ оказалось нѣсколько тысячъ учениковъ.

Подобно Антонію, Иларіонъ былъ анахоретомъ, наставникомъ и руководителемъ отшельниковъ. Невдалекѣ отъ него Епифаній елевѳеропольскій основалъ настоящій монастырь, по типу пахоміевскихъ. Онъ также утвердился въ своемъ аскетическомъ настроеніи въ Египтѣ, гдѣ гостилъ въ послѣдніе годы жизни Константина. Его монастырская колонія была основана въ такъ на-

---

1) Rufin. *H. E.* II, 4.

2) О св. Иларіонѣ см. его „житіе“, написанное Іеронимомъ. Ср. Sozom., III, 14.

3) По свѣдѣніямъ бл. Іеронима, Иларіонъ родился въ 291 г.; во время пребыванія его у св. Антонія ему было всего 15 лѣтъ. Это пребываніе такимъ образомъ относится къ 306 году, ко времени самаго разгара гоненія. Странно, что гоненіе не оставило слѣдовъ въ его разсказѣ.

зываемомъ Старомъ Адѣ, вблизи отъ его родной деревни Безандукъ [1]).

Южнѣе пилигримовъ и отшельниковъ привлекала св. гора Синай. Для послѣднихъ извилистыя долины на оконечности полуострова представляли убѣжища, очень пригодныя для ихъ образа жизни. Они не замедлили тамъ умножиться. Библейскія воспоминанія, наполнявшія эти мѣста, не могли оставаться неиспользованными со стороны этихъ благочестивыхъ людей. Вскорѣ всѣмъ событіямъ книги Исходъ было найдено соотвѣтствующее опредѣленное мѣсто. Для будущихъ поколѣній священная топографія Синая была установлена. Съ очень давнихъ поръ вершина Джебель Муса была увѣнчана часовней; другая часовня возвышалась на мѣстѣ «неопалимой купины», гдѣ теперь находится знаменитый монастырь св. Екатерины [2]). Поселеніе, называвшееся городомъ Фаранъ, на мѣстѣ современнаго вади-Фейрана, было торговымъ и административнымъ центромъ какъ для туземцевъ полуострова, такъ и для отшельниковъ. Попадались скиты и часовни и вдоль самого побережья въ ужасныхъ мѣстахъ, гдѣ однако, благодаря какому-нибудь маленькому ручейку и скромности своихъ потребностей, монахи все-таки находили возможнымъ жить.

Въ этой приморской области находилась пустыня Раиѳу, монахи которой были всѣ перебиты въ 373 г. пиратами влеммійцами, пришедшими изъ глубины страны, расположенной вдоль Краснаго моря [3]). Говорятъ, что въ тотъ же день шайка сарацинъ напала на скиты, находившіеся выше Фарана; нѣкоторымъ отшельникамъ

---

[1]) Иларіонъ и Епифаній, безъ сомнѣнія, знавшіе другъ друга еще въ Палестинѣ, встрѣтились гораздо позднѣе на о. Кипрѣ, гдѣ Епифаній сдѣлался епископомъ около 367 года. Иларіонъ, потревоженный въ своихъ аскетическихъ подвигахъ наплывомъ посѣтителей, отбылъ въ Египетъ около 356 г. Нѣсколько лѣтъ спустя, полиція Юліана, подстрекаемая жителями Газы, недоброжелательно настроенными по отношенію къ отшельнику, врагу боговъ, принудила его бѣжать дальше. Онъ находился послѣ этого въ Сициліи, затѣмъ въ Далмаціи и, наконецъ, въ Пафѣ, на о. Кипрѣ. Извѣстна прекрасная легенда объ его бесѣдѣ съ Епифаніемъ. Когда епископъ предложилъ ему немного дичи, отшельникъ отказался, говоря, что онъ въ теченіе всей своей жизни не притрогивался къ такой пищѣ. „А я,—возразилъ Епифаній,—никогда не ложился спать, не примирившись съ тѣмъ, кто могъ имѣть какую-нибудь обиду на меня“. „Отецъ мой,—сказалъ Иларіонъ,—твое любомудріе выше моего“ (*Vitae P. P.*, V, 4).

[2]) Изданіе *Peregrinatio* окончательно устранило мнѣніе, по которому эти отождествленія не восходятъ дальше временъ Юстиніана, и Сербалъ былъ будто бы до Джебель Катарина той священной горой, которая посѣщалась христіанскими богомольцами. Пилигримка эпохи Ѳеодосія и не думала о Сербалѣ; священныя мѣста, какія она посѣщала, были тѣ же, что существуютъ и нынѣ.

[3]) Они напали лишь на монаховъ, но ими были избиты и жители Фарана, сдѣлавшіе попытку задержать ихъ; жены и дѣти фаранцевъ были взяты въ плѣнъ.

удалось укрыться въ башнѣ, остальные же всѣ были перебиты [1]). Такія разбойничьи нападенія случались очень часто. Они были мало производительными въ смыслѣ добычи. Но сами монахи имѣли для бедуиновъ извѣстную торговую цѣнность. Они продавали ихъ въ рабство или приносили въ жертву своей богинѣ *Уацца* (утренней звѣздѣ).

Въ Палестинѣ и въ Сиріи, какъ и въ Египтѣ, страна монаховъ была также и страной разбойниковъ. Отъ Краснаго моря до Евфрата, въ пограничныхъ пустыняхъ можно было встрѣтить и отшельниковъ и бедуиновъ. Порою бывали происшествія, вродѣ только что отмѣченныхъ мною. Со временемъ, однако, отношенія улучшились. Добродѣтели святыхъ людей, строгость ихъ жизни и ихъ благотворительность въ концѣ-концовъ тронули до извѣстной степени варваровъ, которымъ были довольно несвойственны нѣжныя чувства. Монахи мало-по-малу склонили ихъ къ христіанству. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Іерусалимъ и вся Палестина [2]) были наполнены монахами. Въ священномъ городѣ *monazontes et parthenae* (монашествующіе и дѣвственницы), прилежно посѣщавшіе службы епископовъ Кирилла и Іоанна, представляли несомнѣнно цвѣтъ мѣстнаго древняго аскетизма. Но вокругъ Іерусалима съ раннихъ поръ возникли какъ общежительные монастыри, такъ и множество поселеній отшельниковъ, по типу египетскихъ монашества и анахоретства. Монахи были всѣхъ нарѣчій. Латинскія учрежденія, которыми руководилъ Руфинъ на горѣ Елеонской и Іеронимъ въ Виѳлеемѣ, служатъ образцами многихъ другихъ монастырей того же типа, населенныхъ монахами и монахинями, говорившими на греческомъ и сирійскомъ языкахъ.

Въ Финикіи, гдѣ христіанство не достигло еще полнаго развитія, группы аскетовъ были рѣже. Однако, можно было встрѣтить нѣсколько отдѣльныхъ отшельниковъ; между ними называютъ учениковъ св. Антонія: Кронія и Іакова Хромого. Въ этомъ краѣ монахамъ приходилось много страдать: они наталкивались на злобныя выходки со стороны языческаго населенія [3]).

---

[1]) Разсказъ Аммонія, бывшаго очевидцемъ, у Combe Fis *Illustrium martyrum lecti triumphi,* 1660 p. 68. Ср. исторію Ѳеодула, сына преп. Нила, разсказанную его собственнымъ отцомъ. (*Narrationes*, Migne, *P. g.,* t. LXXIX p. 589). Эта исторія относится къ первымъ годамъ V вѣка.

[2]) Pallad. *Hist Laus.*, 43—46 (103, 104, 113, 117, 118), 48—55 (106—112) Sosom. VI, 32. См. также *Peregrinatio.*

[3]) Pallad. *Hist. Laus.,* 47 (90—95); Sosom., VI, 34.

Другое дѣло—въ сѣверной Сиріи, вокругъ христіанскихъ городовъ: Антіохіи, Веріи, Халхиды и въ за-Евфратскихъ странахъ, въ окрестностяхъ Эдессы, Батны и даже Харрана. Хотя жители этого города продолжали противиться евангельской проповѣди, однако въ мѣстахъ, освященныхъ памятью Авраама, Лавана и Ревекки, имѣлись свои часовни, равно какъ были часовни въ честь Моисея и Иліи. Отъ Ливана до горъ Арменіи сирійская пустыня была наполнена отшельниками. Древнѣйшимъ между ними считался Аонъ. Онъ долгое время жилъ въ Харранѣ у колодца, гдѣ Іаковъ встрѣтился съ Рахилью. Эти отшельники вели еще болѣе суровый образъ жизни, чѣмъ египетскіе; между ними были такіе, которые жили среди лѣсовъ, какъ дикіе звѣри, не заботясь о пищѣ, поддерживая свое существованіе лишь сырыми травами. Это были такъ называемые пастухи (βοσκοὶ),—прозваніе вѣжливое, ибо ихъ скорѣе можно было бы уподобить овцамъ. Другіе заставляли приковывать себя къ скаламъ желѣзными цѣпями, носили страшныя вериги и предавались всѣмъ крайностямъ индійскихъ факировъ. Епископы пытались иногда умѣрить ихъ, но ихъ совѣты оставались совершенно напрасными. Зато арабы пустыни и сирійскіе поселяне питали къ этимъ необыкновеннымъ существамъ величайшее уваженіе. Они были популярны и въ самыхъ городахъ. Въ критическія минуты духовенство не упускало случая прибѣгать къ ихъ престижу. Такъ, во времена Валента, Афраатъ и Юліанъ Саба покинули свои месопотамскія пустыни, чтобы явиться въ Антіохію, предложить свои услуги Флавіану и Діодору и поддержать ихъ въ борьбѣ противъ оффиціальной ереси [1]).

Весьма образованные люди, каковы Іеронимъ и Златоустъ, настолько восхищались такимъ образомъ жизни, что хотѣли сами послѣдовать ему. Іерониму скоро это прискучило; Златоустъ же покинулъ пустыню только тогда, когда болѣзнь, естественное слѣдствіе его аскетическихъ подвиговъ, сокрушила его мужество.

Не видно, чтобы священное юродство восточныхъ отшельниковъ имѣло вполнѣ опредѣленную связь съ египетскимъ движеніемъ. Восточные монахи были мало склонны къ общежитію. Группировка въ монастыри или въ анахоретскія колоніи замѣчается у нихъ довольно поздно. Не слышно объ уставахъ, къ которымъ они

---

[1]) Объ Афраатѣ см. Θеодорита *Hist. relig.*, 8, объ Юліанѣ см. похвальное слово ему св. Ефрема (Assemani, *S. Ephraemi Syri opera*, gr.-lat, t. III, p. 254). Pallad., *Hist. Laus.*, 42 (102); Theodor. *Hist. relig.*, 2; *Sosom.*, III, 14. Особенно много свѣдѣній о сирійскихъ монахахъ можно почерпнуть въ *Historia religiosa* Θеодорита.

питали бы привязанность. Неудивительно, что отсутствіе руководителей, жизнь въ отдаленіи другъ отъ друга, причемъ каждый подвизался по своему, были причинами ихъ уклоненія въ несомнѣнныя крайности.

Совершенно другого рода монашество мы встрѣчаемъ въ Малой Азіи. Вліяніе Египта здѣсь очевидно. Сначала Евстаѳій, потомъ Василій были учениками египетскихъ монаховъ. Подъ воздѣйствіемъ Евстаѳія аскетическая жизнь тотчасъ приняла здѣсь особыя формы, которыя по винѣ ли самого учителя, или его неосторожныхъ учениковъ, столкнулись съ установившимися проявленіями благочестія и вызвали живой протестъ. Природа страны въ Понтѣ и Каппадокіи не дозволяла аскетизму развиваться съ такой свободой, какъ въ Египтѣ и на Востокѣ. Въ тѣхъ краяхъ пустыня всегда была близка; удалившись туда, можно было предаваться какимъ-угодно аскетическимъ подвигамъ, не стѣсняя ими никого. Ктому же тамъ нечего было бояться холода, и жаркая температура умѣряла аппетитъ. Въ крайнемъ случаѣ тамъ можно существовать, питаясь нѣсколькими финиками. Къ сѣверу отъ Тавра условія были совсѣмъ другія. Въ этомъ холодномъ климатѣ пустыня была безплодной горой и въ зимнее время грозила смертельной опасностью. Аскеты были принуждены не удаляться отъ населенныхъ мѣстъ, и ихъ нужды, не столь ограниченныя, какъ нужды ихъ ѳиваидскихъ собратій, заставляли ихъ поддерживать съ прочими людьми болѣе тѣсное общеніе.

Евстаѳій, несмотря на свои опыты въ Египтѣ, сначала, повидимому, не распространялъ ни общежитія, ни отшельничества. Порицаніе, обращенное къ нему со стороны Гангрскаго собора, около 340 г. [1]), имѣло въ виду не чужеземный характеръ его аскетической жизни, даже и не преувеличеніе древняго и традиціоннаго аскетизма, но скорѣе склонность Евстаѳія, подобно энкратитамъ, представлять этотъ аскетизмъ, какъ нѣчто общеобязательное. Былъ ли судъ, произнесенный надъ Евстаѳіемъ, слишкомъ строгъ къ нему, или, быть можетъ, самъ Евстаѳій позднѣе усвоилъ себѣ болѣе правильныя воззрѣнія,—несомнѣнно одно, что когда онъ сошелся со св. Василіемъ, его аскетизмъ не вызывалъ больше со стороны церкви никакого принципіальнаго возраженія. На этой почвѣ учитель и ученикъ шли всегда рука объ руку. Распря, разлучившая ихъ въ послѣдніе годы ихъ жизни, не имѣла отноше-

---

[1]) См. объ этомъ выше стр. 257.

нія къ этому пункту. Значительное число аскетическихъ произведеній [1]).—Пространныя и Краткія Правила, Уставы и проч.—были съ раннихъ поръ собраны подъ именемъ св. Василія [2]) въ особый сборникъ, который современемъ пополнился прибавленіями. Во времена Созомена [3]) нѣкоторые приписывали его происхожденіе Евстаѳію. Авторство послѣдняго весьма сомнительно. Но какъ бы ни былъ рѣшенъ этотъ историко-литературный вопросъ, характеръ этихъ правилъ, отражающій, несомнѣнно, духъ Василія, не можетъ очень разниться отъ того, что составляло характерную особенность аскетизма Евстаѳія. Гораздо важнѣе тотъ фактъ, что въ этихъ книгахъ мы имѣемъ монастырскій кодексъ византійскаго Востока. Въ продолженіе вѣковъ почти всѣ монастыри греко-славянскаго міра жили и живутъ еще до сихъ поръ по уставу св. Василія.

Несмотря на свою связь съ Египтомъ, монашество Василія знаменуетъ большой прогрессъ въ смыслѣ умѣренности и дисциплины. Общежитіе получаетъ большую силу; вліяніе Пахомія преобладаетъ надъ вліяніемъ Антонія. Монахи имѣютъ настоятеля, обязаннаго поддерживать дисциплину, руководить пріемомъ въ монастырь, искусомъ, обученіемъ и управленіемъ всей общиной. Время дѣлится между молитвенными собраніями, чтеніемъ Библіи и ручнымъ трудомъ, главнымъ образомъ полевой работой. Аскетическія лишенія, предусматриваемыя Уставомъ, являются по существу простыми и относительно умѣренными.

Изъ Понта и Каппадокіи, такъ же какъ изъ константинопольскихъ колоній [4]), этотъ новый типъ аскетизма распространился съ чрезвычайной быстротой. Общественное мнѣніе, и особенно мнѣніе епископовъ, не могло не отнестись къ нему съ большей благосклонностью, чѣмъ къ восточнымъ эксцентричностямъ. Оно даже питало къ нему благодарность за то, что онъ мало-по-малу поглотилъ въ себя древній аскетизмъ, аскетизмъ подвижниковъ, жившихъ въ міру. Въ монастырѣ восторженность «воздержниковъ» и дѣвъ, посвятившихъ себя Богу, нашла себѣ ту дисциплину, которой раньше трудно было подчинить ее въ жизненныхъ условіяхъ мѣстной церкви. Правда, въ первое время самимъ монастырямъ было довольно трудно сообразоваться съ прежней церковной группировкой;

---

[1]) Migne *P. g.*, t. XXXI.

[2]) Ἀσκητικόν Василія упоминается уже въ 392 г. въ *De viris* бл. Іеронима, (с. 116).

[3]) III, 14, § 31.

[4]) См. выше стр. 249, 258.

происходили тренія, колебанія, ссоры. Мало-по-малу, однако, равновѣсіе установилось, и новыя отношенія были освящены каноническимъ законодательствомъ.

Что же касается гражданскаго закона, то его вмѣшательство проявляется въ эту первую эпоху лишь временами, смотря по обстоятельствамъ. Валентъ, раздраженный на нитрійскихъ монаховъ, сопротивлявшихся насильственному водворенію Лукія, наказалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и даже издалъ законъ, налагавшій на нихъ исполненіе воинской повинности. Этотъ законъ, о которомъ упоминаетъ Іеронимъ въ 377 г., не могъ имѣть продолжительнаго дѣйствія. Притомъ можно съ увѣренностью думать, что онъ коснулся лишь тѣхъ монаховъ, которые подали поводъ къ недовольству. Θеодосій тоже принималъ мѣры противъ монаховъ: онъ запретилъ имъ на нѣкоторое время жительство въ городахъ [1]), гдѣ ихъ присутствіе часто вредно отзывалось на общественномъ порядкѣ. Этому императору при всемъ его благочестіи весьма не нравилось вмѣшательство монаховъ въ дѣла, хотя бы и религіозныя, но все же дѣла того міра, отъ котораго они отреклись. И дѣйствительно, какая полиція могла бы потерпѣть, чтобы по городамъ и дорогамъ скитались недисциплинированныя толпы якобы защитниковъ угнетенныхъ, всегда готовыя впутываться въ судебныя разбирательства и въ дѣйствія исполнительной власти,—вступавшія въ схватки съ тѣми, кто не раздѣлялъ ихъ воззрѣній и буйствомъ разрушавшія зданія, которыя принадлежали гонимымъ культамъ. «*Monachi multa scelera faciunt*» (*монахи дѣлаютъ много преступленій*), говорилъ Θеодосій [2]) св. Амвросію. Въ особенности важно было то, что, благодаря строгости своей жизни, свободнымъ рѣчамъ и смѣлости, они были весьма популярны. Съ этой точки зрѣнія правительство могло только способствовать ихъ заключенію въ монастыри, гдѣ, благодаря уставу и авторитету начальствующихъ лицъ, можно было надѣяться, что они станутъ держаться духа, свойственнаго ихъ призванію и не превратятся въ нарушителей общественнаго спокойствія. Но во времена Θеодосія было далеко еще до того времени, когда монастырскія учрежденія получили достаточное распространеніе, чтобы оказать всюду такое благотворное дѣйствіе. Въ продолженіе нѣкотораго времени пришлось еще считаться съ энтузіазмомъ монаховъ и ихъ популярностью.

---

[1]) *Cod. Theod.*, XVI, 3, 1; законъ, отмѣненный по прошествіи двухъ лѣтъ. (XVI, 3, 2).

[2]) Ambr., *Ep.*, 41, § 27.

ГЛАВА XV.

Западная церковь во времена св. Амвросія.

Св. Иларій и его сочиненія.—Св. Мартинъ Турскій.—Соборъ въ Валенсіи.—Прискилліанъ и его аскетизмъ.—Испанскія распри: соборъ въ Сарагоссѣ.—Отношенія къ нему Дамаса, Амвросія и Граціана.—Максимъ въ Галліи: трирское судилище.—Итаціане.—Реакція при Валентиніанѣ II: расколъ по поводу Феликса; риторъ Пакатъ.—Прискилліанизмъ въ Галисіи.—Соборъ въ Толедо: разногласія среди испанскихъ епископовъ.—Ученіе прискилліанистовъ.—Св. Амвросій и дворъ Юстины.—Амвросій и Өеодосій.—Папа Сирицій, Іовиніанъ и бл. Іеронимъ.

Иларій, епископъ пуатьескій, умеръ въ 366 г. [1]), оставивъ по себѣ почтенную память. Изъ всѣхъ западныхъ епископовъ онъ игралъ наибольшую роль въ недавнюю бурную эпоху церковной жизни и притомъ не только въ Галліи, но и на Востокѣ и въ Италіи. Положеніе его каѳедры не давало ему никакого особеннаго авторитета, но онъ отъ природы былъ одаренъ организаторскими талантами: въ критическія минуты борцы инстинктивно сплочивались вокругъ него. Полный достоинства и твердости, способный вѣрно и быстро оцѣнивать положеніе дѣлъ, онъ умѣлъ оказывать сопротивленіе, и тогда былъ непреклоненъ; но онъ умѣлъ также находить тамъ, гдѣ можно, и примирительные пути. Впечатлѣніе, произведенное его дѣятельностью, для послѣдующихъ поколѣній углублялось его сочиненіями. Принявъ христіанство уже въ зрѣломъ возрастѣ, онъ принесъ въ его распоряженіе свою уже тогда широкую образованность. Сосланный въ Азію, онъ использовалъ свой вынужденный досугъ для научныхъ занятій: въ это-то время онъ и освоился съ греческимъ языкомъ и познакомился съ восточными писателями, особенно съ Оригеномъ, аллегорическія толкованія котораго, всегда направленныя къ тому, чтобы отыскать слѣды Новаго Завѣта въ Ветхомъ, совпадали съ тѣмъ пріемомъ экзегезиса, которому уже раньше научился и примѣнялъ самъ Иларій. Но особенно много

---

[1]) 14 января, согласно преданію богослужебнаго календаря.

Иларій почерпнулъ у Восточныхъ въ области богословія. Покинувъ Галлію съ довольно смутными представленіями о современныхъ разногласіяхъ [1]), онъ вернулся туда, написавъ не только свое посланіе *О соборахъ*, гдѣ подвергъ обсужденію очень тонкіе вопросы, но также большое сочиненіе, въ 12 книгахъ, *О Троицѣ*. Эти сочиненія обнаруживаютъ очень замѣтный шагъ впередъ по сравненію съ его Толкованіемъ на Евангеліе отъ Матѳея, написаннымъ ранѣе 356 г. Въ этомъ послѣднемъ произведеніи Иларій еще держится взглядовъ Тертулліана и Новаціана: Слово вѣчно, какъ Слово, но не какъ Сынъ Божій [2]). Болѣе глубокое изслѣдованіе догмата о Троицѣ убѣдило его въ непригодности этихъ устарѣлыхъ выраженій; они болѣе не встрѣчаются въ его книгахъ, написанныхъ въ изгнаніи.

Иларій занимался и поэзіей. Онъ составилъ сборникъ гимновъ. По крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ дошелъ до насъ: это алфавитный (*abecedarius*) гимнъ [3]), написанный размѣромъ гораціева *Sic te diva potens Cypri*. Я уже упоминалъ выше объ его петиціяхъ къ императору Констанцію и объ ужасномъ памфлетѣ, который онъ написалъ по его адресу въ минуту отчаянія въ 360 г. Тогда же возымѣлъ онъ намѣреніе повѣдать міру въ трактатѣ, подкрѣпленномъ документами, о происхожденіи и современномъ положеніи распрей между епископами. Отъ этого сочиненія, сходнаго по формѣ и цѣли съ Апологіей Аѳанасія противъ аріанъ, до насъ дошли только отрывки [4]) и вступленіе, представляющее собою очевидное подражаніе Анналамъ Тацита [5]). Да и эти сохранившіеся фрагменты являются отрывками уже изъ переработаннаго его текста, ибо тамъ встрѣчаются документы эпохи не только позднѣе 360 года, но даже позднѣе смерти Иларія.

Странное дѣло! Этотъ великій поборникъ никейскаго православія, столько боровшійся и страдавшій за Аѳанасія, повидимому, остался ему неизвѣстенъ. Его имя ни разу не встрѣчается въ трудахъ александрійскаго епископа. Другіе восточные писатели знали его не больше. Ѳеодоритъ не упоминаетъ о немъ; если Сократъ, а за

---

1) „Regeneratus pridem et in episcopatu aliquantisper manens, fidem Nicaenam numquam nisi exsulaturus audivi“. (Я былъ уже крещенъ и нѣсколько времени состоялъ въ епископскомъ санѣ, но до ссылки никогда не слышалъ о никейской вѣрѣ). *De synodis*, 91.

2) *In Matth.*, XVI, 4; XXXI, 3.

3) Опубликованъ Гаммурини по ареццинской рукописи (*Sancti Hilarii Tractatus* etc. Roma, 1887. p. 28).

4) Это—то, что называютъ *Fragmenta historica* Иларія.

5) Ср. *Fragm.*, I, 4 съ Тацитомъ—*Hist.*, I, 2.

нимъ Созоменъ сообщаютъ кое-что о немъ, то только благодаря Руфину, безсвязная Исторія котораго была переведена на греческій языкъ. На Западѣ дѣло обстояло совсѣмъ иначе. Память о борьбѣ съ аріанами, происходившей при имп. Констанціи, хотя скоро стала здѣсь блѣднѣть, но книги Иларія не покрылись забвеніемъ. Его всегда считали учителемъ въ богословіи, даже тогда, когда на свѣтъ явились творенія Амвросія, Іеронима и Августина.

Среди окружавшихъ Иларія лицъ долгое время видѣли страннаго аскета, по имени Мартина, который сперва служилъ въ войскѣ, а потомъ выполнялъ въ Пуатье обязанности экзоркиста. Мартинъ родился въ языческой семьѣ; отецъ его, служившій военачальникомъ, зачислилъ его въ армію, а самъ вышелъ въ отставку и поселился въ Сабаріи въ Панноніи, на своей родинѣ. Мартинъ уже 12 лѣтъ отъ роду вступилъ въ число оглашенныхъ въ Павіи, гдѣ жили въ то время его родители. Позднѣе мы встрѣчаемъ его въ Амьенѣ, [1]) затѣмъ въ Вормсѣ; здѣсь онъ вышелъ въ отставку, чувствуя призваніе къ отреченію отъ міра и къ аскетической жизни. Вскорѣ послѣ своего поселенія въ Пуатье, онъ отправился въ Паннонію съ цѣлью обратить въ христіанство своихъ родителей. Съ матерью ему удалось это сдѣлать, но старый трибунъ остался вѣренъ своимъ богамъ. Въ это время Иларій отправлялся въ ссылку. Мартинъ протестовалъ, насколько могъ, открыто защищая своего учителя, прочихъ опальныхъ и никейскій символъ. Эта защита причинила ему не мало непріятностей, потому что всѣ паннонскіе епископы въ большей или меньшей степени принадлежали къ противной партіи. Въ Миланѣ, гдѣ онъ думалъ поселиться, Авксентій такъ преслѣдовалъ его, что онъ укрылся на маленькомъ островкѣ Галлинаріи у лигугійскаго берега. Когда Иларій вернулся, онъ опять примкнулъ къ нему въ Пуатье, гдѣ ему предоставили жить по собственному усмотрѣнію. Онъ выбралъ себѣ уединенное мѣсто подъ городомъ, гдѣ скоро стали группироваться и другіе аскеты. Такъ возникъ Лигугійскій монастырь, первый не только въ Галліи, но и на всемъ Западѣ. Эти благочестивые люди, и въ особенности ихъ наставникъ, скоро привлекли къ себѣ общее вниманіе. Черезъ семь лѣтъ послѣ смерти Иларія (373 года), когда турская епархія лишилась епископа, голосъ народа указалъ на пуатьескаго святого. Дѣло не обошлось безъ противодѣйствія, въ особенности со стороны епископовъ, которымъ было не по сердцу признать

[1]) Это—тотъ Амьенъ, гдѣ произошла знаменитая исторія съ раздѣленнымъ хитономъ.

своимъ сотоварищемъ немытаго и растрепаннаго монаха. Здѣсь уже чувствуется разладъ между народнымъ одушевленіемъ, для котораго добродѣтель дороже внѣшняго приличія, и стремленіемъ къ свѣтскости, которое съ теченіемъ времени все больше и больше стало овладѣвать духовенствомъ. Мартинъ былъ посвященъ, несмотря на это противодѣйствіе, равно какъ и вопреки его собственнымъ отказамъ; онъ, однако, нашелъ средство совмѣстить монашескую жизнь съ обязанностями своего новаго званія. Онъ устроилъ другой монастырь около Тура на утесахъ, возвышающихся съ сѣвера надъ Луарой [1]), поселился тамъ со своими учениками и проводилъ здѣсь все время, свободное отъ пастырскаго служенія. Въ его житіи, написанномъ однимъ изъ его восторженныхъ друзей и поклонниковъ, Сульпиціемъ Северомъ, знатнымъ аристократомъ, обратившимся въ аскета, можно отмѣтить среди множества чудесъ одну характерную черту—борьбу съ деревенскимъ язычествомъ. Мартину пришлось потратить много усилій, чтобы привести къ христіанству галльскихъ поселянъ, крѣпко привязанныхъ къ своимъ древнимъ языческимъ обычаямъ, къ культу деревенскихъ капищъ и священнымъ деревьямъ.

Эта борьба съ угасавшимъ язычествомъ была въ то время главной заботой епископовъ. Впрочемъ незамѣтно, чтобы въ этихъ странахъ дальняго Запада въ теченіе двадцати лѣтъ, послѣдовавшихъ за Риминійскимъ соборомъ, просходили какія-нибудь выдающіяся событія. Объ островной Британіи не слышно ничего раньше V вѣка. Въ Галліи Мартинъ былъ уже епископомъ, когда въ Валенсіи (въ 374 г.) собрался соборъ для разрѣшенія неизвѣстно какого вопроса. Отъ него до насъ дошло нѣсколько постановленій дисциплинарнаго характера, сообщенныхъ въ формѣ посланія епископамъ обоихъ административныхъ діэцезовъ [2]), на которые дѣлились тогда галльскія провинціи. Первый подписался подъ нимъ епископъ агенскій Фегадій или Фебадій, о которомъ была рѣчь при имп. Констанціи. Въ числѣ подписавшихся находились также епископы—трирскій, вьеннскій, арльскій и ліонскій.

Въ Испаніи небольшой кружокъ схизматиковъ, который поддерживался въ Иллиберіи (Гренада) [3]) епископомъ Григоріемъ, но, не получивъ распространенія, исчезъ вмѣстѣ съ нимъ [4]). Суще-

---

[1]) Это—Мармутье *(Martini monasterium)*.

[2]) „Fratribus per Gallias et quinque provincias constitutis episcops". (Братьямъ-епископамъ, поставленнымъ въ Галліяхъ и пяти провинціяхъ).

[3]) Ср. выше, стр. 240.

[4]) Григорій, повидимому, былъ еще въ живыхъ, когда бл. Іеронимъ писалъ свое сочиненіе *De viris* (392 г.).

ствованіе нѣсколькихъ новаціанъ давало пищу для литературныхъ упражненій еп. барселонскаго Паціана[1]). Все это были мелочи, но приближалось время, когда Испанія вызвала много толковъ и взволновала весь Западъ.

Въ началѣ царствованія Граціана много говорили объ особаго рода аскетическомъ теченіи, которымъ руководилъ наставникъ по имени Прискилліанъ [2]). Это былъ богатый, знатный, образованный человѣкъ, очень свѣдущій въ христіанской и иной литературѣ, даже въ астрологіи и тайныхъ наукахъ, одаренный тонкимъ умомъ и увлекательнымъ краснорѣчіемъ, и всѣ эти свои дарованія Прискилліанъ съ горячимъ рвеніемъ посвятилъ на пропаганду своихъ идей. Послѣднія имѣли преимущественно нравственно-практическое содержаніе: Прискилліанъ былъ проповѣдникомъ аскетизма.

Аскетизмъ не былъ новостью для Испаніи. Эльвирскій соборъ много говоритъ о воздержникахъ (*confessores*) и дѣвахъ, посвятившихъ себя Богу, подразумѣвая подъ этими наименованіями людей, которые предавались обузданію плоти и воздержанію, слѣдуя уже стариннымъ обычаямъ церкви и не выходя изъ рамокъ ея организаціи. Ученики Прискилліана отличались бо́льшимъ своеобразіемъ. Во-первыхъ, они были учениками отдѣльной личности и притомъ такой, которая не имѣла учительскихъ полномочій отъ церкви,—которая до извѣстной степени дѣйствовала въ силу собственнаго вдохновенія и основывалась въ своемъ ученіи не только на принятомъ въ церкви Писаніи, но и на апокрифахъ, именно на актахъ апостоловъ Петра, Іоанна, Андрея, Ѳомы, столь сильно пропитанныхъ энкратитскимъ духомъ, враждебнымъ браку, употребленію вина и всякихъ питательныхъ яствъ. Кромѣ того, въ средѣ этихъ учениковъ господствовала наклонность пренебрежительно относиться къ прочимъ христіанамъ. Они отдѣлялись отъ нихъ въ извѣстные моменты года, во время великаго поста и передъ празд-

[1]) Три письма къ новаціанину по имени Симпроніану (Migne. *P. L.* t. XIII, p. 1051 и сл.). Послѣ Паціана остались два поученія, одно—о крещеніи, другое—о покаяніи. Въ утраченномъ трудѣ, *Cervulus*, онъ проповѣдовалъ противъ нѣкоторыхъ языческихъ суевѣрій, въ особенности противъ маскарадовъ 1 января. Онъ имѣлъ мало успѣха и даже жаловался, что его описанія вызвали интересъ къ карнавалу у тѣхъ, кто раньше не зналъ этого обычая (*Paraenesis*, c. I; Migne, *t. c.*, p. 1081).

[2]) О прискилліанистскомъ движеніи см. у Сульпиція Севера, *Chron.*, II, 46-51 (ср. *Dial.* II, 6. 11), разсказъ котораго мѣстами долженъ быть исправленъ на основаніи указаній самого Прискилліана въ его защитительныхъ докладахъ, особенно II-го, обращеннаго къ папѣ Дамасу (*Corpus script. eccl. Wien*, t. XVIII); ср. сарагосскій соборъ 380 г.; письмо Максима къ папѣ Сирицію (*Coll. Avell.*, 40); Philastrius. *De Haeresibus* 84; Pacatus, *Paneg.* 29; Hieron. *De viris*, 21 и *epist* 75; толедскій соборъ 400 г.

никомъ богоявленія[1]); тогда ихъ не было видно, они держались въ своихъ домахъ или въ горахъ; извѣстно было, что они собирались тайно въ отдаленныхъ виллахъ; замѣчали также ихъ склонность ходить босикомъ. Они постились по воскресеньямъ. Когда они появлялись въ церкви, они брали свою часть Евхаристіи, но незамѣтно было, чтобы они ею пріобщались. Наконецъ, и это было еще важнѣе, женщины, которымъ всегда нравятся новинки, особенно по части религіи, толпились вокругъ знаменитаго наставника. Происходили женскія собранія, на которыхъ предсѣдательствовалъ или онъ самъ, или его сотрудники.

Все это давало основанія для тревожныхъ опасеній. Проповѣдь аскетизма всегда вызывала неудовольствіе у рядовыхъ христіанъ. Въ то время, до котораго мы дошли, духовенство не поддерживало, а скорѣе противилось ей или изъ дурныхъ побужденій—изъ привязанности къ извѣстному легкому образу жизни, или изъ хорошихъ, какъ, напримѣръ, изъ заботы о поддержаніи единства церковной общины и изъ боязни, какъ бы особый образъ жизни не послужилъ прикрытіемъ для предосудительныхъ ученій. Что касается послѣдняго, то опасенія были небезосновательны; съ самаго начала ходили неблагопріятные слухи о новой сектѣ. Однако ничего не было извѣстно съ точностью: критически можно было относиться лишь къ внѣшней ея сторонѣ: порицать ея обособленіе отъ прочей паствы, учительствобезъ церковной миссіи, сборища женщинъ, пользованіе апокрифами.

Первый протестъ поднялся со стороны епископа кордубскаго Игина, который настроилъ противъ секты эмеритскаго еп. Идація. Этотъ немедленно выступилъ на борьбу. Среди послѣдователей новаго движенія указывали на довольно высокопоставленную женщину, Агапу, которую считали вмѣстѣ съ риторомъ Элпидіемъ передатчицей Прискилліану ученія гностика Марка мемфисскаго, переѣхавшаго изъ Египта въ Испанію. У нихъ была поддержка среди епископовъ. Двое изъ ихъ друзей, Инстанцій и Сальвіанъ, стали епископами и открыто поддерживали ихъ партію; къ нимъ присоединился Симпозій, епископъ асторгскій въ Галисіи, и вскорѣ кружокъ еще усилился присоединеніемъ епископа кордубскаго, который перемѣнилъ взглядъ и пришелъ къ убѣжденію, что новые аскеты нисколько не опасны. Движеніе было сильнѣе всего, ка-

---

[1]) Съ 17 декабря по 6 января, какъ гласитъ протоколъ сарагосскаго собора (канон. 4). Возможно, что во времена этого собора праздникъ рождества Христова еще не былъ введенъ въ Испаніи.

жется, въ западныхъ областяхъ, Лузитаніи и Галисіи. Митрополитъ лузитанскій Идацій счелъ нужнымъ увѣдомить папу Дамаса. Тотъ отвѣтилъ ему письмомъ, которое до насъ не дошло и въ которомъ онъ, предвидя, что испанскіе епископы съѣдутся на соборъ, чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ, совѣтовалъ имъ никого не осуждать заочно, не выслушавши оправданій[1]). Дѣйствительно, въ 380 году произошелъ соборъ въ Сарагоссѣ; мы имѣемъ протоколъ его, раздѣленный на дисциплинарные каноны, въ которыхъ упоминаются пункты обвиненія противъ присциллiанистовъ. Два галльскихъ епископа, Фегадій агенскій и Дельфинъ бордоскій, принимали участіе въ засѣданіяхъ собора и первые подписались подъ его протоколомъ. Съ ними было десять испанскихъ епископовъ, въ томъ числѣ Симпозій, сочувствовавшій новаторамъ.

Эти послѣдніе, не подвергшись прямому осужденію[2]), не обращали вниманія на противниковъ и продолжали свою пропаганду. Они даже перешли въ наступленіе. Когда освободилась каѳедра въ г. Авилѣ, въ провинціи Идація, они добились избранія тамъ Присциллiана и старались въ другихъ мѣстахъ также провести людей своего образа мыслей. Противъ Идація были выдвинуты обвиненія, вызвавшія большой соблазнъ въ эмеритской церкви. Присциллiанъ и его два друга приняли ихъ къ свѣдѣнію, обличили Идація передъ испанскими епископами и отправились даже въ Эмериту возбудить противъ него общественную оппозицію. Уже шли толки о новомъ соборѣ. Идацій упредилъ ихъ и, опираясь на поддержку Амвросія, котораго онъ сумѣлъ привлечь на свою сторону, добился императорскаго эдикта противъ «ложныхъ епископовъ и манихеевъ», изложеннаго въ общихъ выраженіяхъ. Онъ собирался пустить его въ ходъ противъ своихъ враговъ, хотя они и не были лично упомянуты въ указѣ. Обезпокоенный такимъ оборотомъ дѣла, Присциллiанъ и оба его товарища лично отправились въ Миланъ, снабженные оффиціальными полномочіями духовныхъ и свѣтскихъ членовъ своей паствы, съ цѣлью доказать, что они не самозванцы, а настоящіе епископы; что же касается об-

---

[1]) «Ne quid in absentes et in auditos decerneretur». (Ничего не слѣдуетъ постановлять относительно отсутствующихъ и не имѣющихъ возможности дать личныя показанія) *Priscill*, II tr. 35 p..

[2]) Сульпицій Северъ (*Chron.* II, 47) говоритъ положительно, что соборъ осудилъ Инстанція и Сальвіана одновременно съ мірянами Элпидіемъ и Присциллiаномъ. Но его свидѣтельство опровергается разсказомъ послѣдняго объ этой стадіи дѣла. Возможно, однако, что попытка въ этомъ родѣ была сдѣлана, ибо слухъ объ осужденіи ходилъ по Испаніи (*Priscill.*, tr. II, p. 40).

виненія въ манихействѣ, то они разсчитывали опровергнуть его своими объясненіями. Императорскій квесторъ выслушалъ и сочувственно отвѣтилъ имъ, но Амвросій былъ настроенъ противъ нихъ; дѣло не ладилось. Они добрались до Рима и представили папѣ Дамасу въ свое оправданіе памятную записку, дошедшую до насъ. Дамасъ не хотѣлъ принять ихъ. Одинъ изъ нихъ, Сальвіанъ, умеръ въ Римѣ. Инстанцій и Прискилліанъ вернулись въ Миланъ, гдѣ, несмотря на сопротивленіе Амвросія, имъ удалось получить чрезъ начальника канцеляріи, Македонія, декретъ, съ которымъ они вернулись въ Испанію и вновь вступили въ управленіе своими епархіями.

Эмеритскому епископу было тогда много хлопотъ. Онъ взялъ себѣ въ сотрудники по борьбѣ противъ прискилліанистовъ оссонобскаго епископа Итація, который утверждалъ, будто получилъ отъ сарагосскаго собора порученіе слѣдить за этимъ дѣломъ. Итацій былъ однимъ изъ очень мало почтенныхъ епископовъ, человѣкомъ свѣтскимъ, тщеславнымъ, безстыднымъ, чревоугодникомъ, вполнѣ достойнымъ осужденія со стороны благочестивыхъ людей. Прискилліанъ возбудилъ противъ него проконсула Вольвенція, который готовъ былъ привлечь его къ отвѣтственности по обвиненію въ нарушеніи общественнаго спокойствія, но тотъ спасся бѣгствомъ въ Галлію. Тамъ онъ нашелъ хорошій пріемъ у префекта преторіи. Этотъ сановникъ, по имени Григорій, хотѣлъ потребовать передачи дѣла къ себѣ на судъ, но изъ Милана пришелъ новый эдиктъ, изданный, какъ и прежній, по благожелательному вмѣшательству Македонія. На этотъ разъ было рѣшено, что судъ будетъ происходить въ Испаніи; его производство было поручено викарію этого діэцеза; былъ отданъ приказъ отправить Итація за Пиринеи. Оссонобскій епископъ очутился въ весьма критическомъ положеніи; онъ скрылся.

И хорошо сдѣлалъ. Какъ разъ въ это время Максимъ объявилъ себя императоромъ на Британскомъ островѣ; вскорѣ онъ высадился въ Галліи; Граціанъ, покинутый своими войсками, былъ убитъ въ Ліонѣ (25 августа 383 г.). «Тиранъ» вступилъ въ Триръ, и его власть была признана на всемъ пространствѣ отъ океана до Альпъ.

Для прискилліанистовъ это было бѣдствіемъ. При новомъ дворѣ въ Трирѣ ихъ миланскіе друзья были безсильны [1]). Мѣстный епи-

[1]) Македоній кромѣ того впалъ въ немилость (Paulin. *Vita Ambros.*, 37); онъ не принадлежалъ къ числу друзей Амвросія.

скопъ Бриттоній помогалъ раньше Итацію; онъ и теперь оказалъ ему поддержку у новаго императора. Максиму, конечно, нужно было заслужить добрую славу, особенно у епископовъ, вліяніе которыхъ на народъ ему было извѣстно. Какими только ласкательствами онъ старался привлечь на свою сторону св. Мартина! Итацій воспользовался этимъ настроеніемъ и выставилъ ему своихъ противниковъ самыми опасными злодѣями. Вожди испанскаго движенія были вызваны на соборъ въ Бордо. Итацій выступилъ ихъ обвинителемъ; его докладъ противъ нихъ сохранялся долгое время [1]). Обвиненные дѣйствовали тѣмъ же оружіемъ: Тиберіанъ, Азарбъ и нѣкоторые другіе прочли защитительныя рѣчи; до насъ дошли рѣчи Прискилліана и Инстанція [2]). Судъ оказался неблагосклоннымъ для обвиняемыхъ: Инстанцій былъ низложенъ. Такая судьба предстояла и Прискилліану, когда ему пришла несчастная мысль потребовать надъ собой императорскаго суда [3]). Епископы преклонились передъ этимъ требованіемъ, и дѣло было перенесено въ Триръ.

Галльскіе епископы вовсе не обнаруживали въ это время ревности объ аскетической жизни; аскетизмъ прискилліанистовъ, уже скомпрометтированный распрями, возбужденными имъ въ Испаніи, имѣлъ противъ себя кромѣ болѣе или менѣе провѣренныхъ подозрѣній недовѣріе двухъ крупныхъ церковныхъ авторитетовъ на Западѣ, папы Дамаса и епископа Амвросія. На проповѣдь этого аскетизма смотрѣли, какъ на опасность; она уже произвела опустошенія въ Аквитаніи. Въ области Бордо знатная дама Евхроція и ея дочь Прокула [4]) дѣятельно покровительствовали ему. Раздавались жалобы, что въ Озѣ произошло массовое отпаденіе христіанъ въ прискилліанство. Изъ всего этого сложилось въ обществѣ мнѣніе, неспособное снискать этимъ новшествамъ благоволеніе новаго правительства.

Опираясь на своего митрополита Идація, оссонобскій епископъ взялся вновь въ Трирѣ передъ уголовнымъ судомъ за свою роль обвинителя. Теперь, чувствуя поддержку, онъ выступилъ очень рѣ-

---

[1]) Isidor. *De viris illust.*, 15. Очевидно, здѣсь почерпнулъ Сульпицій Северъ то, что онъ говоритъ о Маркѣ мемфисскомъ, выдавая его за учителя Прискилліана.

[2]) *Priscill.*, *tract.* I.

[3]) Въ дѣлѣ Прискилліана примѣшивались обвиненія въ обычныхъ уголовныхъ преступленіяхъ, неподвѣдомственныхъ духовному суду.

[4]) О послѣдней Сульпицій Северъ напрасно разсказываетъ анекдотъ, не поддающійся провѣркѣ и неправдоподобный (*Chron.*, II, 48). Евхроція была вдовою языческаго ритора Дельфидія, о которомъ говорятъ (*Prof* 6) Амміанъ (XVIII, 1) и бл. Іеронимъ (*ep.* 120).

шительно; онъ обрушивался не только на прискилліанистовъ; всякій аскетизмъ былъ ему ненавистенъ. Онъ принялся даже за св. Мартина и старался обвинить его въ ереси. Съ своей стороны Мартинъ умолялъ Итація бросить эту постыдную роль и протестовалъ передъ императоромъ противъ вмѣшательства уголовнаго суда въ вопросы вѣры. «Не проливайте крови! говорилъ онъ: достаточно церковныхъ наказаній, низложенія». Максимъ наконецъ обѣщалъ ему не доводить дѣло до крайностей. Мартинъ послѣ этого обѣщанія уѣхалъ. Освободившись отъ его присутствія, епископы вновь принялись за свое нечестивое дѣло: двумъ изъ нихъ, Магну и Руфу, удалось переубѣдить императора. Было рѣшено приступить къ слѣдствію; оно было поручено префекту преторія Еводію[1]), жестокому и строгому человѣку, которому удалось уличить Прискилліана въ волшебствѣ. Въ этомъ смыслѣ онъ сдѣлалъ докладъ императору. Максимъ призналъ обвиняемыхъ достойными смерти.

Судебный процессъ развивался по всѣмъ правиламъ. Не безъ труда удалось ссадить Итація съ его кресла обвинителя. Прискилліанъ былъ приговоренъ къ смерти и казненъ вмѣстѣ съ шестью другими лицами: діаконами Азаривомъ и Авреліемъ, затѣмъ были казнены Фелициссимъ и Арменій, только что присоединившіеся къ сектѣ, наконецъ—Латроніанъ, выдающійся поэтъ[2]), и матрона Евхроція. Епископъ Инстанцій отдѣлался ссылкой, равно какъ и риторъ Тиберіанъ[3]); ихъ отправили на Сциллійскіе *(Sylinancis)* острова.

Дѣло этимъ не кончилось. Въ Испанію была отправлена военная комиссія для розыска и упрощеннаго суда на мѣстѣ надъ сообщниками Прискилліана. Эти жестокости возмутили всѣхъ порядочныхъ людей. Наперекоръ мнѣнію большинства епископовъ, одинъ изъ нихъ, Ѳеогній, рѣшился отлучить Итація. Мартинъ опять направился въ Триръ. Епископъ Бриттоній только что умеръ; его сотоварищи собрались, чтобы поставить ему преемника. Выборъ ихъ

---

[1]) Is (Еводій) Priscillianum gemino judicio auditum convictumque maleficii nec diffitentem obscenis se studuisse doctrinis nocturnos etiam turpium feminarum egisse conventus nudumque orare solitum nocentem pronuntiavit. (Послѣ того, какъ Прискилліанъ, будучи дважды вызванъ на допросъ, сознался въ волшебствѣ и не отрекся, что занимался изученіемъ мерзкихъ доктринъ, равно какъ устраивалъ ночныя сборища срамныхъ женщинъ, и что обыкновенно молился въ обнаженномъ видѣ, Еводій произнесъ обвинительный приговоръ надъ нимъ). Sulp. Sever, *Chron.*, II, 50. Одно только волшебство было уголовнымъ преступленіемъ. Въ остальномъ надо признать, что крайнія ученія легко превращаются ихъ противниками въ *obscenae* (мерзкія), а женщины выдаются за *turpes* (срамныхъ); *nudus orare* (молиться въ обнаженномъ видѣ) могло быть формой аскетизма. Впрочемъ до всего этого свѣтскому судьѣ не было никакого дѣла.

[2]) Hieron. *De viris*, 122.

[3]) *Ib.* 123.

палъ на нѣкоего Феликса, который самъ лично былъ почтеннымъ человѣкомъ. Прибывъ въ императорскую резиденцію, Мартинъ отказался войти въ общеніе съ епископами, среди которыхъ видѣлъ запятнаннаго кровью Итація. Послѣдній старался запутать и его вмѣстѣ съ осужденными, но ему не удалось повліять въ этомъ смыслѣ на императора. Мартинъ не переставалъ протестовать противъ пролитія крови, требовать, чтобы этому былъ положенъ конецъ и чтобы трибуновъ не посылали въ Испанію. Онъ и слышать не хотѣлъ объ общеніи съ тѣми, которыхъ уже прозвали итаціанами, однако уступилъ, когда ему предложили на выборъ: или присутствовать при посвященіи Феликса, или комиссары немедленно отправятся въ Испанію. Но всю жизнь онъ сожалѣлъ о томъ, что былъ вынужденъ прервать на время свой протестъ противъ пролитія крови.

Не онъ одинъ протестовалъ. Новый папа Сирицій, кажется, тоже потребовалъ объясненій, ибо мы знаемъ, что Максимъ поспѣшно представилъ ихъ, дѣлая видъ, будто онъ отождествляетъ присциллліанистовъ съ манихеями, принадлежность къ которымъ навлекала на нихъ дѣйствіе весьма строгихъ законовъ. Впрочемъ онъ передалъ папѣ всѣ матеріалы по этому дѣлу, съ цѣлью убѣдить его, что здѣсь не было осужденія невинныхъ [1]). Несмотря на эти объясненія, папа Сирицій поступилъ, какъ св. Мартинъ, и отказался отъ общенія съ сторонниками Итація. Амвросій сталъ на ту же точку зрѣнія [2]). Это ясно обнаружилось, когда онъ прибылъ въ Триръ въ 387 г. въ качествѣ посланника Валентиніана II. Онъ явился ко двору Максима, а не въ церковь Феликса, не желая имѣть ничего общаго съ епископами, «которые требовали смерти еретиковъ».

Но Амвросій, представитель государя, противъ котораго уже шли въ Галліи военныя приготовленія, не располагалъ вліяніемъ, чтобы прекратить преслѣдованія, предписанныя изъ Трира.

Охота на присциллліанистовъ продолжалась. Возвращаясь домой, миланскій епископъ встрѣтился со старцемъ, котораго везли въ ссылку; это былъ его кордубскій сотоварищъ по епископству, Игинъ, тотъ самый, который, возбудивъ обвиненіе противъ присциллліанистовъ, кончилъ тѣмъ, что сталъ покровительствовать имъ. Тщетно Амвросій просилъ о снисхожденіи хотя бы къ его старости, убѣждалъ дать ему одежду и другія необходимѣйшія вещи. Его хода-

---

[1]) *Collect. Avell.* № 40.
[2]) Туринскій соборъ, кан. 6. Ср. Ambr. *ep.* 26.

таинство было отвергнуто. Пока царствовалъ Максимъ, т. е. до лѣта 388 года, прискилліанистовъ продолжали преслѣдовать, а всѣхъ аскетовъ вообще держать подъ подозрѣніемъ. Въ то время было небезопасно показываться съ лицомъ, истощеннымъ постомъ, или посвящать свои ночи благочестивому чтенію. Свѣтскіе по духу епископы, съ Итаціемъ во главѣ, зорко слѣдили за проявленіями набожности и подавляли ихъ. Все перемѣнилось, когда власть Валентиніана II была возстановлена (388 года). Произошла даже реакція: возбуждено было преслѣдованіе противъ Итація. Тщетно ссылался онъ на то, что не онъ одинъ обвинялъ Прискилліана; недавніе сообщники тотчасъ же покинули его и допустили его низложеніе. Идацій эмеритскій, его митрополитъ, упредилъ своихъ противниковъ и самъ подалъ въ отставку. Къ несчастью для него, онъ потомъ перемѣнилъ это намѣреніе и хотѣлъ вернуться къ своей церкви, что́ вызвало безпорядки. Правительство сослало обоихъ епископовъ въ Неаполь [1]).

Между тѣмъ друзья казненныхъ получили разрѣшеніе похоронить ихъ съ честью. Останки вождей прискилліанистовъ были перенесены въ Испанію и погребены съ величайшей пышностью при ликованіи ихъ приверженцевъ.

Въ Галліи прискилліанство сохранило себѣ приверженцевъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Аквитаніи; но самымъ важнымъ слѣдствіемъ этого движенія была рознь среди епископовъ. Феликсъ трирскій, поставленный партіей Итація, пользовался симпатіями епископовъ, враждебныхъ аскетизму. Остальные, не упрекая его лично ни въ чемъ, сторонились его, какъ зачумленнаго. Для него было бы лучше, если бы его сослали, какъ эмеритскаго и оссонобскаго епископовъ. На родинѣ партійный раздоръ сдѣлалъ его козломъ отпущенія. Въ глазахъ многихъ кровь Евхроціи и Прискилліана запятнала его епископскую мантію и не могла быть вытравлена. Сирицій и Амвросій [2]) не признавали его; въ своихъ нарочитыхъ письмахъ они предложили епископамъ выборъ,—или общеніе съ Феликсомъ или съ ними [3]).

Расколъ длился еще въ 396 г., такъ какъ преимущественно для

---

[1]) Итацій *(Ithacius Clarus)*, повидимому, написалъ, кромѣ уже упомянутаго доклада, сочиненіе объ аріанствѣ, гдѣ онъ опровергалъ аріанскаго діакона Варимада (Migne, *P. L.*, t. LXII, p. 351).

[2]) Повидимому дѣло разбиралось на Миланскомъ соборѣ, собранномъ въ 390 г. propter adventum Gallorum episcoporum (По причинѣ пріѣзда галльскихъ епископовъ) Ambr. *Ep.* 51.

[3]) Туринскій соборъ, прав. 6.

его ликвидаціи собирался въ этомъ году большой соборъ въ Нимѣ[1]), и позднѣе, въ 401 г.,—въ то время, когда кончалъ свою Хронику Сульпицій Северъ, который очень сокрушается объ этомъ расколѣ. Италійскій соборъ, засѣдавшій въ Туринѣ нѣсколько лѣтъ спустя, оставилъ въ силѣ свое осужденіе. Расколъ прекратился лишь со смертью несчастнаго Феликса.

Конечно, политика сыграла свою роль въ этомъ дѣлѣ, и партія Итацiя поплатилась за покровительство, которымъ пользовалась у Максима. Въ 389 году риторъ Пакатъ Дрепаній, представитель Галліи при Ѳеодосіи, произнесъ передъ этимъ государемъ и римскимъ сенатомъ панегирикъ, въ которомъ въ числѣ преступленій узурпатора указывалъ на казнь прискилліанистовъ, въ особенности матроны Евхроціи. Чтó имъ было поставлено въ вину? То, что они были слишкомъ благочестивы: *nimis religio et diligentius culta divinitas*. Изъ-за этого-то они подверглись преслѣдованію и притомъ со стороны доносчиковъ, которые не имѣли ничего общаго со священнымъ саномъ, кромѣ титула, которыхъ съ ужасомъ видѣли приходившими прямо изъ тюремнаго застѣнка къ церковному богослуженію[2]).

Въ Испаніи реакція противъ Максима имѣла болѣе важныя послѣдствія. Прискилліанъ сдѣлался полу-богомъ; его сторонники во всемъ ссылались только на него. Энтузіазмъ его сторонниковъ былъ сильнѣе всего въ Галисіи, гдѣ очевидно находилась его могила. Ежегодно праздновали день смерти новыхъ мучениковъ, жадно читали ихъ книги, открыто проповѣдовали ихъ ученіе. Нѣсколько епископовъ присоединились къ движенію, одни по убѣжденію, другіе вынужденно, чтобы не навлечь на себя преслѣдованія со стороны своей возбужденной паствы.

Самымъ почтеннымъ изъ нихъ былъ Симпозій въ Асторгѣ, бывшій членъ сарагосскаго собора; на его сторонѣ были Вегетинъ, Терена и другіе. Какъ только умиралъ кто-нибудь изъ епископовъ, народъ подавалъ голосъ за прискилліанскаго кандидата; Симпозій, очевидно бывшій старшимъ по возрасту или митрополитомъ этой области, содѣйствовалъ ихъ посвященію. Такимъ образомъ онъ поставилъ Патерна въ значительный городъ Бракару Августу (Брага въ сѣв. Португаліи). Изъ другихъ епископовъ имъ были рукоположены Изоній, Донатъ, Акурій, Эмилій и его соб-

---

[1]) О Нимскомъ соборѣ, кромѣ соборнаго посланія (Hefele, *Conciliengeschichte*, t. II, 62), см. у Сульпиція Севера, *Dial.* I. 13.

[2]) Pacatus, *Paneg.* 29.

ственный сынъ Диктиній; они составляли почти весь галисійскій епископатъ [1]); эта область казалась потерянной для православія.

Такой соблазнъ не могъ быть продолжительнымъ. Онъ, очевидно, привлекъ вниманіе Өеодосія, который, будучи самъ уроженцемъ Галисіи, не могъ не интересоваться тѣмъ, чтó дѣлалось на его родинѣ. Епископы другихъ областей собрались въ Сарагоссѣ [2]), затѣмъ въ Толедо и потребовали на судъ къ себѣ своихъ сотоварищей-присциллiанистовъ. Тѣ отказались. Въ промежутокъ между этими двумя соборами Симпозій и Диктиній, который получилъ еще только рукоположеніе въ пресвитеры, отправились въ Миланъ, надѣясь, что Амвросій, столь сурово отнесшійся къ итаціанамъ, окажетъ имъ хоть какую-нибудь поддержку. Они обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Амвросій потребовалъ, чтобы они отреклись отъ Присциллiана и его ученія; лишь при этомъ условіи можно было бы имѣть общеніе съ ними; а Диктиній кромѣ того долженъ отказаться отъ мысли стать епископомъ. Они обѣщали подчиниться; тогда Амвросій и папа Сириційі предложили испанскимъ епископамъ принять ихъ въ общеніе на сказанныхъ условіяхъ. Но эти условія легче было принять въ Миланѣ, чѣмъ выполнить въ Галисіи. Вернувшись домой, Симпозій попытался вычеркнуть Присциллiана изъ списка мучениковъ, а Диктиній заявилъ было, что отказывается отъ епископства. Но народъ поднялъ протестъ; дѣло опять пошло попрежнему, и скоро даже появились въ обращеніи письма Диктинія, въ которыхъ болѣе или менѣе защищались осужденныя церковью правила жизни.

Амвросій умеръ въ 397 г., а черезъ два года (399 г.) послѣдовалъ за нимъ въ могилу и папа Сириційі. Въ слѣдующемъ году православные епископы Испаніи собрались опять въ Толедо. На этотъ разъ галисійскіе епископы предстали предъ соборомъ; безъ сомнѣнія, въ дѣло вмѣшалась свѣтская власть. Положеніе было очень запутано. Среди обвиняемыхъ одни подавали признаки раскаянія, осуждали Присциллiана, его книги, его ученіе, подписывались подъ всѣми отреченіями, какія имъ только предлагали, ссылались на

---

[1]) Въ это время незамѣтно иныхъ православныхъ епископовъ, кромѣ Ортигія въ *Aquae Celaenae*. Да и его выгнали сектанты. Онъ принималъ участіе въ Толедскомъ соборѣ 400 г., гдѣ его рѣшили возстановить въ его епархіи.

[2]) Не слѣдуетъ смѣшивать этого новаго сарагосскаго собора съ прежнимъ (380 г.); его настроеніе заставило Симпозія и Диктинія прибѣгнуть къ св. Амвросію и къ папѣ. Папою былъ тогда Сириційі, а уже не Дамасъ; въ числѣ условій, поставленныхъ св. Амвросіемъ обоимъ галисійскимъ епископамъ, было — вычеркнуть Присциллiана и его сотоварищей изъ числа мучениковъ. Все это указываетъ на время позже 385 года.

то, что они погрѣшили только по невѣдѣнію, что ихъ убѣжденія оставались православными, что имъ пришлось уступить насиліямъ толпы. Другіе объявляли, что Прискилліанъ — мученикъ, жертва зависти епископовъ и что они никогда не отрекутся отъ него. Вегетинъ и Симпозій стояли во главѣ первой партіи, другая сплотилась подъ предводительствомъ Герены. Что касается православныхъ, то и они были въ сильномъ разладѣ: епископы Бетики и Карѳагенской области и слышать не хотѣли объ уступкахъ, требовали низложенія всѣхъ галисійскихъ епископовъ безъ исключенія, или настаивали по крайней мѣрѣ на полномъ разрывѣ сношеній съ ними. Лузитанцы и тарраконцы, менѣе непримиримые, все же не очень были склонны къ милосердію. Обсудивъ дѣло, начали съ низложенія упорствующихъ во главѣ съ Გереной. Изъ остальныхъ одинъ былъ допущенъ къ общенію—Вегетинъ, который казался наименѣе скомпрометтированнымъ. Епископу бракарскому Патерну позволили войти съ нимъ въ общеніе; такимъ образомъ Патернъ былъ принятъ въ общеніе съ церковью чрезъ его посредство. Прочіе,—Симпозій, Диктиній, Изоній и всѣ, кто состоялъ въ общеніи съ Симпозіемъ,—получили приглашеніе подписать извѣстную формулу, при каковомъ условіи имъ было позволено сохранить свои епархіи. Но такъ какъ не могли договориться насчетъ условій общенія съ ними, то рѣшили представить этотъ вопросъ на усмотрѣніе новаго папы, Анастасія, и новаго миланскаго епископа, Симплиціана. До ихъ рѣшенія возстановленные епископы должны были воздерживаться отъ посвященія клириковъ [1]).

Отвѣтъ обоихъ италійскихъ примасовъ не заставилъ себя ждать [2]); онъ былъ благопріятенъ для умѣренной православной партіи и для раскаявшихся епископовъ. Такимъ образомъ общеніе между ними и каѳоликами было возстановлено. Однако въ Галисіи все же оставалось гнѣздо непримиримыхъ прискилліанистовъ; они удержались тамъ, даже вопреки правительственнымъ законамъ, которые вскорѣ противъ нихъ были изданы [3]); впрочемъ, нашествіе свевовъ скоро вернуло имъ полную свободу. Долго еще было слышно о нихъ. Мало-по-малу культъ Прискилліана сосредоточился на оконечности провинціи, въ діэцезѣ Иріи Флавіи, гдѣ онъ продолжалъ существовать еще въ концѣ VI столѣтія. Какъ разъ въ этихъ мѣстахъ, въ

[1]) Памятникомъ всего этого служитъ соборъ въ Толедо въ 400 г., отъ протоколовъ котораго до насъ дошли только отрывки, попавшіе въ протоколъ другого собора въ 447 г. (Mansi, t. III, p. 1004). Ср. Хронику Идація, 399.

[2]) На него есть намекъ въ письмѣ папы Иннокентія. *Iaffe.*, 292.

[3]) *Cod. Theod.*, XVI, 5, 40, 43, 48.

послѣднемъ убѣжищѣ прискилліанства, испанцы временъ остурійскихъ королей «обрѣли» гробъ ап. Іакова, сына Заведеева и положили начало знаменитому культу этого святого.

Для православныхъ епископовъ возсоединеніе прискилліанистовъ было камнемъ преткновенія. Епископы карѳагенскіе и бетикскіе, раздраженные итальянской снисходительностью, отказались отъ всякихъ сношеній съ тѣми епископами, которые приняли въ общеніе реабилитированныхъ сектантовъ. Въ нихъ сказался духъ Григорія иллиберійскаго. Тщетно папа Иннокентій хотѣлъ [1]) своимъ порицаніемъ повліять на ригористовъ. Они не послушались его; ихъ схизма продолжалась до нашествія варваровъ (409 г.).

Такова исторія прискилліанистскаго движенія. Какія же точныя данныя можно установить относительно ученія Прискилліана? Сульпицій Северъ очень сурово отзывается о немъ, но не излагаетъ основаній своего отзыва. Онъ, повидимому, представлялъ его извѣстной формой безнравственнаго гносиса. Съ тѣхъ поръ, какъ были найдены нѣкоторыя сочиненія Прискилліана, вошло въ моду противополагать ихъ отзыву Сульпиція и представлять Прискилліана просто проповѣдникомъ аскетической жизни, которому можно поставить въ упрекъ развѣ только его приверженность къ апокрифическимъ сочиненіямъ; съ этой точки зрѣнія все его дѣло—лишь эпизодъ борьбы между пріобрѣтшими свѣтскій лоскъ епископами и аскетической партіей [2]). Я не могу согласиться съ такой реабилитаціей. У Прискилліана, правда, въ тѣхъ его сочиненіяхъ, которыя дошли до насъ, нѣтъ ни одного еретическаго тезиса. Но нужно припомнить, что это литературное наслѣдіе состоитъ изъ трехъ оправдательныхъ записокъ, составленныхъ Прискилліаномъ для представленія церковнымъ властямъ, и изъ нѣсколькихъ проповѣдей, сказанныхъ имъ авильскимъ христіанамъ въ то время, когда его ученіе стало уже вызывать подозрѣнія и почти не могло быть излагаемо публично [3]). Въ такихъ произведеніяхъ, конечно, трудно разсчитывать на открытіе явныхъ ересей. Правда, авторъ нѣсколько разъ повторяетъ, что онъ осуждаетъ всѣ ереси,—офитовъ, николаитовъ, патрипассіанъ, манихеевъ; но его анаѳемы противъ

---

[1]) *Iaffe*. 292.

[2]) Такой взглядъ проводится у M. E. Babut въ его книгѣ *Priscillien et le Priscillianisme*, 1909, въ которой этотъ вопросъ разработанъ съ особенной обстоятельностью.

[3]) Тогда уже были въ ходу такъ назыв. каноны Прискилліана (*Canones Priscilliani*), нѣчто вродѣ изложенія христіанскаго ученія въ 90 статьяхъ съ указаніемъ текстовъ изъ ап. Павла, которые ихъ обосновываютъ. Но до насъ дошло только православное переложеніе ихъ, сдѣланное еп. Перегриномъ.

нихъ всегда бьютъ мимо цѣли. Онъ видитъ, напр., въ манихействѣ лишь культъ Солнца и Луны, а патрипассіанамъ ставитъ въ упрекъ неумѣнье найти въ Евангеліи упоминаніе о Сынѣ Божіемъ. Надо быть совершеннымъ новичкомъ въ критикѣ документовъ, чтобы дать ввести себя въ заблужденіе такими анаѳемами. Амвросій, Дамасъ, Мартинъ, которыхъ никто не причислитъ къ противникамъ аскетизма, держались по отношенію къ прискилліанистамъ недовѣрчиво. Ихъ отношеніе къ испанскимъ мистикамъ является очень знаменательнымъ для нашего вопроса, хотя намъ и неясно, что́ именно они ставили имъ въ упрекъ. Конечно, имъ нелегко было получить точныя свѣдѣнія. Секта держалась въ большой скрытности; она была тайнымъ обществомъ не со времени гоненій, а съ самаго своего зарожденія. Очевидно, что на собраніяхъ, состоявшихъ изъ посвященныхъ, говорились вещи, которыя не считали нужнымъ повѣрять остальнымъ христіанамъ, даже представителямъ традиціоннаго аскетизма. Больше того: прискилліанисты допускали даже ложь для сокрытія ученія секты. До своего обращенія Диктиній написалъ трактатъ подъ заглавіемъ: *Libra*, гдѣ излагалась теорія полезной лжи[1]). Такія предосторожности принимаютъ только тѣ, кому есть что̀ скрывать.

Впрочемъ несомнѣнно, что посвященные прискилліанисты, какъ и «пневматики» у валентиніанъ или «избранные» у манихеевъ, составляли, по представленію сектантовъ, высшую сравнительно съ прочими христіанами группу. Они одни только обладали полнымъ знаніемъ ученія и вели совершенную жизнь, которая осуществлялась въ аскетизмѣ, обоснованномъ на дуалистическомъ принципѣ. Въ человѣкѣ есть элементъ божественный, въ точномъ смыслѣ этого слова; благодаря этому элементу, Богъ и человѣкъ—одной и той же природы[2]). Міръ—произведеніе другого начала. Какъ бы Прискилліанъ ни осуждалъ патрипассіанъ, но ученіе о *Filius innascibilis* (*Нерожденномъ Сынѣ*), признанное его учениками[3]), пред-

---

[1]) Бл. Августинъ говоритъ подробно о немъ въ своей книгѣ *Contra mendacium.*

[2]) На соборѣ 400 г. Диктиній прямо признался, что раздѣлялъ это ученіе.

[3]) На томъ же соборѣ Симпозій отвергъ ученіе о двухъ началахъ и ученіе о Нерожденномъ Сынѣ, но призналъ, что такія воззрѣнія вообще были приняты въ сектѣ. Не имѣется строгаго основанія полагать, что всѣ доктринальныя осужденія, провозглашенныя на Толедскомъ соборѣ, вытекаютъ изъ осужденія лишь этой именно одной формулы: *Filius innascibilis.* Выраженія: *doctrina,—secta Priscilliani, novae scienciae, quas Priscillianus composuerat* (*новыя ученія, составленныя Прискилліаномъ*), очевидно, имѣютъ отношеніе къ другимъ догматическимъ пунктамъ. Нѣкоторыя черты подвергшейся осужденію доктрины выступаютъ во фрагментахъ (дѣяній) самого собора, фрагментахъ очень непол-

полагаетъ лишь номинальную Троицу; впрочемъ, и сочиненія самого Прискилліана даютъ основаніе утверждать, что его ученіе о Троицѣ находится подъ вліяніемъ крайнихъ воззрѣній древнихъ модалистовъ.

Первые писатели, характеризовавшіе прискилліанство, не безъ основанія изображали его аскетическимъ ученіемъ, проникнутымъ гностическими идеями. Такъ говоритъ о немъ Филастрій Брешіанскій [1]) вскорѣ послѣ событій въ Трирѣ. Бл. Іеронимъ въ 392 г. еще не изучалъ вопроса самъ [2]), но зналъ только, что послѣ Прискилліана осталось нѣсколько сочиненій; что одни представляли его гностикомъ, а другіе защищали его отъ этого ошибочнаго обвиненія [3]). Тогда еще очень мало знали о соборахъ въ Бордо и Сарагоссѣ, на которыхъ должно было обсуждаться богословское ученіе прискилліанистовъ. Сектанты же продолжали хранить свои книги въ тайнѣ.

Это имъ не вполнѣ удалось. Орозій и бл. Августинъ [4]) познакомились съ ними; приводимыя ими выдержки и свѣдѣнія, какія они оттуда извлекаютъ, совершенно подтверждаютъ гностическій характеръ ихъ аскетизма. Понемногу мнѣніе объ этой сектѣ установилось. Прямое изученіе ея подтвердило тотъ ея характеръ, какой усвояютъ ей протоколы толедскаго собора и отреченія нѣсколькихъ вождей прискилліанства. Напрасна была бы оговорка, что эта секта послѣ смерти своего основателя имѣла развитіе въ доктринальномъ отношеніи. Епископы Симпозій и Диктиній, отрекшіеся въ 400 году, не были новичками въ ней; нѣтъ никакихъ доказа-

---

ныхъ. Но напрасно также утверждать, что формула: *Filius innascibilis* не могла подлежать осужденію, такъ какъ терминъ: *innascibilis* въ одной изъ гомилій Прискилліана (tr. VI, p. 74, 6. 13. ed Schepss) имѣетъ православный смыслъ. Нѣтъ необходимости полагать, что терминъ *Filius innascibilis* (а не просто *innascibilis*) былъ найденъ (отцами собора) именно въ цитованномъ трактатѣ Прискилліана, а не въ другомъ, не дошедшемъ до насъ. Т. Morin (*Revue bénédictine,* 1909, p. 255 - 280) въ описаніи одного Лаонскаго манускрипта отмѣтилъ трактатъ о Троицѣ, проникнутый несомнѣнно савелліанскимъ духомъ и вышедшій изъ подъ пера прискилліаниста, если только не самого Прискилліана.

[1]) *Haer.*, 84.

[2]) *De viris.*, 121.

[3]) Нѣсколькими годами позднѣе (около 399 г.) въ письмѣ къ одной высокопоставленной испанкѣ онъ явно высказывается противъ Прискилліана, но онъ, повидимому, не очень глубоко изучилъ его ученіе. Что́ онъ говорилъ о немъ, взято имъ исключительно изъ записки Итація; онъ дѣлаетъ странный промахъ, отождествляя Марка мемфисскаго, о которомъ говорилъ Итацій, съ Маркомъ-гностикомъ, современникомъ св. Иринея. Hieron. *Ep.* LXXV, 5; ср. *Adv. Vigilantium*, 7 и *in Esaiam* LXIV, 5.

[4]) См. *Commonitorium* Орозія и отвѣтъ бл. Августина, *P. L.* t. XLXI, p. 665 и слѣд.

тельствъ того, что ихъ присцилліанство въ чемъ бы то ни было отличалось отъ взглядовъ самого Присцилліана.

Въ общемъ, какъ бы ни были ужасны казни въ Трирѣ, какое бы осужденіе ни вызвали онѣ въ церкви, послѣдняя не имѣла возможности признать религіозное міровоззрѣніе этихъ жертвъ соотвѣтствующимъ ея преданію.

Амвросій миланскій былъ для всего Запада чѣмъ-то вродѣ оракула; съ нимъ считались даже на Востокѣ. Это былъ дѣйствительно «первосвященникъ» въ библейскомъ смыслѣ, «*gran prete*» поэтовъ. Римлянинъ по происхожденію, традиціямъ и воспитанію, онъ былъ призванъ управлять людьми. Онъ безстрашно управлялъ церковью, какъ въ случаѣ нужды управлялъ бы государствомъ. Будучи епископомъ въ столицѣ латинской половины имперіи, онъ могъ постоянно оказывать непосредственное вліяніе на государя. Все шло гладко въ этомъ отношеніи, пока былъ живъ Граціанъ. Мягкій государь былъ его послушнымъ сыномъ. Война, охота, государственныя дѣла не мѣшали ему интересоваться всѣмъ, что касалось вѣры. Онъ осаждалъ Амвросія вопросами, и епископъ, тоже обремененный заботами, не имѣющими отношенія къ чистому умозрѣнію, долженъ былъ находить время писать для своего августѣйшаго ученика цѣлые богословскіе трактаты [1].

Страшный ударъ поразилъ его, когда онъ узналъ, что Граціанъ, покинутый своимъ галльскимъ войскомъ, былъ предательски умерщвленъ. Къ скорби о молодомъ и благорасположенномъ государѣ присоединились основательныя опасенія за судьбу какъ имперіи, такъ и православной вѣры. Теперь Амвросію приходилось имѣть дѣло съ Валентиніаномъ II или, скорѣе, съ его матерью Юстиной, другомъ и покровительницей аріанъ. Однако у нея на первыхъ порахъ были заботы поважнѣе риминійскаго символа. Она явилась къ Амвросію со своимъ 12-лѣтнимъ сыномъ и передала его ему на руки. Епископъ согласился на путешествіе за Альпы, чтобы вступить въ переговоры съ Максимомъ и спасти то, что еще можно было спасти. Въ это время Максимъ держался еще очень гордо; переговоры были довольно бурны. Однако дѣло уладилось; уполномоченные Валентиніана II согласились признать узурпатора, а тотъ обѣщалъ не переходить за альпійскій хребетъ.

Вернувшись въ Миланъ, Амвросій сперва былъ въ большомъ по-

---

[1] Сочиненія *De Fide, De Spiritu Sancto, De incarnationis dominicae sacramento.*

четѣ при дворѣ. Его энергично поддержали въ его борьбѣ съ Симмахомъ (384 г.), по поводу дѣла объ алтарѣ богини Побѣды. Но уже на слѣдующій годъ (385) вновь всплылъ аріанскій вопросъ, и отношенія между нимъ и дворомъ испортились. Со временъ Авксентія въ Миланѣ оставалось нѣсколько человѣкъ, державшихся риминійскаго исповѣданія, даже среди духовенства, хотя новый епископъ мудро поступилъ, принявъ къ себѣ весь составъ клира своего предшественника.

Претендентъ на римскую каѳедру, Урсинъ, прибѣгъ къ помощи этихъ людей, чтобы сдѣлать вылазку противъ Амвросія [1]); одинъ паннонскій епископъ, находившійся не у дѣлъ, Юліанъ Валентъ, интриговалъ въ тѣхъ же аріанскихъ кругахъ какъ въ Миланѣ, такъ и сосѣднихъ городахъ: онъ былъ возведенъ въ епископы въ Петто (*Poetovio*) аріанской партіей въ противовѣсъ каѳолическому епископу того же города, Марку. Когда на верхнемъ теченіи Дравы появились готы, Валентъ принялъ ихъ сторону и помогъ имъ овладѣть своимъ епархіальнымъ городомъ. Онъ сдѣлался наполовину готомъ и носилъ по обычаю варваровъ ожерелье и браслеты. Городъ былъ разграбленъ, но жители Петто попрежнему отказывались принять Валента, который вынужденъ былъ удалиться изъ родного города [2]). Съ готами былъ заключенъ миръ (382); многіе изъ нихъ получили доступъ ко двору, армія все болѣе и болѣе пополнялась варварами; ихъ вожди достигали самыхъ высокихъ степеней. Всѣ они образовали около императрицы аріанскій кружокъ, доставлявшій не мало безпокойствъ Амвросію. Этотъ кружокъ сталъ внушать ему еще болѣе опасеній, когда обстоятельства дали ему духовнаго руководителя въ лицѣ второго Авксентія. Этотъ послѣдній, по моему мнѣнію,—не кто иной, какъ аріанскій епископъ Авксентій изъ Доростора на нижнемъ Дунаѣ [3]). Онъ былъ ученикомъ Ульфилы и даже составилъ жизнеописаніе этого знаменитаго дѣятеля. Если онъ оказался при миланскомъ дворѣ, то очевидно потому, что рѣшительная политика Ѳеодосія не позволяла завѣдомо аріанскому епископу оставаться на своей должности въ восточной половинѣ имперіи [4]). Авксентій хотѣлъ имѣть свою церковь; дворъ

---

[1]) Ambros. *Ep.*, 11, см. выше, стр. 315.

[2]) Ambros. *Ep.*, 12. Это и предыдущее письма написаны отъ имени Аквилейскаго собора (381 г.).

[3]) См. ниже, гл. XVII.

[4]) Мнѣ неизвѣстно, чтобы кто-либо ранѣе отождествилъ Авксентія доросторскаго съ Авксентіемъ миланскимъ, современникомъ Амвросія. Этотъ послѣдній (*Sermo contra Aux.* 22) говоритъ, что тотъ прибылъ изъ Скиѳіи, гдѣ онъ звался

потребовалъ у Амвросія Порціанскую базилику (св. Виктора *ad corpus*), находившуюся за городскими стѣнами. Амвросій отказалъ. Дворъ настаивалъ; одно время поднимался даже вопросъ о томъ, чтобы отнять у него новую базилику, то есть одно изъ зданій его каѳедральной церкви [1]).

Приближался праздникъ пасхи (385 г.). Императоръ отдалъ приказъ отобрать Порціанскую базилику, но затѣмъ, въ виду возбужденія народа и епископа, отказался отъ этого намѣренія [2]). Такая неудача страшно раздражила дворъ. Авксентій воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы добиться изданія закона, разрѣшающаго собранія христіанамъ риминійскаго исповѣданія; противники, т. е. каѳолики, подвергались въ этомъ законѣ жестокому порицанію [3]). Въ дѣло, напротивъ, вмѣшался Максимъ, тотъ самый Максимъ, который захватилъ Галлію и былъ виновникомъ умерщвленія Граціана. Миланскій дворъ получилъ отъ него очень настоятельное посланіе, въ которомъ онъ выступалъ на защиту угнетенныхъ каѳоликовъ [4]). Такое вмѣшательство могло лишь обострить раздоръ. Когда вновь наступила пасха (386 г.), отъ Амвросія опять потребовали, чтобы онъ освободилъ базилику; затѣмъ ему оффиціально было приказано удалиться изъ Милана. Онъ отказался покинуть свою паству, которая впрочемъ и не думала его отпускать, а сторожила его день и ночь въ церкви. Онъ также отказался отъ состязанія съ Авксентіемъ [5]). Пришлось оставить его въ покоѣ. Впрочемъ, казалось, само небо пришло къ нему на помощь. 17-го іюня 386 г. онъ открылъ останки двухъ миланскихъ мучениковъ, Гервасія и Протасія; какъ только ихъ извлекли изъ земли, они стали творить столь поразительныя чудеса, что не только городъ Миланъ, но весь христіанскій міръ наполнился разсказами о нихъ [6]). Амвросій обладалъ чрезвычайнымъ даромъ въ этомъ отношеніи. До него въ Миланѣ были извѣстны три мученика—Викторъ, Наборъ и

Меркуриномъ. Доросторъ былъ еще въ нижней Мизіи, но не на самой границѣ между нею и Скиѳіей.

[1]) Въ это время въ Миланѣ было двѣ каѳедральныя базилики: старая церковь, стоявшая до XVI ст. подъ именемъ храма св. Ѳеклы и разобранная въ 1548 году ради увеличенія соборной площади; другая во времена Амвросія была совсѣмъ новая; на ея мѣстѣ воздвигнутъ нынѣшній соборъ.

[2]) Все это разсказано съ большими подробностями въ письмѣ Амвросія къ своей сестрѣ Марцеллинѣ (*Ep.*, 20).

[3]) *Cod. Theod.*, XVI, 1, 3.

[4]) *Coll. Avell.*, 39.

[5]) *Ep.* 21; *Sermo contra Auxentium.*

[6]) *Ep.* 22.

Феликсъ; послѣ Гервасія и Протасія онъ открылъ въ Болоньѣ въ 393 году могилы св. Виталія и Агриколы, а въ 395 г. опять въ Миланѣ св. Назарія и Цельза [1]).

Тѣмъ временемъ Максимъ, не безкорыстный покровитель италійскихъ каѳоликовъ, причинялъ все болѣе и болѣе безпокойства миланскому двору. Весной 387 года [2]) Амвросій, примирившійся съ Валентиніаномъ и его матерью, вновь отправился въ Галлію съ оффиціальнымъ порученіемъ просить выдачи останковъ Граціана, но очевидно съ намѣреніемъ уладить отношенія съ Максимомъ, если это было еще возможно. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Максимъ былъ уже въ Италіи; Валентиніанъ, Юстина и весь дворъ бѣжали моремъ и нашли убѣжище въ Ѳессалоникѣ.

Ѳеодосій принялъ ихъ и счелъ своимъ долгомъ возстановить тронъ своего юнаго соправителя. Это ему удалось уже слѣдующимъ лѣтомъ: разбитый на Савѣ и на Дравѣ Максимъ искалъ убѣжища въ Аквилеѣ; войска восточнаго императора настигли его тамъ и взяли въ плѣнъ. Его тотчасъ казнили (28 іюля 388 г.), и Валентиніанъ II былъ признанъ императоромъ на всемъ Западѣ. Около этого времени, лишившись матери, бывшей послѣднею надеждою аріанской партіи, онъ перешелъ подъ нравственную опеку Ѳеодосія и подъ религіозное вліяніе Амвросія.

Ѳеодосій прожилъ на Западѣ около трехъ лѣтъ. Онъ былъ тогда въ частомъ общеніи съ Амвросіемъ. Взаимное уваженіе не исключало иногда столкновеній между ними. Населеніе Каллиники на Евфратѣ ограбило синагогу, кажется, по наущенію своего епископа [3]). Въ той же странѣ при встрѣчѣ процессіи монаховъ съ кучкой валентиніанъ произошла свалка, послѣ которой монахи, одолѣвъ еретиковъ, бросились на ихъ храмъ и обратили его въ пепелъ. Ѳеодосій распорядился строго наказать виновныхъ и въ частности хотѣлъ, чтобы каллиникскій епископъ выстроилъ заново синагогу на свой счетъ. Амвросій вмѣшался въ дѣло и добился прекращенія всякаго слѣдствія. Въ этомъ случаѣ Ѳеодосій уступилъ ему, но выразилъ неудовольствіе и жалобу на монаховъ [4]). Амвросій

---

[1]) Paulin. *Vita Ambrosii*, 14, 29, 32. Ambros. *Exort. virgin.*, 1. О миланскихъ святыхъ см. труды. P. F. Savio—*Ambrosiana*, 1897 (Назарій и Цельзъ); *Nuovo bull. di archeol. crist.* 1898, 153 (Гервасій и Протасій). *Rivista di scienze storiche.* Павія, 1906 г. (Викторъ, Наборъ и Феликсъ).

[2]) Послѣ Пасхи, которая пришлась въ тотъ годъ на 25 апрѣля; тогда-то и крестился въ Миланѣ у Амвросія Августинъ.

[3]) Объ этой исторіи см. письма 40 и 41 св. Амвросія.

[4]) *Ep.* 41., § 27.

ссылался, что евреи и язычники и не такія еще дѣла продѣлывали при Юліанѣ безъ всякихъ непріятностей для себя. Надо признаться, что это былъ слабый аргументъ.

Напротивъ, правда была на его сторонѣ, когда онъ протестовалъ противъ избіенія ѳессалоникскаго населенія, виновнаго въ мятежѣ, и наложилъ на императора епитимію [1]). Ѳеодосій повиновался; онъ, впрочемъ, самъ же первый пожалѣлъ о своей вспыльчивости и оплакивалъ ея ужасныя послѣдствія. Передъ возвращеніемъ Ѳеодосія на Востокъ (391 г.) Амвросій настоялъ передъ нимъ, чтобы окончательно былъ рѣшенъ антіохійскій вопросъ, который не переставалъ интересовать его. Результатомъ его хлопотъ было созваніе большого собора въ Капуѣ въ 391 году. Папа Сирицій вѣроятно имѣлъ на немъ своего представителя, а епископъ миланскій былъ душою собора, но мы имѣемъ мало свѣдѣній объ этомъ соборѣ какъ относительно главнаго предмета его занятій, такъ и о нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣлахъ, о которыхъ рѣчь впереди.

На слѣдующій годъ юный императоръ Валентиніанъ II былъ убитъ въ Галліи, а его мѣсто захвачено новымъ узурпаторомъ, Евгеніемъ, подъ властью котораго намѣчалась новая языческая реакція, по крайней мѣрѣ въ Римѣ [2]). Тогда Ѳеодосій вновь явился сюда (394 года). Удрученный смертью Валентиніана, Амвросій держался на сторожѣ по отношенію къ новому правительству. Онъ недолго имѣлъ удовольствіе находиться въ личномъ общеніи съ Ѳеодосіемъ, ибо этотъ государь скончался 17-го января 395 года. Его останки были перенесены изъ Милана въ Константинополь.

Великій іерархъ скоро послѣдовалъ за нимъ, 4 апрѣля 397 года, наканунѣ пасхи. За десять лѣтъ передъ тѣмъ въ ту же торжественную пасхальную службу онъ крестилъ Августина. Въ моментъ смерти Амвросія, крещеный имъ Августинъ былъ уже епископомъ иппонскимъ: одинъ свѣточъ угасъ, на смѣну ему явился другой. Впрочемъ Амвросій не исчезъ безслѣдно. Кромѣ свѣтлой памяти, онъ оставилъ послѣ себя много сочиненій, соотвѣтствующихъ его сану: проповѣдей на библейскія темы, обращенныхъ

---

[1]) *Ep.* 51. Это событіе было изложено въ драматическомъ тонѣ Созоменомъ (VII, 25) и въ особенности Ѳеодоритомъ (V, 17). Эти авторы добавляютъ, по Руфину (II, 18), что Ѳеодосій подъ вліяніемъ этого происшествія предписалъ особымъ закономъ, чтобы исполненіе императорскихъ приговоровъ всегда отсрочивалось на мѣсяцъ, если они влекли суровыя наказанія *(vindicari severius)*. Это—законъ IX, 40, 13 *Cod. Theod.*, невѣрно датированный здѣсь, какъ это видно изъ замѣчаній Моммзена по поводу другого закона VII, 18, 8.

[2]) См. далѣе, гл. XVII.

при ихъ опубликованіи въ экзегетическіе трактаты; надгробныхъ словъ; гимновъ и литургическихъ комментаріевъ; богословскихъ разсужденій—противъ аріанства, о божествѣ Св. Духа, о воплощеніи; нравственныхъ поученій,—объ обязанностяхъ клириковъ, объ обѣтѣ дѣвства; писемъ по вопросамъ, которые ежедневно ставились ему его пастырскимъ опытомъ. Все это писалось спѣшно, посреди заботъ сложной должности; Амвросій не колебался пользоваться трудами предшественниковъ. Онъ очень хорошо зналъ греческій языкъ и широко черпалъ у Оригена, Дидима и Василія. Въ своемъ сочиненіи «объ обязанностяхъ» онъ старался слѣдовать Цицерону. Онъ вовсе не заботился о литературной обработкѣ своихъ сочиненій. Въ своихъ книгахъ онъ преслѣдовалъ лишь практическую пользу, совсѣмъ не думая о блескѣ, какой онѣ могли доставить его имени. Будь онѣ болѣе или менѣе оригинальны, это ему было неважно, лишь бы онѣ служили той цѣли, ради которой онъ выпускалъ ихъ въ свѣтъ. Кто поставитъ такому человѣку въ упрекъ, что онъ берегъ свое время для практической дѣятельности?

Нѣсколько стушевываясь передъ внушительнымъ миланскимъ епископомъ, папа Сирицій достойно правилъ апостольской церковью. Какъ большинство папъ того далекаго времени, онъ, повидимому, былъ личностью посредственной и преимущественно практическаго склада. Въ Римѣ было въ обычаѣ избирать епископа изъ среды мѣстнаго духовенства; папа долженъ былъ пройти уже проторенную дорогу. Избраніе, подобное тому, какое выдвинуло Амвросія, было невозможно въ Римѣ. При этой системѣ церковь лишалась возможности имѣть выдающихся вождей, но была почти полная увѣренность, что вожди ея всегда будутъ людьми разсудительными и опытными. Расколъ Урсина кончился. Собравшіеся для избранія преемника Дамасу римскіе христіане высказались противъ притязаній Урсина [1]. Римская церковь при Сириціи жила почти въ полномъ мирѣ, все болѣе и болѣе пополнялсь на счетъ язычниковъ, умножая и расширяя свои храмы. Тогда-то была перестроена и увеличена до нынѣшнихъ размѣровъ базилика апост. Павла [2]. Что касается внутреннихъ распрей, то въ это время слышно только о спорахъ между монахами и ихъ противниками. Сирицій, сторонникъ прежде всего порядка, поддерживалъ общіе

---

[1] Письмо Валентиніана II къ префекту Пиніану (*Coll. Avell.*, 4) отъ 24 февраля 385 года.

[2] Письмо Валентиніана II къ префекту Саллюстію (*Coll. Avell.*, 3).

принципы христіанскаго аскетизма, но сурово относился къ смутьянамъ. Іеронимъ съ первыхъ же дней первосвященства Сиринія почувствовалъ, что воздухъ Рима становится ему вреденъ. Но не одинъ Іеронимъ внушалъ безпокойство. Онъ по крайней мѣрѣ былъ честнымъ человѣкомъ; его аскетизмъ не былъ притворнымъ, жизнь его была чиста и наполнена добрыми дѣлами. Но легко себѣ представить, какія эксцентричности и даже безпорядки должна была предотвращать духовная власть въ тѣ времена, когда въ Римѣ еще не было ни одного монастыря, когда монахи были предоставлены самимъ себѣ и шатались цѣлый день по улицамъ. Были такіе, якобы «воздержники», которые соперничали съ самыми льстивыми клириками въ ухаживаніяхъ за знатными дамами и въ умѣніи пріобрѣтать наслѣдства по завѣщаніямъ [1]). Пришлось пресѣкать эти злоупотребленія особымъ закономъ [2]), выставленнымъ во всѣхъ церквахъ Рима; и этотъ суровый законъ, запрещавшій составлять завѣщанія въ пользу христіанскихъ пресвитеровъ и монаховъ, тогда какъ языческіе жрецы не были ограничены въ правѣ наслѣдованія, былъ признанъ справедливымъ и необходимымъ самими духовными властями того времени.

Однако эти злоупотребленія не влекли за собой пренебрежительнаго взгляда на монашество. Наоборотъ. Никогда еще епископы, очевидно находившіе опору въ общественномъ мнѣніи, не старались такъ усердно возвысить его значеніе. Постоянно повторяли, что при прочихъ равныхъ условіяхъ дѣвственная жизнь выше брака, составляетъ болѣе высокое состояніе, достойнѣе награды въ будущемъ вѣкѣ. Я сказалъ: „при прочихъ равныхъ условіяхъ", ибо никто не думалъ ставить дурного монаха или легкомысленную дѣвственницу выше вѣрнаго своему долгу отца или матери семейства. Но за этой оговоркой не было похвалы, которую бы не расточали цѣломудренной и воздержной жизни; и какъ это было неизбѣжно, увлеченіе аскетизмомъ иногда переходило должныя границы. Отсюда у иныхъ проистекало стремленіе бороться противъ него, и они тоже иногда въ своихъ выступленіяхъ не знали мѣры.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь (ок. 390 г.), это стремленіе въ Римѣ нашло себѣ выразителя въ нѣкоемъ Іовиніанѣ [3]).

---

[1]) Я полагаю, что съ этимъ связано составленіе нѣкоторыхъ богослужебныхъ молитвъ, вошедшихъ позднѣе въ сборникъ, названный «Сакраментаріемъ Льва». См. мое изслѣдованіе «*Origines du culte chreitien*» 3 *ed.*, p. 142.

[2]) *Cod. Theod.*, XVI, 2, 20. Ср. Ambr. *Ep.* XVIII, 14; Hieron., *Ep.* LII, 6.

[3]) Объ Іовиніанѣ см. у Haller'a *Iovinianus* въ *Texte und. Unters.*, t. XVII (1897).

Будучи долгое время монахомъ, нечесаннымъ и грязно одѣтымъ, изнуряя себѣ постомъ и бичеваніями, онъ пришелъ къ убѣжденію въ тщетности этихъ упражненій и вернулся къ обычному образу жизни, хотя въ бракъ все-таки не вступилъ. Если бы онъ на томъ остановился, противъ него ничего нельзя было бы сказать; но онъ скоро перешелъ отъ практики къ теоріи и занялся пропагандой. По ученію Іовиніана и его послѣдователей, которое они проповѣдовали всѣмъ встрѣчнымъ, не было никакой нравственной разницы между жизнью воздержниковъ и женатыхъ; безбрачіе и иныя аскетическія упражненія одинаково безполезны; на томъ свѣтѣ за нихъ не будетъ никакой особой награды; все это, какъ они утверждали,—явствовало изъ библейскихъ повѣствованій о патріархахъ, пророкахъ и о самихъ апостолахъ; что касается до Дѣвы Маріи, то она перестала быть дѣвою послѣ рожденія своего Сына [1]; послѣ Него у нея были другія дѣти. Все это было довольно послѣдовательно, разъ былъ принятъ исходный тезисъ. У Іовиніана было и другое ученіе, согласно которому истинные христіане не могутъ грѣшить; тѣ, кто грѣшатъ, не были подлинно крещены; они только внѣшнимъ образомъ восприняли обрядъ крещенія, не испытавъ его внутренняго дѣйствія [2].

Эти мысли распространялись Іовиніаномъ въ устныхъ словопреніяхъ и бесѣдахъ, наконецъ онѣ были, къ несчастью для Іовиніана, изложены имъ въ книгѣ, ибо его противники получили тогда твердую почву для нападокъ на него. Среди самыхъ дѣятельныхъ противниковъ его были друзья Іеронима, особенно сенаторъ Паммахій, человѣкъ очень благочестивый, отрекшійся отъ міра и посвятившій себя добрымъ дѣламъ. Они написали папѣ Сирицію доносъ на Іовиніана. Сирицій собралъ свой клиръ, и, когда доказано было, что новое ученіе непримиримо съ «христіанскимъ закономъ», Іовиніанъ и восемь его приверженцевъ были отлучены отъ церкви, какъ распространители ереси. Объ этомъ опредѣленіи было тотчасъ дано увѣдомленіе въ Миланъ чрезъ посредство трехъ римскихъ пресвитеровъ, которымъ Сирицій поручилъ отвезти нѣчто вродѣ окружнаго посланія [3]. Іовиніанъ былъ уже тамъ, надѣясь, безъ сомнѣнія, уладить свое дѣло при помощи двора. Онъ ошибся. Амвросія не при-

---

[1] Іовиніанъ не отрицалъ дѣвственнаго зачатія Христа.

[2] Благодаря этому ученію Іовиніанъ (или скорѣе память о немъ) впослѣдствіи имѣлъ нѣкоторое значеніе въ спорѣ пелагіанъ съ ихъ противниками, которые упрекали другъ друга въ приверженности къ нему.

[3] *Iaffe*. 260.

ходилось возбуждать къ борьбѣ противъ враговъ дѣвственности. Онъ созвалъ въ Миланѣ нѣсколькихъ епископовъ и вынесъ дополнительное осужденіе Іовиніану [1]). Предупрежденный легатами папы, императоръ не принялъ еретиковъ; ихъ даже выгнали изъ Милана [2]). Немного позднѣе, въ 396 г., два монаха изъ Верчелля, нарушивъ свой обѣтъ, стали тоже проповѣдовать противъ аскетизма. Амвросій написалъ посланіе къ верчелльской церкви въ самыхъ суровыхъ выраженіяхъ, называя новаторовъ эпикурейцами [3]). Августину также пришлось писать противъ ученія Іовиніана [4]).

Но эти полемическія выступленія противъ Іовиніана относятся къ нѣсколько позднѣйшему времени. Въ данный же моментъ Паммахій, который не успокоился послѣ римскаго и миланскаго приговоровъ, задумалъ прибѣгнуть къ Іерониму. Объ этомъ послѣднемъ не было ничего слышно ужъ нѣсколько лѣтъ. Погрузившись въ Виѳлеемѣ въ свои библейскія изысканія, онъ, казалось, навсегда отрекся отъ италійскаго Вавилона. Если онъ и поддерживалъ еще съ нимъ письменныя сношенія, то только за тѣмъ, чтобы звать своихъ друзей въ свою палестинскую колонію, которую онъ основалъ съ Павлой и Евстохіей, и чтобы выхвалять благодатныя мѣста святой земли. Однако, воспоминанія о Римѣ не покинули его. Ни ап. Павелъ, ни пророки, которыхъ онъ усердно изъяснялъ, ни Оригенъ, съ увлеченіемъ переводимый имъ, не могли заставить его забыть Цицерона, и какъ бы громко ни восхвалялъ онъ прелести св. земли или добродѣтели палестинскихъ отшельниковъ [5]), Римъ все еще жилъ въ глубинѣ его души. Паммахій переслалъ ему книгу Іовиніана.

Какая благодарная тема представилась ему! Защищать дѣвственность, вообще аскетизмъ въ его цѣломъ, и это—передъ римскими читателями, да еще отъ противника, который самъ не умѣлъ писать! [6]) Іеронимъ далъ волю своему краснорѣчію. Въ нѣсколько

---

[1]) Письмо 42, обращенное къ папѣ Сирицію. Миланскій соборъ пошелъ нѣсколько дальше, приравнявъ ученіе Іовиніана къ манихейству. Насколько намъ извѣстно, между ними не было ничего общаго.

[2]) Въ одномъ изъ законовъ кодекса Ѳеодосія (XVI, 5, 53) Іовиніанъ представленъ виновникомъ сборищъ въ окрестностяхъ Рима. Тамъ предписывается выслать его и его приверженцевъ на разные острова. Законъ датированъ 412 годомъ; имя префекта, къ которому онъ обращенъ, скорѣе относитъ его къ 398 году. Впрочемъ, имя еретика въ рукописяхъ кодекса *Iovianus*, а не *Iovinianus*. Въ общемъ сомнительно, чтобы здѣсь шла рѣчь о нашемъ Іовиніанѣ.

[3]) *Ep.* 83, ок. 396 г.

[4]) Это составляетъ предметъ его сочиненія *De bono coniugali*.

[5]) Его жизнеописанія Малха и Иларіона относятся къ тому же времени.

[6]) Онъ въ своемъ опроверженіи приводитъ выдержки изъ него; эти выдержки

недѣль онъ уже составилъ свои двѣ книги противъ Іовиніана, и скоро молва о нихъ разнеслась по Риму. Къ несчастью, онъ перешелъ границы, и общественное мнѣніе обрушилось не на Іовиніана, уже подвергшагося оффиціальному осужденію, а на неосторожнаго возражателя, который подъ предлогомъ защиты аскетизма ставилъ женатыхъ людей въ самое непріятное положеніе. Паммахій раскаялся, что обратился за помощью къ такому сотруднику: онъ сдѣлалъ, что могъ, чтобы изъять изъ обращенія несчастную филиппику. Пресвитеръ Домніонъ, также другъ Іеронима, съ своей стороны очистилъ ее отъ наиболѣе рѣзкихъ мѣстъ, и оба они увѣдомили отшельника объ этомъ исправленіи. Іеронимъ сталъ защищаться. Онъ сперва скромно замѣтилъ своимъ друзьямъ, что его книги не изъ числа тѣхъ, которыя можно по произволу подвергать изъятію или исправленію: читатели такъ жадно хватались за нихъ, что онѣ становились общимъ достояніемъ, какъ только выходили изъ-подъ его пера. Что касается сдѣланныхъ ему возраженій, то онъ, конечно, нашелъ ихъ лишенными здраваго смысла.

Ветхій человѣкъ былъ еще живъ въ Іеронимѣ. Къ началу полемики съ Іовиніаномъ относится появленіе въ свѣтъ сочиненія Іеронима «О знаменитыхъ мужахъ», гдѣ его литературныя оцѣнки очень сильно отражаютъ его личныя симпатіи и антипатіи. Такъ, объ Амвросіи онъ довольствуется однимъ упоминаніемъ, не говоря ни слова объ его сочиненіяхъ «изъ опасенія, чтобы его не обвинили въ лести или чтобы не заподозрили его правдивости». Лести бояться было нечего, ибо, за исключеніемъ нѣсколькихъ общихъ упоминаній, онъ говорилъ объ Амвросіи только за тѣмъ, чтобы его бранить. Самъ широко черпая у Оригена и Евсевія, онъ упрекалъ Амвросія за заимствованія у греческихъ авторовъ; онъ даже постарался перевести книгу Дидима о Св. Духѣ, чтобы латинскіе читатели могли судить, что заимствовала по этому вопросу у александрійскаго ученаго безобразная сорока *(informis cornicula)*, т. е. св. Амвросій. По такому же благожелательному побужденію онъ перевелъ по-латыни гомиліи Оригена на Евангеліе отъ Луки. Въ своей Хроникѣ онъ непріязненно отнесся къ Кириллу іерусалимскому и св. Василію, назвавъ перваго аріаниномъ и утверждая, что всѣ достоинства кесарійскаго епископа сводятся къ нулю изъ-за его гордости. Относительно Іоанна Златоуста онъ знаетъ только

дѣйствительно создаютъ представленіе объ авторѣ, какъ о писателѣ, мало заботившемся объ отдѣлкѣ своего слога.

одинъ небольшой трактатъ его о Священствѣ, хотя, когда Іеронимъ писалъ свое *De viris*, краснорѣчіе Златоуста уже привлекало вниманіе Антіохіи и гремѣло на всемъ Востокѣ. Впослѣдствіи онъ допустилъ еще больше несправедливости по отношенію къ этому знаменитому мужу. Но Василій былъ другомъ Мелетія; Златоустъ былъ пресвитеромъ Флавіана: отношенія Іеронима къ малой антіохійской церкви могли бы до извѣстной степени объяснить его недоброжелательство къ нимъ. Труднѣе понять, почему онъ былъ такъ мало расположенъ къ миланскому епископу, который, какъ и Іеронимъ, былъ сторонникомъ Павлина, защитникомъ аскетизма и покровителемъ дѣвственничества. Были ли какія-нибудь столкновенія между благочестивыми кружками Марцеллы и Марцеллины, или Амвросій, бывшій разъ въ Римѣ (въ 382 г.) одновременно съ Іеронимомъ, какъ-нибудь нечаянно задѣлъ его въ высшей степени чувствительное самолюбіе? Мы ничего объ этомъ не знаемъ.

Очень скупой на свѣдѣнія о литературныхъ трудахъ Амвросія и вообще авторовъ, которые ему не нравились, Іеронимъ, къ счастью, даетъ больше извѣстій относительно своей литературной дѣятельности. Его сочиненіе *De viris* кончается длинной главой, гдѣ онъ даетъ полный перечень всего, что онъ написалъ съ 392 года. Написано имъ не мало. Если Іеронимъ отличался дурнымъ характеромъ, то по крайней мѣрѣ онъ былъ трудолюбивъ и не терялъ времени.

ГЛАВА XVI.

Христіанскій Востокъ при Θеодосіи.

Христіанскія поселенія къ сѣверу отъ Дуная.—Ульфила и обращеніе готовъ.—Секты.—Совѣщаніе 383 года.—Расколъ среди аріанъ и евноміанъ.—Новаціане.—Восторженныя секты: мессаліане.—Иконійскій епископъ Амфилохій.—Григорій Нисскій.—Григорій Назіанзинъ.—Епифаній и еретики.—Аполлинарій, его ученіе и пропаганда.—Діодоръ Тарсскій. Флавіанъ и Златоустъ.—Расколъ въ Антіохіи; Кесарійскій соборъ.—Евсевій Самосатскій.—Эдесса и тамошнія преданія; св. Ефремъ.—Палестина.—Кириллъ Іерусалимскій.—Паломничество: прибытіе Григорія Нисскаго.—Руфинъ и Іеронимъ.—Аравія: культъ Маріи. Титъ Бострійскій и его преемники.—Соборъ 394 года.

1. Аріанство у готовъ.

Проповѣдь христіанства на Западѣ почти не переходила границъ Римской имперіи; ей было достаточно дѣла внутри ея, чтобы еще заниматься миссіонерствомъ въ дальнихъ краяхъ. При томъ скотты и пикты за предѣлами римской Британіи, саксы, франки и аламаны въ независимой Германіи были постоянно во враждебныхъ отношеніяхъ къ имперіи. Ужъ достаточно трудно было сдерживать ихъ опустошительный напоръ, чтобы еще нести въ ихъ предѣлы слово Божіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ верхней Германіи *(Agri Decumates)* и къ Карпатскимъ горамъ (Мизія и Дакія) римскія поселенія перешли за черту Рейна и Дуная, но они погибли при варварскихъ вторженіяхъ середины III вѣка, и въ концѣ-концовъ имперія покинула эти слишкомъ удаленныя владѣнія. Возможно, что христіанство уже кое-гдѣ пустило тогда корни, но мы не имѣемъ объ этомъ ни прямого свидѣтельства, ни косвенныхъ указаній.

Такое положеніе длилось до конца IV вѣка. За исключеніемъ устьевъ Дуная нигдѣ не слышно о церквахъ, расположенныхъ за предѣлами имперіи, но гораздо больше извѣстій о церквахъ, разрушенныхъ на ея территоріи набѣгами варваровъ.

По ту сторону нижняго Дуная легатъ нижней Мизіи долгое время былъ стражемъ проходовъ между Чернымъ моремъ и юго-восточнымъ угломъ трансильванской возвышенности. Подъ его покровитель-

ствомъ стояли на берегу моря различныя греческія поселенія, города Тира и Ольвія при устьѣ Тираса (Днѣстра) и Ворисѳена (Днѣпра), Херсонесъ (Севастополь) и маленькое царство Воспорское (Керчь) при входѣ въ Азовское море. Старинныя милетскія колоніи Тира и Ольвія пришли въ большой упадокъ во времена имперіи; эллинская культура все болѣе и болѣе падала тамъ подъ гнетомъ варварства. Послѣ Александра Севера больше не слышно объ этихъ городахъ, что̀ даетъ поводъ думать, что они были разрушены готами. Херсонесъ и Воспоръ не раздѣлили ихъ участи: оба эти государства, различныя по происхожденію и устройству, одно демократическое, другое монархическое, несомнѣнно сильно пострадали отъ новыхъ варваровъ и въ своей торговлѣ, и въ томъ политическомъ вліяніи, которое они пріобрѣли на скиѳовъ и сарматовъ, однако они уцѣлѣли и просуществовали до среднихъ вѣковъ. Христіанство водворилось тамъ довольно рано: уже въ 325 г. на Никейскомъ соборѣ принималъ участіе одинъ воспорскій епископъ [1]), а одинъ херсонесскій епископъ—на Константинопольскомъ соборѣ 381 года.

Сами готы уже подверглись вліянію евангельской проповѣди съ той поры, какъ водворились поблизости Чернаго моря. Можно даже сказать, что появленіе у нихъ христіанства связано съ тѣми страшными нашествіями, которыя они дѣлали на имперію въ серединѣ III вѣка. Изъ своихъ набѣговъ на Малую Азію они захватили между прочими плѣнниками много христіанъ, которые съ успѣхомъ стали распространять здѣсь ученіе Христа [2]). Среди нихъ находились и клирики, которые дали организацію первымъ общинамъ новообращенныхъ. Воспорская и Херсонесская церкви, а также тѣ, которыя находились на нижнемъ Дунаѣ, не замедлили стать опорными базами для христіанской проповѣди. На Никейскомъ соборѣ былъ епископъ изъ «Готіи», по имени Ѳеофилъ. Нѣкоторыя указанія даютъ право пріурочить его къ группѣ германцевъ, осѣвшихъ послѣ кочевой жизни въ Крыму, тогда какъ вся масса готовъ и подвластныхъ имъ племенъ отхлынула на Западъ [3]).

---

[1]) Κάδμος Βοσπόρου. Другой епископъ той же епархіи погибъ въ 358 году въ Никомидіи подъ развалинами храма, разрушеннаго землетрясеніемъ. Созоменъ (IV, 16) упоминаетъ о немъ, не называя его по имени. О христіанскихъ древностяхъ въ Керчи см. статью I. Kulakovsky въ Römische Quartalschrift, t. VIII (1891 г.) p. 309 и сл.

[2]) Филосторгій (II, 5) и Созоменъ (II, 6) согласны въ этомъ пунктѣ. Быть можетъ, къ числу этихъ плѣнныхъ принадлежалъ Евтихій каппадокіецъ, о которомъ говоритъ св. Василій въ одномъ изъ своихъ писемъ (*Ep.* 165).

[3]) Во времена Іоанна Златоуста эти готы получали себѣ епископовъ изъ Кон-

Нѣсколько месопотамскихъ аскетовъ было сослано въ Скиѳію въ послѣдніе годы царствованія Константина, или, быть можетъ, нѣсколько позднѣе. Во главѣ ихъ стоялъ нѣкій Авдэй. Духовенство обвиняло ихъ, кромѣ страннаго образа жизни, въ дерзкомъ неповиновеніи церковнымъ властямъ, въ нѣкоторыхъ ложныхъ ученіяхъ, между прочимъ въ антропоморфизмѣ, наконецъ, въ ихъ оппозиціи постановленію Никейскаго собора относительно празднованія пасхи [1]). Аскеты были очень ревностными людьми; обращеніе готовъ въ христіанство показалось имъ привлекательной задачей; они съ жаромъ взялись за нее и имѣли нѣкоторый успѣхъ; они успѣли даже устроить монастыри. Послѣ смерти Авдэя другой месопотамецъ Ураній сталъ во главѣ управленія сектой. Оба они были епископами, правда, неправильно рукоположенными. Они съ своей стороны посвятили нѣсколько человѣкъ изъ своихъ новообращенцевъ, въ частности нѣкоего Сильвана.

Но наиболѣе замѣчательными являются труды еп. Ульфилы. Несмотря на свое германское имя, онъ происходилъ изъ семьи плѣнныхъ каппадокійцевъ, увезенныхъ при императорѣ Валеріанѣ [2]). Въ возрастѣ 30 лѣтъ онъ исполнялъ обязанности чтеца, несомнѣнно въ какой-нибудь церкви новообращенныхъ, и въ это время былъ назначенъ готскимъ королемъ въ составъ его посольства ко двору Констанція. Придворные епископы замѣтили его и, вынеся благо-

---

стантинополя. Онъ самъ поставилъ имъ одного, по имени Унилу, о которомъ онъ говоритъ много хорошаго (*Ep.* 14). Унила умеръ, пока Златоустъ былъ въ изгнаніи, что причинило послѣднему большую тревогу, такъ какъ онъ не хотѣлъ, чтобы преемникъ Унилѣ былъ посвященъ его незаконнымъ замѣстителемъ Арзакіемъ (*Ep.* 206, 207). Эта миссія была въ сношеніяхъ съ готскимъ монастыремъ въ Константинополѣ, называвшимся промотскимъ. Въ 547 году крымскіе готы, которыхъ Прокопій (*Bell. Goth*, IV, 5) называетъ Тетракситами, просили Юстиніана прислать имъ епископа. Они жили по берегамъ Азовскаго моря. Тотъ же писатель говоритъ еще о другихъ готахъ (*De aedif.*, III, 7), осѣдлыхъ земледѣльцахъ, союзникахъ имперіи, которой они могли доставить 3000 солдатъ. Они жили въ приморской области, вокругъ мѣстности, называвшейся Дори. Здѣсь, т. е. на востокъ отъ Херсонеса, находилась готская епархія, отмѣченная въ византійскихъ хроникахъ съ X вѣка (Νέα τακτικά); болѣе древнія извѣстія не упоминаютъ о ней. Возможно, что всѣ эти данныя относятся къ одной и той же епархіи, которая со временъ Ѳеофила обнимала готовъ и иныхъ варваровъ, жившихъ въ Крыму. Но это недостовѣрно; во всякомъ случаѣ пришлось бы допустить, что епископъ мѣнялъ свое мѣстопребываніе, а быть можетъ были даже періоды вовсе безъ епископовъ.

[1]) Это постановленіе было вновь включено въ каноны Антіохійскаго собора (с. 1). Касательно авдэанъ лучшимъ источникомъ служитъ Епифаній (*Haer.* LXX). Ѳеодоритъ (*H. E.* IV, 9) прибавляетъ нѣсколько новыхъ чертъ, которыя, вѣроятно, относятся къ позднѣйшему развитію секты. Объ отношеніи авдэанъ къ вопросу о пасхѣ см. мой докладъ *La question de la Pâque au concile de Nicée* въ *Revue des questions historiques,* t. XXVIII (1880), p. 29.

[2]) Изъ мѣстечка Садаголтины въ окрестностяхъ Парнаса.

пріятное впечатлѣніе отъ его способностей, посвятили его въ епископы къ готамъ [1]). Вернувшись домой, Ульфила взялся за дѣло съ весьма просвѣщенною ревностью. Онъ началъ пріобщать готскій народъ къ римской и христіанской цивилизаціи. Онъ составилъ алфавитъ, который съ успѣхомъ замѣнилъ старое руническое письмо, и перевелъ на готскій языкъ большинство книгъ св. Писанія [2]). Большое число его соотечественниковъ приняло христіанство. Король Германарихъ пришелъ въ безпокойство, видя многочисленныя обращенія своихъ соратниковъ къ религіи римлянъ. Онъ разгнѣвался и приказалъ всѣмъ миссіонерамъ какъ Авдэя, такъ и Ульфилы, уйти обратно за Дунай. Авдэане вернулись на Востокъ, а Ульфилѣ и его ученикамъ, которые послѣдовали за нимъ въ большомъ числѣ, было разрѣшено поселиться въ нижней Мизіи, близъ Никополя. Этотъ исходъ относится приблизительно къ 349 году. Ульфила прожилъ еще 33 года. Онъ былъ аріаниномъ. Въ 360 г. онъ засѣдалъ на константинопольскомъ соборѣ и присоединилъ свой голосъ къ тѣмъ, кто одобрилъ риминійское исповѣданіе. Въ 383 г. вызванный императоромъ Ѳеодосіемъ вмѣстѣ съ главарями другихъ, отпавшихъ отъ господствующей церкви, общинъ, онъ снова поѣхалъ въ столицу, гдѣ и умеръ вскорѣ послѣ пріѣзда. До насъ дошло исповѣданіе вѣры, которое онъ приготовилъ и которое было его духовнымъ завѣщаніемъ; это—чистѣйшее аріанство [3]).

Мѣра, принятая готскимъ королемъ противъ епископа Ульфилы,

---

[1]) Philostorg, II, 5: ὑπὸ Εὐσεβίου καὶ τῶν σὺν αὐτῷ ἐπισκόπων. (...былъ посвященъ Евсевіемъ и бывшими съ нимъ епископами). Скорѣе Ульфила былъ посвященъ кѣмъ-либо изъ евсевіанскихъ епископовъ, такъ какъ самого Евсевія, безъ сомнѣнія, уже не было въ живыхъ.

[2]) *Philostorg.* II, 5. По словамъ Филосторгія, онъ опустилъ только книги Царствъ, считая безполезнымъ распространять столько военныхъ разсказовъ среди народа, и безъ того уже слишкомъ воинственнаго. Если такъ, то Ульфила долженъ былъ бы сдѣлать еще и иныя сокращенія въ Ветхомъ Завѣтѣ.

[3]) Къ извѣстіямъ историковъ V вѣка (Philostorg., II, 5; Socrat II, 41; IV, 33; Sosom., IV, 24; VI, 37) мы можемъ добавить теперь документы того времени, дошедшіе до насъ въ сочиненіи аріанскаго епископа Максимина противъ св. Амвросія. Это сочиненіе, содержащееся на поляхъ рукописи № 8907 въ Парижѣ, изучилъ сперва *Waitz: Ueber das Leben und die Lehre des Ulfila,* Hannover, 1840, затѣмъ Bessell, *Ueber das Leben des Ulfila* etc Göttingen 1860. Оно было напечатано цѣликомъ, поскольку это допускаетъ состояніе рукописи, Kauffmann'омъ: *Aus der Schule des Wulfila* въ I т. *Texte und Untersuchungen zur altgermanishen Religionsgeschichte,* Strabourg. 1899. Оно содержитъ (стр. 73—76) длинную выдержку изъ письма, гдѣ ученикъ Ульфилы, епископъ боросторскій Авксентій описываетъ жизнь своего учителя. Въ концѣ этого письма находится исповѣданіе Ульфилы: «Ego Ulfila episcopus et confessor semper sic credidi et in hac fide sola et vera transitum faciò ad dominum meum» (Я, Ульфила, епископъ и исповѣдникъ, всегда такъ вѣровалъ и въ этой единой и истинной вѣрѣ ухожу къ моему Господу).

не остановила окончательно проповѣди христіанства, шедшей изъ-за Дуная. Ѳессалоникскій епископъ Ахолій очень дѣятельно заботился о ней. Но времена наступали все болѣе и болѣе трудныя. Готы, жившіе по Дунаю, поддержали Прокопія въ его борьбѣ противъ Валента; поэтому послѣдній, освободившись отъ своего соперника, вступилъ съ ними въ войну, которая продолжалась три года (367—369). Проповѣдники римской религіи пострадали отъ этого столкновенія враждующихъ сторонъ. Къ этому времени относятся нѣсколько случаевъ мученичества. Наиболѣе полно извѣстна исторія св. Сабы, утопленнаго въ рѣкѣ Мусеѣ [1]) въ 372 г. Другіе были за-живо сожигаемы, иногда въ большомъ множествѣ, въ палаткахъ, служившихъ имъ церквами [2]).

Будучи подготовлено такими путями, всеобщее обращеніе готовъ совершилось вслѣдствіе важнаго политическаго событія. Гунны перейдя Донъ, отбросили готовъ сперва къ Днѣстру, затѣмъ къ Сереѳу, угрожая оттѣснить ихъ еще далѣе. Прижатые къ самому Дунаю, побѣжденные просили убѣжища въ римской имперіи. Ихъ приняли, какъ гостей и союзниковъ (376 г.), но скоро они стали держать себя хозяевами, и со времени адріанопольской побѣды (378 г.) ихъ дальнѣйшая исторія протекаетъ уже не въ сосѣдствѣ, а внутри самой имперіи. Въ моментъ ихъ вступленія въ нее, оффиціальное христіанство въ нѣй было представлено риминійскимъ исповѣданіемъ; константинопольская церковь находилась подъ руководствомъ аріанскаго епископа. Но это продолжалось недолго; Граціанъ и Ѳеодосій явно высказались за никейскій символъ. Съ этой стороны варвары не могли испытывать особеннаго давленія. Но у нихъ произошло раздѣленіе въ епископатѣ. Если епископы въ Томи [3]) и Маркіанополѣ [4]) были столпами православія, то Авксентій доросторскій [5]) былъ ярымъ послѣдователемъ Ульфилы; Палладій ратіарійскій [6]) давно уже былъ ратоборцемъ аріанскаго лагеря, и они не были исключеніями. Но особенно велико въ данномъ слу-

---

[1]) Μούσεον, правый притокъ Сереѳа. Событіе произошло 12 апрѣля въ праздничный день.

[2]) Socrat. IV, 34; Sosom. VII, 37; Basil. *Ep.* 164, 165, Ambros. *Ep.* 15, 16; *In Luc.* II, 37; August. *De civ. Dei.* XVIII, 52; см. агіографическія преданія въ житіяхъ св. Батузія и Верики (26 марта), св. Никиты (15 сент.) и св. Сабы (12 апрѣля). Останки этихъ мучениковъ были перенесены въ Кизикъ, Мопсуестъ и Кесарію Каппадокійскую. Останки св. Сабы были подобраны и отправлены къ св. Василію его соотечественникомъ, правителемъ Скиѳіи, Юніемъ Сораномъ.

[3]) Епископъ въ Томи былъ единственнымъ во всей Скиѳіи.

[4]) *Cod. Theod.* XVI, 1, 3.

[5]) Объ Авксентіи ср. выше стр. 373.

[6]) Ср. выше стр. 319 и сл.

чаѣ было значеніе Ульфилы. Кто равнялся ему по заслугамъ передъ готскимъ народомъ и его вождями? Съ нимъ христіанская религія получила у готовъ національное выраженіе; онъ ввелъ въ богослужебное употребленіе готскій языкъ, на обработанномъ имъ языкѣ произносились среди готовъ молитвы и проповѣди. Правда, что его символъ вѣры не совпадалъ съ символомъ теперешнихъ представителей государственной власти, но этотъ символъ былъ же правительственнымъ при Констанціи и при Валентѣ. Кто могъ поручиться, что невозможенъ новый поворотъ мнѣній? Да и нужно ли было изглаживать всякое различіе въ религіозномъ отношеніи между готами и римлянами?

Была ли то обдуманная политика или нѣтъ, но фактъ тотъ, что по мѣрѣ того, какъ аріанство теряло почву у подданныхъ римской имперіи, оно распространялось шире у ея «союзниковъ».

Такъ было не только на нижнемъ Дунаѣ. Вдоль всего его теченія варвары, окаймлявшіе границу, одинъ за другимъ принимали христіанство и именно въ аріанской формѣ [1]). Происходило это при одинаковыхъ приблизительно обстоятельствахъ. Въ Панноніи, какъ въ Мизіи, церкви долго находились подъ руководствомъ аріанскихъ епископовъ. Если здѣсь не было дѣятеля, равнаго Ульфилѣ, то надо сказать, что примѣръ готовъ много содѣйствовалъ обращенію другихъ германскихъ племенъ. Въ это время для аріанства начинается новая эпоха. Готы на Востокѣ и Западѣ, бургунды, свевы, вандалы, лангобарды сдѣлали изъ него свою національную религію; въ тѣхъ областяхъ, которыя они впослѣдствіи отторгли отъ имперіи, они возстановили риминійское исповѣданіе, которое еще въ VI и VII столѣтіяхъ удерживало тамъ преобладаніе надъ никейскимъ символомъ. Впрочемъ мы затрогиваемъ уже событія позднѣйшаго времени, и относящіяся притомъ къ западной исторіи. Пока можно только замѣтить, что даже внутри имперіи, какъ въ восточной, такъ и въ западной ея половинахъ, среди римскаго населенія аріанству пошла на пользу слава его новыхъ сторонниковъ. Безполезно было мечтать вывести его изъ арміи; готы заставили признать себя союзными войсками подъ командой своихъ племенныхъ вождей; впрочемъ, даже и въ рядахъ регулярнаго войска и его главныхъ начальниковъ аріанство еще долго имѣло

---

[1]) Нужно отмѣтить однако исторію Фритигилы, королевы маркоманской, которую Амвросій научилъ вѣрѣ путемъ переписки (Paulin. *Vita Ambros.*, 36). Она убѣдила своего мужа отдаться римлянамъ и сама пріѣхала въ Миланъ вскорѣ послѣ смерти св. Амвросія.

представителей. Съ ними приходилось считаться въ этомъ отношеніи, какъ и во всемъ остальномъ.

2. Θеодосій и секты.

Императору Θеодосію приходилось заниматься не одними только послѣдователями аріанства среди варваровъ. Было сравнительно легко вернуть церкви православнымъ епископамъ и сыпать на сторонниковъ Демофила и Евномія соборные приговоры. Но умиротвореніе умовъ не достигалось такъ быстро. Изгнанное изъ оффиціальныхъ зданій, еретическое ученіе держалось въ частныхъ кружкáхъ: духъ Аэтія тамъ еще былъ живъ; какъ ни ссылали Евномія, онъ всегда находилъ средство поддерживать религіозную распрю. Особенною силою она отличалась въ Константинополѣ. Пренія велись на улицѣ, въ общественныхъ мѣстахъ; не было перекрестка, гдѣ бы не спорили съ ожесточеніемъ о самыхъ неудобопостигаемыхъ вопросахъ. Мѣняла, къ которому обращались за деньгами, начиналъ разсуждать о рожденномъ и нерожденномъ; булочникъ, вмѣсто того, чтобы отвѣтить вамъ на вопросъ, по чемъ хлѣбъ, заявляетъ, что Отецъ выше Сына и что Сынъ Ему подчиненъ. Вы требуете ванну, а банщикъ-аномей отвѣчаетъ: «Сынъ, конечно, происходитъ изъ несущаго» [1]).

Θеодосію очень хотѣлось покончить съ этими раздѣленіями и не быть вынужденнымъ принимать строгія мѣры противъ схизматиковъ, которые въ большинствѣ были убѣжденными и спокойными людьми. Онъ вообразилъ, что своимъ непосредственнымъ вмѣшательствомъ добьется какихъ-нибудь результатовъ [2]). Послѣ двухъ соборовъ 381 и 382 г.г. онъ созвалъ въ 383 году третій соборъ, который долженъ былъ имѣть характеръ коллоквіума межуд вождями различныхъ исповѣданій; императоръ предполагалъ выступить въ качествѣ посредника и постараться довести дѣло до соглашенія.

Соборъ дѣйствительно состоялся въ іюнѣ [3]). Несмотря на свои преклонные годы, Ульфила пріѣхалъ въ Констанитнополь, гдѣ онъ и умеръ немедленно по прибытіи. До насъ дошло его исповѣданіе

---

1) Gregor. Nyss. *Or. de Deitate Filii et. Sp.* S. Migne, *P. G.* t. XLVI, p. 557

2) Легендарный разсказъ, переданный Созоменомъ (VII, 6) и Θеодоритомъ (V, 16; послѣдній вводитъ въ него Амфилохія иконійскаго), рисуетъ Θеодосія еще колеблющимся между православіемъ и аріанствомъ. Нѣтъ ничего болѣе неправдоподобнаго.

3) Kaufmann, *Aus der Schule des Wulfila,* p. 76.

вѣры, которое онъ намѣревался передать императору. Евномій въ это время жилъ въ Халкидоніи; онъ представилъ свое исповѣданіе, которое также сохранилось[1]). И другіе сдѣлали то же: Демофилъ— отъ аріанъ, Елевсій —отъ македоніанъ. Судя по исповѣданіямъ Евномія и Ульфилы, каждый изъ представителей партій ограничился тѣмъ, что изложилъ свое вѣрованіе, не дѣлая ни малѣйшаго шага къ сближенію съ противниками. Ихъ устныя объясненія тоже не свидѣтельствовали о какомъ-либо желаніи придти къ соглашенію. По одному преданію, православные будто бы предложили держаться той изъ формулъ, которая соотвѣтствовала бы ученію древнихъ отцовъ,—тѣхъ отцовъ, которые жили до появленія аріанства, но это предложеніе было отвергнуто [2]). При такихъ условіяхъ оставалось лишь держаться принудительныхъ мѣръ: правительство такъ и сдѣлало. Новый законъ[3]) запретилъ религіозныя собранія, и частныя и публичныя, евноміанъ, аріанъ, македоніанъ, равно какъ и манихеевъ и тому подобныхъ сектъ. Одни новаціане добились терпимости для своихъ церквей.

Впрочемъ аріане и македоніане, повидимому, также пользовались ею, если не по закону, то на практикѣ. Собранія ихъ были воспрещены, но они происходили, несмотря на это запрещеніе, и полиція смотрѣла на нихъ сквозь пальцы [4]), вопреки жалобамъ нѣкоторыхъ епископовъ.

Къ чему повели бы строгости? Секты сами по себѣ доживали послѣдніе дни. Ежедневно онѣ теряли приверженцевъ; оставшіеся ихъ члены вступали между собою въ споры, ссорились, производили расколы. Когда Демофилъ умеръ, ему пріискали преемника во Θракіи, нѣкоего Марина; другіе аріане подали свой голосъ за Дороθея, лишившагося своей антіохійской епархіи. Будучи согласны въ основныхъ положеніяхъ аріанской догмы, обѣ партіи находили пункты, относительно которыхъ разногласили. Могъ ли Богъ называться Отцомъ до сотворенія Сына? Да, говорилъ Маринъ; нѣтъ,— объявлялъ Дороθей. Сирійскій пирожникъ Θеоктистъ горячо поддерживалъ взгляды Марина, поэтому сторонники послѣдняго получили прозвище *псаθиріанъ* (пирожники). Они пользовались также поддержкой Селены, готскаго епископа, преемника Ульфилы,

---

[1]) Migne, *P. G.* t. LXVII, p. 587, not. 34, Mansi, t. III, p. 645.
[2]) Сократъ (V, 10) очевидно преувеличиваетъ здѣсь роль новаціанъ.
[3]) *Cod. Theod.*, XVI, 5, 11 отъ 25 іюля 383 г.; ср. XVI, 5, 12 и 13 отъ 3 декабря и 21 слѣдующаго января.
[4]) Socrat. V, 20.

Это обстоятельство придавало имъ нѣкоторый вѣсъ, но не мѣшало ихъ дальнѣйшему раздѣленію: ееесскій епископъ псаеиріанъ, нѣкій Агапій, вступилъ въ распрю съ Мариномъ. Эти внутренніе споры улеглись лишь въ 419 году [1]).

Евноміане, которые не менѣе того были раздираемы распрями, подверглись болѣе жестокимъ преслѣдованіямъ. Я уже выше говорилъ про рядъ ссылокъ ихъ пророка Евномія. Его послѣдователи какъ будто намѣренно подчеркивали различія, которыя отдѣляли ихъ отъ православія. Они даже измѣнили чинъ крещенія, исключивъ изъ него троекратное погруженіе и упоминаніе о лицахъ Св. Троицы. Установивъ спеціальный обрядъ крещенія, они вскорѣ объявили его единственно спасительнымъ и стали перекрещивать тѣхъ, кто переходилъ къ нимъ изъ другихъ сектъ. Противъ нихъ были направлены постоянно возобновлявшіеся эдикты [2]), и противъ нихъ со всѣхъ сторонъ вели полемику православные богословы. Василій кесарійскій унаслѣдовалъ эту полемику отъ Василія анкирскаго и его друзей; его братъ Григорій нисскій продолжалъ его послѣ него [3]). Златоустъ въ Антіохіи произнесъ противъ аномеевъ много проповѣдей.

3. Малая Азія.

Епископамъ при Ѳеодосіи приходилось заниматься не только этими недавними отщепенцами, которые болѣе или менѣе всѣ были порожденіемъ аріанской ереси. Старыя, возникшія еще во II и III столѣтіяхъ, секты продолжали держаться и поддерживали рознь въ церкви. Новаціане, давно уже пользовавшіеся терпимостью [4]), были очень многочисленны въ Константинополѣ и азійскихъ провинціяхъ,—Виѳиніи, Пафлагоніи и Фригіи. Въ этихъ областяхъ среди населенія съ простыми нравами ригоризмъ всегда встрѣчалъ

---

[1]) Socrat. V, 23.

[2]) *Cod. Theod.*, XVI 5, 8, 11—13, 17, 23, 25, 27, 31, 32, 34, 36, 49, 58, 60, 65.

[3]) «Апологетикъ» Евномія, представляющій собою изложеніе его ученія, опубликованное имъ въ первые годы своей ученой дѣятельности, былъ опровергнутъ св. Василіемъ, который сохранилъ намъ такимъ образомъ текстъ его, ранѣе своего возведенія въ епископы. Евномій написалъ возраженіе на Василія, но не сразу, и его отвѣтъ появился въ свѣтъ какъ разъ передъ смертью Василія. Послѣдній подвергался тамъ личнымъ и очень жестокимъ нападкамъ. Его братья, Петръ севастійскій и Григорій нисскій, признали необходимымъ написать опроверженіе. Такъ возникли 12 книгъ Григорія противъ Евномія. Аполлинарій и Дидимъ тоже писали противъ «Апологетика».

[4]) Объ ихъ положеніи въ царствованіе Константина и Констанція см. слѣд. главу.

сочувствіе. Самыми сильными ихъ общинами, служившими образцомъ для подражанія остальнымъ, были—константинопольская, никомидійская, никейскаая, котіаиская (Kutahié). Историкъ Сократъ, хорошо освѣдомленный объ этой сектѣ, разсказываетъ разныя исторіи о новаціанскихъ константинопольскихъ епископахъ. Акесіи [1]), жившемъ во времена никейскаго собора и повидимому признавшемъ терминъ ὁμοούσιος, затѣмъ Агеліи, подвергшемся преслѣдованію вмѣстѣ съ православными въ царствованіе Констанція и Валента. Агелій былъ еще живъ въ 383 году; онъ принялъ участіе въ богословскомъ коллоквіумѣ, состоявшемся въ этомъ году [2]). Въ этомъ маленькомъ строгомъ кружкѣ новаціанъ было нѣсколько выдающихся личностей, которыя чувствовали себя тамъ лучше, чѣмъ въ многолюдствѣ великой церкви, отдѣлившись отъ нея изъ семейной ли традиціи или изъ приверженности къ болѣе чистому благочестію. Въ царствованіе Валента одинъ изъ такихъ людей, Маркіанъ, достигнувъ значительныхъ степеней при императорскомъ дворцѣ, былъ посвященъ въ пресвитеры; онъ отличался широкой образованностью; его вѣроисповѣданіе не помѣшало императору поручить ему воспитаніе своихъ дочерей, Анастасіи и Каросы. Онъ воспользовался своимъ вліяніемъ при дворѣ, чтобы избавить своихъ единовѣрцевъ отъ притѣсненій, отъ которыхъ они тогда страдали [3]). Его сынъ Хрисанѳъ былъ тоже выдающимся человѣкомъ; онъ занималъ при Ѳеодосіи должность италійскаго консулярія и викарія британскихъ провинцій [4]). Другой новаціанскій пресвитеръ, Сисинній, слушалъ нѣкогда вмѣстѣ съ императоромъ Юліаномъ лекціи Максима ефесскаго. Агелій передъ смертью посвятилъ во епископы Маркіана и Сисиннія, поставивъ, однако, предварительнымъ условіемъ, что Маркіанъ будетъ первый управлять епархіей, а Сисинній будетъ его преемникомъ.

Такъ и вышло. Маркіану много хлопотъ доставилъ одинъ изъ его пресвитеровъ, Савватій, который произвелъ расколъ по вопросу о днѣ празднованія пасхи. Это былъ старый споръ. У новаціанъ, какъ и у каѳоликовъ до Никейскаго собора, было два способа исчислять день праздника: одни вели счетъ отъ равноденствія,—такихъ было большинство; въ этомъ отношеніи римскіе и константинопольскіе новаціане были согласны съ великой церковью;

---

1) Socrat. I, 10.
2) Socrat. II, 38, IV, 9, V, 10.
3) Socrat. IV, 9.
4) Socrat. VII, 12.

другіе, какъ Восточные до Никейскаго собора и авдэане послѣ него, вели счетъ по еврейскому календарю. Этотъ обычай былъ во времена Валента узаконенъ на одномъ соборѣ въ мѣстечкѣ Пазѣ близъ источниковъ Сангарія, гдѣ присутствовали нѣкоторые изъ новаціанскихъ епископовъ фригійской области. Маркіанъ не рѣшился вступить съ ними въ конфликтъ; на соборѣ онъ провелъ постановленіе, что каждый будетъ справлять пасху согласно тому обычаю, какому онъ больше сочувствуетъ [1]).

Во Фригіи еще уцѣлѣлъ монтанистскій кружокъ въ Пепузѣ; онъ даже былъ настолько широко распространенъ, что противъ него издавались репрессивные законы: въ кодексѣ Өеодосія отъ времени до времени упоминаются монтанисты, прискилліане [2]), фригійцы, пепузіане, таскодругиты [3]). Они ежегодно праздновали 6 апрѣля великую панегирію, которая для нихъ замѣняла пасху [4]). Иногда нѣкоторые изъ нихъ обращались въ православіе [5]), но чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе эти старыя секты замыкались въ своей неприступной обособленности. Были также сторонники обязательнаго энкратизма, сперва разрозненные, а къ тому времени уже объединившіеся въ братства, занимавшіяся пропагандой, различавшіяся по имени и по обрядностямъ —энкратиты, гидропарастаты, апотактики, саккофоры [6]). Послѣдніе, какъ показываетъ ихъ наименованіе, одѣвались въ мѣшки. Въ это же время проявились еще новые мечтатели,—мессаліане или евхиты. Оба эти имени—первое семитское, второе греческое—можно бы перевести словомъ «молитвенники». Это движеніе, зародившееся въ сирійскихъ областяхъ, сопредѣльныхъ съ Арменіей, очень быстро распространилось по Сиріи и Малой Азіи. Епифаній говоритъ о немъ въ своемъ Панаріи, написанномъ ранѣе смерти императора Валента. Вначалѣ у мессаліанъ не было никакой организаціи. Они отказывались отъ всякой собственности, жили милостыней, бродили всюду, непрестанно молясь и не дѣлая ничего иного. Вечеромъ они ложились спать вповалку, мужчины съ женщинами, по возможности на открытомъ воздухѣ. На церковныя службы и посты они не обращали ни малѣйшаго вниманія. Они поддерживали общеніе съ Богомъ и Его святыми одной мо-

---

1) Socrat. IV, 28, V, 21.
2) Ученики пророчицы Прискиллы; не слѣдуетъ ихъ смѣшивать съ испанскими прискилліанистами.
3) *Cod. Theod.*, XVI, 5, 10, 40, 48, 57, 65.
4) Sozom. VII, 18.
5) Basil. *ep.* 188.
6) Basil. *ep.* 188, 199.

литвой и полнымъ отреченіемъ отъ благъ міра сего, и общеніе настолько тѣсное, что смѣло присваивали себѣ званія ангеловъ, пророковъ, патріарховъ, христовъ. По ихъ ученію, крещеніе очищало только отъ прошлыхъ грѣховъ, но оно не препятствуетъ тому, что во всякомъ человѣкѣ отъ рожденія живетъ какой-нибудь демонъ, съ которымъ нужно непрерывно бороться. Борьба съ демонами составляла ихъ главнѣйшую заботу; когда она обострялась, они начинали скакать, дѣлать видъ, что бросаютъ копья, и даже плясать.

Эти христіанскіе дервиши всѣмъ своимъ поведеніемъ внушали безпокойство тогдашнимъ епископамъ, поглощеннымъ заботой объ умиротвореніи церкви и о поддержаніи въ ней добраго порядка. Первый обратилъ вниманіе на эту секту иконійскій митрополитъ Амфилохій; подъ его предсѣдательствомъ соборъ въ Сидѣ, въ Памфиліи, сурово осудилъ ихъ образъ жизни. Это постановленіе было сообщено антіохійскому епископу Флавіану. Послѣдній вызвалъ къ себѣ на судъ, въ которомъ приняли участіе и еще нѣсколько епископовъ, одного изъ вождей мессаліанъ, престарѣлаго Аделфія. Отъ него Флавіану удалось хитростью вывѣдать тайны секты, ибо у нея были тайны, тщательно скрываемыя. Мессаліане были вторично осуждены. Флавіанъ кромѣ того озаботился, чтобы его приговоръ былъ признанъ епископами Месопотаміи и Малой Арменіи, — въ тѣхъ областяхъ, гдѣ эта странная секта пустила свои первые корни [1]).

Однако эти дисциплинарныя постановленія и законодательныя запрещенія, которыя за ними послѣдовали, не подавили мессаліанства. Эта ересь держалась въ Памфиліи и на востокѣ Малой Азіи. Въ Арменіи она также долгое время подавала церкви поводъ къ безпокойству.

Выступавшій въ этомъ дѣлѣ Амфилохій иконійскій былъ при Θеодосіи самымъ крупнымъ церковнымъ дѣятелемъ во всей Малой Азіи. Въ немъ болѣе, чѣмъ въ своихъ близкихъ, Василій нашелъ себѣ наслѣдника. На самомъ дѣлѣ, Амфилохій былъ его дѣтищемъ. Будучи воспитанъ въ школѣ Ливанія, который навсегда сохранилъ къ нему теплую привязанность, и занявшись адвокатурой въ Константинополѣ, онъ недолго вращался въ свѣтѣ, а затѣмъ сталъ проводить уединенную жизнь съ больнымъ отцомъ въ Каппадокіи. Жители Иконіи въ концѣ 373 года обратились къ Василію съ просьбой

---

[1]) Объ этомъ дѣлѣ см. у Фотія, *Cod.* 52, который пользовался сборникомъ оффиціальныхъ данныхъ; ср. Theodoret. *Haeret.fab.*, IV, 11.

выбрать имъ епископа. Его выборъ палъ на Амфилохія, которому было тогда немного болѣе тридцати лѣтъ. Какъ разъ въ это время городъ Иконій сдѣлался метрополіей новой провинціи, именно Ликаоніи, образованной изъ отрѣзковъ Писидіи и Исавріи. Отсюда произошли нѣкоторыя затрудненія, вынуждавшія новаго епископа часто прибѣгать къ знаніямъ и опытности своего знаменитаго покровителя. Василій не оставлялъ его безъ руководства. Къ Амфилохію адресовано много его писемъ; между ними — три соборныхъ посланія [1]), вошедшія потомъ въ греческіе каноническіе сборники въ качествѣ столь же авторитетныхъ источниковъ, какъ въ латинскихъ сборникахъ—папскія декреталіи. Кесарійскій епископъ не только находилъ въ этомъ руководительствѣ пищу для своей пастырской ревности, но и съ радостью видѣлъ въ Амфилохіи вѣрнаго ему человѣка въ центрѣ Малой Азіи, полнаго энергіи и преданности. Чрезъ его посредство онъ могъ объединить всѣхъ благомыслящихъ людей во Фригіи, Писидіи и до отдаленнѣйшихъ провинцій Ликіи и Памфиліи. Амфилохій отъ времени до времени пріѣзжалъ въ Кесарію, несмотря на трудность путешествія чрезъ внутреннія степи Малой Азіи. Василій тоже выступалъ въ Иконіи. Въ 376 г. онъ прислалъ сюда свое сочиненіе о Св. Духѣ, которое было прочитано на соборѣ и заботами Амфилохія переслано въ самыя отдаленныя области какъ предохранительное средство противъ распространенія ереси пневматомаховъ.

Подъ руководствомъ такого человѣка, Амфилохій, до своего поставленія во епископы почти не занимавшійся богословіемъ, скоро сталъ очень ученымъ богословомъ и своего рода оракуломъ. Однако отъ его сочиненій до насъ дошли только отрывки [2]). Мы уже видѣли, что въ 381 г. на него вмѣстѣ съ его сосѣдомъ, митрополитомъ писидійскимъ Оптимомъ, было указано, какъ на епископовъ, стоящихъ въ центрѣ всѣхъ церковныхъ отношеній на западѣ Малой Азіи. Они, повидимому, оба жили все время царствованія Θеодосія [3]). Очень дружные съ братьями Василія и съ Григоріемъ Назіанзиномъ, они имѣли и въ Константинополѣ сильнаго друга въ лицѣ знаменитой матроны Олимпіады, которая впослѣдствіи оказала столько услугъ Златоусту [4]). Оптимъ умеръ въ ея домѣ.

Въ Каппадокіи и въ сосѣднихъ областяхъ духъ Василія продол-

---

[1]) *Ep.* 188, 199, 217.

[2]) Объ Амфилохіи см. монографію K. Holl'я *Amphilochius von Iconium*. Tübingen, 1904. Ср. G. Ficker. *Amphilochiana* I p. Leipzig. 1906.

[3]) Амфилохій еще принималъ участіе въ соборѣ 394 года.

[4]) Pallad. *Dial.* 17.

жалъ жить въ лицѣ его родственниковъ и друзей. Еммелія прожила достаточно долго, такъ что имѣла случай видѣть своего сына уже въ санѣ епископа; послѣ нея старшая дочь ея Макрина управляла Аннесійскимъ монастыремъ на горѣ Ирѣ, устроеннымъ ими противъ того мѣста, куда удалялся въ пустыню самъ Василій. Макрина пережила на нѣсколько лѣтъ свою мать и всего на нѣсколько мѣсяцевъ своего брата. У нея воспитался самый младшій изъ братьевъ, Петръ, который вскорѣ послѣ ея смерти былъ избранъ епископомъ севастійскимъ. Другой братъ ея, Григорій нисскій, присутствовалъ при ея послѣднихъ минутахъ; ихъ прощальныя бесѣды послужили темой для его діалога О душѣ и воскресеніи.

Епископъ нисскій, недавно еще испытавшій нѣсколько высокомѣрное отношеніе къ себѣ своего великаго брата Василія, теперь сталъ пріобрѣтать большое значеніе. Онъ былъ хорошимъ ораторомъ, и его старались приглашать для большихъ надгробныхъ словъ и иныхъ торжественныхъ рѣчей. Онъ, котораго Василій считалъ недостаточно умнымъ, чтобы ѣхать для переговоровъ къ папѣ Дамасу, получилъ отъ собора 381 года [1]) очень важное порученіе къ аравійскимъ и палестинскимъ епископамъ; правда, онъ вернулся оттуда безъ успѣха. Онъ былъ богословомъ, писалъ противъ Евномія [2]) и Аполлинарія; его заслугой было замѣчательное изложеніе христіанскаго ученія, подъ названіемъ Великое Огласительное слово, и много другихъ мелкихъ сочиненій. Его жизнеописанія св. Григорія Чудотворца и св. Макрины отводятъ ему важное мѣсто среди составителей житій святыхъ.

Какъ всѣ проповѣдники того времени, онъ много занимался изъясненіемъ св. Писанія. Въ своихъ толкованіяхъ всѣ каппадокійцы стояли въ зависимости отъ Оригена. Василій и ГригорійНазіанзинъ составили сборникъ лучшихъ отрывковъ изъ произведеній александрійскаго ученаго подъ названіемъ Филокаліи. Однако они остереглись заимствовать тѣ его идеи, которыя отклонялись отъ общепринятаго ученія. Григорій нисскій былъ менѣе сдержанъ. Онъ увлекся теоріей конечнаго возстановленія міропорядка (ἀποκατάστασις), идеей всеобщаго спасенія, которому предназначено впослѣдствіи стать удѣломъ всѣхъ, даже самыхъ злыхъ людей и самихъ демоновъ.

---

1) Не совсѣмъ рѣшено, имѣло ли связь это посланничество съ Антіохійскимъ соборомъ 379 года или Константинопольскимъ, бывшимъ двумя годами позднѣе; я склоняюсь къ послѣднему мнѣнію.

2) См. выше стр. 389.

Другой Григорій, сложивъ съ себя обязанности константинопольскаго епископа, удалился на родину въ Назіанзъ. Прежде чѣмъ покинуть столицу, онъ составилъ завѣщаніе, любопытный документъ, который сохранился среди его сочиненій. Въ Назіанзѣ не было епископа; со смерти Григорія старшаго каѳедра осталась вакантною. Его сынъ вовсе не мечталъ занять ее: мнимое перебѣжничество, въ которомъ его обвиняли, причинило ему достаточно непріятностей, чтобы онъ сталъ помышлять о новой перемѣнѣ епархіи. Однако ему было невозможно совершенно не интересоваться дѣлами этой церкви. Онъ руководилъ ею изъ Аріанза, родового имѣнія, гдѣ онъ обычно жилъ. Его неудача сдѣлала его желчнымъ; горькое воспоминаніе о ней проглядываетъ въ его перепискѣ и стихотвореніяхъ. Писалъ же онъ много: почти всѣ его письма относятся къ этимъ послѣднимъ годамъ. Случалось иногда, что въ теченіе всего великаго поста онъ не говорилъ ни слова, и это было конечно большимъ покаяннымъ подвигомъ какъ для него, такъ и для другихъ; но перо его не останавливалось никогда.

Въ назіанзскомъ духовенствѣ была аполлинаріанская партія: это осложняло положеніе. Епископы той области, съ новымъ тіанскимъ митрополитомъ Ѳеодоромъ во главѣ, ничего не имѣли противъ того, чтобы епископская каѳедра въ Назіанзѣ продолжала оставаться незамѣщенной при такомъ ея руководителѣ, и оттого-то Григорію такъ трудно было пріискать замѣстителя своему отцу; но слѣдовало еще опасаться, въ случаѣ если епископы согласятся на избраніе епископа въ Назіанзъ, чтобы имъ не представили кандидата съ сомнительнымъ правовѣріемъ. При такихъ обстоятельствахъ Григорій написалъ Кледонію, одному изъ назіанзскихъ пресвитеровъ, два посланія, въ которыхъ обсуждаетъ, въ противовѣсъ аполлинаріанамъ, вопросъ о воплощеніи. Впослѣдствіи эти посланія Григорія стали такъ же знамениты, какъ его поученія о Троицѣ; въ спорахъ, происходившихъ въ послѣдующіе вѣка, на нихъ постоянно ссылались. Въ данный же моментъ они не оказали никакого вліянія въ Назіанзѣ. Аполлинаріане, воспользовавшись болѣзнью Григорія, вслѣдствіе которой онъ не могъ принимать участія въ церковныхъ дѣлахъ, получили себѣ епископа. Но это уже было слишкомъ дерзкимъ актомъ: Григорій заявилъ протестъ; тогда правитель области освободилъ его отъ навязаннаго ему человѣка, а каппадокійскіе епископы наконецъ замѣстили вакантную каѳедру церкви, находившейся въ такой опасности отъ еретиковъ.

Григорій прожилъ еще нѣсколько лѣтъ въ уединеніи и аскетическихъ подвигахъ, не теряя интереса къ мѣстнымъ дѣламъ и даже вообще къ положенію церкви. Своими поэтическими произведеніями онъ хотѣлъ конкурировать съ Аполлинаріемъ; онъ внимательно слѣдилъ за его партіей, очень дѣятельной въ то время, несмотря на сыпавшіяся на нее осужденія. Аполлинаріане пользовались терпимостью Θеодосія, который смотрѣлъ сквозь пальцы на нарушеніе законовъ объ еретикахъ, и лѣностью Нектарія, который, повидимому, вовсе не былъ расположенъ приводить ихъ въ дѣйствіе. Григорій счелъ своей обязанностью изъ глубины своего уединенія послать упрекъ своему преемнику[1]). Нѣтъ сомнѣнія, что его вмѣшательству обязаны были аполлинаріане закономъ 388 года, которымъ ихъ религіозная община была вновь запрещена. Григорій умеръ въ 389 или 390 году.

Островъ Кипръ былъ въ непрестанномъ общеніи съ югомъ Малой Азіи. Въ данный моментъ онъ составлялъ въ порядкѣ гражданскаго управленія особую провинцію, метрополія которой, Саламинъ, имѣла во главѣ епископа Епифанія [2]), извѣстнаго за свою святость по всему Востоку. Выборъ его кипріотами въ 367 г. извлекъ его изъ его Елевθеропольскаго монастыря въ Палестинѣ, гдѣ онъ долго проводилъ подвижническую и посвященную научнымъ занятіямъ жизнь. Я уже говорилъ, что основаніе этого монастыря связывается съ довольно продолжительнымъ пребываніемъ Епифанія въ Египтѣ во дни его молодости. Онъ имѣлъ тамъ сношенія не только съ отшельниками, но встрѣтилъ также много еретиковъ, странности которыхъ обратили его вниманіе. Онъ даже чуть не свелъ съ ними слишкомъ близкаго знакомства. Имъ заинтересовались нѣкоторыя матроны гностическаго направленія и стремились посвятить его въ искупительныя мистеріи своей секты. Къ счастью, онъ началъ съ того, что прочелъ ихъ книги, которыя раскрыли ему глаза на истинныя намѣренія его просвѣтительницъ: Іосифъ и на этотъ разъ спасся изъ гарема Потифара. Онъ отомстилъ тѣмъ, что донесъ мѣстному епископу на всѣхъ сектантовъ, которыхъ зналъ; епископъ обратился къ содѣйствію полиціи, и 80 человѣкъ были изгнаны изъ города [3]).

Очевидно къ этому времени восходитъ зарожденіе его ярой ненависти къ еретикамъ. Онъ рано сталъ знакомиться съ ихъ исто-

---

1) *Ep.*, 202.
2) Ср. выше стр. 349.
3) *Haer.*, XXVI, 17.

ріей и собирать книги и иные документы, способные просвѣтить его въ этомъ отношеніи. Однако онъ ничего не писалъ до своего посвященія во епископы. По просьбѣ нѣкоторыхъ жителей Сіедры въ Памфиліи онъ составилъ сперва трактатъ, озаглавленный *Анкоратъ*, объ ересяхъ того времени въ ученіи о Троицѣ; въ концѣ книги впервые помѣщенъ символъ, нынѣ находящійся въ церковномъ употребленіи подъ именемъ Никейскаго. Вскорѣ послѣ того два сирійскихъ отшельника, Павелъ и Акакій, вызвали его на составленіе опроверженія всѣхъ вообще ересей. Онъ работалъ надъ этой задачей нѣсколько лѣтъ, съ 374 по 377 годъ; этотъ второй сборникъ получилъ названіе *Панарія*. Въ немъ были описаны и подверглись опроверженію восемьдесятъ ересей. Ихъ рядъ начинается философскими сектами,—стоиками, платониками, пиѳагорейцами; затѣмъ авторъ переходитъ къ самарянскимъ и іудейскимъ сектамъ; наконецъ съ Симона начинается рядъ христіанскихъ еретиковъ. Древніе авторы, писавшіе объ ересяхъ, именноИриней и Ипполитъ [1]), были основательно использованы Епифаніемъ; онъ черпалъ матеріалъ также изъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ полемическихъ противъ ересей сочиненій, даже изъ еретическихъ книгъ. Наконецъ о многомъ, въ особенности изъ того, что касалось современныхъ ему еретическихъ движеній, Епифаній говоритъ на основаніи собственнаго опыта. Во многихъ мѣстахъ онъ примѣняетъ къ дѣлу свѣдѣнія или факты, собранные имъ во время его пребыванія въ Египтѣ. И въ тѣ, уже отдаленныя отъ настоящаго момента нашего повѣствованія, времена онъ былъ такимъ же простымъ и наивнымъ человѣкомъ, какимъ оставался всю жизнь. Не однѣ только женщины изъ секты Карпократа имѣли съ нимъ дѣло. Мелитіане тоже дѣлали попытки привлечь его на свою сторону и разсказывали ему о происхожденіи ихъ секты. Многому также онъ повѣрилъ относительно Оригена. Въ то время, какъ было бы такъ легко найти истинныя свѣдѣнія объ этой личности въ сочиненіяхъ Памфила и Евсевія, онъ передаетъ относительно его нелѣпыя преданія. Конечно, не приходится упрекать его за отвращеніе къ идеямъ Оригена. Многіе раньше его опровергали ихъ, особенно Меѳодій, возраженія котораго онъ себѣ усвоилъ. Но въ глазахъ Епифанія Оригенъ былъ авторомъ, отвѣтственнымъ за всѣ ереси, которыя при Епифаніи раздирали церковь; а потому онъ не пропускалъ ни одного случая обрушиться на него со всей яростью. Пять язы-

---

[1]) Т. I, стр. 209—210.

ковъ [1]), которые онъ зналъ, служили для него орудіемъ поносить имя Оригена во всей вселенной.

Весьма преданный православію и страстный поклонникъ Аѳанасія, Епифаній не могъ не быть сторонникомъ Павлина противъ Мелетія. Это не мѣшало ему оставаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ Василіемъ и признавать три ипостаси [2]). Хотя въ лицѣ Оригена онъ проклялъ эллинскую культуру, но онъ нисколько не былъ врагомъ просвѣщенія; онъ очень почиталъ Аполлинарія и считался другомъ св. Іеронима. Паденіе Аполлинарія его глубоко огорчило; но онъ не поколебался дать Димеритамъ, какъ онъ называлъ аполлинаріанъ, мѣсто въ своей галлереѣ еретиковъ.

4. Аполлинаріанство.

Какъ мы видѣли выше [3]), Аполлинарій былъ въ Лаодикіи епископомъ малой церкви, аналогичной церкви Павлина въ Антіохіи. Это былъ человѣкъ съ обширными знаніями и образованіемъ. Изъ всѣхъ тогдашнихъ христіанскихъ ученыхъ на Востокѣ онъ былъ наиболѣе извѣстнымъ, въ особенности наиболѣе плодовитымъ въ литературномъ отношеніи. Онъ боролся за общую вѣру противъ Порфирія, противъ Евномія [4]), при Юліанѣ онъ извлекъ изъ библіи цѣлый сборникъ классическихъ мѣстъ, чтобы замѣнить ими древнихъ греческихъ авторовъ, толкованіе которыхъ было запрещено христіанамъ. Его толкованія пользовались славой. Отвергая древній аллегоризмъ, которымъ такъ злоупотребляли Оригенъ и его подражатели, онъ объяснялъ священное писаніе по его естественному смыслу. Этотъ новый пріемъ встрѣтилъ одобреніе, хотя онъ не былъ чуждъ неудобствъ. Благодаря своему методу, Аполлинарій дошелъ до вывода изъ Апокалипсиса пророчествъ о тысячелѣтнемъ царствѣ, о земномъ возстановленіи Храма и Закона. Но въ то время уже давно прошла пора, когда такія идеи были популярны; на Востокѣ онѣ давно вышли изъ моды. Эти іудаистическія перспективы повредили даже самому Апокалипсису: многія церкви отказывались признавать его канонической книгой.

Однако Аполлинарій больше всего далъ пищу критикѣ своимъ богословскимъ ученіемъ. Друзья Мелетія, подозрѣвавшіе общину

---

[1]) Греческій, египетскій, сирійскій, еврейскій, латинскій. Относительно латинскаго языка Іеронимъ (*Adv. Ruf.* II, 22) говоритъ, что онъ зналъ его *отчасти*. На самомъ дѣлѣ онъ писалъ только по-гречески, да и то очень плохо.

[2]) Basil., *Ep.* 258.

[3]) Ср. выше стр. 231.

[4]) По Епифанію (*Haer.* LXXVII, 24), онъ будто бы былъ сосланъ аріанами.

Павлина въ савелліанствѣ, не стѣснялись приписывать Аполлинарію рѣчи, компрометтировавшія его въ этомъ отношеніи[1]). Кажется, однако, что по вопросу о Троицѣ ему нельзя было сдѣлать существеннаго упрека. Его ученіе вызывало затрудненія въ другомъ отношеніи. Но здѣсь нужно дать нѣсколько предварительныхъ поясненій.

Въ тотъ моментъ, когда выступилъ на сцену Аполлинарій, церковь уже нашла тѣ формулы, въ какихъ впредь стало выражаться ея воззрѣніе на отношеніе понятій объ единствѣ Божества и о божественности Іисуса Христа. Божество, явленное въ Іисусѣ Христѣ, совершенно тождественно съ тѣмъ единымъ Богомъ, котораго исповѣдуетъ христіанство; божество Христа отличается отъ Него, впрочемъ одной, конечно непостижимой, особенностью, которая въ Новомъ Завѣтѣ, каковымъ руководствуется церковь, выражается по подобію отношеній между отчествомъ и сыновствомъ. Отсюда вытекаетъ различіе въ лицахъ, какъ говорили на Западѣ, или въ ипостасяхъ, какъ выражались на Востокѣ. Къ двумъ ипостасямъ, или лицамъ, Отцу и Сыну, присоединяется такимъ же путемъ различенія третья ипостась или лицо—Святой Духъ. Такъ сложилась богословская Троица; такъ было формулировано на философскомъ языкѣ того времени христіанское преданіе, формулировано настолько ясно, насколько оказывалось возможнымъ выразить подобную тайну.

Оставалось разрѣшить иную задачу. Каково въ точности взаимоотношеніе между человѣческимъ естествомъ Іисуса и Божествомъ, которое съ нимъ соединилось? Въ какой степени можно принимать за подлиннаго человѣка того Христа, котораго знали апостолы, съ которымъ они жили и бесѣдовали? Христіане, получившіе эллинское образованіе и обратившіеся къ церкви въ эпоху первоначальной проповѣди христіанства среди язычниковъ, сперва поддались соблазну объясненія, очень естественнаго съ ихъ точки зрѣнія. Человѣческій видъ и земная жизнь Христа, включая Его страданія и воскресеніе, были лишь видимостью. Не такъ ли бывали видимы боги? Юпитеръ и другіе боги, когда появлялись на землѣ, принимали тѣлесный образъ, чаще всего человѣческій видъ. Язычники свыклись съ мыслію о магическихъ пріемахъ, которые измѣняютъ внѣшній видъ существъ и придаютъ невидимымъ духамъ осязательную форму. Даже въ библіи часто говорится о божественныхъ явле-

---

[1]) Basil., *Ep.* 129.

ніяхъ; исторіи, подобныя разсказу о Товіи и его путешествіи съ архангеломъ Рафаиломъ, содѣйствовали общему распространенію мысли, что есть невидимыя по природѣ существа, которыя могутъ принимать при случаѣ человѣческій видъ, казаться тогда принадлежащими къ человѣческому роду. Не слѣдуетъ удивляться, что уже во времена Траяна св. Игнатію антіохійскому пришлось много бороться противъ идеи кажущагося воплощенія, противъ докетизма, какъ называли такія воззрѣнія. Сто лѣтъ спустя, его преемникъ по каѳедрѣ Серапіонъ нашелъ въ Антіохіи секту «докетовъ», имѣющую свою организацію и свои священныя книги. Впрочемъ эти воззрѣнія были вскорѣ же усвоены гностиками и маркіонитами, такъ какъ они вполнѣ соотвѣтствовали ихъ дуалистическимъ идеямъ. Въ VI вѣкѣ въ Антіохіи докеты еще были, и мы видимъ, что интерполяторъ посланій Игнатія ведетъ полемику противъ докетической христологіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она приняла особыя формы: учили, что самая плоть Христа явилась съ небесъ, что она представляла собою физическое истощаніе божества, что она не имѣла ничего общаго съ тѣмъ естественнымъ процессомъ, какимъ ребенокъ происходитъ отъ матери. Аѳанасій уже незадолго до своей смерти писалъ по этому вопросу коринѳскому епископу Епиктету, такъ какъ это ученіе было принято въ окружавшей его средѣ. Вскорѣ затѣмъ мы видимъ опроверженіе его Василіемъ въ одномъ письмѣ, обращенномъ къ жителямъ Созополя въ Писидіи [1]). Въ основѣ этого ученія лежитъ убѣжденіе въ несовмѣстимости человѣческихъ немощей съ божественнымъ величіемъ; это убѣжденіе не исчезло: мы встрѣчаемъ его въ спорахъ послѣдующихъ столѣтій.

Нисколько не смущаясь этимъ предубѣжденіемъ, христіанская мистика, удачно выраженная Аѳанасіемъ, горячо держалась идеи, что Богъ восхотѣлъ взять на Себя всѣ наши немощи, чтобы превратить ихъ въ божественную силу, хотѣлъ стать человѣкомъ, чтобы насъ обожить: αὐτὸς γὰρ ἐνηθρώπησεν ἵνα ἡμεῖς θεοποιηθῶμεν. Но если объ этомъ можно говорить на языкѣ религіознаго вдохновенія, то это трудно выразить философскими терминами. Въ IV вѣкѣ много было людей, которые надѣялись все уладить, допуская, что Божественное Слово заняло въ Іисусѣ мѣсто души и что Христосъ былъ составленъ изъ человѣческаго тѣла и божественной души. Такъ думалъ Арій и не онъ одинъ. Даже у непримиримыхъ каѳоликовъ, среди окружавшихъ Аполлинарія лицъ, это ученіе

---

[1]) Basil., *Ep.* 261.

находило приверженцевъ. Самъ Аполлинарій дошелъ до нѣсколько иного вывода. Исходя изъ различія между тѣломъ, душой и разумомъ, онъ допускалъ, что Іисусъ воспринялъ отъ человѣчества одушевленное тѣло, но человѣческій разумъ (νοῦς) былъ замѣненъ въ Немъ божественнымъ элементомъ. Помимо такой связи понятій, инымъ путемъ онъ не видѣлъ возможности отстоять единство личности Христа. Тѣ, кто представляли себѣ Христа сложеннымъ изъ Божества и полнаго человѣка, казались Аполлинарію безумцами, способными повѣрить въ существованіе кентавровъ и иныхъ фантастичныхъ существъ.

Однако это воззрѣніе, которое Аполлинарій называлъ безумнымъ, раздѣлялось въ той же Антіохіи многими людьми, вовсе не чуждыми богословскаго образованія. Для Діодора и его приверженцевъ умъ въ Іисусѣ казался обыкновеннымъ человѣческимъ умомъ. Но они не отрицали единства личности Христа и старались примирить его со своей точкой зрѣнія. Быть можетъ, ихъ объясненія оставляли желать лучшаго; ихъ впослѣдствіи и пришлось дополнять. Въ данный же моментъ именно ученіе Аполлинарія вызвало протестъ со стороны традиціоннаго воззрѣнія.

Впрочемъ потребовалось время, прежде чѣмъ дѣло дошло до разрыва. Во время Александрійскаго собора 362 года эта теорія была уже извѣстна; Аѳанасій, всецѣло занятый въ то время заботой о мирѣ, повидимому, поддался аполлинаріанской подмѣнѣ понятій и удовлетворился искусными объясненіями. Аполлинарій уступилъ ему въ томъ, что Христосъ имѣлъ душу и умъ, но точно не выяснилъ, былъ ли этотъ разумъ божественнымъ или человѣческимъ. Аѳанасій ничего большаго и не требовалъ. Аполлинарій пользовался такимъ почетомъ, старые никейцы на Востокѣ были такъ рады имѣть въ своихъ рядахъ столь авторитетнаго ученаго, что старались закрывать глаза на то, что въ его ученіи могло поддаваться критикѣ. Пока живъ былъ Аѳанасій, кажется, что лаодикійская христологія не вызывала соблазна въ Александріи [1]). Даже въ Сиріи прошло нѣкоторое время, пока разобрали, что̀ слѣдовало поставить ей въ упрекъ.

Впрочемъ, что касается самого Аполлинарія, то вопросъ о немъ, повидимому, долгое время развивался въ рамкахъ богословской школы и среди ея полемистовъ [2]). Діодоръ и Флавіанъ обмѣнялись

---

[1]) Сочиненія Аѳанасія противъ Аполлинарія не подлинны.

[2]) Исторія Аполлинарія темна; современники мало говорятъ о немъ; сочиненія же его были большею частью уничтожены или распространены подъ чу-

съ Аполлинаріемъ полемическими выпадами; онъ раскрывалъ свои идеи и въ своихъ сочиненіяхъ положительнаго содержанія. Несмотря на непріятности, причиненныя антіохійскимъ каѳоликамъ при Валентѣ, послѣдніе имѣли время горячо вступаться въ такого рода вопросы. Споръ принялъ общецерковный характеръ лишь тогда, когда одинъ изъ друзей Аполлинарія, Виталій, будучи какъ и Діодоръ съ Флавіаномъ пресвитеромъ изъ общины Мелетія, покинулъ этихъ лицъ и перешелъ въ общину Павлина. Этой общинѣ онъ сперва оказалъ громадную услугу, доставивъ ей союзъ съ римской церковью. Онъ отправился въ Италію, повидался съ папой Дамасомъ и добился отъ него посланія, въ которомъ тотъ призналъ Павлина. Я говорилъ выше, какъ Дамасъ, встревоженный тѣмъ, что ему другіе разсказали о Виталіи, взялъ свое рѣшеніе назадъ и предписалъ принять Виталія въ общеніе только послѣ выполненія имъ нѣкоторыхъ условій. Принять эти условія для Виталія значило бы отречься отъ своего раннѣйшаго поведенія. Онъ остался вѣренъ Аполлинарію. Отверженный Павлиномъ и не имѣя болѣе доступа въ общину Мелетія, онъ не задумался основать новую: его стараніями и въ его лицѣ Антіохія получила третьяго епископа, не говоря уже, разумѣется, про епископа оффиціальной партіи, Евзоія, который былъ аріаниномъ. Въ это время надумалъ пріѣхать въ Антіохію Епифаній, внимательно слѣдившій за всѣми этими осложненіями изъ своего мѣстопребыванія на о. Кипрѣ, желая провѣрить, что было вѣрнаго въ тѣхъ извѣстіяхъ, которыя до него доходили. Онъ бесѣдовалъ съ Павлиномъ, котораго Виталій называлъ савелліаниномъ; Павлинъ безъ труда оправдался. Что касается Виталія, Епифаній съ удовольствіемъ убѣдился, что тотъ отвергаетъ безсмысленныя ученія, пущенныя въ обращеніе докетами разныхъ толковъ, но съ сожалѣніемъ замѣтилъ, что о Христѣ онъ учитъ, какъ о неполномъ человѣкѣ, въ которомъ Слово замѣняло человѣческій разумъ[1]). Онъ тщетно старался переубѣдить его и въ огорченіи вернулся домой.

Между тѣмъ папа Дамасъ, не называя Аполлинарія по имени,

жими именами. Dräseke, *Apollinarios v. Laodicea* въ *Texte und Untersuchungen*, VII (1892), старался воспроизвести его богословское ученіе, но не всѣ его черты одинаково достовѣрны. Важнѣйшія изъ сочиненій Аполлинарія—трактатъ Περὶ τῆς θείας σαρκώσεως τῆς καθ' ὁμοίωσιν ἀνθρώπου, возстановленный Дрэзеке по цитатамъ (*op. cit.* 381), и исповѣданіе вѣры Κατὰ μέρος πίστις (p. 369), пущенное въ оборотъ подъ именемъ св. Григорія Чудотворца.

[1]) См. любопытный разсказъ объ этомъ свиданіи у Епифанія, *Haer.*, LXXVII, 20—23.

осудилъ его христологію, отвергая въ то же время и тѣхъ, кто раздѣлялъ Христа на два лица—Сына Божія и Сына человѣческаго. Въ этомъ послѣднемъ ученіи никто на Востокѣ не былъ повиненъ, но аполлинаріане всегда старались навязать его своимъ противникамъ. Изгнанные въ Палестину египетскіе епископы въ свою очередь высказались противъ Аполлинарія [1]). Такимъ образомъ противъ новаго догмата возстали и Римъ, и православный Египетъ. Странно, что Виталій и Аполлинарій помышляли о сопротивленіи. На что могли они разсчитывать? Всѣ, кто на Востокѣ объединялся вокругъ Мелетія и Василія, давно уже относились къ нимъ подозрительно. Виталій и Аполлинарій вѣдь были членами малой церкви. Теперь, когда послѣдняя отвергла ихъ, а ихъ покровители въ Египтѣ и на Западѣ открыто осуждали ихъ, на кого могли они опереться?

Однако они пошли на рискъ. Кромѣ двухъ церквей въ Антіохіи и Лаодикіи они организовали третью въ Беритѣ, епископомъ которой былъ поставленъ нѣкій Тимоѳей. Были посвящены и отправлены въ дальнія страны еще другіе епископы. Начиная съ 377 г., Василій горько жалуется на ихъ проповѣдь; ихъ посланцы расходятся повсюду, стремясь вызвать раздѣленіе въ церквахъ. Мы уже видѣли, что тотчасъ же послѣ смерти Валента эта партія постаралась овладѣть константинопольской церковью и что у нея хватило смѣлости дѣлать выступленія противъ знаменитаго Григорія въ самомъ Назіанзѣ.

Эти попытки не могли имѣть никакого успѣха. Римъ, Антіохія, Александрія, и малая и великая церкви, сыпали осужденіями; вселенскій соборъ 381 года включилъ аполлинаріанъ въ число еретиковъ и въ то же время далъ на Востокѣ господствующее положеніе самымъ ярымъ ихъ противникамъ. Наконецъ въ 383 г. были изданы императорскіе эдикты [2]), приравнявшіе ихъ къ евноміанамъ, аріанамъ и македоніанамъ; имъ было запрещено устраивать собранія и имѣть свое духовенство.

Подъ такимъ давленіемъ движеніе остановилось или скорѣе затаилось: аполлинаріанская церковь стала невозможною, если только она когда-нибудь была таковою; осталась лишь богословская школа безъ видимой организаціи. Основатель ея прожилъ еще нѣсколько лѣтъ въ такомъ мракѣ неизвѣстности, что мы тщетно старались бы въ него проникнуть. Повидимому онъ продолжалъ свою

---

[1]) Basil., *Ep.* 265.
[2]) *Cod. Theod.,* XVI 5, 12, 13, 14, 33.

писательскую дѣятельность. Послѣ смерти Аполлинарія его ученики, чтобы спасти его сочиненія, придумали ставить на нихъ чужія имена. Такимъ образомъ сочиненія Аполлинарія продолжали распространяться. Были использованы имена Григорія Чудотворца, Аѳанасія, папъ Діонисія, Феликса и Юлія, чтобы подъ ихъ покровомъ спасти произведенія Аполлинарія и его школы. Этотъ обманъ увѣнчался большимъ успѣхомъ; онъ повлекъ въ слѣдующемъ столѣтіи много жертвъ[1]).

5. Сирія.

Оба поборника православія въ печальныя времена Констанція и Валента, Діодоръ и Флавіанъ, стояли теперь во главѣ церквей Востока: первый былъ епископомъ въ Тарсѣ и митрополитомъ Киликіи, второй епископомъ въ Антіохіи. До своего поставленія во епископы Діодоръ жилъ въ Антіохіи (378 г.) и пользовался тамъ большимъ уваженіемъ. Подобно Аполлинарію, онъ былъ ученымъ человѣкомъ, вскормленнымъ на аристотелевской философіи, и былъ погруженъ въ высшей степени солидныя экзегетическія изслѣдованія. Онъ писалъ много о всевозможныхъ вопросахъ, которые только представляли интересъ съ богословской точки зрѣнія. Его полемика была направлена не только противъ аріанъ и Аполлинарія; язычники и философы также давали пищу для его пера. Среди соблазновъ большого города онъ находилъ возможность проводить самую строгую аскетическую жизнь. Его худоба была общеизвѣстна: онъ былъ похожъ на скелетъ. Императоръ Юліанъ, который зналъ его, но не любилъ, полагалъ, что худоба послана ему въ наказаніе олимпійскими богами[2]).

Въ то время, когда Юліанъ строилъ такое предположеніе, изможденному Діодору оставалось жить еще болѣе тридцати лѣтъ. Прежде, чѣмъ покинуть Антіохію, онъ воспиталъ тамъ двухъ молодыхъ людей, которыхъ ожидала великая слава: Ѳеодора, который, подобно своему учителю, переѣхалъ потомъ въ Киликію, гдѣ умеръ епископомъ мопсуестійскимъ, и Іоанна, впослѣдствіи прозваннаго Златоустомъ, предназначеннаго къ такой славѣ оратора и къ такимъ печальнымъ превратностямъ судьбы. Ѳеодоръ мопсуестійскій—отецъ несторіанства, а Діодоръ былъ его дѣдомъ.

---

[1]) Леонтій Византійскій (?) *Adversus fraudes Apollinaristarum*; Migne, *P. G.* t. LXXXVI_2 p. 1928.

[2]) Iulian. *Ep.* 79.

Ярый противникъ Аполлинарія, онъ успѣлъ въ противовѣсъ ему утвердить ученіе о полномъ совершенномъ человѣческомъ естествѣ Христа и такимъ образомъ спасти для всѣхъ будущихъ поколѣній историческій смыслъ Евангелія. Но ему не удалось найти для выраженія отношенія между человѣческимъ естествомъ Христа и Его божественностью такую формулу, которая удовлетворила бы тѣмъ требованіямъ, какія предъявляла догматика къ этому важному вопросу. Между двумя «природами»[1]) онъ допускалъ только нравственную связь. Онъ избѣжалъ употребленія выраженій: два сына, двѣ личности, но въ сущности Діодоръ и его послѣдователи представляли себѣ Христа какъ пророка, «одержимаго» Божествомъ, но не частично и временно, какъ древніе іудейскіе пророки, а непрерывно, постоянно и съ совершеннѣйшей полнотой. Такое представленіе не соотвѣтствовало тому соприкосновенію, тому проникновенію, которое выражено и въ евангельскомъ изреченіи: «Слово стало плотью», и въ мистической формулѣ: «Богъ содѣлался человѣкомъ, чтобы насъ обожить». Скорѣе оно приближалось къ воззрѣніямъ, которыя въ Антіохіи же отстаивалъ Павелъ Самосатскій.

Пока не явились критики, которые вскорѣ выступили противъ Діодора не только со стороны аполлинаріанъ, этотъ послѣдній былъ одно время богословскимъ оракуломъ господствующей церкви.

Флавіанъ въ моментъ своего избранія на антіохійскую каѳедру былъ уже въ преклонныхъ годахъ, такъ какъ онъ помнилъ еще рѣчи епископа Евстаѳія, одного изъ отцовъ Никейскаго собора. Онъ не стяжалъ себѣ славы писателя. Какъ Нектарій въ Константинополѣ, онъ былъ добрымъ и миролюбивымъ пастыремъ. Время острой борьбы миновало для его паствы; старый боецъ отдыхалъ. Онъ могъ предаваться отдыху тѣмъ безопаснѣе, что скоро у него нашелся превосходный помощникъ въ лицѣ Златоуста. Какъ Діодоръ, Ѳеодоръ и самъ Флавіанъ, Іоаннъ происходилъ изъ знатной семьи; учился онъ у Ливанія. Ливаній долго радовался на него; говорятъ даже, что знаменитый риторъ, умирая, назначилъ своего христіанскаго ученика своимъ преемникомъ по каѳедрѣ краснорѣчія. Но Златоустъ мечталъ объ иномъ поприщѣ. Мелетій его крестилъ и поставилъ чтецомъ; нѣкоторое время онъ прожилъ подлѣ своего епископа, затѣмъ послѣ ссылки Мелетія жилъ со своей матерью. Въ одинъ прекрасный день онъ

---

[1]) Выраженіе: «Двѣ природы» было техническимъ терминомъ у Діодора; «Одна природа»—терминъ Аполлинарія (μία φύσις τοῦ Θεοῦ λόγου σεσαρκωμένη), который передалъ его Кириллу александрійскому и монофиситамъ.

бѣжалъ въ пустыню и поселился съ монахами на сосѣдней съ Антіохіей горѣ. Приблизительно въ это же время Іеронимъ предавался аскетическому изнуренію плоти неподалеку, въ пустыняхъ Халкиды. Ихъ впечатлѣнія отъ восточныхъ отшельниковъ очень различны. Насколько Іеронимъ горько отзывается о нихъ[1]), настолько Іоаннъ увлекается ими. Его прекрасная, молодая, чистая и довѣрчивая душа замѣчала всюду только святыхъ людей и поучительные примѣры. Но суровая жизнь въ пустынѣ была ему не по силамъ; черезъ шесть лѣтъ расшатанное здоровье заставило его вернуться въ Антіохію (380 г.). Мелетій только что возвратился туда. Онъ снова принялъ его въ свой клиръ въ санѣ діакона, а Флавіанъ въ 386 г. посвятилъ его въ пресвитеры. Іоаннъ былъ уже извѣстенъ нѣсколькими сочиненіями: о священствѣ, о монашеской жизни, о Провидѣніи; его даръ слова обнаружился въ нѣсколькихъ проповѣдническихъ опытахъ. Флавіанъ далъ ему каѳедру и поставилъ его проповѣдникомъ въ старомъ соборѣ, Палеѣ, какъ его называли. Оттуда-то, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, изливался на антіохійское населеніе потокъ краснорѣчія, яснаго, изысканно простого, удивительно приспособленнаго къ потребностямъ времени, ко вкусамъ антіохійцевъ, къ ихъ тогдашнему настроенію. Обычной темой проповѣдей была библія, которую Іоаннъ изъяснялъ безъ аллегоричекихъ тонкостей; иногда ораторъ нападалъ на аномеевъ, которые были тогда еще многочисленны и производили не мало смятеній, или на евреевъ, или скорѣе на христіанъ, которыхъ привлекали еврейскія праздиества. Большіе праздники христіанской церкви, годовщины мучениковъ вносили отъ времени до времени разнообразіе въ рядъ его поученій. Случались также необычайныя событія, моменты общественныхъ волненій, когда тревога цѣлаго народа проникала въ душу проповѣдника и, встрѣтясь тамъ съ великимъ спокойствіемъ святого, порождала возвышенныя и захватывающія рѣчи. Такъ въ 387 г. народъ возсталъ по поводу какого-то новаго налога, ниспровергъ статуи императора Ѳеодосія и императрицы Флакиллы, поволокъ ихъ по улицамъ и издавалъ привѣтственные клики въ честь западнаго узурпатора Максима. Легко было предвидѣть, какое послѣдуетъ за этотъ бунтъ мщеніе. Участь Ѳессалоники еще не была предостереженіемъ: тотъ фактъ произошелъ лишь въ слѣдующемъ году. Но строгость Ѳеодосія уже была извѣстна, равно какъ и его вспыльчивость. Въ то время,

[1]) Ср. выше стр. 322 и сл.

какъ почтенный Флавіанъ отправился среди зимы въ путь въ Константинополь, Златоустъ поддерживалъ антіохійскихъ христіанъ, подкрѣплялъ ихъ и пользовался ихъ душевнымъ волненіемъ, чтобы преподать имъ полезныя увѣщанія. Позднѣе, въ 395 году, пришло извѣстіе о томъ, что гунны заполонили азійскія провинціи имперіи, ихъ видѣли даже въ окрестностяхъ Антіохіи. Случай былъ удобенъ для призыва къ покаянію, и Златоустъ не упустилъ его.

Но приближалось время, когда, жертва своей великой славы, онъ былъ отнятъ у восторгавшихся имъ соотечественниковъ и переведенъ въ столицу. Въ 398 году Іоаннъ унаслѣдовалъ константинопольскую каѳедру послѣ Нектарія.

Схизма, разъединявшая антіохійскихъ каѳоликовъ, еще не была улажена. Павлинъ держался вопреки Флавіану, опираясь на поддержку Запада и Египта. Немного времени спустя послѣ отъѣзда Павла и Іеронима [1]), онъ почувствовалъ приближеніе смерти. Очевидно изъ страха, что его кружокъ не переживетъ его и что убѣдительное воззваніе къ сердцу и здравому смыслу его послѣдователей возсоединитъ ихъ съ великой церковью, онъ поставилъ себѣ преемника. Выборъ его остановился на Евагріи, старомъ другѣ Евсевія верчелльскаго [2]), и онъ самъ посвятилъ его передъ смертью во епископы, одинъ, безъ участія какого-либо еще епископа [3]). Все это было въ высшей степени неканонично. Однако «евстаѳіане» пустили такіе крѣпкіе корни въ Антіохіи и имѣли такую поддержку извнѣ, что противъ этого акта не послѣдовало возраженій: Евагрій былъ принятъ малой церковью.

Само собою разумѣется, что послѣдняя привлекала къ себѣ всѣхъ недовольныхъ великой церковью. Всякій, кто могъ пожаловаться на Флавіана и его духовенство, шелъ къ Евагрію. Въ особенности женщины постоянно перебѣгали изъ одной общины въ другую. Обѣ стороны считали себѣ правовѣрующими; предпочтеніе той или другой зависѣло отъ очень слабыхъ оттѣнковъ, но это не мѣшало членамъ той и другой церквей заводить ссоры, осы-

---

[1]) Ср. выше стр. 327.

[2]) Ср. выше стр. 271, 322.

[3]) Ему, безъ сомнѣнія, трудно было бы найти епископа въ Сиріи, ибо тамъ всѣ были на сторонѣ Флавіана. Прибѣгать къ помощи Епифанія или египтянъ было бы трудно въ виду ихъ отдаленности. Впрочемъ они и не согласились бы помогать посвященію, которое безъ нужды поддерживало схизму. Они не поддержали Евагрія.

пать другъ друга ругательствами и анаѳемами. Это раздѣленіе очень безпокоило клиръ Флавіана[1]), но что было подѣлать?

Евагрій не былъ признанъ ни александрійскимъ епископомъ, ни Западными. Если бы даже посвященіе его было правильно, то все-таки Западные, настойчиво протестовавшіе противъ мысли поставить преемника Мелетію, слишкомъ противорѣчили бы себѣ, если бы допустили теперь замѣщеніе Павлина. Однако они не становились и на сторону Флавіана и продолжали считать его права на каѳедру спорными. Амвросій велъ эту борьбу противъ Флавіана со своей обычной настойчивостью. Онъ хотѣлъ въ 382 г. вызвать на судъ обоихъ, и Флавіана, и Павлина; теперь онъ желалъ, чтобы прислали въ Италію Флавіана и Евагрія и не упускалъ случая приставать къ Ѳеодосію съ этой просьбой. Но Флавіанъ не допускалъ мысли, чтобы кто-нибудь оспаривалъ его права, для него самого очевидныя; ему всегда удавалось избѣгнуть вызововъ на соборы[2]). Въ 391 г. Амвросію показалось, что онъ достигъ своей цѣли. Онъ добился созыва большого собора въ Капуѣ, а Ѳеодосій, вернувшись на Востокъ, вызвалъ къ себѣ антіохійскаго епископа. Онъ сдѣлалъ ему выговоръ и хотѣлъ отправить его въ Италію, но Флавіанъ сослался на зимнее время, на свою старость, словомъ, выпросилъ позволеніе вернуться на Востокъ. Соборъ въ Капуѣ состоялся безъ него. Утомившись борьбой, на этомъ соборѣ рѣшили возстановить сношенія со всѣми православными восточными епископами, а окончательное рѣшеніе антіохійскаго вопроса поручить Ѳеофилу александрійскому. Тотъ созвалъ обѣ партіи, но и въ этотъ разъ Флавіанъ избѣгъ явки, сославшись на императорскіе эдикты[3]).

Дѣло было не такъ просто, какъ воображалъ Амвросій. Флавіана и Евагрія нельзя было ставить на одну доску ни по вліянію, ни по степени законности ихъ избранія. Ѳеофилъ дѣйствовалъ осторожно, и папа Сириції оказалъ ему свою поддержку въ духѣ умиротворенія, что очень содѣйствовало разрѣшенію спора. Алексан-

---

[1]) Chrysost. *Hom. XI in Eph.* 5, 6 (*P. G.* t. LXII, 85—86), *Hom. de Anathemate* (*P. G.* t. XLVIII, p. 945 и сл.). Cavallera (*Le Schisme d'Antioche*, 16) приписываетъ послѣднее поученіе Флавіану, въ виду одной выдержки изъ Игнатія Антіохійскаго, которую ораторъ отмѣчаетъ словами: ἅγιός τις πρὸ ἡμῶν τῆς διαδοχῆς τῶν ἀποστόλων γενόμενος. Но въ этомъ текстѣ ораторъ только выражаетъ ту мысль, что Игнатій жилъ въ прошломъ поколѣніи, близкомъ ко временамъ апостольскимъ; онъ, кажется, не представляетъ его какъ своего предшественника на апостольской каѳедрѣ въ Антіохіи.

[2]) Отъ Ѳеодорита (V, 23) можно воспользоваться здѣсь только общими чертами, такъ какъ его разсказъ неточенъ и сбивчивъ

[3]) Ambros., *Ep.* 56.

дрійскій епископъ созвалъ соборъ въ Кесаріи Палестинской. Онъ долженъ былъ на немъ предсѣдательствовать, но въ послѣднюю минуту вспомнилъ, что борьба, какую онъ предпринялъ противъ боговъ, требуетъ его присутствія въ Александріи: соборъ, составленный изъ сирійскихъ епископовъ, естественно пошелъ рука объ руку съ папой въ дѣлѣ умиротворенія. Начертывая программу занятій, папа заявилъ, что не слѣдуетъ противорѣчить правилу Никейскаго собора, требующему для посвященія во епископы присутствія нѣсколькихъ епископовъ. Это значило осудить Евагрія. Сирицій высказался далѣе, что въ Антіохіи не должно быть болѣе одного епископа, законно поставленнаго въ согласіи съ канонами Никейскаго собора. По этому опредѣленію соборъ призналъ законнымъ епископомъ Флавіана и далъ знать объ этомъ постановленіи Θеодосію[1]).

Вскорѣ послѣ того (394 г.) Флавіанъ, Нектарій и Θеофилъ братски встрѣтились на соборѣ въ Константинополѣ[2]). Естественно предполагать, что Римъ не былъ болѣе придирчивъ, чѣмъ Александрія, и что сношенія съ Западомъ были немедленно возстановлены. Депутація отъ антіохійскаго духовенства, сопровождаемая верійскимъ епископомъ Акакіемъ, явилась въ Римъ[3]). Θеофилъ въ это

---

[1]) Этотъ Кесарійскій соборъ сталъ извѣстенъ лишь недавно изъ опубликованнаго письма Севера антіохійскаго; онъ даже приводитъ важную выдержку изъ посланія этого собора императорамъ Θеодосію, Аркадію и Гонорію. Изъ этого документа видно, что на соборѣ читаны три посланія—одно отъ «братьевъ» (съ Запада?) Θеофилу, другое отъ Капуанскаго собора восточнымъ епископамъ, третье отъ папы римскаго Сириція, въ согласіи съ которымъ соборъ и сдѣлалъ свое постановленіе (*S. W. Brooks, The sixth book of the select letters of Severus*, II (англійскій пер.). Part. I, 1903, 223; французскій пер. у Cavallera *Le Schisme d'Antioche*, p. 286, гдѣ впервые использованъ былъ этотъ документъ). Само собой разумѣется, что соборъ долженъ былъ увѣдомить о своемъ рѣшеніи не только императора, но и папу Сирицію и Θеофила; отъ этихъ посланій до насъ не дошло ничего.

[2]) См. ниже конецъ этой главы.

[3]) Theodor., V, 23. Ни этотъ историкъ, ни Сократъ (V, 15) не связываютъ примиренія Рима съ Антіохіей съ водвореніемъ Златоуста въ Константинополѣ. Одинъ Созоменъ (VIII, 3) сближаетъ оба событія. Напрасно считаютъ за одно два путешествія Акакія, о которыхъ говоритъ Палладій (*Dial.*, 4 и 6). Конечно, не Исидору поручили отвезти въ Римъ сообщеніе объ избраніи Златоуста, съ которымъ онъ конкурировалъ; Θеофилъ въ этотъ моментъ не хотѣлъ дать ему такое непріятное порученіе. Лучше бы держаться съ легкой поправкой въ опредѣленіи времени этого путешествія историка Сократа (VI, 2), по которому Исидоръ отвезъ въ Римъ два письма своего епископа: къ Максиму и Θеодосію съ условіемъ передать лишь одно тому, кто останется побѣдителемъ. Значитъ, Исидоръ прибылъ въ Римъ въ 388 году, въ тотъ годъ, когда Палладій видѣлъ его въ Александріи. Сократъ можетъ быть смѣшалъ войны противъ Максима и противъ Евгенія; такія ошибки у него часты. Въ такомъ случаѣ путешествіе Исидора и Акакія было въ 394 году, что́ согласно съ годомъ соборовъ въ Капуѣ, Кесаріи и Константинополѣ.

же время послалъ туда почтеннаго пресвитера своей церкви, Исидора. Пріемъ, оказанный имъ, и полученныя ими грамоты положили конецъ этому давнему спору. Но малая церковь еще держалась. Правда, когда Евагрій умеръ, Флавіану удалось помѣшать избранію замѣстителя ему; но приверженцы Евагрія остались сплоченными вокругъ схизматическаго духовенства. Надо сказать, что и Флавіанъ не помогалъ сближенію. Онъ отказывался принимать въ число своего клира тѣхъ, кто былъ посвященъ Павлиномъ или Евагріемъ. Такія посвященія въ его глазахъ были недѣйствительны. Его непримиримость не нравилась въ Римѣ: Ѳеофилъ опять выступилъ посредникомъ и письмами убѣждалъ своего антіохійскаго сотоварища быть уступчивѣе. Онъ приводилъ ему разные примѣры, между прочимъ Амвросія миланскаго, который не поколебался признать духовенство, поставленное Авксентіемъ [1]). Это дѣло было во времена папы Анастасія (400 или 401 г.); Флавіанъ затѣмъ вскорѣ умеръ, но мѣстный расколъ не исчезъ.

Сирія по теченію Евфрата или Евфратская провинція видѣла при Константѣ знаменитаго Евдоксія, епископа Германикіи, который путемъ интригъ послѣдовательно занималъ антіохійскую и константинопольскую каѳедры. Во времена императора Валента здѣсь жилъ еще знаменитый епископъ совсѣмъ иного типа, епископъ самосатскій Евсевій [2]), другъ Мелетія и Василія, также тѣсно связанный съ движеніемъ, направлявшимъ Востокъ въ сторону никейскаго православія. Его независимое поведеніе довело его до ссылки во Ѳракію (374 г.). Онъ не былъ писателемъ, но хорошимъ совѣтчикомъ и человѣкомъ большого практическаго смысла. Глубоко убѣжденный въ важности для церкви имѣть хорошихъ епископовъ, онъ внимательно слѣдилъ за всѣми посвященіями. Въ 361 году онъ принималъ участіе въ посвященіи Мелетія въ Антіохіи, позднѣе въ посвященіи Василія кесарійскаго; послѣ смерти Валента онъ самъ посвятилъ одного епископа въ Эдессѣ [3]). При одномъ такомъ посвященіи онъ погибъ въ Долихѣ, куда пріѣхалъ рукополагать новаго епископа Марія: когда онъ проходилъ по улицѣ, одна старая аріанка бросила въ него черепицей, которая попала ему въ голову и смертельно ранила.

Евлогій, посвященный Евсевіемъ въ Эдессѣ, былъ, какъ и тотъ,

---

[1]) Brooks, *l. cit.* 303 и сл. Cavallera, *l. c.*, 290.

[2]) Часто упоминаемый въ письмахъ Василія и Григорія Назіанзина; ср. Theodor. *H. E.* IV, 12, 13, V, 4.

[3]) Ѳеодоритъ (*H. E.* V, 4) перечисляетъ еще много его посвященій.

возвращеннымъ изгнанникомъ. Онъ былъ высланъ изъ Эдессы одновременно съ епископомъ Варсесомъ, который уже не вернулся изъ своего мѣста изгнанія, отдаленной Филе. Христіане этого поколѣнія помнили святого діакона Ефрема (Афреимъ) въ Нисивіи, поэта и выдающагося экзегета[1]). Когда Нисивія была отдана персамъ (363 г.), Ефремъ удалился въ предѣлы имперіи и поселился въ Эдессѣ, гдѣ продолжалъ свою писательскую дѣятельность. Его толкованія на библію, бывшія въ большой славѣ въ тѣ времена, были вскорѣ переведены на греческій языкъ, а позднѣе на армянскій. Для евангелій онъ держался текста *Діатессаронъ*, сборника, гдѣ изложеніе четырехъ евангелистовъ было соединено вмѣстѣ въ одинъ связный разсказъ [2]). Это расположеніе евангельскихъ повѣствованій было очень древнимъ; оно восходило къ знаменитому апологету Татіану, уроженцу этихъ странъ, говорившихъ по-сирійски; Осроенскія церкви давно приняли его въ свой богослужебный обиходъ. Василій былъ знакомъ съ ученымъ «Сириномъ» и весьма уважалъ его [3]). Болѣе всего прославился онъ своими стихотвореніями. Въ Нисивіи онъ воспѣвалъ подвиги своихъ соотечественниковъ, осажденныхъ персами, а въ Эдессѣ приложилъ особыя старанія въ борьбѣ съ еретической литературой. Вардесанъ и его сынъ Армоній оставили послѣ себя цѣлое наслѣдіе популярныхъ пѣсенъ, которыя распространяли и увѣковѣчивали ихъ ученіе. Ефремъ составилъ иныя пѣсни размѣромъ семисложнаго стиха, въ которыхъ онъ энергично нападалъ не только на вардесанитовъ, тогда еще многочисленныхъ, но и на маркіонитовъ, манихеевъ и другихъ еретиковъ, и насаждалъ вмѣстѣ съ христіанской моралью подлинное церковное вѣроученіе. Онъ умеръ въ 373 году въ тотъ моментъ, когда поднималось гоненіе, отправившее въ ссылку и его епископа Варсеса, и столько другихъ осроенскихъ епископовъ.

Когда миновала гроза, жизнь возродилась. Въ то время, какъ харранскіе монахи почитали память Авраама, эдесскіе христіане чтили царя Авгаря и апостола Θому. За сто лѣтъ легенда о царѣ

---

[1]) Исторія св. Ефрема, очень точная у нѣкоторыхъ авторовъ, даже у Тильмона основана на обстоятельныхъ, но очень подозрительныхъ, данныхъ біографическаго или даже автобіографическаго характера; я оставляю ихъ въ сторонѣ и ограничиваюсь нѣсколькими существенными и хорошо провѣренными чертами. Ср. Rubens Duval, *La littérature syriaque.* Paris, 1899, p. 332 и сл. Этотъ авторъ, его жизнь и произведенія еще требуютъ изслѣдованія. Его сочиненія сохранились отрывками по-сирійски; къ нимъ примѣшивается огромное количество подложныхъ. Ср. Hieron. *De viris.* 115 Pallad. *Hist. Laus.* 40 (101), Sozom., III, 16; Theodor., II, 26 и IV, 26.

[2]) Толкованіе Ефрема на Diatessaron существуетъ лишь по-армянски.

[3]) Basil. *Hexam*, 2; *De Spir. Sancto*, 29.

Авгарѣ вошла въ кругъ принятыхъ церковью преданій. Въ старинномъ дворцѣ эдесскихъ царей показывали рѣзные портреты Авгаря и сына его Ману; тамъ же находился знаменитый источникъ, который чудесно забилъ во время осады, замѣняя водопроводы, перерѣзанные персами; священныя рыбы плавали тамъ тогда, какъ и теперь. Но въ особенности тамъ хранили, какъ неоцѣненную святыню, знаменитое письмо Іисуса къ царю Авгарю. Высокопоставленные богомольцы допускались до обозрѣнія его и даже снимали копіи. Когда персы приближались къ Эдессѣ, епископъ восходилъ на крѣпостную стѣну и торжественно читалъ священный текстъ; этого было достаточно, чтобы непріятель тотчасъ же отступилъ. Что касается ап. Ѳомы, то его тѣло хранилось въ огромной и великолѣпной базиликѣ. Откуда взялось оно? Можетъ быть, было бы неделикатно спрашивать объ этомъ; позднѣе утверждали, что оно было перенесено сюда изъ Индіи [1]).

Мало богомольцевъ пускалось въ эти отдаленные месопотамскіе края, расположенные за предѣлами эллинизированнаго міра и постоянно разоряемые войнами. Напротивъ того, пути, ведшіе въ Палестину, все болѣе и болѣе наполнялись богомольцами. Это было какъ бы исполненіемъ древнихъ пророчествъ: всѣ народы шли къ Іерусалиму.

Послѣ Макарія, при которомъ императорское усердіе столь много сдѣлало для святой земли, каѳедра въ Эліи была занята престарѣлымъ исповѣдникомъ Максимомъ, который былъ хромъ и кривъ съ тѣхъ поръ, какъ императоръ Дайя сослалъ его въ рудники. Элія помнила, что когда-то она была Іерусалимомъ. Да и какъ было это забыть въ тотъ вѣкъ, когда базилики Константина и Елены, переполненныя народомъ, оживляли, придавали новую силу этимъ почтеннымъ преданіямъ? Іерусалимскій епископъ былъ для кесарійскаго митрополита слишкомъ внушительнымъ суффраганомъ, что отражалось на ихъ отношеніяхъ, которыя, правда, были опредѣлены на Никейскомъ соборѣ, но нѣсколько туманно, и эта ихъ регламентація не уменьшила соперничества между двумя каѳедрами. Въ догматическихъ спорахъ IV вѣка оба епископа рѣдко бывали на одной сторонѣ. Макарій, повидимому, не питалъ къ Никейскому собору тѣхъ же непріязненныхъ чувствъ, какъ Евсевій кесарійскій: въ 346 году Максимъ чествовалъ Аѳанасія, прибывшаго съ Запада, и даже по этому поводу созвалъ соборъ изъ 16 палестин-

---

[1]) О паломничествѣ въ Эдессу во времена Ѳеодосія см. въ особенности *Peregrinatio*, с. 19.

скихъ епископовъ. Эта манифестація не понравилась новому митрополиту Акакію. Въ тѣ времена одинъ изъ пресвитеровъ Максима, Кириллъ, пользовался славой выдающагося оратора; мы имѣемъ отъ него цѣлый рядъ поученій, произнесенныхъ имъ великимъ постомъ для наставленія оглашенныхъ, готовившихся къ крещенію на пасхѣ. По вопросу о Троицѣ ораторъ очень остороженъ: онъ избѣгаетъ возбуждающаго споры термина: *единосущный*, но его ученіе правильно и безъ уступокъ аріанству. Около 350 года [1]) Кириллъ былъ избранъ въ преемники Максиму, а затѣмъ согласно канонамъ посвященъ мѣстными епископами и, разумѣется, съ согласія митрополита [2]). Въ 351 году онъ написалъ посланіе императору Констанцію, сообщая ему о небесномъ знаменіи, свѣтломъ крестѣ, появившемся на небосклонѣ Іерусалима [3]). Вскорѣ послѣ этого онъ поссорился съ Акакіемъ изъ-за юрисдикціонныхъ вопросовъ: столкновеніе такъ обострилось, что митрополитъ потребовалъ своего суффрагана къ себѣ на соборъ и низложилъ его за неявкой на судъ. Это было въ 357 году: Акакій кесарійскій былъ очень хорошо принятъ при дворѣ. Кириллъ апеллировалъ на этотъ приговоръ, но не могъ сохранить своей каѳедры, которая тутъ же была отдана незаконному ставленнику. Удалившись въ Тарсъ къ еп. Сильвану, онъ сблизился съ кружкомъ полуникейцевъ,— Василія анкирскаго, Георгія лаодикійскаго и другихъ противниковъ рѣзкаго аріанства. Оправданный Селевкійскимъ соборомъ (359 г.), который разобралъ его жалобу, онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ былъ вновь низложенъ на Константинопольскомъ соборѣ, которымъ руководилъ Акакій [4]). Онъ опять появился въ Іерусалимѣ при Юліанѣ [5]), но Валентъ вновь изгналъ его, и лишь въ 378 году онъ могъ вернуться. Онъ принималъ участіе въ Константинопольскомъ соборѣ 381 года и здѣсь торжественно признанъ въ качествѣ законнаго епископа. Съ тѣхъ поръ его оставили въ покоѣ. Онъ могъ вернуться къ управленію своею церковью и даже сосѣдними церквами, такъ какъ мы видимъ, что на кесарійской

---

[1]) Этотъ годъ сообщаетъ въ своей Хроникѣ бл. Іеронимъ.

[2]) Соборное посланіе 382 года (Theodor. *H. E.* V, 9, p. 1033). Сократъ (II, 38) говоритъ, что Максимъ былъ низложенъ Акакіемъ и Патрофиломъ, но это ошибочно.

[3]) Конецъ этого письма несомнѣнно подложенъ.

[4]) Среди обвиненій противъ него было такое. Въ голодный годъ Кириллъ продалъ разныя драгоцѣнности церковной ризницы, между ними богато вышитую ризу, даръ Константина еп. Макарію. Переходя изъ рукъ въ руки, эта дорогая ткань попала къ актеру, который выходилъ въ ней на сцену (Sosom. IV, 25).

[5]) Rufin. *H. E.* I, 37.

каөедрѣ водворился одинъ изъ его племянниковъ, по имени Геласій.

На религіозномъ состояніи церкви въ Іерусалимѣ дурно отразились эти треволненія. Со времени низложенія Кирилла, въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ разные проходимцы подъ покровительствомъ аріанъ смѣнялись у кормила церковнаго управленія въ святомъ городѣ. Противъ нихъ образовалась партія не только среди мѣстныхъ жителей, но и въ нѣдрахъ монастырей, размножавшихся здѣсь съ каждымъ днемъ. Эти представители оппозиціи имѣли связи съ Египтомъ, Западомъ, а въ Сиріи съ партіей Павлина и Аполлинарія. Разумѣется, проходимцы вызывали у нихъ отвращеніе къ себѣ, но и самъ Кириллъ тоже не пользовался симпатіями. Онъ былъ недостаточно чистъ, ему ставили въ упрекъ его сношенія съ кружкомъ Василія анкирскаго и Сильвана [1]), его связи съ Мелетіемъ и Флавіаномъ. Іеронимъ, передающій намъ сплетни этихъ ревнителей, не колеблясь сваливаетъ въ одну кучу Кирилла и его соперниковъ: по его мнѣнію всѣ они были аріанами [2]). Впрочемъ, если бы монахи даже объединились въ общемъ чувствѣ преданности Кириллу,—а до этого было далеко,—то они все же остались бы въ разномысліи другъ съ другомъ по вопросу о Павлинѣ и Аполлинаріи, въ особенности о послѣднемъ: распространеніе его идей волновало умы въ кельяхъ на Масличной горѣ. Положеніе обострилось до того, что соборъ 381 года счелъ благовременнымъ послать Григорія нисскаго съ особымъ порученіемъ въ Палестину и Аравію, гдѣ также были неурядицы.

Григорій увидалъ вблизи это знаменитое паломничество, о которомъ до насъ дошло такъ много восторженныхъ отзывовъ. Въ душѣ этого епископа благоговѣйное восхищеніе библейскими мѣстностями не подавляло иныхъ, высшихъ интересовъ. Вернувшись домой, онъ не выказалъ никакого рвенія относительно святыхъ мѣстъ. Какъ позднѣе авторъ «Подражанія Христу», онъ полагалъ, что шатающіеся по богомольямъ паломники не стоятъ на пути ко спасенію. Нигдѣ не встрѣчалъ онъ столько негодяевъ, какъ въ Іерусалимѣ: кража, прелюбодѣяніе, отравленія, убійства были тамъ обычными явленіями. Вмѣсто того, чтобы подвергать опасностямъ

---

[1]) Были еще пневмотомахи иного толка (Pallad. *Hist. Laus.* 46 [118]), но кажется ихъ было мало. Меланія и Руфинъ вернули ихъ въ нѣдра церкви.

[2]) Chron. a Abr. 2364. Это было написано ранѣе его путешествія въ Палестину послѣ пребыванія въ Антіохіи; онъ почерпнулъ, вѣроятно, въ общинѣ Павлина тѣ злобные и невѣрные толки, которые онъ передаетъ насчетъ Кирилла.

свою добродѣтель на такихъ путяхъ, а свою жизнь—въ такихъ трущобахъ, не лучше ли оставаться въ этой прекрасной Каппадокіи, гдѣ нѣтъ недостатка въ церквахъ, а негодяевъ меньше, чѣмъ честныхъ людей?

Можно задаться вопросомъ, что случилось бы, если бы епископъ нисскій, вмѣсто того, чтобы дѣлиться своими впечатлѣніями съ избранными друзьями [1]), высказалъ ихъ передъ Меланіей, Павлой, Сильваніей, Етеріей и другими убѣжденными паломницами. Къ счастью, его не слыхали, и слава святыхъ мѣстъ отъ его критики не пострадала. Съ теченіемъ времени все больше умножались эти святыя мѣстности. Въ Палестинѣ не было деревни, которая не имѣла бы своихъ библейскихъ воспоминаній. Конечно, многія были достовѣрны, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что мѣстности, упоминаемыя въ библіи, могли быть отождествлены съ городами, мѣстечками, рѣками и горами, дѣйствительно существующими. Но любопытство паломниковъ требовало большихъ подробностей, и спросъ находилъ удовлетвореніе; разыскивались вещи самыя сомнительныя, какъ напр. гробница Іова и дворецъ Мелхиседека. Едва выстроятъ священный памятникъ, около него собирались монахи, и легенда начинала процвѣтать.

Среди поселеній, основанныхъ латинянами, болѣе всего привлекали вниманіе и даже возбуждали молву колоніи на Масличной горѣ и въ Виѳлеемѣ. Первая была древнѣе. Она возникла въ послѣдніе годы царствованія имп. Валента. Тамъ жили Меланія и Руфинъ; и та, и другой были окружены благочестивыми людьми своего пола, свято проводя время въ постѣ, молитвѣ и изученіи св. писанія. Черезъ десятокъ лѣтъ Павла и Іеронимъ поселились въ Виѳлеемѣ въ такой же обстановкѣ. Руфинъ и Меланія сперва побывали въ Египтѣ; новоприбывшіе изъ Антіохіи поселенцы тоже не упустили совершить паломничество къ нильскимъ пустынникамъ. Іеронимъ воспользовался этимъ путешествіемъ, чтобы побесѣдовать въ Александріи съ престарѣлымъ и почтеннымъ Дидимомъ [2]), который, будучи слѣпымъ съ дѣтства, сумѣлъ пріобрѣсти однако такія познанія въ богословскихъ наукахъ, что Аѳанасій поручилъ ему руководство школой для оглашенныхъ. Дидимъ оправдалъ довѣріе своего епископа. Спокойно, несмотря на происходившія кругомъ смуты и волненія, онъ училъ о Троицѣ со-

---

[1]) Greg. Nyss., *Ep.* 2, 3.

[2]) О Дидимѣ и его богословіи см. прекрасный трудъ I. Leitpold'а: *Didymus der Blinde (Text. u. Unt.* T. XXIX. 1905).

гласно самымъ послѣднимъ и наиболѣе православнымъ формуламъ, держась въ общемъ системы Оригена, уже подвергавшейся тогда значительнымъ нападкамъ. Онъ былъ великимъ аскетомъ; св. Антоній, который посѣтилъ его гораздо ранѣе Іеронима, выразилъ ему свое уваженіе; у него было много почитателей среди нитрійскихъ пустынниковъ. Впрочемъ, на своей родинѣ онъ не всѣмъ нравился: многихъ безпокоила его приверженность къ Оригену.

Этотъ оригенизмъ, конечно, не внушалъ подозрѣній Руфину, который ранѣе Іеронима слушалъ уроки Дидима. Іеронимъ также не смущался имъ. Ученый александрійскій слѣпецъ увеличилъ собою число тѣхъ греческихъ наставниковъ, которыми тщеславился Іеронимъ [1],—Аполлинаріемъ и Григоріемъ Назіанзиномъ. Оригенъ продолжалъ быть для него великимъ свѣточемъ церкви; не компрометтируя себя близостью къ его спеціальнымъ воззрѣніямъ, какъ и раньше къ воззрѣніямъ Аполлинарія, онъ безпредѣльно восхищался имъ и со своей обычной мягкостью называлъ бѣшеной собакой [2]) всякаго, кто позволялъ себѣ критиковать александрійскаго учителя.

Въ такомъ настроеніи вернулся онъ изъ Египта и вновь принялся въ своемъ виѳлеемскомъ уединеніи за свои труды по изученію текста библіи и его толкованіямъ. Въ часы досуга онъ переводилъ Оригена и Дидима. Руфинъ, раздѣлявшій увлеченіе своего друга Оригеномъ, сходился съ нимъ какъ по вопросу объ Аполлинаріи, ученіе и пропаганду котораго они оба не одобряли, такъ и въ антіохійскомъ вопросѣ: оба они принадлежали къ партіи Павлина, не считая, однако, себя вправѣ ссориться изъ-за этого съ епископомъ Іоанномъ, преемникомъ Кирилла, состоявшимъ по его примѣру въ общеніи съ Флавіаномъ. У нихъ, слѣдовательно, не было причинъ къ раздору, кромѣ только той, что ихъ было двое и оба они стояли во главѣ колоній одинаковаго происхожденія, а потому подверженныхъ искушенію соперничества. Наконецъ, подлѣ Руфина жила Меланія, женщина самовластная и непреклонная; самъ же онъ при всей своей учености и благочестіи иногда страдалъ отсутствіемъ чувства мѣры и такта, между тѣмъ какъ нужно было имѣть очень много и того, и другого, чтобы не задѣть самаго раздражительнаго человѣка въ мірѣ, котораго судьба дала имъ въ сосѣди.

Въ провинціи Аравіи, по ту сторону Іордана и Мертваго моря,

---

[1]) *De viris*, 109, гдѣ Іеронимъ говоритъ о своей перепискѣ съ Дидимомъ.
[2]) Отрывокъ приведенъ въ І-мъ томѣ, стр. 232, прим. 3.

епископы, за рѣдкими исключеніями, шли вслѣдъ за различными эволюціями восточной группы епископата. Съ 363 года они присоединились, какъ Акакій и Мелетій, къ никейскому исповѣданію. Митрополичья каѳедра въ Вострѣ была тогда занята Титомъ, выдающимся писателемъ, перу котораго принадлежитъ одинъ трактатъ противъ манихеевъ [1]). Титъ и его духовенство могли пожаловаться на Юліана Отступника. Вслѣдствіе какихъ-то безпорядковъ, происшедшихъ въ Вострѣ, епископъ довелъ до свѣдѣнія императора, что хотя христіанъ здѣсь такъ же много, какъ и язычниковъ, но онъ ручается, что удержитъ ихъ въ повиновеніи долгу. Юліанъ поставилъ ему въ преступленіе это заявленіе, которое онъ нашелъ оскорбительнымъ для жителей Востры, и старался поднять ихъ противъ епископа. Ужъ не Юліанъ конечно, былъ виноватъ въ томъ, что вострійцы не сдѣлали Титу ничего худого [2]).

Въ то время, когда Аполлинарій волновалъ Востокъ, въ Аравіи появились новыя странныя ученія, которыя, можетъ быть, и не имѣли большого мѣстнаго значенія, но интересны въ томъ отношеніи, что бросаютъ свѣтъ на работу тогдашней мысли. Впервые попадаются свѣдѣнія о культѣ Маріи, Матери Спасителя. Какъ естественно, ввели его женщины. Повидимому, онѣ заимствовали его изъ Ѳракіи и Скиѳіи. Этотъ культъ выражался въ ежегодномъ праздникѣ: поклонники собирались вокругъ престола, поставленнаго на колеса, и Богородицѣ-Дѣвѣ приносили пирожки, особымъ образомъ приготовленные и называемые «коллириды». Былъ цѣлый чинъ литургіи, отправлять который могли однѣ женщины. Столь свѣдущій въ такихъ дѣлахъ Епифаній выводилъ отсюда секту коллиридіанъ и тщательно опровергалъ ее, какъ въ особомъ посланіи, адресованномъ въ Аравію, такъ и въ своемъ большомъ сочиненіи противъ всѣхъ еретиковъ. Но въ то же время и въ тѣхъ же произведеніяхъ ему пришлось заняться еще другимъ проявленіемъ еретической мысли, которое, можетъ быть, было вызвано предыдущимъ движеніемъ, и во всякомъ случаѣ отличалось противоположнымъ характеромъ. Это—такъ называемая ересь антидикомаріанитовъ. Въ общемъ, это были люди, учившіе, какъ Гель-

---

[1]) Migne *P. G.* T. XVIII, p. 1069, но текстъ искаженъ и неполонъ; надо сличать съ сирійскимъ переводомъ, изданнымъ въ 1859 г. Лагардомъ (Lagarde). О Титѣ см. Hieron. *De viris*, 102, *Ep.* LXX, 4, Sosom., V, 15; новая монографія Sickenberger'а, въ *Texte u. Unt.* T. XXI, 1901.

[2]) Iulian. *Ep.* 52.

видій и Іовиніанъ, что разъ въ Евангеліи говорится о братьяхъ Господнихъ и Іисусъ называется первороднымъ, то Марія должна была имѣть послѣ Него и другихъ дѣтей.

Болѣе серьезная распря возникла изъ-за преемника [redacted]. Нѣкій Вагадій, будучи избранъ и поставленъ на каѳедру Востры, вскорѣ натолкнулся на очень энергичную оппозицію, съ которой согласился и епископскій судъ, состоявшій изъ двухъ епископовъ, Кирилла [1]) и Палладія. Эти два епископа низложили Вагадія и поставили на его мѣсто другого, Агапія. Но Вагадій не помирился со своимъ низложеніемъ и явился въ 381 году на большой Константинопольскій соборъ такъ же, какъ и Агапій. Соборъ, будучи не въ состояніи разобраться въ ихъ спорѣ, поручилъ Григорію нисскому отправиться въ Востру и уладить дѣло. Григорій потерпѣлъ неудачу; распря продолжалась. Замѣшанныя въ ней лица перенесли дѣло въ Римъ, откуда вернулись на Востокъ съ посланіемъ папы Сириція, поручавшимъ епископу александрійскому Ѳеофилу окончательно порѣшить безконечный споръ.

Въ послѣдніе годы царствованія Ѳеодосія самымъ виднымъ сановникомъ въ восточной половинѣ имперіи былъ префектъ преторіи Руфинъ, человѣкъ честолюбивый, алчный и жестокій. Ѳеодосій питалъ къ нему полнѣйшее довѣріе и ему поручилъ охрану своей семьи и восточныхъ владѣній, когда въ 394 г. вынужденъ былъ отправиться въ Италію на борьбу съ узурпаторомъ Евгеніемъ. Честолюбивые планы Руфина не знали границъ. Ему приписывали виды на императорскій престолъ, и кажется, что онъ дѣйствительно прочилъ въ женихи своей дочери Аркадія, старшаго изъ сыновей Ѳеодосія, давно возведеннаго въ соправители имперіи. Пока Ѳеодосій велъ войну противъ Арбогаста и Никомаха Флавіана, Руфинъ проводилъ свободное время въ празднествахъ, устраивавшихся въ честь него самого. Такъ какъ онъ представлялся очень благочестивымъ, то выстроилъ на своей виллѣ подъ Дубомъ, въ трехъ миляхъ отъ Халкидона великолѣпную базилику въ честь апостоловъ Петра и Павла. Папа прислалъ ему часть ихъ мощей. Когда зданіе было окончено, онъ рѣшилъ отпраздновать его освященіе большимъ торжествомъ, на которое пригласилъ главныхъ епископовъ Востока, Нектарія константинопольскаго, Ѳеофила александрійскаго, Флавіана антіохійскаго, Амфилохія

---

[1]) Быть можетъ, Кириллъ іерусалимскій.

иконійскаго, Григорія нисскаго, Θеодора мопсуестійскаго, митрополитовъ: кесаріе-каппадокійскаго, анкирскаго, тарсскаго, кесаріепалестинскаго и многихъ другихъ, всего 37 архипастырей. Онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы принять крещеніе, и хотѣлъ имѣть своимъ крестнымъ отцомъ одного изъ самыхъ почитаемыхъ нитрійскихъ пустынниковъ, Аммуна, того самаго, который обрѣзалъ себѣ ухо, чтобы избѣжать поставленія въ епископы [1]). Святой человѣкъ былъ привезенъ изъ Египта и выполнилъ на праздникѣ Руфина предназначенную ему роль.

Что касается епископовъ, то они воспользовались съѣздомъ, чтобы устроить соборъ. Для этого они переѣхали въ Константинополь въ крестильню св. Софіи. Изъ дѣлъ, которыя тамъ обсуждались, мы знаемъ лишь одно—вопросъ о вострской каѳедрѣ. Оба претендента на нее были на-лицо. Θеофилъ, исполняя порученіе папы Сириція, доложилъ собору объ этой извѣстной распрѣ. Поведеніе епископовъ, низложившихъ Вагадія, встрѣтило суровую оцѣнку; нѣкоторые изъ участниковъ собора предлагали даже проклясть ихъ память. Но руководители собора были противъ того, чтобы выносить какой бы то ни было приговоръ мертвымъ.

Изъ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ до насъ строкъ соборнаго протокола мы не видимъ, какъ именно было рѣшено вострское дѣло [2]). Впрочемъ значеніе этого собранія епископовъ состоитъ не въ томъ пышномъ празднествѣ, которое подало поводъ къ нему, и не въ постановленіяхъ, какія могли быть на немъ сдѣланы, а въ томъ, что оно служитъ свидѣтельствомъ умиротворенія умовъ на Востокѣ. Общецерковный миръ водворился: Флавіанъ сидѣлъ рядомъ съ Θеофиломъ; послѣдній со своими восточными сослужителями шелъ навстрѣчу желанію папы Сириція; расколъ въ Аравіи былъ улаженъ; антіохійская схизма сократилась до размѣровъ мѣстнаго разногласія, не отражавшагося отнынѣ на отношеніяхъ между великими церквами. Это былъ праздникъ мира,—но увы,—наканунѣ весьма смутныхъ дней. Едва черезъ годъ послѣ этого Руфинъ, устроитель этого торжества, палъ жертвой политическаго убійства. Въ 403 году

---

[1]) Pallad. *Hist. Laus.* 11 (12).

[2]) Соборный протоколъ знали до сихъ поръ изъ отрывка, сохранившагося въ одномъ сборникѣ византійскаго церковнаго права; этотъ отрывокъ находится въ сборникахъ соборныхъ постановленій. Съ тѣхъ поръ я нашелъ другой отрывокъ того же протокола въ неизданномъ еще сочиненіи римскаго діакона Пелагія противъ осужденія Трехъ Главъ. Этотъ отрывокъ былъ напечатанъ въ *Annales de philosophie chrétienne*, 1885 г., р. 281. Тамъ и говорится о папѣ Сириціи; въ другомъ отрывкѣ о немъ не упоминается.

его базилика стала свидѣтельницей низложенія Златоуста, и это насиліе породило жестокія распри. Но и онѣ впослѣдствіи улеглись. Имя Ѳеодора мопсуестійскаго напоминаетъ о другихъ распряхъ, отзвукъ которыхъ раздавался въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Соборъ, организованный Руфиномъ, былъ лишь передышкой на скорбномъ пути.

ГЛАВА XVII.

Христіанство какъ государственная религія.

Язычество послѣ Юліана.—Отношеніе Валентиніана и Валента.—Граціанъ.—Алтарь Побѣды.—Языческая реакція въ Римѣ во времена Евгенія.—Өеодосій; закрытіе языческихъ храмовъ.—Храмъ Сераписа въ Александріи.—Народныя волненія.—Положеніе христіанскихъ сектъ при воцареніи Константина.—Запретительные законы.—Новаціане.—Признаніе единой каѳолической церкви.—Союзъ церкви и государства.—Свобода, право собственности, привиллегіи.—Вмѣшательство государства въ церковныя распри, въ поставленіе и низложеніе епископовъ.—Выборы на епископскія должности.—Гражданскій епископскій судъ.

1. Паденіе язычества.

По странной иронія судьбы династія Константина пресѣклась на государѣ-отступникѣ и язычникѣ. Но царствованіе Юліана было непродолжительно; его реставрація эллинизма не пустила никакихъ корней; единственная память, какая о ней осталась,—память о безумной попыткѣ, своеобразномъ религіозномъ маскарадѣ. За исключеніемъ нѣсколькихъ іерофантовъ. убѣжденные язычники, повидимому, пошли на этотъ маскарадъ не съ той охотой, какая была бы желательна его режиссеру. Они сохранили о послѣднемъ благочестивое воспоминаніе, но не особенно жалѣли его.

Въ самомъ дѣлѣ, его выступленія могли только поставить въ смѣшное положеніе идущую къ печальному, но неизбѣжному концу, старую религію и даже навлечь ненависть на нее. Отнынѣ судьба ея была рѣшена; слишкомъ сильно было теченіе эпохи, чтобы государство даже при всей своей силѣ могло повернуть его вспять. Будь императоръ расположенъ къ христіанству, или нѣтъ, оно могло быть все равно увѣреннымъ въ своемъ успѣхѣ. Если уже оно продолжало дѣлать успѣхи въ Африкѣ, несмотря на скандальное поведеніе донатистовъ, если аріанскій кризисъ и появленіе епископовъ, вродѣ Евсевія никомидійскаго, Стефана антіохійскаго, Григорія и Георгія александрійскихъ, Евдоксія константинопольскаго, не мѣшали ему завоевывать Востокъ, то можно судить, какъ

мало могли повредить ему нерасположеніе властей и даже прямыя преслѣдованія.

Христіанскіе государи, наслѣдовавшіе Юліану, Іовіанъ, Валентиніанъ, Валентъ, всѣ принадлежали къ его военной свитѣ. Они не только не скрывали своей вѣры, но даже выставляли ее настолько явно, что заслужили неудовольствіе и временную немилость государя. Достигнувъ власти, они просто предоставили язычество его собственнымъ силамъ, и жизнь вновь пошла тѣмъ же ходомъ, какъ во времена Констанція, хотя и съ меньшей рѣзкостью. Недвижимое имущество, возвращенное Юліаномъ языческимъ храмамъ, было у нихъ отобрано въ императорскую казну [1]), но свобода вѣроисповѣданія каждаго была рѣшительно объявлена [2]). Кажется, что сперва предали забвенію безусловное запрещеніе жертвоприношеній. Только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ были введены ограничительныя мѣры: были запрещены ночныя церемоніи, впрочемъ съ исключеніями, ибо элевзинскія мистеріи, отправлявшіяся ночью, пользовались изъятіемъ изъ запрещенія [3]). Гаданія (гаруспиціи), хотя не были запрещены и даже не порицались, но за ними былъ установленъ непосредственный надзоръ такъ же, какъ и за другими религіозными обрядами, съ которыми связывалось угадываніе будущаго, разумѣется политическаго будущаго. Какъ люди новые, преемники династіи, имѣвшей свои корни лишь въ лицѣ своего послѣдняго представителя утратившей въ народѣ сочувствіе, Валентиніанъ и Валентъ живо чувствовали необходимость упрочить свое собственное положеніе и не допускать усиленія соперниковъ вродѣ Прокопія. Этотъ послѣдній былъ какъ разъ родственникомъ Юліана и имѣлъ личныя связи въ языческомъ мірѣ.

Въ восточной половинѣ имперіи изгнанные изъ своихъ церквей и вынужденные собираться въ уединенныхъ мѣстахъ каѳолики завидовали свободѣ отправленія богослуженія у язычниковъ. Зло-употребили ли тѣ свободой, какая имъ была предоставлена [4]), или по другой причинѣ, но оба брата-императора, въ концѣ концовъ, стали поступать съ ними строже. Жертвоприношенія были вновь

---

1) *Cod. Theod.* X, 1, 8.

2) Законы, повторенные въ кодексѣ Ѳеодосія IX, 16, 9. Ср. Ammian. XXX, 9.

3) *Cod. Theod.* IX, 16, 7, законъ 364 г.; относительно элевзинскихъ мистерій, ср. у Zosim. IV, 3.

4) Валенсійскій соборъ въ 374 г. (кан. 3) еще обсуждалъ вопросъ о крещеныхъ христіанахъ, приносящихъ жертвы или окропляющихся кровью быковъ (тавроболъ).

запрещены, за исключеніемъ воскуренія ладана на алтаряхъ [1]). Граціанъ сперва не проявлялъ большой строгости, однако незамѣтно, чтобы по смерти отца (375 г.) онъ принялъ титулъ верховнаго жреца (pontifex maximus), какой носили всѣ римскіе императоры со временъ Августа и котораго отнынѣ нэ сталъ носить никто. Зосимъ [2]) разсказываетъ по этому поводу, будто римскіе жрецы *(pontifices)* при воцареніи Граціана поднесли ему, какъ главѣ ихъ коллегіи, жреческое облаченіе, но онъ отказался отъ него изъ религіозныхъ соображеній. Разсказъ болѣе, чѣмъ сомнителенъ; но онъ хорошо выражаетъ болѣе рѣшительное сначала личное, а впослѣдствіи и законодательное отношеніе Граціана къ такого рода вопросамъ. Этотъ молодой государь, воспитанный въ истинно-христіанской семьѣ, получилъ въ наставники знаменитаго Авзонія, вскормившаго его на древней литературѣ и ужъ конечно не внушившаго ему никакого предубѣжденія противъ эллинизма. Сдѣлавшись императоромъ, онъ поддерживалъ очень близкія отношенія со св. Амвросіемъ, который повліялъ на него въ иную сторону. Въ общемъ же онъ руководился болѣе всего внушеніями собственной совѣсти и обстоятельствами времени. Не взирая на увѣренія въ терпимости, ни одинъ императоръ IV вѣка,—Юліанъ столько же, какъ и прочіе,—не отказывался отъ мысли возстановить религіозное единство. Граціанъ унаслѣдовалъ отъ своего отца убѣжденіе, что язычество обречено на умираніе, и что государство должно содѣйствовать этому процессу, не компрометтируя себя, однако, насиліемъ. Онъ продолжалъ запрещать жертвоприношенія, но не шелъ дальше этого, по крайней мѣрѣ въ своей законодательной дѣятельности. Ѳеодосій также, хотя его положеніе на Востокѣ было прочнѣе, въ первые годы ограничился тѣмъ же [3]). Въ концѣ-концовъ долго проводимое различіе между жертвоприношеніемъ и прочими обрядами язычества было откинуто: всякое внѣшнее проявленіе язычества какъ въ храмахъ, такъ и на улицахъ и въ частныхъ домахъ, было строго воспрещено [4]).

Такія мѣры влекли за собой закрытіе (или почти закрытіе), всѣхъ храмовъ. Эти сооруженія были почти всюду украшеніями городовъ. Иные, внушительные по размѣрамъ и величественности архитектуры, храмы были къ тому же защищены благоговѣйнымъ страхомъ,

---

[1]) Libanius, *Or. pro templis.*

[2]) IV, 36. Этотъ разсказъ имѣетъ въ виду объяснить одинъ пророческій каламбуръ насчетъ захвата власти Максимомъ.

[3]) *Cod. Theod.* XVI, 10, 7, 9.

[4]) Законы 391 и 392 г.; *Cod. Theod.* XVI, 10, 10—12.

какой они внушали въ теченіе долгихъ вѣковъ. Во многихъ, находились сокровища искусства высокой цѣнности. Что станется съ ними? Законодатель, повидимому, задался уже со временъ Константина цѣлью оградить интересы искусства и сохранить городамъ ихъ замѣчательныя сооруженія [1]). Неоднократно было предписываемо сохранять храмы, даже держать ихъ открытыми, въ особенности когда ихъ можно было приспособить къ общественнымъ потребностямъ, напр. для собраній городскихъ совѣтовъ и мѣстныхъ магистратовъ. Притомъ, если древній культъ и былъ запрещенъ въ принципѣ и въ его религіозныхъ проявленіяхъ, то никто не помышлялъ лишать населеніе игръ и иныхъ удовольствій, которыя были связаны съ нимъ. Во многихъ мѣстахъ попрежнему происходили сборища вокругъ храмовъ, даже когда послѣдніе лишились своихъ идоловъ. Изъ стараго праздника исключалась вся языческая обрядность, но все остальное было удержано, даже жреческое званіе, которое имѣло еще смыслъ своего существованія въ томъ, что на жрецахъ продолжала лежать обязанность устройства общественныхъ праздниковъ и предсѣдательствованія на нихъ [2]). Само собой разумѣется, что во многихъ мѣстахъ изъ стараго культа удерживали нѣсколько больше того, чѣмъ позволяли ревнители новой вѣры. Въ уединенныхъ мѣстностяхъ, въ деревняхъ, въ крупныхъ частныхъ помѣстьяхъ, храмы, священныя рощи, таинственные источники долго еще сохраняли свое обаяніе. Послѣдняя жертва была принесена уже нѣсколько столѣтій спустя послѣ запрещеній Констанція и Өеодосія.

Впрочемъ, въ этого рода дѣлахъ никогда не надо смѣшивать законъ и его примѣненіе. Даже въ крупныхъ городахъ, гдѣ правительственная власть была сильна, прошло много времени, пока язычество, запрещенное на бумагѣ, перестало сохранять выдающееся положеніе. Констанцій посѣтилъ Римъ въ 357 году; онъ увидалъ, что храмы стоятъ попрежнему и такъ же, какъ раньше, полны народа; онъ зналъ (какъ могъ онъ не знать?), что, не взи-

---

[1]) *Cod. Theod.* XVI, 10, 8 отъ 382 г. (здѣсь идетъ рѣчь о храмѣ, находящемся въ Осроенѣ; я полагаю, что дѣло идетъ о городѣ въ Харранѣ); XVI, 10, 15—18 отъ 399 года.

[2]) Въ императорскихъ эдиктахъ еще довольно долго спустя упоминаются жрецы, *sacerdotes* или *coronati*. Были даже малоразборчивые христіане, которые, какъ во времена Эльвирскаго собора, домогались этихъ должностей. Пришлось издать законы, воспрещающіе имъ доступъ къ нимъ. (*Cod. Theod.* XII, 1, 112). Жрецы хотя и не были уже обязаны приносить жертвы, однако были слишкомъ тѣсно связаны съ язычествомъ, чтобы не казалось неприличнымъ христіанину занимать такую должность.

рая на его законы, тамъ курился фиміамъ и дымилась жертвенная кровь, что расходы на религіозныя торжества еще оплачивались казною. Онъ не выразилъ ни одобренія, ни порицанія этому порядку, ибо былъ подобенъ мраморному изваянію и хвалился тѣмъ, что никогда не выдавалъ своихъ впечатлѣній. Юліану не пришлось возстановлять римскихъ алтарей, такъ какъ они и не были разрушены. Они уцѣлѣли и при христіанскихъ государяхъ, его преемникахъ. Однако непрерывные успѣхи христіанства отнимали у старой вѣры поддержку въ народныхъ массахъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ тѣснѣе становился кругъ ея приверженцевъ. Крѣпко держась за старыя традиціи, аристократія старалась поддерживать ихъ, но это было нелегко. Съ трудомъ замѣщались должности жрецовъ и пополнялись священныя коллегіи. Нѣкоторые знатные аристократы занимали по нѣскольку жреческихъ должностей, очевидно потому, что находилось мало лицъ, способныхъ замѣщать ихъ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ правительство ставило вопросъ, стоитъ ли оплачивать культъ, имѣющій сравнительно мало послѣдователей. Здѣсь надо дать нѣсколько объясненій. При господствѣ языческой религіи, когда государство имѣло нужду въ жертвоприношеніяхъ, оно само оплачивало ихъ издержки. При христіанскихъ императорахъ нужды въ нихъ больше не было: Граціану поэтому здѣсь ничего не приходилось вводить новаго. Но храмы владѣли пожертвованнымъ имуществомъ, движимымъ и недвижимымъ, которымъ оплачивались текущіе расходы культа. Съ другой стороны жреческій персоналъ, поскольку его должности не были лишь почетными и безплатными, получалъ вознагражденіе отъ городскихъ властей, а въ Римѣ ему платила жалованье казна, которая вообще завѣдывала и управленіемъ храмовыхъ имѣній и въ концѣ-концовъ привыкла смотрѣть на себя, какъ на настоящую собственницу этихъ имѣній. Когда населеніе цѣликомъ или въ большей своей части переходило въ христіанство, городскимъ властямъ приходилось принимать мѣры, чтобы покончить съ такимъ положеніемъ дѣла. Хотя мы и не знаемъ подробностей, но можемъ предположить, что ликвидація происходила не вездѣ одновременно и одинаковымъ способомъ, и что при этомъ происходило много злоупотребленій и незаконныхъ захватовъ. Граціанъ сдѣлалъ одно общее распоряженіе, содержаніе котораго до насъ не дошло [1]: оно было примѣнено не только къ тѣмъ языческимъ

---

[1]) На него часто намекаютъ св. Амвросій и Симмахъ въ своемъ спорѣ по поводу алтаря Побѣды; ср. *Cod. Theod.* XVI, 10, 20.

святилищамъ, которыя, будучи покинуы населеніемъ, въ самомъ дѣлѣ утратили смыслъ своего существованія, но и къ вполнѣ жизненнымъ еще учрежденіямъ, которыя такимъ путемъ хотѣли скорѣе довести до исчезновенія. Тогда-то нанесенъ былъ роковой ударъ большимъ римскимъ коллегіямъ,—понтификовъ, весталокъ, квиндецемвировъ и проч.

Этотъ законъ уже былъ примѣненъ въ 382 году, когда произошелъ случай съ алтаремъ Побѣды. Послѣ битвы при Акціумѣ Августъ помѣстилъ въ залѣ засѣданій сената статую Побѣды, перевезенную когда-то изъ Тарента при завоеваніи этого города римской республикой; подъ статуей находился алтарь, на который сенаторы, входя, бросали нѣсколько зеренъ ладана. Клятвы и обѣты, приносимые здѣсь, освящались присутствіемъ богини. Когда среди сенаторовъ явились христіане, они вскорѣ нашли оскорбленіемъ для себя присутствіе этого идола. Императоръ Констанцій велѣлъ вынести эту статую оттуда, но Юліанъ водворилъ ее на прежнее мѣсто. Послѣ него она оставалась тамъ, благодаря относительной терпимости, какая господствовала при Іовіанѣ и Валентиніанѣ. Но сенаторовъ-христіанъ съ каждымъ днемъ становилось все больше и больше, и ихъ щепетильность нашла благопріятный откликъ у Граціана, который приказалъ вновь удалить возбуждающую раздоръ богиню; сенаторы-язычники протестовали противъ этого распоряженія устами самаго выдающагося въ ихъ средѣ, Симмаха; они ссылались на то, что составляютъ большинство, и просили, чтобы по крайней мѣрѣ въ стѣнахъ сената къ римской религіи сохранили почтеніе. Граціанъ не принялъ депутата язычниковъ; изъ заявленія сенаторовъ-христіанъ, переданнаго ему папою Дамасомъ, онъ узналъ, что Симмахъ не выражаетъ истинныхъ чувствъ собранія. Но Граціанъ умеръ въ слѣдующемъ году (383), а Валентиніанъ II позволилъ Симмаху высказаться передъ императорскимъ совѣтомъ. Между тѣмъ Симмахъ былъ назначенъ префектомъ Рима. Его рѣчь произвела большое впечатлѣніе [1]). Тогда вмѣшался Амвросій, потребовалъ себѣ на просмотръ рѣчь Симмаха и сдѣлалъ на нее возраженія по каждому пункту [2]). Старый римлянинъ требовалъ не только возстановленія алтаря Побѣды; онъ протестовалъ въ то же время противъ грабительскихъ законовъ, которые лишили храмы ихъ доходовъ, а жрецовъ—ихъ жалованія: въ особенности горячо защищалъ онъ весталокъ. У Амвросія былъ готовъ

---

[1]) *Symm. rel.*, 3.
[2]) *Ambros.* Ep. 17, 18.

отвѣтъ на все; но надо признаться, что послѣ столькихъ протекшихъ съ тѣхъ поръ вѣковъ странное впечатлѣніе производятъ его доводы, при сопоставленіи ихъ съ аргументами Симмаха: до того тѣ и другіе сходны съ тѣмъ, что говорится въ наше время партіями, ведущими подобный же споръ [1]).

Домогательства Симмаха не имѣли никакого успѣха; все осталось попрежнему. Въ этомъ 384 г. боги лишились одного изъ самыхъ вѣрныхъ своихъ слугъ въ лицѣ Веттія Агорія Претекстата. Онъ былъ префектомъ преторіи въ то время, какъ Симмахъ былъ префектомъ Рима [2]). Другая крупная личность языческаго міра Никомахъ Флавіанъ былъ также (383 г.) префектомъ преторіи. Такія должности показываютъ, что если законы по отношенію къ язычеству были суровы, то правительство не питало враждебныхъ чувствъ къ его защитникамъ. Въ 387 году Максимъ вторгся въ Италію и принудилъ Валентиніана II бѣжать къ Ѳеодосію. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ его власть признавалась въ Римѣ, и Симмахъ, которому не въ первый разъ уже приходилось писать панегирики, произнесъ рѣчь въ честь новаго государя. Ему не посчастливилось, такъ какъ Ѳеодосій въ скоромъ времени возстановилъ на престолѣ своего юнаго соправителя; Максимъ, побѣжденный въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, былъ выданъ восточному императору и, наконецъ, казненъ, а тѣ, кто приняли его сторону, попали въ очень щекотливое положеніе. Симмахъ укрылся въ церкви [3]). Онъ былъ помилованъ и не потерпѣлъ ни личнаго, ни имущественнаго ущерба, и даже не лишился своихъ должностей. Ѳеодосій и Валентиніанъ прибыли въ Римъ въ 389 году. Флавіанъ и Симмахъ опять появились въ ихъ свитѣ; первый вновь занялъ мѣсто префекта преторіи, а Симмахъ предназначенъ былъ въ консулы и дѣйствительно вступилъ въ эту должность 1 января 391 года. Очевидно правительство старалось привязать къ себѣ личными милостями остатки языческой аристократіи, все болѣе и болѣе оскорбляемой въ своихъ религіозныхъ традиціяхъ. Но ему приходилось бороться противъ очень стойкихъ чувствъ. Языческая партія не мирилась ни съ разрушеніемъ римскаго культа, ни съ упраздненіемъ алтаря Побѣды. Она не переставала приставать къ государямъ со своими жалобами.

---

[1]) Объ этомъ событіи, много разъ изложенномъ въ литературѣ, см. въ особенности Boissier, *La fin du paganisme* p. 267—338.

[2]) См. выше стр. 310.

[3]) Это была новаціанская церковь, подчиненная новаціанскому папѣ Леонтію (Socrat. V, 14).

Θеодосій принялъ въ Миланѣ [1]) депутацію сената; послѣ его отъѣзда на Востокъ, Валентиніанъ II, отправившійся въ Галлію, былъ настигнутъ тамъ другой депутаціей [2]); но все это было безуспѣшно.

15 мая 392 года Валентиніанъ былъ убитъ во Вьеннѣ по проискамъ своего слишкомъ могущественнаго полководца комита Арбогаста. Убійца облекъ императорской мантіей одного изъ чиновниковъ императорской канцеляріи, Евгенія, который въ прежнія времена имѣлъ нѣкоторый успѣхъ въ качествѣ профессора литературы. Онъ былъ христіаниномъ, а покровитель его Арбогастъ—язычникомъ. Когда Евгеній вскорѣ же убѣдился, что Θеодосій его не признаетъ, онъ счелъ выгоднымъ опереться на языческую оппозиціонную партію, ожесточенную столькими неудачами и въ особенности новѣйшими законами, которые запретили безусловно всякое выполненіе обрядовъ стараго культа. Префектомъ Италіи тогда какъ разъ былъ Никомахъ Флавіанъ, двоюродный братъ и зять Симмаха, весьма усердный къ богамъ, какъ и тотъ. Сановники-язычники имѣли полную возможность выполнить свой планъ. Правда, возстановленіе пособій на содержаніе стараго культа встрѣтило нѣкоторыя затрудненія. Евгеній заставилъ себя просить; ему, какъ христіанину, было не къ лицу принимать на себя такую отвѣтственность. Наконецъ нашли обходный путь: имѣнія и пособія были возвращены не непосредственно храмамъ, а сенаторамъ-язычникамъ. Что же касается алтаря Побѣды, свободы жертвоприношеній и отправленія всѣхъ языческихъ церемоній, то желанія Симмаха и его партіи получили полное удовлетвореніе. Однако Симмахъ, повидимому [3]), отнесся съ нѣкоторой осторожностью къ этому неожиданному обороту вещей. Въ первую голову шелъ Никомахъ Флавіанъ. Дотолѣ онъ хотя и былъ преданъ богамъ и не деликатничалъ съ христіанами, когда по должности могъ причинить имъ непріятность [4]), но не обнаруживалъ ни такого силь-

---

[1]) Вѣроятно въ 389 году, ранѣе своей поѣздки въ Римъ. Писавшій въ серединѣ V вѣка авторъ *De promissionibus* разсказываетъ (III, 38), что когда Симмахъ въ оффиціальной рѣчи *[praeconio laudum in consistorio recitato]* просилъ Θеодосія о возвращеніи алтаря Побѣды, Θеодосій велѣлъ прогнать его съ глазъ долой и немедленно увезти на простой повозкѣ за 100 верстъ оттуда. По моему мнѣнію, это легендарная прикраса нѣкоторыхъ выступленій, безуспѣшно сдѣланныхъ сенатомъ и Симмахомъ передъ Граціаномъ, Валентиніаномъ II или Θеодосіемъ.

[2]) Объ этихъ настояніяхъ сената см. Ambros. Ep. 57. Миланскій епископъ, повидимому, одно время боялся, какъ бы Θеодосій не поддался имъ.

[3]) Собиравшіе его переписку исключили изъ нея письма этого времени.

[4]) August. *Ep.* 87, 8; ср. законъ 377 г., *Cod. Theod.* XVI, 6, 2 (*Cod. Iust*, I,

наго благочестія, какъ Претекстатъ, ни такой настойчивости въ защитѣ старыхъ традицій, какъ Симмахъ. Теперь онъ проявилъ чрезвычайное усердіе. Храмовое имущество пошло на устройство торжественныхъ шумныхъ празднествъ; въ торжественномъ шествіи пронесли по улицамъ Кибелу, матерь боговъ, возобновили мистеріи Изиды, съ чрезвычайной помпой приносили жертвы Юпитеру Лаціалу; пользовавшіеся очень дурной славой храмы Венеры и Флоры вновь открылись для своего распутнаго культа; наконецъ, полное очищеніе всего города по древнему очистительному обряду занимало въ теченіе трехъ мѣсяцевъ всѣхъ, остававшихся вѣрными старому культу, и, какъ понятно, привело въ сильное раздраженіе приверженцевъ христіанства. Среди послѣднихъ нѣкоторые, огорченные немилостью новаго правительства и удаленіемъ отъ общественныхъ должностей, начинали ощущать порывы къ отступничеству. То, что происходило въ Антіохіи во времена Юліана, навязывалось теперь Риму усиліями здѣшней аристократіи [1]).

Θеодосій не далъ отпраздновать праздникъ до конца. Какъ и въ 388 году, онъ вновь появился въ Италіи. Арбогастъ и Флавіанъ выступили въ походъ навстрѣчу ему. При выходѣ изъ Милана они грозили превратить въ конюшню соборную церковь Амвросія. Они не вернулись изъ похода. Флавіанъ, которому поручено было охранить проходъ въ Юліевыхъ Альпахъ, допустилъ Θеодосія прорваться и съ отчаянія лишилъ себя жизни. Въ послѣдовавшемъ сраженіи при Холодной рѣкѣ Евгеній былъ побѣжденъ [2]) и взятъ въ плѣнъ; Θеодосій приказалъ отрубить ему голову. Арбогастъ въ свою очередь покончилъ съ собой. Въ гербѣ побѣжденныхъ былъ изображенъ Геркулесъ; еще разъ поле сраженія осталось за Христомъ.

6, 1). Въ новомъ изданіи Кодекса Θеодосія напрасно оспариваютъ, что этотъ законъ былъ адресованъ къ африканскому викарію Флавіану; самый предметъ закона исключаетъ чтеніе *Floriano vic. Asiae.* Впрочемъ ясно, что онъ не могъ быть данъ въ Константинополѣ, гдѣ ни Граціанъ, ни Валентъ, ни Валентиніанъ II не жили въ 377 г. Бл. Августинъ говоритъ, что Флавіанъ былъ сторонникомъ донатистовъ (*partis vestrae homini*). Если онъ не ошибся,—а я этого не думаю,—это значитъ, что тотъ имъ покровительствовалъ, а не то, чтобы самъ былъ донатистомъ. Никомахъ Флавіанъ перевелъ по-латыни книгу Филострата объ Аполлоніи Тіанскомъ (Sidon. Apollin. *Ep.* VIII, 3).

[1]) О подробностяхъ этихъ событій можно справиться въ «Обвиненіи противъ Никомаха Флавіана», *Dicite qui colitis*, открытомъ Л. Делилемъ (L. Delisle) въ знаменитой рукописи Пруденція (Парижъ, № 8084) и напечатанномъ имъ въ 1867 году въ *Bibl. de l'Ecole des Chartes.* Съ тѣхъ поръ появились и другія изданія, именно Haupt'а въ *Hermes*, t. IV, p. 354 и Riese въ *Anthologia latina* (coll. Teubner), № 4. Это—рѣчь въ стихахъ противъ языческой реакціи 394 г., написанная въ Римѣ вскорѣ послѣ смерти Флавіана. Среди комментаріевъ на нее см. особенно De Rossi *Bull.*, 1868 г., p. 49 и сл.

[2]) Рѣка Виппахъ на востокъ отъ Горица.

То былъ конецъ. Запретительные законы противъ язычества были вновь приведены въ дѣйствіе. Никого не преслѣдовали лично, даже тѣхъ, кто болѣе всего былъ замѣшанъ въ возстаніи и въ языческой реакціи: Симмахъ прожилъ еще долго послѣ этого, а родъ Никомаха Флавіана, упорствуя въ своемъ сопротивленіи побѣдоносной вѣрѣ, продолжалъ занимать высокія должности. Но отправленіе языческаго богослуженія было отнынѣ запрещено, и храмы заперты.

Не слѣдуетъ думать, что ихъ передали въ распоряженіе христіанъ для превращенія ихъ въ церкви. Во многихъ мѣстахъ, и въ особенности въ Римѣ, гдѣ обѣ вѣры господствовали рядомъ въ теченіе всего IV столѣтія, у христіанъ было достаточно зданій и у нихъ не было никакого побужденія требовать себѣ храмовъ. Только въ VII столѣтіи они присвоили себѣ одинъ изъ нихъ, превративъ его въ церковь: преобразованіе Пантеона въ 612 году—самый древній фактъ въ этомъ родѣ, какой мы можемъ установить. Онъ имѣлъ мѣсто въ такое время, когда правительство не знало, что дѣлать со старыми памятниками Рима. Они стояли безъ всякаго употребленія, и казна входила въ издержки на ихъ ремонтъ: лучшее, что можно было сдѣлать, чтобы спасти ихъ или обратить на полезное употребленіе, это передать ихъ церкви. Какъ всѣ прекрасныя сооруженія Рима, храмы очень пострадали и отъ готовъ Алариха, и отъ вандаловъ Гензериха, которые ограбили ихъ металлическія и иныя драгоцѣнныя украшенія, но они все же держались, пока позволялъ ихъ возрастъ и не разрушили непогоды.

Впрочемъ превращеніе храмовъ въ церкви не шло вполнѣ гладко. Огромный храмъ Целесты въ Карѳагенѣ, постоявъ нѣсколько времени запертымъ, заросъ кустарникомъ. Правительство разрѣшило епископу Аврелію отправлять тамъ христіанское богослуженіе, такъ что однажды на пасху епископская каѳедра была воздвигнута на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ языческій идолъ. Въ толпѣ, тѣснившейся вокругъ карѳагенскаго примаса, находился очень наблюдательный юноша, который, слѣдя за богослуженіемъ, въ то же время зорко осматривалъ все кругомъ себя. Вниманіе его было привлечено крупной надписью бронзовыми позолоченными буквами на фасадѣ храма. Она гласила: *Avrelius pontifex dedicavit. (Принесъ въ даръ жрецъ Аврелій).* Это было какъ будто пророчествомъ. Однако вскорѣ замѣтили, что второй Аврелій и та религія, которой онъ былъ представителемъ, не могли заставить совершенно забыть старую традицію. Многіе новообращенные, лишь наружно отрек-

шіеся отъ язычества, въ своихъ молитвахъ соединяли культъ тирской богини съ поклоненіемъ Христу. То было смертнымъ приговоромъ для стараго храма: вышелъ приказъ разрушить его[1]).

Кажется, во многихъ мѣстахъ закрытіе храмовъ прошло, какъ въ Римѣ, довольно мирно. Не такъ было на Востокѣ, особенно въ Сиріи, гдѣ нѣкоторые крупные центры оставались упорно привязанными къ своимъ древнимъ культамъ. Въ Александріи, точно такъ же, какъ въ Римѣ, пришлось сперва терпимо относиться не только къ тому, что храмы оставались открытыми, но даже и къ жертвоприношеніямъ. Въ деревняхъ, а можетъ быть и въ иныхъ городахъ, ухитрялись обходить законъ. Въ установленные издревле дни устраивались собранія около храма, на которыхъ, безъ принесенія въ собственномъ смыслѣ жертвы, закалали ритуальное животное и съѣдали его сообща въ пиршествѣ, религіозный характеръ котораго выражался въ гимнахъ въ честь боговъ. Такъ разсчитывали оставаться въ предѣлахъ законности. Но за послѣднюю вступались добровольные защитники изъ христіанскаго населенія, не расположенные удовлетворяться притворнымъ исполненіемъ закона и пылавшіе ревностью, готовой перейти всѣ границы. Черныя стаи монаховъ нападали на пирующихъ, кулаками и палками разгоняли невѣрныхъ, затѣмъ кидались на храмъ и опустошали его. Такія происшествія часто случались въ окрестностяхъ Антіохіи. Язычники жаловались епископу, но жалобы ихъ не удостаивались вниманія. За нихъ вступился Ливаній и составилъ по этому поводу въ началѣ 384 года защитительную рѣчь въ защиту храмовъ [2]), обращенную къ императору Θеодосію. Знаменитый риторъ сильно отсталъ отъ вѣка. Онъ воображалъ, что, запретивъ жертвоприношенія, правительство оставитъ въ покоѣ все остальное. Въ концѣ своей рѣчи, высказывая предположеніе съ его точки зрѣнія абсурдное, онъ такъ взываетъ къ императору: «Вы могли бы ужъ, государь, издать такой указъ: пусть никто изъ моихъ подданныхъ не смѣетъ вѣровать въ боговъ, ни почитать ихъ, пусть никто не проситъ у нихъ чего бы то ни было ни для себя, ни для своихъ дѣтей иначе, какъ въ полномъ молчаніи и тайнѣ; пусть весь міръ признаетъ то, что́ почитаю я (христіанскую вѣру), принимаетъ участіе въ ея обрядахъ, молится по ея правиламъ и склоняетъ голову подъ руку ея предстоятелей,--и все это подъ страхомъ смертной казни».

---

1) Pseudo-Prosper. *De Promissionibus* III, 38; Salvian. *De gubern. Dei*, 8.
2) Ed. Richard Foester. *Libanii opera* (Teubner), *t.* III, 80.

Но какъ разъ такого именно положенія дѣлъ и желалъ Θеодосій, если не говорить не только о смертной казни, но и вообще о карательныхъ мѣрахъ. За исключеніемъ послѣднихъ, къ которымъ стѣснялись прибѣгать, вытравленіе язычества преслѣдовалось всѣми способами, какіе только были въ распоряженіи правительства. Если никого не обижали лично и не задѣвали имущественныхъ интересовъ или служебнаго положенія, то зато круто принялись за языческій культъ и храмы. Когда показалось недостаточнымъ закрывать ихъ, не постѣснились предписать сносить ихъ. Законъ вообще запрещалъ это, но здѣсь дѣйствовали отдѣльные эдикты. Въ томъ же году, когда Ливаній писалъ свою защитительную рѣчь, префектъ восточной преторіи Кинегій былъ посланъ въ Сирію и Египетъ со спеціальнымъ порученіемъ окончательно закрыть тѣ храмы, которые еще не были закрыты или время отъ времени открывались [1]). То было для Александріи концомъ режима вѣротерпимости. Нѣсколько лѣтъ спустя въ этомъ огромномъ городѣ вспыхнуло страшное междуусобіе между язычниками и христіанами. Новый епископъ Θеофилъ (385 г.) выпросилъ себѣ у императора одно старое зданіе, уже приспособленное Констанціемъ для аріанскаго богослуженія. Чтобы превратить его въ православную церковь, онъ произвелъ тамъ нѣкоторыя передѣлки, причемъ нашли нѣсколько принадлежностей языческаго культа; на этомъ мѣстѣ когда-то былъ храмъ Вакха или Митры; нашли вещи, пожертвованныя въ храмъ по обѣту *(ex-votos)*, и среди нихъ встрѣчались очень непристойныя. Θеофилъ, чтобы обличить язычниковъ, велѣлъ пронести ихъ по всему городу. Эта выставка послужила поводомъ къ мятежу. Послѣ долгаго уличнаго боя язычники подъ предводительствомъ философа Олимпія укрылись въ Серапеумѣ и забаррикадировались тамъ. Этотъ огромный храмъ возвышался на искусственномъ холмѣ; къ нему вела лѣстница въ сто ступеней; на плоской вершинѣ, кромѣ самого храма и портиковъ помѣщались разныя зданія, занятыя службами капища. Изъ этой крѣпости мятежники производили вылазки и часто возвращались туда съ плѣнными, которыхъ они принуждали отрекаться отъ христіанства; нѣкоторые изъ нихъ умерли отъ истязаній, ставъ неожиданно мучениками. Мѣстныя власти, будучи не въ силахъ справиться съ возстаніемъ, вступили въ переговоры; было условлено написать императору. Θеодосій отвѣтилъ. Онъ прощалъ возстаніе и даже пытки, которымъ под-

[1]) Zosim., IV, 37.

вергли христіанъ, но предписалъ уничтожить культъ Сераписа[1]). Разрушили только самую статую, да и то нелегко было найти человѣка, который поднялъ бы на нее руку. Колоссальная статуя бога занимала глубину храма, на ея головѣ помѣщалась знаменитая корзина, символъ плодородія. Напротивъ искусно расположенное окно пропускало въ извѣстные дни прямо на позолоченныя уста идола первые лучи восходящаго солнца. Показывали и другія чудеса въ этомъ храмѣ, наиболѣе почитаемомъ и внушавшемъ страхъ. Язычники распространяли молву, что міръ погибнетъ въ ту же минуту, какъ только прикоснутся къ Серапису. Однако одинъ солдатъ осмѣлился и бросилъ копьемъ въ голову бога: очарованіе исчезло, и Сераписъ былъ разбитъ на куски, которые волочили по улицамъ Александріи. Патріархъ Ѳеофилъ возобновилъ свои раскопки, которыя вновь доставили ему непристойные предметы; не въ его характерѣ было умолчать объ этихъ находкахъ[2]). Императоръ приказалъ, чтобы идолы, сдѣланные изъ драгоцѣнныхъ металловъ, были переплавлены, а полученныя средства розданы бѣднымъ. Ѳеофилъ бережно сохранилъ одного идола, особенно страннаго, и помѣстилъ его на виду, все для того, чтобы высмѣять язычниковъ. Другіе александрійскіе храмы постигла участь Серапеума. Сераписъ имѣлъ еще извѣстное святилище въ Канопѣ; его выбросили оттуда; кучка послѣдователей Пахомія основала здѣсь «монастырь покаянія».

Въ Сиріи язычество защищалось, какъ и въ Египтѣ, и еще съ бо́льшимъ успѣхомъ. Въ Петрѣ, Ареополѣ, въ древней Идумеѣ, Газѣ и Рафіи, въ приморской Палестинѣ, въ Иліополѣ, на Ливанѣ населеніе энергично сопротивлялось эдиктамъ о закрытіи храмовъ. Наконецъ проведеніе въ жизнь этихъ законовъ удалось. Даже въ Газѣ закрыли святилище знаменитаго мѣстнаго бога Марны[3]). Въ Сѣверной Сиріи епископъ апамійскій Маркеллъ добился изданія указовъ о разрушеніи храмовъ. Не безъ труда удалось ему разрушить главный храмъ въ своемъ епископскомъ городѣ: старое зданіе сопротивлялось разрушенію по своей массивности и прочной постройкѣ. Когда онъ былъ сравненъ съ зе-

---

[1]) Вождь возстанія, Олимпій, удалился въ Италію; двое другихъ, ученые языческіе жрецы, Элладій и Аммоній, сдѣлались учителями литературы въ Константинополѣ. Историкъ Сократъ бралъ у нихъ уроки. Элладій въ старости любилъ разсказывать, что во время возмущенія въ Александріи онъ собственноручно убилъ до девяти христіанъ.

[2]) Обо всемъ этомъ см. Rufin. *H. E.* II, 22—30; ср. Sosom. VII, 15; Socrat. V, 16.

[3]) Hieron. *ep.* 107.

млей, епископъ принялся за другіе храмы въ своей епархіи. Однажды въ мѣстечкѣ, называемомъ Авлонъ, гдѣ жители защищались съ оружіемъ въ рукахъ, онъ явился съ солдатами и гладіаторами. Завязался бой; язычники замѣтили епископа, который молился въ сторонѣ, захватили его и сожгли живымъ. Разумѣется, паства причислила его къ лику мучениковъ. Убійцъ открыли, но епископы всей области воспротивились какому бы то ни было преслѣдованію ихъ [1]).

Агонія язычества длилась еще нѣкоторое время. Какъ ни былъ крѣпко запертъ Марна въ своемъ капищѣ, къ нему тайкомъ навѣдывались его вѣрные газяне. Епископъ Порфирій не безъ труда добился отъ Аркадія эдикта о разрушеніи храма. Въ первые годы V столѣтія Златоустъ посылалъ сирійскихъ монаховъ на борьбу противъ ливанскихъ капищъ. Несмотря на всѣ усилія, Харранъ оставался языческимъ. Еще остается подъ вопросомъ, не сохранили ли арамейскіе боги въ этихъ преданныхъ старой вѣрѣ странахъ хоть горсть позднихъ поклонниковъ, вплоть до мусульманскаго завоеванія и даже долѣе того.

Мнѣ нѣтъ возможности прослѣдить во всѣхъ подробностяхъ эту послѣднюю борьбу между двумя религіями. Слишкомъ часто она принимала, какъ въ Апаміи и Александріи, кровопролитный характеръ. Бл. Августинъ разсказываетъ о шестидесяти христіанахъ, умерщвленныхъ въ Суфѣ въ отместку за разрушеніе идола. [2]) Въ 397 г. въ Долинѣ Ноны надъ Тридентомъ были убиты жителями три клирика, посланные для проповѣди христіанства этимъ горцамъ. [3]) Случаи изъ жизни св. Мартина турскаго въ борьбѣ съ деревенскимъ язычествомъ извѣстны всѣмъ. Въ Галліи и въ другихъ областяхъ сохранилось много легендъ о мученикахъ, которыя нельзя отнести къ эпохѣ оффиціальныхъ гоненій на христіанство; онѣ основаны на подобнаго рода фактахъ, имѣли источникомъ кровавыя столкновенія, вызванныя неумѣреннымъ рвеніемъ иныхъ христіанъ и упорной привязанностью язычниковъ къ старымъ культамъ. Правда, единственныя извѣстныя намъ жертвы—христіане, но христіане одни только писали исторію этихъ событій, и естественно, не пересчитывали потерь своихъ противниковъ.

---

[1]) Theodor. *H. E.* V, 21.
[2]) *Ep.* 50.
[3]) Письма тридентскаго епископа Вигилія къ Симплиціану миланскому и св. Іоанну Златоусту (Migne *P. L.* t. XIII, c. 549; они помѣщены также въ *Acta Sincera* de Ruinart).

Каково бы ни было это распредѣленіе жертвъ и вообще количество человѣческихъ жизней, которыя были тогда принесены въ жертву, язычество было въ концѣ-концовъ вырвано съ корнемъ. Путемъ законовъ и особыхъ эдиктовъ, путемъ естественнаго развитія христіанства или съ помощью насильственной борьбы между сторонниками старой и новой вѣры, христіане остались побѣдителями и юридически и на практикѣ.

2. Запрещеніе сектъ.

Борьба между старымъ и новымъ культами представляла для императорскаго правительства только одну сторону религіознаго вопроса. Въ самомъ христіанствѣ было достаточно разновидностей, расколовъ, раздоровъ, способныхъ истощить терпѣніе правителей и поставить втупикъ все ихъ искусство.

Отношенія правительства къ манихейству, которое, собственно говоря, представляло совершенно особую религію и только нѣкоторыми внѣшними особенностями напоминало христіанство, были довольно просты и сложились уже издавна. Діоклитіанъ первый наложилъ запретъ на эту чужеземную религію [1]) и притомъ еще въ то время, когда не воздвигалъ гоненій на христіанъ. Его жестокій законъ, повидимому, не примѣнялся при христіанскихъ императорахъ буквально. [2]) Манихейство часто подвергалось осужденію въ ихъ законодательствѣ, и гораздо болѣе жестокому, чѣмъ другія секты: мы знаемъ о сосланныхъ и высланныхъ манихеяхъ, но незамѣтно, чтобы къ нимъ когда-либо примѣнялась смертная казнь, предписанная Діоклитіаномъ.

Что касается христіанскихъ сектъ, то при языческихъ императорахъ законъ никогда не различалъ ихъ отъ великой церкви. Эдикты о гоненіяхъ или о вѣротерпимости одинаково примѣнялись ко всѣмъ разновидностямъ христіанства. Но съ эпохи Константина дѣло обстояло уже не такъ.

Мы видѣли выше, что кромѣ права на существованіе, признаннаго за христіанскими общинами эдиктами Галерія, Константина и Ликинія, кромѣ мѣропріятій къ возвращенію имъ имущества, принятыхъ этими двумя послѣдними императорами, очень рано

---

[1]) Т. I, стр. 378—379.

[2]) *Summum supplicium* (смертная казнь) упоминается только разъ въ кодексѣ Θеодосія (XVI, 5, 9), относясь къ нѣкоторымъ видамъ еретиковъ, повидимому соотвѣтствующихъ «избраннымъ» у манихеевъ.

были дарованы церквамъ всякія привиллегіи, изъятія и пожалованія, денежныя вспомоществованія и проч., сперва на Западѣ, а потомъ на Востокѣ, когда Константинъ сталъ тамъ повелителемъ. Хорошо освѣдомленный о всѣхъ разногласіяхъ въ христіанскомъ мірѣ, этотъ государь рѣшилъ съ самаго же начала оказывать милости только великой церкви, которую онъ призналъ подлинной и законной. Это настроеніе Константина сперва выразилось въ отдѣльныхъ поступкахъ, а подъ конецъ и въ законодательствѣ; выраженіе его мы видимъ въ законѣ 326 года[1]).

Но, оставляя въ сторонѣ вопросъ объ этихъ привиллегіяхъ, еретики имѣли вначалѣ право, какъ и всѣ христіане, возстановить свои церкви и возобновить свои собранія. Наиболѣе древней, еще уцѣлѣвшей христіанской церковью была маркіонитская, правда расположенная въ области, которая находилась во власти Ликинія[2]). Въ Африкѣ Константинъ попробовалъ отнять церкви у донатистовъ[3]): но здѣсь дѣло шло о только что нарождающейся сектѣ и о зданіяхъ, которыя могли разсматриваться, какъ отнятыя ею у дѣйствительнаго владѣльца, мѣстной каѳолической общины, съ приданіемъ имъ назначенія, не соотвѣтствующаго законному характеру. Этотъ оттѣнокъ ясно выраженъ въ законѣ 326 года[4]), который, утверждая за новаціанами право владѣть церквами и кладбищами, дѣлаетъ исключеніе для той недвижимости, которую секта незаконно захватила у великой церкви въ моментъ своего отпаденія отъ нея. Право, утверждаемое въ этомъ законѣ за новаціанами, представляется даруемымъ только имъ,—создающимъ для нихъ особенное положеніе, лучшее, чѣмъ у другихъ сектъ[5]). Это вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ мягкимъ сравнительно отношеніемъ, какое проявилъ къ этимъ сектантамъ Никейскій соборъ, или скорѣе къ тѣмъ изъ нихъ, кто присоединялся къ каѳолической церкви.

Однако они поименованы вмѣстѣ съ другими сектами въ эдиктѣ, который былъ изданъ нѣсколькими годами позднѣе и дошелъ до

---

[1]) *Cod. Theod.* XVI, 5, 1.

[2]) Въ нынѣшней деревнѣ Деор-али на югъ отъ Дамаска (древняя Итурея). На ней еще видна надпись надъ дверями Συναγωγὴ Μαρκιωνιστῶν κώμης Λεβάβων τοῦ κυρίου καὶ σωτῆρος Ἰησοῦ Χριστοῦ προνοίᾳ Παύλου πρεσβυτέρου τοῦ λχ ἔτους. Этотъ 630 г. эры Селевкидовъ соотвѣтствуетъ 318 г. нашего лѣтосчисленія.

[3]) См. выше стр. 80.

[4]) *Cod. Theod.* XVI, 5, 2.

[5]) «Novatianos non adeo comperimus praedamnatos ut his quae petiverunt crederemus minime largienda». (Относительно новаціанъ мы убѣдились, что они не настолько виновны, чтобы намъ урѣзывать отъ тѣхъ льготъ, о которыхъ они просили).

насъ благодаря Евсевію [1]). Это—своего рода увѣщаніе, обращенное императоромъ непосредственно къ еретикамъ, новаціанамъ, валентиніанамъ, маркіонитамъ, павлиніанамъ, монтанистамъ и прочимъ, съ цѣлью убѣдить ихъ вернуться въ лоно церкви. Тамъ упоминается о законѣ, исполненіе котораго возложено на правителей провинцій и въ силу котораго всякія религіозныя собранія были запрещены схизматикамъ,—даже собранія въ частныхъ домахъ; ихъ мѣста собраній должны были отбираться и возвращаться оффиціальной церкви; наконецъ, имущество, принадлежащее ихъ общинамъ, должно было конфисковать въ пользу казны. Евсевій удостовѣряетъ [2]), что эти строгія мѣропріятія, подкрѣпленныя угрозами заключенія въ тюрьму вождей сектъ, повели къ присоединенію къ церкви большого количества отщепенцевъ.

Изъ убѣдительнаго примѣра донатистовъ видно, что такіе законы не всюду были одинаково примѣнимы. Въ дѣйствительности малыя церкви продолжали существовать. Новаціане имѣли церковь въ Константинополѣ. Въ царствованіе Констанція мѣстный епископъ Македоній, человѣкъ въ высшей степени нетерпимый, вынудилъ ихъ перенести ее на ту сторону Золотого Рога (въ Галату). При этомъ епископѣ сторонники его предшественника Павла и защитника термина единосущный были зачислены въ разрядъ отщепенцевъ, и съ ними обходились хуже, чѣмъ съ новаціанами. Они переселились вслѣдъ за послѣдними въ предмѣстья, посѣщали ихъ церкви, за отсутствіемъ иныхъ, и между ними едва не произошло полнаго сліянія подъ давленіемъ общаго гоненія [3]). Въ Кизикѣ новаціанская церковь была также разрушена тогда же стараніями епископа Елевсія. Въ Пафлагоніи, гдѣ новаціанъ было очень много, имъ пришлось потерпѣть отъ лютаго рвенія константинопольскаго епископа. Пользуясь своимъ вліяніемъ на правительство, Македоній добился посылки въ эту область настоящей военной экспедиціи. Новаціане, возбужденные очевидно предшествующими притѣсненіями, собрались въ мѣстечкѣ по имени Мантиніонъ. Четыре *numeri*, шедшіе противъ нихъ, не испугали ихъ; вооруженные топорами и косами, эти поселяне разбили на-голову императорскіе полки [4]).

---

[1]) *Vita Constant.* III, 64, 65.

[2]) *Ibidem.*, 66.

[3]) Собранныя Сократомъ подробности (II, 27, 38; ср. Sosom IV, 2, 3) о преслѣдованіяхъ, которыя терпѣли тогда послѣдователи Павла, скорѣе касаются дѣйствій частныхъ лицъ, чѣмъ распоряженій правительства.

[4]) Юліанъ намекаетъ на эти событія въ своемъ 52 письмѣ, гдѣ онъ говоритъ

Такія предпріятія со стороны оффиціально признанныхъ епископовъ заставляютъ предполагать, что они опирались на законъ, что эдиктъ, о которомъ говоритъ Евсевій, вовсе не вымышленъ, и что сами новаціане недолго пользовались исключительными условіями, въ которыя сначала они были поставлены Константиномъ. Они вновь стали пользоваться ими при преемникахъ Констанція, и до начала V вѣка, повидимому, ихъ оставляли въ покоѣ. До насъ дошли свѣдѣнія о новаціанскихъ церквахъ въ Константинополѣ, Римѣ, Александріи и многихъ другихъ мѣстахъ, гдѣ онѣ существовали открыто и безъ стѣсненій.

Другіе схизматики также держались вопреки законодательству, которое становилось все менѣе и менѣе благопріятно для нихъ. Ненадолго отмѣненные при Юліанѣ, законы, касавшіеся ихъ, вскорѣ были опять приведены въ дѣйствіе. Оффиціально имъ было запрещено [1]) устраивать собранія для отправленія богослуженія, подъ страхомъ конфискаціи того помѣщенія, гдѣ они соберутся. Но тотъ самый фактъ, что правительство вынуждено было постоянно повторять эти запреты и издавать новые законы противъ сектантовъ, показываетъ, что секты не вывелись [2]). Не говоря уже о донатистахъ, которые были на своей родинѣ полными хозяевами и съ которыми не рѣшались и заговаривать о законѣ, многія отколовшіяся общины почти всюду защищали свое существованіе, благодаря своей численности и вліянію. Когда на властей нельзя было воздѣйствовать страхомъ, то находились другія средства обезпечить спокойное житье,—продажность чиновниковъ сыграла тутъ свою роль,—и за исключеніемъ нѣкоторыхъ непріятныхъ моментовъ, въ общемъ дѣло налаживалось.

Но какъ бы ни были важны и многочисленны нарушенія законовъ, послѣдніе все-таки продолжали дѣйствовать, возобновлялись, становились точнѣе, неизмѣнно руководствуясь однимъ принципомъ, что есть только одна форма подлиннаго христіанства—та, которая признается государствомъ и опредѣляется во всѣхъ подробностяхъ оффиціальной церковью. Только одна эта церковь имѣетъ право существовать и отправлять богослуженіе, коллективное

объ избіеніи еретиковъ при Констанціи: ἐν Σαμοσάτοις καὶ Κυζίκῳ καὶ Παφλαγονίᾳ καὶ Βιθυνίᾳ καὶ Γαλατίᾳ.

[1]) Это запрещеніе было выражено въ законѣ Валента и Граціана (375—378), *Cod. Theod.* XVI, 5, 4. Пріостановленное, повидимому, на время, оно было возобновлено закономъ 3 августа 379 г. (*Cod. Theod.* XVI, 5, 5).

[2]) Глава *De Haereticis* въ кодексѣ Θеодосія (XVI, 5) содержитъ не менѣе 66 законовъ, и это еще не полный сводъ ихъ.

богослуженіе, всей общиной, что христіане всѣхъ наименованій считаютъ существенной стороной своей религіи, своимъ долгомъ. Государство вообще щадило личныя убѣжденія каждаго гражданина, поскольку они не выражались во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, именно въ участіи въ запрещенныхъ собраніяхъ. Незамѣтно, чтобы оно когда-нибудь заставляло еретиковъ отрекаться отъ своихъ убѣжденій. Впрочемъ, когда дѣло касалось сектантовъ, пользовавшихся особенно дурною славой, каковыми были сперва манихеи, затѣмъ евноміане и по временамъ еще нѣкоторые другіе, то фактъ принадлежности къ ихъ общинамъ влекъ за собой болѣе или менѣе важныя послѣдствія: лишеніе права занимать общественныя должности и служить въ войскѣ, ограниченіе права завѣщать свое имущество по наслѣдству и дарить его или пріобрѣтать его такимъ же безмезднымъ путемъ, воспрещеніе жительства въ опредѣленныхъ мѣстахъ, заключеніе въ тюрьмѣ.

Здѣсь надо упомянуть и объ изъятіи книгъ. Сочиненія Арія были приравнены Константиномъ къ трактату Порфирія противъ христіанства и наравнѣ съ нимъ ихъ было запрещено хранить подъ страхомъ смертной казни[1]). Тотъ же запретъ съ угрозой тѣмъ же наказаніемъ былъ наложенъ на книги евноміанъ[2]).

3. Церковь въ государствѣ.

Однако, каковы были въ дѣйствительности отношенія между государствомъ и этой христіанской религіей, ради которой пожертвовали всѣми старыми религіозными традиціями,—этой каѳолической церковью, въ которой въ одной только признавали подлинное христіанство? Каждая мѣстная церковь въ своемъ городѣ, даже совокупность церквей во всемъ государствѣ представляла предъ лицемъ государства только частное общество. Таково было положеніе во времена гоненій, таково оно осталось и при христіанскихъ императорахъ. Даруя ей право на существованіе, властители имперіи въ 311 году признали тѣмъ самымъ, что ея существованіе совмѣстимо съ правильнымъ ходомъ государственной жизни. Это было своего рода одобреніе съ внѣшней, полицейской точки зрѣнія основныхъ положеній христіанской общины. Если бы государство остановилось по отношенію къ церкви на простой терпимости со стороны незаинтересованной власти, его отношенія съ

---

1) Письмо Константина Τοὺς πονηρούς—Socrat I, 9, p. 31.
2) *Cod. Theod.* XVI, 5, 34.

ней остались бы очень простыми, подобными, напримѣръ, тѣмъ, какія существовали у государства къ еврейскимъ общинамъ. Но прежде всего, церковь, какъ мѣстная, такъ и вселенская, далеко превосходила по своему значенію всякіе союзы, какіе только могли возникнуть въ имперіи, и перевѣсъ этотъ все увеличивался. Если бы даже императоръ остался язычникомъ, ему невозможно было не обратить особаго вниманія на общество, столь широко распространенное; уже простое примѣненіе принципа самодержавія повело бы къ вмѣшательству съ его стороны во внутреннія дѣла церкви. Обращеніе государя въ христіанство усилило это стремленіе къ вмѣшательству. Кто болѣе его могъ интересоваться вопросомъ, гдѣ же среди столькихъ разногласій сохранилась истинная традиція христіанства? Къ кому было, не скажу болѣе законно, но болѣе соблазнительно, обратиться въ минуту раздора? Не донатисты ли и аріане ввели Константина въ область церковнаго права и богословія? Даже оставивъ въ сторонѣ интересы общественнаго порядка, о которыхъ законно было заботиться всякому монарху, не было ли естественно для христіанскаго государя направлять свою политику на то, чтобы миръ царилъ среди его братьевъ во Христѣ и чтобы ими руководили достойные пастыри?

Сколько поводовъ это давало для вмѣшательства въ дѣла вѣры! А это было еще не все. Ставъ христіаниномъ, императоръ вскорѣ возымѣлъ желаніе обратить въ христіанство всю имперію и не только обратить, но сдѣлать изъ новой религіи то, чего не удалось сдѣлать изъ старой: всеобщее оффиціальное учрежденіе, государственную религію.

Разумѣется, такой планъ требовалъ, чтобы государство приложило усилія ускорить конецъ стараго языческаго культа и употребило если не всѣ средства, то по крайней мѣрѣ много усердія, чтобы остановить расколы, способные вызвать распаденіе церкви. Но это требовало также, чтобы государство часто вмѣшивалось въ церковныя дѣла и вызывало необходимость для церкви уплатить дорогой цѣной за ту великую милость, которая подняла ее изъ состоянія гонимой секты до положенія государственнаго института.

Церковь подчинилась этому вмѣшательству императора; ниоткуда не видно, чтобы противъ него поднимались какія-нибудь принципіальныя возраженія. Оно казалось совершенно естественнымъ: прославленіе Христа, Его религіи, Его церкви, Его вѣрныхъ было предсказано пророками, возвѣщено въ евангеліи, являлось требованіемъ христіанскаго сознанія. Въ прежнія времена на семихол-

мый Вавилонъ сыпались проклятія, теперь церковь завоевывала его, обращала его къ истинной вѣрѣ. Какого большаго торжества можно было пожелать? Правда, бывали плохія времена, когда Вавилонъ, хоть и крещеный, давалъ чувствовать свою тяжелую руку. Тогда-то Донатъ говорилъ: «чего нужно императору въ церковныхъ дѣлахъ?» Тогда-то Аѳанасій находилъ въ Костилліи всѣ черты сходства съ антихристомъ. Но когда дѣла шли хорошо, никто не соблазнялся вмѣшательствомъ императора. Только нужно было, чтобы его вмѣшательство шло по надлежащему пути: вотъ все, чего отъ него требовали.

Эти воззрѣнія намъ кажутся слишкомъ упрощенными, потому что наше развитіе въ этого рода вопросахъ стало гораздо утонченнѣе. Но во времена Ѳеодосія никто не разсуждалъ иначе, даже тѣ, кто могли бы пожаловаться на вмѣшательство императора. Можно быть увѣреннымъ, что если бы Донатъ и Евномій были въ милости, они не постѣснились бы наложить оффиціальный штемпель на свое ученіе и заручиться для него поддержкой полиціи.

Христіане были обязаны перемѣнамъ, происшедшимъ въ ихъ юридическомъ положеніи въ 311 и 313 г., главнымъ образомъ свободой объединенія въ общины, которыя были признаны тѣмъ, чѣмъ онѣ въ дѣйствительности были, и были освобождены отъ путъ, какія законодательство налагало на нелегальные союзы. Онѣ имѣли право владѣть не только общей кассой, но и недвижимостью, которая служила центромъ общинной жизни, то есть церквами съ прилегающими службами, епископскими домами, госпиталями и иными благотворительными заведеніями, кладбищами и даже доходной землею. Церковныя имущества могли увеличиваться путемъ даренія и завѣщанія. Государство признавало епископовъ, избранныхъ вождей общины, распорядителями ея имуществъ и руководителями ея духовной жизни.

Къ этой свободѣ, которая съ незапамятныхъ временъ была признана за еврейскими общинами и которою на дѣлѣ христіанскія церкви также пользовались задолго до Константина въ промежуткахъ между гоненіями, прибавились вскорѣ нѣкоторыя мелкія привилегіи: освобожденіе отъ обязательной службы въ куріяхъ[1]), отъ натуральныхъ повинностей, отъ земельнаго налога на обществен-

---

[1]) См. выше стр. 43. Изъятіе установлено въ 313 году, см. *Cod. Theod.* XVI, 2, гдѣ о немъ упоминается неоднократно.

ныя церкви [1]), отъ налога промысловаго (хризаргиръ) для низшихъ церковныхъ служителей, ведшихъ мелкую торговлю [2]).

Но въ особенности важнымъ было то, что права, данныя великой церкви, церкви каѳолической, не были признаны за ея отщепенцами. Такимъ образомъ появилось государственное православіе. Государство должно было опредѣлять, кто изъ враждующихъ партій представляетъ истинное христіанство, которое слѣдуетъ признать и поддерживать, какъ таковое. Въ теоріи, казалось бы, правительство не могло имѣть своего мнѣнія по этому вопросу; христіанскія общины сами должны были разрѣшать свои разногласія. На дѣлѣ, не говоря уже о томъ, что спорящія стороны иногда сами взывали къ государственному посредничеству, забота объ общественномъ порядкѣ и о благѣ церкви побуждала государей вмѣшиваться въ эти раздоры и принимать всѣ казавшіяся имъ нужными мѣры для подавленія. Поэтому мы видимъ, что императоры опрашиваютъ мнѣнія, созываютъ соборы, близко вникаютъ въ ходъ ихъ совѣщаній, устанавливаютъ ихъ программу, вмѣшиваются даже въ редакцію символовъ и въ выборъ епископовъ.

Когда споръ не переходилъ за предѣлы мѣстной церкви, можно было еще усмирить раздоръ авторитетомъ высшихъ церковныхъ властей, которымъ въ случаѣ нужды правительство оказывало свое содѣйствіе. Но если среди самихъ епископовъ было разногласіе, какъ было ихъ согласить и на чью сторону встать? Если бы въ церкви IV вѣка была единая центральная власть, всѣми признанная и дѣйственная, она могла бы найти средство для разрѣшенія вопроса. Но ея не было. Между Антіохіей и Александріей царилъ раздоръ; египетскіе епископы поддерживали Аѳанасія, а восточные боролись противъ него. Какъ разсудить ихъ? Поступить ли, какъ нѣкогда Аврелій, и стать на сторону того, кого поддерживаетъ римская церковь? Нужно было, чтобы для этого установилась традиція, обычай, чтобы всѣ привыкли къ вмѣшательству римской церкви въ такихъ случаяхъ. Но на самомъ дѣлѣ о ней давно уже не слыхали на Востокѣ. Въ предшествующемъ вѣкѣ самовластный образъ дѣйствій папы Стефана оттолкнулъ тамъ отъ нея много

---

[1]) Въ законѣ Констанція (*Cod. Theod.* XI, 1, 1), ложно помѣченномъ 315, а не 360 годомъ, гдѣ упоминается это изъятіе, не надо слова *ecclesias catholicas* понимать въ смыслѣ православныхъ церквей въ противоположность отколовшимся; дѣло идетъ объ общественныхъ церквахъ, доступныхъ всей общинѣ, въ отличіе отъ частныхъ церквей, домовыхъ моленъ, монастырскихъ часовенъ и проч.

[2]) *Cod. Theod.* XIII, 1, 1, 11, 14; XVI, 2, 8, 10, 36.

лицъ, и притомъ наиболѣе почтенныхъ. Низложеніе Павла Самосатскаго было доведено до свѣдѣнія римской церкви, какъ и александрійской, но оно обошлось безъ ея участія. На Никейскомъ соборѣ она сыграла лишь незамѣтную роль. Низложенному на Тирскомъ соборѣ Аѳанасію, повидимому, не приходила мысль, что апелляціей въ Римъ онъ можетъ вернуть себѣ каѳедру. Лишь его противники, ища поддержки для своихъ ставленниковъ въ Александріи, первые обратились къ папѣ Юлію. Да и то, какъ только они встрѣтили тамъ сопротивленіе своимъ домогательствамъ, они стали относиться къ папѣ презрительно и даже задумали его низложить. Даже и на Западѣ мы уже видѣли, какъ мало считались донатисты съ заморскими церквами вообще и съ римской въ частности.

Руководящей власти, дѣйственнаго выраженія христіанскаго единства, не существовало. Папство, такимъ зналъ его Западъ впослѣдствіи, еще не народилось. То мѣсто, котораго оно еще не успѣло занять, не колеблясь захватила государственная власть. Христіанская вѣра стала вѣрой императорской не только въ томъ смыслѣ, что государь исповѣдывалъ ее, но и направлялъ. Это дѣлалось не по праву, не по теоріи, а на практикѣ.

Правда, императоръ самъ не опредѣляетъ догматическихъ формулъ,—это дѣло епископовъ. Если онъ сознаетъ надобность въ болѣе точномъ богословскомъ выраженіи нѣкоторыхъ истинъ, то онъ обращается къ ихъ помощи. Однако, собираются ли они на соборы, болѣе или менѣе вселенскіе, единые или двухчастные, созываются ли по личнымъ именнымъ приглашеніямъ, по выбору,—созывъ всегда исходитъ отъ императора; онъ даетъ программу и общее направленіе работамъ, а что важнѣе всего—свое утвержденіе его постановленіямъ. Если императоръ, подобно Ѳеодосію, не довѣряя формуламъ, больше полагается на лицъ, то все же онъ опредѣляетъ, съ кѣмъ надлежитъ быть въ общеніи. А на чемъ основывается его рѣшеніе? На его личной оцѣнкѣ положенія. Какъ и всѣ западные христіане, Ѳеодосій былъ никеецъ; воцарившись на Востокѣ, онъ указалъ восточнымъ христіанамъ въ качествѣ образцовъ православія на римскаго и александрійскаго епископовъ. Затѣмъ, лучше познакомившись съ составомъ епископата, онъ убѣдился, что эти авторитеты не такъ вѣски, какъ бы нужно было, и указывалъ на иныхъ.

Императоръ не присваиваетъ себѣ, по теоріи, права низлагать епископа. Это дѣло церкви, которая одна только въ состояніи судить, нарушилъ ли тотъ или другой изъ ея представителей ея

внутреннія правила. Во всѣхъ судебныхъ процессахъ надъ епископами и иными духовными лицами правительство не вмѣшивается, пока дѣло касается церковныхъ обязанностей, и не затрогиваетъ общаго гражданскаго порядка. Если какой-нибудь епископъ проповѣдуетъ ересь, если клирикъ нарушаетъ законъ о безбрачіи (лишь бы не было прелюбодѣянія), то на церковь, а не на государство ложится обязанность принудить его къ исполненію своего долга и налагать на него свои особыя взысканія—низложеніе или отлученіе отъ церкви. Государство вмѣшивается, и то по просьбѣ церкви, только тамъ, гдѣ выполненіе церковнаго постановленія можетъ отразиться на общественномъ порядкѣ. Правительство полицейской силой низлагаетъ, удаляетъ или заключаетъ въ тюрьму того или иного епископа или кандидата, на котораго указываютъ ему или его собственные чиновники или сама епископская власть, основывающаяся на правильно постановленномъ церковномъ приговорѣ.

Такъ обстояло дѣло въ теоріи. Но совершенно ясно, что на практикѣ во взаимныхъ раздорахъ епископовъ и въ слабостяхъ отдѣльныхъ представителей этого званія правительство безъ труда могло найти точку опоры противъ всѣхъ неугодныхъ ему людей. Впрочемъ и общее законодательство давало ему въ случаѣ надобности еще другое оружіе борьбы, въ видѣ законовъ объ оскорбленіи величества и о бунтѣ. Въ общемъ епископъ, въ особенности занимающій видное положеніе, если желалъ жить спокойно, долженъ былъ остерегаться противорѣчить оффиціально установленному ученію и вообще всѣмъ проявленіямъ воли правительства даже въ религіозной области.

Однако не слѣдуетъ идти слишкомъ далеко и приравнивать епископовъ къ чиновникамъ. «Церковная милиція» все же отличалась отъ «свѣтской милиціи» не только по природѣ и достоинству своихъ обязанностей, но и по своему происхожденію. Епископы были и остались избранниками церкви; они рукополагали другъ друга безъ всякаго участія въ томъ государства. На ряду съ іерархіей чиновниковъ, которые всѣ прямо или косвенно получаютъ свою власть по волѣ императора, стоитъ церковная іерархія, которая черпаетъ свою власть въ избраніи. И это избраніе, какъ общее правило, было свободнымъ. Можно, конечно, предполагать, что тамъ, гдѣ правительство было болѣе заинтересовано въ выборѣ лицъ, напримѣръ, въ Антіохіи или Константинополѣ, внушенія со стороны императора помогали избирателямъ опредѣлить

свой выборъ. Но насколько можно судить, въ Римѣ, въ Александріи и въ другихъ мѣстахъ съ рѣшеніемъ избирателей считались [1]). Самое большее, что иногда въ сомнительныхъ случаяхъ, какъ и въ случаяхъ догматическаго разномыслія, правительство вмѣшивалось, чтобы выяснить дѣло, а не для того, чтобы навязать своего кандидата.

То было не малымъ преимуществомъ для церкви. Только въ ея нѣдрахъ еще имѣло силу избирательное начало. Можно даже сказать, что въ лицѣ своихъ соборовъ она управлялась какъ бы общественнымъ мнѣніемъ и имѣла нѣкоторыя черты представительныхъ учрежденій. Внѣ ея, въ гражданской и политической жизни, были только правители и управляемые. Этимъ особеннымъ положеніемъ она была обязана своему основному принципу, характеру независимаго отъ государства частнаго общества, разъ только ею выполнены были всѣ требуемыя закономъ формальности. Государство, допустивъ послѣ долгаго испытанія ея самостоятельное существованіе, не имѣло уже никакого права вмѣшиваться во внутренній порядокъ ея управленія и вынуждено было признать все, что могло быть въ немъ либеральнаго.

Эти два общественныхъ учрежденія, которыя все болѣе и болѣе сводились къ одному и тому же кругу лицъ и отличались лишь по своимъ задачамъ, неизбѣжно должны были вступать другъ съ другомъ все въ болѣе и болѣе частое общеніе, взаимно поддерживать и помогать другъ другу. Столкновеніе между ними казалось безсмыслицей. Возможно было, что государь могъ стать на ложный путь или что епископъ могъ оказать сопротивленіе властямъ, но это были случайности.

Однимъ изъ самыхъ древнихъ и самыхъ выразительныхъ доказательствъ этого согласія между церковью и государствомъ было учрежденіе епископскаго суда въ IV вѣкѣ. Здѣсь, отмѣтимъ сейчасъ же, идетъ рѣчь не о разборѣ споровъ между христіанами, производимомъ епископами или ихъ пресвитерами. Такіе разборы совершались съ самаго возникновенія христіанства: члены первобытныхъ христіанскихъ общинъ, подобно еврейскимъ, любили предоставлять рѣшеніе своихъ дѣлъ своимъ духовнымъ руководителямъ. Такъ продолжалось въ IV вѣкѣ и позже. Подобныя рѣшенія должны были приводиться въ исполненіе по совѣсти, но могли быть подкрѣплены лишь тѣмъ давленіемъ, какое оказывали собственныя церковныя правила. Чтобы получить поддержку со стороны государ-

[1]) Конечно, за нѣкоторыми исключеніями въ эпохи кризиса, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда навязывались проходимцы Григорій, Георгій, Феликсъ, Лукій.

ственныхъ властей, нужно было, чтобы судъ производился по формамъ третейскаго суда съ предварительнымъ соглашеніемъ между тяжущимися. Теперь нужно отмѣтить право, признанное христіанскими императорами за истцомъ, передавать свои гражданскіе споры на епископскій судъ и вызывать къ нему противную сторону, а затѣмъ требовать исполненія рѣшенія безъ всякаго предварительнаго соглашенія съ противникомъ [1]). Прибѣгать къ этому епископскому суду можно было вовсе не только въ спорахъ между христіанами; онъ открытъ былъ для всѣхъ и притомъ во всякій моментъ процесса, даже если дѣло было уже разобрано свѣтскимъ судьей, и тотъ уже приступилъ къ постановленію приговора. Это не былъ апелляціонный судъ, а особое судилище, которое считалось внушающимъ больше довѣрія, чѣмъ обыкновенный судъ, и потому къ нему облегчался доступъ. Епископъ являлся здѣсь третейскимъ судьей; можно было требовать привести его рѣшеніе въ исполненіе государственной властью.

Въ общемъ государство допускало, что епископскій судъ, болѣе честный, менѣе сложный и дорогой, чѣмъ казенный, представлялъ для тяжущихся особыя преимущества, и правительство не колебалось обезпечить имъ эти преимущества. То было весьма почетнымъ для церкви свидѣтельствомъ: да позволятъ намъ подчеркнуть его послѣ разсказа о столькихъ раздорахъ и скандалахъ.

Таково было въ концѣ IV вѣка положеніе церкви по отношенію къ государству. Какъ велика была перемѣна со временъ Діоклитіана! Церковь не только не подвергалась больше преслѣдованіямъ, но напротивъ, государство покровительствовало ей, приспособило ее къ себѣ, она стала почти оффиціальнымъ учрежденіемъ. Чрезъ нее стало дѣйствительностью то религіозное единство, о которомъ мечтали государственные дѣятели. Отнынѣ не зачѣмъ было хлопотать о синкретизмѣ: всѣ религіи были покинуты ради одной, какъ разъ той самой, противъ которой ихъ хотѣли прежде объединить. Поглощенная до извѣстной степени римскимъ государствомъ, церковь въ свою очередь поглощала его, проникала его своимъ ученіемъ, дѣлала изъ него христіанское государство.

Что же выиграло христіанство отъ этого великаго измѣненія въ своемъ внѣшнемъ положеніи? Въ какихъ отношеніяхъ отразилось на евангельской традиціи и на внутренней жизни церкви пріобщеніе къ ней народныхъ массъ и благоволеніе свѣтской власти? Это предстоитъ намъ разсмотрѣть и оцѣнить.

---

[1]) *Cod. Theod.* I, 27, 1; *Const. Sirm.*, 1.

ОГЛАВЛЕНІЕ.